
9(3)
Л55

ИСТОРІЯ НАРОДА РИМСКАГО,

сочиненіе

ТИТА ЛИВІЯ

уроженца Падуи.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

(Книга тридцать девятая—сорокъ пятая. Содержаніе утраченныхъ книгъ отъ сорокъ пятой до сто сороковой и всѣ уцѣлѣвшіе отрывки изъ нихъ).

Перевелъ и издалъ

А. Клевановъ,

Кандидатъ Московскаго Университета и Членъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Хотинскаго (Гороховая № 49).

1867.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Переводъ пятаго тома Тита Ливія начатъ мною въ Январѣ 1865, и оконченъ въ Октябрѣ 1866 года; теперь предлагаю его публикѣ, прося снисхожденія къ могущимъ быть ошибкамъ, неизбѣжнымъ при совершеніи столь громаднаго труда, какъ переводъ Тита Ливія. Я счелъ неизлишнимъ прибавить содержаніе всѣхъ утраченныхъ книгъ Тита Ливія, и даже переводъ тѣхъ немногихъ остатковъ изъ нихъ, которыя для насъ сохранились. Теперь мнѣ остается только внутреннее довольство при мысли, что имя мое въ ученой литературѣ нашей будетъ неразлучно съ именемъ Тита Ливія, какъ *перваго* переводчика его обширнаго и, по справедливости, великаго труда. Не могу не помянуть здѣсь добрымъ словомъ незабвенныхъ наставниковъ моихъ въ дѣлѣ классическаго образованія Московскаго Университета профессоровъ Крюкова, Клина, (*) Гофмана, и знаменитаго ревнителя просвѣщенія, бывшаго, во время моего университетскаго воспитанія, попечителя Московскаго Университета Графа Сергѣя Григорьевича Строгонова, котораго высокое покровительство и благосклонное вниманіе ободряло, и поддерживало меня постоянно на поприщѣ ученой дѣятельности.

А. Клевановъ.

Новоселки.
7-го Октября 1866 года.

(*) *Прим.* Оба умерли, Крюковъ давно, а Клинъ недавно.

КНИГА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

---

1. Между тѣмъ какъ въ Римѣ совершалось (если только именно въ этомъ году) то, что нами описано выше, оба консула вели войну въ землѣ Лигуровъ. Врагъ этотъ, какъ бы отъ природы, назначенъ былъ, въ промежуткѣ значительныхъ войнъ, поддерживать у Римлянъ военную дисциплину; ни одна другая провинція не содѣйствовала болѣе къ развитію у воиновъ доблести. Азія — и городскими веселостями, и обиліемъ произведеній земли и моря, изнѣженностью непріятелей и царскими богатствами скорѣе дѣлала наши войска богаче, чѣмъ храбрѣе. Въ особенности, подъ начальствомъ Кн. Манлія, содержимы были воины небрежно и черезъ чуръ свободно. А потому нѣсколько затруднительный путь во Ѳракіи и болѣе опытный врагъ хорошимъ урокомъ ихъ поучили. А въ землѣ Лигуровъ было все, необходимое для возбужденія дѣятельности воиновъ: мѣстность гористая и дикая, какую и самимъ занять не легко было и еще труднѣе сбросить непріятеля съ нея, если онъ засѣлъ тамъ ранѣе. Дороги крутыя, узкія, гдѣ легко и часто подвергаться нападеніямъ изъ за угла. Непріятель легко поворотливъ, быстръ и появляется вдругъ; отъ него ни въ какое время, и ни въ какомъ мѣстѣ, нельзя было себя считать вполнѣ спокойнымъ или безопаснымъ. Необходимо было брать приступомъ укрѣпленные замки, предпріятіе сопряженное вмѣстѣ и съ трудомъ и съ опасностями. Бѣдность страны пріучала воиновъ къ умѣренности, доставляя немного добычи. А потому за войскомъ не тянулись торгаши (маркитанты), и длинный рядъ вьючныхъ животныхъ не придавалъ военному строю излишняго растяженія, не было ничего кромѣ оружія и людей, полагав-

шихъ всю надежду на оружіе. Да и съ ними никогда не было недостатка ни въ самыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, ни въ предлогѣ къ нимъ: чувствуя постоянно у себя нужду дома, они производили набѣги на сосѣднія поля, но, впрочемъ, никогда не доходило дѣло до рѣшительнаго сраженія.

2. Консулъ К. Фламиній, послѣ многихъ, увѣнчанныхъ успѣхомъ, сраженій съ Фриніатскими Лигурами, принялъ покорность этого народа и отнялъ оружіе. Выдаваемо было оно не чистосердечно и, будучи наказываемы за это, они побросали свои поселки и удалились на гору Авгинъ; консулъ сталъ ихъ немедленно преслѣдовать: они снова пустились бѣжать и, по большей части безоружные, по мѣстамъ мало доступнымъ и крутымъ скаламъ, уходили сломя голову туда, куда за ними гнаться было для ихъ непріятеля невозможно. Такимъ образомъ они ушли на ту сторону Апеннинъ, а остававшіеся въ лагерѣ были осаждены и взяты. Вслѣдъ за тѣмъ легіоны поведены чрезъ Апеннины. Тутъ Лигуры нѣкоторое время находили защиту въ вышинѣ горы ими занятой, но не замедлили покориться. За тѣмъ произведенъ весьма старательный обыскъ оружія и все оно отобрано. Потомъ военныя дѣйствія обращены противъ Апуанскихъ Лигуровъ, производившихъ на земли Пизанскія и Бононскія набѣги столь частые, что обработываніе ихъ сдѣлалось невозможнымъ. По усмиреніи и этихъ Лигуровъ консулъ водворилъ спокойствіе у ихъ сосѣдей. И такъ какъ онъ совершенно умиротворилъ свою провинцію, то, дабы воины не оставались праздными, дорогу изъ Бононіи провелъ въ Аррецій. Другой консулъ М. Емилій поля Лигуровъ и ихъ поселки, находившіеся въ поляхъ или горныхъ долинахъ — а сами Лигуры заняли двѣ горы Балисту и Суисмонтъ — опустошилъ огнемъ и мечемъ. Потомъ онъ приступилъ къ находившимся на горахъ и сначала утомилъ ихъ легкими стычками, наконецъ вынужденныхъ спуститься въ равнину, разбилъ въ правильномъ бою; тутъ то онъ далъ обѣтъ воздвигнуть храмъ Діаны. Покоривъ все по сю сторону Апеннинъ, Емилій аттаковалъ жителей противуположнаго склона (между прочимъ тутъ были и Фриніат-

скіе Лигуры, до которыхъ не касался К. Фламиній) всѣхъ ихъ покорилъ, оружіе отобралъ и съ горъ въ поля свелъ массу населенія. По умиреніи Лигуровъ повелъ онъ войско въ Галльскія земли и дорогу отъ Плаценціи, для соединенія съ Фламиніевой, провелъ въ Ариминъ. Въ послѣднемъ сраженіи съ Лигурами, происшедшемъ въ открытомъ полѣ, онъ далъ обѣтъ воздвигнуть храмъ Юноны Царицы. Вотъ что въ этомъ году совершено въ землѣ Лигуровъ.

3. Въ Галліи М. Фурій преторъ, безъ всякой вины Ценомановъ, въ мирное время отыскивая поводъ къ войнѣ, отнялъ оружіе. На это Ценоманы принесли въ Римъ сенату жалобу; будучи отосланы къ консулу Емилію—ему сенатъ поручилъ изслѣдованіе и постановленіе объ этомъ дѣлѣ—они имѣли большое состязаніе съ преторомъ и выиграли дѣло. Преторъ получилъ приказаніе возвратить оружіе Ценоманамъ и оставить провинцію. Вслѣдъ за тѣмъ созвано собраніе сената для пословъ отъ союзниковъ Латинскаго племени; они явились во множествѣ со всѣхъ сторонъ Лаціума. Вслѣдствіе ихъ жалобы, что огромное число ихъ согражданъ переселилось въ Римъ и записалось тамъ въ цензъ, — поручено претору К. Теренцію Куллеону таковыхъ розыскивать, и о комъ союзники докажутъ, что они, при цензорахъ К. Клавдіѣ и М. Ливіѣ и бывшихъ послѣ нихъ, сами или родители ихъ записаны были у нихъ, заставить возвратиться туда, гдѣ они попали въ списокъ. По этому розысканію двѣнадцать тысячь Латиновъ воротились домой, а уже и тогда множество иноземцовъ становилось въ тягость городу.

4. Прежде чѣмъ консуламъ возвратиться въ Римъ, М. Фульвій проконсулъ воротился изъ Этоліи. Онъ въ храмѣ Аполлона изложилъ передъ сенатомъ свои дѣйствія въ Этоліи и Кефалоніи и просилъ его — счесть за благо, вслѣдствіе его дѣйствій, счастливо и благополучно для отечества совершенныхъ, воздать надлежащія почести богамъ безсмертнымъ, а ему консулу опредѣлить тріумфъ. М. Абурій, трибунъ народный, высказалъ, что онъ не допуститъ что либо рѣшить относительно этого предмета впредь до прибытія консула М. Емилія: «который

имѣетъ противъ этого сказать. Отправляясь въ провинцію, онъ ему трибуну далъ порученіе, чтобы разсужденіе объ этомъ оставалось непочатымъ до его прибытія. Фульвій напрасно тратитъ время, а сенатъ и въ присутствіи консула составитъ опредѣленіе, какое заблагоразсудитъ.» М. Фульвій на это замѣтилъ: «если бы не было достаточно извѣстны всѣмъ—и непріязненныя его съ М. Емиліемъ отношенія и то, съ какою онъ неумѣренностью и произволомъ почти царскимъ, высказываетъ свою вражду; то и тутъ невозможно было бы допустить, чтобы консулъ заочно могъ служить препятствіемъ и къ возданію почести богамъ безсмертнымъ и замедлить должный ему тріумфъ. Полководецъ, честно совершилъ свое дѣло, и побѣдоносное войско съ добычею и плѣнными будетъ стоять передъ воротами города, пока заблагоразсудится консулу, именно потому замедляющему, возвратиться въ Римъ. Впрочемъ, когда непріятности его съ консуломъ до такой степени извѣстны, чего справедливаго можно ждать отъ того человѣка, который украдкою составленный при малочисленности сенаторовъ декретъ, внесъ въ казнохранилище? Опредѣлено: считать Амбракію взятою не силою, а между тѣмъ противъ нея дѣйствовали насыпью и осадными работами, и когда онѣ сдѣлались жертвою огня, то произведены вновь; тамъ вокругъ стѣнъ и по верхъ земли, и въ ея нѣдрахъ сражались въ продолженіи пятнадцати дней; гдѣ съ разсвѣта, когда воины перебрались черезъ стѣны, и до ночи продолжалось долго упорное и нерѣшительное сраженіе, въ которомъ пало болѣе трехъ тысячь непріятелей. Относительно храмовъ боговъ безсмертныхъ, ограбленныхъ при взятіи города, что за клевету внесъ онъ къ первосвященникамъ? Если не находили ничего возмутительнаго въ томъ, чтобы украшать городъ достояніемъ Сиракузъ и другихъ взятыхъ городовъ, почему же къ одной Амбракіи, взятой также точно, не примѣняется право войны? Онъ и умоляетъ сенаторовъ и трибуна проситъ — не допустить его быть игрушкою злѣйшаго недруга».

5. Тутъ всѣ обратились къ трибуну и одни его просили,

а другіе упрекали; особенно сильное впечатлѣніе произвела рѣчь Гракха: «и свою личную непріятность обнаруживать при отправленіи должности не хорошо; а быть трибуну народному орудіемъ чуждой вражды — гнусно и несообразно ни съ достоинствомъ этого коллегія, ни съ священными законами. По своему собственному разсужденію каждый человѣкъ долженъ и любить, и ненавидѣть, а также высказывать свое одобреніе или неодобреніе; а не ставить себя въ зависимость отъ выраженія чужаго лица, или движенія, не волноваться нисколько чувствами другаго; трибуну не слѣдуетъ дѣйствовать за одно съ раздраженнымъ консуломъ или имѣть въ памяти частныя порученія Емилія, забывъ, что онъ санъ трибуна получилъ отъ народа Римскаго и что его назначеніе быть заступникомъ правъ свободы частныхъ лицъ, а не власти консульской, переходящей въ царскую. Не замѣчаетъ-ли онъ того, что вмѣстѣ будетъ передано и памяти людей и потомству, что въ одномъ и томъ же коллегіи, одинъ изъ двухъ трибуновъ народныхъ для общественнаго блага забылъ свою личную вражду, а другой былъ орудіемъ чуждой ему и навязанной». Уступая такимъ упрекамъ, трибунъ вышелъ изъ храма, и, по докладу Сер. Сульпиція, опредѣленъ тріумфъ. Высказавъ свою признательность сенаторамъ, М. Фульвій присовокупилъ: «что онъ далъ обѣтъ отпраздновать большія игры Юпитеру Великому и Всеблагому въ тотъ день, въ который возьметъ Амбракію: на этотъ предметъ города пожертвовали ему сто фунтовъ золота; проситъ, чтобы изъ денегъ, которыя онъ, послѣ несенія въ тріумфѣ, положитъ въ общественную сокровищницу, повелѣли отдѣлить вышеупомянутое количество золота». Сенатъ повелѣлъ спросить совѣта у коллегія первосвященниковъ: все-ли это золото необходимо истратить на игры? Первосвященники отвѣтили, что до религіи не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія—съ какими издержками будутъ совершены игры. Сенатъ предоставилъ Фульвію размѣръ издержекъ, лишь бы только они не превосходили сумму восьмидесяти талантовъ. Фульвій положилъ было имѣть торжественный въѣздъ въ Январѣ мѣсяцѣ, но услыхавъ, что консулъ М. Емилій, получивъ пись-

менное извѣстіе отъ трибуна народнаго М. Абурія объ оставленіи имъ противудѣйствія, собрался ѣхать въ Римъ самъ съ цѣлью воспрепятствовать тріумфу, но на дорогѣ остановился больной, — ускорилъ день тріумфа для того, чтобы не имѣть по поводу тріумфа борьбы болѣе упорной, чѣмъ на войнѣ. — Тріумфовалъ онъ передъ десятымъ днемъ календъ Январскихъ надъ Этолами и Кефалоніею. Передъ его колесницею несли золотыхъ вѣнковъ сто двѣнадцать фунтовъ, серебра—восемьдесятъ три тысячи фунтовъ; золота — двѣсти сорокъ три фунта; тетрадрахмъ Аттическихъ сто восемьнадцать тысячь; Филиппейскихъ монетъ двѣнадцать тысячь четыреста двадцать двѣ; статуй мѣдныхъ — двѣсти восемьдесятъ пять, мраморныхъ — двѣсти тридцать; оружіе какъ оборонительное, такъ и наступательное, и остальную добычу непріятельскую въ большомъ количествѣ. Далѣе: катапулты, баллисты, орудія осадныя всякаго рода; вождей непріятельскихъ, частью Этоловъ, частью Кефалонцевъ, частью царскихъ, оставленныхъ тамъ Антіохомъ, двадцать семь. Въ этотъ день многимъ, еще прежде своего въѣзда въ городъ, М. Фульвій на Фламиніевскомъ циркѣ — трибунамъ, префектамъ, всадникамъ, сотникамъ Римскимъ и союзникамъ раздавалъ военные дары. Воинамъ изъ добычи онъ раздалъ по двадцати пяти динаріевъ, вдвое сотнику и втрое всаднику.

6. Уже приближалось время консульскихъ выборовъ. Такъ какъ на нихъ М. Емилій — ему по жеребью досталась эта забота — поспѣть не могъ, то К. Фламиній прибылъ въ Римъ. Имъ назначены консулы Сп. Постумій Альбинъ, К. Марцій Филиппъ. Вслѣдъ за тѣмъ избраны преторами: Т. Мэній, П. Корнелій Сулла, К. Кальпурній Пизонъ, М. Лициній Лукуллъ, К. Аврелій Скавръ, Л. Квинкцій Криспинъ. Въ концѣ года, когда сановники были уже избраны, Кн. Манлій Вульсо имѣлъ передъ третьимъ днемъ Нонъ Мартовскихъ торжественный въѣздъ (тріумфъ) въ городъ вслѣдствіе побѣды надъ Галлами, живущими въ Азіи. Причиною того, что его тріумфъ случился такъ нескоро было то, какъ бы, въ бытность преторомъ К. Теренція Куллеона, не подпастъ Петилліеву закону и не погибнуть

въ пламени чуждаго приговора, которымъ осужденъ Л. Сципіонъ. Судьи были бы еще непріязненнѣе ему, чѣмъ Сципіону, за то, что онъ, сдѣлавшись его преемникомъ, военную дисциплину, строго Сципіономъ соблюдаемую, по слухамъ развратилъ всякаго рода преступными снисхожденіями. Да ему въ упрекъ ставилось не только то одно, что по разсказамъ дѣлалъ онъ въ провинціи далеко отъ глазъ, но еще болѣе то, что каждый день замѣчалось въ его воинахъ. Дотолѣ чуждой намъ, роскоши проникновеніе въ городъ имѣло свое начало отъ Азіатскаго войска. Тутъ то впервые привезены были въ Римъ ложа, украшенныя мѣдью, дорогія покрывала, занавѣсы и другія тканыя вещи и — въ то время вещи эти считались принадлежностью только самихъ богатыхъ домовъ — столики объ одной ножкѣ и буфеты. Тутъ наслажденія пиршествъ увеличились присутствіемъ пѣвицъ, арфистокъ и разныхъ фокусниковъ. На приготовленіе самихъ пиршествъ стали употреблять гораздо болѣе, чѣмъ прежде, старанія и издержекъ. Поваръ, у людей старинныхъ послѣдній изъ служителей и по цѣнности, и по употребленію, началъ становиться дорогимъ, и прежнее рабское занятіе стало считаться исскусствомъ. Но все то, что тогда было замѣтно, составляло едва зародышъ будущаго господства роскоши.

7. Во время торжественнаго въѣзда своего Кн. Манлій внесъ золотыхъ вѣнковъ, вѣсомъ двѣсти двѣнадцать фунтовъ; серебра вѣсомъ двѣсти двадцать тысячь фунтовъ; золота двѣ тысячи сто три; тетрадрахмъ аттическихъ сто двадцать семь тысячь; цистофоровъ двѣсти пятьдесятъ тысячь; Филиппейскихъ золотыхъ монетъ шестьнадцать тысячь триста двадцать; много Галльскаго оружія и добычи всякаго рода везено было на телѣгахъ. Вождей непріятельскихъ ведено было передъ колесницею пятьдесятъ два. Воинамъ раздалъ по сорокъ два динарія, сотнику—вдвое; кромѣ того пѣхотинцу выдано двойное жалованье, а всаднику тройное. Много воиновъ изъ разныхъ рядовъ, получили военные дары и слѣдовали за колесницею. Воины, привѣтствія главному вождю стихами, высказывали въ такомъ смыслѣ, что безъ труда замѣтно было, что они относились къ начальнику честолюбивому

и снисходительному. Вообще этотъ тріумфъ нравился гораздо болѣе воинамъ, чѣмъ народу. Но друзья Манлія постарались снискать ему расположеніе и этого послѣдняго; по ихъ стараніямъ состоялся сенатскій декретъ о томъ: «чтобы изъ денегъ, несенныхъ во время тріумфа, суммы, пожертвованныя народомъ на жалованье воинамъ и до сихъ поръ не вполнѣ возвращенныя, были выплачены». Городскіе квесторы, съ полнымъ стараніемъ и добросовѣстностью, выплатили по двадцать четыре съ половиною асса на каждую тысячу. Въ тоже время двое военныхъ трибуновъ изъ обѣихъ Испаній прибыли съ письмами К. Атинія и Л. Манлія, начальствовавшихъ въ этихъ провинціяхъ. Изъ этихъ писемъ узнали, что Цельтиберы и Лузитане взялись за оружіе и опустошаютъ поля нашихъ союзниковъ. Объ этомъ предметѣ сужденіе непочатымъ оставилъ сенатъ до имѣющихъ быть вновь избранными сановниковъ. Въ этомъ году, во время празднованія Римскихъ игръ, совершаемаго П. Корнеліемъ Цетегомъ и А. Постуміемъ Альбиномъ, дурно поставленная мачта въ циркѣ упала на статую Полленціи и ее сбросила. Сенаторы, вслѣдствіе этого случая, проникнутые религіозными опасеніями, положили—прибавить одинъ день къ празднованію игръ, поставить двѣ статуи вмѣсто одной и сдѣлать новую позолоченную. Плебейскія игры эдилями К. Семпроніемъ Блезомъ и М. Фуріемъ Лускомъ, даны въ продолженіи одного дня.

8. Въ слѣдующемъ году, Сп. Постумій Альбинъ и К. Марцій Филиппъ, консулы, отъ войска и заботы о войнѣ и провинціяхъ отвлечены были преслѣдованіемъ внутренняго заговора. Преторы по жеребью распредѣлили участки: Т. Мэнію досталось судопроизводство въ городѣ, М. Лицинію Лукуллу разборъ дѣлъ между гражданами и чужестранцами, К. Аврелію Скавру Сардинія, П. Корнелію Суллѣ-Сицилія, Л. Квинцію Криспину Испанія ближняя, К. Кальпурнію Пизону—Испанія дальная. Обоимъ консуламъ опредѣлено изслѣдованіе о тайныхъ заговорахъ. Какой то грекъ изъ самихъ простыхъ прибылъ сначало въ Етрурію; чуждъ онъ былъ всѣхъ тѣхъ искусствъ, которыя,

содѣйствуя развитію и тѣла и духа, во множествѣ введены у насъ образованнѣйшимъ изо всѣхъ народовъ; плохенькой жрецъ и прорицатель, онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые явно совершаемыми религіозными обрядами, снискиваютъ себѣ занятіе и пропитаніе, стараясь подѣйствовать религіознымъ ужасомъ на умы черни, но былъ исполнителемъ священныхъ обрядовъ таинственныхъ и ночныхъ. Сначала допускались весьма немногіе; потомъ въ обществѣ мущинъ и женщинъ сдѣлались извѣстнѣе. Къ религіознымъ побужденіямъ присоединилось дѣйствіе вина и пиршествъ для болѣе успѣшнаго соблазна умовъ. Когда въ винѣ утопалъ разсудокъ и въ ночное время женщины были перемѣшаны съ мущинами, изъ нихъ нѣжныя возрастомъ съ болѣе пожилыми—всякое ощущеніе стыда исчезало. Начался развратъ всякаго рода, такъ какъ каждый имѣлъ подъ руками готовое удовлетвореніе той страсти, къ которой былъ болѣе склоненъ отъ природы. И не одинъ только видъ преступленія: половыя соединенія какъ попало людей благородныхъ и женщинъ, но изъ той же мастерской исходили ложныя свидѣтельства, фальшивыя подписи подъ завѣщаніями и показаніями. Тутъ же дѣйствовалъ и ядъ, и домашнія убійства, такъ что даже нерѣдко и тѣлъ не оставалось для погребенія. Многое совершалось коварствомъ, а еще болѣе насиліемъ. Оно оставалось скрытымъ, такъ какъ отъ завываній, звука цимбаловъ и барабановъ голосъ жертвъ разврата и насильственной смерти, не могъ быть услышанъ.

9. Зараза этого зла, подобно прилипчивой болѣзни, изъ Этрурія проникла въ Римъ. Сначало оно скрывалось въ многолюдствѣ и обширности города, столь благопріятныхъ принятію и развитію подобныхъ болѣзней. Наконецъ консулъ Постумій узналъ о немъ преимущественно слѣдующимъ образомъ. П. Эбуцій, отецъ котораго отправлялъ военную службу на данномъ отъ государства конѣ, остался ребенкомъ; по смерти опекуновъ, воспитывался онъ подъ попечительствомъ матери своей Дуроніи и вотчима Т. Семпронія Рутила. И мать была вполнѣ предана мужу; и онъ, управляя дѣтскимъ имѣніемъ такъ, что ужъ ни

въ какомъ случаѣ не могъ отдать въ немъ отчета, вознамѣрился или извести пасынка, или какою либо связью поставить его отъ себя въ зависимость. Какъ лучшее средство развратить его показались Бакханаліи. Мать стала убѣждать сына: «что во время его болѣзни она дала обѣтъ, какъ только онъ выздоровѣетъ, посвятить его въ таинства Вакха; благосклонностію боговъ присужденная къ обѣту, она желаетъ его исполнить. Въ продолженіи десяти дней надлежитъ ему хранить цѣломудріе, а на другой день послѣ ужина чисто омывъ его, она поведетъ его въ святилище». Въ то время большою извѣстностью пользовалась публичная женщина Гиспала Феценія, достойная лучшаго занятія, чѣмъ торговля тѣломъ; къ нему она привыкла еще бывъ дѣвчонкою служанкою, а впослѣдствіи, и получивъ вольную, снискивала себѣ пропитаніе тѣмъ же. Она была сосѣдкою Эбуція и свыклась съ нимъ; знакомство это не могло имѣть вредныхъ послѣдствій ни для состоянія молодого человѣка, ни для его чести. Гиспала его сама полюбила и волочилась за нимъ, а такъ какъ отъ своихъ родныхъ получалъ онъ самое скудное содержаніе, то и въ средствахъ жизни ему много помогала его знакомая. И до того велика была въ ней сила привычки, а можетъ быть и любви, что послѣ смерти своего патрона, не находясь уже ни отъ кого въ зависимости, она выпросила себѣ у трибуновъ и претора попечителя и, сдѣлавъ духовное завѣщаніе, Эбуція назначила своимъ единственнымъ наслѣдникомъ.

10. При такомъ ручательствѣ взаимнаго расположенія, любовники не имѣли конечно секретовъ другъ отъ друга и шутя молодой человѣкъ говоритъ ей, чтобы она не удивлялась, если онъ нѣсколько ночей проведетъ врозь съ нею: «Дѣлается это для религіи, чтобы освободиться отъ обѣта за его здоровье даннаго—хочетъ онъ быть посвященнымъ въ таинства Вакха». Услыхавъ это, подруга его пришла въ большое смущеніе: «Да сохранятъ тебя боги, сказала она; лучше умереть намъ обоимъ, чѣмъ допустить тебя до такаго поступка! Угрозы и опасности пусть обратятся на голову тѣхъ, которые это при-

совѣтовали». Молодой человѣкъ, удивленный и такими рѣчами, и смущеніемъ подруги, велитъ ей воздержаться отъ проклятій: сама его мать, съ согласія вотчима, приказала ему это. «Ну такъ твой вотчимъ, отвѣтила на это подруга (мать винить можетъ быть и не слѣдуетъ) хочетъ такимъ дѣйствіемъ разомъ погубить твою стыдливость, честь, всѣ надежды и самую жизнь». Когда молодой человѣкъ удивился еще болѣе и допрашивалъ что это значитъ, то его подруга, помолясь предварительно всѣмъ богамъ и богинямъ о мирѣ и прощеніи, если она изъ любви къ своему другу, выскажетъ то, о чемъ слѣдовало бы молчать: «Служанкою она (вотъ слова ея) вмѣстѣ съ своею госпожею входила въ это святилище, а съ тѣхъ поръ какъ свободна и близко къ нему не подходила. Знаетъ только, что это вертепъ всѣхъ возможныхъ беззаконій, и вотъ уже два года какъ достовѣрно извѣстно, что никого туда не посвѣщаютъ старше двадцатилѣтняго возраста. Какъ кто вводится, то какъ жертва передается жрецамъ: отводятъ его въ такое мѣсто, гдѣ кругомъ раздаются завыванія, пѣсни, звуки цимбалъ и барабановъ, для того, чтобы не слышно было жалобнаго голоса, когда онъ дѣлается жертвою позорнаго насилія»! Потомъ она начала умолять и заклинать своего возлюбленнаго, чтобы онъ это дѣло какъ нибудь разстроилъ, и не бросался бы очертя голову туда, гдѣ всякаго рода беззаконія придется сначало терпѣть, а потомъ самому дѣлать. Она отпустила молодаго человѣка не прежде, какъ взявъ съ него слово—что онъ отъ этихъ таинствъ уклонится.

11. По возвращеніи его домой, когда мать стала говорить ему, что изъ относящагося до священнодѣйствій слѣдуетъ наблюсти въ этотъ день, и что въ послѣдующіе, онъ сказалъ, что ничего этого не сдѣлаетъ, да и не хочетъ вовсе быть посвященнымъ въ эти таинства. И вотчимъ присутствовалъ при этомъ разговорѣ. Тотчасъ мать воскликнула: «безъ своей Гипсалы неможетъ онъ обойдтись и десять ночей; этой эхидны ядовитыми приманками до того напитался онъ, что потерялъ всякое уваженіе и къ родительницѣ, и къ вотчиму и самый

страхъ къ богамъ безсмертнымъ». Ругали его съ одной стороны мать, съ другой вотчимъ, наконецъ выгнали его изъ дому съ четырьмя служителями. Молодой человѣкъ ушелъ оттуда къ теткѣ своей Эбуціи и разсказалъ ей, за что его прогнала мать. По ея совѣту онъ на другой день донесъ все консулу Постумію наединѣ безъ свидѣтелей. Консулъ отпустилъ его, приказавъ ему явиться на третій день, а самъ спросилъ Сульпицію, свою тещу, женщину почтенную: «незнаетъ-ли она старуху Эбуцію на Авентинѣ?» Та отвѣчала, что знаетъ ее за женщину честную и старинныхъ нравовъ; тогда онъ сказалъ, что ему необходимо ее видѣть, и чтобы она послала нарочнаго пригласить ее. По приглашенію Эбуція явилась къ Сульпиціѣ, а скоро пришелъ консулъ, какъ бы случайно, и завелъ рѣчь объ Эбуціѣ, сынѣ ея брата. Навернулись слезы на глазахъ у доброй женщины и начала она сожалѣть о несчастной участи молодаго человѣка: обобранный тѣми, отъ кого менѣе всего слѣдовало этого ожидать, находился онъ теперь у ней, прогнанный матерью за то, что честный молодой человѣкъ (да будутъ ему благопріятны боги!) не хотѣлъ быть посвященнымъ, въ сопровождаемыя гнуснымъ развратомъ (такъ по-крайней-мѣрѣ слухъ есть) таинства.

12. Консулъ, полагая, что уже собралъ достаточно справокъ относительно Эбуція и убѣдился, что не пустой онъ выдумщикъ, отпустилъ Эбуцію и просилъ тещу пригласить къ себѣ Гиспалу вольноотпущенницу, также жительницу Авентина, не безъизвѣстную сосѣдямъ, такъ какъ онъ и ее также хочетъ спросить. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Гиспала пришла въ смущеніе; она не понимала причины, зачѣмъ зовутъ ее къ женщинѣ такого извѣстнаго рода и столь уважаемой; увидавъ же въ передней ликторовъ, толпу провожатыхъ консула, а наконецъ и его самаго, почти помертвѣла отъ страха. Отведя ее во внутренніе покои своего дома, и въ присутствіи тещи, консулъ сталъ говорить Гиспалѣ: «нѣчего ей бояться, если только она захочетъ говорить правду; пусть она приметъ завѣреніе о томъ или отъ Сульпиціи, такой почтенной женщины, или и отъ него самаго.

Только пусть она разскажетъ ему, что обыкновенно происходитъ въ рощѣ Стимулы, во время Вакханалій и совершенія ночныхъ таинствъ». Бѣдную женщину, когда она услыхала это, прохватилъ такой сильный страхъ, что она задрожала всѣми членами и долго говорить не могла. Наконецъ нѣсколько успокоенная, она сказала: «еще очень молоденькая служанкою она была посвящена вмѣстѣ съ своею госпожею; въ теченіе же нѣсколькихъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ отпущена на волю, она не знаетъ ничего что тамъ происходитъ». Ужь это самое похвалилъ консулъ, что она не скрываетъ своего участія въ этихъ таинствахъ, но и все прочее пусть она изложитъ съ такою же искренностью. Когда она отговаривалась, что болѣе ничего незнаетъ, то консулъ ей сказалъ: совсѣмъ не то прощеніе и милость послѣдуетъ, если она будетъ уличена другимъ, или если она признается сама: ему, консулу далъ знать обо всемъ тотъ, кто отъ нея слышалъ.

13. Гиспала, легко догадавшись—да и такъ на самомъ дѣлѣ было—что Эбуцій выдалъ ея тайну, упала къ ногамъ Сульпиціи и сперва стала ее умолять: «болтовню женщины свободнаго обращенія съ ея любовникомъ не обращать въ дѣло не только важное, но и, можно сказать, уголовное: говорила она такъ своему пріятелю, чтобы его напугать, а не потому чтобы ей что нибудь было извѣстно». Тутъ Постумій, вспыхнувъ негодованіемъ, сказалъ Гиспалѣ: «также не думаетъ ли она теперь хитрить съ Эбуціемъ, своимъ любовникомъ, и забываетъ, что говоритъ въ домѣ, достойной всякаго уваженія, женщины и съ консуломъ»! Сульпиція стала поднимать оробѣвшую Гиспалу, и вмѣстѣ ее уговаривать и успокоивать раздраженіе зятя. Наконецъ разувѣренная Гиспала много жаловалась на вѣроломство Эбуціи, который такъ ее отблагодарилъ за всѣ ея въ отношеніи къ нему заслуги: «ужь очень страшится она боговъ безсмертныхъ, которыхъ возвѣститъ самыя сокровенныя таинства, а еще много больше людей, такъ какъ они ее за такой доносъ разорвутъ руками на части». А потому она умоляетъ Сульпицію, умоляетъ консула—послать ее куда нибудь подальше внѣ Италіи

въ такое мѣсто, гдѣ она могла бы въ безопасности провесть остатокъ жизни». Консулъ приказываетъ ей не тревожиться; онъ на себя принимаетъ заботу о томъ, чтобы ей возможно было жить въ Римѣ съ полною безопасностью. «Тогда Гиспала разсказала о происхожденіи этихъ таинствъ: «первоначально святилище это было только женское, и никого изъ мущинъ туда не допускали. Въ году было три положенныхъ дня, въ которые днемъ принимаемы были для совершенія таинствъ Вакха. Жречество по очередно принимали на себя женщины. Жрица, изъ Компаніи, Пакула Аннія все это измѣнила, дѣйствуя будто бы по внушенію боговъ. Она первая допустила мущинъ въ число посвѣщенныхъ, а именно сыновей своихъ—Минія и Гереннія Церринній, сдѣлала празднованіе изъ дневнаго ночнымъ и днями для совершенія таинствъ назначила вмѣсто трехъ въ году по пяти каждый мѣсяцъ. Вслѣдствіи чего утратился всякій порядокъ въ священнодѣйствіи: мущины смѣшались съ женщинами присоединился ночной развратъ, и не осталось ни однаго рода преступленія или сладострастія, которое бы здѣсь не совершалось. Болѣе тамъ мущины насилуютъ мущинъ же, чѣмъ женщинъ. Если же которые неслишкомъ терпѣливы къ безчестію, и не обѣщаютъ дѣятельныхъ слугъ преступленія, то ихъ приносятъ вмѣсто жертвъ: ничего не считать запрещеннымъ—вотъ для нихъ высшій законъ. Мущины, какъ бы въ неистовствѣ, изрекаютъ прорицанія съ самыми отчаянными тѣлодвиженіями; а женщины, въ видѣ Вакханокъ съ распущенными волосами бѣгутъ къ Тибру съ зажженными факелами и опустивъ въ воду, вынимаютъ горящими ярко, такъ какъ они составлены изъ негашеной извести съ чистою сѣрою. Восхищенными отъ боговъ на небо называютъ тѣхъ людей, которыхъ, привязанныхъ къ машинѣ, бросаютъ въ открытыя пещеры: это бываетъ съ тѣми несчастными, которыя отказываются или вступить въ сообщество, или общеніе преступленій, или нехотятъ вынести поруганія. Огромное число посвященныхъ составляетъ уже такъ сказать особый народъ: въ числѣ ихъ есть нѣсколько мущинъ и женщинъ изъ лучшихъ семействъ. Не болѣе двухъ лѣтъ какъ по-

ложено не принимать никого въ посвященные старше двадцатилѣтняго возраста; тутъ преимущественно стараются дѣйствовать на слабость возраста и готовность къ преступному наслажденію».

14. Окончивъ свое показаніе, Гиспала упала снова на колѣни и просила куда нибудь ее отослать. Консулъ проситъ тещу очистить какой нибудь уголокъ ея покоевъ, куда могла бы переселиться Гиспала. Небольшая комната на верху отведена ей; ходъ по лѣстницѣ на улицу задѣланъ на глухо, а оставленъ только обращенный внутрь покоевъ. Всѣ вещи Фецении тотчасъ перенесены и прислуга ея призвана; Эбуцію велѣно перебраться къ кліенту консула. Постумій, имѣя въ своей власти обоихъ доносчиковъ, донесъ объ этомъ сенату и изложилъ все порядкомъ какъ сначала ему было донесено, и какъ онъ произвелъ разслѣдованіе. Сенаторами овладѣлъ сильный страхъ, какъ за общественную безопасность, какъ бы эти сходбища и ночныя сборища не условили какого нибудь коварнаго замысла и серьезной опасности; такъ и въ частности каждый боялся за себя, какъ бы отъ близкихъ не ждать себѣ гибели. Впрочемъ сенатъ опредѣлилъ: благодарить консула за то, что онъ—такое дѣло и съ особенною заботливостью, и безо всякой тревоги разслѣдовалъ. Подробное слѣдствіе о Вакханаліяхъ и ночныхъ священнодѣйствіяхъ внѣ очереди поручить консуламъ, озаботиться, какъ бы доносчикамъ Эбуцію и Фецении это дѣло не было во вредъ, и пригласить другихъ денежными наградами къ показаніямъ. Жрецовъ этихъ таинствъ—будутъ ли то мущины или женщины—не только въ Римѣ, но и на всѣхъ базарахъ и сходбищахъ, розыскивать и предоставлять въ распоряженіе консуловъ. Въ городѣ Римѣ объявить эдиктомъ и по всѣмъ городамъ Италии разослать таковые же: «чтобы посвященные въ таинства Вакха не собирались ни тайно, ни явно для совершенія священнодѣйствій, и чтобы таковыхъ не совершали вовсе. А прежде всего чтобы произведенъ былъ розыскъ всѣхъ тѣхъ, которые собирались, и заодно дѣйствовали для совершенія насильственныхъ и преступныхъ дѣйствій. Вотъ что опредѣлилъ сенатъ. Консулы отдали приказаніе эдиламъ курульнымъ розыскать всѣхъ

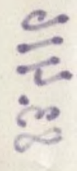
жрецовъ этого богослуженія и схвативъ ихъ держать подъ стражею въ такомъ покоѣ, гдѣ заблагоразсудятъ, впредь до изслѣдованія; эдилямъ плебейскимъ принять мѣры, чтобы не совершаемо было никакихъ тайныхъ священнодѣйствій. Тремъ сановникамъ о дѣлахъ уголовныхъ поручено—разставить по городу караулы и строго наблюдать, чтобы не было ни какихъ ночныхъ сходьбищъ. Для охраненія отъ пожаровъ, на площадь къ тремъ сановникамъ, прибавлено еще пять, и каждый долженъ былъ завѣдывать своею частью города по ту сторону Тибра.

15. Разославъ сановниковъ для исполненія такихъ обязанностей, консулы взошли на Ростры и, созвавъ народное собраніе, прежде всего консулъ прочелъ торжественную молитву, какую обыкновенно произносятъ сановники прежде, чѣмъ говорить къ народу и потомъ началъ такую рѣчь: «Римляне, ни одному еще народному собранію это торжественное воззваніе боговъ не было не только болѣе кстати, но и такъ необходимо: оно вамъ напомнитъ, какихъ именно боговъ чтить, обожать и молить установили ваши предки; а не тѣхъ, которые чуждыми и вредными суевѣріями зараженные умы, какъ неистовыми побужденіями, подстрекаютъ на всякое преступленіе и сладострастіе. Я же теперь не нахожу ни что именно умолчать, ни какъ много высказать. Если что либо останется вамъ неизвѣстнымъ, то какъ бы я не подалъ вамъ повода къ безпечности; если же я все открою, то опасаюсь, какъ бы не встревожить васъ черезъ мѣру. Но чтобы я ни сказалъ, знайте во всякомъ случаѣ, что сказано мало, принимая въ соображеніе чудовищность и важность предмета. Принять же мѣры осторожности, приложимъ мы все стараніе. Что уже давно не только по всей Италіи, но и по городу во многихъ мѣстахъ совершаются вакханаліи—я думаю не только по слуху вызнали, но и, какъ я навѣрное знаю, по ночному шуму и завываніямъ, оглашающимъ весь городъ; впрочемъ, въ чемъ была сущность дѣла, оставалось неизвѣстнымъ: одни полагали, что это какое нибудь богослуженіе своего рода, а другіе, что это дозволенныя потѣхи и игры, и во всякомъ случаѣ, чтобы то нибыло, касается немногихъ. Что же

касается многочисленности лицъ сюда прикосновенныхъ, если скажу, что ихъ многія тысячи, то этимъ конечно приведу васъ въ ужасъ, если не объясню, что эти за люди: во первыхъ, большая часть тутъ женщинъ, и они то источникъ зла, потомъ мущины, нисколько не лучшіе женщинъ, играющіе сначала страдательную, а потомъ дѣятельную роль въ самомъ грусномъ развратѣ, фанатики, проводящіе безсонныя ночи, утратившіе почти сознаніе отъ криковъ и шума ночныхъ. Этотъ заговоръ неимѣетъ еще пока никакихъ существенныхъ силъ, но впрочемъ онѣ ростутъ у него быстро, такъ какъ число заговорщиковъ быстро увеличивается. Предки ваши, да и вы сами не собираетесь вмѣстѣ необдуманно, а только когда, водруженное въ крѣпости, развернутое знамя вызываетъ войско изъ города, по случаю производства выборовъ, или когда трибуны назначаютъ народное собраніе, или кто нибудь изъ сановниковъ зоветъ васъ на сходъ. Вы понимаете, что вездѣ, гдѣ собираются толпы народа, долженъ присутствовать и тотъ, кто по закону имѣетъ право становиться во главѣ его. А каковы же должны быть— вы легко догадаетесь—ночныя сходбища, гдѣ мущины присутствуютъ вмѣстѣ съ женщинами? Если бы вы знали какихъ лѣтъ мущины принимаются въ число посвященныхъ, то вамъ было бы не только жалко, но даже и совѣстно за нихъ. И въ такія таинства посвященныхъ, юношей, Римляне, считаете ли вы достойными быть воинами? Не имъ ли, выведеннымъ изъ гнуснаго вертепа разврата, ввѣрять оружіе? Не они ли, нося на себѣ слѣды и своего собственнаго и чуждаго разврата, будутъ сражаться за честь и скромность женъ вашихъ и дѣтей?

16. Впрочемъ, не такъ было бы еще это важно, будь они только изнѣжены пороками (позоръ этотъ палъ бы въ особенности на нихъ самихъ), удержи они свои руки отъ совершенія преступленій, а разсудокъ отъ коварныхъ замысловъ. Но никогда еще въ нашемъ обществѣ не появлялось такого зла, которое бы касалось столь многихъ и проникало бы повсюду. Все, что въ эти годы совершенно позорныхъ дѣяній, обмановъ, преступленій, знайте, все то вышло изъ этого вертепа. И до сихъ поръ открыты

еще не всѣ злодѣянія, которыя были тамъ задуманы. До сихъ поръ нечестивые заговорщики, не имѣя еще достаточно силъ для нарушенія общественнаго спокойствія, ограничиваются нанесеніемъ вреда частнымъ лицамъ; но зло съ каждымъ днемъ распространяется и принимаетъ все болѣе широкіе размѣры. Уже оно больше, чѣмъ его вмѣстить можетъ частная жизнь; мѣтитъ оно на государственное значеніе. Если, Римляне, не возьмете вы мѣръ предосторожности, то скоро этому денному, законно консуломъ созванному собранію, равное ночное можетъ быть открыто. Теперь заговорщики, каждый по одиначкѣ, боятся васъ вмѣстѣ собравшихся, но когда вы разойдетесь по вашимъ домамъ и хуторамъ, они соберутся и будутъ совѣщаться о своей безопасности и вашей гибели, и тогда всѣ вмѣстѣ они станутъ страшны каждому изъ васъ порознь. А потому каждый изъ васъ долженъ желать, чтобы всѣ наши были люди благонамѣренные. Если кого страсти, безумство увлекли въ эту пропасть, то пусть такого считаютъ уже не нашимъ, но членомъ общества тѣхъ, съ которыми онъ вступилъ въ единомысліе на всякое преступленіе и злодѣйство. Не могу завѣрить, чтобы изъ васъ не было и такихъ, которые попали туда ошибкою. Ничто по истинѣ такъ не сбиваетъ съ толку, какъ ложныя религіозныя убѣжденія. Гдѣ именемъ боговъ прикрывается злодѣйство, умами овладѣваетъ суевѣрный страхъ, какъ бы намъ, воздерживая увлеченія людскія, не нарушить примѣшаннаго сюда божественнаго права. Но отъ такихъ религіозныхъ опасеній освобождаютъ васъ безчисленные декреты первосвященниковъ, сенатскіе декреты, наконецъ отвѣты прорицателей. Сколько разъ, во времена вашихъ дѣдовъ и отцовъ, поручаемо было сановникамъ — запрещать совершеніе чужеземныхъ таинствъ, жрецовъ ихъ и прорицателей изгонять изъ форума, цирка и города, книги такихъ прорицаній собирать и сожигать, всякое жертвоприношеніе, совершаемое не по обычаямъ Римскимъ воспрещать. Люди, изучившіе вполнѣ божественное и человѣческое право, были того убѣжденія, что ничто такъ не содѣйствуетъ разрушенію религія, какъ то, когда она совершается

не по завѣту предковъ, а по чужеземнымъ обычаямъ. Я счелъ нужнымъ все это вамъ сказать предварительно, дабы какое нибудь суевѣріе не овладѣло умами вашими, когда увидите, что мы будемъ искоренять вакханаліи и уничтожать нечестивыя сборища. Все это мы совершимъ, при благословеніи боговъ безсмертныхъ; они съ негодованіемъ видя, что величіе ихъ имени запятнывается преступленіями и позорными страстями, постарались обличить ихъ и извлечь изъ тьмы на свѣтъ божій, и конечно если они открыли, то не съ тѣмъ, чтобы подобныя дѣйствія оставались безнаказанными, а для того чтобы они получили достойное возмездіе и были искоренены. Сенатъ внѣ очереди мнѣ и товарищу моему поручилъ изслѣдованіе объ этомъ, и мы съ энергіею исполнимъ то, что намъ самимъ совершить надлежитъ. Заботу о ночныхъ караулахъ по городу поручили мы второстепеннымъ сановникамъ. Справедливость требуетъ, чтобы и вы также съ своей стороны—обязанности ваши, гдѣ кто въ какомъ мѣстѣ поставленъ будетъ, какое получитъ приказаніе, дѣятельно исполнялъ бы и прилагалъ стараніе, какъ бы вслѣдствіе злоумышленія виновныхъ, не послѣдовало опасности или тревоги.

17. За тѣмъ консулы приказали прочесть сенатскіе декреты и объявили, что назначается награда тому, кто кого либо изъ виновныхъ приведетъ, или донесетъ объ имени, если онъ въ отсутствіе: «если указанный такимъ образомъ убѣжитъ, то назначается ему извѣстный день явки, въ который, если онъ не явится по вызову, то будетъ осужденъ заочно.» Если же будетъ поименованъ кто либо изъ находящихся внѣ Италіи, то ему назначится болѣе отдаленный срокъ, если только онъ пожелаетъ явиться для оправданія». За тѣмъ консулы объявили: «чтобы никто, по случаю бѣгства, ничего не продавалъ и не покупалъ; чтобы никто ничего не принималъ, не скрывалъ и отнюдь ни въ чемъ не помогалъ бѣгущимъ». Собраніе народное распущено; сильный ужасъ господствовалъ во всемъ городѣ и онъ не ограничивался одними стѣнами города и предѣлами Римской области, но по всей Италіи, въ разныхъ

мѣстахъ, распространилась тревога вслѣдствіе полученія писемъ о сенатскомъ декретѣ, о народномъ собраніи и эдиктѣ консуловъ. Многіе въ ночь, послѣдовавшую за тѣмъ днемъ, когда въ народномъ собраніи открылось это дѣло, въ попыткѣ бѣжать—такъ какъ около воротъ поставлены были караулы, схвачены были тріумвирами и возвращены назадъ: многихъ имена указаны доносчиками. Нѣкоторые изъ нихъ, мущины и женщины, причинили сами себѣ смерть. Въ заговорѣ принимали участіе—такъ по-крайней-мѣрѣ былъ слухъ—болѣе семи тысячь мущинъ и женщинъ. Достовѣрно извѣстно было, что во главѣ заговора стояли М. и К. Атиніи, плебеи Римскіе, Фалискъ—Л. Опитерній, и Кампанецъ—Миній Церриній; они были зачинщиками всѣхъ порочныхъ и преступныхъ дѣйствій, великими первосвященниками и основателями этихъ священнодѣйствій. Приложено стараніе, чтобы схватить ихъ какъ можно скорѣе. Они были приведены къ консуламъ, повинились и тѣ не замедлили ихъ предать суду.

18. Впрочемъ такъ много было бѣгущихъ изъ города, что преторы Т. Мэній и М. Лициній, принимая въ соображеніе, что столько гражданъ теряютъ всякое право и путь къ оправданію, при посредствѣ сената, отложили дѣло на тридцать дней, пока слѣдствіе будетъ консулами приведено къ концу. Тотъ же самый недостатокъ подсудимыхъ—такъ какъ въ Римѣ не являлись къ отвѣту, да и не оказывалось на лицо тѣхъ, которыхъ имена указаны были доносчиками — вынудилъ консуловъ отправиться по сосѣднимъ городамъ, розыскивать тамъ и судить виновныхъ. Тѣ, которые были только посвящены и совершали молитвы по священному пѣснопѣнію, повторяя слова за лицомъ священнодѣйствующимъ, въ которыхъ заключался нечестивый обѣтъ на высшую мѣру преступленія и сладострастія, но ничего изъ тѣхъ дѣйствій, на которыя обязались клятвою, не совершили ни сами на себѣ, ни на другихъ, тѣхъ консулы оставляли въ оковахъ; а тѣ, которые причастны были гнусному противуестественному разврату или убійствамъ, которые замѣшаны были въ лжесвидѣтельствахъ, поддѣльныхъ подписяхъ (печатяхъ),

подложныхъ завѣщаніяхъ и другихъ мошенническихъ дѣйствіяхъ, тѣ были присуждаемы къ лишенію жизни. Болѣе было казненныхъ, чѣмъ посаженныхъ въ оковы; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ много было и мущинъ и женщинъ. Осужденныя женщины были передаваемы родственникамъ или тѣмъ отъ кого они зависили, для того чтобы эти лица у себя дома съ ними расправились. При отсутствіи же кого либо годнаго въ исполнители приговора, онъ приводился въ исполненіе публично. Потомъ на консуловъ возложена обязанность—уничтожить всѣ Вакханаліи сначала въ Римѣ, потомъ по всей Италіи, кромѣ если гдѣ издревле существовалъ жертвенникъ или посвященная статуя. Относительно всего прочаго предусмотрѣно такъ сенатскимъ декретомъ: «какъ въ Римѣ, такъ и въ Италіи, Вакханалій вовсе быть не должно. Если же кто-либо сочтетъ такое священнодѣйствіе необходимымъ и важнымъ, и опустить его было бы сопряжено съ религіозными опасеніями и упреками совѣсти, то онъ долженъ заявить объ этомъ городскому претору и тотъ спроситъ сенатъ о мнѣніи: въ случаѣ разрѣшенія послѣдовавшаго въ засѣданіи сената, гдѣ будетъ присутствовать не менѣе ста членовъ, священнодѣйствіе это должно быть совершенно такъ, чтобы при немъ присутствовало не болѣе пяти человѣкъ, чтобы не было никакихъ общественныхъ суммъ, и не участвовало тутъ никакого жреца или священнослужителя».

19. Въ дополненіе къ этому послѣдовалъ другой сенатскій декретъ, по докладу консула К. Марція: «чтобы о тѣхъ, при посредствѣ которыхъ консулы открыли это дѣло—былъ особый докладъ сенату, когда вернется въ Римъ Сп. Постумій, по окончаніи слѣдствія». Опредѣлено: Кампанца, Минія Церринія, отослать въ Ардею въ оковы, а сановникамъ Ардеатскимъ объявить, чтобы они его держали подъ строгимъ карауломъ, такъ чтобы онъ не имѣлъ возможности не только бѣжать, но и причинить самъ себѣ смерть. Немного спустя прибылъ въ Римъ Сп. Постумій; по его докладу относительно награжденія П. Эбуція и Гиспалы Феценіи, такъ какъ при ихъ содѣйствіи открыты Вакханаліи, состоялось сенатское опредѣленіе: «кве-

сторы городскіе должны были выплатить изъ казны и тому и другому по сту тысячъ ассъ. Консулъ долженъ войдти въ сношеніе съ трибунами народными, чтобы они какъ можно поспѣшнѣе предложили народу—П. Эбуція считать отслужившимъ свой срокъ военной службы, не призывать его къ ней иначе какъ буде пожелаетъ, и цензору не навязывать ему общественнаго коня. Феценіи Гиспалѣ предоставлено право вполнѣ распоряжаться своимъ имуществомъ, отдавать его, уменьшать, выходить за мужъ изъ роду вонъ, выбирать попечителя и вообще дѣйствовать такъ, какъ если бы она была замужемъ и послѣ ея мужа осталось завѣщаніе. Во всякомъ случаѣ дозволено ей выйдти замужъ за свободнаго и тому, кто бы на ней ни женился, не должно отнюдь вмѣняться это въ стыдъ или безчестіе. Консулы и преторы, какъ теперешніе, такъ и имѣющіе быть впередъ, должны озаботиться, чтобы этой женщинѣ не было ни какого оскорбленія, и чтобы она была въ полной безопасности. Такъ желаетъ сенатъ и считаетъ справедливымъ, чтобы это было исполнено». Обо всемъ этомъ доложено народу и сенатское опредѣленіе получило отъ него утвержденіе; относительно безопасности другихъ и ихъ награжденія распоряженіе предоставлено консуламъ.

20. Уже К. Марцій, окончивъ слѣдствіе въ своемъ участкѣ, собирался отправиться въ назначенную ему провинцію—Лигурію; онъ получилъ въ пополненіе своихъ войскъ три тысячи пѣшихъ воиновъ, полтораста всадниковъ, пять тысячъ воиновъ латинскаго союза и двѣсти всадниковъ. Та же самая провинція и такое же число пѣшихъ и конныхъ воиновъ предоставлено и его товарищу. Войска приняты тѣ самыя, которыя въ прошломъ году имѣли консулы К. Фламиній и М. Емилій. Кромѣ того имъ приказано набрать два новые легіона вслѣдствіе сенатскаго опредѣленія; союзникамъ латинскимъ велѣно выставить двадцать тысячъ пѣшихъ, тысячу триста всадниковъ, а изъ Римлянъ три тысячи пѣшихъ и двѣсти всадниковъ. Все это войско, кромѣ легіоновъ, положено вести на подкрѣпленіе войску, находившемуся въ Испаніи. Такъ какъ консулы заняты

были пока слѣдствіемъ, то произвести наборъ поручили Т. Менію. По окончаніи слѣдствія, первый К. Марцій выступилъ къ Апуанскимъ Лигурамъ. Такъ какъ онъ погнался за ними внутрь отдаленныхъ ущельевъ, гдѣ постоянно они укрывались и имѣли убѣжище, то и окруженъ былъ непріятелемъ, заранѣе захватившимъ позицію въ мѣстѣ, для него крайне неблагопріятномъ. Потеряно тутъ четыре тысячи воиновъ, и во власть непріятелей попали три значка втораго легіона и одиннадцать знаменъ союзниковъ Латинскаго племени, а также большое количество оружія, потому что бѣгущіе бросали его во многихъ мѣстахъ, какъ служившее помѣхою въ бѣгствѣ по лѣснымъ тропинкамъ. Прежде остановились Лигуры преслѣдовать, чѣмъ Римляне бѣжать. Консулъ, какъ только вырвался изъ непріятельской области, чтобы не замѣтили, на сколько уменьшились его силы, въ замиренныхъ мѣстахъ распустилъ войско. Впрочемъ, не могъ онъ подавить слухъ о неудачныхъ своихъ дѣйствіяхъ и самое ущелье, откуда его прогнали Лигуры, получило наименованіе *Марціева*.

21. Почти вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ изъ земли Лигуровъ, получено и прочитано донесеніе изъ Испаніи, въ которомъ къ пріятнымъ вѣстямъ примѣшивалось и печальное. К. Атиній, за два года передъ тѣмъ посланный преторомъ въ эту провинцію, имѣлъ въ Астенской землѣ съ Лузитанцами правильное сраженіе. До шести тысячъ непріятелей убито; остальные разбиты, обращены въ бѣгство и лишены лагерей. За тѣмъ преторъ повелъ легіоны приступать къ городу Астѣ, который и взятъ съ немного большимъ усиліемъ, чѣмъ лагери; но пропреторъ, неосторожно подойдя къ стѣнамъ, раненъ и черезъ нѣсколько дней умеръ. По прочтеніи донесенія о смерти пропретора, сенатъ опредѣлилъ послать нарочнаго, который бы нагналъ претора К. Кальпурнія у порта Луны и извѣстилъ бы его, что сенатъ считаетъ справедливымъ—ускорить его отъѣздъ, дабы провинція не оставалась безъ главнаго начальника. На другой день посланный прибылъ въ порту Луны, а Кальпурній уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ уѣхалъ. Въ ближней

Испаніи, Л. Манлій Ацидинъ, отправившійся въ провинцію въ одно время съ К. Атиніемъ, сразился съ Цельтиберами. Обѣ стороны разошлись послѣ нерѣшительнаго боя; только Цельтиберы въ слѣдующую же ночь сняли свой лагерь съ прежняго мѣста, и Римляне получили возможность и предать погребенію своихъ, и обобрать добычу непріятельскихъ воиновъ. Нѣсколько дней спустя, собравъ войско еще большее, Цельтиберы у города Калагуриса сами начали наступательный бой съ Римлянами. Не сохранилось никакого извѣстія о томъ, почему при большой численности непріятель сталъ слабѣе силами; онъ побѣжденъ въ сраженіи. До двѣнадцати тысячь непріятелей убито, болѣе двухъ тысячь взято въ плѣнъ и Римляне овладѣли лагеремъ. Не останови дѣятельность побѣдителя преемникъ его своимъ прибытіемъ, Цельтиберы были бы покорены. Оба новыхъ претора отвели войска на зимніе квартиры.

22. Въ то самое время когда получено было такое извѣстіе изъ Испаніи, совершаемы были въ продолженіи двухъ дней Таврійскія игры вслѣдствіе религіозныхъ соображеній. За тѣмъ, въ продолженіи десяти дней, давалъ весьма пышныя игры М. Фульвій; обѣтъ относительно ихъ далъ онъ въ Этолійскую войну; въ честь ему много художниковъ прибыло изъ Греціи. Тутъ въ первый разъ Римлянамъ представлено было зрѣлище боя атлетовъ, и охоты за львами и пантерами. По обилію и разнообразію игры эти могли почти стать наравнѣ съ намъ современными. Потомъ совершено девятидневное священнодѣйствіе по тому случаю, что въ Пиценѣ, въ продолженіи трехъ дней, шелъ каменный дождь и говорили, что во многихъ мѣстахъ небесные огни опалили многихъ слегка, особенно одежду. Прибавлено молебствіе на одинъ день по декрету первосвященниковъ по тому случаю, что молнія коснулась храма Описа въ Капитоліѣ. Принесеніемъ большихъ жертвъ исполнили это консулы, и совершили очищеніе города. Около этого же времени получено извѣстіе изъ Умбріи, что найденъ уже почти двѣнадцати лѣтъ не полный мущина (Гермафродитъ). Смотря на такое чудовищное явленіе съ омерзѣніемъ, сенаторы повелѣли удалить его съ Рим-

скаго поля и предать смерти какъ можно скорѣе. Въ томъ же году Галлы Транзальпинскіе, перейдя въ Венецію безо всякаго опустошенія и военныхъ дѣйствій, недалеко отъ теперешней Аквилеи, заняли мѣсто для постройки города. Послы Римскіе, ѣздившіе по этому дѣлу по ту сторону Альпъ, получили въ отвѣтъ: «что тѣ Галлы отправились въ Италію безъ разрѣшенія правительства и что они тамъ дѣлаютъ, ему неизвѣстно.» — Въ это же время Л. Сципіонъ далъ въ продолженіи десяти дней игры, о которыхъ говорилъ, что обѣтъ данъ во время войны съ Антіохомъ, на деньги, пожертвованныя царями и городами. Валерій Антіатъ утверждаетъ, будто бы Л. Сципіонъ посланъ легатомъ въ Азію послѣ осужденія и продажи имущества — для разбора несогласій, возникшихъ между царями Антіохомъ и Евменомъ. Тутъ то пожертвованы деньги и собраны со всей Азіи художники, и будто бы Сципіонъ, ничего не упомянувъ о тѣхъ играхъ послѣ войны, въ которую далъ относительно ихъ обѣтъ, наконецъ, уже послѣ своего посольства, сталъ о нихъ толковать сенату.

23. Такъ какъ годъ уже оканчивался, то К. Марцію приходилось оставлять должность, находясь въ отсутствіи. Сп. Постумій, окончивъ изслѣдованіе съ величайшими вѣрностью и заботливостью, произвелъ консульскіе выборы; назначены консулами Ап. Клавдій Пульхеръ, М. Семпроній Тудитанъ. На другой день избраны преторами П. Корнелій Цетегъ, А. Постумій Альбинъ, К. Афраній Стелліо, К. Атилій Серранъ, Л. Постумій Темпсанъ, М. Клавдій Марцеллинъ. Въ концѣ года, вслѣдствіе заявленія консула Сп. Постумія о томъ, что объѣзжая, по случаю произведеннаго имъ слѣдствія, и тотъ и другой берегъ Италіи, онъ нашелъ опустѣвшія колоніи — Сипонтъ на верхнемъ, и Буксентъ на нижнемъ морѣ и вслѣдствіе сенатскаго декрета назначены преторомъ Т. Меніемъ три сановника для записки туда поселенцевъ: Л. Скрибоній Либо, М. Туццій, Кн. Бэбій Тамфилъ. Угрожавшая въ то время война съ царемъ Персеемъ и Македонянами не оттуда, откуда многіе думаютъ, и не отъ самаго Персея, имѣла побудительную причину. Все дѣло нача-

лось еще съ Филиппа, и, проживи онъ долѣе, онъ самъ велъ бы эту войну. Одно обстоятельство—когда послѣ пораженія предписывались ему законы—особенно его огорчало, это отнятіе сенатомъ права отомстить тѣмъ Македонянамъ, которые ему измѣнили во время войны. Сначала въ условіяхъ мира Квинкцій оставилъ этотъ вопросъ нерѣшеннымъ и Филиппъ неотчаивался въ возможности добиться того, чего желалъ. Въ послѣдствіи, когда царь Антіохъ потерпѣлъ пораженіе у Өермопилъ, то въ разныхъ мѣстахъ въ одно и тоже время консулъ Ацилій осождалъ Гераклею, а Филиппъ Ламію. По взятіи Гераклеи, получилъ приказаніе отступить отъ стѣнъ Ламіи, и городъ этотъ сдался Римлянамъ; это жестоко оскорбило Филиппа. Смягчилъ гнѣвъ его консулъ тѣмъ, что, спѣша самъ къ Навпакту, куда удалились бѣжавшіе Этолы, дозволилъ Филиппу—начать военные дѣйствія противъ Атаманіи и Аминандра, и города, отнятыя Этолами у Өессалійцевъ, присоединить къ своимъ владѣніямъ. Безъ большой борьбы и Аминандра изгналъ изъ Атаманіи и нѣкоторые города взялъ. И Деметріаду, городъ сильно укрѣпленный и во всѣхъ отношеніяхъ удобный, и народъ Магнетовъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ. Вслѣдъ за тѣмъ, и во Өракіи завладѣлъ нѣкоторыми городами, неумѣвшими пользоваться дарованною вновѣ и непривычною свободою и находившимися въ смятеніи вслѣдствіе не согласій старѣйшинъ, присоединивъ къ себѣ партію, претерпѣвшую пораженіе въ домашнихъ смутахъ.

24. Этимъ на время было успокоено раздраженіе царя противъ Римлянъ. Впрочемъ, онъ ни на минуту не отлагалъ въ умѣ своемъ заботы о собраніи силъ въ мирное время, которыя бы онъ могъ, какъ только представится благопріятный случай, употребить на войну. Доходы царства увеличилъ онъ не только налогами съ сельскихъ произведеній и съ морскихъ пристаней; но и рудники металловъ, оставленные было, сталъ опять разрабатывать и новые открылъ въ многихъ мѣстахъ. А чтобы пополнить прежнее количество подданныхъ, уменьшившееся вслѣдствіе потерь военныхъ, не только подготовлялъ молодое поколѣніе,

принуждая всѣхъ имѣть дѣтей и воспитывать ихъ, но и большое количество Ѳраковъ перевелъ въ Македонію. Нѣсколько поуспокоясь отъ войнъ, все стараніе приложилъ къ увеличенію силъ царства.—Явились вновь причины, вызвавшія свѣжее раздраженіе противъ Римлянъ. Жалобы Ѳессаловъ и Перребовъ на то, что онъ, Филиппъ, завладѣлъ ихъ городами, и пословъ Евмена царя относительно занятыхъ силою Ѳракійскихъ городовъ и перевода многихъ жителей въ Македонію, были такъ выслушаны (Римлянами), что ясно было ихъ желаніе неоставить ихъ безъ вниманія. Особенно подѣйствовалъ на сенатъ дошедшій до него слухъ, будто Филиппъ добивается уже владычества надъ Еномъ и Маронеею; а къ дѣлу Ѳессаловъ сенатъ оставался болѣе равнодушнымъ. Пришли также послы Атамановъ; они жаловались не на утрату части своей области, не на ущербъ своихъ предѣловъ, но на то что вся Атаманія попала подъ владычество царя. Явились изгнанники Маронитовъ (изгнанію они подверглись вслѣдствіе того, что защищали свою свободу отъ царскаго войска) они то принесли извѣстіе, что не только Маронея, но и Энъ находятся во власти Филиппа. Явились и отъ царя послы для его оправданія; они утверждали, что все совершившееся сдѣлалось не иначе, какъ съ позволенія Римскихъ военачальниковъ. Города Ѳессаловъ, Перребовъ и Магнетовъ, и народъ Атаманскій, вмѣстѣ съ Аминандромъ, находились на той же сторонѣ, что и Этолы. Послѣ пораженія царя Антіоха консулъ, будучи занятъ завоеваніемъ Этолійскихъ городовъ, покореніе тѣхъ предоставилъ Филиппу; они повинуются, уступивъ силѣ оружія». Сенатъ, дабы не постановлять никакого рѣшенія въ отсутствіи царя отправилъ пословъ для разбора этихъ споровъ: К. Цецилія Метелла, М. Бэбія Тамфила, Ти. Семпронія: къ времени ихъ прибытія у Ѳессалійскаго Темпе назначенъ съѣздъ представителямъ всѣхъ тѣхъ городовъ, у которыхъ были недоразумѣнія съ царемъ.

25. Тутъ Римскіе послы заняли мѣста судей; Ѳессалы, Перребы, Атаманы были явными обвинителями, а Филиппъ, какъ подсудимый, долженъ былъ выслушать обвиненія. Каждый изъ

тѣхъ лицъ, которыя стояли въ главѣ посольствъ, дѣйствовалъ рѣзче, или снисходительнѣе сообразно своему личному характеру и чувству расположенія или ненависти къ Филиппу. Предметомъ спора были: Филиппополисъ, Трикка, Фалорія и Евримены и прочіе вокругъ нихъ города: принадлежали ли они Ѳессалійцамъ по праву, а захвачены и перешли во владѣніе Этоловъ силою (а что Филиппъ отнялъ ихъ у Этоловъ, то не было подвержено сомнѣнію) или эти города составляли издревле собственность Этоловъ. «И самъ Ацилій уступилъ эти города царю на томъ условіи—буде они собственность Этоловъ, и если они дѣйствовали за одно съ этими послѣдними по собственному побужденію, а не вынужденные силою». Точно такого же рода разбирательство было о городахъ Перребовъ и Магнетовъ. Своимъ временнымъ владычествомъ Этолы внесли замѣшательство во всѣ права. Къ этимъ предметамъ разбирательства присоединились жалобы Ѳессаловъ на то: «что если даже эти города и будутъ имъ возвращены, то не иначе царь ихъ отдастъ, какъ ограбленные и разоренные. Несчитая потери отъ разныхъ случайностей войны, онъ увелъ въ Македонію пятьсотъ лучшихъ молодыхъ людей и пользуется ихъ трудами на самыя рабскія занятія. Вообще онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы если и прійдется возвратить Ѳессалійцамъ вынужденно ихъ собственность, она сдѣлалась для нихъ вовсе безполезна. У Ѳивъ былъ одинъ морской портъ—Фтія, нѣкогда для Ѳессалійцевъ весьма полезный и доходный. Собравъ оттуда всѣ транспортныя суда съ тѣмъ, чтобы они направляли путь мимо Ѳивъ къ Деметріадѣ—и всю морскую торговлю отвлекъ туда. Уже онъ не воздерживается и отъ насилій посламъ, которыхъ личность по народному праву считается священною: онъ поставилъ засаду посламъ ихъ, когда они отправлялись къ Т. Квинкцію. А потому всѣ Ѳессалы повержены въ такой страхъ, что не только по городамъ отдѣльно, но и на общихъ сеймахъ народныхъ никто рта разинуть не смѣетъ. Римляне, которымъ они одолжены свободою, далеко, а вовсе съ боку привязался сильный властитель, недопускающій ихъ пользоваться благодѣяніемъ Римлянъ. Но что же за сво-

бода, если и высказать свободно ничего нельзя? Теперь только въ надеждѣ на пословъ и ихъ защиту, вырываются ихъ жалобы скорѣе стонами, чѣмъ словами. Если Римляне не примутъ какихъ либо мѣръ для уменьшенія съ одной стороны опасеній Грековъ отъ сосѣднихъ Македонянъ, съ другой дерзости Филиппа, то не будетъ никакой пользы изъ того, что онъ побѣжденъ, а имъ дарована свобода. На него, какъ на упрямаго коня не слушающаго узды, надобно дѣйствовать болѣе строгими средствами.» Такъ рѣзко говорили послѣдніе, а тѣ, которые говорили до нихъ, старались успокоить раздраженіе Филиппа и просили—«простить ихъ, что они говорятъ за свою свободу; пусть онъ, отложивъ суровое обращеніе властителя, будетъ ихъ союзникомъ и другомъ, и возьметъ примѣръ съ Римлянъ, которые ласково, а не страхомъ, хотятъ привязать къ себѣ союзниковъ». По выслушаніи Ѳессаловъ, Перребы толковали, что Гоннокондилъ, Филиппомъ названный Олимпіадою, принадлежалъ къ Перребіи, и просили его возвратить имъ. Такое же требованіе было относительно Маллеи и Ерицинія. Атаманы просили свободы и возвращенія укрѣпленныхъ мѣстъ Атенея и Петнея.

26. Желая и самъ лучше играть роль обвинителя, чѣмъ подсудимаго, Филиппъ началъ съ жалобъ: Менелаиду въ Долопіи, принадлежавшую къ его царству, Ѳессалы отняли силою оружія, также Петра въ Піеріи захвачена тѣми же Ѳессалами и Перребами. Да и Ксиніасъ, городъ безспорно Эголійскій, они присвоили себѣ; также и Парахелоиду, городъ принадлежащій къ Атаманіи, безо всякаго правомѣрнаго основанія, сдѣлался собственностью Ѳессалійцевъ. А что же касается съ взводимыхъ на него обвиненій въ устроенныхъ пословъ засадахъ, и въ запущеніи или процвѣтаніи морскихъ портовъ, то послѣднее смѣшно — отдавать отчетъ въ томъ, какой портъ больше посѣщаютъ купцы или моряки—а первое вовсе противорѣчитъ его характеру. Ужъ сколько лѣтъ послы никогда не перестаютъ являться съ обвиненіями на него то къ Римскимъ военачальникамъ, то въ Римъ къ сенату; но противъ кого же

онъ когда нибудь, хоть на словахъ, употребилъ насиліе? Говорятъ, будто бы онъ разъ посламъ, отправлявшимся къ Квинкцію, устроилъ засаду, но случилось-ли что съ ними — не присовокупляютъ. Такого рода обвиненія понятны со стороны людей, явившихся съ жалобами и, за неимѣніемъ сказать что либо основательное, вынужденныхъ прибѣгать къ выдумкамъ. Дерзско и неумѣренно пользуются Ѳессалы снисходительностью народа Римскаго: какъ послѣ долговременной жажды припавъ къ источнику свободы, они опились его. А потому они, по примѣру рабовъ, получившихъ вольность вдругъ и совершенно неожиданно, предаются всевозможнымъ излишествамъ слова и языка, на перерывъ другъ передъ другомъ стараясь отличиться ругательствами и преслѣдованіемъ своихъ бывшихъ господъ. Тутъ, подъ вліяніемъ раздраженія, онъ прибавилъ: «да вѣдь не навсегда закатилось солнце, будутъ еще дни впередъ!» Что это было сказано, не только Ѳессалійцы приняли на свой счетъ, но и Римляне на свой. Когда же послѣ этихъ словъ раздавшійся ропотъ наконецъ утихъ, царь далъ отвѣтъ посламъ Перребовъ и Атамановъ: «дѣло городовъ, о которыхъ они толкуютъ, представляется въ томъ же самомъ видѣ. Консулъ Ацилій и Римляне дали ему ихъ, когда они были собственностью непріятелей. Если тѣ, которые дали подарокъ, и захотятъ его отнять, то онъ знаетъ очень хорошо, что надобно уступить; но Римляне оскорбятъ своего лучшаго и вѣрнѣйшаго друга въ угоду союзникамъ легкомысленнымъ и безполезнымъ. Никакого благодѣянія память не забывается такъ скоро, какъ память дарованной вольности, а особенно со стороны людей, которые дурно пользуясь ею обратятъ ее же во зло.» Уяснивъ себя обстоятельства дѣла, послы Римскіе объявили: «полагаютъ они необходимымъ вывести гарнизоны Македонянъ изъ тѣхъ городовъ, и царство Македонское ограничить его прежними предѣлами. Относительно обидъ, на нанесеніе которыхъ и съ той и съ другой стороны послѣдовали жалобы, относительно способа ихъ разбирательства между этими народами и Македонянами, необходимо постановить особыя судебныя правила.

27. Нанеся такимъ рѣшеніемъ жестокое оскорбленіе царю, Римскіе послы отправились въ Θессалонику—произвесть дознаніе о городахъ Θракіи. Тутъ послы Евмена сказали слѣдующее: «буде Римляне желаютъ, чтобы Энъ и Маронея были свободны, то ему совѣстно замѣтить на это что либо кромѣ внушенія имъ, оставить ихъ свободными на дѣлѣ, а не на словахъ, и недопускать, чтобы ихъ даръ перехватывалъ кто либо другой. Если же ихъ заботливость относительно городовъ Θракійскихъ не простирается такъ далеко, то справедливѣе будетъ изъ принадлежавшаго Антіоху попользоваться военною добычею Евмену, чѣмъ Филиппу; какъ вслѣдствіе заслугъ его (Евменова) отца Аттала на войнѣ, веденной народомъ Римскимъ противъ этого самаго Филиппа, такъ и его собственныхъ, что онъ, Евменъ, во время войны съ Антіохомъ на сушѣ и на морѣ принималъ участіе во всѣхъ трудахъ и опасностяхъ. Притомъ въ этомъ вопросѣ можетъ онъ сослаться на предрѣшеніе десяти Римскихъ уполномоченныхъ. Они, давая ему, Евмену, Херсонесъ и Лизимахію, конечно вмѣстѣ съ тѣмъ дали Маронею и Энъ, такъ какъ эти города, по самой близости своей, составляютъ необходимое прибавленіе главнаго дара. А Филиппъ, на основаніи какой услуги народу Римскому и по какому праву власти— въ городахъ, столь отъ предѣловъ Македоніи отдаленныхъ, поставилъ свои гарнизоны? Пусть прикажутъ позвать Маронитовъ. Отъ нихъ они вѣрнѣе узнаютъ о положеніи этихъ городовъ». Послы Маронитовъ, будучи призваны, сказали: «не одного только города, какъ то бываетъ относительно другихъ, царскій гарнизонъ находится у нихъ, но развѣ многихъ въ одно и тоже время, и Маронея переполнена Македонянъ. А потому вездѣ господствуютъ царскіе сторонники: они одни имѣютъ право говорить и въ сенатѣ, и въ народныхъ собраніяхъ; они всѣ почетныя мѣста и сами захватили и роздаютъ другимъ. Лучшіе же граждане, которымъ дороги вольность, исполненіе законовъ, или находятся въ ссылкѣ, будучи изгнаны изъ отечества, или вынуждены молчать, находясь въ законѣ и подчиненіи у людей, которые ихъ не стоятъ». О погранич-

номъ правѣ сказали вкратцѣ: «К. Фабей Лабеонъ, въ бытность свою въ тѣхъ краяхъ, назначилъ границею Филиппу старинную царскую дорогу, которая, окаймляя пригорье Ѳракійское, нигдѣ къ морю несклоняется. А Филиппъ въ послѣдствіи провелъ новую дорогу, которою и захватилъ города и земли Маронитовъ».

28. Въ отвѣтѣ своемъ на это, Филиппъ взялся совершенно за другой способъ разсужденія, чѣмъ относительно Ѳессаловъ и Перребовъ. Онъ сказалъ слѣдующее: «споръ у меня не съ Маронитами и не съ Евменомъ, но съ вами, Римляне; и уже давно замѣчаю, что мнѣ отъ васъ справедливости ждать нѣчего. Я считалъ справедливымъ, чтобы мнѣ были возвращены города Македонянъ, отпавшіе отъ меня во время перемирія, не потому чтобы это было существеннымъ прибавленіемъ къ моему царству—города эти и сами по себя невелики и находятся на границахъ царства—но этотъ примѣръ былъ бы мнѣ важенъ для удержанія прочихъ Македонянъ. Мнѣ въ этомъ отказано. Во время войны съ Этолами я получилъ отъ консула М. Ацилія приказаніе — осаждать Ламію, и когда я, потративъ много и крови, и труда (моихъ войновъ) готовился перейдти стѣны, консулъ уже отъ взятаго почти города меня отозвалъ и принудилъ увести мои войска оттуда. Въ утѣшеніе за эту обиду получилъ я позволеніе взять въ землѣ Тессаловъ, въ Перребіи и у Атамановъ нѣкоторыя, скорѣе укрѣпленія, чѣмъ города. Но и ихъ самихъ вы, К. Цецилій, нѣсколько дней тому назадъ отняли. Еще недавно, вслѣдствіе попущенія боговъ безсмертныхъ, послы Евмена высказывали какъ истину, сомнѣнію не подлежащую, что Евмену должно принадлежать все, что было прежде собственностью Антіоха; что Евменъ въ этомъ отношеніи имѣетъ гораздо болѣе правъ, чѣмъ я. Но я объ этомъ думаю совсѣмъ иначе. Евменъ не только не могъ оставаться въ своемъ царствѣ, если бы не побѣдили Римляне, но и если бы войну не вели; слѣдовательно, онъ получилъ отъ васъ одолженіе, а не вы отъ него. Что же касается до моего царства, то не только никакая его часть не

подвергалась какой либо опасности, но и я съ пренебреженіемъ отвергъ три тысячи талантовъ и пятьдесятъ крытыхъ (палубныхъ) судовъ, которыя мнѣ Антіохъ предлагалъ самъ въ вознагражденіе союза съ нимъ. Но я высказался ему враждебно много ранѣе, чѣмъ М. Ацилій переправился съ войскомъ въ Грецію, и съ этимъ консуломъ я велъ тотъ отдѣлъ войны, который былъ мнѣ порученъ. Послѣдовавшему за нимъ консулу Л. Сципіону, когда онъ положилъ—войска къ Геллеспонту вести сухимъ путемъ, не только далъ путь по своему царству, но и исправилъ дороги, устроилъ мосты, доставилъ припасы, и не по одной Македоніи, но и по Ѳракіи, гдѣ между прочимъ надобно было обезопасить и миръ со стороны дикарей. За такія мои въ отношеніи къ вамъ, Римляне, заботы не слѣдовало-ли бы вамъ прибавить что нибудь, а щедростью вашею усилить и возвеличить царство мое, а не отнимать того, что мнѣ уже принадлежитъ по праву собственности, или подарено вами? А это то именно вы и дѣлаете: Македонскіе города, о которыхъ вы сами сознаетесь, что они были частью моего царства, мнѣ не возвращаете. Евменъ пришелъ обирать меня какъ Антіоха. И, если боги попустятъ, взводитъ онъ пребезсовѣстную ложь на десять уполномоченныхъ; тутъ то онъ въ особенности можетъ быть опровергнутъ и уличенъ. Самымъ яснымъ и точнымъ образомъ въ томъ договорѣ написано: что Херсонесъ и Лизимахія отдаются Евмену. Но гдѣ же наконецъ приписаны Энъ, Маронея и города Ѳракіи? Тогда онъ не смѣлъ даже высказать на нихъ притязаній, неужели теперь получитъ ихъ отъ васъ, какъ будто уже тогда данные? Если съ вашей стороны предположено преслѣдовать меня, какъ явнаго вашего врага и недоброжелателя, то продолжайте дѣйствовать, какъ вы начали, но если только вы имѣете сколько нибудь уваженія ко мнѣ, какъ къ царю союзному и дружественному, то умоляю, не дѣлайте меня жертвою такого оскорбленія.

29. Эта рѣчь царя произвела нѣкоторое впечатлѣніе на умы уполномоченныхъ римскихъ, а потому они двусмысленнымъ отвѣтомъ оставили дѣло нерѣшеннымъ: «если дѣйствительно де-

кретомъ уполномоченныхъ города эти отданы Евмену, то они оставляютъ это безъ перемѣны. Буде же Филиппъ завладѣлъ ими на войнѣ, то пусть и удержитъ ихъ, по военному праву, какъ награду побѣды. Если же ни то, ни другое не будетъ доказано, то они считаютъ за лучшее—рѣшеніе этого дѣла предоставить сенату, а для того, чтобы дѣло это оставалось до того времени въ первоначальномъ видѣ, признаютъ они необходимымъ вывести оттуда гарнизонъ.» Вотъ въ чемъ заключались причины, которыя болѣе всего содѣйствовали къ удаленію Филиппа отъ Римлянъ; и такимъ образомъ обнаруживается, что война не начата Персеемъ по какимъ либо новымъ причинамъ, но скорѣе получена имъ какъ наслѣдіе отъ отца; а въ Римѣ и не подозрѣвали возможности войны съ Македоніею. Проконсулъ Л. Манлій воротился изъ Испаніи. Онъ у сената, собравшагося въ храмѣ Беллоны, требовалъ тріумфа за свои дѣянія и принимая въ соображеніе ихъ—слѣдовало дать, хотя и не было примѣра. Обычаемъ предковъ нашихъ было установлено—не давать никому почестей тріумфа иначе, какъ если онъ съ собою приведетъ войско, или передастъ своему преемнику провинцію, окончательно покоренною и замиренною. Манлію оказана почесть посредствующая — войдти въ городъ съ почестями оваціи. Внесъ: вѣнковъ золотыхъ пятьдесятъ два; кромѣ того золота сто тридцать два фунта; серебра—шестнадцать тысячь триста фунтовъ, и объявилъ въ сенатѣ, что квесторъ К. Фабій привезетъ еще десять тысячь фунтовъ серебра и восемьдесятъ золота, и это онъ внесетъ въ казнохранилище. Въ этомъ году въ Апуліи произошло большое волненіе между рабами. Преторъ Л. Постумій имѣлъ провинцію Тарентъ; онъ произвелъ строгое изслѣдованіе о заговорѣ пастуховъ, которые по дорогамъ и общественнымъ пастбищамъ занимались грабежемъ. До семи тысячь человѣкъ подверглось осужденію; многіе оттуда убѣжали, а многіе казнены. Консулы, долго удержанные у города наборами, наконецъ отправились въ свои провинціи.

30. Въ томъ же году, въ Испаніи, преторы К. Кальпурній

и Л. Квинкцій съ первымъ наступленіемъ весны, вывели войска съ зимнихъ квартиръ и соединили ихъ въ Бетуріи. Они выступили въ Карпетанію, гдѣ находился лагерь непріятелей, будучи готовы съ общаго совѣта и разсужденія вести дѣло. Не подалеку отъ городовъ Гиппона и Толета произошла стычка фуражировъ. Имъ изъ лагерей съ обѣихъ сторонъ подавали помощь, и мало по малу всѣ силы выведены на поле битвы. Въ этомъ безпорядочномъ (на скорую руку) сраженіи и мѣстность и родъ битвы были въ пользу непріятелей. Два войска римскихъ разбиты и прогнаты въ лагерь; непріятель не преслѣдовалъ по пятамъ бѣгущихъ. Преторы Римскіе во избѣжаніе приступа къ лагерю — на слѣдующій день, въ эту же ночь, въ глубокой тишинѣ вывели войско. На разсвѣтѣ Испанцы въ боевомъ порядкѣ подошли къ окопамъ и неожиданно найдя лагерь пустымъ, вошли въ него и разграбили то, что было въ ночной суматохѣ оставлено Римлянами; вернувшись оттуда въ свой лагерь, непріятель нѣсколько дней провелъ спокойно. Римлянъ и союзниковъ во время сраженія и бѣгства, убито до пяти тысячь; ограбивъ ихъ оружіе, непріятель взялъ себѣ; оттуда онъ выступилъ къ рѣкѣ Тагу. Между тѣмъ преторы Римскіе все это время провели, призывая вспоможенія изъ союзныхъ имъ городовъ Испаніи; старались они также ободрять своихъ воиновъ, объятыхъ ужасомъ вслѣдствіе пораженія. Когда силъ было уже повидимому достаточно собрано и воины, горя нетерпѣніемъ загладить понесенное безчестіе, требовали непріятеля, Римскіе вожди стали лагеремъ въ двѣнадцати миляхъ отъ рѣки Тага. Оттуда, въ третью перемѣну ночныхъ карауловъ, взявъ значки, войско, построенное въ видѣ четырехугольника, на разсвѣтѣ, пришло къ берегу р. Тага; на той сторонѣ рѣки на холмѣ находился лагерь непріятельскій. Тотчасъ, гдѣ въ двухъ мѣстахъ означались на рѣкѣ броды: на правой сторонѣ Кальпурній, на лѣвой Квинкцій — перевели войско. Непріятель оставался въ покоѣ, удивленный нечаяннымъ прибытіемъ, и занимался совѣщаніями, тогда какъ онъ могъ вкинуть смятеніе въ Римскіе ряды, пока они переправля-

лись въ тревогѣ. Между тѣмъ Римляне, переведя всѣ обозы и собравъ ихъ въ одно мѣсто, видя, что непріятель началъ уже двигаться и мѣстность не позволяла укрѣпить лагерь, стали строиться въ боевомъ порядкѣ. Въ срединѣ поставлены были пятый легіонъ Кальпурнія и восьмой Квинкція; тутъ заключалась главная сила войска; открытое поле простиралось до лагеря непріятельскаго, и нѣчего было опасаться засадъ.

31. Испанцы, видя два войска Римскихъ уже на этомъ берегу, съ цѣлью занять ихъ, прежде чѣмъ они соединятся и устроятся, оставивъ вдругъ лагерь, бѣгомъ устремились на битву; сначала она была упорная: Испанцы вслѣдствіе недавней побѣды дѣйствовали смѣлѣе, а воины Римскіе—подъ вліяніемъ раздраженія отъ позора, для нихъ непривычнаго. Особенно храбро сражались, находившіеся въ центрѣ, два самыхъ твердыхъ легіона. Непріятель, видя, что иначе ихъ сдвинуть съ мѣста не можетъ, задумалъ дѣйствовать клинообразно, и большою, (относительно числительности) и сплошною массою тѣснилъ центръ. Когда преторъ Кальпурній замѣтилъ затруднительное положеніе, находившихся тамъ, воиновъ — тотчасъ же послалъ своихъ помощниковъ (легатовъ), Т. Квинктилія Вара и Л. Ювентія Тальну, къ тому и другому легіону ободрять воиновъ. Онъ приказываетъ говорить воинамъ и внушать: «въ нихъ вся надежда побѣдить и удержать Испаніи. Если только они тутъ уступятъ, то никто изъ этого войска не увидитъ никогда не только Италіи, но и противоположнаго берега Тага». А самъ съ всадниками двухъ легіоновъ, обогнувъ небольшой полукругъ, врѣзался съ боку въ клинообразно расположеннаго непріятеля, тѣснившаго центръ. Квинкцій съ своими всадниками аттаковалъ другой флангъ непріятеля, но гораздо отчаяннѣе сражались всадники Кальпурнія, и самъ преторъ болѣе всѣхъ: онъ первый сталъ поражать непріятелей и до того вмѣшался въ средину сражавшихся, что трудно было рѣшить—къ чьей сторонѣ онъ принадлежитъ. Всадники воодушевлены были примѣромъ геройскаго самоотверженія вождя, а за всадниками послѣдовала пѣхота. Совѣстно стало передовымъ сотникамъ,

когда они увидали претора среди вооруженныхъ непріятелей; вслѣдствіе этого каждый сталъ понуждать отъ себя значконосцевъ—нести впередъ значки, и воиновъ слѣдовать тотчасъ за ними. Отовсюду раздались новые крики, и натискъ былъ такъ силенъ, какъ-бы съ возвышеннаго мѣста; а потому совершенно на подобіе горнаго потока, они ломаютъ и уносятъ озадаченныхъ непріятелей и сами удержаться не могутъ, напираемые послѣдующими рядами. За бѣгущимъ въ лагерь непріятелемъ погналась конница и, перемѣшавшись рядами съ непріятельскими, проникла за окопы. Тутъ оказали свѣжее сопротивленіе воины, оставленные для обороны лагеря, и Римскіе всадники вынуждены были спѣшиться. Пока они сражались, подоспѣлъ пятый легіонъ и потомъ приливали и остальныя силы, какъ только поспѣвали. Повсюду въ разныхъ мѣстахъ лагеря падали Испанцы; изъ нихъ убѣжало не болѣе четырехъ тысячь человѣкъ. Изъ этого числа около трехъ тысячь, у которыхъ оставалось оружіе, заняли ближайшую гору, а человѣкъ съ тысячу вооруженныхъ разбрелись большею частью по полямъ. Всѣхъ непріятелей было болѣе тридцати пяти тысячь, и изъ нихъ то осталось отъ пораженія такое незначительное количество. Значковъ взято сто тридцать три. Римлянъ и союзниковъ пало не много болѣе шестисотъ, и около ста пятидесяти человѣкъ изъ мѣстныхъ провинціальныхъ вспомогательныхъ войскъ. Военныхъ трибуновъ потеряно пять и немного всадниковъ Римскихъ, что и придало побѣдѣ видъ кровопролитной (стоившей дорого). Римляне и остались въ лагерѣ непріятельскомъ, такъ какъ для нихъ не было возможности укрѣпить свой. На другой день, передъ собраніемъ воиновъ К. Кальпурній осыпалъ похвалами всадниковъ и дарилъ ихъ чапраками; онъ объявилъ, что преимущественно ихъ усиліямъ онъ обязанъ пораженіемъ непріятеля, и взятіемъ его лагеря. Квинкцій, другой преторъ, дарилъ своихъ всадниковъ цѣпями и застежками. Весьма многіе сотники и того и другаго войска получили подарки, а преимущественно тѣ, которые находились въ центрѣ боеваго строя.

32. Консулы, приведя къ концу наборы и другія дѣла, которыя надобно было довершить въ Римѣ, повели войско въ провинцію Лигурію. Семпроній, изъ Пизы выступивъ въ землю Апуанскихъ Лигуровъ, опустошилъ поля, жегъ деревни и укрѣпленія и очистилъ ущелья до рѣки Макры и порта Луны. Непріятель занялъ гору — старинное мѣстопребываніе его предковъ—и оттуда, по преодолѣніи затрудненій мѣстности, послѣ сраженія сброшенъ. Ап. Клавдій сравнялся съ товарищемъ и въ счастіи, и въ мужествѣ, дѣйствуя противъ Ингаванскихъ Лигуровъ, онъ далъ нѣсколько удачныхъ сраженій. Кромѣ того онъ взялъ у нихъ приступомъ шесть городовъ и захватилъ тамъ многія тысячи людей: сорокъ три виновника войны были казнены отсѣченіемъ головы. Уже приближалось время выборовъ: впрочемъ Клавдій прибылъ въ Римъ прежде Семпронія, хотя ему по жеребью досталась очередь управлять выборами; причина поспѣшности Клавдія была та, что братъ его П. Клавдій искалъ консульства. Соискателями его были патриціи Л. Емилій, К. Фабій, Сер. Сульпицій Гальба, старинные кандидаты; вслѣдствіе отказовъ, они, тѣмъ усерднѣе какъ имъ теперь должной, потому самому что въ ней прежде было отказано, домогались почести. А такъ какъ изъ патриціевъ можно было выбрать только одного консула, то для четырехъ соискателей поле дѣйствія было довольно тѣсное. Да и изъ плебеевъ домагались консульства люди извѣстные: Л. Порцій, К. Теренцій Куллео, Кн. Бэбій Тамфилъ; и они уже терпѣли отказъ, и надежда получить когда либо эту почесть отложена для нихъ вдаль. Изо всѣхъ кандидатовъ одинъ Клавдій являлся первый разъ. Общимъ мнѣніемъ гражданъ почти несомнѣнно назначались К. Фабій Лабеонъ и Л. Порцій Лицинъ. Между тѣмъ консулъ Клавдій, безъ ликторовъ, съ братомъ блуждалъ по всему форуму. Противники его и большая часть сената вопіяли: «надобно бы прежде Клавдію помнить, что онъ консулъ народа Римскаго, чѣмъ то, что онъ имѣетъ брата П. Клавдія. Ему, сидя за трибуналомъ, слѣдовало быть распорядителемъ *комицій* (сходки для выборовъ), или

ихъ молчаливымъ свидѣтелемъ». Такія рѣчи не могли остановить неумѣреннаго усердія Клавдіева. Упорными состязаніями трибуновъ народныхъ, изъ которыхъ одни дѣйствовали противъ консула, а другіе за него—при выборахъ нѣсколько разъ возникали было замѣшательства; наконецъ Аппій успѣлъ, отстранивъ Фабія, вытащить своего брата. Выбранъ консуломъ П. Клавдій сверхъ всеобщаго, и своего собственнаго, ожиданія. Другое консульское мѣсто получилъ Л. Порцій Лицинъ, но у плебеевъ соискательство дѣйствовало умѣренными средствами, чуждыми Клавдіева насилія. Вслѣдъ за тѣмъ имѣли мѣсто выборы преторовъ; въ эту должность назначены. К. Децимій Флавъ, П. Семпроній Лонгъ, Корнелій Цетегъ, К. Нэвій Мато, К. Семпроній Блезъ, А. Теренцій Варронъ. Вотъ что и дома, и на войнѣ совершилось въ томъ году, когда консулами были Ап. Клавдій и М. Семпроній.

33. Въ началѣ слѣдующаго года консулы П. Клавдій, Л. Порцій—когда К. Цецилій, М. Бэбій и Т. Семпроній, посланные для разбирательства между Филиппомъ и Евменомъ царемъ и Ѳессалійскими городами, докладывали о результатѣ своего посольства—ввели въ сенатъ пословъ этихъ царей и городовъ. Обѣ стороны повторили то, что было уже сказано Римскимъ уполномоченнымъ въ Греціи. За тѣмъ сенатъ опредѣлилъ отправить новое посольство, съ Ап. Клавдіемъ во главѣ, въ Македонію и Грецію для повѣрки на мѣстѣ—возвращены ли города Ѳессаламъ и Перребамъ. Имъ же поручено—изъ Ена и Маронеи вывести гарнизоны, и весь морской берегъ Ѳракіи очистить отъ Филиппа и Македонянъ. Приказано—поспѣшить и въ Пелопонесъ, откуда первое посольство ушло оставивъ дѣла въ большей неизвѣстности, чѣмъ если бы его вовсе не было. Кромѣ всего прочаго оно уѣхало, не получивъ отвѣта, и его просьба о созваніи Ахейскаго сейма не уважена. Когда на это К. Цецилій сильно жаловался, Лакедемоняне вмѣстѣ съ тѣмъ оплакивали разрушеніе стѣнъ, переселеніе жителей въ Ахаію и продажу ихъ, отнятіе законовъ Ликурга, которыми до сихъ поръ существовало ихъ государство. Ахейцы въ осо-

бенно старались оправдаться въ обвиненіи о несозваніи сейма и читали законъ, по которому запрещено было созваніе сейма, иначе какъ по дѣлу мира и войны, и когда послы придутъ съ письмомъ отъ сената или съ письменнымъ отъ него предложеніемъ. А чтобы впослѣдствіи не могло быть этого оправданія, сенатъ внушилъ имъ--озаботиться на будущее время—чтобы уполномоченнымъ народа Римскаго постоянно былъ открытъ доступъ къ народному сейму, точно также какъ и для нихъ какъ ни захотятъ, собираютъ сенатъ Римскій.

34. За тѣмъ посольства были отпущены; Филиппъ, получивъ отъ своихъ извѣстіе — что надобно уступить города и вывести гарнизоны, на всѣхъ разсерженный, излилъ свой гнѣвъ на Маронитовъ. Ономасту, начальнику прибрежнаго края, онъ предписалъ — умертвить старѣйшинъ, стоявшихъ во главѣ враждебной ему партіи. Тотъ, при содѣйствіи нѣкоего Касандра, одного изъ приверженцевъ царскихъ, уже давно жившаго въ Маронеѣ, ночью ввелъ Ѳракійцевъ и совершилъ убійства какъ въ городѣ, приступомъ взятомъ. Римскимъ уполномоченнымъ принесена жалоба о поступкѣ Филиппа, столь жестокомъ относительно невинныхъ Маронитовъ, и столь нагломъ относительно народа Римскаго—такъ онъ, Филиппъ, избивалъ какъ непріятелей тѣхъ, которымъ сенатъ опредѣлилъ возвратить свободу. Филиппъ на это возражалъ: «до послѣднихъ событій въ Маронеѣ нѣтъ дѣла ни ему самому, ни кому либо изъ его сторонниковъ. Тамъ между гражданами произошелъ междуусобный бой, такъ какъ одни изъ нихъ тянули городъ къ нему, а другіе къ Евмену. Впрочемъ, удостовѣриться въ этомъ легко—пусть спросятъ самихъ Маронитовъ; онъ не сомнѣвался, что изъ нихъ, пораженныхъ ужасомъ вслѣдствіе недавняго избіенія, никто не дерзнетъ разинуть противъ него ротъ. Аппій на это отвѣчалъ, что безполезно было бы производить тамъ изслѣдованіе, гдѣ дѣло ясно само по себѣ. Буде же Филиппъ хочетъ отстранить отъ себя виновность въ дѣлѣ, то пусть пришлетъ въ Римъ Ономаста и Касандра — черезъ которыхъ, какъ говорятъ, совершилось это преступное дѣло, для допроса ихъ

сенатомъ. Сначала эти слова А. Клавдія до того смутили царя, что онъ поблѣднѣлъ и перемѣнился въ лицѣ, но потомъ, оправясь, сказалъ: «буде непремѣнно нужно, то онъ Касандра, какъ находившагося въ Маронеѣ, пошлетъ (въ Римъ); насколько же это дѣло чѣмъ нибудь относится до Ономаста, котораго въ это время не находилось не только въ Маронеѣ, но и по сосѣдству»?—Берегъ Филиппъ въ особенности Ономаста, котораго удостоивалъ свею дружбою, и притомъ же онъ его немного болѣе опасался, какъ свидѣтеля: самъ онъ съ нимъ совѣщался и во многихъ подобныхъ дѣлахъ употреблялъ его орудіемъ и совѣтникомъ. А за Касандромъ, какъ бы черезъ него что не обнаружилось, посланы въ догонку люди—преслѣдовать на дорогѣ по Епиру до моря, и тутъ онъ погибъ, какъ говорятъ, жертвою яда.

35. Послы, послѣ такихъ переговоровъ съ Филиппомъ, удалились, обнаруживая полное недовольство его объясненіями. Да и Филиппъ съ своей стороны не сомнѣвался, что прійдется начать войну, но такъ какъ силы его еще не созрѣли до этого, то, для проволочки времени, онъ младшаго сына Димитрія послалъ въ Римъ, какъ для оправданія въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, такъ и замолить гнѣвъ сената: полагая, что именно этотъ молодой человѣкъ, въ бытность свою въ Римѣ заложникомъ обнаружившій нѣсколько царственныхъ способностей—въ чемъ нибудь да успѣетъ. Между тѣмъ онъ выступилъ подъ предлогомъ поданія помощи Византійцамъ, а на самомъ дѣлѣ желая подѣйствовать ужасомъ войны на князьковъ Ѳракійскихъ. Поразилъ онъ ихъ одною битвою, и взявъ ихъ вождя Амадока, вернулся въ Македонію, а къ жившимъ по берегамъ Истра дикарямъ послалъ, склоняя ихъ къ вторженію въ Италію. И въ Пелопонесѣ ожидали прибытія Римскихъ пословъ, которымъ приказано было изъ Македоніи идти въ Ахейю. Для того чтобы заранѣе обдумать какъ съ ними дѣйствовать, преторъ Ликортасъ созвалъ сеймъ; здѣсь шло дѣло о Лакедемонянахъ, и изъ враговъ сдѣлались они обвинителями и есть опасность какъ бы пораженные не были они страшнѣе, чѣмъ съ оружіемъ въ ру-

кахъ. Во время войны Ахейцы имѣли союзниками Римлянъ, а теперь тѣ же самые Римляне склоняются болѣе на сторону Лакедемонянъ, чѣмъ Ахейцевъ, съ тѣхъ поръ какъ Арей и Алкивіадъ, оба изгнанника, по ихъ же милости возвращенные на родину, взяли на себя посольство въ Римъ противъ Ахейцевъ, оказавшихъ имъ такую заслугу и до того непріязненны были ихъ рѣчи, какъ будто бы они были усланы изъ отечества, а не возвращены въ него. «Со всѣхъ сторонъ раздались крики, чтобы преторъ сдѣлалъ о нихъ особый докладъ, и такъ какъ все совершалось подъ вліяніемъ раздраженія, а не здраваго обсужденія, то они и присуждены къ смертной казни. Черезъ нѣсколько дней пришли Римскіе послы; для нихъ Клиторъ созвалъ сеймъ въ Аркадіи.

36. Тутъ, еще прежде начала какого либо дѣла, ужасъ овладѣлъ Ахейцами и мысль, что разбирательство будетъ не въ ихъ пользу: Арея и Алкивіада, въ ближайшемъ собраніи осужденныхъ ими на смерть, увидали вмѣстѣ съ Римскими уполномоченными; потому никто разинуть рта не смѣлъ. Аппій высказалъ, что тѣ дѣйствія Ахейцевъ, на которыя Лакедемоняне принесли жалобу сенату, ему вовсе не нравятся: «во первыхъ у Компазія подверглись избіенію тѣ, которые вызваны были Филопеменомъ для представленія объясненій; потомъ, когда съ этими людьми поступлено было до крайней степени жестоко, разрушены стѣны знаменитѣйшаго города, отмѣнены законы самые древніе, и славное между народами ученіе Ликурга уничтожено.» Когда Аппій это сказалъ, то ему Ликортасъ и какъ преторъ, и какъ членъ партіи Филопемена, главнаго виновника всего, что сдѣлано было относительно Лакедемона, далъ такой отвѣтъ. «Затруднительнѣе намъ, Ап. Клавдій, отвѣчать вамъ теперь, чѣмъ недавно въ Римѣ сенату. Тогда намъ слѣдовало возражать на обвиненія Лакедемонянъ, а теперь мы обвинены вами самими, передъ которыми намъ должно были защищать наше дѣло. Несправедливость такого положенія принимаемъ мы въ надеждѣ, что ты выслушаешь съ настроеніемъ духа судьи, отложивъ ту горячность предубѣжденія, съ какою ты передъ этимъ гово-

рилъ. Конечно я, слыша отъ тебя только что передъ этимъ повторенiе жалобъ Лакедемонянъ, сначала передъ К. Цецилiемъ, въ послѣдствiи въ Римѣ принесенныхъ, буду того убѣжденiя, что я въ твоемъ присутствiи отвѣчаю не тебѣ, а имъ. Вы ставите намъ въ вину умерщвленiе тѣхъ, которые погибли будучи вызваны преторомъ Филопеменомъ для объясненiй по дѣлу; но я не только никогда не ожидалъ слышать подобнаго отъ васъ обвиненiя, но и думалъ, что вы его и къ себѣ то не допустите. Разсудите сами, почему это такъ: въ вашемъ союзномъ договорѣ было написано: Лакедемонянамъ не вступаться въ приморскiе города, а между тѣмъ они, взявъ оружiе, города, отъ которыхъ имъ приказано было воздержаться, заняли ночнымъ нападенiемъ. Будь Т. Квинкцiй и войско Римское въ Пелопонесѣ, не къ нимъ ли бѣжали бы жертвы этого нападенiя и насилiя Лакедемонянъ? А такъ какъ вы находились далеко, то куда же иначе было имъ прибѣгнуть какъ не къ вашимъ союзникамъ, которыхъ они еще недавно видѣли подающими помощь Гитiю и вмѣстѣ съ вами аттакующими Лакедемонъ именно за такое же дѣло? Потому то мы за васъ начали войну справедливую и вполнѣ законную. Пусть другiе ее хвалятъ, но и Лакедемоняне ничего противъ нея возразить не могутъ, а боги же, даровавъ намъ побѣду, удостоили ее своимъ одобренiемъ. Какимъ же образомъ, совершенное по праву войны, можетъ быть подвергнуто какому нибудь оспорыванью? Впрочемъ значительная часть всего этого до насъ нисколько не касается. Наше дѣло было: вызвать для объясненiя тѣхъ, которые побудили чернь къ вооруженному возстанiю, взяли силою приморскiе города, разграбили ихъ и произвели избiенiе лучшихъ людей. А если вызванные нами, подходя къ лагерю, убиты, то это ваше дѣло, Арей и Алкивiадъ, которые нынче, попущенiемъ боговъ, являетесь нашими обвинителями, а не наше. Изгнанники Лакедемонскiе (а въ числѣ ихъ находились и эти двое) и въ то время были съ нами вмѣстѣ, избравъ себѣ жилищемъ приморскiе города, они считали нападенiе противъ нихъ направленнымъ и потому они на тѣхъ, которыхъ дѣломъ изгнанные

изъ отечества, уже и въ ссылкѣ съ безопасностью состарѣться невидѣли возможности, въ негодованіи учинили нападеніе. Слѣдовательно Лакедемонянъ Лакедемоняне, а не Ахейцы избили; а умерщвлены они за дѣло ли, или безвинно, объ этомъ и разсуждать было бы излишнимъ.

37. Но скажутъ намъ: то дѣло безспорно ваше, Ахейцы, что вы законы и древнее ученіе Ликурга отмѣнили и стѣны разрушили. Но кто же можетъ то и другое вмѣстѣ намъ ставить въ вину, когда стѣны Лакедемонскіе построены вовсе не Ликургомъ, а лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ и на гибель тому же Ликургову ученію? Ихъ вовсе недавно воздвигли тиранны, какъ свою крѣпость, для своей безопасности, а не города. И если бы нынѣ явился изъ подземнаго царства Ликургъ, то онъ радовался бы на ихъ развалины и сказалъ бы, что только теперь узнаетъ онъ свою старинную Спарту. Не дожидаться для этого Филопемена или Ахейцевъ, но собственными вашими руками, вы сами, Лакедемоняне, должны были уничтожить и изгладить всѣ слѣды тиранніи. То были какъ бы безобразные рубцы, свидѣтельствовавшіе о вашемъ рабствѣ и вы между тѣмъ какъ не имѣя стѣнъ, въ продолженіи почти восьмисотъ лѣтъ оставались свободными, а нѣкоторое время даже распоряжались судьбами всей Греціи,—окруживъ себя стѣнами, ими, какъ оковами связанные, около ста лѣтъ находились въ рабствѣ. Что же касается до отнятыхъ законовъ, то я того убѣжденія, что древніе законы Лакедемона отмѣнили его тиранны, а мы не собственные ихъ отняли, которыхъ и не было, но свои имъ дали законы. И не плохаго желали мы этому городу, сдѣлавъ его участникомъ нашего союза, а мы его присоединили къ себѣ, какъ бы сплотивъ весь Пелопонесъ въ одно тѣло. По моему мнѣнію вотъ въ томъ случаѣ, если бы мы сами, пользуясь одними законами, имъ бы навязали другіе, они имѣлибы основаніе жаловаться, что они не однимъ правомъ съ нами пользуются и приходить отъ того въ негодованіе. Сознаю, Ап. Клавдій, то что такъ говорить, какъ я теперь говорю, несвойственно союзникамъ относительно союзниковъ, и не прилично народу свобод-

пому; но скорѣе такъ говорятъ рабы, оправдываясь передъ господами. Между тѣмъ, если не втунѣ раздавался голосъ герольда, чрезъ котораго вы объявили Ахейцевъ прежде всего свободными, если союзъ и дружба одинаково наблюдаются и съ той и съ другой стороны, то почему я не спрашиваю— какъ вы, Римляне, поступили, взявъ Капую? А вы требуете отчета, что мы, Ахейцы, сдѣлали Лакедемонянамъ, побѣжденнымъ на войнѣ? Нѣкоторые изъ нихъ убиты, положимъ такъ —что и нами. Ну что же? А вы развѣ не отрубили головъ сенаторамъ Кампанскимъ? Мы разрушили стѣны, а вы не только стѣны, но и городъ и область отняли. По видимому, скажутъ, союзъ равный съ обѣихъ сторонъ, а на дѣлѣ у Ахейцевъ мнимая свобода, а у Римлянъ дѣйствительная власть. Понимаю это, Аппій, и хотя такъ и не слѣдовало бы, не прихожу въ негодованіе, но умоляю васъ—какъ ни велика, положимъ разница между Римлянами и Ахейцами, лишь бы не ставили бы вы на одну доску и насъ союзниковъ, и непріятелей вашихъ и нашихъ; даже какъ бы не были вы къ нимъ справедливѣе! Чтобы они были намъ равные, мы достигли того, давъ имъ наши законы и сдѣлавъ ихъ членами Ахейскаго союза. Но для побѣжденныхъ мало того, чемъ довольствуются побѣдители; враги требуютъ болѣе того, что имѣютъ союзники. То, что скрѣплено и освящено клятвою, что вырѣзано на вѣчное воспоминаніе буквами на камнѣ, то они готовятся уничтожить, сдѣлавъ насъ клятвопреступниками. Чтимъ васъ Римляне и, если хотите, даже боимся васъ, но еще болѣе чтимъ и боимся боговъ безсмертныхъ». Выслушанъ преторъ съ большими знаками одобренія, и всѣ сознавали, что онъ говорилъ согласно съ достоинствомъ сановника и весьма ясно было, что Аппію, дѣйствуя снисходительно, трудно было бы соблюсть достоинство Рима; тогда онъ сказалъ: «очень убѣдительно проситъ онъ Ахейцевъ — заслужить благодарность добровольнымъ исполненіемъ, а то какъ бы не пришлось вскорѣ сдѣлать тоже самое противъ воли и по принужденію». Слова эти выслушаны съ всеобщимъ стенаніемъ, но какъ бы то ни было Аппій внушилъ имъ опасеніе

въ случаѣ отказа исполнить требованія Римлянъ. Одного только просили Ахейцы: «пусть Римляне относительно Лакедемонянъ что захотятъ измѣнятъ сами и не вводятъ Ахейцевъ въ грѣхъ — дѣлать то ничтожнымъ, что они освятили клятвою». Только осужденіе Арея и Алкивіада, не давно произнесенное, отмѣнено.

38. Въ Римѣ, въ началѣ этого года, когда шло дѣло о назначеніи участковъ консуламъ и преторамъ—консуламъ предоставлены Лигуры, такъ какъ нигдѣ больше войны не было. Преторамъ: К. Децимію Флаву досталось по жеребью городское судопроизводство, а П. Корнилію Цетегу разборъ дѣлъ между гражданъ и чужестранцевъ; К. Семпронію Блезу—Сицилія, К. Невію Мато—Сардинія и ему же слѣдствіе объ отравленіяхъ; А. Теренцію Варрону ближняя Испанія, П. Семпронію Лонгу—дальняя Испанія. Около этого времени изъ тѣхъ двухъ провинцій пришли легаты Л. Ювенцій Тальна и Т. Квинктилій Варъ. Они сообщили сенату, о томъ, какъ война, столь опасная, уже приведена въ Испаніи къ совершенному концу, и вмѣстѣ требовали, чтобы за столь благопріятныя событія и богамъ безсмертнымъ воздана была почесть, и преторамъ дозволено было перевезти войско обратно. Молебствіе назначено двухдневное. Относительно возвращенія легіоновъ — такъ какъ дѣло шло о войскахъ консуловъ и преторовъ — приказано было сенатомъ доложить все дѣло вновь. Чрезъ нѣсколько дней консуламъ въ землю Лигуровъ назначено по два легіона, тѣ самые, которые находились у Ап. Клавдія и М. Семпронія. Относительно Испанскихъ войскъ возникъ большой споръ между новыми преторами и пріятелями отсутствовавшихъ—Кальпурнія и Квинкція. Въ этомъ дѣлѣ раздѣлились и трибуны народные, и консулы: одни говорили, что воспрепятствуютъ сенатскому декрету, если только состоится опредѣленіе о возвращеніи войскъ. Другіе же завѣряли, что въ случаѣ такого противудѣйствія они не дадутъ состояться никакому другому сенатскому декрету. Наконецъ дѣло отсутствующихъ проиграно, и состоялось сенатское опредѣленіе: «преторамъ набрать четыре тысячи пѣхоты изъ Рим-

лянъ, четыреста всадниковъ, а изъ союзниковъ Латинскаго наименованія пять тысячь пѣшихъ и пятьсотъ всадниковъ; всѣ эти силы преторы должны перевозить въ Испанію. Тамъ распредѣлить ихъ на четыре легіона, такъ чтобы всѣ воины, какіе окажутся сверхъ пяти тысячь пѣшихъ и трехъ сотъ всадниковъ, въ каждомъ легіонѣ были распущены, сначала выслужившіе полный срокъ службы, а потомъ тѣ, которыхъ признаютъ своими, наиболѣе храбрыми, сотрудниками въ сраженіи Кальпурній и Квинкцій.

39. Лишь только затихла одна распря, возникла тотчасъ же другая по случаю смерти претора К. Децимія. Домогались Кн. Сициній и Л. Пупій, бывшіе эдилями въ предшествовавшемъ году, и К. Валерій, Юпитеровъ Фламинъ и К. Фульвій Флаккъ (тотъ самый, что былъ назначенъ эдилемъ курульнымъ, хотя и безъ бѣлой тоги, но онъ то и усиливался больше всѣхъ) и споръ у нихъ былъ съ Юпитеровымъ фламиномъ. Когда обнаружилось сначала, что онъ съ нимъ одинаково шелъ, а потомъ ужь и опережалъ его, то часть трибуновъ народныхъ отрицали у него самое право домогательства, такъ какъ онъ одинъ вмѣстѣ двухъ должностей, а въ особенности курульныхъ, не могъ ни занимать, ни исправлять. Нѣкоторые утверждали, что связывать его этимъ нельзя вслѣдствіе закона, что народъ кого хочетъ можетъ выбирать преторомъ. Л. Порцій консулъ сначало былъ того мнѣнія, что и имени этого претендента записывать не слѣдуетъ; потомъ, желая при такомъ образѣ дѣйствія опереться на авторитетъ сената, онъ созвалъ его и сказалъ: «докладываетъ онъ ему, что ни какое право, ни какой примѣръ, который могъ быть бы терпимъ въ свободномъ государствѣ—не допускаютъ, чтобы гражданинъ, назначенный эдилемъ курульнымъ, добивался преторства. Что касается до него консула, то если только сенаторамъ не угодно будетъ распорядиться иначе, онъ твердо рѣшился при выборахъ наблюсти законъ». Сенаторы опредѣлили: Л. Порцію консулу переговорить съ К. Фульвіемъ—не былъ бы онъ препятствіемъ тому, чтобы выборы претора на мѣсто умершаго К. Децимія были произведены съ соблю-

деніемъ закона. Когда консулъ сталъ толковать объ этомъ во исполненіе сенатскаго опредѣленія, Флаккъ отвѣчалъ: «ни чего не сдѣлаетъ онъ, что было бы его недостойно». Такимъ неопредѣленнымъ отвѣтомъ онъ подалъ надежду толковать тому, кому этого хотѣлось, что онъ уступитъ вліянію сенаторовъ. На выборахъ кандидатъ домогался сильнѣе прежняго, жалуясь, что консулы и сенатъ хотятъ у него исторгнуть благодѣяніе народа Римскаго изъ зависти къ его двойной почести, какъ будто бы не ясно было, что разъ получивъ назначеніе претора, эдильство онъ тотчасъ же себя сложитъ. Консулъ, видя, что и упорство просителя увеличивается, и расположеніе народа склоняется къ нему все болѣе и болѣе, распустилъ народное собраніе и созвалъ сенатъ. Большинство полагало: такъ какъ на Флакка вліяніе сената ни сколько не подѣйствовало, то надобно объяснить о томъ народу. Собраніе созвано, и консулъ доложилъ, но и тутъ Флаккъ не отказался отъ своего намѣренія, а благодарилъ народъ Римскій: «что онъ съ такимъ усердіемъ, на сколько дана ему была возможность высказать свое расположеніе, домогался — выбрать его преторомъ. Такому усердію своихъ согражданъ измѣнить онъ вовсе не намѣренъ». Рѣчь, высказавшая столько упорства, такъ расположила умы въ его пользу, что безъ всякаго сомнѣнія былъ бы онъ преторомъ, но консулъ и имени его записывать не хотѣлъ. Сильное состязаніе возникло у трибуновъ и между собою и съ консуломъ. Наконецъ сенатъ созванъ консуломъ и опредѣлилъ: «такъ какъ упорство К. Флакка и дурное настроеніе умовъ гражданъ не допускаютъ состояться выборамъ для замѣщенія претора согласно съ закономъ, то сенатъ полагаетъ—ограничиться наличнымъ числомъ преторовъ, предоставивъ П. Корнелію обѣ судебныя части въ городѣ и совершеніе игръ Аполлона».

40. Когда такимъ образомъ эти выборы не состоялись вслѣдствіе благоразумной настойчивости сената, возникли другія состязанія болѣе значительныя, и по важности предмета, и потому что здѣсь было замѣшано много могущественныхъ лицъ. Цензуры съ величайшимъ упорствомъ добивались: Л.

Валерій Флаккъ, П. и Л. Сципіоны, Кн. Манлій Вульсо, Л. Фурій Пурпурео — патриціи, а изъ плебеевъ: М. Порцій Катонъ, М. Фульвій Нобиліоръ, Ти. и М. Семпроніи, Лонгъ и Тудитанъ; но далеко впереди всѣхъ патриціевъ и плебеевъ знатнѣйшихъ фамилій стоялъ М. Порцій. Человѣкъ этотъ отличался такими необыкновенными способностями ума и сообраҗенія, что, въ какомъ бы положеніи ни родился, вездѣ повидимому составилъ бы онъ себѣ карьеру. Обладалъ онъ всѣми качествами, необходимыми для успѣшнаго веденія какъ частныхъ, такъ и общественныхъ дѣлъ; одинаково спорились у него всѣ дѣла и городскія и деревенскія. На верхъ почестей стали одни знаніемъ правъ, другіе—краснорѣчіемъ, третьи—славою воинскою. Оборотливый же умъ Порція равно былъ способенъ на все до такой степени, что за что бы онъ ни взялся — по видимому рожденъ былъ на это дѣло. На войнѣ отличился личною храбростью и заслужилъ извѣстность во многихъ битвахъ. Онъ же, достигнувъ высшихъ почестей, обнаружилъ способности великаго полководца: а въ мирное время отличался опытностью для совѣта въ какихъ бы то ни было дѣлахъ. Если нужно было защищать какое либо дѣло онъ былъ краснорѣчивѣйшимъ ораторомъ. Притомъ онъ не изъ числа тѣхъ, которые цвѣли даромъ слова только при жизни, а послѣ нихъ не осталось никакой памяти ихъ краснорѣчія; но его даръ слова продолжаетъ жить и цвѣсти, сохраняясь въ сочиненіяхъ всякого рода. Много его рѣчей и за себя имъ сказанныхъ, и за другихъ, и противъ другихъ; не только обвиненіями, но и оправданіями онъ утомилъ своихъ непріятелей. Вражды, слишкомъ многія, и ему давали упражненіе, да и онъ самъ давалъ имъ пищу. И трудно сказать: его ли болѣе тѣснила аристократія, или онъ ее тревожилъ? Онъ былъ характера суроваго; языкъ у него былъ колкій и черезъ чуръ свободный; но духъ его непобѣдимымъ былъ для страстей, а неподкупность неумолимая: на лесть, на богатство смотрѣлъ онъ съ презрѣніемъ. Въ бережливости, въ терпѣніи къ перенесенію трудовъ и опасностей, обнаруживалъ онъ желѣзную такъ сказать твер-

дость тѣла и духа. Даже и старость, все разрушающая, сломить его не могла; на восемьдесять шестомъ году отъ рожденія онъ защищалъ свой процессъ, самъ за себя и говорилъ и писалъ; а, будучи девяносто лѣтъ отъ роду, онъ Сер. Гальбу привелъ на судъ народа.

41. Его, какъ въ продолженіи всей жизни, такъ и тутъ въ искательствѣ (цензорства) преслѣдовала аристократія. Всѣ кандидаты, кромѣ Л. Флакка, бывшаго его товарища въ консульствѣ, сговорились не допустить его до этого почетнаго мѣста, не только потому, чтобы лучше самимъ его получить и не потому, чтобы они съ негодованіемъ смотрѣли на домогательства человѣка новаго въ цензоры, но потому, что они ожидали непріятной цензуры, гибельной для добраго имени со стороны человѣка, терпѣвшаго много оскорбленій и имѣвшаго сильное расположеніе оскорблять. Уже, при самомъ искательствѣ выражался онъ съ угрозою: обвинялъ онъ въ противудѣйствіи себѣ тѣхъ, которые опасаются свободной и строгой цензуры. Вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ онъ на Л. Валерія: только съ такимъ товарищемъ будетъ онъ въ состояніи преслѣдовать вновь открывшіеся пороки и возстановить первоначальную чистоту нравовъ. Воодушевленные этимъ, граждане, не смотря на противудѣйствіе аристократіи, не только избрали цензоромъ М. Порція, но и товарищемъ ему назначили Л. Валерія Флакка. Послѣ выборовъ цензорскихъ консулы и преторы отправились въ провинціи, кромѣ Нэвія; онъ, въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ, прежде чѣмъ могъ отправиться въ Сардинію, — слѣдствіе объ отравленіяхъ большою частью производилъ внѣ города по городамъ и мѣстечкамъ— такъ ему казалось удобнѣе. Если вѣрить Антіату Валерію, то онъ предалъ осужденію до двухъ тысячь человѣкъ. Преторъ Л. Постумій, которому провинціею достался Тарентъ, преслѣдовалъ значительные заговоры пастуховъ и докончилъ слѣдствіе о Вакханаліяхъ съ величайшимъ стараніемъ. Многихъ, которые или будучи вызваны не явились, или оставивъ своихъ поручителей, нашли убѣжище въ этой части Италіи, частью

признал виновными, частью схватив отправил в Рим к сенату. Всѣ они П. Корпеліем брошены в тюрьму.

42. В дальной Испаніи, гдѣ на послѣдней войнѣ усмирены Лузитане, дѣла шли спокойно. В ближней А. Теренцій, в землѣ Суессетан, город Корбіон взял с помощью осадных орудій и работ, плѣнных продал: за тѣм все было спокойно и на зимних квартирах и в ближней Испаніи. Прежніе преторы—К. Кальпурній Пизон и Л. Квинкцій, вернулись в Рим. И тому, и другому с одобреніем сенаторов опредѣлен тріумф. Первый торжествовал К. Кальпурній над Лузитанами и Цельтиберами. Золотых вѣнков внес восемьдесят три и двѣнадцать тысяч фунтов серебра. Через нѣсколько дней Л. Квинкцій Криспин торжествовал над тѣми же Цельтиберами и Лузитанами. Столько же (сколько и в первом) при этом тріумфѣ внесено золота и серебра. Цензоры — М. Порцій и Л. Валерій—пересмотрѣли сенат, волнуемый вмѣстѣ и ожиданіем и опасеніями. Семь человѣк удалили из него, и в том числѣ знаменитаго и родом и заслуженными почестями, бывшаго консула, Л. Квинкція. Еще на памяти наших предков, как говорят, установлено, чтобы цензоры, удаляя из сената, объявляли повод в замѣтках. Катоновы же и другія суровыя рѣчи существуют против тѣх, кого он или из сената удалил, или у кого коней отнял, но всего строже рѣчь против Л. Квинкція; она такова, что будь она сказана обвинителем прежде удаленія, а не цензором послѣ его, то удержать Квинкція в сенатѣ не мог бы даже брат его Т. Квинкцій, будь он в то время цензором. Между прочим он уличал его, что он Филиппа Карѳагенца, извѣстнаго ему дорогаго развратника, из Рима увел в свою провинцію Галлію обѣщаніем огромных даров. Этот молодой человѣк, ласкаясь к нему в шутках весьма часто упрекал его, что он увел его из Рима почти перед самыми Гладіаторскими играми; это он говорил с цѣлью—дороже продать любимому человѣку свое повиновеніе. Случилось, что раз за пиршеством, когда уж они порядочно

поразогрѣлись виномъ—доложили консулу, что знатный Бойй явился перебѣжчикомъ и съ дѣтьми, желаетъ видѣть консула, чтобы лично отъ него получить завѣреніе въ безопасности. Введенный въ палатку, онъ началъ говорить консулу при посредствѣ переводчика. Пока онъ объяснялся, Квинкцій сказалъ своему наперснику: «желаешь ли ты въ замѣнъ, оставленныхъ тобою въ Римѣ, гладіаторскихъ игръ, видѣть этого Галла умирающимъ»? Когда тотъ врядъ ли не въ шутку кивнулъ головою, консулъ, ухвативъ мечь, висѣвшій надъ нимъ, сначала ударилъ по головѣ говорившаго Галла, а потомъ бѣгущему, умолявшему народъ Римскій и всѣхъ присутствовавшихъ о защитѣ, пронзилъ бокъ.

43. Валерій Антіатъ, не читавъ рѣчи Катоновой, повѣрилъ вымышленному кѣмъ то разсказу и потому излагаетъ это событіе иначе, хотя съ тѣмъ же оттѣнкомъ и разврата и жестокости. Онъ разсказываетъ, что Квинкцій, находясь въ Плацентіи одну извѣстную женщину, въ которую былъ страстно влюбленъ, пригласилъ къ себѣ на пиршество. Тутъ между прочими похвальбами, высказанными публичной женщинѣ, расказывалъ онъ—какъ строго производилъ слѣдствія и какъ многихъ, осужденныхъ на смерть, держитъ въ оковахъ, и ихъ казнитъ отсѣченіемъ головы. Тутъ та, возлежа ниже его, замѣтила, что ей не случалось никогда видѣть, какъ сѣкирою отсѣкаютъ голову, а очень бы хотѣлось этого. Тутъ снисходительный любовникъ приказалъ притащить одного изъ этихъ несчастныхъ и отрубилъ ему голову топоромъ. Дѣло, такъ ли оно совершилось какъ ставилъ въ вину цензоръ, или какъ Валерій передаетъ, во всякомъ случаѣ жестокое и вопіющее: за бокаломъ на пиршествѣ, гдѣ обычай велитъ—дѣлать возліяніе богамъ и возсылать усердныя молитвы,—на показъ прихотливой развратницѣ, возлежавшей на лонѣ консула, принесена человѣческая жертва и столъ обагрился кровью. Въ концѣ рѣчи Катонъ предлагаетъ Квинкцію любое: буде онъ отрицаетъ этотъ фактъ и прочее, что онъ ему поставилъ въ вину, пусть защититъ себя поручительствомъ. Буде же сознается, то неужели онъ полагаетъ, что

кто-либо пожалѣетъ о его безславіи, когда онъ самъ, внѣ себя отъ вина и страстной похоти, пролитіемъ человѣческой крови забавлялся на пиршествѣ?

44. При пересмотрѣ всадническаго сословія, у Л. Сципіона Азіагена отнятъ конь. При производствѣ оцѣнки цензура была строга и неумолима ко всѣмъ сословіямъ. Украшенія и платья женскія, а также экипажи, превышавшіе цѣну пятнадцати тысячь ассъ, присяжные получили приказаніе внесть въ оцѣночной списокъ; также рабовъ, имѣющихъ отъ роду менѣе двадцати лѣтъ, которые послѣ послѣдняго пересмотра, были проданы за десятъ тысячь ассъ или и выше—сочли необходимымъ оцѣнить въ десять разъ болѣе ихъ стоимости, и со всѣхъ этихъ предметовъ положенъ сборъ по три асса съ тысячи. Всю воду, составлявшую принадлежность общественную, если она текла въ частное строеніе или поле—отвели, и все, что частныя лица надстроили или возвели на общественныхъ мѣстахъ, снесли послѣ тридцатидневнаго срока. За тѣмъ цензоры произвели общественныя работы изъ суммъ, на это опредѣленныхъ: бассейны воды вымостили камнемъ и вычистили, гдѣ предстояла въ этомъ надобность, стоки нечистотъ; а въ Авентинѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ еще не было, заподрядили сдѣлать. Отдѣльно Флаккъ устроилъ плотину у Нептуніевыхъ водъ, чтобы можно было ходить гражданамъ, и дорогу черезъ Форміанскую гору. Катонъ купилъ на общественный счетъ два портика—Мэній и Тицій, въ кварталѣ каменоломень, и четыре лавки и устроилъ тамъ базилику, называемую *Порціевою*. Сборы доходовъ отдали цензоры за самую высокую плату, а общественныя работы за самую низкую. Эти послѣднія отдачи сенатъ, уступая мольбамъ и слезамъ подрядчиковъ, отмѣнилъ и приказалъ вновь назначить торги. Цензоры, сдѣлавъ распоряженіе удалить отъ нихъ тѣхъ, которые прежде бывшіе торги обратили какъ бы въ шутку, отдали опять все по прежнему, даже еще съ небольшою уступкою. Долго памятна была эта цензура и вызвала много неудовольствій, которыя тревожили М. Порція, такъ какъ ему приписывали такую строгость, во всю

его жизнь. Въ этомъ же году отведены поселенцы въ двѣ колоніи: Потенцію въ Пиценѣ и Пизавръ въ Галльской области; каждому дано по шести десятинъ. Распредѣлили землю и поселенцевъ вывели тѣ же три сановника К. Фабій Лабеонъ, М. и К. Фульвіи Флаккъ и Нобиліоръ. Консулы этого года ни дома, ни на войнѣ не совершили ничего замѣчательнаго.

45. Въ слѣдующемъ году избраны консулами М. Клавдій Марцеллъ, К. Фабій Лабеонъ.—М. Клавдій, К. Фабій—въ Мартовскія Иды, въ день вступленія своего въ консульство, доложили о провинціяхъ своихъ и преторовъ. Преторами избраны К. Валерій, фламенъ Юпитеровъ (Діальскій), тотъ самый, что домогался въ предшествовавшемъ году, Сп. Постумій Альбинъ, П. Корнелій Сизенна, А. Пуппій, Л. Юлій, Кн. Сициній. Консуламъ провинціею назначены Лигуры съ тѣми же войсками, которыми начальствовали П. Клавдій и Л. Порцій. Обѣ Испаніи не въ очередь предоставлены прежнимъ преторамъ и съ войсками, у нихъ находившимися. Преторамъ велѣно такъ распредѣлить провинціи, чтобы Юпитерову фламину принадлежало во всякомъ случаѣ то ли, другое ли судопроизводство въ Римѣ. Ему досталось—надъ чужеземцами; Сизенну Корнелію—городское, Сп. Постумію — Сицилія, Л. Пупію — Апулія, Л. Юлію—Галлія, Кн. Сицинію—Сардинія. Л. Юлію велѣно поспѣшить. Галлы Трансальпинскіе, проложивъ себѣ путь по неизвѣстнымъ дотолѣ ущельямъ, перешли, какъ прежде мы сказали въ Италію и строили городъ на полѣ теперь Аквилейскомъ. Претору поручено воспрепятствовать тому сколько возможно будетъ безъ войны. Если же необходимо будетъ дѣйствовать оружіемъ, то пусть дастъ знать консуламъ; а изъ нихъ одному поручено вести легіоны противъ Галловъ. Въ концѣ предшествовавшаго года состоялись выборы для замѣщенія авгура на мѣсто умершаго Кн. Корнелія Лентулла. Назначенъ Сп. Постумій Альбинъ.

46. Въ началѣ этого года умеръ великій первосвященникъ П. Лициній Крассъ; на мѣсто его допущенъ (временно) М.

Семпроній Тудитанъ первосвященникъ, а великимъ первосвященникомъ избранъ К. Сервилій Геминъ. По случаю похоронъ П. Лицинія была раздача мясъ народу, и сражались гладіаторы сто двадцать человѣкъ. Въ продолженіи трехъ дней даны похоронныя игры, и послѣ игръ—пиршество. Во время пиршества, когда по всему форуму разставлены были столы, страшная гроза, поднявшаяся съ бурею, заставила многихъ на форумѣ разставить палатки. Они же скоро послѣ того, когда отовсюду расчистилось, приняты, такимъ образомъ, по народному говору, исполнилось то, что прорицатели пѣли, какъ назначенное судьбою — необходимо, чтобы на форумѣ стояли палатки. По уничтоженіи этихъ религіозныхъ опасеній возникли другія: кровью въ теченіи двухъ дней шелъ дождь на площади Вулкана; назначено десятью сановниками (децемвирами) молебствіе для искупленія этого чудеснаго явленія. Прежде чѣмъ консулы разъѣхались по провинціямъ, ввели они въ сенатъ посольства изъ за моря: еще неразу дотолѣ Римъ не видалъ у себя столькихъ гостей изъ тѣхъ краевъ. Съ тѣхъ поръ, какъ между народами, сосѣдними съ Македоніею, разнесся слухъ, что Римляне не безъ вниманія слушаютъ жалобы и обвиненія Филиппа, многіе сочли нужнымъ жаловаться. Каждый городъ и народъ самъ за себя, а нѣкоторые частныя лица отдѣльно (тяжелой онъ былъ для всѣхъ сосѣдъ) пришли въ Римъ или въ надеждѣ—получить вознагражденіе за обиду, или для утѣшенія хоть подѣлиться своимъ горемъ. И отъ царя Евмена пришло посольство съ братомъ его Атенеемъ съ жалобою на то, что вооруженные отряды (Филиппа) изъ Фракіи не выведены и вмѣстѣ на то, что послано вспоможеніе въ Виѳинію Прузію, ведущему войну противъ Евмена.

47. На все это нужно было отвѣчать Дмитрію, находившемуся въ ранней порѣ молодости; а не легко было запомнить какъ всѣ замѣчанія, такъ и то, что на каждое изъ нихъ нужно было отвѣчать. Не только было очень много предметовъ, но большая часть изъ нихъ крайне незначительны: споры о границахъ, о захватѣ людей и угонѣ скота; о рѣшеніи или

произвольномъ, или вовсе не высказанномъ; о вещахъ, присужденныхъ насильно или по пристрастію. Сенатъ, видя, что Димитрій не въ состояніи ни въ чемъ этомъ отдать яснаго отчета и что ему сенату не возможно будетъ иначе хорошенько разобрать дѣло, а вмѣстѣ тронутый молодостью и замѣшательствомъ юноши, велѣлъ спросить у него: не получилъ ли онъ относительно всѣхъ этихъ дѣлъ наказа отъ отца? Получивъ отвѣтъ, что такой наказъ онъ имѣетъ, сенатъ счелъ за лучшее, какъ можно скорѣе имѣть отвѣты самого царя о каждомъ дѣлѣ порознь. Немедленно потребовали сенаторы книгу, и потомъ позволили Димитрію самому прочитать. О каждомъ предметѣ объяснительныя причины были изложены вкратцѣ: объ одномъ онъ говорилъ, что сдѣлалъ по указанію уполномоченныхъ, о другомъ, что если онъ не такъ поступилъ, то зависѣло не отъ него, а отъ тѣхъ самихъ, которые его же обвиняли. Тутъ же включены были и жалобы на несправедливость декретовъ, и на то, какъ пристрастно было разбирательство Цецилія и какъ незаслуженно и безъ всякой съ его стороны вины, царь ото всѣхъ подвергается оскорбленіямъ. У сената осталось въ памяти впечатлѣніе раздраженнаго состоянія духа Филиппа. Впрочемъ, между тѣмъ какъ молодой человѣкъ (Димитрій) въ одномъ извинялся, относительно другаго завѣрялъ, что все будетъ такъ какъ только угодно сенату, тотъ заблагоразсудилъ дать такой отвѣтъ: «ничего не сдѣлалъ отецъ его основательнѣе, ни сообразнѣе съ желаніемъ сената, какъ то что, какъ бы ни было, удовлетвореніе Римлянамъ — хотѣлъ оказать черезъ сына Димитрія. На многое можетъ сенатъ смотрѣть сквозь пальцы, многое забыть и стерпѣть прошлое и даже повѣрить, что ему Димитрію надобно вѣрить. Имѣютъ они въ залогѣ и до сихъ поръ его душу, хотя тѣло возвратили отцу, и знаютъ, что и онъ, насколько это согласно съ любовью родительскою, другъ народа Римскаго. Изъ уваженія къ нему, Димитрію, отправятъ они пословъ въ Македонію и пусть, если что либо изъ того что слѣдовало и не исполнено, сдѣлается безо всякаго отвѣта за прошлое. Желаетъ сенатъ, дать почувствовать

Филиппу, что если отношенія его къ народу Римскому остались прежнія, то этимъ онъ обязанъ Димитрію».

48. Все это сдѣлалось для одобренія и возвышенія молодаго человѣка, а обратилось тотчасъ же къ возбужденію зависти, а потомъ и къ гибели его. Послѣ того введены Лакедемоняне. Много было предметовъ ихъ домогательства и незначительныхъ, но самые важные заключались въ томъ: будутъ ли имъ возвращены осужденные Ахейцами или нѣтъ? Справедливо ли и безвинно погибли тѣ, которые казнены? Обращено было вниманіе и на то, останутся ли въ Ахейскомъ союзѣ Лакедемоняне, или, какъ прежде, будутъ пользоваться они одни въ Пелопонесѣ отдѣльными правами. Положено—возстановить и состоявшіеся приговоры отмѣнить, а Лакедемону остаться въ Ахейскомъ союзѣ; составить объ этомъ опредѣленіе за подписью и Лакедемонянъ и Ахейцевъ. Посломъ въ Македонію отправленъ К. Марцій и ему же приказано въ Пелопонесѣ вникнуть въ положеніе союзниковъ. Тамъ остались еще смуты вслѣдствіе давнишнихъ раздоровъ, и Мессена отпала отъ союза Ахейскаго. Но если бы я сталъ излагать причины и ходъ этой войны, то забылъ бы о намѣреніи настолько касаться лишь дѣлъ чужеземныхъ, на сколько это имѣетъ отношеніе къ дѣламъ Римлянъ.

49. Заслуживаетъ упоминанія тотъ случай, что между тѣмъ какъ на войнѣ Ахейцы имѣли верхъ, Филопеменъ, преторъ ихъ, взятъ въ плѣнъ въ то время, когда онъ спѣшилъ впередъ занять Коронею, куда стремились непріятели; онъ въ сопровожденіи немногихъ всадниковъ подавленъ въ горной неблагопріятной долинѣ. Говорятъ, что самому Филопемену предстояла возможность убѣжать при помощи Ѳраковъ и Кретійцевъ, но удержалъ стыдъ — покинуть всадниковъ изъ лучшихъ фамилій народа, только что имъ самимъ набранныхъ. Давая имъ возможность выбраться изъ ущелья, онъ замыкалъ собою ряды и выдерживалъ натискъ непріятеля. Когда конь подъ нимъ упалъ, то и отъ самаго паденія и отъ тяжести коня, на него свалив-

шагося, чуть было не лишился жизни на мѣстѣ: ему вѣдь было уже семьдесятъ лѣтъ и вслѣдствіе продолжительной болѣзни, отъ которой онъ только что начиналъ было отправляться, значительно ослабѣлъ силами. Лежавшаго непріятели, бросившись на него, схватили; узнавъ — сначала отъ невольнаго уваженія и воспоминанія о заслугахъ, не иначе какъ бы вождя своего поднимаютъ, успокоиваютъ и изъ непроходимой долины выносятъ на дорогу, едва сами себѣ вѣря въ столь неожиданной радости. Нѣкоторые посылаютъ впередъ въ Мессену съ извѣстіемъ — что войну можно считать оконченною и что ведутъ Филопемена, взятаго въ плѣнъ. Сначала дѣло это казалось до того невѣроятнымъ, что не только считали извѣстіе о немъ ложнымъ, да и кто принесъ, полагали не въ здравомъ умѣ. Наконецъ, когда многіе, приходя одинъ за другимъ, утверждали одно и тоже, повѣрили. Прежде чѣмъ навѣрное знали о приближеніи (знаменитаго плѣнника) къ городу, вышли всѣ смотрѣть: какъ свободные, такъ и рабы, даже дѣти и женщины, и до того стѣснилась въ воротахъ толпа, что каждый спѣшилъ удостовѣриться собственными глазами, до тѣхъ поръ едва ли за вѣрное по видимому считая такое дѣло. Съ трудомъ раздвигая встрѣчныхъ, могли войти въ ворота тѣ, которые привезли Филопемена; а сплошная масса народа заграждала дальнѣйшій путь. Такъ какъ большая часть граждань лишена была этого зрѣлища, то они вдругъ наполнили театръ, находившійся недалеко отъ дороги, и въ одинъ голосъ стали всѣ требовать, чтобы Филопемена привели на показъ народа. Должностныя лица и старѣйшины изъ опасенія, какъ бы не произвело какого волненія въ народѣ состраданіе къ такому человѣку, когда его увидятъ лицомъ къ лицу, когда на однихъ подѣйствуетъ уваженіе къ прежнему величію въ сравненіи съ теперешнимъ положеніемъ, а на другихъ воспоминаніе о его великихъ заслугахъ — постарались держать Филопемена подальше, хотя и въ глазахъ народа. Потомъ они поспѣшили увесть его оттуда и преторъ Динократъ говорилъ, что городскія власти имѣютъ коечто спросить его очень важное относительно воен-

ныхъ дѣйствій. Затѣмъ отвели его въ курію (мѣсто собраній сената) и созвавъ сенаторовъ, стали съ нимъ совѣтоваться.

50. Уже вечерѣло, а ничего не было рѣшено не только о чемъ другомъ, но даже и о томъ, гдѣ въ наступающую ночь съ достаточною безопасностью можно было караулить плѣнника. Поражены были всѣ величіемъ прежняго его положенія и доблестей: никто не дерзалъ взять его въ свой домъ подъ стражу, да и одному кому нибудь ввѣрить его обереженіе не рѣшались. Наконецъ нѣкоторые припомнили, что существуетъ для храненія общественной казны подземелье, обложенное четырехугольными камнями. Туда опустили Филопемена связаннаго и огромный камень, которымъ закрывалось отверстіе, наваленъ при помощи машины. Такимъ образомъ сочтя за лучшее ввѣрить охраненіе такого-человѣка скорѣе мѣсту, чѣмъ кому либо человѣку, ожидали слѣдующаго дня. На другой день вся масса народа, припоминая прежнія заслуги Филопемена къ своему городу, высказывала желаніе пощадить его и черезъ него искать средства помочь настоящимъ бѣдствіямъ. Виновники отпаденія, а въ рукахъ ихъ была вся власть общественная совѣщались въ тайнѣ и всѣ согласно рѣшили убить его; только разногласіе возникло о томъ—поспѣшить или отложить казнь. Взяла верхъ сторона, болѣе алчная убійства, и посланъ служитель отнесть ядъ. Говорятъ, что Филопеменъ, взявъ чашу, сдѣлалъ только вопросъ: «благолучно ли ушли Ликортасъ (то былъ другой главный военачальникъ Ахейцевъ) и всадники?»— Получивъ отвѣтъ: «благополучно»—«ну такъ хорошо» замѣтилъ онъ и безстрашно выпивъ чашу, вскорѣ послѣ того испустилъ дыханіе. Непродолжительна была радость о смерти Филопемена для виновниковъ этого жестокаго поступка. Побѣжденная въ войнѣ Мессена, по требованію Ахейцевъ, выдала ихъ и возвратила кости Филопемена. Преданъ онъ погребенію всѣмъ Ахейскимъ союзомъ, и при этомъ не только всѣ человѣческія почести истощены, но немножко и отъ божественныхъ не воздержались. Историки событій Греческихъ и Римскихъ, такъ высоко ставятъ этого человѣка, что, какъ объ особенно замѣча-

тельномъ этомъ годѣ (569 г. отъ постр. города) передаютъ памяти потомства, что въ немъ умерло три знаменитыхъ полководца: Филопеменъ, Аннибалъ и П. Сципіонъ; такимъ образомъ они Филопемена поставили наравнѣ съ двумя величайшими военными людьми двухъ могущественнѣйшихъ народовъ.

51. Къ царю Прузію прибылъ посолъ Т. Квинкцій Фламининъ; этотъ царь находился въ подозрѣніи у Римлянъ и принятіемъ Аннибала послѣ того какъ бѣжалъ Антіохъ, и вслѣдствіе войны, начатой противъ Евмена. Тутъ потому-ли что Фламининъ между прочимъ упрекнулъ Прузія за то, что онъ далъ у себя пріютъ человѣку, изъ всѣхъ живущихъ враждебнѣйшему для народа Римскаго, человѣку, который увлекъ въ войну съ народомъ Римскимъ сначала свое отечество, а потомъ, когда силы его были сломлены, царя Антіоха, или потому что самъ Прузіасъ хотѣлъ сдѣлать угодное Фламинину и Римлянамъ, и самъ по себѣ замыслилъ умертвить или передать имъ Аннибала. Какъ бы то ни было, а послѣ перваго объясненія съ Фламининомъ, Прузіасъ немедленно послалъ воиновъ караулить домъ Аннибала. Постоянно онъ предвидѣлъ умомъ такой исходъ жизни, видя неумолимую ненависть къ себѣ Римлянъ, да и конечно нисколько не довѣряя слову Прузіаса легкомысліе котораго въ особенности ему уже довелось испытать. При томъ прибытіе Фламинина, какъ судьбою назначеннаго для его гибели, привело его въ содроганіе. Имѣя все и отовсюду для себя непріязненнымъ, Аннибалъ для того, чтобы постоянно имѣть какой либо путь, готовый для бѣгства, сдѣлалъ изъ дому семь выходовъ и изъ нихъ нѣкоторые потайные для того, чтобы они не могли быть подкараулены. Но тяжкое владычество царей не оставляетъ неизслѣдованнымъ ничего, что они хотятъ узнать: весь домъ Аннибала окруженъ стражами такъ, что никому оттуда уйти не было возможности. Аннибалъ, получивъ извѣстіе, что воины царскіе находятся уже въ передней, хотѣлъ было бѣжать потайною дверью, гдѣ выходъ былъ и затруднителенъ и вмѣстѣ самый скрытый, но увидавъ, что и онъ прегражденъ воинами, и что все кругомъ замкнуто стражами, потребовалъ ядъ, давно

уже приготовленный на такую случайность. «Избавимъ тутъ онъ сказалъ — отъ дальнѣйшей заботы народъ Римскій, если ему кажется долго дожидаться смерти старика. Не велика и недостопамятна будетъ побѣда Фламинина надъ безъоружною жертвою предательства. На сколько измѣнились нравы народа Римскаго, этотъ самый день можетъ служить лучшимъ доказательствомъ. Отцы нынѣшнихъ гражданъ—царя Пирра, врага, съ оружіемъ въ рукахъ прибывшаго въ Италію съ войскомъ предупредили, чтобы онъ берегся отравленія; а теперь прислали посломъ бывшаго консула, склонить Прузіаса сдѣлаться преступнымъ виновникомъ смерти его гостя». За тѣмъ, извергая проклятія на главу Прузіаса и на его царство и призывая въ свидѣтели нарушенія вѣрности даннаго имъ слова боговъ, покровителей гостепріимства, онъ выпилъ чашу. Таковъ былъ конецъ жизни Аннибала.

52. Относительно Сципіона, Полибій и Рутилій пишутъ, что онъ умеръ въ этомъ году; но я не согласенъ ни съ ними, ни съ Валеріемъ. Съ ними—потому что, при цензорахъ М. Порціѣ и Л. Валеріѣ, нахожу выбраннымъ въ старѣйшины сената самаго цензора Л. Валерія, тогда какъ въ предшествовавшіе три люстра (четырехлѣтія) таковымъ былъ Африканъ; а при жизни его — развѣ только въ случаѣ удаленія изъ сената, а о такомъ пятнѣ на его памяти никто ни упоминаетъ — другой старѣйшина сената ни въ какомъ случаѣ не могъ быть избранъ. Мнѣніе Антіата опровергаетъ трибунъ народный М. Невій, противъ котораго существуетъ рѣчь, надписанная П. Африканомъ, а Нэвій въ спискѣ сановниковъ показанъ трибуномъ народнымъ въ консульство П. Клавдія и Л. Порція, а въ должность вступилъ въ консульство Ап. Клавдія и М. Семпронія наканунѣ четвертаго дня Декабрьскихъ идъ, а съ того времени три мѣсяца до Мартовскихъ идъ, когда вступили въ консульство П. Клавдій и Л. Порцій. А потому обнаруживается, что Сципіонъ не только живъ былъ въ трибунство Нэвія, но и имъ призываемъ былъ къ суду, а умеръ прежде вступленія въ цензорство Л. Валерія и М. Порція. Трехъ знаменитѣйшихъ,

каждаго въ своемъ народѣ, дѣятелей кончины не только близостью времени представляютъ повидимому сходство, но и въ томъ отношеніи, что ни одного изъ нихъ конецъ жизни не соотвѣтствовалъ блеску житейской дѣятельности. Первое всѣ они и умерли и преданы погребенію не въ отечествѣ. Отъ яда погибли Аннибалъ и Филопеменъ: Аннибалъ изгнанникомъ преданъ тѣмъ, у кого нашелъ было гостепріимство; Филопеменъ, взятый въ плѣнъ, въ темницѣ и оковахъ. Сципіонъ хотя не былъ изгнанъ и неподвергся осужденію, но вызванный къ назначенному для оправданія дню, онъ на срокъ не явился и подвергшись вызову заочно, онъ не только себя, но и бренные остатки свои—осудилъ на добровольную ссылку.

53. Между тѣмъ какъ это происходило въ Пелопонесѣ (откуда уклонился нашъ разсказъ) возвращеніе въ Македонію Димитрія и уполномоченныхъ произвело впечатлѣніе разное, глядя по людямъ. Большинство Македонянъ, съ ужасомъ смотрѣвшее на угрожавшую войну съ Римлянами, видя въ Димитріѣ какъ бы орудіе мира, встрѣтили его съ большимъ расположеніемъ, и въ несомнѣнной надеждѣ назначали ему царство послѣ смерти отца: «хотя онъ по лѣтамъ и моложе былъ Персея, но онъ родился отъ законной матери, а послѣдній отъ содержанки и будучи рожденъ изъ тѣла, для всѣхъ доступнаго, не представляетъ навѣрное признаковъ какого онъ именно родителя; а Димитрій такъ сказать носитъ передъ собою поразительное сходство съ Филиппомъ. Притомъ Римляне Димитрія посадятъ на отеческій престолъ, а Персей нисколько не пользуется ихъ милостью.» Вотъ что толковали въ народѣ. Вслѣдствіе этого и Персея тревожила забота — какъ бы его старшинство не имѣло достаточно вѣса, такъ какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ братъ имѣетъ большое передъ нимъ преимущество. И самъ Филиппъ въ убѣжденіи, что едвали отъ его произвола зависитъ — кого оставитъ наслѣдникомъ царства — считалъ младшаго сына для себя тяжеле, чѣмъ бы желалъ. Оскорблялся онъ временемъ — большимъ стеченіемъ къ нему Македонянъ и съ негодованіемъ видѣлъ, что еще при жизни его образуется другой дворъ.

Да и самъ молодой человѣкъ безо всякаго сомнѣнія вернулся болѣе высокаго о себѣ мнѣнія, опираясь на сужденія о себѣ сената, и на уступки, сдѣланныя для него, въ которыхъ отцу было отказано. Всякое упоминаніе о Римлянахъ, на сколько возвышало его въ глазахъ другихъ Македонянъ, на столько возбуждало зависть не только въ братѣ, но и въ отцѣ. Какъ бы то ни было, когда пришли новые послы Римскіе и стали принуждать—очистить Ѳракію, вывести вооруженные отряды и вообще выполнить все остальное по опредѣленію прежнихъ уполномоченныхъ, или по недавно состоявшемуся рѣшенію сената; но все хотя съ досадою и огорченіемъ (въ особенности видя, что сынъ держитъ себя къ нимъ почти ближе чѣмъ къ нему), впрочемъ съ покорностью, исполнялъ въ отношеніи къ Римлянамъ, для того чтобы не подать повода къ немедленному началу войны. А для того чтобы лучше отклонить умы отъ самого подозрѣнія его замысловъ, онъ повелъ войско въ середину Ѳракіи — въ земли Обризовъ, Дентелетовъ и Бессовъ. Онъ взялъ городъ Филиппописъ, оставленный бѣжавшими жителями, удалившимися съ семействами на ближайшія горныя возвышенности, а жившихъ по полямъ дикарей, опустошивъ ихъ земли, принялъ въ повиновеніе. Оставивъ вслѣдъ за тѣмъ у Филиппополиса вооруженный отрядъ, не долго спустя послѣ того изгнанный Одризами, онъ положилъ построить городъ въ Девріопѣ; это часть Пэоніи подлѣ рѣки Еригона: она течетъ изъ Иллирика черезъ Пэонію и вливается въ рѣку Аксій не далеко отъ стараго города Стобиса, а новый городъ назвалъ Персеидою въ честь своего старшаго сына.

54. Между тѣмъ какъ это происходило въ Македоніи, консулы отправились въ свои провинціи. Марцеллъ послалъ впередъ гонца къ проконсулу Л. Порцію съ тѣмъ, чтобы легіоны подвинулъ къ новому городу Галловъ. Консулу, по его прибытіи, Галлы изъявили покорность; вооруженныхъ было у нихъ двѣнадцать тысячь. Оружіе по большей части было ими похищено съ сосѣднихъ полей: съ крайнимъ для нихъ огорченіемъ оно отобрано, да и вообще все какъ награбленное при опусто-

шеніи окрестностей, такъ и принесенное съ собою. Жаловаться на это Галлы отправили пословъ въ Римъ; введенные въ сенатъ, преторомъ К. Валеріемъ они изложили: «вслѣдствіе избытка въ Галліи населенія вынуждены они были недостаткомъ земель и бѣдностью перейдти Альпы, отыскивая себѣ жилищъ. Видя мѣста ненаселенныя и невоздѣланныя, они расположились было тамъ никого не оскорбляя. Начали они и городъ строить и тѣмъ хотѣли показать, что они пришли не съ тѣмъ, чтобы чинить насиліе какому либо полю или городу. Недавно прислалъ къ нимъ М. Клавдій повѣстить, что если они не покорятся, что онъ противъ нихъ начнетъ войну. Предпочитая миръ вѣрный, хотя и не очень почетный, неизвѣстностямъ войны — они покорились, болѣе довѣряя народу Римскому, чѣмъ уступая его силѣ. По истеченіи нѣсколькихъ дней, приказано очистить и землю и городъ, и они намѣревались было молча удалиться въ какой край земли прійдется, но у нихъ отнято оружіе, а затѣмъ и все прочее, что несли, и что гнали (скотъ). Умоляютъ они сенатъ и народъ Римскій съ ними, ни въ чемъ не провинившимися и изъявившими покорность, не поступать строже чѣмъ съ непріятелями». Сенатъ приказалъ отвѣтъ на эту рѣчь дать такой: «и они, Галлы, не хорошо поступили, что, по прибытіи въ Италію, на чужой землѣ, безъ дозволенія Римскаго сановника, въ этомъ краю начальствующаго, вздумали строиться, но и не угодно сенату, чтобы оббирали изъявившихъ покорность. А потому они отправятъ съ ними пословъ къ консулу съ приказаніемъ — имъ, въ случаѣ, если они возвратятся туда, откуда пришли, выдать все, составлявшее ихъ собственность. И чтобы они немедленно отправлялись по ту сторону Альповъ и объявили Галльскимъ народамъ — чтобы они излишекъ своего населенія удерживали дома. Альпы стоятъ посрединѣ почти недоступнымъ рубежомъ; и ни въ какомъ случаѣ не будетъ имъ лучше, какъ и тѣмъ, которые первые проложили по нимъ путь». Уполномоченными посланы: Л. Фурій Пурпурео, К. Минуцій, М. Манлій Ацидинъ. Галлы, получивъ обратно все, чѣмъ они владѣли безъ чьей либо обиды, вышли изъ Италіи.

55. Римскимъ посламъ Трансальпинскіе, жившіе по ту сторону Альпъ, народы отвѣчали благосклонно. Старѣйшины ихъ винили даже народъ Римскій въ излишней снисходительности: «за то что они тѣхъ, которые отправились безъ дозволенія народа заняли поля, Римлянамъ принадлежащія и покушались построить городъ на чужой землѣ, отпустили безо всякаго наказанія. Должны были бы они дорого поплатиться за свою дерзость. А такъ какъ имъ еще и возвращена ихъ собственность, то опасаются они, какъ бы такая снисходительность не ободрила другихъ на подобныя смѣлыя предпріятія». И приняли, и отпустили пословъ съ дарами. Консулъ М. Клавдій, по изгнаніи Галловъ изъ провинціи, началъ замышлять войну въ Истріи и отправилъ письмо къ сенату, прося позволенія перевесть легіоны въ Истрію. Сенатъ это одобрилъ. О томъ толковали вывести колонію въ Аквилею, но не совсѣмъ уяснили себѣ — изъ Латинянъ ли, или изъ Римскихъ гражданъ. Наконецъ сенаторы сочли за лучшее—отправить поселенцевъ Латинянъ; тріумвирами избраны: П. Сципіонъ Назика, К. Фламиній, Л. Манлій Ацидинъ. Въ томъ же году отведены въ Парму поселенцы изъ Римскихъ гражданъ. Двѣ тысячи человѣкъ получили въ полѣ, принадлежавшемъ сначала Боямъ, потомъ Тускамъ, въ Пармѣ—по восьми десятинъ, въ Мутинѣ по пяти. Отводили три сановника: М. Емилій Лепидъ, Т. Эбуцій Каръ и Л. Квинкцій Криспинъ. Также Сатурнія, поселеніе Римскихъ гражданъ, отведено въ Калетранское поле тремя сановниками: К. Фабіемъ Лабеономъ, К. Афраніемъ Стелліо, Ти. Семпроніемъ Гракхомъ; каждому дано по десяти десятинъ.

56. Въ томъ же году проконсулъ А. Теренцій не подалеку отъ рѣки Ибра, въ области Авзетановъ, и удачныя сраженія имѣлъ съ Цельтиберами, и нѣсколько городовъ, ими тамъ укрѣпленныхъ, взялъ приступомъ. Дальняя Испанія въ этомъ году пользовалось миромъ, такъ какъ проконсулъ П. Семпроній имѣлъ продолжительную болѣзнь и не будучи никѣмъ затрогиваемы, Лузитаны весьма кстати оставались въ покоѣ, да и въ землѣ Лигуровъ консуломъ К. Фабіемъ не совершено ничего,

чтобы заслуживало памяти. М. Марцеллъ, отозванный изъ Истріи, по распущеніи войска возвратился въ Римъ по случаю выборовъ. Назначены консулами Кн. Бэбія Тамфила и Л. Емилія Павлла. Вмѣстѣ съ М. Емиліемъ Лепидомъ онъ былъ эдилемъ курульнымъ, а съ того времени шелъ пятой годъ, когда этотъ самый Лепидъ послѣ двухъ неуспѣшныхъ домогательствъ наконецъ сдѣлался консуломъ. Преторами вслѣдъ затѣмъ сдѣланы: К. Фульвій Флаккъ, М. Валерій Левинъ, П. Манлій вторично, М. Огульній Галлъ, Л. Цецилій Дентеръ, К. Терентій Истра. Въ концѣ года было молебствіе по случаю чудесныхъ явленій: довольно завѣрное считали, что въ продолженіи двухъ дней шелъ дождь кровью на площади Согласія, и получено извѣстіе, что неподалеку отъ Сициліи вышелъ изъ моря островъ, котораго прежде не было. Валерій Антіатъ пишетъ, будто бы въ этомъ году умеръ Аннибалъ, и что по этому дѣлу отправлены были къ Прузію послами, кромѣ Т. Квинкція Фламинина, котораго имя въ этомъ дѣлѣ получило общую извѣстность — еще Л. Сципіона Азіатическаго и П. Сципіона Назику.

КНИГА СОРОКОВАЯ.

---

1. Въ началѣ послѣдовавшаго года консулы и преторы распредѣлили провинціи по жеребью. Консуламъ опредѣлена могла быть только одна, а именно Лигуровъ. Судопроизводство въ городѣ досталось М. Огульнію Галлу, а между чужестранцами М. Валерію. Изъ Испаній ближняя — К. Фульвію Флакку, дальняя — П. Манлію, Л. Цецилію Дентру-Сицилія, а К. Теренцію Истру-Сардинія. Консуламъ приказано произвести наборъ. К. Фабій изъ земли Лигуровъ написалъ, что Апуаны готовятся къ возобновленію военныхъ дѣйствій и угрожаетъ опасность, какъ бы они не произвели набѣга на Пизанскую область. Относительно Испаній знали: о ближней, что она подъ оружіемъ и что предстоитъ война съ Цельтиберами; относительно дальней, что, вслѣдствіе долговременной болѣзни претора, отъ роскоши и праздности ослабѣла военная дисциплина. А потому положено набрать вновь войска: четыре легіона въ землю Лигуровъ, такъ чтобы каждый заключалъ въ себѣ по пяти тысячъ двѣсти человѣкъ пѣхоты и триста всадниковъ; сюда же прибавлено изъ союзниковъ латинскаго наименованія пятнадцать тысячъ пѣшихъ и восемьсотъ всадниковъ. Всѣ эти силы должны были составлять войска консуловъ. Кромѣ того велѣно набрать семь тысячъ пѣшихъ союзниковъ и латинскаго наименованія, и четыреста всадниковъ и послать ихъ въ Галлію къ М. Марцеллу, которому власть продолжена и по истеченіи консульства. Также для отвода въ Испанію ту и другую велѣно набрать четыре тысячи пѣшихъ гражданъ римскихъ и двѣсти всадниковъ, а союзниковъ — семь тысячь пѣшихъ съ тремя стами всадниковъ. А К. Фабію Лабеону съ войскомъ, какое у него было въ Лигурахъ на годъ продолжена власть.

2. Весна въ этомъ году была очень грозная. Наканунѣ Парилій, почти въ половинѣ дня, поднявшаяся съ сильными порывами, буря, во многихъ священныхъ и мірскихъ мѣстахъ надѣлала бѣдъ: мѣдныя статуи въ Капитоліѣ сбросила; дверь изъ храма Луны, находящагося на Авентинѣ, сорвавъ, несла и поставила къ задней части храма Цереры; другія статуи въ главномъ циркѣ (in circo maximo) вмѣстѣ съ колоннами, на которыхъ они стояли, опрокинула; нѣкоторыя крыши храминъ, сорвавъ съ стропилъ, разбросала въ безпорядкѣ. А потому буря эта причислена къ чудеснымъ явленіямъ и гадателямъ велѣно ее замолить. Сюда же причислено и то, что получено извѣстіе о рожденіи въ Реате мула о трехъ ногахъ, а въ Форміяхъ храмъ Аполлона и Каіеты тронутъ молніею. За эти чудесныя явленія совершено священнодѣйствіе большими жертвами, и въ продолженіи одного дня было молебствіе. Около этого же времени узнали изъ писемъ пропретора А. Теренція, что П. Семпроній умеръ въ дальней провинціи послѣ болѣзни, продолжавшейся больше года. Тѣмъ поспѣшнѣе ѣхать въ Испанію велѣно преторамъ. Потомъ въ сенатъ введены посольства изъ за моря; первое — царей Евмена, и Фарнака, и Родосцевъ, пришедшихъ съ жалобою о несчастіи, постигшемъ жителей Синопа. Около этого же времени пришли послы Филиппа, Ахейцевъ и Лакедемонянъ. Имъ, прежде выслушавъ Марція, котораго посылали для повѣрки дѣлъ Греціи и Македоніи, даны отвѣты. Царямъ Азіи и Родосцамъ отвѣтили, что сенатъ отправитъ пословъ для разсмотрѣнія этихъ дѣлъ.

3. Относительно Филиппа прибавилъ заботы Марцій. Онъ сознавался, что Филиппъ во всемъ исполнилъ волю сената, но что при этомъ не трудно было замѣтить, что готовность эта будетъ продолжаться лишь на столько, на сколько это необходимо нужно. Не было почти сомнѣнія, что онъ возобновитъ военныя дѣйствія, и что всѣ его слова и дѣйствія къ тому направлены. Еще прежде онъ почти всѣхъ гражданъ изъ приморскихъ городовъ съ ихъ семействами перевелъ въ Ематію, нынѣ такъ называемую, а нѣкогда носившую имя Пэоніи: Ѳракій-

цамъ и другимъ дикарямъ отдалъ онъ города жить тамъ, полагая, что этотъ родъ людей будетъ вѣрнѣе на случай войны съ Римлянами. Сильный ропотъ по всей Македоніи вызвало это дѣло. Оставляя свои пепелища съ женами и дѣтьми, немногіе молча сдерживали горе; а въ рядахъ переселенцевъ раздавались проклятія противъ царя, такъ какъ ненависть брала верхъ надъ страхомъ. Раздраженный этимъ, Филиппъ сталъ подозрѣвать всѣхъ, а равно всѣ мѣста и обстоятельства стали внушать ему опасенія. Наконецъ онъ началъ высказывать во всеуслышаніе, что онъ не можетъ быть безопасенъ, если дѣтей тѣхъ, которые имъ казнены, не схватитъ и не посадитъ подъ стражу, и тѣмъ мало по малу отъ нихъ избавится.

4. Жестокость эта, гнусная сама по себѣ, сдѣлалась еще отвратительнѣе вслѣдствіе гибели одного семейства. Геродикъ, одинъ изъ первыхъ людей Ѳессаліи, убитъ Филиппомъ за много лѣтъ передъ тѣмъ: зятья Геродика сдѣлались жертвою Филиппа въ послѣдствіи. Остались двѣ дочери вдовы, и та, и другая съ маленькими дѣтьми; имена этихъ женщинъ были Теоксена и Архо. Руки первой искали многіе, но она отвергла ихъ; Архо вышла за Пориса, одного изъ знаменитѣйшихъ старѣйшинъ племени Енеатовъ; родивъ отъ него много дѣтей, она умерла, оставивъ ихъ малъ-мала меньше. Теоксена для того, чтобы самой воспитать дѣтей сестры, вышла замужъ за Пориса и о дѣтяхъ и своихъ и сестры одинаково, какъ бы сама ихъ родила, имѣла заботу. А когда былъ полученъ указъ царя о взятіи дѣтей тѣхъ, которые были казнены, Теоксена, убѣжденная, что они сдѣлаются игрушкою позорной страсти не только царя, но и стражей, жестокое дѣло замыслила. Она дерзнула сказать, что скорѣе всѣхъ умертвитъ своею рукою, чѣмъ отдастъ ихъ во власть Филиппа. Порисъ, съ ужасомъ выслушавъ самое упоминаніе столь гнуснаго злодѣйства, сказалъ, что онъ ихъ перевезетъ въ Аѳины къ своимъ вѣрнымъ пріятелямъ, и самъ будетъ сопровождать ихъ въ этомъ бѣгствѣ. Отправились они всѣ изъ Ѳессалоники въ Еней къ назначенному жертвоприношенію, которое жители совершаютъ ежегодно съ большою тор-

жественностью въ честь своего основателя. Проведя день въ обычномъ пиршествѣ, семейство Пориса взошло на судно, имъ приготовленное, когда всѣ уснули съ третьей смѣны ночной, какъ будто для возвращенія въ Ѳессалонику, а между тѣмъ предположено было переправиться въ Евбею. Впрочемъ, тщетны были ихъ усилія бороться съ противнымъ вѣтромъ, и свѣтъ дневный засталъ ихъ въ виду берега. Люди царскіе, начальствовавшіе стражею пристани, отправили вооруженную ладью притащить этотъ корабль съ строгимъ приказаніемъ безъ него не возвращаться. Когда они уже приближались, Порисъ занятъ былъ увѣщаніемъ гребцовъ и матросовъ; по временамъ протягивалъ онъ руки къ небу, умоляя о помощи. Между тѣмъ суровая женщина снова взялась за преступное дѣло, ранѣе задуманное, распустила ядъ и обнажила ножъ. Поставивъ на виду чашу и приказавъ извлечь мечи, она сказала: «смерть — одно средство избавленія. Вотъ двѣ къ ней дороги: какая кому больше по душѣ, тою уходите отъ царскаго произвола. Сюда мои молодые люди! Вы первые, какъ старшіе, берите мечи или пейте изъ чаши, если предпочитаете смерть болѣе медленную». И непріятель былъ возлѣ, и совѣтникъ смерти настаивалъ. Разнаго рода смертью погибая, полудышащіе бросаются изъ корабля; потомъ сама Теоксена, обнявъ мужа, какъ спутника смерти, бросилась въ море. Кораблемъ, опустѣвшимъ отъ хозяевъ, овладѣли царскіе служители.

5. Жестокость этого злодѣйства какъ бы усилила пламя ненависти къ царю; повсюду сыпались проклятія на него самого и на дѣтей. Они скоро услышаны всѣми богами, и тѣ сдѣлали такъ, что онъ въ изступленіи жестокости не пощадилъ свою собственную кровь. Персей, видя, что расположеніе и уваженіе къ Димитрію все увеличиваются у большинства Македонянъ, и что онъ все больше и больше дѣлается пріятенъ Римлянамъ, не оставляя ему никакой другой надежды къ достиженію царской власти, какъ развѣ въ преступленіи, обратилъ къ этому одному предмету всѣ свои помышленія. Впрочемъ, жено-подобнымъ и это обсуждая духомъ, не считалъ онъ себя доста-

точно для этого сильнымъ, и потому сталъ стороною разузнавать образъ мыслей кой кого изъ приверженцевъ своего отца. Сначала нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали видъ, что они далеки отъ чего либо подобнаго, возлагая болѣе надежды на Дмитрія. Но когда съ каждымъ днемъ развивалась ненависть Филиппа къ Римлянамъ—ей Персей потакалъ, а Димитрій противудѣйствовалъ съ величайшимъ тщаніемъ — предвидя гибель неосторожнаго юноши отъ коварнаго брата, они рѣшились лучше содѣйствовать тому, что неизбѣжно должно было случиться, стали льстить надеждамъ сильнѣйшаго, и дѣйствовать за одно съ Персеемъ. Впрочемъ, исполненіе этого умысла отложено до болѣе благопріятнаго случая, а на первый разъ положено всѣми силами—вооружать царя противъ Римлянъ и склонять его къ воинскимъ замысламъ, къ которымъ онъ ужь и самъ по себѣ былъ очень расположенъ. А для того, чтобы Димитрій становился день отодня подозрительнѣе, съ умысломъ заводили разговоръ въ тонѣ презрительномъ для Римлянъ. Тутъ одни насмѣхались надъ нравами и обычаями ихъ, другіе надъ ихъ подвигами, третьи надъ самою наружностью города, еще не украшеннаго ни общественными, ни частными зданіями, а нѣкоторые надъ главными ихъ лицами отдѣльно, неосторожный юноша, и любя все Римское и не желая уступить брату, защищалъ все и дѣлалъ себя подозрительнымъ отцу и давалъ поводъ къ обвиненіямъ. А потому отецъ устранялъ его совершенно отъ всѣхъ обсужденій относительно дѣлъ съ Римлянами. Весь предавшись Персею, онъ день и ночь толковалъ съ нимъ о своихъ замыслахъ. Возвратились посланные Филиппомъ въ Бастарны для призыва на помощь, и привели они оттуда знатныхъ молодыхъ людей; нѣкоторые изъ нихъ были царскаго рода. Одинъ изъ нихъ обѣщалъ отдать сестру свою въ замужество за сына Филиппова и надежда на союзъ съ этимъ племенемъ ободрила духъ царя. Тутъ Персей сказалъ: «Да что толку во всемъ этомъ? Никакъ нельзя ждать столько пользы отъ чужестранныхъ пособій, сколько грозитъ опасностью внутренняя измѣна. Не скажу предателя, но соглядатая имѣемъ

мы конечно у себя на груди: его, съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ заложникомъ въ Римѣ, тѣло возвратили намъ Римляне, а душою продолжаютъ владѣть сами. Почти всѣхъ Македонянъ лица обращены къ нему и они того мнѣнія, что другаго царя не будутъ имѣть кромѣ того, котораго дадутъ Римляне» Такими словами и безъ того больной умъ старика раздражался болѣе; но дѣйствіе этихъ обвиненій болѣе отражалось въ его душѣ, чѣмъ на лицѣ.

6. Случилось такъ, что подошло время смотрѣть войско и торжество это обыкновенно совершалось такимъ образомъ. Голову собаки, перерубленной пополамъ, и переднюю часть клали на правой сторонѣ, а заднюю, и съ внутренностями, на лѣвой; между этихъ двухъ частей жертвы проводили войска съ оружіемъ. Впереди перваго строя несли богато украшенное оружіе всѣхъ царей отъ самого перваго начала Македоніи; за тѣмъ слѣдовалъ самъ царь съ дѣтьми, и непосредственно за нимъ царская когорта и тѣлохранители; задніе ряды заключали въ себѣ все остальное множество Македонянъ. По бокамъ царя шли двое молодыхъ людей, его сыновья: Персей — ему ужъ былъ тридцатый годъ, и Димитрій на пять лѣтъ моложе, первый въ самой силѣ молодости, второй въ ея цвѣтѣ, счастливаго отца зрѣлыя отрасли, обладай только онъ умомъ неповрежденнымъ! Былъ обычай, по окончаніи торжества очищенія, войску заниматься маневрами: воины, раздѣлясь на два строя, сходились и подражали правильному сраженію. Юные сыновья царскіе были предводителями въ этомъ примѣрномъ бою. Впрочемъ, это было не подобіе сраженія, но воины, какъ бы рѣшая участь царства, сразились не шутя, и нанесли другъ другу не мало ранъ копьями, и лишь оружія не доставало, чтобы этому маневру придать характеръ настоящаго боя. Та сторона, которою начальствовалъ Димитрій, имѣла значительный верхъ. Весьма непріятно было это Персею; но предусмотрительные пріятели его радовались, говоря, что это самое обстоятельство даетъ поводъ къ обвиненію молодаго человѣка (Димитрія).

7. Въ этотъ день и тотъ, и другой изъ царскихъ сыновей

дѣлали угощеніе для товарищей, вмѣстѣ съ ними занимавшихся маневрами; будучи приглашенъ на ужинъ Димитріемъ, Персей отказался. День былъ праздничный; ласковое приглашеніе и юношеская веселость и того, и другаго склонили къ попойкѣ. Припоминали тамъ бывшіе маневры и шутя относились о противникахъ, такъ что не щадили и самихъ вождей. Для подслушиванья этихъ рѣчей былъ посланъ шпіономъ одинъ изъ гостей Персея и такъ какъ онъ неосторожно попался на глаза, то пойманный молодыми людьми, случайно выходившими изъ столовой, порядочно побитъ. Димитрій этого вовсе ничего не зная, сталъ говорить: «почему не идти намъ покутить къ брату и если осталось у него какое раздраженіе, какъ послѣдствіе давишняго боя, то смягчимъ его нашимъ простодушіемъ и веселостью?» Всѣ криками изъявили согласіе идти кромѣ тѣхъ, которые опасались мщенія шпіона, ими только что передъ тѣмъ поколоченнаго. Такъ какъ Димитрій тащилъ и̂ ихъ, то они подъ платьемъ спрятали оружіе, которымъ могли бы защищаться въ случаѣ какого либо насилія. Но при домашнихъ раздорахъ ничего не остается втайнѣ: дома и того, и другаго (изъ сыновей царскихъ) были полны шпіоновъ и предателей; побѣжалъ доносчикъ къ Персею съ извѣстіемъ, что четыре молодыхъ человѣка, опоясанные мечами, идутъ съ Димитріемъ. Хотя причина была совершенно ясна (онъ слышалъ, что они поколотили его гостя), однако чтобы этому дѣлу придать болѣе дурной характеръ, Персей приказалъ запереть двери и изъ обращенныхъ на дорогу оконъ верхней части дома, гостей, какъ бы они пришли убить его, отгоняетъ отъ двери. Димитрій пьяный, немножко покричавъ на то, что его недопустили, возвратился домой пировать, совершенно незнакомый съ сущностью дѣла.

8. На другой день Персей, какъ только представилась возможность видѣть отца, вошелъ во дворецъ и съ лицомъ, выражавшимъ смятеніе, долго стоялъ молча вдали. Когда наконецъ отецъ спросилъ: «здоровъ ли ты?» и о причинѣ его грустнаго вида, Персей отвѣчалъ: «знай, въ барышахъ тебѣ если я еще живъ; уже не тайными ковами братъ дѣйствуетъ

противъ насъ. Ночью, съ вооруженными воинами, приходилъ онъ ко мнѣ въ домъ убить меня; только, въ запертыхъ дверяхъ и въ крѣпости стѣнъ, нашелъ я защиту отъ его неистовства.» Когда онъ нагналъ отцу страхъ и вмѣстѣ удивленіе: «Если только ты хочешь слушать—продолжалъ Персей—то я сдѣлаю, что тебѣ дѣло это будетъ ясно.» Филиппъ изъявилъ готовность слушать, и приказалъ тотчасъ позвать Димитрія и двухъ своихъ старѣйшихъ друзей, совершенно чуждыхъ, юношескихъ между братьевъ, распрей, и уже рѣдко являвшихся при дворѣ—Лизимаха и Ономаста; ихъ пригласилъ Филиппъ для совѣта. Пока пришли друзья, онъ одинъ ходилъ, погруженный глубоко въ размышленія о многомъ, а сынъ между тѣмъ стоялъ вдали. Получивъ извѣстіе, что они явились, Филиппъ удалился съ обоими друзьями и такимъ же числомъ тѣлохранителей въ самую внутреннюю часть покоевъ, а сыновьямъ позволилъ взять съ собою по три человѣка безоружныхъ. Тутъ Филиппъ, сѣвъ на мѣсто, сказалъ: сижу я, несчастнѣйшій отецъ, судьею между моихъ двухъ сыновей, одного обвинителя въ страшномъ преступленіи, а другаго подсудимаго, и у своихъ самихъ близкихъ я долженъ найдти или что преступленіе выдумано, или дѣйствительно допущено. Уже давно боялся я этой нависшей теперь грозы, видя между вами отношенія вовсе не братскія и слыша нѣкоторыя ваши рѣчи. Но иногда надежда проникала ко мнѣ въ душу — что раздраженіе ваше перегоритъ и недоразумѣнія могутъ объясниться. Даже враги, положивъ оружіе, вступаютъ въ союзъ, и многихъ частныхъ лицъ распри кончаются благополучно. Я думалъ, что вы когда нибудь вспомните, что вы родные братья, вспомните ваши дѣтскія невинныя бесѣды и игры, вспомните наконецъ и мои наставленія, относительно которыхъ я опасаюсь, какъ бы я не проповѣдывалъ по пустому глухимъ ушамъ. Сколько разъ я такъ, чтобы вы слышали, съ ужасомъ говорилъ о несогласіяхъ между братьями и припоминалъ страшныя ихъ послѣдствія, какъ они доводили до окончательной гибели себя, родъ свой, дома и царства! Съ другой стороны я представилъ примѣры лучшіе: родственное

согласіе между двумя царями Лакедемонскими было, въ продолженіи многихъ вѣковъ, спасительно для нихъ и отечества. А тоже самое государство, когда возникъ обычай каждому для себя стараться похитить верховную власть, погибло. Да вотъ эти братья, Евменъ и Атталъ, отъ самаго ничтожнаго начала, такъ что стыдились почти царями называться, сравнялись владѣніями со мною, съ Антіохомъ и съ кѣмъ бы то нибыло изъ современныхъ царей не инымъ чѣмъ, какъ болѣе всего братскимъ единодушіемъ. Да и не умолчалъ я о примѣрахъ между Римлянами: Т. и Л. Квинкціевъ, которые вели противъ меня войну; П. и Л. Сципіона, побѣдившихъ Антіоха; отца и дяди ихъ, которыхъ постоянное согласіе при жизни запечатлѣла самая смерть. Впрочемъ, васъ ни преступленія первыхъ и ихъ гибельныя послѣдствія; ни этихъ послѣднихъ хорошія качества и успѣхи въ жизни—не навели на истинный путь. Еще я живъ и дышу, а вы оба добиваетесь моего наслѣдія нечестивыми и надеждою и пожеланіями. Вы хотите, чтобы я дожилъ до того, что, переживя одного изъ васъ, другаго смертью моею сдѣлаю царемъ несомнительно. Не можете вы сносить ни брата, ни отца; ничего нѣтъ у васъ святаго, дорогаго; мѣсто всего заступила одна ненасытная жажда власти. Къ дѣлу! Оскверняйте вашими преступленіями слухъ отцовскій; состязайтесь пока уголовными обвиненіями, не замедлите и за ножи взяться! Скажите прямо или на сколько можете истины, или что вамъ вздумается выдумать. Слухъ мой отверстъ, но на будущее время глухъ я буду, къ тайнымъ вашимъ одинъ противъ другаго, обвиненіямъ.» Кипя гнѣвомъ, вотъ что высказалъ Филиппъ; у всѣхъ показались слезы и долго продолжалось грустное молчаніе.

9. Тутъ Персей сталъ говорить: «итакъ слѣдовало ночью отворить дверь, принять вооруженныхъ кутилъ, подставить горло ножу, когда не вѣрятъ преступленію иначе, какъ когда оно совершится, и я, жертва коварнаго умысла, выслушиваю тоже, что разбойникъ и злоумышленникъ. Не даромъ вѣрно говорятъ, что у тебя только одинъ сынъ Димитрій, а я подставной и

рожденный отъ любовницы. Будь я у тебя на счету сына, пользуйся я твоею отцовскою любовью, то ты обратилъ бы строгость не на меня, принесшаго жалобу въ открытіи коварнаго умысла, но на того, кто такъ поступилъ. И не такъ дешево цѣнилъ бы ты жизнь мою, что прошедшая опасность моя нисколько тебя не трогаетъ, да и за будущее небоишься ты, если замыслившимъ можно будетъ совершить это безнаказанно. А потому если необходимо мнѣ молчать и умереть, то будемъ молчать, помолясь только богамъ, чтобы на мнѣ начатое преступленіе, на мнѣ же и кончилось, и чтобы черезъ мои бока не старались достать тебя. Но если же сама природа внушаетъ жертвамъ нападенія и въ пустынѣ — людей, никогда прежде не видѣнныхъ, умолять о состраданіи, то и мнѣ, видя оружіе противъ меня обнаженнымъ, да будетъ дозволено испустить голосъ. Тобою самимъ, твоимъ именемъ отца—а кому оно изъ насъ дороже, ты давно чувствуешь—заклинаю тебя: выслушай меня такъ, какъ если бы ты, будучи вызванъ моими ночными криками и воплями, пришелъ бы ко мнѣ жалобнику, а Димитрія въ самое глухое время засталъ бы пришедшаго съ вооруженными воинами. Чтобы я кричалъ въ ту минуту подъ вліяніемъ ужаса, въ томъ я теперь на другой день приношу жалобу. Братъ, давно уже живемъ мы съ тобою такъ, что намъ съ тобою вмѣстѣ кутить не приходится! Ты хочешь царствовать во чтобы то нистало; но этой твоей надеждѣ помѣхою мой возрастъ, народное право, старинный обычай Македоніи, и даже самый приговоръ отца. Все это преодолѣть иначе какъ пролитіемъ моей крови, ты не можешь; рѣшаешься ты и испытываешь всѣ средства, но до сихъ поръ или осторожность моя, или счастіе защищаетъ меня отъ твоего преступнаго умысла. Вчерашній день, при очищеніи и маневрахъ изъ шуточной и примѣрной борьбы, сдѣлалъ ты почти губительное сраженіе, и если я и спасся отъ смерти такъ черезъ то, что позволилъ побѣдить себя и своихъ. Послѣ столь непріязненной схватки, какъ бы послѣ братской игры, хотѣлъ ты затащить меня ужинать. Полагаешь ли ты, отецъ, что я ужиналъ бы среди безоружныхъ

гостей, между тѣмъ какъ на это пиршество явились вооруженные? Полагаешь ли ты, что мнѣ ночью не угрожала ни малѣйшая опасность отъ мечей, когда я чуть не былъ убитъ, въ глазахъ твоихъ, кольями? За чѣмъ въ эту ночь, враждебно расположенный къ справедливо тобою разсерженному, приходишь съ молодыми людьми, опоясанными мечемъ? Гостемъ себя ввѣрить тебѣ я не рѣшился; а пьянаго, пришедшаго съ вооруженными, я бы къ себѣ допустилъ? Будь дверь отворена, то теперь, когда выслушиваешь мою жалобу, ты отецъ, устроивалъ бы мои похороны. Ничего здѣсь не привожу я какъ обвинитель съ цѣлью оклеветать и подбирать сомнительныя доказательства. Что же? Будетъ ли онъ отказываться, что онъ съ толпою приверженцевъ приходилъ къ моимъ дверямъ? Или не будетъ ли онъ отрицать, что при немъ находились вооруженные? Кого я назову, призови; могутъ рѣшиться на все, разъ дерзнувшіе на такой поступокъ; а отрицать они не посмѣютъ. Если бы я, захвативъ ихъ съ оружіемъ въ рукахъ, привелъ бы къ твоему порогу, тогда дѣло было бы для тебя ясно; а такъ какъ они сознаются, то считай ихъ какъ бы они были захвачены.

10. Ты теперь предаешь проклятію страсть къ власти, и бичуешь мученія ненависти между братьями; но, отецъ мой, да не будетъ слѣпо твое проклятіе, разсмотри и различи заговорщика отъ его жертвы; обрати проклятіе на главу виновнаго. Къ тому, кто замышлялъ убійство брата, пусть будутъ гнѣвны и отеческіе боги; тотъ, кто долженъ былъ погибнуть отъ преступленія брата, пусть найдетъ себѣ прибѣжище въ отеческихъ состраданіи и правосудіи. Гдѣ же въ другомъ мѣстѣ укроюсь я, которому ни торжественный обрядъ очищенія войска, ни маневры воиновъ, ни домъ, ни пиршество, ни ночь, данная благодѣяніемъ природы для отдохновенія людямъ, не были довольно безопасны? Пойди я къ брату по его приглашенію, я былъ бы жертвою смерти; пріими я его къ себѣ пьянаго таже участь меня ожидала бы. Ни уходя изъ дому, ни оставаясь дома, не избѣгаю отъ коварныхъ противъ меня замысловъ. Куда же я

удалюсь? Никого кромѣ боговъ и тебя, отецъ, я не чтилъ. Нѣтъ у меня Римлянъ, къ которымъ я могъ бы убѣжать. Они сильно желаютъ моей гибели, потому что я сострадаю твоимъ обидамъ, прихожу въ негодованіе вслѣдствіе отнятія у тебя столькихъ городовъ, столькихъ племенъ, и еще недавно прибрежья Ѳракіи. Пока и я, и ты будемъ цѣлы, они (Римляне) не будутъ считать Македонію своею. Если же я погибну отъ преступленія брата, а тебя старость—а можетъ быть и ее дожидаться не станутъ — сведетъ въ могилу — то Римляне убѣждены, что царь и царство Македонское будутъ ихъ вполнѣ. Оставь тебѣ Римляне что либо внѣ Македоніи, я полагалъ бы, что это мнѣ оставлено убѣжище (уголокъ). Но можетъ быть въ Македонянахъ довольно охраны; ты видѣлъ вчерашній день натискъ на меня воиновъ; чего имъ недоставало кромѣ оружія? Но если у нихъ не было его днемъ, то гости братнины взялись за него ночью. Что же мнѣ говорить о большей части старѣйшинъ, которые на Римлянъ возложили всю надежду повышенія, а счастія на того, кто все можетъ у Римлянъ. И его то, Геркулесъ мнѣ свидѣтель, нетолько мнѣ старшему брату, но почти и тебѣ самому царю и отцу предпочитаетъ? Онъ то самый и есть, по чьему благодѣянію, сенатъ помиловалъ тебя отъ наказанія, кто теперь защищаетъ тебя отъ оружія Римскаго, кто твою старость ставитъ въ зависимости и какъ бы въ повиновеніи отъ своей молодости. За него стоятъ Римляне, за него всѣ города, отъ твоей власти освобожденные, за него Македоняне, которымъ нравится миръ съ Римлянами. А мнѣ, отецъ, кромѣ тебя, гдѣ есть какая либо надежда или защита?

11. Какъ ты полагаешь, къ чему клонится письмо, присланное къ тебѣ нынѣ Т. Квинкціемъ, въ которомъ онъ говоритъ, что для дѣлъ своихъ придумалъ ты хорошо, что Димитрія послалъ въ Римъ и убѣждаетъ, чтобы вторично и съ большимъ количествомъ пословъ и Македонскихъ старѣйшинъ, ты опять отослалъ его туда? Т. Квинкцій теперь душа всѣхъ его поступковъ и наставникъ. Имъ то, ссадивъ тебя съ отеческаго мѣста, замѣнилъ онъ тебя. Тамъ то прежде всего зрѣютъ тай-

ные замыслы. Желаютъ приготовить себѣ по больше исполнителей, домогаясь, чтобы ты послалъ съ нимъ (Димитріемъ) по болѣе знатныхъ людей Македоніи Они отправляются въ Римъ людьми простыми и чистосердечными въ томъ убѣжденіи, что у нихъ царемъ Филиппъ, а возвратятся оттуда, напоенные Римскимъ ядомъ. Димитрій одинъ для нихъ все; его они называютъ уже царемъ еще при жизни отца. Если я на это негодую, то мнѣ прійдется выслушать тотчасъ же не только отъ другихъ, но и отъ тебя, отецъ, упрекъ въ домогательствѣ власти; но я этого упрека, если онъ будетъ предложенъ, не сознаю. Кого я сдвигаю съ его мѣста, чтобы самому его занять? Одинъ впереди меня отецъ только есть, и, молю боговъ, чтобы онъ существовалъ долго. Если же я его переживу (этого я настолько желаю, насколько заслужу, чтобы отцу это было угодно) то я прійму наслѣдіе царства, если отецъ мнѣ передастъ. Желаетъ царской власти, и притомъ преступно, тотъ, кто спѣшитъ обойдти порядокъ возраста, природы, обычаевъ Македонскихъ, народнаго права. Стоитъ на дорогѣ старшій братъ, и ему по праву, по волѣ отца, принадлежитъ царство. Долой его, не первой дискать убійствомъ брата достигну престола! Отецъ старикъ, одинъ лишенный сына, о себѣ будетъ бояться больше, чѣмъ думать о мщеніи за убійство сына. Римляне будутъ радоваться, одобрять, защищать это дѣло; ожиданія эти, отецъ, неопредѣленны, но не воображаемы. Таково дѣло само по себѣ; опасность жизни можешь ты отклонить отъ меня, наказаніемъ тѣхъ, которые взялись за оружіе для умерщвленія моего. Если же ихъ злодѣяніе увѣнчается успѣхомъ, за смерть мою отомстить ты самъ не будешь въ состояніи.

12. Когда Персей окончилъ говорить, то глаза всѣхъ присутствовавшихъ обратились на Димитрія, какъ бы ожидая отъ него немедленнаго отвѣта. Но долго послѣ того продолжалось молчаніе, такъ какъ ясно было всѣмъ, что отъ сильнаго плача онъ говорить не можетъ. Наконецъ горе уступило мѣсто необходимости: получивъ приказаніе говорить, онъ началъ такъ: «Все, что прежде могло бы служить защитою обвиненному,

обвинитель захватилъ ранѣе въ свою пользу. Притворными слезами на гибель другаго мои неподдѣльныя слезы сдѣлалъ тебѣ подозрительными. Между тѣмъ какъ онъ самъ, со времени моего возвращенія изъ Рима, въ тайныхъ съ своими приверженцами совѣщаніяхъ —денно и нощно злоумышляетъ противъ меня, онъ же самъ не только злоумышленника, но явнаго разбойника и убійцы придаетъ мнѣ характеръ. Своею опасностью тебя пугаетъ, съ цѣлью черезъ тебя же приготовиль гибель невинному брату. Онъ говоритъ, что ему нѣтъ нигдѣ, ни у одного народа, убѣжища, для того чтобы и мнѣ у тебя не оставалось никакой надежды. Жертву постоянныхъ козней, одинокаго, беззащитнаго — обременяетъ онъ еще завистью чужеземнаго расположенія, болѣе приносящаго вреда, чѣмъ пользы. Съ какою ненавистью ко мнѣ обвинитель мнимое преступленіе этой ночи соединилъ съ очерненіемъ всей остальной моей жизни! Тутъ была цѣль и та, что уже каково — тебѣ извѣстно, заподозрить мой образъ жизни въ прочихъ отношеніяхъ, и лживое оклеветаніе надеждъ, желаній, замысловъ моихъ основать на этомъ ночномъ, искусно выдуманномъ и составленномъ, доказательствѣ. Вмѣстѣ онъ и того домогался, сдѣлать обвиненіе какъ бы внезапнымъ и нисколько не подготовленнымъ, возъимѣвшимъ будто бы начало изъ опасеній этой ночи и нечаянной тревоги. А между тѣмъ слѣдовало, Персей, если я дѣйствительно предатель и отца и государства, если я составлялъ замыслы съ Римлянами, съ другими врагами моего отца, не дожидаться сказочнаго происшествія этой ночи, но ранѣе уличить меня въ измѣнѣ. Но если же это обвиненіе безъ того само по себѣ обнаруживало свою пустоту и скорѣе твою ко мнѣ ненависть, чѣмъ мою виновность, то и теперь ты его или оставь, или отложи до другаго времени, и тогда обнаружится— я ли тебѣ, или ты мнѣ новымъ какимъ то и страннымъ видомъ ненависти —готовилъ ковы. Но я насколько буду въ состояніи при моемъ разстройствѣ вслѣдствіе самой внезапности обвиненія — раздѣлю то, что ты смѣшалъ, и открою нынѣшней ночи коварный умыселъ, были-ль твоимъ или моимъ? Онъ (Персей)

хочетъ показать, что будто я замышляю убить тебя и такимъ образомъ — изведя старшаго брата, которому по народному праву, по обычаю Македонянъ, по твоему — такъ по крайней мѣрѣ онъ говоритъ, рѣшенію, я младшій могъ бы наслѣдовать мѣсто того, котораго умертвилъ. Къ чему же клонится та другая часть рѣчи, въ которой говоритъ, что Римляне у меня въ большомъ почетѣ и что, опираясь на нихъ, я возъимѣлъ надежду царствовать? Но если бы я Римлянамъ и приписывалъ столько вліянія, что они кого хотятъ, могутъ ставить царемъ Македоніи и полагался бы на ихъ ласку ко мнѣ, то къ чему мнѣ и братоубійство? Не для того-ли, чтобы носить вѣнокъ царскій, обагренный кровью брата, и черезъ то даже тѣмъ, которыхъ расположеніе пріобрѣлъ я или искреннею или, скорѣе, притворною честностью—сдѣлаться ненавистнымъ и предметомъ проклятій? Не думаешь-ли ты, что Т. Квинкцій, котораго доблестью и совѣтами быть управляемымъ ты мнѣ ставишь въ вину—тотъ самый Квинкцій, который живетъ въ такой нѣжной дружбѣ съ братомъ своимъ, мнѣ будетъ совѣтникомъ на убійство брата? Онъ же, Персей, приписалъ мнѣ не только благорасположеніе Римлянъ, но и сужденіе (въ мою пользу) Македонянъ и сочувствіе почти всѣхъ боговъ и людей—и при всемъ этомъ онъ не считалъ меня равнымъ въ предстоящей борьбѣ съ нимъ и, какъ будто я во всѣхъ отношеніяхъ далеко ему уступаю — обвиняетъ меня, что я всю надежду мою основалъ будто бы на преступленіи. Не хочешь-ли я уясню тебѣ этотъ вопросъ въ такомъ видѣ: не тотъ-ли изъ насъ, который опасался какъ бы другой не былъ достойнѣе его престола, скорѣе по общему сужденію можетъ быть заподозрѣнъ въ замыслѣ извести брата?

13. Но преслѣдуемъ дальше ходъ обвиненія, какимъ бы образомъ оно ни было выдумано. Братъ говоритъ, что разными способами до него добирались, и всѣ коварные противъ него умыслы сосредоточиваетъ на одинъ день. Хотѣлъ я будто-бы убить его, середи дня послѣ очищенія, во время маневровъ и даже, попущеніемъ боговъ, въ самый день очищенія; когда

приглашалъ ужинать, имѣлъ мысль извести его ядомъ; намѣревался убить оружіемъ въ то время, когда нѣкоторые изъ моей свиты послѣдовали за мною кутить, опоясанные мечами. Разсмотрите, какое время избрано для совершенія убійства: игры, пиршество, кутежъ. Далѣе: а день какой? Въ которой войско подверглось обряду очищенія, когда между разрубленныхъ частей жертвы, послѣ выноса впереди царскаго оружія, всѣхъ, какіе когда либо существовали, владѣтелей Македоніи, мы, только двое, идя съ тобою рядомъ, прошли, и за нами послѣдовало все войско Македонянъ. Этимъ я священнодѣйствіемъ очищенный и искупленный даже въ томъ, что я и совершилъ бы прежде достойнаго возмездія, тутъ то именно, взирая на жертву, окружавшую нашу дорогу, обдумывалъ братоубійство, отравленіе, приготовленіе оружія ко времени пиршества. Какими-же на будущее время священнодѣйствіями искупилъ бы я душу, запятнанную всякаго рода преступленіями? Но умъ, ослѣпленный желаніемъ обращать въ вину все, заподозрить каждый поступокъ, перемѣшиваетъ одно съ другимъ. Такъ если я хотѣлъ тебя извести ядомъ во время ужина, то что же могло быть болѣе неловкимъ съ моей стороны, какъ раздражить тебя на маневрахъ упорнымъ сопротивленіемъ, такъ что ты имѣлъ основаніе, что и доказалъ на дѣлѣ,—отказаться отъ моего приглашенія на ужинъ? А когда ты разсерженный отказался, то нужно-ли было мнѣ приложить стараніе успокоить тебя и искать другаго случая, разъ ужь я приготовилъ ядъ, или отъ одного намѣренія какъ бы перескочить къ другому—посягнуть на жизнь твою оружіемъ, и притомъ въ этотъ самый день подъ предлогомъ кутежа? Какимъ же образомъ я, зная, что ты изъ опасенія смерти уклонился отъ моего ужина, не ожидалъ, что ты, подъ вліяніемъ этого самаго опасенія, постараешься избѣжать и кутежа вмѣстѣ со мною?

14. Нѣчего мнѣ краснѣть, отецъ мой, если я въ праздничный день, въ обществѣ сверстниковъ выпилъ и лишнее. Я бы желалъ, чтобы ты узналъ хорошенько, какъ весело, съ какими шутками, было совершено у меня вчерашнее пиршество, подъ

вліяніемъ радости можетъ быть и достойной осужденія, что при борьбѣ оружіемъ молодежи, наша сторона небыла побѣждена. Это горе и опасеніе мигомъ насъ протрезвили; а не случись ихъ, то мы, злоумыслители, лежали бы теперь погруженными въ глубокой сонъ. Если бы дѣйствительно хотѣлъ проникнуть въ твой домъ насильно, и, проникнувъ туда, умертвить хозяина; то не воздержался ли бы я отъ вина на одинъ день? Не воздержалъ-ли бы и своихъ воиновъ? Пусть я одинъ не прикрываюсь моею излишней простотой, но и самый этотъ братъ мой, чуждый мысли о злѣ или преступленіи, говоритъ: ничего другаго я незнаю, ничего въ вину не ставлю, какъ то, что они пришли кутить съ оружіемъ; но если я спрошу, откуда ты это узналъ? Необходимо тебѣ признаться въ томъ, что или домъ мой полонъ твоихъ шпіоновъ, или мои люди до того явно взялись за оружіе, что всѣ это видѣли. А чтобы не показать, что онъ еще прежде разслѣдовалъ это обстоятельство, или теперь прибѣгаетъ къ обвиненіямъ натянутымъ — онъ внушаетъ тебѣ спросить тѣхъ, на кого онъ указалъ, имѣли-ли они съ собою оружіе? Не для того-ли чтобы ты, въ дѣлѣ сомнительномъ удостовѣрясь ихъ признаніемъ, счелъ ихъ за виновныхъ? Но почему не внушаешь ты спросить: взялись они за оружіе для твоего ли убійства, съ моего ли вѣдома и по моему ли указанію? Въ этомъ ты хочешь удостовѣриться, а не въ томъ, въ чемъ они сознаются и что ясно само по себѣ Они скажутъ, что они взяли оружіе для своей защиты. Хорошо ли, дурно ли они сдѣлали, пусть они отдадутъ отчетъ сами въ своемъ поступкѣ; но не примѣшивай сюда меня, до котораго этотъ фактъ нисколько не относится, или объясни—явно ли или тайно хотѣли мы на тебя напасть. Если явно, то почему же не всѣ были вооружены? Почему не было оружія ни у кого изъ насъ кромѣ тѣхъ, которые поколотили твоего шпіона? Если же тайно, то какой порядокъ былъ исполненія? По окончаніи пиршества, когда я подпивши ушелъ бы отъ тебя, эти четверо остались бы напасть на тебя соннаго? Какъ могли бы они обмануть людей твоихъ, будучи чуждыми, моими, и наиболѣе подозрительными, такъ какъ

они незадолго передъ тѣмъ были въ ссорѣ съ ними? Убивъ тебя, какъ они могли бы сами уйдти? Съ помощью четырехъ только мечей можно было взять твой домъ и овладѣть имъ?

15. Зачѣмъ ты не оставишь эту ночную сказку и невозвратишься къ тому, что въ сущности тебя огорчаетъ, что разжигаетъ твое недоброжелательство? «Зачѣмъ гдѣ либо, Димитрій, говорятъ о томъ, чтобы тебѣ царствовать? Зачѣмъ ты, Димирій, для нѣкоторыхъ кажешься болѣе достойнымъ наслѣдникомъ отцовской судьбы, чѣмъ я? Зачѣмъ мои надежды, которыя безъ тебя были бы вѣрными, дѣлаешь для меня предметомъ сомнѣнія и заботъ? Вотъ что чувствуетъ Персей, хотя и не говоритъ; вотъ что дѣлаетъ его моимъ врагомъ, моимъ обвинителемъ; вотъ почему домъ твой и владѣнія наполнены обвиненіями и подозрѣніями! Что же касается до меня, отецъ, то такъ какъ я ни теперь надѣяться царства не долженъ, и когда либо прежде мнѣ и думать о немъ неслѣдовало, какъ младшему сыну, и ты желаешь, чтобы я уступилъ старшему; такъ я и въ прошедшемъ и теперь недолженъ же показать себя недостойнымъ тебя отца, предметомъ общаго презрѣнія; ему подвергнусь я черезъ мои пороки, а не уступчивостью тому, кому слѣдуетъ это по праву, не скромностью. Ты меня попрекаешь Римлянами съ цѣлью—въ вину мнѣ поставить то, что должно было бы приносить мнѣ честь. Но я не просилъ — ни чтобы меня оставили въ Римѣ заложникомъ, ни чтобы меня посылали туда уполномоченнымъ. Будучи посланъ тобою, отецъ, я не отказался идти; но въ оба раза я такъ себя велъ, чтобы не быть стыдомъ ни тебѣ, ни твоему царскому сану, ни моимъ соотечественникамъ. Такимъ образомъ ты, отецъ, самъ былъ причиною моихъ дружественныхъ отношеній къ Римлянамъ. Пока у тебя съ ними будетъ миръ, и я буду пользоваться ихъ расположеніемъ; но если начнется война, то я, бывъ заложникомъ и посломъ, для отца небезполезнымъ, для тѣхъ же Римлянъ буду злѣйшимъ врагомъ. Да и теперь я не требую, чтобы милость Римлянъ приносила мнѣ какую нибудь пользу; объ одномъ умоляю—лишь-бы она не была мнѣ во вредъ. Не въ военное

время началась она, не для войны и бережется. Залогомъ мира я былъ, посломъ ходилъ обезпечить миръ. И то, и другое обстоятельство нельзя мнѣ ставить ни въ честь, ни въ вину. Что касается до меня, отецъ, то если я допустилъ себѣ и мысль преступную относительно брата, ни отъ какого наказанія не отговариваюсь. Если же я невиненъ, то умоляю—не дай мнѣ погибнуть отъ зависти, если не могутъ погубить меня клеветами. Не въ первый разъ меня обвиняетъ братъ, но только теперь въ первый разъ открыто, и безо всякой съ моей стороны противъ него вины. Будь на меня гнѣвенъ отецъ, то тебѣ, старшему брату, за младшаго слѣдовалобы быть заступникомъ и испросить прощеніе ради молодости, ради заблужденія; но именно гдѣ слѣдовало бы найдти защиту, тамъ угрожаетъ гибель. Съ пиршества и кутежа, почти полусонный, увлеченъ я для оправданія въ страшномъ преступленіи: безъ покровителей, безъ защитниковъ я самъ за себя принужденъ говорить. Если бы мнѣ надлежало произнести слово въ защиту кого либо другаго, то взялъ бы я время для того, чтобы обдумать и составить рѣчь, а между тѣмъ я рисковалъ бы только извѣстностью моихъ способностей. А теперь, не зная по какому поводу призванъ, я выслушалъ отъ тебя, отецъ, раздраженнаго приказаніе оправдываться, а отъ брата — обвиненія. Онъ сказалъ рѣчь противъ меня давно уже приготовленную и обдуманную, а я только то время, пока меня обвиняли, имѣлъ для узнанія въ чемъ дѣло. Но тутъ что мнѣ было дѣлать: выслушивать ли обвинителя, обсуждать ли оправданіе? Пораженный бѣдою внезапною и неожиданною, я едва могъ понять—что мнѣ ставятъ въ вину, неговоря уже о томъ, чтобы мнѣ могло быть хорошенько извѣстно, чѣмъ мнѣ защищаться. Какую могъ бы я имѣть надежду, не будь у меня судьею отецъ, въ привязанности котораго хотя я и уступаю мѣсто старшему брату, но, будучи подсудимымъ—въ состраданіи не надѣюсь получить отказа. Я умоляю, чтобы ты пощадилъ меня, и для меня собственно и для тебя, а онъ (братъ) требуетъ, чтобы ты казнилъ меня для его успокоенія. Но, какъ же ты полагаешь, поступитъ онъ со мною,

когда ты передашь ему царскую власть, если онъ уже теперь считаетъ справедливымъ для своей прихоти пролить мою кровь.

16. Слезы, захватившія дыханіе и голосъ Димитрія едва дали ему кончить. Филиппъ, удаливъ сыновей, послѣ непродолжительнаго объясненія съ друзьями объявилъ: не на словахъ, и не въ обсужденіи одного часа разберетъ онъ ихъ дѣло, но изслѣдованіемъ образа жизни и нравовъ того и другаго, и наблюденіемъ за ихъ дѣйствіями и словами въ дѣлахъ какъ важныхъ, такъ и неважныхъ. Для всѣхъ ясно было, что обвиненіе за предшествовавшую передъ тѣмъ ночь легко опровергнуто, но остались подозрительными, чрезмѣрно хорошія, отношенія Димитрія съ Римлянами. Такимъ образомъ какъ бы еще при жизни Филиппа брошены сѣмена Македонской войны, хотя пришлось вести ее преимущественно съ Персеемъ. Консулы оба отправились въ землю Лигуровъ, единственную на то время консульскую провинцію, и такъ какъ они вели дѣла тамъ удачно, то и объявлено молебствіе на одинъ день. Двѣ тысячи Лигуровъ пришли почти на крайній конецъ провинціи Галліи, гдѣ имѣлъ лагерь Марцеллъ, прося о томъ, чтобы приняли ихъ покорность. Марцеллъ, приказавъ Лигурамъ дожидаться въ этомъ мѣстѣ, спросилъ письмомъ сенатъ о мнѣніи. Сенатъ приказалъ претору М. Огульнію отвѣчать Марцеллу: «основательнѣе было бы самимъ консуламъ, которымъ ввѣрена эта провинція, чѣмъ сенату, рѣшить какъ дѣйствовать болѣе сообразно съ пользами государства. Впрочемъ сенату неугодно, чтобы у Лигуровъ, въ случаѣ ихъ добровольной покорности, было отобрано оружіе, во всякомъ случаѣ сенатъ признаетъ за благо отправить ихъ къ консуламъ. Преторы въ тоже время прибыли — П. Манлій въ дальнюю Испанію,—ее же онъ имѣлъ провинціею и въ прежнюю претуру, а К. Фульвій въ ближнюю, и принялъ войско отъ Теренція, такъ какъ дальняя Испанія, послѣ смерти проконсула П. Семпронія, оставалась безъ главнаго начальника. На Фульвія Флакка напали Цельтиберы въ то время, когда онъ осаждалъ городъ Испанскій, по имени Урбикую. Тамъ произошло нѣсколько упорныхъ сраженій; много Римскихъ воиновъ

и переранено и убито. Уступая упорству Фульвія, котораго ни въ какую силу нельзя было оттащить отъ осажденнаго имъ города, Цельтиберы, утомленные разными сраженіями, удалились. Городъ, по удаленіи желавшихъ подать ему помощь, въ продолженіи немногихъ дней, взятъ и разграбленъ; добычу преторъ уступилъ воинамъ. Фульвій по взятіи этого города, П. Манлій, только собравъ въ одно мѣсто войско, прежде разсѣянное, не совершивъ болѣе ничего достопримѣчательнаго, отвели войско на зимнія квартиры. Вотъ что этимъ лѣтомъ совершилось въ Испаніи! Теренцій, оставившій эту провинцію, вошелъ въ городъ съ почестями оваціи; внесено было серебра девять тысячь триста двадцать фунтовъ; золота восемьсотъ фунтовъ и два вѣнка золотыхъ по шестидесяти семи фунтовъ.

17. Въ этомъ же году Римлянамъ пришлось на мѣстѣ разбирать споръ о землѣ между народомъ Карѳагенскимъ и царемъ Масиниссою. Захватилъ ее у Карѳагенянъ отецъ Масиниссы — Гала; его оттуда выгналъ Сифаксъ и потомъ, въ угоду тестя своего Аздрубала, подарилъ Карѳагенянамъ, а ихъ въ этомъ году выгналъ Масинисса. Обѣ стороны защищали передъ Римлянами дѣло свое такъ горячо и упорно, какъ если бы приходилось рѣшать дѣло оружіемъ въ открытомъ бою. Карѳагеняне просили себѣ эту землю назадъ на томъ основаніи, что она и сперва принадлежала ихъ предкамъ, и потомъ отъ Сифакса къ нимъ перешла. Масинисса говорилъ, что онъ взялъ назадъ землю, принадлежавшую его отцу, и удерживаетъ ее по народному праву, такъ какъ и справедливость, и сила на его сторонѣ: «при этомъ спорѣ ничего онъ такъ не опасается какъ бы не повредила ему совѣстливость Римлянъ, какъ бы имъ не показалось, что они слишкомъ поблажаютъ союзному и дружественному царю противъ общихъ своихъ и его непріятелей». Послы не измѣнили правъ владѣнія, но все дѣло, не рѣшая его, препроводили въ Римъ къ сенату. Въ землѣ Лигуровъ послѣ того ничего не совершалось. Сначала они удалились въ непроходимыя ущелья, потомъ, по распущеніи войска, разошлись по разнымъ мѣстамъ въ села и укрѣпленія. Кон-

сулы также хотѣли распустить войско, и объ этомъ предметѣ спросили совѣта сенаторовъ. Тотъ повелѣлъ одному изъ консуловъ явиться въ Римъ на выборы очередныхъ должностныхъ лицъ, а другому зимовать въ Пизѣ съ легіонами. Слухъ былъ, что Трансальпинскіе Галлы вооружаютъ молодежь, но неизвѣстно было въ какую сторону Италіи польется этотъ потокъ. Такимъ образомъ консулы между себя распредѣлили, чтобы Кн. Бэбій отправился на выборы, такъ какъ его братъ М. Бэбій домогался консульства.

18. Выборы для назначенія консуловъ состоялись; объявлены консулами П. Корнелій Цетегъ и М. Бэбій Тамфилъ. Вслѣдъ за тѣмъ преторами назначены: два К. Фабія — Максимъ и Бутео, Ти. Клавдій Неронъ, К. Петиллій Спуринъ, М. Пинарій Поска, Л. Дуроній. Имъ, по принятіи должностей, провинціи достались такъ по жеребью: консуламъ—Лигуры; преторамъ: К. Петиллію — городское, К. Фабію Максиму—чужестранное судопроизводство; К. Фабію Бутеону—Галлія, Ти. Клавдію Нерону—Сицилія, М. Пинарію — Сардинія, Л. Дуронію—Апулія, и прибавлены Истры, такъ какъ отъ жителей Тарента и Брундизія получено извѣстіе, что прилегающія къ морю земли подвергаются грабежамъ отъ экипажей судовъ, приходящихъ изъ-за моря. Точно также жаловались Массилійцы на Лигурійскія суда. Потомъ распредѣлены войска: консуламъ четыре легіона (по пяти тысячъ двѣсти Римскихъ пѣхотинцевъ и по триста всадниковъ въ каждомъ) и пятнадцать тысячъ союзниковъ и Латинскаго наименованія, восемьсотъ всадниковъ. Въ Испаніяхъ продолжена прежнимъ преторамъ власть съ тѣми войсками, которыя у нихъ были. На пополненіе опредѣлено три тысячи гражданъ Римскихъ, двѣсти всадниковъ, и союзниковъ Латинскаго наименованія шесть тысячъ пѣшихъ, триста всадниковъ. Приняты мѣры и относительно морскихъ силъ: поручено консуламъ на этотъ предметъ избрать двухъ сановниковъ, и они должны вывести въ море двадцать судовъ съ матросами изъ Римскихъ гражданъ, въ видѣ наказанія присужденныхъ къ рабскимъ работамъ, а только начальствовать ими должны свобод-

ные. Между двумя сановниками суда распредѣлены такъ, что каждый изъ нихъ съ десятью судами долженъ былъ защищать морской берегъ, съ тѣмъ чтобы у нихъ въ срединѣ былъ мысъ Минервы какъ предѣлъ разграниченія: одинъ долженъ былъ прикрывать правую сторону до Массиліи, а другой лѣвую до Барія.

19. Много чудесныхъ явленій печальнаго предзнаменованія было въ этомъ году и замѣчено въ Римѣ, и получено о нихъ извѣстіе изъ разныхъ провинцій. На площадяхъ Вулкана и Согласія шелъ кровяной дождь. Первосвященники извѣстили, что копья сами собою приходили въ движеніе, и что въ Ланувіѣ изображеніе Юноны Спасительницы проливало слезы. Моровая язва по полямъ, торговымъ мѣстечкамъ и сходьбищамъ, и въ самомъ Римѣ была такъ сильна, что и Либитины при этомъ врядъ доставало (*). Озабоченный такими чудесными явленіями и бѣдствіями сенатъ опредѣлилъ — чтобы консулы принесли жертвы тѣмъ богамъ, какимъ заблагоразсудятъ, а десять сановниковъ пусть возьмутся за книги. Вслѣдствіе ихъ декрета опредѣлено—у всѣхъ жертвенниковъ Рима совершить молебствіе на одинъ день. По предложенію тѣхъ же лицъ, сенатъ постановилъ, а консулы объявили, чтобы по всей Италіи, въ продолженіи трехъ дней, было совершено молебствіе и празднество. Моровая язва свирѣпствовала съ такою силою, что когда вслѣдствіе отпаденія Корсиканцевъ, и начатыхъ въ Сардиніи Илійцами военныхъ дѣйствій, велѣно было набрать восемь тысячъ пѣшихъ изъ союзниковъ Латинскаго наименованія и триста всадниковъ, которыхъ преторъ М. Пинарій долженъ былъ перевезти съ собою въ Сардинію—обнаружился такой ущербъ умершими въ людяхъ, и такъ много больныхъ повсемѣстно, что такое количество воиновъ набрать оказалось невозможнымъ. Недостающее количество ихъ велѣно претору взять отъ проконсула Кн. Бэбія, зимовавшаго въ Пизѣ, и оттуда переправить въ Сардинію. Претору Л. Дуронію, которому досталась провинціею

(*) *Прим.* т. е. не успѣвали хоронить какъ слѣдуетъ тѣла мертвыхъ.

Апулія, придано изслѣдованіе о Вакханаліяхъ; потому что, какъ бы оставшіяся отъ прежняго зла, сѣмена обнаружились еще въ предшествовавшемъ году. Но у претора Л. Пупія слѣдствія были скорѣе начаты, чѣмъ приведены къ какому либо концу. Сенатъ повелѣлъ новому претору пресѣчь это зло, чтобы оно снова не приняло болѣе широкихъ размѣровъ. Также консулы внесли къ народу, предложенные сенатомъ, законы противъ подкупа на выборахъ.

20. Затѣмъ консулы ввели въ сенатъ посольства — сначала царей Евмена и Аріарата Каппадокскаго и Понтійскаго Фарнака: имъ не дано ничего другаго въ отвѣтъ, какъ только что будутъ посланы уполномоченные для разбора ихъ споровъ и постановленія о нихъ. Затѣмъ введены послы Лакедемонскихъ изгнанниковъ и Ахейцевъ; изгнанникамъ подана надежда, что сенатъ напишетъ Ахейцамъ объ ихъ возвратѣ. Ахейцы изложили къ удовольствію сената дѣло объ обратномъ взятіи Мессены и о возстановленіи тамъ порядка. И отъ Филиппа, царя Македонянъ, пришли два посла: Филоклесъ и Апеллесъ. Посланы они были не съ цѣлью просить сенатъ о какомъ либо дѣлѣ, но болѣе для шпіонства и для изслѣдованія—справедливы-ли тѣ переговоры Димитрія съ Римлянами, въ которыхъ обвинялъ его Персей, а въ особенности съ Т. Квинкціемъ, всѣ направленные противъ правъ брата на престолъ. Этихъ именно людей (Филоклеса и Апеллеса) отправилъ царь, какъ непринадлежащихъ ни той, ни другой партіи и слѣдовательно чуждыхъ пристрастія къ тому или другому изъ противниковъ; но и они были участниками и орудіями коварнаго умысла Персея противъ брата. Димитрію ничего не было извѣстно, кромѣ того, что недавно обнаружилось злостью брата. Сначала Димитрій, хоть и не питалъ большой надежды умилостивить отца въ свою пользу, но и не терялъ ее вовсе; съ каждымъ днемъ онъ имѣлъ все менѣе и менѣе вѣры въ расположеніе родителя, замѣчая, что братъ постоянно нашептываетъ ему въ уши. А потому сталъ онъ крайне остороженъ въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ, какъ бы не увеличить подозрѣнія; въ особенности же

онъ воздерживался отъ всякаго сношенія съ Римлянами и упоминанія о нихъ; и писать къ себѣ онъ вовсе запретилъ, зная, что въ особенности этого рода обвиненія доводятъ духъ (отца) до крайняго раздраженія.

21. Филиппъ вмѣстѣ для того, чтобы солдатъ отъ праздности не дѣлался хуже, а также чтобы удалить подозрѣніе о какомъ либо замыслѣ съ его стороны, непріязненномъ для Римлянъ, назначивъ сборное мѣсто войскъ у Стобъ въ Пэоніи, повелъ его далѣе въ Мэдику. Овладѣло имъ желаніе взойдти на верхъ горы Гема; вѣрилъ онъ, распространенному въ народѣ, слуху, будто бы оттуда можно видѣть въ одно и тоже время Понтійское (Черное) и Адріатическое моря; рѣку Истръ и самые Альпы: все это разомъ обнять глазами ему казалось весьма немаловажнымъ при обсужденіи (плана) войны съ Римлянами. По распросамъ людей, хорошо знавшихъ этотъ край относительно восхожденія на Гэмъ, довольно положительно обнаружилось изъ сличенія всѣхъ показаній, что для войска дороги нѣтъ тамъ совершенно, и что даже для немногихъ и на легкѣ и то затруднителенъ доступъ. Филиппъ, съ цѣлью—дружескою бесѣдою ублажить младшаго сына—его онъ рѣшился не брать съ собою—и потому сначала спросилъ его: «когда предстоитъ путь столь затруднительный, нужно-ли упорствовать въ намѣреніи, или отъ него отказаться? Впрочемъ, если онъ (Филиппъ) и будетъ продолжать путь, то не можетъ забыть въ такомъ дѣлѣ Антигона: онъ, бросаемый страшною бурею, когда въ одномъ съ нимъ суднѣ находились всѣ его близкіе, говорятъ сдѣлалъ наставленіе дѣтямъ, чтобы они и сами помнили и своимъ потомкамъ передали, чтобы никто, вмѣстѣ со всѣмъ родомъ, не подвергался опасности въ сомнительныхъ обстоятельствахъ. Припоминая это наставленіе, и онъ, Филиппъ не подвергнетъ обоихъ сыновей вмѣстѣ случайности этого приключенія и такъ какъ онъ беретъ съ собою старшаго сына, то младшаго, какъ надежду про запасъ и для обереженія царства, отошлетъ въ Македонію». Не укрылось отъ Димитрія, что его отсылаютъ, дабы онъ не присутствовалъ при совѣщаніи, когда при обзорѣ

мѣстности будетъ совѣтъ — какою ближайшею дорогою вести войско къ Адріатическому морю и Италіи, и какой вообще будетъ планъ военныхъ дѣйствій. Впрочемъ приходилось не только повиноваться отцу, но и согласиться съ нимъ, дабы не подать и подозрѣнія, что онъ неохотно повинуется. Однако для того, чтобы обратный путь въ Македонію для Димитрія не былъ сопряженъ съ какою либо опасностью, Дидасъ, одинъ изъ царскихъ преторовъ, начальствовавшій въ Пэоніи, получилъ приказаніе проводить его съ небольшимъ отрядомъ. И Дидаса Персей, какъ и большую часть приближенныхъ отца съ тѣхъ поръ, какъ ни для кого уже не было сомнительнымъ, кому, при такомъ настроеніи духа царскаго, будетъ принадлежать наслѣдіе царства, включилъ въ число заговорщиковъ на гибель брата. На этотъ разъ Персей далъ ему порученіе, чтобы онъ, исполненіемъ всѣхъ желаній брата, старался вкрасться къ нему въ наибольшее довѣріе съ цѣлью—добиться возможности выслѣдить всѣ тайны и разузнать самыя сокровенныя его мысли. Такимъ образомъ Димитрій отправился подъ охраною, болѣе опасною, чѣмъ бы пришлось ему ѣхать одному.

22. Филиппъ, перейдя сначала Медику, потомъ пустынныя мѣста, лежащія между Медикою и Гемомъ, седьмымъ наконецъ лагеремъ достигъ подошвы горы. Тутъ онъ промедлилъ день, выбирая людей, которыхъ долженъ былъ взять съ собою, и на третій день отправился въ путь. Не много сначала трудовъ было на нижнихъ холмахъ, но чѣмъ поднимались выше, тѣмъ встрѣчали все болѣе и болѣе лѣсистыя и во многихъ мѣстахъ непроходимыя мѣстности; потомъ достигли они такой чащи деревъ, что сквозь огромныхъ вѣтвей, стѣснившихся одна съ другою, чуть было видно небо; а съ приближеніемъ къ вершинѣ встрѣтили явленіе, въ другихъ мѣстахъ рѣдкое, — до того все было покрыто туманомъ, что также трудно было идти какъ ночью; наконецъ въ третій день достигли вершины. Сойдя оттуда, они нисколько не касались обще принятаго мнѣнія, но, какъ я полагаю скорѣе отъ того, чтобы не подать повода смѣяться надъ безполезностью путешествія, чѣмъ чтобы они

на самомъ дѣлѣ видѣли съ одного мѣста, другъ отъ друга столь отдаленныя, моря, горы и рѣки. Всѣ утомились, а въ особенности царь по своимъ уже преклоннымъ лѣтамъ — затруднительностью пути. На вершинѣ горы принеся жертвы на двухъ алтаряхъ, посвященныхъ Юпитеру и Солнцу, царь употребилъ на спускъ съ горы два дня, между тѣмъ какъ на восхожденіе было употреблено три дня; въ особенности опасался онъ ночныхъ холодовъ, которые, съ наступленіемъ каникулъ, равняются съ зимними. Послѣ борьбы, въ продолженіи этихъ дней, со многими затрудненіями, онъ и въ лагерѣ нашелъ мало пріятнаго: во всемъ приходилось терпѣть крайній недостатокъ какъ въ странѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной пустынями; а потому, промедливъ только одинъ день для отдохновенія тѣхъ, которые его сопровождали, онъ оттуда походомъ, почти на бѣгство похожимъ, перешелъ въ землю Дентелетовъ. Съ ними Филиппъ былъ въ союзѣ, но Македоняне, терпя во всемъ крайній недостатокъ, опустошили ихъ земли не хуже какъ бы и вражескія. Сначала грабили они загородныя дома, а потомъ уже нападали и на цѣлыя деревни, не безъ большаго стыда для царя, до слуха котораго проникали жалобные голоса союзниковъ, тщетно призывавшихъ въ защиту боговъ-свидѣтелей союзныхъ договоровъ и его (Филиппа) имя. Взявъ оттуда хлѣба, Филиппъ вернулся въ Медику и началъ осаждать городъ, называемый Петрою: самъ расположился лагеремъ со стороны поля, а сына Персея съ небольшимъ отрядомъ обослалъ кругомъ для того, чтобы аттаковать городъ съ возвышенной мѣстности. Жители города, видя опасность, угрожавшую имъ со всѣхъ сторонъ, дали заложниковъ и на время покорились; но, какъ только войско удалилось, забывъ о заложникахъ, они оставили городъ и убѣжали въ горы и мѣста укрѣпленныя. Филиппъ, утомивъ трудами разнаго рода воиновъ безо всякой пользы, вернулся въ Македонію съ усиленными, вслѣдствіе коварства претора Диды, подозрѣніями противъ сына.

23. Отправленный, какъ мы уже прежде сказали, провожатымъ Димитрія, онъ воспользовался простотою неосторожнаго

молодаго человѣка, не безъ основанія разсерженнаго противъ своихъ—онъ соглашался съ нимъ, за одно съ нимъ негодовалъ и самъ предлагалъ ему содѣйствіе всякаго рода, втершись къ нему въ довѣріе, онъ выманилъ его тайну: Димитрій замышлялъ бѣжать къ Римлянамъ: казалось, что сами боги послали помощникомъ къ осуществленію этого намѣренія—претора Пэоніи, черезъ провинціи котораго Димитрій возъимѣлъ надежду безопасно уйдти. Намѣреніе это передано немедленно брату, а черезъ него сообщено и отцу. Донесеніе объ этомъ получено было сначала, какъ только царь осадилъ Петру. Вслѣдствіе этого Геродоръ (онъ былъ главнымъ изъ приверженцевъ Димитрія) брошенъ въ оковы, а Димитрія велѣно держать подъ стражею, но незамѣтно для него. Вотъ что сдѣлало для царя прибытіе въ Македонію въ особенности печальнымъ. Дѣйствовали на него и уже существовавшія улики: впрочемъ, онъ счелъ необходимымъ дождаться людей, посланныхъ имъ въ Римъ для подробнаго обо всемъ изслѣдованія. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло для него въ этихъ непріятныхъ мысляхъ; наконецъ вернулись послы, еще заранѣе въ Македоніи обдумавъ какое извѣстіе принести изъ Рима; кромѣ другихъ злодѣйствъ отдали они царю фальшивое письмо, будто бы Т. Квинкція, скрѣпленное поддѣльною его печатью; оно содержало оправданіе всего, что молодой человѣкъ, увлеченный страстью властвовать, съ нимъ затѣвалъ: «во всякомъ случаѣ ничего онъ (Димитрій) не сдѣлаетъ противъ кого либо изъ своихъ, да и онъ (Квинкцій) не изъ тѣхъ, которые могутъ быть виновниками какого либо нечестиваго замысла». Это письмо доказывало (повидимому) справедливость обвиненій Персея. Вслѣдствіе этого. Геродоръ тотчасъ же преданъ долговременнымъ пыткамъ, но ничего не показалъ и умеръ въ мученіяхъ.

24. Тутъ-то Персей возобновилъ свои обвиненія Димитрія передъ отцомъ; какъ улики были противъ Димитрія бѣгство, приготовленное чрезъ Пэонію и подкупъ нѣкоторыхъ, чтобы они были спутниками его странствованія; но главною уликою служило мнимое письмо Т. Квинкція. Впрочемъ не состоялось

относительно Димитрія никакого строгаго приговора гласно, а положено лучше умертвить его хитростью, и это не изъ заботы о немъ, но для того, чтобы казнь его не обнаружила непріязненныхъ замысловъ противъ Римлянъ. Собираясь ѣхать изъ Ѳессалоникъ въ Деметріаду, Филиппъ отправилъ Димитрія въ Астрій, городъ Пэоніи, въ сопровожденіи того же Диды, а Персея въ Амфиполисъ — принять отъ Ѳракійцевъ заложниковъ. При разставаніи съ Дидою, говорятъ, Филиппъ далъ ему порученіе относительно убійства сына. Дида дѣйствительно ли, притворно ли, назначилъ жертвоприношеніе; на празднество по этому случаю приглашенъ Димитрій, изъ Астреи прибылъ въ Гераклею; тутъ то, говорятъ, за столомъ данъ ему ядъ. Выпивъ чашу, немедленно почуствовалъ его, и такъ какъ тотчасъ же начались боли, то онъ, оставивъ пиршество, удалился въ спальню, жалуясь среди мученій на жестокость отца, злодѣйство брата, а Диду обвиняя въ предательствѣ. За тѣмъ впущены какой то Тирсисъ изъ Стуберы (родомъ) и Александръ изъ Берои; они, набросивъ на голову и горло Димитрія ковры, отняли у него дыханіе. Такъ погибъ невинный молодой человѣкъ, и враги его не довольствовались даже употребить противъ него одинъ какой нибудь видъ смертной казни.

25. Между тѣмъ какъ это происходило въ Македоніи, Л. Емилій Павллъ — а ему продолжена власть, которую имѣлъ онъ бывши консуломъ, въ началѣ весны ввелъ войска въ землю Ингавнскихъ Лигуровъ. Какъ только расположился онъ лагеремъ въ предѣлахъ непріятелей, пришли къ нему послы будто бы просить мира, а на самомъ дѣлѣ о всемъ развѣдать. Павллъ далъ отвѣтъ, что о мирѣ договариваться можетъ онъ только не иначе какъ подъ условіемъ совершенной покорности; они отъ нея и не отказывались, а утверждали, что нужно нѣкоторое время для убѣжденія людей необразованныхъ. На этотъ предметъ дано имъ десятидневное перемиріе; тутъ они стали еще просить: «чтобы воины не ходили за фуражомъ и дровами по ту сторону горъ; тамъ находятся воздѣланныя мѣста ихъ земель». Получивъ и на это согласіе, они, позади этихъ самихъ горъ,

отъ коихъ отвлекли непріятеля, сосредоточили все войско и вдругъ огромными массами бросили аттаковать Римскій лагерь разомъ у всѣхъ его воротъ. Съ величайшимъ напряженіемъ они во весь день продолжали нападеніе, такъ что Римляне не имѣли даже ни возможности вынести значки, ни довольно мѣста, чтобы развернуть строй. Тѣсною массою столпившись въ воротахъ, они больше тѣломъ, чѣмъ оружіемъ защищали лагерь. Къ закату солнца по удаленіи непріятеля, Емилій Павлъ отправилъ въ Пизу двухъ конныхъ воиновъ къ проконсулу Кн. Бэбію съ письмомъ, чтобы онъ шелъ, какъ можно поспѣшнѣе, къ нему осажденному во время перемирія. Бэбій передалъ войско претору М. Пинарію, отправлявшемуся въ Сардинію; однако он немедленно донесеніемъ извѣстилъ сенатъ, что Л. Емилій осажденъ Лигурами, и М. Клавдію Марцеллу, котораго провинція была ближайшею, написалъ, чтобы онъ, если признаетъ это удобнымъ, перевелъ войско изъ Галліи въ Лигурію, и освободилъ бы М. Емилія отъ осады. Но и та и другая помощь должны были опоздать; Лигуры на другой день воротились къ лагерю. Емилій, зная, что они придутъ и имѣя возможность войско вывести въ поле, держалъ своихъ за окопами, желая оттянуть рѣшеніе дѣлъ до того времени, когда Бэбій будетъ имѣть возможность подоспѣть изъ Пизы съ войскомъ.

26. Въ Римѣ донесеніе Бэбія надѣлало большую тревогу и она еще усилилась, когда, чрезъ нѣсколько дней, Марцеллъ, передавъ войско Фабію, прибылъ въ Римъ и отнялъ надежду на возможность—войско, находящееся въ Галліи, перевести въ землю Лигуровъ, такъ какъ началась война съ Истрами, препятствующими основанію колоніи въ Аквилеяхъ; туда отправился Фабій и теперь, когда начались военныя дѣйствія, ему оттуда вернуться невозможно. Единственная, да и та позднѣе, чѣмъ требовали обстоятельства времени, надежда на помощь заключалась въ томъ, чтобы консулы, какъ можно поспѣшнѣе, отправились въ провинціи. Каждый изъ сенаторовъ самъ отъ себя кричалъ имъ, чтобы они такъ и сдѣлали. Консулы говорили, что не пойдутъ прежде, чѣмъ окончатъ наборъ и причиною поздня-

го отправленія выставляли не свою недѣятельность, а силу болѣзни. Впрочемъ, не могли они устоять противъ единодушія сената, и должны были выйдти въ военной одеждѣ, а воинамъ, которыхъ имена были внесены въ списокъ, назначили день, къ которому они должны сойдтись въ Пизу. Дозволено консуламъ по мѣстамъ, чрезъ которыя пойдутъ, немедленно производить внезапной наборъ и этихъ воиновъ вести съ собою. Преторамъ, К. Петиллію и К. Фабію, повелѣно: Петиллію набрать поголовно два легіона гражданъ Римскихъ и обязать военною присягою всѣхъ возрастомъ ниже пятидесяти лѣтъ. Фабію — истребовать отъ союзниковъ Латинскаго наименованія пятнадцать тысячь пѣшихъ и восемьсотъ всадниковъ. Двумя сановниками по морской части назначены К. Матіенъ и Л. Лукрецій, и ими снаряжены суда: Матіену, въ распоряженіе котораго отданы мѣста къ Галльскому заливу, повелѣно флотъ—отвесть какъ можно поспѣшнѣе къ берегамъ Лигуровъ на случай—не представиться ли возможность быть чѣмъ либо полезнымъ Л. Емилію и его войску.

27. Емилій, видя, что помощи ни откуда не показывается и полагая, что посланные имъ всадники перехвачены (непріятелемъ) счелъ за нужное не откладывать долѣе попытать счастія до наступленія непріятелей, а они стали уже нападать лѣнивѣе и слабѣе прежняго — у четырехъ воротъ устроилъ онъ войско такъ, чтобы по поданному знаку оно разомъ бросилось со всѣхъ воротъ. Къ четыремъ сверхъ-очереднымъ когортамъ прибавлены двѣ и во главѣ ихъ поставленъ легатъ М. Валерій; велѣно имъ броситься изъ сверхъ-очередныхъ (эктраординарныхъ воротъ). У правыхъ *принципальныхъ* поставлены гастаты перваго легіона, а изъ принциповъ того же легіона составленъ резервъ; начальниками этого отдѣленія назначены М. Сервилій и Л. Сульпицій, военные трибуны. Третій легіонъ выстроенъ противъ принципальныхъ лѣвыхъ воротъ. Въ этомъ вся перемѣна, что принципы поставлены въ первомъ ряду, а гастаты въ резервѣ: надъ этомъ легіономъ сдѣланы начальниками военные трибуны: Секс. Юлій Цезарь и Л. Аврелій Котта. Легатъ К. Фульвій

Флаккъ съ правымъ крыломъ поставленъ у квесторскихъ воротъ; двумъ когортамъ и тріаріямъ двухъ легіоновъ велѣно оставаться для защиты лагеря. Самъ военачальникъ обошелъ всѣ ворота для бесѣды съ воинами, и какими только могъ побудительными средствами старался произвесть раздраженіе въ воинахъ: то винилъ онъ коварство непріятелей, которые, прося мира и получивъ перемиріе — во время самого перемирія, вопреки народнаго права, пришли аттаковать лагерь. То внушалъ онъ воинамъ—какой стыдъ войску Римскому быть въ осадѣ у Лигуровъ скорѣе разбойниковъ, чѣмъ настоящихъ воиновъ: «съ какимъ лицомъ каждый изъ васъ, если вы изъ этого положенія выйдете чужою помощью, а не вашею доблестью, встрѣтитесь вы, ужь не говорю я о воинахъ, побѣдившихъ Аннибала, Филиппа, Антіоха, могущественнѣйшихъ царей и полководцевъ нашего времени; но хоть о тѣхъ, которые нѣсколько разъ этихъ самихъ Лигуровъ, бѣжавшихъ какъ стадо скота, избивали преслѣдуя по непроходимымъ ущельямъ? На что не дерзаютъ Испанцы, Галлы, Македоняне и Карѳагенцы, непріятель Лигустинецъ подбѣгаетъ къ окопамъ Римскимъ, дѣйствуетъ наступательно и осаждаетъ ихъ; тотъ же непріятель еще недавно, когда мы осматривали непроходимыя ущелья, прятался отъ насъ, и мы съ трудомъ находили его послѣ долгихъ поисковъ». На это въ отвѣтъ раздавались единодушные клики воиновъ: «они нисколько не виноваты, если имъ никто не даетъ сигнала къ вылазкѣ. А когда онъ его дастъ, то и увидитъ, что и Римляне, и Лигуры, остались тѣми же, какими были и прежде.»

28. По сю сторону горъ были два лагеря Лигуровъ. Въ первые дни они выходили оттуда съ восходомъ солнца разомъ всѣ и устроенные въ боевомъ порядкѣ; теперь же они брались за оружіе не прежде какъ насытясь и пищею и виномъ, выходили врозь и въ безпорядкѣ; такъ какъ они почти уже за вѣрное надѣялись, что непріятель не вынесетъ значковъ за окопы. На непріятелей, вышедшихъ въ такомъ безпорядкѣ, испустивъ громкіе военные крики, въ которыхъ участвовали и всѣ, находив-

шіеся въ лагерѣ, прислужники и маркитанты, Римляне бросились разомъ изъ всѣхъ воротъ. Лигуры до того не ожидали вылазки, что пришли въ такое замѣшательство, какъ бы подверглись нападенію, обойденные изъ засады; недолгое время продолжалось что-то похожее на бой, но потомъ началось самое полное бѣгство непріятелей и избіеніе ихъ въ разныхъ мѣстахъ; всадникамъ данъ знакъ — сѣсть на коней и никому не давать уходить; тогда всѣ непріятели въ самомъ безпорядочномъ бѣгствѣ сбиты въ лагерь: а потомъ и его потеряли. Болѣе пятнадцати тысячъ Лигуровъ убито въ этотъ день, а взято въ плѣнъ двѣ тысячи пятьсотъ. Три дня спустя все, что носило наименованіе Лигуровъ Ингавновъ, изъявило покорность, представивъ заложниковъ. Разысканы кормчіе и гребцы, занимавшіеся на судахъ морскимъ разбоемъ, и всѣ отданы подъ стражу. Дуумвиръ К. Матіенъ захватилъ на Лигурскомъ берегу тридцать два судна этого рода. Съ извѣстіемъ объ этомъ и донесеніемъ сенату посланы въ Римъ Л. Аврелій Котта и К. Сульпицій Галлъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они должны были просить, чтобы Л. Эмилію дозволено было, по умиреніи провинціи — удалиться, увести съ собою войско и распустить его. На то и другое послѣдовало соизволеніе сената, и молебствіе у всѣхъ алтарей объявлено на три дня. Преторы получили приказаніе: Петиллій распустить городскіе легіоны, а Фабій отмѣнить наборъ союзниковъ Латинскаго наименованія, и городской преторъ долженъ былъ написать консуламъ, что сенату заблагоразсудилось—воиновъ, поголовно, по случаю тревоги, набранныхъ, распустить какъ можно поспѣшнѣе.

29. Колонія Грависки въ этомъ году отведена въ Этруское поле, нѣкогда отнятое у жителей Тарквинія; каждому поселенцу дано по пяти десятинъ; отвели поселенцевъ три сановника: К. Кальпурній Пизонъ, П. Клавдій Пульхеръ, К. Теренцій Истра. Этотъ годъ замѣчателенъ по необыкновенной засухѣ и недостатку плодовъ. Памяти потомства передано, что въ продолженіи шести мѣсяцевъ не было вовсе дождя. Въ этомъ же году, на полѣ Л. Петиллія писца, у подошвы Яникула, когда воздѣ-

лывавшіе землю стали ее глубже пахать, найдено два каменныхъ сундука, по восьми футовъ въ длину и по четыре въ ширину; крышки ихъ были скрѣплены свинцомъ. Письмена латинскія и греческія вырѣзаны были на томъ и другомъ сундукѣ о томъ, что въ одномъ похороненъ Нума Помпилій, сынъ Помпона, царь Римлянъ, а въ другомъ заключаются книги Нумы Помпилія. Когда хозяинъ, по совѣту своихъ пріятелей, открылъ эти сундуки, то значившійся по надписи гробницею царскою найденъ пустымъ безъ всякаго слѣда человѣческаго тѣла, или иного какого предмета: разрушительнымъ дѣйствіемъ столькихъ годовъ все уничтожено. Въ другомъ сундукѣ двѣ связки, обернутыя въ засмоленые покровы, заключали въ себѣ каждая по семи книгъ не только цѣлыхъ, но и какъ бы вовсе новыхъ на видъ. Семь латинскихъ были о первосвященническомъ правѣ, а семь греческихъ о преподаваніи мудрости въ той мѣрѣ, въ какой оно могло быть въ то время. Антіатъ Валерій присоединяетъ, что книги были Пиѳагоровы, довольно правдоподобную ложь прикрывъ довѣріемъ къ общераспространенному мнѣнію о томъ, будто бы Нума былъ изъ числа слушателей Пиѳагора. Сначала пріятели (хозяина) бывшіе при этомъ дѣлѣ, читали книги, но когда они многимъ уже становились извѣстны черезъ чтеніе, то К. Петиллій, городской преторъ, любитель чтенія, взялъ ихъ у Л. Петиллія. Были они коротко знакомы и К. Петиллій, сдѣлавшись квесторомъ, принялъ Л. Петиллія писцомъ въ декурію. Ознакомившись съ сущностью содержанія и замѣтивъ, что многое клонится къ разрушенію принятыхъ вѣрованій, онъ сказалъ Л. Петиллію: «что онъ книги эти бросилъ бы въ огонь, но прежде чѣмъ такъ поступитъ, онъ ему позволяетъ испытать всѣ средства законной защиты къ удержанію этихъ книгъ; онъ это сдѣлаетъ, нисколько не утративъ его добраго расположенія». Писецъ обратился къ трибунамъ народнымъ, но тѣ предоставили дѣло сенату. Преторъ заявлялъ свою готовность дать клятву, что этихъ книгъ ни читать, ни беречь не слѣдуетъ. Сенатъ опредѣлилъ: «достаточнымъ считать, что преторъ берется дать присягу; книги какъ можно скорѣе сжечь на *комиціи* (мѣстѣ гдѣ производятся

выборы), а цѣну за книги, какую опредѣлитъ преторъ К. Петиллій и большинство трибуновъ народныхъ, заплатить ихъ хозяину». Писецъ не согласился ее принять, а книги сожжены на комиціѣ въ глазахъ народа на огнѣ, разведенномъ служителями жертвоприношеній.

30. Этимъ лѣтомъ возникла въ ближней Испаніи значительная война. Цельтиберы собрали — чего прежде еще почти никогда не бывало—до тридцати пяти тысячъ человѣкъ. Этою провинціею завѣдывалъ К. Фульвій Флаккъ; онъ, слыша, что Цельтиберы вооружаютъ свою молодежь и самъ, сколько могъ, собралъ союзныхъ вспомогательныхъ войскъ, но ни въ какомъ случаѣ численностью не равнялся съ непріятелемъ. Въ началѣ весны онъ повелъ войско въ Карпетанію, и расположился лагеремъ у города Ебуры, небольшой гарнизонъ оставивъ въ городѣ. Черезъ нѣсколько дней Цельтиберы, почти въ двухъ оттуда миляхъ, стали лагеремъ подъ холмомъ. Узнавъ объ ихъ прибытіи преторъ Римскій, М. Фульвій, послалъ брата съ двумя эскадронами союзныхъ всадниковъ въ лагерь непріятельскій для осмотра, и приказалъ ему подойдти какъ можно ближе къ окопамъ — посмотрѣть каковы они; отъ сраженія же воздерживаться и удалиться какъ только увидитъ, что непріятельская конница станетъ выходить. Онъ такъ и поступилъ, согласно данному наставленію. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней никакого другаго движенія не было, кромѣ того что эти два отряда показывались и опять уводимы были, какъ только непріятельская конница выбѣгала изъ лагеря. Наконецъ Цельтиберы, выведя изъ лагеря разомъ всѣ свои войска пѣшія и конныя, остановились, расположась въ боевомъ порядкѣ почти на серединѣ пространства между обоими лагерями; поле было совершенно ровное и удобное для сраженія; тутъ стояли Испанцы, ожидая непріятеля. Римлянинъ удерживалъ своихъ заваломъ въ продолженіи четырехъ дней, и непріятель стоялъ все это время въ боевомъ порядкѣ. Со стороны Римлянъ не было никакого движенія; затѣмъ и Цельтиберы успокоились въ своемъ лагерѣ, такъ какъ возможности къ сраженію непредставлялось; только

всадники выходили на аванпосты для того, чтобъ быть готовыми на случай какого либо движенія со стороны непріятеля. Позади лагерей воины и той и другой стороны свободно ходили за фуражемъ и за дровами, непрепятствуя другъ другу.

31. Римскій преторъ, полагая, что онъ покоемъ въ продолженіи столькихъ дней подалъ надежду непріятелю, что онъ первый не предприметъ никакого движенія, приказалъ Л. Ацилію съ лѣвымъ крыломъ и шестью тысячами мѣстныхъ этой провинціи войскъ обойдти гору, находившуюся въ тылу у непріятелей и оттуда, какъ услышитъ воинскіе крики, устремиться къ ихъ лагерю. Ночью они выступили для того, чтобъ не быть замѣченными. На разсвѣтѣ Флаккъ послалъ К. Скрибонія, префекта союзниковъ, къ окопамъ непріятельскимъ съ внѣочередными всадниками лѣваго крыла. Цельтиберы, видя, что они приблизились въ большемъ числѣ и ближе чѣмъ то случалось обыкновенно, выпустили изъ лагеря всю конницу; вмѣстѣ поданъ сигналъ выходить и пѣхотѣ. Скрибоній, согласно даннаго ему наставленія, какъ только услыхалъ лошадиный топотъ, велѣлъ оборотить коней и устремился бѣгствомъ къ лагерю; тѣмъ усерднѣе преслѣдовалъ непріятель. Сначала приблизились всадники, а потомъ и пѣхота тутъ же явилась съ несомнѣнною надеждою въ этотъ день взять (Римскій) лагерь: непріятель находился отъ окоповъ въ разстояніи не болѣе пятисотъ шаговъ. Тутъ Флаккъ, когда уже нашелъ, что достаточно отвлекъ его отъ защиты собственнаго лагеря, построилъ войско внутри окоповъ, и тремя отдѣленіями разомъ сдѣлалъ вылазку съ воинскими криками, поднятыми не только для возбужденія военнаго пыла, но и для того чтобъ быть услышанными отъ тѣхъ, которые находились въ горахъ. И тѣ незамедлили, какъ имъ было приказано, устремиться къ лагерю, гдѣ для охраны его оставался отрядъ не болѣе, какъ изъ пяти тысячъ человѣкъ. Такъ какъ они пришли въ ужасъ отъ малочисленности своей, отъ множества непріятелей и отъ внезапности нападенія, то лагерь взятъ почти безъ борьбы. Ацилій зажегъ ту часть лагеря, которая была наиболѣе въ виду у сражающихся.

32. Задніе ряды Цельтиберовъ, участвовавшихъ въ сраженіи, первые увидали пламя; потомъ по всему войску разнеслось, что лагерь утраченъ и что онъ уже теперь горитъ очень сильно. А потому ими овладѣлъ ужасъ, а Римлянамъ прибавилось смѣлости: уже доносились до нихъ крики ихъ товарищей побѣдителей, уже видѣли объятымъ пламенемъ непріятельскій лагерь. Цельтиберы нѣкоторое время оставались въ нерѣшимости, незная, что имъ дѣлать, но когда возможности отступленія, въ случаѣ пораженія, не представлялось никакой и одна надежда оставалась въ бою, упорно какъ бы вновь начинаютъ сраженіе; въ рединѣ они были сильно тѣснимы пятымъ легіономъ. Противъ лѣваго крыла, на которомъ видѣли Римлянами поставленныя, однородныя съ собою, той же провинціи войска, съ большею увѣренностью стали Цельтиберы дѣйствовать наступательно. Уже не далеко было оттого, чтобы лѣвому крылу Римлянъ пришлось уступить, если бы не подоспѣлъ седьмой легіонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ города Ебуры войска, оставленныя тамъ въ гарнизонѣ, прибыли въ самомъ разгарѣ сраженія, и Ацилій былъ въ тылу. Долго Цельтиберы были поражаемы съ двухъ сторонъ; оставшіеся разбѣжались во всѣ стороны куда попало. Конница, пущенная за ними въ погоню, произвела большое побоище. До двадцати трехъ тысячъ непріятелей убито въ этотъ день; взято въ плѣнъ четыре тысячи семьсотъ, болѣе пятисотъ коней и восемьдесятъ восемь военныхъ значковъ. Побѣда была значительная, но и не обошлась безъ потерь. Потеря Римлянъ простиралась изъ двухъ легіоновъ—немного болѣе двухсотъ человѣкъ; изъ союзниковъ латинскаго наименованія восемьсотъ тридцать, изъ вспомогательныхъ чужеземныхъ войскъ почти двѣ тысячи четыреста убито. Преторъ отвелъ въ лагерь побѣдоносное войско; Ацилію велѣно оставаться въ лагерѣ имъ взятомъ. На другой день снята съ убитыхъ непріятелей военная добыча, и передъ собраніемъ воиновъ розданы подарки отличившимся наиболѣе мужествомъ.

33. Затѣмъ раненные свезены въ городъ Ебуру и легіоны поведены черезъ Карпетанію въ Контребію. Этотъ городъ,

будучи осажденъ, просилъ помощи Цельтиберовъ, но тѣ замедлили не потому, чтобы они сами промѣшкали, но потому что, по выступленіи ихъ изъ дому, задержали дороги, сдѣлавшіяся непроходимыми отъ безпрестанныхъ дождей и разлитія рѣкъ. Не надѣясь болѣе на помощь своихъ, городъ покорился. Да и Флаккъ съ своей стороны, вслѣдствіе невыносимо дурной погоды, ввелъ все войско въ городъ. Цельтиберы, выступившіе изъ дому, незная о покореніи Контребіи, но перейдя наконецъ рѣки при первой возможности, какъ только прекратились дожди, подошли къ городу и, внѣ стѣнъ его невидя никакого лагеря, полагали, что или онъ перенесенъ въ другую сторону или Римляне отступили отъ города,—по неосторожности въ безпорядкѣ къ ниму приближались. Противъ нихъ Римляне сдѣлали вылазку изъ двухъ воротъ и, напавъ на неустроенныхъ, обратили ихъ въ бѣгство. Обстоятельство неблагопріятное для сопротивленія и начатія сраженія, а именно то, что они шли не однимъ строемъ и не собирались толпами у значковъ,— при бѣгствѣ служило для многихъ спасеніемъ. Они разсѣялись по всему полю и Римляне не могли нигдѣ окружить значительную ихъ толпу. Впрочемъ до двѣнадцати тысячь непріятелей убито, а взято болѣе пяти тысячь человѣкъ, лошадей четыреста, значковъ военныхъ шестьдесятъ два. Когда разсѣянные бѣгствомъ удалялись домой, встрѣтили они еще отрядъ Цельтиберовъ и повернули его назадъ, разсказомъ о покореніи Контребіи и о постигшемъ ихъ бѣдствіи; немедленно всѣ разошлись по своимъ селамъ и укрѣпленіямъ. Флаккъ, выступивъ изъ Контребіи, черезъ Цельтиберію, опустошая ее, повелъ легіоны; много укрѣпленій взялъ онъ, пока большая часть Цельтиберовъ не изъявила покорности.

34. Вотъ что дѣлалось въ этомъ году въ ближней Испаніи. Въ дальней преторъ Манлій имѣлъ нѣсколько удачныхъ сраженій съ Лузитанами. Аквилея, поселеніе Латинское, въ этомъ году выведена въ поле (бывшее) Галловъ. Три тысячи пѣшихъ воиновъ получили по пятьдесятъ десятинъ, сотники по сту, а всадники по сту сорокъ десятинъ каждый. Три сановника отводили

П. Корнелій Сципіонъ Назика, К. Фламиній, Л. Манлій Ацидинъ. Два храма освящены въ этомъ году: одинъ Венеры Ерицинской у Колинскихъ воротъ; освящалъ Л. Порцій Л. сынъ Лицинъ дуумвиръ (обѣтъ построенія данъ консуломъ Л. Порціемъ во время войны съ Лигурами). Другой храмъ, на овощномъ рынкѣ—*набожности*; его освятилъ М. Ацилій Глабріонъ дуумвиръ. Онъ же поставилъ отцу своему Глабріону позолоченную статую, первую, которая позолочена въ Италіи; а онъ самый далъ обѣтъ воздвигнуть этотъ храмъ въ тотъ день, когда съ царемъ Антіохомъ имѣлъ рѣшительный бой у Ѳермопилъ; онъ же и закладывалъ его вслѣдствіе сенатскаго декрета. Въ то же время, когда этотъ храмъ посвященъ, проконсулъ Л. Емилій Павллъ получилъ почести тріумфа надъ Ингавнскими Лигурами; внесъ двадцать пять золотыхъ вѣнковъ, а кромѣ того нисколько золота и серебра не несено во время тріумфа. Много плѣнныхъ старѣйшинъ Лигурскихъ ведено передъ колесницею. Воинамъ раздѣлилъ по триста ассъ; славу этого тріумфа увеличили послы Лигуровъ просьбою о вѣчномъ мирѣ: «такъ положилъ себѣ на умъ народъ Лигуровъ не браться за оружіе иначе, какъ исполняя приказаніе народа Римскаго.» Преторъ К. Фабій отвѣчалъ Лигурамъ по приказанію сената: «не въ первый разъ слышатъ они подобныя рѣчи отъ Лигуровъ; но чтобы образъ мыслей ихъ измѣнился и соотвѣтствовалъ ихъ словамъ—то это важнѣе всего для самихъ Лигуровъ.»—Миръ господствовалъ въ землѣ Лигуровъ. Въ Корсикѣ происходили сраженія съ Корсами; преторъ М. Пинарій умертвилъ ихъ въ сраженіи до двухъ тысячь; вынужденные такою бѣдою, дали они заложниковъ и воску сто тысячь фунтовъ. Оттуда войско отведено въ Сардинію и удачныя сраженія даны Илійцамъ, народу и теперь еще несовсѣмъ умиренному. Карѳагенянамъ въ этомъ году возвращено сто заложниковъ и народъ Римскій доставилъ имъ миръ не только отъ себя, но и отъ царя Масиниссы, занимавшаго войскомъ съ оружіемъ въ рукахъ спорное поле.

35. Праздною пришлась провинція консуламъ. М. Бэбій,

отозванный въ Римъ для выборовъ, назначилъ консулами А. Постумія Альбина Луска и К. Кальпурнія Пизона. Затѣмъ сдѣланы преторами: Ти. Семпроній Гракхъ, Л. Постумій Альбинъ, П. Корнелій Маммула, Ти. Минуцій Молликулъ, А. Гостилій Манцинъ, К. Мэній; всѣ они вступили въ должность въ Мартовскія Иды, въ началѣ того года, въ которомъ были консулами А. Постумій Альбинъ и К. Кальпурній Пизонъ введены въ сенатъ консуломъ А. Постуміемъ, пришедшіе изъ ближней Испаніи отъ К. Фульвія Флакка, уполномоченный Л. Минуцій и два военныхъ трибуна Т. Мэній и Л. Теренцій Массиліота. Они принесли извѣстіе о двухъ удачныхъ сраженіяхъ, о покореніи Цельтиберіи и совершенномъ замиреніи провинціи, о томъ что не предстоитъ надобности ни въ присылкѣ жалованья, ни въ доставленіи на этотъ годъ къ войску провіанта, просили сенатъ во первыхъ: «за благополучно совершившіяся событія воздать почесть богамъ безсмертнымъ,» потомъ: «чтобы Фульвію, при удаленіи изъ провинціи, дозволено было увезти съ собою и войско, котораго дѣятельнымъ содѣйствіемъ и самъ онъ пользовался, и многіе преторы до него, и поступить такъ не только слѣдуетъ, но даже есть рѣшительная необходимость. Воины до того упрямы, что повидимому удержать ихъ въ провинціи нѣтъ болѣе возможности и они, если не будутъ распущены, уйдутъ и такъ безъ приказанія, или, если будутъ насильно удерживаемы, можетъ вспыхнуть гибельный мятежъ.» Обоимъ консуламъ сенатъ назначилъ провинціею—землю Лигуровъ; потомъ преторы бросили между собою жребій; достались: А. Гостилію—городское, Ти. Минуцію—чужестранное судопроизводство, П. Корнелію—Сицилія, К. Мэнію—Сардинія. Изъ Испаній достались по жеребью: Л. Постумію—дальняя, Т. Семпронію—ближняя. Онъ, долженствуя наслѣдовать К. Фульвію Флакку, сталъ говорить въ пользу того, чтобы провинцію нелишать стараго войска. «Спрашиваю тебя, Минуцій, говоришь ты, что провинція умирена, но полагаешь ли ты, что Цельтиберы навсегда останутся вѣрными, такъ что этою провинціею владѣніе будетъ обезпечено и безъ войска? Но если ты не можешь насъ положительно

завѣрить, или поручиться въ вѣрности этихъ дикарей, и самъ ты того мнѣнія, что во всякомъ случаѣ войско тамъ держать надобно; не посовѣтуешь ли ты сенату отправить въ Испанію воиновъ только для укомплектованія легіоновъ, такъ чтобы отпустить только тѣхъ воиновъ, которые отслужили срокъ службы, и примѣшать къ старымъ воинамъ новонабранцевъ? Или не слѣдуетъ ли, выведя изъ провинціи старые легіоны, набрать и послать новые, между тѣмъ какъ внушающіе пренебреженіе новонабранцы и болѣе смирныхъ дикарей могутъ побудить къ возстанію? Гораздо легче на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, провинцію, жители которой отъ природы неукротимы и уже не первый разъ взялись за оружіе, умирить окончательно. А какъ я слышалъ, то немногіе города, которыхъ въ особенности тѣснило близкое сосѣдство Римскихъ зимнихъ квартиръ, покорились совершенно; болѣе же отдаленные и теперь на военной ногѣ. А при такомъ положеніи дѣлъ, я вамъ отсюда предсказываю, почтенные сенаторы, что я буду служить отечеству съ тѣмъ войскомъ, которое теперь тамъ находится. Если же Флаккъ уведетъ съ собою легіоны, я выберу для зимовки мѣста мирныя и вновь набранныхъ воиновъ не подставлю ожесточенному врагу.

36. Легатъ на вопросы, ему сдѣланные, отвѣчалъ: «ни онъ, ни врядъ ли кто другой въ состояніи предузнать, что Цельтиберы имѣютъ въ душѣ или будутъ имѣть. А потому нельзя отрицать, что лучше и къ замиреннымъ, но еще недостаточно привыкшимъ къ повиновенію, дикарямъ — отправить войско. Нужно ли для этого новое войско или прежнее—можетъ сказать только тотъ, который въ состояніи былъ бы предузнать — до какой степени Цельтиберы останутся вѣрны миру; и вмѣстѣ тотъ, который зналъ бы навѣрное — останутся ли спокойными воины, если долѣе будутъ удержаны въ провинціи. Но если дѣлать предположенія на основаніи или того, что они между собою говорятъ или того, что вырывается у нихъ криками при бесѣдахъ къ нимъ главнаго вождя, то они вовсеуслышаніе объявляли, что они или его удержатъ съ собою въ провинціи, или съ нимъ пойдутъ въ Италію.» Споръ между преторомъ и ле-

гатомъ прерванъ былъ докладомъ консуловъ, которые считали справедливымъ, чтобы устроили ихъ провинціи прежде, чѣмъ толковать о войскѣ претора. Все новое войско опредѣлено консуламъ: два Римскихъ легіона съ принадлежащею къ нимъ конницею, и союзниковъ Латинскаго наименованія число, какое обыкновенно полагалось—пятнадцать тысячь пѣшихъ и восемьсотъ всадниковъ. Съ этимъ войскомъ поручено имъ вести войну съ Апуанскими Лигурами. П. Корнелію и М. Бэбію продолжена власть и велѣно имъ занимать провинціи впередъ до прибытія консуловъ, а затѣмъ повелѣно, распустивъ то войско, которое у нихъ было, возвратиться въ Римъ. Потомъ шли толки о войскѣ Ти. Семпронія. Консулы получили приказаніе набрать для него новый легіонъ изъ пяти тысячъ двухсотъ пѣшихъ воиновъ и четырехсотъ всадниковъ, и кромѣ того тысячи пѣшихъ гражданъ Римскихъ и пятидесяти всадниковъ; а союзникамъ наименованія Латинскаго повелѣть выставить семь тысячъ пѣшихъ воиновъ и триста всадниковъ. Съ этимъ войскомъ положено идти въ ближнюю Испанію—Ти. Семпронію. К. Фульвію дозволено—воиновъ, какъ изъ Римскихъ гражданъ, такъ и изъ союзниковъ, которые прежде консульства Сп. Постумія и К. Марція, переведены въ Испанію и кромѣ того, по полученіи подкрѣпленія, все, что въ двухъ легіонахъ свыше десяти тысячь пѣшихъ, шестисотъ всадниковъ и союзниковъ Латинскаго наименованія сверхъ двѣнадцати тысячь пѣшихъ и шестисотъ всадниковъ, тѣхъ воиновъ, которыхъ особенно полезнымъ содѣйствіемъ пользовался К. Фульвій въ двухъ сраженіяхъ противъ Цельтиберовъ, онъ могъ съ собою вывезти. Объявлено молебствіе по случаю удачнаго имъ (Фульвіемъ) веденія общественныхъ дѣлъ; и остальные преторы разосланы по провинціямъ. К. Фабію Бутеону въ Галліи продолжена власть; восемь легіоновъ, кромѣ стараго войска, находившагося въ Лигуріи, въ надеждѣ скоро быть распущеннымъ, положено въ этомъ году имѣть подъ оружіемъ. Но и это самое войско съ трудомъ было пополнено вслѣдствіе моровой язвы, уже третій годъ опустошавшей городъ Римъ и Италію.

37. Умерли преторъ Ти. Минуцій, и вскорѣ послѣ того консулъ К. Кальпурній и много другихъ замѣчательныхъ людей разныхъ сословій; наконецъ такую смертность начали считать явленіемъ чудеснымъ (выходящимъ изъ круга обыкновенныхъ). К. Сервилій, великій первосвященникъ, получилъ приказаніе розыскать средства къ умилостивленію гнѣва боговъ, децемвиры—посовѣтоваться съ (священными) книгами, консулъ обѣщать дары Аполлону, Эскулапу и Спасенію и поставить имъ позолоченныя статуи; онъ далъ эти обѣты и статуи поставилъ. Децемвиры объявили молебствіе на два дни за общественное здравіе въ Римѣ и по всѣмъ мѣстамъ стеченія народа; всѣ старше 12 лѣтъ въ вѣнкахъ и держа въ рукахъ лавровыя вѣтви, приносили мольбы. Вкралось подозрѣніе и на злобу человѣческую, и сенатъ своимъ декретомъ поручилъ слѣдствіе объ отравленіяхъ какъ въ Римѣ, такъ и въ разстояніи десяти тысячь шаговъ отъ него—претору К. Клавдію, назначенному на мѣсто Ти. Минуція, а далѣе десятаго (милеваго) камня по базарамъ и всѣмъ мѣстамъ сходьбищъ народныхъ К. Мэнію, прежде чѣмъ онъ переправится въ свою провинцію Сардинію. Особенно подозрительна была смерть консула: всѣ говорили, что онъ погибъ отъ жены своей Кварты Гостиліи; а когда сынъ ея, К. Фульвій Флаккъ, объявленъ консуломъ на мѣсто вотчима, то неблагопріятные толки о смерти Пизона получили большую силу. Явились свидѣтели тому, что когда объявлены были консулами Альбинъ и Пизонъ на тѣхъ выборахъ, на которыхъ Флаккъ получилъ отказъ, мать и попрекнула ему тѣмъ, что уже въ третій разъ ему отказано въ консульствѣ по его просьбѣ и прибавила: пусть онъ приготовится еще просить; она сдѣлаетъ, что черезъ два мѣсяца онъ будетъ консуломъ. Въ числѣ многихъ другихъ свидѣтельствъ, относившихся къ дѣлу, и этотъ слухъ, слишкомъ хорошо оправдавшійся на дѣлѣ, имѣлъ особенно вліяніе на осужденіе Гостиліи. Въ началѣ этой весны, между тѣмъ какъ консуловъ задержали въ Римѣ новые выборы, затѣмъ смерть одного изъ нихъ и выборы для назначенія на его мѣсто, были причиною промедленія во всемъ. Между тѣмъ П. Корнелій и М. Бэбій, во время

консульства не совершившіе ничего достойнаго памяти, ввели войско въ землю Апуанскихъ Лигуровъ.

38 Лигуры, до прибытія консуловъ въ провинцію не ожидавшіе военныхъ дѣйствій, будучи захвачены вдругъ, отдались въ числѣ двѣнадцати тысячь человѣкъ. Ихъ, спросивъ предварительно письмомъ мнѣніе сената—Корнелій и Бэбій положили вывести съ горъ въ ровныя поля подальше отъ родины, чтобы небыло надежды на возвращеніе, убѣжденные, что иначе не будетъ никогда конца войны съ Лигурами. Въ землѣ Самнитовъ находилось поле, общественное достояніе народа Римскаго, прежде принадлежавшее Тавразинамъ. Желая перевесть туда Лигуровъ Апуанскихъ, они объявили: «Лигуры Апуанскіе должны оставить свои горы съ женами и дѣтьми и все свое съ собою нести.» Лигуры не разъ умоляли черезъ пословъ, чтобы ихъ не вынуждали покидать ихъ пенатовъ (божковъ роднаго очага), мѣсто, въ которомъ родились, могилы предковъ и обѣщали дать оружіе и заложниковъ. Не имѣя ни успѣха въ просьбахъ, ни силъ для веденія войны, они повиновались приказанію. Переведены на общественный счетъ до сорока тысячь свободныхъ гражданъ съ женами и дѣтьми. Серебра дано сто пятьдесятъ тысячь (монетъ) на покупку новыхъ построекъ, въ какихъ имѣли надобность. Для распредѣленія и отвода участковъ поля назначены главными тѣ же, которые отводили—Корнелій и Бэбій, но, по требованію ихъ самихъ, сенатъ назначилъ еще пять сановниковъ, по совѣту съ которыми они должны были дѣйствовать. По окончаніи этого дѣла и отвода прежняго войска въ Римъ, опредѣленъ тріумфъ сенатомъ; первые Корнелій и Бэбій удостоились его почестей безъ веденія войны. Передъ колесницею вели только непріятелей, такъ какъ при своемъ торжествѣ не имѣли они ничего для несенія, и нѣкого было вести плѣнныхъ и нѣчего давать воинамъ.

39. Въ томъ же году въ Испаніи проконсулъ Фульвій Флаккъ, такъ какъ преемникъ въ его провинцію медлилъ прибытіемъ, вывелъ войско изъ зимнихъ квартиръ и сталъ опустошать дальнія мѣста Цельтиберіи, откуда не было изъявленій

покорности. Этимъ онъ больше раздражилъ, чѣмъ привелъ въ ужасъ умы дикарей; тайно собравъ войска, они заняли ущелье Манліанское, зная очень хорошо, что войску Римскому необходимо черезъ него проходить. Когда отправлялся въ дальнюю Испанію Л. Постумій Альбинъ, то Гракхъ его, какъ товарища, просилъ — дать знать Фульвію, чтобы онъ привелъ войско въ Тарракону: «тамъ ветераны будутъ распущены, распредѣлены подкрѣпленія и вообще устроено все войско». Также и срокъ, и притомъ близкій, назначенъ Флакку, къ которому долженъ былъ прибыть его преемникъ. Извѣстіе объ этомъ заставило Флакка, оставивъ предначертанный было имъ образъ дѣйствія, поспѣшно вывести войско изъ Цельтиберіи. Дикари, не зная о причинѣ и полагая, что онъ прослышалъ объ ихъ отпаденіи и тайно составленныхъ воинскихъ замыслахъ и оттого оробѣлъ, тѣмъ смѣлѣе заняли ущелье. Какъ только въ это ущелье на разсвѣтѣ вошло войско Римское, вдругъ съ двухъ сторонъ разомъ поднявшись, непріятели напали на Римлянъ. Видя это, Флаккъ успокоилъ возникшее было смятеніе, приказавъ всѣмъ воинамъ черезъ сотниковъ остановиться каждому на своемъ мѣстѣ и изготовить оружіе; войсковыя тяжести и вьючныхъ животныхъ собравъ въ одно мѣсто, всѣ войска частью самъ, частью черезъ легатовъ и трибуновъ военныхъ, согласно съ требованіями мѣстности и времени, построилъ безо всякаго замѣшательства. Онъ внушалъ имъ, что: «приходится имъ дѣло имѣть съ людями, уже два раза изъявлявшими покорность. Злобы и коварства прибавилось у нихъ, а не доблести и мужества. Ничемъ не ознаменованное, возвращеніе въ отечество сдѣлаютъ они славнымъ и достопамятнымъ: окровавленные свѣжимъ истребленіемъ непріятелей и добычу, облитую кровью, принесутъ они въ Римъ для тріумфа». Болѣе говорить время не позволяло; непріятель напиралъ, и на крайнихъ пунктахъ уже сражались; наконецъ сошлись и главныя силы.

40. Вездѣ было упорное сраженіе, но съ разнымъ успѣхомъ. Отлично сражались легіоны, и имъ не уступали въ мужествѣ два отдѣленія конницы. Но чужестранныя вспомогательныя вой-

ска тѣснимы были воинами, одинаково съ ними вооруженными, на дѣлѣ же нѣсколько лучшими, и не могли удержаться въ позиціи. Цельтиберы, понимая, что обыкновеннымъ боевымъ порядкомъ они не могутъ сравняться съ легіонами, построясь клиномъ, произвели натискъ. Въ этомъ родѣ сраженія они такъ сильны, что куда бы они ни ударили со всею силою, напоръ ихъ выдержать невозможно. И тутъ легіоны пришли въ замѣшательство, и ряды почти прорваны. Видя такое разстройство, Флаккъ на конѣ подскакалъ къ конницѣ легіоновъ и сказалъ воинамъ: «если вы еще не поможете, то войско пропало». Когда со всѣхъ сторонъ раздались крики: «почему онъ не скажетъ, какъ нужно поступить? онъ найдетъ въ нихъ дѣятельныхъ исполнителей своихъ приказаній». — Вы, всадники двухъ легіоновъ—сказалъ тутъ Флаккъ—соединитесь въ одну массу и пустите коней на карре непріятельское, которымъ они нашихъ тѣснятъ. Въ этомъ вы успѣете болѣе сильнымъ напоромъ коней, если вы пустите ихъ туда разнузданными. Не разъ уже поступали такъ Римскіе всадники съ большою для себя похвалою, какъ о томъ сохранилось въ преданіяхъ. Повиновались они и, снявъ узды, два раза туда и сюда проскакали съ величайшею потерею непріятелей, переломавъ у всѣхъ копья. Когда карре, на которомъ почила вся надежда Цельтиберовъ, разстроилось, они начали робѣть и почти оставивъ сраженіе, искали глазами мѣста куда бы бѣжать. Всадники, находившіеся на флангахъ, видя столь знаменитое дѣло Римскихъ всадниковъ и сами, доблестью ихъ воодушевленные, безъ чьего либо приказанія напустили коней на уже смятенныхъ непріятелей. Тогда всѣ Цельтиберы бросились бѣжать въ разсыпную и главный вождь Римскій, видя тылъ непріятелей, далъ обѣтъ храма Счастія Всадническаго, а Юпитеру Всеблагому и Всемогущему обѣщалъ игры. По всему ущелью бьютъ Цельтиберовъ, разсѣявшихся въ бѣгствѣ; говорятъ, будто бы въ этотъ день убито было семнадцать тысячь непріятелей, а живыхъ взято болѣе четырехъ тысячь, двѣсти семьдесять семь съ военными значками, лошадей почти тысячу сто. Въ этотъ день по-

бѣдоносное войско оставалось вовсе безъ лагерей. Побѣда не обошлась безъ потери людьми. Четыреста два воина Римскихъ, союзниковъ латинскаго наименованія тысячу девятнадцать и съ ними три тысячи вспомогательныхъ воиновъ пали на полѣ сраженія. Такимъ образомъ побѣдоносное войско, обновивъ свою прежнюю славу, приведено въ Тарраконъ. На встрѣчу Фульвію вышелъ преторъ Ти. Семпроній, пришедшій за два дни передъ тѣмъ, и поздравилъ его съ отличными на пользу общественную дѣйствіями. Съ величайшимъ единодушіемъ уладили они между собою, которыхъ воиновъ отпустить и которыхъ удержать. Оттуда Фульвій, отслужившихъ воиновъ посадивъ на суда, отправился въ Римъ, а Семпроній повелъ легіоны въ Цельтиберію.

41. Консулы ввели войско въ землю Лигуровъ съ разныхъ сторонъ. Постумій съ первымъ и третьимъ легіономъ занялъ горы Балисту и Суисмонтій, а вооруженными отрядами узкіе черезъ нихъ проходы, прекратилъ подвозы и усмирилъ Лигуровъ недостаткомъ во всемъ. Фульвій, со вторымъ и четвертымъ легіономъ изъ Пизы, напалъ на Апуанскихъ Лигуровъ, жившихъ около рѣки Макры и получивъ отъ нихъ изъявленіе покорности, до семи тысячь человѣкъ посадилъ на суда и перевезъ въ Неаполь вдоль берега Этрускаго моря; оттуда они переведены въ Самній и имъ отведены участки между ихъ землями. Горныхъ Лигуровъ виноградники порублены А. Постуміемъ и фруктовыя деревья сожжены: наконецъ всѣми бѣдствіями войны вынужденные, они выдали оружіе. Оттуда Постумій на судахъ выступилъ для осмотра береговъ Лигуровъ Ингавновъ и Интемеліевъ. Прежде чѣмъ консулы пришли къ войску, сборное мѣсто котораго назначено въ Пизѣ — имъ начальствовали А. Постумій и братъ К. Фульвія М. Фульвій Нобиліоръ; Фульвій былъ военнымъ трибуномъ втораго легіона. Онъ, въ свои мѣсяцы (управленія) распустилъ легіоны, клятвою обязавъ сотниковъ—деньги въ казначейство отнести квесторамъ. Когда объ этомъ дано знать Авлу (случилось, что онъ туда поѣхалъ) то онъ съ легкою конницею погнался за распущенными и ко-

торыхъ могъ нагнать отвелъ, пожуривъ, въ Пизу; о прочихъ онъ далъ знать консулу. По его докладу состоялось сенатское опредѣленіе—сослать М. Фульвія въ Испанію за новый Карѳагенъ; консулъ далъ ему письмо для доставленія П. Манлію въ дальнюю Испанію. Воинамъ приказано возвратиться къ значкамъ; а въ наказаніе имъ опредѣлено — выдать этому легіону за этотъ годъ жалованье только за шесть мѣсяцевъ, а какой воинъ къ войску не возвратится, того продать самого и имущество его—получилъ приказаніе консулъ.

42. Въ этомъ же году Л. Дуроній, преторъ, въ предшествовавшемъ году вернувшійся изъ Иллирика въ Брундизій съ десятью судами, оттуда, оставивъ суда на пристани, прибылъ въ Римъ и, при изложеніи своихъ дѣйствій, почти не колебался свернуть на Гентія, царь Иллировъ, причину всего морскаго разбоя. «Изъ его владѣній выходятъ всѣ суда, опустошавшія берега Верхнаго моря; об ъэтомъ дѣлѣ отправлены послы, но они не имѣли возможности видѣть царя». Въ Римъ прибыли послы отъ Гентія; они говорили, «что въ то время когда Римляне пришли повидаться съ царемъ, случилось, что онъ больной находился на отдаленномъ краю своихъ владѣній. Проситъ Гентій у сената не вѣрить вымышленнымъ на него обвиненіямъ, заключающимся въ доносахъ его враговъ».—Дуроній еще прибавилъ, что во владѣніяхъ Гентія нанесены обиды многимъ гражданамъ Римскимъ и союзникамъ Латинскаго наименованія; кромѣ того, говорятъ, граждане Римскіе задержаны въ Корцирѣ. Ихъ всѣхъ положено привести въ Римъ и К. Клавдію претору произвесть дознаніе, и не прежде дать отвѣтъ царю Гентію и посламъ его. Въ числѣ многихъ другихъ жертвъ заразительной болѣзни этого года— умерло нѣсколько духовныхъ лицъ. Скончался Л. Флаккъ первосвященникъ, а его мѣсто заступилъ К. Фабій Лабеонъ. Умеръ и П. Манлій, не задолго передъ тѣмъ вернувшійся изъ дальней Испаніи, триумвиръ жертвенныхъ пиршествъ: мѣсто его заступилъ триумвиръ К. Фульвій, М. сынъ ,въ то время еще не снимавшій юношеской одежды. По поводу назначенія царя жертвоприношеній вмѣсто Кн. Корнелія Долабеллы, произошелъ споръ

между К. Сервиліемъ, великимъ первосвященникомъ, и Л. Корнеліемъ Долабеллою, дуумвиромъ флота. Первосвященникъ требовалъ, чтобы онъ предварительно посвященія, сложилъ съ себя должность: вслѣдствіе несогласія его исполнить это требованіе первосвященника, тотъ наложилъ штрафъ на дуумвира, и когда послѣдній аппеллировалъ, то состязаніе перенесено въ народное собраніе. Когда уже многія трибы, позванныя къ подачѣ голосовъ, приговорили — дуумвиру быть въ повиновеніи у первосвященника, а штрафъ сложить, если онъ откажется отъ должности, вдругъ случилось явленіе на небѣ, разстроившее выборы. Тогда изъ религіозныхъ опасеній первосвященники не стали посвящать Долабеллу, а посвятили П. Клелія Сикула, стоявшаго вторымъ въ спискахъ посвященія. Въ концѣ года умеръ и великій первосвященникъ К. Сервилій Геминъ; онъ былъ одинъ изъ децемвировъ священнодѣйствій. Первосвященникомъ назначилъ коллегій на его мѣсто К. Фульвія Флакка, а великимъ первосвященникомъ М. Емилія Лепида; при соискательствѣ многихъ знатныхъ лицъ, децемвиромъ священнодѣйствій на его мѣсто назначенъ К. Марцій Филиппъ. Умеръ авгуръ Сп. Постумій Альбинъ; на его мѣсто авгуры назначили П. Сципіона, сына Африканова. Куманцамъ въ этомъ году дано по ихъ просьбѣ позволеніе — говорить всенародно по латынѣ, и глашатаямъ имѣть право продавать по латынѣ же.

43. Пизанцамъ за обѣщаніе земель, куда моглобъ быть выведено Латинское поселеніе — выражена благодарность сената; для этого дѣла (отвода колоніи) выбраны тріумвирами К. Фабій Бутеонъ, М и П. Попилліи Ленаты. Отъ К. Мэнія претора (ему когда досталась провинціею Сардинія, прибавлено — произвести слѣдствіе объ отравленіяхъ на разстояніе отъ города далѣе десяти тысячь шаговъ) прислано письмо о томъ: «что онъ уже подвергъ осужденію три тысячи человѣкъ, и кругъ его изслѣдованія все распространяется по множеству доносовъ: или слѣдствіе прійдется оставить или отказаться отъ провинціи». К. Фульвій Флаккъ изъ Испаніи вернулся въ Римъ съ великою славою за совершенныя имъ дѣйствія. Находясь внѣ города по случаю трі-

умфа, онъ выбранъ консуломъ съ Л. Манліемъ Ацидиномъ и чрезъ нѣсколько дней онъ съ воинами, которыхъ съ собою привелъ, имѣлъ торжественный въѣздъ въ городъ; при этомъ внесено было вѣнковъ золотыхъ сто двадцать четыре, кромѣ того золота тридцать одинъ фунтъ; клейменаго Оскскаго въ монетѣ сто семдесять три тысячи двѣсти. Воинамъ изъ добычи онъ далъ по 50 динаріевъ, вдвое сотнику и втрое всаднику; по стольку же союзникамъ Латинскаго наименованія и всѣмъ двойное жалованіе.

44. Въ этомъ году въ первый разъ предложенъ Л. Вилліемъ, трибуномъ народа, законъ о томъ, какихъ лѣтъ можно домогаться и получить какую должность. Отсюда дано прозваніе его роду, члены котораго получили наименованіе *Анналъ* (Лѣтописи). Послѣ многихъ лѣтъ выбраны четыре претора по Бэбіеву закону —на основаніи котораго нужно было выбирать черезъ годъ по четыре претора; ими назначены: Кн. Корнелій Сципіонъ, К. Валерій Левинъ, К. и П. Муціи К. Ф. Сцеволы. Консуламъ К. Фульвію и Л. Манлію опредѣлена та же провинція, что и ихъ предшественникамъ съ тѣмъ же числомъ пѣшихъ и конныхъ войскъ изъ гражданъ и союзниковъ. Въ двухъ Испаніяхъ продолжена власть Ти. Семпронію и Л. Постумію съ тѣми же войсками, какія у нихъ были, а на укомплектованіе велѣно консуламъ набрать до трехъ тысячь пѣшихъ Римлянъ и трехъ сотъ всадниковъ, пять тысячь союзниковъ Латинскаго наименованія и четыреста всадниковъ. П. Муцій Сцевола получилъ себѣ провинціею городъ Римъ, и онъ же долженъ былъ производить слѣдствіе объ отравленіяхъ въ городѣ, и на разстояніи отъ него не болѣе десяти тысячь шаговъ. Кн. Корнелій Сципіонъ получилъ судопроизводство надъ чужестранцами, К. Муцій Сцевола—Сицилію, Л. Валерій Левинъ—Сардинію. Консулъ К. Фульвій объявилъ: «что онъ прежде чѣмъ приступить къ веденію какихъ либо общественныхъ дѣлъ, считаетъ необходимымъ и себя, и отечество, освободить отъ религіозныхъ опасеній исполненіемъ обѣтовъ; далъ онъ обѣтъ въ день послѣдняго боя съ Цельтиберами совершить игры Юпитеру Всеблагому и Всемогущему

и построить храмъ Счастію Всадническому: на это дѣло пожертвованы ему и деньги Испанцами. «Опредѣлены игры и назначенъ выборъ дуумвировъ для закладки храма. Относительно денегъ сдѣлано ограниченіе: «чтобы на игры израсходована была денежная сумма не больше той, какая опредѣлена Фульвію Нобиліору при совершеніи игръ по окончаніи войны съ Этолами и чтобы онъ для этихъ игръ ничего не бралъ, не вынуждалъ, не принималъ, не дѣлалъ въ нарушеніе сенатскаго опредѣленія, состоявшагося объ играхъ въ консульство Л. Емилія и Кн. Бебія». Сенатское опредѣленіе это состоялось по поводу безмѣрныхъ издержекъ на игры эдиля Ти. Семпронія, издержекъ, бывшихъ въ тягость не только Италіи и союзникамъ Латинскаго наименованія, но даже иноземнымъ провинціямъ.

45. Въ этомъ году зима была суровая обиліемъ снѣга и всякаго рода непогодъ. Погибли всѣ дерева, чувствительныя къ холоду, и притомъ эта зима была нѣсколько длиннѣе чѣмъ обыкновено. Такъ и празднованіе латинскихъ игръ на горѣ разстроилось, поднявшеюся вдругъ невыносимою непогодою: они возобновлены по опредѣленію первосвященниковъ. Таже буря въ Капитоліѣ повалила нѣсколько статуй, а ударами грома обезображены были многія мѣста: храмъ Юпитера въ Таррачинѣ, храмъ Бѣлый въ Капуѣ и ворота Римскія; зубцы стѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сбиты. Къ числу чудесныхъ явленій отнесено и извѣстіе, полученное изъ Реате о рожденіи мула о трехъ ногахъ. Вслѣдствіе этого децемвиры, получивъ приказаніе посовѣтоваться съ книгами, объявили — въ какія дни и въ какомъ количествѣ будутъ принесены жертвы; а вслѣдствіе обезображенія ударами грома многихъ мѣстъ объявлено молебствіе на одинъ день у храма Юпитера Затѣмъ совершены были, по обѣту консула К. Фульвія, игры, въ продолженіи десяти дней съ большою пышностью. Вслѣдъ за тѣмъ произведены цензорскіе выборы; назначены М. Емилій Лепидъ, великій первосвященникъ и М. Фульвій Нобиліоръ, получившій уже почести тріумфа надъ Этолами. Между этими знатными людьми существовала сильная вражда, выражавшаяся многими ожесточенными

спорами и передъ сенатомъ и передъ народнымъ собраніемъ. По окончаніи выборовъ, слѣдуя древнему обычаю, цензоры сѣли въ курульныя кресла на полѣ у жертвенника Марса. Вдругъ пришли туда старѣйшіе изъ сенаторовъ съ толпою гражданъ; изъ нихъ К. Цецилій Метеллъ сталъ говорить слѣдующее:

46. «Цензоры! Не забыли мы, что вотъ только что передъ этимъ васъ весь народъ Римскій поставилъ блюстителями нашихъ нравовъ; и вы намъ должны дѣлать внушенія и наставлять на истинный путь, а не отъ насъ выслушивать совѣты. Впрочемъ, мы должны указать, что въ васъ непріятно поражаетъ всѣхъ благомыслящихъ гражданъ, и въ чемъ они навѣрное желаютъ перемѣны. Разсматривая васъ, М. Емилій и М. Фульвій, порознь, мы у себя въ государствѣ не имѣемъ никого предпочесть вамъ, еслибы сейчасъ пришлось вновь подавать голоса; но при видѣ васъ обоихъ вмѣстѣ, не можемъ воздержаться отъ опасенія, что вы не сойдетесь другъ съ другомъ, и что не столько принесетъ пользы общественному дѣлу то, что вы всѣмъ намъ пришлись по душѣ въ высшей степени, сколько вреда-то, что вы одинъ другому не нравитесь. Вотъ уже много лѣтъ, какъ между вами существуютъ значительныя и ожесточенныя непріятности; боимся мы какъ бы съ этого дня не были они чувствительнѣе намъ и отечеству, чѣмъ вамъ. О причинахъ этихъ опасеній можно бы сказать очень многое, но мы не хотимъ напоминать вамъ дурное, если прежде вы были неумолимы другъ ко другу. Теперь мы васъ просимъ всѣ, чтобы вы теперь, въ этомъ храмѣ, положили конецъ вашимъ несогласіямъ и пусть тѣ, которыхъ народъ Римскій соединилъ своими голосами, позволятъ намъ связать ихъ ласкою примиренія. Съ однимъ настроеніемъ духа, съ общаго совѣта, произведите пересмотръ сената, перечисленіе всадниковъ, сдѣлаете оцѣнку, завершите торжество народосчисленія и пусть то, что вы, при всѣхъ почти мольбахъ, будете повторять на словахъ: пусть дѣло это совершится хорошо и удачно мнѣ и моему товарищу, то чтобы такого исполненія вы желали на самомъ дѣлѣ и отъ души. Поступайте такъ, чтобы мы, люди, имѣли вѣру въ слова

ваши, въ которыхъ выражаете вы мольбы къ богамъ. Т. Таціи и Ромулъ согласно царствовали въ томъ самомъ городѣ, среди котораго они встрѣчались врагами съ оружіемъ въ рукахъ. Не только несогласія, но и войны имѣютъ конецъ, и ожесточенные враги становятся нерѣдко вѣрными союзниками, а иногда и гражданами. Жители Альбы, по ея разрушеніи, переведены въ Римъ; латины, сабинцы получили права гражданства. Извѣстная поговорка, заключая въ себѣ истину, обратилась въ пословицу: «дружба должна жить вѣчно, а вражда умирать скоро». Поднялся тутъ сначала одобрительный говоръ, а потомъ раздались голоса всѣхъ, единодушно просившихъ того же; слившись вмѣстѣ, они прервали рѣчь. Емилій при этомъ выразилъ жалобу между прочимъ на то, что М. Фульвій два раза столкнулъ его съ консульства, почти уже вѣрнаго. А Фульвій напротивъ жаловался, что Емилій постоянно его задираетъ, и даже принялъ на себя поручительство во вредъ ему. Впрочемъ, оба высказали, что если его противникъ согласится, то они покорятся волѣ стольких лучшихъ людей государства. Уступая настоятельнымъ просьбамъ всѣхъ присутствовавшихъ, они дали другъ другу правыя руки и честное слово — чистосердечно оставить непріязненныя чувства и ссоры. Затѣмъ, при общихъ похвалахъ, отведены они въ Капитолій. Забота о такомъ дѣлѣ старѣйшинъ и уступчивость цензоровъ заслужили отличное одобреніе и похвалу сената. Затѣмъ, по требованію цензоровъ — опредѣлить имъ сумму денегъ, которую они должны употребить на общественныя работы, назначенъ годичный сборъ.

47. Въ этомъ году, въ Испаніи, пропреторы Л. Постумій и Ти. Семпроній распредѣлили между собою такъ, чтобы Альбинъ отправился въ землю Вакцеевъ черезъ Лузитанію и оттуда вернулся въ Цельтиберію; а Гракхъ, въ случаѣ, если война будетъ здѣсь болѣе значительною, долженъ былъ проникнуть въ самыя отдаленныя мѣста Цельтиберіи. Сначала онъ взялъ силою городъ Мунду, напавъ нечаянно ночью. Взявъ заложниковъ и оставивъ гарнизонъ, онъ бралъ крѣпостцы, опустошалъ поля и наконецъ прибылъ къ другому, очень сильному, городу (Цер-

тимою называютъ его Цельтиберы). Здѣсь, когда ужъ онъ подвинулъ осадныя работы, пришли изъ города послы и рѣчь ихъ отзывалась стариннымъ простодушіемъ; не скрывали они своего намѣренія продолжать войну, достало бы у нихъ только силъ. Просили они о дозволеніи отправиться въ лагерь Цельтиберовъ просить помощи: если же они не получатъ, тогда они отдѣльно отъ нихъ позаботятся о себѣ. Съ дозволенія Гракха, они отправились, и черезъ нѣсколько дней еще десять пословъ привели съ собою. Время было полуденное. Ничего прежде не просили они у претора, какъ приказать дать имъ пить. Выпивъ разъ чаши, они снова потребовали, къ великому смѣху окружающихъ, дивившихся ихъ понятіямъ дикимъ и чуждымъ всякаго знанія приличій. Тутъ старшій изъ пословъ спросилъ Гракха: «посланы мы отъ нашего народа узнать, на что ты полагаясь началъ съ нами наступательную войну»? На этотъ вопросъ Гракхъ отвѣтилъ: «пришелъ онъ, полагаясь на свое отличное войско, и если они хотятъ его видѣть для того, чтобы вѣрнѣе свѣдѣніе сообщить своимъ соотечественникамъ, то онъ дастъ имъ къ тому возможность». Вслѣдъ за тѣмъ Гракхъ отдаетъ приказаніе военнымъ трибунамъ снарядить немедленно всѣ войска пѣшія и конныя, и велѣть имъ маневрировать съ оружіемъ въ рукахъ. Вернувшись послѣ этого зрѣлища, послы отклонили своихъ земляковъ отъ поданія помощи осажденному городу. Жители его, въ продолженіи ночи, тщетно поднимали огни съ башень (таковъ былъ условный сигналъ), и утративъ единственную надежду на помощь, покорились. Истребовано отъ нихъ два милліона восемьсотъ тысячъ сестерцієвъ и сорокъ знатнѣйшихъ всадниковъ: не нося имени заложниковъ (они получили приказаніе участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ), на дѣлѣ они должны были представлять ручательство вѣрности ихъ соотечественниковъ.

48. Отсюда Гракхъ повелъ уже войско къ городу Альцену, гдѣ находился лагерь Цельтиберовъ, отъ которыхъ недавно приходили послы. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, онъ ихъ задиралъ небольшими сраженіями, легковооруженныя войска вы-

сылая на аванпосты; со дня на день онъ усиливалъ борьбу съ цѣлью увлечь всѣхъ непріятелей за окопы. А когда онъ замѣтилъ, что достигъ цѣли своихъ усилій, то отдалъ приказаніе начальникамъ вспомогательныхъ войскъ, чтобы они, затѣявъ схватку и какъ бы уступая многочисленности непріятелей, вдругъ обратили тылъ и бросились бѣжать назадъ къ лагерю въ разсыпную, а самъ войска устроилъ внутри окоповъ въ боевомъ порядкѣ передъ всѣми воротами. Немного времени спустя, увидалъ онъ и ряды своихъ въ умышленномъ бѣгствѣ и слѣдовавшихъ за ними въ разсыпную дикарей; на этотъ именно предметъ имѣлъ онъ, устроеннымъ въ боевомъ порядкѣ, войско внутри окоповъ; а потому промедливъ столько, чтобы допустить своимъ свободный входъ въ лагерь, онъ приказалъ воинамъ разомъ съ военнымъ кличемъ броситься изо всѣхъ воротъ; не выдержалъ непріятель неожиданнаго нападенія; идя съ тѣмъ, чтобы взять чужой лагерь, онъ и своего защитить не могъ; немедленно обращенный въ бѣгство, онъ въ страхѣ сначала сбитъ въ лагерь, а потомъ и его потерялъ. Въ этотъ день девять тысячъ непріятелей убито; взято живыхъ триста двадцать, лошадей сто двѣнадцать, военныхъ значковъ тридцать семь. Изъ Римскаго войска пало сто девять человѣкъ.

49. Послѣ этого сраженія Гракхъ повелъ легіоны опустошать Цельтиберію; когда воины его тутъ и уносили, и угоняли все, что могли, народы одни добровольно, другіе отъ страха принимали иго покорности, сто три города въ теченіи немногихъ дней принялъ подъ свою власть; добычею огромною овладѣлъ. Отсюда онъ повернулъ войско назадъ, откуда пришелъ, къ Альцену, и рѣшился овладѣть этимъ городомъ. Жители города выдержали первый натискъ непріятелей, но потомъ, подвергаясь аттакѣ не только войскомъ, но и осадными работами, не находя достаточно защиты въ городѣ, удалились всѣ въ крѣпость. Наконецъ и оттуда выслали пословъ, и себя и все свое отдавая въ распоряженіе Римлянъ. Большая взята тамъ добыча; многіе знатные плѣнники достались имъ въ руки; между прочимъ два сына и дочь Туррія; то было царекъ этого пле

мени, много могущественнѣйшій изо всѣхъ Испанцевъ. Услыхавъ пораженіе своихъ, онъ послалъ просить у Гракха дозволенія на безопасный проходъ въ лагерь; прежде всего спросилъ у него: «сохранена-ли будетъ жизнь ему и семейству?» Когда преторъ отвѣтилъ «сохранена», онъ опять спросилъ: «дозволено-ли воевать будетъ вмѣстѣ съ Римлянами?» Когда Гракхъ и на это соизволилъ: «послѣдую за вами противъ бывшихъ моихъ союзниковъ, оставившихъ меня безъ помощи». Послѣ этого онъ сопровождалъ войско Римлянъ, и его вѣрная и дѣятельная помощь во многихъ случаяхъ была очень полезна для нихъ.

50. Вслѣдъ за тѣмъ Ергавика, знаменитый и могущественный городъ, устрашенный пораженіями другихъ окрестныхъ народовъ, отворилъ ворота Римлянамъ. Нѣкоторые писатели увѣряютъ, что эта покорность городовъ была не чистосердечная, и тамъ, откуда уведены были легіоны, началось вновь возстаніе; и послѣ того въ большомъ сраженіи у горы Хавна съ Цельтиберами, Римляне дрались рукопашнымъ боемъ отъ разсвѣта до шестаго часа дня; много пало и съ той, и съ другой стороны и если что либо и доказываетъ, что Римляне не были побѣждены, такъ то, что они на другой день затрогивали боемъ остававшихся за валомъ непріятелей, и въ продолженіи цѣлаго дня собирали военную добычу. На третій день возобновился упорный бой, и тутъ-то безъ всякаго сомнѣнія Цельтиберы побѣждены, лагерь ихъ взятъ и разграбленъ. Двадцать двѣ тысячи непріятелей въ этотъ день убито и болѣе трехъ сотъ взято въ плѣнъ, равное почти число коней, и военныхъ значковъ семьдесятъ два. Тѣмъ война кончилась и Цельтиберы заключили миръ, прямой, а не съ шаткою, какъ дотолѣ, вѣрностью. Пишутъ, что этимъ лѣтомъ Л. Постумій въ дальней Испаніи два раза съ большимъ успѣхомъ сражался съ Вакцеями; до тридцати пяти тысячъ непріятелей убито и лагерь взятъ; но ближе къ истинѣ то, что онъ прибылъ въ провинцію позже, чѣмъ могъ все это совершить этимъ же лѣтомъ.

51. Цензоры произвели пересмотръ сената вѣрно и согласно; старѣйшиною (предсѣдателемъ) выбранъ самъ цензоръ

М. Емилій Лепидъ, великій первосвященникъ; трое исключено изъ сената. Удержалъ нѣкоторыхъ, обойденныхъ было товарищемъ, Лепидъ. На деньги, данныя имъ на этотъ предметъ распредѣливъ ихъ между собою, они вотъ что сдѣлали: Лепидъ—насыпь (плотину) у Террачины, дѣло неблаговидное: имѣя тамъ земли, онъ частный расходъ произвелъ изъ общественныхъ денегъ. Театръ и просценій у храма Аполлона, храмъ Юпитера въ Капитоліѣ, колонны кругомъ отдалъ отполировать бѣлымъ и отъ этихъ колоннъ статуи, неудобно повидимому расположенныя напротивъ, велѣлъ принять, и съ колоннъ убрать прикрѣпленные тамъ щиты и военные значки всякаго рода. М. Фульвій сдѣлалъ болѣе и притомъ полезнѣе: пристань и столбы моста на Тибрѣ; на нихъ перекладины отдали устроить уже нѣсколько лѣтъ спустя цензоры П. Сципіонъ Африканъ и Л. Муммій; базилику за новыми серебряными лавками и рыбный рынокъ, построивъ кругомъ лавки, которыя онъ продалъ въ частную собственность; базаръ и портикъ внѣ Тригеминскихъ воротъ, а другой позади верфей и у храма Геркулеса, и позади храма Надежды у Тибра—храмъ Аполлона Медицейскаго. Кромѣ того имѣли они и такія деньги, которыя тратили съ обща; на нихъ они вмѣстѣ отдали устройство водопроводовъ и водосточныхъ трубъ. Препятствіе этой работѣ явилось со стороны М. Лицинія Красса: онъ не допустилъ по своей землѣ. Эти же цензоры установили многіе сборы провозные и другіе. Большое число общественныхъ часовень, захваченныхъ частными лицами, по ихъ старанію опять сдѣлались общественнымъ священнымъ достояніемъ и открыты для народа. Эти же цензоры перемѣнили образъ подачи голосовъ; они росписали трибы по частямъ города, принимая въ соображеніе сословіе, занятія и способы къ жизни.

52. Одинъ изъ цензоровъ, М. Емилій, просилъ у сената—назначить ему денегъ на игры при посвященіи храмовъ Царицы Юноны и Діаны, относительно которыхъ онъ далъ обѣтъ за восемь лѣтъ прежде во время Лигустинской войны. Назначено двадцать тысячь ассъ. Посвящены эти храмы, и тотъ, и

другой, на Фламиніевомъ циркѣ; сценическія игры даны въ продолженіи трехъ дней послѣ посвященія храма Юноны, двухъ дней послѣ посвященія храма Діаны, и по одному дню совершены игры въ циркѣ. Онъ же освятилъ храмъ *божковъ покровителей морскихъ* (Lares permarini) на Полѣ (Марсовомъ). Далъ обѣтъ построить его одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ Л. Емилій Региллъ, во время морскаго сраженія, противъ полководцевъ царя Антіоха. Надъ дверьми храма прибита доска съ такою надписью: «Для рѣшительнаго окончанія великой войны, для усмиренія царей, для довершенія дѣла мира выходящему Л. Емилію М. Емилія сыну.... его провозвѣстіемъ (авспиціями), властью, счастіемъ и руководствомъ между Ефезомъ, Самосомъ и Хіосомъ въ глазахъ самого Антіоха совсѣмъ его войскомъ, конницею, слонами, флотомъ царя Антіоха, передъ одиннадцатымъ днемъ (наканунѣ о. д.) Календъ Январскихъ побѣжденъ, разбитъ, смятъ и обращенъ въ бѣгство; и тамъ въ этотъ день длинныхъ судовъ со всѣмъ экипажемъ взято тринадцать. Послѣ этого рѣшительнаго сраженія царь Антіохъ и царство...... (*) За это то дѣло онъ обѣщалъ храмъ божкамъ покровителямъ моря.» Въ томъ же видѣ доска прибита надъ дверьми въ храмѣ Юпитера въ Капитоліѣ.

53. Въ тѣ два дни, въ которые цензоры пересматривали сенатъ, консулъ К. Фульвій, отправясь въ землю Лигуровъ черезъ непроходимыя горы и долины, покрытыя лѣсомъ и пройдя ихъ съ войскомъ, имѣлъ правильный бой съ непріятелемъ и не только побѣдилъ его въ полѣ, но тѣмъ же днемъ взялъ и лагерь. Три тысячи двѣсти непріятелей, и вся эта часть Лигуріи, изъявили покорность. Консулъ изъявившихъ покорность вывелъ въ ровныя поля, а горы занялъ вооруженными отрядами. Быстро и изъ провинціи письма достигли Рима; молебствіе за совершеніе этихъ событій объявлено на три дня. Преторы сорока большими жертвами при молебствіи отправили божествен-

(*) *Прим.* Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поставлены точки, недостаетъ нѣсколькихъ словъ въ подлинникѣ.

ное дѣло.—Другимъ консуломъ Л. Манліемъ не совершено въ Лигуріи нечего достопримѣщательнаго. Галлы Трансальпинскіе, три тысячи человѣкъ, перешли въ Италію, никогда войною не задирая, просили у консуловъ и сената земель — чтобы мирно жить подъ властію Римлянъ. Имъ сенатъ велѣлъ выйдти изъ Италіи, а консулу К. Фульвію произвесть изслѣдованіе, и наказаніе главныхъ виновниковъ и дѣятелей перехода черезъ Альпы.

54. Въ этомъ году скончался Филиппъ, царь Македонянъ, сдѣлавшись жертвою старости и скорби послѣ смерти сына. Зимовалъ онъ въ Деметріадѣ, мучимый и тоскою по сынѣ, и раскаяніемъ въ своей жестокости. Грызъ душу и другой сынъ, несомнительно въ своемъ и другихъ убѣжденіи царь, обращенные къ нему глаза всѣхъ и одинокая старость; одни дожидались его смерти, а другіе и того не дожидались. Тѣмъ болѣе раздѣлялъ его огорченіе Антигонъ, сынъ Ехекрата, носившій имя дѣда своего Антигона; бывшаго опекуна Филиппа, человѣка царственнаго величія, извѣстнаго знаменитымъ сраженіемъ противъ Клеомена Лакедемонскаго. *Опекуномъ* назвали его Греки въ отличіе отъ прочихъ царей. Сынъ его брата, Антигонъ, изъ почетныхъ друзей Филиппа одинъ оставался неподкупнымъ, и эта самая вѣрность не только не сдѣлала его другомъ Персея, а напротивъ злѣйшимъ его врагомъ. Онъ, предвидя умомъ, съ какой для него опасностью наслѣдіе царства перейдетъ къ Персею, какъ только замѣтилъ перемѣну въ образѣ мыслей, а по временамъ и вопли отъ тоски по сынѣ: то выслушивалъ терпѣливо, то и самъ затрогивалъ воспоминаніе поступка, необдуманнаго хорошенько, и къ его жалобамъ присоединялъ и свои. А такъ какъ обыкновенно истина оставляетъ много слѣдовъ по себѣ, то онъ всѣми силами содѣйствовалъ—обнаружить все какъ можно скорѣе. Подозрительными были и исполнители злодѣйскаго умысла, въ особенности Апеллесъ и Филоклесъ, ѣздившіе въ Римъ послами и привезшіе оттуда, гибельное для Димитрія, письмо отъ имени будтобы Фламинина.

55. Общій голосъ былъ въ царскомъ дворцѣ, что письмо лживое, писаремъ сочиненное и съ поддѣльною печатью. Впрочемъ когда дѣло это ограничивалось однимъ подозрѣніемъ, но не открыто, случайно попался Антигону Ксихъ и схваченный имъ приведенъ въ царскій дворецъ. Оставивъ его подъ стражею, Антіохъ явился къ Филиппу: изъ многихъ бесѣдъ я по видимому понялъ, что дорого далъ бы ты, если бы могъ узнать истину о сыновьяхъ твоихъ, который вѣрнѣе угрожалъ другому коварными и злыми умыслами. Теперь въ твоей власти Ксифъ, человѣкъ, который, болѣе чѣмъ кто нибудь, можетъ развязать узелъ этого темнаго и запутаннаго дѣла; случайно онъ мнѣ попался и приведенъ мною во дворецъ; прикажи его привести.» Будучи приведенъ, онъ и сначала отрицалъ такъ не твердо, что ясно было,—немного пригрозивъ, добиться отъ него истины, не выдержалъ вида палача и орудій казни и изложилъ весь порядокъ преступленія пословъ и своего содѣйствія. Немедленно посланы люди схватить пословъ. Филоклеса, находившагося на лицо, накрыли. Апеллесъ, усланный преслѣдовать какого Херея, услыхавъ о доносѣ Ксифа, переправился въ Италію. Относительно Филоклеса не сохранилось ничего вѣрнаго. Одни говорятъ, что онъ сначала смѣло отрицалъ, но увидавъ приведеннаго Ксифа пересталъ упорствовать; а другіе утверждаютъ, что онъ и среди мученій пытки ни въ чемъ не признался. Вопли и стоны Филиппа удвоились, и свою несчастную въ дѣтяхъ судьбу тѣмъ тяжеле считалъ онъ, что погибъ не тотъ, кому бы слѣдовало.

56. Персей, узнавъ, что все открыто, сознавалъ въ себѣ болѣе силы, чѣмъ необходимости, искать спасенія въ бѣгствѣ. Впрочемъ онъ заботился держать себя подальше, пока живъ Филиппъ, отъ его гнѣва, какъ отъ жаркаго пламени. Филиппъ, потерявъ надежду овладѣть личностью сына своего для наказанія, заботился только объ одномъ, что еще осталось—чтобы, кромѣ безнаказанности, не доставить ему пользованія и плодами злодѣйства. А потому онъ призываетъ Антигона; обязанный ему одолженіемъ открытаго преступленія Персеева, онъ полагалъ,

что Македоняне найдутъ въ немъ царя, котораго стыдиться или въ которомъ раскаиваться имъ не прійдется, по свѣжей еще славной памяти дяди его Антигона: «Теперь, Антигонъ, когда моя участь такова, что самое сиротство, столь ненавистное другимъ родителямъ, для меня предметъ желаній—царство, полученное отъ дяди твоего сохраненнымъ и пріумноженнымъ не только вѣрнымъ но и энергическимъ попеченіемъ, вознамѣрился я передать тебѣ. Ты у меня одинъ, кого я могу сознавать достойнымъ царства; не будь у меня тебя, то я лучше хотѣлъ бы его уничтоженія и гибели, чѣмъ допустить достаться Персею наградою за его коварное злодѣйство. Я буду вѣрить, что воскресъ изъ мертвыхъ и возвращенъ мнѣ Димитрій, если оставлю на его мѣстѣ тебя, который одинъ пролилъ слезы объ участи несчастнаго, сострадалъ о моей несчастной ошибкѣ.» Послѣ этихъ словъ не переставалъ Филиппъ Антигона осыпать всѣми знаками почестей. Между тѣмъ какъ, Персей находился во Ѳракіи, Филиппъ обходилъ города Македоніи и рекомендовалъ Антигона старѣйшинамъ. И проживи Филиппъ долѣе, не было сомнѣнія, что онъ оставилъ бы Антигону владѣніе царствомъ. Выѣхавъ изъ Деметріады, онъ долѣе всего оставался въ Ѳессалоникѣ; по прибытіи оттуда въ Амфиполисъ, онъ тяжко заболѣлъ. Но вѣрно и то, что душою онъ болѣе страдалъ чѣмъ тѣломъ, въ заботахъ и безсонницѣ, когда безпрестанно возникалъ передъ нимъ образъ невинно умерщвленнаго сына, погибъ онъ, осыпая ужасными проклятіями другаго. Впрочемъ Антигонъ могъ быть извѣщеннымъ во время, не сдѣлайся извѣстною немедленно смерть царя. Медикъ Каллигенъ, главный при лѣченіи царя, еще не дождавшись смерти царя, при первыхъ признакахъ безнадежнаго положенія, черезъ заранѣе поставленныхъ гонцовъ, какъ было условлено, извѣстилъ Персея, и до его прибытія скрывалъ о то всѣхъ, внѣ дворца находившихся, смерть царя.

57. Такимъ образомъ Персей захватилъ всѣхъ въ расплохъ и ничего не знавшихъ, и царство, преступленіемъ пріобрѣтенное, ему досталось. Смерть Филиппа пришлась какъ нельзя болѣе кстати къ тому, чтобы отложить войну, и возможность дать на нее

собраться съ силами. Немного дней прошло какъ народъ Бастарновъ, давно уже къ этому склоняемый,—поднявшись съ своихъ жилищъ, въ огромномъ количествѣ пѣхоты и конницы, переправился черезъ Истръ. Впередъ отправились извѣстить царя Антигонъ и Коттонъ (этотъ послѣднiй былъ знатный Бастарнъ, а Антигонъ весьма неохотно, съ этимъ самимъ Коттономъ посланъ былъ поднять Бастарновъ) недалеко отъ Амфиполиса засталъ ихъ сначала слухъ, а потомъ и вѣрное извѣстiе о смерти царя и событiе это смутило весь планъ дѣйствiя; а условлено было такъ: Филиппъ долженъ былъ доставить Бастарнамъ безопасный переходъ черезъ Ѳракiю и провiантъ. А для того чтобъ быть въ состоянiи это сдѣлать, онъ старѣйшинъ того края ублаготворилъ дарами, поручившись съ своей стороны, что переходъ Бастарновъ будетъ совершенно мирный. Предположено было уничтожить народъ Дардановъ, и въ ихъ области поселить Бастарновъ. Двойная была бы отъ того выгода, если бы Дарданы, народъ, постоянно въ высшей степени непрiязненный Македонiи, гроза ея царей при неблагопрiятныхъ обстоятельствахъ, были уничтожены и Бастарны, оставивъ въ Дарданiи женъ и дѣтей, могли быть посланы для опустошенiя Италiи: «черезъ землю Скордисковъ лежитъ путь къ Адрiатическому морю и въ Италiю; другой дорогою перевесть туда войско невозможно. Безъ труда Бастарнамъ Скордиски дадутъ путь, такъ какъ у нихъ сродственны и языки, и нравы; да и ихъ присоединятъ къ себѣ, когда увидятъ, что идутъ для грабежа народа самого богатаго.» Каковъ бы ни былъ результатъ, но планъ дѣйствiя во всякомъ случаѣ былъ хорошо приспособленъ. Будутъ ли Бастарны разбиты Римлянами, но Дарданы уже уничтожены, и Македонянамъ досталась бы, какъ вознагражденiе, добыча остальныхъ Бастарновъ и свободное владѣнiе Дарданiею. Въ случаѣ же удачныхъ дѣйствiй Бастарновъ, вниманiе Римлянъ будетъ обращено на войну съ ними, между тѣмъ Филиппъ возвратитъ себѣ въ Грецiи то, что потерялъ: таковы были его расчеты.

58. Движенiе Бастарновъ было сначала мирное; полагались

они на Коттона и Антигона; но, немного спустя послѣ полученнаго слуха о смерти Филиппа, и Ѳракійцы сдѣлались не уступчивы въ цѣнѣ, и Бастарны не могли довольствоваться купленнымъ, или быть удержанными въ рядахъ, чтобы неудаляться отъ дороги. Вслѣдствіе этого начали происходить и съ той, и съ другой стороны, обиды а, съ умноженіемъ ихъ день ото дня вспыхнула война. Наконецъ Ѳракійцы, не будучи въ состояніи выдержывать силу и многочисленность непріятелей, оставили села въ ровныхъ мѣстахъ и удалились на очень высокую гору (называемую *Донука*). Когда Бастарны хотѣли на нихъ тамъ напасть, то такая же гроза, какою по преданію истреблены Галлы, грабившіе Дельфы, захватила и Бастарновъ въ ихъ безуспѣшномъ покушеніи взобраться на горныя высоты. Сначала сдѣлались они жертвою проливнаго дождя, потомъ засыпаны необыкновенно частымъ градомъ, съ страшными раскатам игрома и при ослѣпительной для глазъ молніи. До того близко со всѣхъ сторонъ сверкала она, что по видимому касалась самихъ тѣлъ, и не только воины, но и начальники падали пораженные ею. Очертя голову бросились они бѣжать по крутымъ скаламъ безо всякой осторожности, падали и убивались, а Ѳракійцы преслѣдовали по пятамъ устрашенныхъ; да и сами они (Бастарны) утверждали, что боги виновники ихъ бѣгства, и что небо на нихъ обрушилось. Разсѣянные грозою и какъ бы послѣ кораблекрушенія, по большей части на половину безоружные, возвратились они въ лагерь, откуда выступили, и начали совѣтоваться что дѣлать; тутъ произошло несогласіе: одни полагали, что надобно возвратиться, а другіе, — проникнуть въ Дарданію. Почти тридцать тысячь человѣкъ (они выступили подъ начальствомъ Клондика) достигли Дарданіи, а остальное множество вернулось назадъ въ за—Дунайскую сторону, откуда пришло. Персей, овладѣвъ царствомъ, велѣлъ умертвить Антигона, и пока онъ занимался упроченіемъ своей власти, онъ отправилъ пословъ въ Римъ—обновить дружественныя отношенія своего отца и просить сенатъ дать ему титулъ царя. Вотъ что произошло въ Македоніи въ этомъ году.

59. Одинъ изъ консуловъ К. Фульвій получилъ почести тріумфа надъ Лигурами: довольно вѣрно было, что онъ одолженъ имъ личному снисхожденію, а не значительности совершенныхъ имъ дѣйствій. Много несено оружія непріятельскаго, а денегъ вовсе не было; роздалъ онъ впрочемъ каждому воину по триста ассъ, сотникамъ — вдвое, а всадникамъ втрое. Въ этомъ тріумфѣ особенно замѣчательна была случайность, такъ какъ онъ торжествовалъ и теперь въ тотъ самый день, въ который годъ тому назадъ послѣ преторства. Послѣ тріумфа онъ объявилъ народное собраніе для выборовъ, гдѣ и назначены консулами М. Юній Брутъ, А. Манлій Вульсо. Выборамъ преторовъ, по избраніи трехъ, положила конецъ гроза. На другой день — это было наканунѣ четвертаго дня Мартовскихъ Идъ: выбраны трое остальныхъ М. Тициній Курвъ, Ти. Клавдій Неронъ, Т. Фонтсій Капито. Игры Римскія возобновлены эдилями курульными Кн. Сервиліемъ Цепіономъ, Ап. Клавдіемъ Центономъ, по случаю бывшихъ чудесныхъ явленій. Земля тряслась: на общественныхъ площадяхъ, гдѣ было *постиланіе ложъ* (lectisternium) головы боговъ, находившіяся на постеляхъ, отвернулись, а чаша съ покровомъ, поставленная передъ Юпитеромъ, упала. И то, что со стола мыши отвѣдали маслины, сочтено въ чудесное явленіе; для умилостивленія за все это не назначено ничего кромѣ обновленія игръ.

КНИГА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

---

1. [Уже (*) по всѣмъ частямъ земнаго круга народъ Римскій обнесъ свое побѣдоносное оружіе, и страны, лежащія въ разныхъ мѣстахъ далеко другъ отъ друга, и раздѣленныя не однимъ моремъ, захватилъ на далекое и широкое пространство. Но и среди такого благополучія событій, по желанію случавшихся, онъ пріобрѣлъ славу умѣренности и нравственное вліяніе его было сильнѣе власти: не безъ основанія ставилъ себѣ онъ въ похвалу, что чаще достигалъ цѣли благоразуміемъ, чѣмъ насиліемъ и ужасомъ. Снисходительный къ побѣжденнымъ народамъ и царямъ, щедрый къ союзникамъ, себѣ домогаясь одной славы побѣды, онъ оставлялъ неприкосновенными—царямъ: ихъ величіе, народамъ—при заключеніи союзовъ и какъ съ равными, и какъ съ побѣжденными,—сохранялъ ихъ законы, права и свободу. Такимъ образомъ охвативъ своимъ оружіемъ оба берега Средиземнаго моря отъ Гадеса до Сиріи и на необъятныхъ пространствахъ земли вселивъ уваженіе къ имени Римлянъ, подчиненными непосредственно его власти имѣлъ однихъ лишь жителей Сициліи и другихъ, окружающихъ Италію, острововъ и большую часть народовъ Испаніи, но и тѣ несли ярмо еще не съ покорною головою. Къ увеличенію власти поводъ и содержаніе подалъ скорѣе необдуманный и дурной образъ дѣйствія враговъ и соперниковъ, чѣмъ честолюбіе народа Римскаго; въ особенности Персея, стяжавшаго Македонское царство коварствомъ и преступленіемъ, жестокость противъ его подданныхъ,

---

(*) *Прим.* Все, что находится въ скобкахъ не принадлежитъ Титу Ливію, а вмѣсто утраченнаго подлинника пополнено недостающій для смысла послѣдовательнаго разсказа событій текстъ его Нѣмецкими Комментаторами, преимущественно Фрейнсгеймомъ.

ненавистная всѣмъ, безумная при несмѣтныхъ богатствахъ жадность, неумѣрное легкомысліе при задуманіи и исполненіи намѣреній—его самаго погубили, и все то что, останься онъ невредимъ, могло бы служить какъ бы крѣпкою уздою Римскому могуществу. Своимъ паденіемъ увлекъ онъ другихъ, и не однихъ ближайшихъ сосѣдей, но и болѣе отдаленныхъ—сокрушилъ своими развалинами. За гибелью Македонскаго царства послѣдовала гибель Карѳагена и Ахейцевъ. Несчастіемъ, ихъ постигшимъ, нарушенъ былъ весь существующій порядокъ, и остальныя самостоятельныя государства, на нѣкоторое время зависимыя, вскорѣ уничтожились и всѣ слились съ владѣніями Римлянъ. И эти событія, совершившіяся въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, сущностью дѣла до того связаны, что мы и сочли возможнымъ изложить ихъ въ общемъ обозрѣніи, при взглядѣ на угрожавшую Римлянамъ войну съ Персеемъ, съ которой власть Римлянъ стала распространяться особенно быстро. Войну эту замышлялъ тайно Персей, а Лигуры и Галлы затрогивали скорѣе, чѣмъ упражняли Римскія военныя силы.]

(2). [Въ консульство М. Юнія Брута и А. Манлія Вульсона опредѣлены провинціи — Галлія и Лигурія: Манлію досталась первая, а Юнію вторая. Преторамъ: М. Тицинію Курву досталось городское, Ти. Клавдію Нерону—чужестранное судопроизводство; П. Элію Лигуру — Сицилія, Т. Эбуцію Кару — Сардинія, М. Тицинію (въ этомъ году было два претора носившіе это имя) — Испанія ближняя, Т. Фонтеію Капитону — дальняя. Пожаръ начался около форума, въ которомъ многое сдѣлалось жертвою пламени, храмъ Венеры сгорѣлъ до основанія, а священный огонь Весты угасъ. Дѣвица, которой очередь была сторожить его, по приказанію великаго первосвященника М. Эмилія наказана бичами, и умилостивительное молебствіе было совершено по обычаю. Перепись въ этомъ году произведена цензорами М. Эмиліемъ Лепидомъ и М. Фульвіемъ Нобиліоромъ; сочтено гражданъ мужескаго пола двѣсти семьдесять три тысячи двѣсти сорокъ четыре. Прибыли послы отъ Персея, царя Македонянъ, съ требованіемъ отъ сената для царя наименованія

союзника и друга, и возобновленія съ нимъ союза того самого, что былъ съ Филиппомъ отцомъ его. Подозрителенъ и ненавистенъ былъ Римлянамъ Персей и многіе не сомнѣвались, что онъ начнетъ войну, Филиппомъ въ теченіи столькихъ лѣтъ тайными замыслами подготовленную, при первомъ благопріятномъ случаѣ, какъ только силъ покажется ему достаточно. Впрочемъ сенатъ для того чтобы не показать, будто бы онъ самъ затронулъ Персея, остававшагося спокойнымъ и хлопотавшаго о мирѣ и не подать тѣмъ ему поводъ къ войнѣ—исполнилъ всѣ его требованія. Персей, по полученіи такого отвѣта, считая свою царскую власть вполнѣ упроченною, замыслилъ приготовить себѣ поддержку со стороны Греціи. Сильно желая заискать расположеніе тѣхъ, которые должны были оставить Македонію, или вслѣдствіе долговъ, или судебнаго осужденія, и тѣхъ, которые вышли оттуда по обвиненіямъ въ государственныхъ преступленіяхъ, всѣхъ вызвалъ назадъ въ Македонію. Объявлено было отъ него на островѣ Делосѣ, въ Дельфахъ и въ храмѣ Итоніи Минервы—что онъ изгнанникамъ, въ случаѣ возвращенія на родину, не только даетъ безнаказанность, но и возвращаетъ имущество съ процентами за то время, съ какого кто находился въ ссылкѣ. Да и находившимся въ Македоніи и имѣвшимъ долги казначейству, онъ ихъ простилъ и освободилъ всѣхъ, находившихся въ оковахъ по обвиненію въ оскорбленіи величества. Такими поступками онъ многихъ умы ободрилъ, а Грецію всю къ себѣ расположилъ, подавъ ей большія надежды. Да и вообще въ образѣ жизни онъ тщательно соблюдалъ царское достоинство. И видъ онъ имѣлъ внушающій уваженіе и тѣло сильное и способное къ исполненію всѣхъ обязанностей какъ въ военное, такъ и въ мирное время: на лицѣ его выражалось спокойное величіе уже зрѣлаго возраста. Нисколько не было въ немъ слабостей отца, пристрастнаго къ вину и наслажденіямъ любви. Такими похвальными дѣйствіями Персей ознаменовалъ начало своего правленія, имѣвшаго конецъ, далеко тому не соотвѣтствовавшій.]

[3. Прежде чѣмъ тѣ преторы, которымъ Испанія досталась

по жеребью, прибыли въ провинціи — замѣчательныя дѣйствія совершены тамъ Постуміемъ и Гракхомъ; но главная честь ихъ принадлежала Гракху: въ цвѣтѣ лѣтъ, далеко превосходя всѣхъ сверстниковъ доблестью и благоразуміемъ, онъ уже и тогда стяжалъ славную извѣстность, и подавалъ о себѣ въ будущемъ еще большія надежды. Карабисъ, союзный городъ Римлянъ, осажденъ былъ двадцатью тысячами Цельтиберовъ. Гракхъ спѣшилъ подать помощь союзникамъ. Одолѣвала его только забота—какимъ образомъ осажденнымъ сообщить о своемъ намѣреніи, между тѣмъ какъ непріятель держалъ городъ въ тѣсной осадѣ до такой степени, что повидимому не было возможности и для простаго гонца проникнуть туда; но смѣлость Коминія помогла въ столь трудномъ дѣлѣ. Онъ, будучи начальникомъ отряда всадниковъ, обдумалъ сначала хорошенько свое предпріятіе и предупредивъ Гракха о томъ что замышляетъ, надѣлъ Испанскую сагу и вмѣшался въ толпу фуражировъ непріятельскихъ. Войдя съ ними въ лагерь, оттуда бѣгомъ устремился къ городу, и принесъ туда извѣстіе о приближеніи Тиберія. Жители города, узнавъ о такой новости, перешли отъ крайняго отчаянія къ смѣлости и предпріимчивости и, собравшись съ духомъ для обновленія борьбы съ новою силою, на третій день освобождены отъ осады, такъ какъ съ прибытіемъ Гракха непріятель удалился. Въ послѣдствіи Гракхъ, сдѣлавшись цѣлью коварныхъ умысловъ непріятельскихъ, опасность отстранилъ силою вмѣстѣ съ искусствомъ и достигъ того, что коварный умыселъ обрушился на враговъ. Городъ Комплега, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ выстроенный, крѣпкій стѣнами и увеличившійся быстро, сдѣлался убѣжищемъ, куда стеклось множество Испанцевъ, которые прежде, нуждаясь въ землѣ, вынуждены были скитаться тамъ и сямъ. Изъ этого города вышло до двадцати тысячь человѣкъ, въ одеждѣ просителей, протягивая вѣтки масличнаго дерева и остановились въ виду лагерей, какъ бы прося о мирѣ. Вдругъ отбросивъ знаки просительные, неожиданно бросаются они на Римлянъ и наполняютъ все ужасомъ и смятеніемъ. Гракхъ благоразумно замыслилъ оставить лагерь

притворнымъ бѣгствомъ и между тѣмъ какъ дикари, съ свойственною имъ жадностью, предавали расхищенію и добычею сами себя затрудняли, онъ вдругъ воротился и напавъ на ничего подобнаго не боявшихся, онъ большую часть побилъ и самимъ городомъ овладѣлъ. Есть и другой разсказъ этого происшествія: Гракхъ, узнавъ, что непріятель ощущаетъ во всемъ недостатокъ, оставилъ лагерь, снабженный всѣмъ съѣстнымъ: а когда непріятель, получивъ все это въ свою власть, бросился на него безо всякой умѣренности и отяжелѣлъ отъ излишества, войско Римское, приведенное назадъ, его вдругъ подавило.]

[4. Впрочемъ, другой ли это разсказъ одного и того же событія или вовсе иной случай и иная побѣда, но вѣрно то, что Гракхъ усмирилъ многіе народы и даже все населеніе Цельтиберіи. Будто бы онъ взялъ у нихъ и разрушилъ триста городовъ, хотя объ этомъ и упоминаетъ Полибій, писатель въ особенности заслуживающій уваженіе, однако я этого за вѣрное не посмѣлъ бы утверждать; развѣ подъ именемъ городовъ разумѣть башни и крѣпости; а такимъ родомъ лжи и сами полководцы и сочинители историческихъ повѣствованій любятъ украшать событія. Испанія на своей сухой и безплодной почвѣ большаго числа городовъ прокормить не можетъ. Да и самые обычаи Испанцевъ несогласны съ этимъ; кромѣ живущихъ по берегамъ нашего моря они дики и необразованны, между тѣмъ какъ стеченіе большаго числа людей въ города смягчаетъ нравы жителей. Но какое бы ни слѣдовало принять мнѣніе относительно числа и рода городовъ, взятыхъ Семпроніемъ (и въ ихъ численности у писателей разныя свѣдѣнія, такъ какъ одни говорятъ, что взято имъ сто три города, а другіе что сто пятьдесятъ) но во всякомъ случаѣ совершилъ онъ великія дѣла; и не только заслужилъ похвальный отзывъ на войнѣ, но и обнаружилъ въ себѣ отличнаго распорядителя и законодателя въ мирное время и судьи для побѣжденныхъ народовъ. Онъ раздѣлилъ недостаточнымъ людямъ земли и отвелъ мѣста для жительства; для всѣхъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстахъ, народовъ онъ тщательно написалъ законы, на основаніи которыхъ они должны были

жить въ дружбѣ и союзѣ съ народомъ Римскимъ и скрѣпилъ это данными и принятыми клятвами. На силу этого договора и послѣдующія поколѣнія не разъ ссылались въ воинахъ, происходившихъ въ послѣдовавшее за тѣмъ время. Гракхъ памятникомъ своей доблести и дѣяній хотѣлъ оставить Гракхурисъ городъ, назвавъ его своимъ именемъ, прежде же онъ назывался Иллитургисъ. Дѣяній Постумія слава была менѣе блистательною; впрочемъ, имъ покорены Вакцеи и Лузитане, и сорокъ тысячь человѣкъ у этихъ народовъ побито. По совершеніи этихъ дѣяній оба вождя, передавъ и войско, и провинціи прибывшимъ преемникамъ, удалились принимать тріумфъ. Въ Галліи консулъ Манлій, которому досталась эта провинція, не имѣя никакого основанія для тріумфа, съ жадностью ухватился за поводъ, счастливо подвернувшійся—начать войну съ Истрами. Они давно уже оказали помощь Этоламъ, когда тѣ вели войну, и теперь пришли въ волненіе. Начальствовалъ ими тогда царь духа неукротимаго, по имени Эпуло; онъ народъ, отцомъ его содержимый мирно, вооружилъ и тѣмъ заслужилъ, какъ говорили, особенное расположеніе молодыхъ людей, жаждавшихъ грабежа.

I. (5). Когда консулъ имѣлъ совѣщаніе о войнѣ Истрійской, одни были того мнѣнія, что надобно ее вести тотчасъ же, прежде чѣмъ непріятели могутъ сосредоточить войска, а другіе полагали необходимымъ предварительно посовѣтоваться съ сенатомъ. Имѣло верхъ мнѣніе—неотлагать дня дѣйствія. Выступивъ изъ Аквилеи консулъ сталъ лагеремъ у озера Тимава (виситъ надъ моремъ это озеро); туда же съ десятью судами прибылъ дуумвиръ морской. Для дѣйствованія противъ Иллирійскаго флота выбраны морскіе дуумвиры и они, прикрывая съ двадцатью судами берегъ верхняго моря, имѣли Анкону какъ бы поворотнымъ пунктомъ: отсюда Л. Корнелій долженъ былъ прикрывать правый берегъ до Тарента, а К. Фурій лѣвый до Аквилеи. Эти корабли отправлены въ предѣлы Истріи къ ближайшему порту съ транспортными судами и большимъ количествомъ запасовъ: слѣдуя съ легіонами, консулъ почти въ пяти миляхъ отъ моря

поставилъ лагерь. Скоро въ пристани открылся многолюдный базаръ, и отсюда все въ избыткѣ доставлялось въ лагерь. А чтобы это совершалось съ большею безопасностью, поставлены кругомъ лагеря со всѣхъ его сторонъ посты: къ сторонѣ Истріи постоянный военный отрядъ изъ набранной на скорую руку когорты Плацентинской — расположенъ между моремъ и лагеремъ; а для того, чтобы онъ же служилъ прикрытіемъ ходившимъ за водою къ рѣкѣ, М. Эбуцій, военный трибунъ втораго легіона, получилъ приказаніе прибавить двѣ роты (манипула) воиновъ. Т. и К. Элій, военные трибуны, повели третій легіонъ на дорогу, ведущую въ Аквилею для защиты воиновъ, отправлявшихся за фуражемъ и дровами. Съ той же стороны почти въ тысячѣ шагахъ находился лагерь Галловъ. Катмелъ былъ у нихъ за царька съ воинами, въ числѣ не болѣе трехъ тысячь.

II. (6). Истры, какъ только лагерь Римскій подвинутъ къ озеру Тимаву, сами за холмами расположились въ скрытомъ мѣстѣ, и оттуда боковыми дорогами слѣдовали за движеніемъ войска, со вниманіемъ ловя всякую случайность; и ничего изъ того, что дѣлалось на сушѣ и на морѣ, не оставалось имъ безъизвѣстнымъ. Узнавъ, что посты передъ лагеремъ слабы, а базаръ наполненъ большими безоружными толпами людей, ходившихъ по торговымъ дѣламъ, между лагеремъ и моремъ, не прикрытые ни со стороны моря, ни со стороны суши никакимъ укрѣпленіемъ — напали разомъ на два поста, на Плацентинскую когорту и на двѣ роты втораго легіона. Утренній туманъ скрылъ ихъ замыселъ: съ восходомъ солнца онъ сталъ расходиться, но, какъ обыкновенно случается, хотя и былъ уже свѣтъ, впрочемъ несовсѣмъ еще ясный, при которомъ смотрѣвшему все казалось въ большемъ размѣрѣ; тутъ то онъ ввелъ въ заблужденіе Римлянъ, показавъ имъ строй непріятелей много значительнѣе, чѣмъ онъ былъ. Приведенные въ ужасъ, воины и того и другаго поста въ величайшемъ смятеніи убѣжали въ лагерь и причинили тамъ еще большій ужасъ, чѣмъ какой съ собою принесли. Они не могли ни объяснить—что ихъ привело въ бѣгство, ни дать отвѣта на вопросы; слышенъ былъ крикъ въ

воротахъ, а тамъ не было никакихъ постовъ, которые могли бы выдержать нападеніе; столпились въ одно мѣсто люди, въ потемкахъ наталкиваясь другъ на друга, и даже находились въ незнаніи—не находится ли уже непріятель внутри окоповъ. Одинъ голосъ раздался звавшій къ морю; это слово, не обдуманно произнесенное кѣмъ то, слышалось по всему лагерю въ разныхъ мѣстахъ. А потому воины тотчасъ же, какъ бы получивъ приказаніе такъ поступить, многіе съ оружіемъ въ рукахъ, а большая часть безоружные, бросились бѣжать къ морю; вслѣдъ за ними больше и больше увеличивалось число бѣглецовъ, наконецъ примѣру ихъ послѣдовали почти всѣ и самъ консулъ, котораго всѣ попытки остановить бѣгущихъ оказались тщетными и власть его, вліяніе, просьбы наконецъ—все непроизвело никакого дѣйствія. Остался одинъ М. Лициній Страбонъ, военный трибунъ третьяго легіона, оставленный своимъ легіономъ съ тремя значками. Его то Истры, произведя нападеніе на опустѣвшій лагерь, и тутъ никого не встрѣтя съ оружіемъ въ рукахъ, захватили. Борьба была упорнѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ малочисленности сопротивлявшихся, и не прежде она окончилась какъ убійствомъ трибуна и воиновъ, его окружавшихъ. Сбросивъ преторій (палатку начальника) и разграбивъ все, что тамъ находилось, непріятели пришли на форумъ квесторскій и на квинтану (*). Найдя здѣсь въ избыткѣ предложеннымъ огромное количество разныхъ запасовъ, а въ квесторіѣ (**) уже накрытые столы, царекъ сѣлъ за нихъ и сталъ пировать: Его примѣру послѣдовали тотчасъ же всѣ, забывъ объ оружіи и непріятелѣ; а такъ какъ имъ не привыченъ былъ болѣе роскошный образъ жизни, то они съ чрезмѣрною жадностью обременили тѣла свои пищею и питьемъ.

III. (7) Совсѣмъ иначе дѣло шло тогда у Римлянъ; на морѣ и на берегу царствовало смятеніе. Моряки спѣшат снимать

(*) *Прим. Квинтана*—широкая улица, служившая въ Римскомъ лагерѣ раздѣленіемъ помѣщеній двухъ легіоновъ.

(**) *Прим.* Палаткѣ квестора.

палатки и запасы, выложенные на берегъ, поспѣшно тащутъ на суда, воины въ ужасѣ стремятся на лодки и въ море: матросы, опасаясь какъ бы суда не переполнились черезъ чуръ, одни оказываютъ сопротивленіе толпамъ, а другіе отъ берега суда гонятъ въ море. Вслѣдствіе этого возникли споры, а потомъ и схватки, сопровождаемыя ранами и убійствомъ между матросами и солдатами, пока, не отведенъ, по приказанію консула, флотъ далеко отъ берега. Потомъ онъ занялся отдѣленіемъ безоруженныхъ отъ имѣвшихъ оружіе. Изъ такого количества едва 1200 нашлось сохранившихъ оружіе, а всадниковъ, уведшихъ съ собою лошадей, весьма мало; оставалась толпа безпорядочная, какъ бы изъ прислужниковъ и маркитантовъ — непремѣнная добыча непріятеля, если бы онъ только думалъ о продолженіи военныхъ дѣйствій. Тутъ только наконецъ отправленъ нарочный — отозвать третій легіонъ и отрядъ Галловъ: и вмѣстѣ со всѣхъ сторонъ стали возвращаться воины для того, чтобы взять обратно лагерь и смыть понесенное безчестіе. Военные трибуны третьяго легіона приказываютъ бросить собираніе фуража и дровъ, а сотникамъ отдаютъ приказаніе — болѣе пожилыхъ воиновъ по двое сажать на тѣхъ вьючныхъ животныхъ, съ которыхъ сброшены тяжести, а всадники должны были взять съ собою по одному изъ, молодыхъ возрастомъ, пѣхотинцевъ. «Великою славою покроетъ себя легіонъ, если лагерь, утраченный робостью воиновъ втораго легіона, возвратятъ своею доблестью; а взять лагерь обратно очень легко, если только они захватятъ вдругъ дикарей, занятыхъ грабежомъ; какъ они сами взяли, такъ могутъ быть взяты». Воины съ величайшею готовностью выслушали это увѣщаніе; поспѣшно несутъ значки, и вооруженные не отстаютъ отъ значконосцевъ; но прежде пришли къ окопамъ консулъ и войска, веденныя имъ назадъ отъ моря. Л. Атій, первый трибунъ втораго легіона, не только убѣждалъ воиновъ, но и внушалъ имъ: «если бы Истры побѣдители, какимъ оружіемъ взяли лагерь, тѣмъ же бы удержать его имѣли въ умѣ, то они сначала преслѣдовали бы до моря непріятеля, потерявшаго лагерь, и въ такомъ случаѣ навѣрное

имѣли бы караулы передъ валомъ; а правдоподобнѣе всего, что они лежатъ, отягченные виномъ и сномъ».

IV. (8). Вслѣдъ затѣмъ онъ приказываетъ А. Бэкулонію, своему значконосцу, человѣку испытанной храбрости — нести впередъ значекъ. Онъ сказалъ, что онъ это исполнитъ, если послѣдуютъ, чтобы скорѣе это было — за нимъ однимъ: и съ напряженіемъ силъ бросивъ свой значекъ за окопы, первый изъ всѣхъ вошелъ въ ворота. Съ другой стороны Т. и К. Эліи, военные трибуны третьяго легіона — пришли съ конницею. Немедленно послѣдовали и тѣ воины, которые по два были посажены на вьючныхъ животныхъ, и консулъ со всѣмъ войскомъ. Изъ Истровъ немногіе, не совсѣмъ еще пьяные, помышляли о бѣгствѣ, а для другихъ смерть была продолженіемъ сна. Римляне взяли обратно все свое, кромѣ того, что было потрачено вина и пищи. Даже больные воины, оставленные въ лагерѣ, услыхавъ, что ихъ соотечественники уже находятся въ лагерѣ, схватили оружіе и произвели большое побоище. Но въ особенности отличное дѣло совершилъ всадникъ К. Попиллій, по прозванію Сабеллъ; онъ, будучи оставленъ съ раненою ногою, умертвилъ весьма многихъ непріятелей. До восьми тысячъ Истровъ убито, никого въ плѣнъ не взято; раздраженіе и гнѣвъ заставляли воиновъ забывать о добычѣ. Впрочемъ, царь Истровъ убѣжалъ пьяный съ пиршества, посаженный поспѣшно своими на коня. Побѣдители потеряли 237 воиновъ, и изъ нихъ гораздо больше во время утренняго бѣгства, чѣмъ при взятіи лагерей.

V. (9). Случилось, что Кн. и Л. Гавилліи, новые поселенцы Аквилеи, идя съ запасами, по незнанію, попали было въ лагерь, взятой Истрами. Бросивъ то, что везли, они бѣжали къ Аквилею и наполнили все ужасомъ и смятеніемъ не только въ Аквилеѣ, но даже и въ Римѣ по прошествіи немногихъ дней: туда принесено извѣстіе не о взятіи только лагеря непріятелемъ, и не о бѣгствѣ, что было справедливо, но о совершенной потерѣ всего и гибели цѣлаго войска А потому, какъ то обыкновенно дѣлалось въ случаяхъ тревоги, назначенъ наборъ внѣ очереди не только въ городѣ, но и по всей Италіи. Со-

ставлены два легіона граждан Римскихъ и отъ союзниковъ Латинскаго наименованія потребовано десять тысячь пѣхотинцевъ и восемьсотъ всадниковъ. Консулъ М. Юній получилъ приказаніе — перейдти въ Галлію и потребовать отъ городовъ этой провинціи такое количество воиновъ, какое каждый изъ нихъ будетъ въ состояніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлено: претору Т. Клавдію—приказать воинамъ четвертаго легіона и изъ союниковъ Латинскаго наименованія пяти тысячамъ пѣхотинцевъ и двумъ стамъ пятидесяти всадниковъ — явиться въ Пизу и прикрывать ту провинцію на время отсутствія консула. М. Тициній преторъ долженъ былъ приказать — явиться въ Ариминъ первому легіону и такому же количеству союзныхъ пѣхотинцевъ и всадниковъ. Неронъ въ военной одеждѣ отправился въ Пизы въ провинцію. Тициній, пославъ въ Ариминъ К. Кассія, военнаго трибуна — начальствовать тамъ легіономъ — наборъ произвелъ въ Римѣ. Консулъ М. Юній, перейдя изъ земли Лигуровъ въ провинцію Галлію и истребовавъ немедленно вспомогательные отряды отъ ея городовъ и воиновъ отъ поселеній (Римскихъ), прибылъ въ Аквилею. Удостовѣрясь тамъ въ томъ, что войско невредимо, написалъ донесеніе въ Римъ, чтобы тамъ не тревожились, а самъ, отославъ вспомогательное войско, истребованное у Галловъ, отправилс къ товарищу. Въ Римѣ чѣмъ неожиданнѣе, тѣмъ сильнѣе была радость: наборъ оставленъ; воины, давшіе присягу, освобождены отъ нея и войско, въ Аримнѣ страдавшее отъ заразительной болѣзни, отпущено домой. Истры съ значительными войсками стояли лагеремъ недалеко отъ консульскаго, но, услыхавъ о прибытіи другаго консула съ новымъ войскомъ, разошлись по городамъ въ разныя стороны; консулы отвели легіоны въ Аквилею на зимнія квартиры.

VI. (10). Когда улеглась тревога, причиненная Истрами, состоялось опредѣленіе сената: консуламъ между собою условиться, которому изъ нихъ вернуться въ Римъ для производства выборовъ. Между тѣмъ какъ трибуны народные А. Лициній Нерва и К. Папирій Турдъ — въ народныхъ собраніяхъ тер-

зали отсутствовавшаго Манлія и составили постановленіе, чтобы онъ далѣе Мартовскихъ Идъ не сохранялъ правъ власти (такъ какъ консуламъ они уже были продолжены на годъ) для того, чтобы онъ могъ тотчасъ же какъ оставитъ должность, явиться къ оправданію. Такому предложенію воспротивился трибунъ народный К. Элій и, послѣ большихъ усилій, настоялъ, что оно не было принято. Въ то же время Ти. Семпроній Гракхъ и Л. Постумій Альбинъ изъ Испаніи возвратились въ Римъ, и сенатъ созванъ имъ преторомъ М. Тициніемъ въ храмѣ Беллоны — для выслушанія разсказа о совершенныхъ ими (преторами) дѣйствіяхъ, требованія съ ихъ стороны заслуженныхъ почестей, и богамъ безсмертнымъ надлежащей благодарности. Въ тоже время узнали о большой тревогѣ въ Сардиніи изъ письма претора Т. Эбуція, принесеннаго сыномъ его въ сенатъ. Илійцы, присоединивъ вспоможеніе Баларовъ, напали на мирную провинцію, и имъ невозможно было оказать сопротивленія съ войскомъ больнымъ и понесшимъ большую потерю, умершими отъ заразительной болѣзни. О томъ же извѣщали и послы Сардовъ, прося, чтобы сенатъ оказалъ помощь по крайней мѣрѣ городамъ (а участь полей уже оплакана безвозвратно). Это посольство и вообще все, что имѣло отношеніе къ Сардиніи, отослано къ новымъ сановникамъ. Въ равной мѣрѣ возбуждало состраданіе посольство Ликіевъ; жаловались они на жестокость Родосцевъ, которымъ они отданы Л. Корнеліемъ Сципіономъ: «находились они и подъ властью Антіоха, но то рабство царю въ сравненіи съ теперешнимъ состояніемъ, показалось бы самою отрадною свободою. Не только они всѣ вмѣстѣ находятся подъ гнетомъ царской власти, но и каждый отдѣльно терпитъ настоящее порабощеніе: въ ихъ глазахъ жены и дѣти подвергаются оскорбленіямъ; ихъ собственныя же тѣла и спины носятъ слѣды жестокости; не щадятъ они и безчестятъ, что хуже всего, ихъ доброе имя и явно дѣлаютъ самые ненавистные поступки для того, чтобы придать этому законную форму, для того, чтобы и сомнѣнія у нихъ не было о совершенномъ отсутствіи разницы между ними и рабами, на

деньги купленными. Такія рѣчи произвели впечатлѣніе на сенатъ, и онъ далъ Ликійцамъ такое письмо къ Родосцамъ: «ни Ликійцевъ Родосцамъ, да и вообще никому никого изъ людей, рожденныхъ свободными, сенату не угодно отдавать въ рабство. А Ликійцы, подъ властью и попечительствомъ Родосцевъ, должны состоять на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ союзные города находятся подъ властью Римлянъ».

VII. (11). Вслѣдъ затѣмъ два тріумфа одинъ за другимъ совершены надъ Испаніею. Первый Семпроній Гракхъ торжествовалъ надъ Цельтиберами и ихъ союзниками; на другой день Л. Постумій торжествовалъ надъ Лузитанами и другими Испанцами того же края. Сорокъ тысячъ фунтовъ серебра пронесъ Ти. Гракхъ, а двадцать тысячъ Альбинъ. Воинамъ роздали оба по двадцати пяти динаріевъ, сотникамъ вдвое, всадникамъ втрое, а союзникамъ столько же, сколько и Римлянамъ. Почти въ тоже время консулъ М. Юній прибылъ изъ Истріи въ Римъ по случаю выборовъ. И въ сенатѣ къ нему приставали съ вопросами трибуны народные: Папирій и Лициній о томъ, что происходило въ Истріи и вывели даже передъ народное собраніе; когда на это консулъ отвѣчалъ: «что онъ не болѣе одиннадцати дней находился въ этой провинціи и о томъ, что дѣлалось тамъ въ его отсутствіе, онъ знаетъ по слуху не больше какъ и они»; то продолжали затѣмъ спрашивать: «почему же это лучше не прибылъ въ Римъ Л. Манлій отдать отчетъ народу Римскому — почему онъ изъ провинціи Галліи, доставшейся ему по жеребью, перешелъ въ Истрію? Когда войну эту опредѣлилъ сенатъ, когда повелѣлъ народъ Римскій? Но, свидѣтель Геркулесъ, можетъ быть война, предпринятая по личному убѣжденію, ведена разумно и энергично; хотя трудно рѣшить: неосновательнѣе-ли она начата, или необдуманнѣе ведена. Два военныхъ поста захвачены нечаянно Истрами, лагерь Римскій взятъ и всѣ, сколько ни было тамъ, пѣхотинцы и всадники; остальные безоружные и разбитые, и во главѣ ихъ самъ консулъ, бѣжали къ морю и судамъ. Какъ частный человѣкъ отдастъ онъ отчетъ въ этихъ дѣйствіяхъ, если теперь какъ консулъ не желаетъ.

VIII. (12). Затѣмъ произведены выборы; консулами назначены К. Клавдій Пульхеръ, Ти. Семпроній Гракхъ, а на другой день преторами избраны: П. Элій Туберонъ вторично, К. Квинкцій Фламининъ, К. Нумизій, Л. Муммій, Кн. Корнелій Сципіонъ, К. Валерій Левинъ. Достались: Туберону—судопроизводство городское, Квинкцію—чужестранное, Нумизію—Сицилія, Муммію—Сардинія, но послѣдняя, по случаю значительности войны, сдѣлана провинціею консуловъ. По жеребью она досталась Гракху, а Истрія—Клавдію; Сципіонъ и Левинъ метали жеребій о Галліи, раздѣленной на двѣ провинціи. Въ Мартовскіе Иды—въ этотъ день Семпроній и Клавдій приняли консульство, шла рѣчь только о провинціяхъ Сардиніи и Истріи, а также о томъ и другомъ непріятелѣ, начавшемъ тамъ войну. На другой день послы Сардовъ — дѣло ихъ было отложено до новыхъ сановниковъ, и Л. Минуцій Термъ, легатъ консула Манлія въ Истріи, прибылъ въ сенатъ; отъ нихъ сенатъ узналъ достовѣрно до какой степени война угрожаетъ этой провинціи. Произвели впечатлѣніе на сенатъ и посольства союзниковъ Латинскаго наименованія; они и къ цензорамъ, и къ прежнимъ консуламъ приставали, наконецъ введены въ сенатъ. Сущность жалобъ заключалась въ томъ: «что граждане ихъ записаны по цензѣ въ Римѣ, куда по большей части переселились, а если только это допустить, что еще немного переписей, и у нихъ и города опустѣютъ, и поля, и не въ состояніи будутъ они выставлять воиновъ». Самниты и Пелигны жаловались, что въ Фрегеллы четыре тысячи семействъ перешли отъ нихъ, а между тѣмъ они обязаны давать при наборѣ все тоже количество воиновъ. Два рода введено было обмана для перемѣны отдѣльно каждому—правъ гражданства. Законъ дозволялъ союзникамъ и людямъ наименованія Латинскаго, оставившимъ отъ себя потомство дома—перечисляться въ сословіе гражданъ Римскихъ. Черезъ дурное пользованіе этимъ закономъ одни союзникамъ, а другіе народу Римскому дѣлали обиду. Для того чтобы не оставлять потомства дома, они — дѣтей своихъ какимъ бы то ни было Римлянамъ отдавали въ рабство съ тѣмъ условіемъ, чтобы тѣ

отпускали ихъ на волю и такимъ образомъ они становились гражданами вольноотпущенниками и лица, не имѣвшія потомства, которое могли бы оставить, дѣлались гражданами Римскими. Впослѣдствіи и этотъ призракъ права былъ пренебреженъ и какъ попало, не соображаясь съ законами, не оставляя потомства, они переходили въ гражданство Римское посредствомъ переселенія и ценза». Дабы этого не было впослѣдствіи, послы просили — приказать союзникамъ воротиться въ свои города и предупредить закономъ — чтобы никто не присвоивалъ себѣ правъ собственности надъ человѣкомъ для перемѣны правъ гражданства и не отчуждалъ бы его съ этою же цѣлью, а если кто такимъ образомъ сдѣлался гражданиномъ Римскимъ *(чтобы не былъ таковымъ)*. Это сенатомъ сдѣлано.

IX. (13). Потомъ опредѣлены провинціи, которыя были въ войнѣ, — Сардинія и Истрія. Въ Сардинію велѣно набрать два легіона, въ каждомъ по пяти тысячь и двѣсти пѣхотинцевъ, и триста всадниковъ и двѣнадцать тысячь пѣшихъ союзниковъ и Латинскаго наименованія, а всадниковъ изъ нихъ шестьсотъ, и десять судовъ о пяти-рядахъ веселъ, буде онъ (консулъ) захочетъ свести съ верфей. Столько же опредѣлено пѣхотинцевъ и всадниковъ въ Истрію, сколько и въ Сардинію. И одинъ легіонъ съ тремя стами всадниковъ, пять тысячь пѣшихъ союзниковъ и двѣсти пятьдесятъ всадниковъ отправить въ Испанію къ М. Тицинію, — консулы получили приказаніе. Прежде чѣмъ консулы бросили жеребій о провинціяхъ, получено извѣстіе о чудесныхъ явленіяхъ. На Крустуминскомъ полѣ въ рощу, посвященную Марсу, упалъ камень съ неба, мальчикъ на Римскомъ полѣ родился съ обрубленнымъ тѣломъ, и ужа видѣли четвероногаго. Въ Капуѣ многія зданія на форумѣ тронуты молніею, а въ Путеолахъ отъ нея сгорѣли два судна. Между тѣмъ какъ объ этомъ приходили извѣстія, середи дня въ Римѣ бѣгалъ волкъ и, войдя въ Коллинскія ворота, черезъ Есквилинскія ушелъ при большомъ шумѣ людей, его преслѣдовавшихъ. По случаю этихъ чудесныхъ явленій консулы принесли большія жертвы, и въ продолженіи одного дня было молебствіе около всѣхъ алтарей.

Окончивъ какъ слѣдуетъ жертвоприношенія, они бросили жеребій о провинціяхъ; достались Клавдію—Истрія, Семпронію—Сардинія. Затѣмъ К. Клавдій внесъ законъ о союзникахъ на основаніи сенатскаго декрета и объявилъ: «которые союзники, и Латинскаго наименованія, сами или ихъ предки, въ цензорство М. Клавдія и Т. Квинкція, и послѣ нихъ, окажутся записанными по цензу Латинскаго наименованія — всѣ должны возвратиться до Ноябрскихъ календъ каждый въ свой городъ». Изслѣдованіе о тѣхъ, которые невозвратятся, предоставлено претору Л. Муммію. Къ закону и (едикту) объявленію консула присоединено сенатское опредѣленіе: «пусть каждый, диктаторъ ли то будетъ въ то время, междуцарь, цензоръ ли, преторъ ли, — то каждый кто у нихъ будетъ отпускаемъ на волю или будетъ отыскивать права свободы, долженъ давать клятву, что тотъ, кто его отпускаетъ, дѣлаетъ это не для перемѣны гражданства». А кто этой клятвы не дастъ, того и отпускать на волю не повелѣли. Дѣла эта рода, и сужденіе по нимъ, предоставлены на будущее время консулу К. Клавдію.

X. (14). Между тѣмъ какъ это происходило въ Римѣ, М. Юній и А. Манлій, въ предшествовавшемъ году бывшіе консулами, оставшись зимовать въ Аквилеѣ — въ началѣ весны ввели войско въ предѣлы Истровъ: когда они тамъ опустошали на далекое пространство, то болѣе горесть и негодованіе, при видѣ разграбленія своего имущества, чѣмъ сознаніе у себя достаточности силъ противъ двухъ войскъ, побудили Истровъ дѣйствовать. Стеклась молодежь изо всѣхъ народовъ и войско, собранное на скорую руку и въ видѣ ополченія, при первомъ натискѣ сразилось болѣе съ горячностью, чѣмъ съ постоянствомъ. До четырехъ тысячь непріятелей пало въ сраженіи; остальные, не помышляя болѣе о войнѣ, разбѣжались въ разныя мѣста по городамъ. Оттуда они отправили сначала пословъ въ лагерь Римскій просить мира, потомъ доставили потребованныхъ у нихъ заложниковъ. Когда въ Римѣ узнали объ этомъ по письмамъ проконсуловъ, то консулъ К. Клавдій, опасаясь, какъ бы это обстоятельство не лишило его провинціи и войска, не со-

вершивъ обычныхъ молебствій, не облекшись въ военную одежду, безъ ликторовъ, извѣстивъ лишь одного своего товарища, выѣхалъ ночью и, очертя голову, поспѣшилъ въ провинцію; тамъ онъ велъ себя еще необдуманнѣе своего пріѣзда. Созвавъ собраніе, онъ съ укоризною отзывался о бѣгствѣ изъ лагеря А. Манлія къ большому неудовольствію воиновъ (такъ какъ они сами первые бѣжали) и не щадилъ брани и для М. Юнія за то, что онъ сдѣлалъ себя сообщникомъ позора своего товарища, а въ заключеніе велѣлъ тому и другому оставить провинцію. На ихъ отвѣтъ, что они въ томъ случаѣ повиновались бы власти консула, если-бы онъ, согласно завѣта предковъ, произнеся извѣстныя мольбы въ Капитоліѣ, съ ликторами, въ военной одеждѣ, выступилъ изъ города (Рима)—онъ вышелъ изъ себя отъ гнѣва, и призвавъ того, что былъ за квестора у Манлія, потребовалъ цѣпи и грозилъ, что отошлетъ въ Римъ Манлія и Юнія связанными. И тотъ пренебрегъ повелѣніемъ консула, а окружавшее войско, расположенное въ пользу своихъ начальниковъ и враждебное консулу — придавало смѣлости къ ослушанію. Наконецъ консулъ, утомленный и порицаніями отдѣльныхъ лицъ и общими насмѣшками (всѣ его же подняли на смѣхъ), на томъ же суднѣ, на которомъ прибылъ, вернулся въ Аквилею. Отсюда онъ написалъ товарищу, чтобы онъ той части новыхъ войновъ, которая набрана для провинціи Истріи, велѣлъ прибыть въ Аквилею, для того чтобы ничто его не могло задержать и онъ былъ бы въ состояніи, произнеся мольбы, выйдти изъ города въ военной одеждѣ. Все это въ точности исполнено товарищемъ, и короткій срокъ назначенъ воинамъ для явки; да и Клавдій явился почти вслѣдъ за письмомъ своимъ. По прибытіи онъ созвалъ народное собраніе, гдѣ говорилъ о Манліѣ и Юніѣ и, не болѣе трехъ дней пробывъ въ Римѣ, онъ въ военной одеждѣ, съ ликторами, по произнесеніи молитвъ въ Капитоліѣ, отправился въ провинцію съ такою же крайнею поспѣшностью, какъ и прежде.

XI. (15). За немного дней передъ тѣмъ Юній и Манлій всѣми силами аттаковали городъ Незактій, гдѣ нашли убѣжище

старѣйшины Истровъ, и самъ царекъ ихъ Эпуло. Туда Клавдій привелъ два новыхъ легіона, старое войско съ его предводителями отпустилъ, а самъ осадилъ городъ и вознамѣрился дѣйствовать противъ него посредствомъ крытыхъ террасъ; рѣку, протекавшую вдоль стѣнъ, какъ представлявшую препятствіе для осаждающихъ и снабжавшую Истровъ водою — послѣ трудовъ, продолжавшихся въ теченіи многихъ дней, отвелъ въ новое русло. Это дѣло удивило дикарей, устрашенныхъ исчезновеніемъ воды; но и тутъ они не думали о мирѣ и обратились къ истребленію своихъ же женъ и дѣтей и даже для того, чтобы непріятель былъ свидѣтелемъ столь гнуснаго дѣянія, они открыто на стѣнахъ убивали и оттуда сбрасывали. Среди воплей женъ и дѣтей, среди отвратительнаго избіенія — воины Римскіе, перейдя стѣны, вошли въ городъ. О тревогѣ взятія его узнавъ изъ робкаго крика бѣгущихъ — царь прокололъ грудь мечемъ, чтобы не попасться въ плѣнъ живымъ; остальные взяты или убиты. Потомъ два города — Мутила и Фаверія — взяты силою и разрушены. Добыча, какъ отъ народа бѣднаго, была значительнѣе чѣмъ можно было ожидать, и вся отдана воинамъ. Пять тысячь шестьсотъ тридцать два человѣка проданы съ молотка; виновники войны наказаны розгами и отсѣченіемъ головы. Вся Истрія умирена гибелью трехъ городовъ и смертью царя, и всѣ народы отовсюду дали заложниковъ и изъявили покорность. Къ концу Истрійской войны у Лигуровъ начались совѣщанія о возобновленіи военныхъ дѣйствій.

XII. (16). Проконсулъ Ти. Клавдій, бывшій преторомъ въ предшествовавшемъ году, начальствовалъ въ Пизѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи одинъ легіонъ. Сенатъ, освѣдомившись изъ его письма о ходѣ дѣла, опредѣлилъ въ подлинникѣ препроводить письмо къ К. Клавдію (а другой консулъ уже переправился въ Сардинію) и присоединилъ декретъ: «Такъ какъ провинція Истрія умирена, то буде ему заблагоразсудится, пусть онъ переведетъ войско въ землю Лигуровъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе письма консула о дѣйствіяхъ, совершенныхъ имъ

въ Истріи, объявлено молебствіе на два дни. И другой консулъ Ти. Семпроній въ Сардиніи успѣшно дѣйствовалъ; онъ ввелъ войско въ землю Иллійскихъ Сардовъ. Значительное вспоможеніе Баларовъ пришло къ Иллійцамъ; съ тѣмъ и другимъ народомъ сразился онъ въ открытомъ бою. Непріятель разбитъ и обращенъ въ бѣгство, лишился лагеря и понесъ потерю убитыми до двѣнадцати тысячь вооруженныхъ воиновъ. На другой день консулъ подобранное оружіе велѣлъ побросать въ кучу и, обрекши Вулкану, сжечь. Побѣдоносное войско онъ отвелъ на зимнія квартиры союзныхъ городовъ. К. Клавдій, получивъ письмо Ти. Клавдія и сенатское опредѣленіе, перевелъ легіоны изъ Истріи въ землю Лигуровъ. У рѣки Скультенны, выступивъ въ равнину, непріятель стоялъ лагеремъ; тамъ съ ними произошло сраженіе. Пятнадцать тысячь убито, болѣе семисотъ взято въ плѣнъ или въ сраженіи, или въ лагерѣ, (и онъ достался въ руки побѣдителямъ); военныхъ значковъ взято пятьдесятъ одинъ. Лигуры, уцѣлѣвшіе отъ побоища, разбѣжались по горамъ въ разсыпную и консулу, опустошавшему ровныя поля, нигдѣ не встрѣтилось ни одного вооруженнаго непріятеля. Клавдій, въ одинъ годъ побѣдитель двухъ народовъ и что рѣдко случалось, умиривъ въ продолженіи своего консульства двѣ провинціи—вернулся въ Римъ.

XIII. (17) Въ этомъ году получены извѣстія о чудесныхъ явленіяхъ: въ Крустуминѣ птица, такъ называемая *Сангвалисъ* (*) священный камень долбила носомъ. Въ Кампаніи проговорилъ быкъ. Въ Сиракузахъ на мѣдную корову влѣзъ деревенскій быкъ, ушедшій изъ стада, и оросилъ сѣменемъ. Въ Крустуминѣ одинъ день на самомъ мѣстѣ было молебствіе, и въ Кампаніи быкъ отданъ на общественное продовольствіе. Въ Сиракузахъ чудесное происшествіе искуплено и гадатели назначили дни, въ которые должно совершаться молебствіе. Въ этомъ году умеръ первосвященникъ М. Клавдій Марцеллъ, бывшій консуломъ и цензоромъ; на его мѣсто замѣщенъ первосвященникомъ

(*) *Прим.* Saxifraga, каменоломъ.

сынъ его М. Марцеллъ. Въ этомъ же году отведена колонія въ Луку двѣ тысячи гражданъ Римскихъ; тріумвиры отводили П. Элій, Л. Эгилій, Кн. Сициній; каждому дано по пятьдесятъ одной десятинѣ; земля эта отнята у Лигуровъ, а прежде ихъ она была собственностью Этрусковъ. Консулъ К. Клавдій пришелъ къ городу. Онъ, изложивъ передъ сенатомъ свои удачно совершенныя дѣйствія въ Истріи и землѣ Лигуровъ, потребовалъ тріумфа и объ этомъ состоялся декретъ. Торжествовалъ въ отправленіи должности надъ двумя разными народами; при этомъ тріумфѣ внесъ триста семнадцать тысячь денаріевъ и восемьсотъ пять тысячь семьсотъ два викторіатовъ (полудинаріевъ). Воинамъ каждому дано по 15 денаріевъ, вдвое сотнику и втрое всаднику. Союзникамъ дано вполовину меньше чѣмъ гражданамъ, а потому они молча, чѣмъ давали разумѣть свое негодованіе, слѣдовали за колесницею.

XIV. (18). Между тѣмъ какъ этотъ тріумфъ совершаемъ былъ надъ Лигурами, они, узнавъ, что не только консульское войско отведено въ Римъ, но и легіонъ Ти. Клавдіемъ распущенъ изъ Пизъ — утратили страхъ и, тайно собравъ войско, поперечными тропинками перешли горы, спустились въ равнину, опустошили Мутинское поле и нечаяннымъ нападеніемъ овладѣли самимъ поселеніемъ. Когда въ Римѣ получено объ этомъ извѣстіе, то сенатъ повелѣлъ консулу К. Клавдію, какъ можно скорѣе, произвесть выборы и, по назначеніи годичныхъ сановниковъ — вернуться въ провинцію и колонію отнять у непріятелей. Такимъ образомъ, по опредѣленію сената, состоялись выборы; консулами назначены: Кн. Корнелій Сципіонъ Гиспалъ, К. Петиллій Спуринъ. Преторами вслѣдъ затѣмъ сдѣланы: М. Попиллій Ленасъ, П. Лициній Крассъ, М. Корнелій Сципіонъ, Л. Папирій Мазо, М. Абурій, Л. Аквиллій Галлъ. К. Клавдію консулу продолжена на годъ власть и дана провинціею Галлія, а чтобы Истры не послѣдовали примѣру Лигуровъ, онъ долженъ былъ послать въ Истрію союзниковъ, Латинскаго наименованія, которыхъ онъ по случаю тріумфа вывелъ изъ провинціи. Когда консулы, Кн. Корнелій и К. Петиллій, въ день вступленія въ

должность приносили жертву Юпитеру, каждый по быку какъ обыкновенно, то въ жертвенномъ животномъ, приносимомъ К. Петилліемъ, въ печени не оказалось головки; когда онъ донесъ объ этомъ сенату, то получилъ приказаніе довершить жертвоприношеніе новымъ быкамъ. Потомъ сенатъ, спрошенный о провинціяхъ, опредѣлилъ консуламъ провинціи—Пизу и землю Лигуровъ. Тому изъ нихъ, кому достанется Пиза провинціею, велѣно возвратиться въ Римъ ко времени назначенія должностныхъ лицъ. Присоединено къ декрету, чтобы каждый изъ нихъ набралъ вновь по два легіона и триста всадниковъ, и истребовалъ десять тысячъ пѣшихъ союзниковъ и наименованія Латинскаго, и шестьсотъ всадниковъ. Ти. Клавдію продолжена власть на то время, пока консулъ прибудетъ въ провинцію.

XV. (19) Между тѣмъ какъ объ этихъ дѣлахъ толковали въ сенатѣ, Кн. Корнелій, вызванный разсыльнымъ, на выходѣ изъ храма, не много спустя вернулся съ лицомъ смущеннымъ и объявилъ сенаторамъ, что печень быка въ шестьсотъ фунтовъ, принесеннаго имъ на жертву, расплылась. Недовѣряя вполнѣ жертвенному служителю, пришедшему съ этимъ извѣстіемъ, онъ приказалъ при себѣ вылить воду изъ котла, въ которомъ варились внутренности и увидалъ, что прочія внутренности всѣ невредимы, одна печень вся источена какою то невыразимою болѣзнью. Устрашеннымъ этимъ чудомъ, сенаторамъ и другой консулъ придалъ заботу, возвѣстивъ, что жертвоприношеніемъ трехъ быковъ не могъ онъ довершить обряда, такъ какъ у печени все недоставало головки. Сенатъ повелѣлъ приносить великія жертвы до умилостивленія. Прочіе боги умолены; одно лишь *Спасеніе* оставалось, какъ говорятъ, неумолимо для Петиллія. Вслѣдъ затѣмъ консулы и преторы распредѣлили провинціи по жеребью: Пиза досталась Кн. Корнелію, а Лигуры—Петиллію. Преторы вынули жеребій: М. Папирій Мазо получилъ судопроизводство въ городѣ, М. Агурій—у чужестранцевъ. М. Корнелій Сципіонъ Малугинензскій получилъ дальнюю Испанію, Л. Аквиллій Галлъ—Сицилію. Двое отпрашивались, чтобы не идти въ провинціи: М. Попиллій отъ Сардиніи, говоря: «Гракхъ

умиряетъ эту провинцію; ему на помощь данъ сенатомъ преторъ Т. Эбуцій. Прерывать ходъ дѣла, послѣдовательность котораго есть первое условіе успѣха, вовсе не слѣдуетъ. Между передачею власти и непривычностью новаго начальника, которому прежде приходится еще знакомиться съ обстоятельствами дѣла, чѣмъ дѣйствовать, нерѣдко упускаемы бываютъ случаи къ успѣшнымъ дѣйствіямъ.» Извиненіе Попиллія заслужило одобреніе. П. Лициній Крассъ говорилъ, что ему препятствуютъ срочныя жертвоприношенія, дѣлая отъѣздъ его въ провинцію невозможнымъ. Ему досталась ближняя Испанія: впрочемъ, онъ получилъ приказаніе—или немедленно отправиться или дать клятву передъ народнымъ собраніемъ—что препятствуетъ ему срочное жертвоприношеніе. Когда такъ положено было относительно П. Лицинія, М. Корнелій, изъявляя готовность дать туже клятву, требовалъ, чтобы и ему дозволено было не ѣхать въ дальную Испанію. Оба претора дали одну и туже клятву. М. Тициній и Т. Фонтей проконсулы получили приказаніе — оставаться въ Испаніи съ прежними правами власти; а въ пополненіе ихъ войскъ назначено послать три тысячи гражданъ Римскихъ съ двумя стами всадниковъ, пять тысячь союзниковъ Латинскаго наименованія и триста всадниковъ.

XVI. (20) Пятаго мая совершены Латинскія феріи и тутъ возникли религіозныя опасенія вслѣдствіе того, что Ланувскій саногникъ, при одномъ жертвоприношеніи, пропустилъ въ молитвѣ слова: «народу Римскому Квиритовъ». Когда объ этомъ доложено было сенату, и тотъ передалъ дѣло на обсужденіе коллегія жрецовъ, то имъ заблагоразсудилось — вновь дать Латинскія феріи, при чемъ Ланувинцы должны были ихъ обновить и доставить жертвы. Къ религіознымъ опасеніямъ присоединилось и то, что консулъ Кн. Корнелій, возвращаясь съ Альбанской горы упалъ и, лишась употребленія нѣкоторыхъ членовъ, отправился къ Куманскимъ водамъ, но болѣзнь усилилась и онъ умеръ въ Кумахъ. Тѣло его принесено оттуда въ Римъ, гдѣ и были великолѣпный выносъ и похороны. Онъ же былъ и первосвященникомъ. Консулъ К. Петиллій, какъ только до-

пустили авспиции, получилъ приказаніе произвести выборы для назначенія ему товарища — и объявить Латинскія феріи. Выборы онъ назначилъ на третье, а Латинскія празднества на одиннадцатое августа. И безъ того исполнены были умы религіозныхъ опасеній, а тутъ присоединились извѣстія о чудесныхъ явленіяхъ: въ Тускулѣ видѣнъ былъ на небѣ факелъ, въ Габіяхъ храмъ Аполлона и многія частныя строенія, а въ Гравискахъ стѣна и ворота поражены ударами грома. Сенатъ повелѣлъ первосвященникамъ принять по случаю этихъ чудесныхъ явленій такія мѣры, какія они признаютъ нужными. Между тѣмъ какъ консуловъ задержали сначала религіозныя опасенія, потомъ одного смерть его товарища, выборы и возобновленіе Латинскихъ празднествъ, К. Клавдій подвинулъ войско къ Мутинѣ, которую Лигуры заняли въ предшествовавшемъ году. Ранѣе трехъ дней послѣ начала осады взявъ у непріятелей, возвратилъ поселенцамъ. Восемь тысячь Лигуровъ тамъ убито внутри стѣнъ и немедленно Клавдій написалъ донесеніе въ Римъ, въ которомъ не только излагалъ дѣло, но и хвалился, что его доблестью и счастіемъ народъ Римскій не имѣетъ уже себѣ непріятеля по сю сторону Альповъ и что взято нѣсколько земли, которой достанетъ для раздачи поголовно многимъ тысячамъ граждан.

XVII. (21) И Ти. Семпроній въ тоже время въ Сардиніи во многихъ удачныхъ сраженіяхъ усмирилъ Сардовъ. Пятнадцать тысячь непріятелей убито. Всѣ народы Сардиніи, измѣнившіе было, изъявили покорность. Съ платившихъ прежде дань она потребована; остальные доставили хлѣбъ. Умиривъ провинцію и получивъ со всего острова двѣсти тридцать заложниковъ, Семпроній отправилъ въ Римъ пословъ съ извѣстіемъ объ этомъ и съ просьбою къ сенату за такія дѣйствія, благополучно совершившіяся подъ руководствомъ и счастіемъ Ти. Семпронія, воздать почесть богамъ безсмертнымъ и дозволить ему, удаляясь изъ провинціи, вывести войско съ собою. Сенатъ, выслушавъ въ храмѣ Аполлона слова пословъ, опредѣлилъ молебствіе на два дни и повелѣлъ консуламъ—совершить священнодѣйствіе сорока большими жертвами; а Ти. Семпронію проконсулу и

войску въ этомъ году оставаться въ провинціи. Потомъ выборы для замѣщенія одного консула, назначенные было на третій день августа, въ этотъ самый день совершены. Консулъ К. Петиллій товарищемъ для немедленнаго занятія должности, назначилъ К. Валерія Левина. Тотъ, уже давно жаждавшій провинціи, когда такъ кстати для алчности его получено донесеніе о возобновленіи Лигурами военныхъ дѣйствій, выступилъ съ своими обоими новыми легіонами, едва давъ окончиться Латинскимъ празднествамъ—тринадцатаго августа въ военной одеждѣ — противъ Лигуровъ. Сенатъ, какъ только было прочитано ему донесеніе, вслѣдствіе этой тревоги, велѣлъ отправить третій легіонъ къ проконсулу К. Клавдію въ Галлію, а дуумвирамъ морскимъ съ флотомъ отправиться въ Пизу; они должны были, крейсируя около береговъ Лигурскихъ, грозить Лигурамъ и со стороны моря: туда же собраться и войску консулъ К. Петиллій назначилъ день. И проконсулъ К. Клавдій, услыхавъ о возмущеніи Лигуровъ—кромѣ войскъ, которыя онъ имѣлъ съ собою въ Пармѣ, собралъ поголовное ополченіе и придвинулъ войско къ границамъ Лигуровъ.

XVIII. (22) Къ прибытію К. Клавдія непріятели, помня, что этимъ самимъ вождемъ они недавно у рѣки Скультены побѣждены и обращены въ бѣгство, намѣреваясь обороняться болѣе условіями мѣстности, чѣмъ оружіемъ противъ силы, которую уже разъ испытали къ своему несчастію, они заняли двѣ горы Лету и Балистъ, и кромѣ того обвели ихъ стѣною. Опоздавшіе при переселеніи съ полей, будучи захвачены, погибли въ числѣ тысячи пятисотъ. Остальные находились въ горахъ и, при самомъ страхѣ, вѣрные врожденному звѣрству, изливаютъ его на добычу, взятую въ Мутинѣ. Плѣнныхъ, гнусно истерзавъ, умерщвляютъ: скотъ какъ попало избиваютъ въ храмахъ въ разныхъ мѣстахъ, и ужь совершенно не похоже на жертвоприношенія, какъ имъ слѣдуетъ быть. Пресытясь избіеніемъ всего что дышало, самыя бездушныя вещи они разбиваютъ объ стѣны — сосуды разнаго рода, болѣе сдѣланные для пользы, чѣмъ для украшенія. Консулъ К. Петиллій, опасаясь

какъ бы война не была приведена къ концу безъ него, послалъ письмо къ К. Клавдію — чтобы онъ съ войскомъ пришелъ къ нему въ Галлію: на Макрскомъ полѣ онъ будетъ его дожидаться. По полученіи письма, Клавдій передвинулъ лагерь изъ земли Лигуровъ, и войско у Макрскаго поля передалъ консулу. Туда же, по истеченіи немногихъ дней, прибылъ консулъ К. Валерій. Тутъ раздѣливъ войска, прежде чѣмъ разойдтись, вмѣстѣ оба занялись обрядомъ очищенія войска. Потомъ бросили жеребій, такъ какъ не съ одной и той же стороны оба рѣшились напасть на непріятеля, куда кому идти. О Валеріѣ навѣрное извѣстно, что онъ вынулъ жеребій, какъ и слѣдовало по авспиціямъ, находясь въ храмѣ; относительно Петиллія — такой впослѣдствіи авгуры дали отвѣтъ, дурно случилось, что онъ, внѣ храма находясь и внѣ храма положилъ жеребій въ ящикъ, когда его несли въ храмъ. За тѣмъ консулы разошлись въ разныя стороны. Петиллій сталъ лагеремъ противъ горнаго хребта Балисты и Леты, соединяющаго непрерывною цѣпью эти двѣ горы. Тутъ когда онъ, собравъ воиновъ, говорилъ имъ увѣщаніе, то, говорятъ, самъ себѣ предсказалъ участь словами, необративъ вниманія на двойной смыслъ въ нихъ заключавшійся: «въ этотъ день возметъ онъ Лету.» Разомъ съ двухъ сторонъ началъ онъ всходить на, находившіяся напротивъ, горы. То отдѣленіе войска, при которомъ онъ самъ находился, поднималось безъ остановки. Другое непріятели отбили было и для востановленія дѣла, уже клонившагося къ проигрышу, консулъ прискакалъ на конѣ и бѣгство своихъ остановилъ; но самъ, неосторожно вертясь впереди знаменъ, палъ пронзенный дротикомъ. Непріятели и незамѣтили, что полководецъ Римскій убитъ, а изъ своихъ немногіе видѣвшіе поспѣшили скрыть тѣло, зная, что отъ этого зависитъ побѣда. Остальной отрядъ пѣхоты и конницы, сбивъ непріятелей, занялъ горы безъ вождя. До пяти тысячь Лигуровъ убито; изъ Римскаго войска пятьдесятъ два человѣка лишились жизни. Кромѣ столь уже яснаго исполнія дурнаго предзнаменованія слышно было впослѣдствіи отъ караульщика священныхъ птицъ, что при гаданіи по нимъ об-

наружился недостатокъ, который не могъ остаться незамѣченнымъ консуломъ. Кайй Валерій получивъ извѣстіе [о смерти К. Петиллія, присоединилъ войско, оставшееся безъ вождя, къ своему и, возобновивъ нападеніе на непріятелей, ихъ кровью справилъ отличныя поминки тѣни своего павшаго товарища. Надъ Лигурами получилъ онъ почести тріумфа. Относительно легіона, передъ значками котораго убитъ консулъ, сенатъ принялъ мѣры строгости; весь онъ лишенъ на цѣлый годъ и выслуги, и жалованья за то, что воины не защитили собою вождя отъ оружія непріятельскаго. Около этого времени пришли въ Римъ послы Дардановъ; этихъ послѣднихъ тѣснило огромное войско Бастарновъ, подъ предводительствомъ вождя Клондика, о чемъ мы упоминали выше. Когда они изложили относительно Бастарновъ—какъ велика ихъ численность, какъ они высоки ростомъ и громадны тѣломъ, какъ смѣлы въ опасностяхъ, то присовокупили, что они въ союзѣ съ Персеемъ, и онъ то составляетъ для нихъ предметъ опасеній, больше самихъ Бастарновъ; вслѣдствіе всего этого они просили у сената помощи. Сенатъ опредѣлилъ: отправить пословъ обозрѣть положеніе дѣлъ въ Македоніи, и немедленно поручено—А. Постумію отправиться туда. Присоединили къ нему нѣсколько товарищей помоложе; но въ немъ Постуміѣ должна была заключаться вся сила и сущность посольства. Вслѣдъ за тѣмъ шло дѣло о выборахъ сановниковъ на слѣдующій годъ: объ этомъ предметѣ возникъ не маловажный споръ, такъ какъ] опытные въ дѣлѣ религіи и общественнаго права утверждали, что когда два настоящіе консула этого года погибли одинъ отъ меча, а другой отъ болѣзни, подставный консулъ не можетъ правильно завѣдывать выборами. [Дѣло окончилось междуцарствіемъ. Временный царь назначилъ консулами П. Муцію Сцеволу, М. Емилія Лепида вторично. Потомъ преторами сдѣланы: К Попиллій Ленасъ, Т. Анній Лускъ, К. Меммій Галлъ, К. Клувій Саксула, Сер. Корнелій Сулла, Ап. Клавдій Центо. Консуламъ провинціями достались Галлія и Лигуры. Изъ преторовъ Корнелій Сулла получилъ Сардинію, Клавдій Центо—ближнюю Ис-

панію. Кому достались остальныя преторскія провинціи, не сохранилось памяти. Этотъ годъ заслужилъ печальную извѣстность моромъ, хотя онъ только свирѣпствовалъ между скотомъ. Лигуры, народъ постоянно побѣждаемый, и постоянно возобновлявшій военныя дѣйствія, опустошили Луну и Пизу; вмѣстѣ съ тѣмъ усиливался слухъ и о волненіяхъ между Галлами. Лепидъ безъ труда возстановилъ спокойствіе въ Галліи, перешелъ въ землю Лигуровъ. Нѣкоторые народы отдались въ его волю: ихъ, принимая въ соображеніе, что характеръ жителей зависитъ отъ мѣстныхъ условій и что онъ суровѣе отъ неприступныхъ горъ, служащихъ имъ жилищемъ, по примѣру нѣкоторыхъ консуловъ до него бывшихъ] перевелъ въ ровныя мѣста.

XIX. (23). По сю сторону Апеннинъ жили Гарулы, Лапицины и Гиркаты, по ту сторону Апеннинъ Бриніаты. На этомъ берегу рѣки Авдены П. Муцій велъ войну съ тѣми, которые опустошили Луну и Пизу и, покоривъ всѣхъ своей власти, отобралъ у нихъ оружіе. По случаю этихъ дѣйствій, совершенныхъ въ Лигуріи и Галліи, подъ предводительствомъ и счастіемъ обоихъ консуловъ, сенатъ опредѣлилъ молебствіе на три дня и повелѣлъ принести въ жертву сорокъ животныхъ. Такимъ образомъ волненіе въ Галліи и Лигуріи, возникшее въ началѣ этого года, было подавлено въ короткое время безъ особенныхъ усилій. Уже возникала забота о войнѣ Македонской: тамъ Персей устроилъ борьбу между Дарданами и Бастарнами. Послы, отправленные для обозрѣнія положенія дѣлъ въ Македоніи, уже вернулись въ Римъ и принесли извѣстіе, что въ Дарданіи война. Вмѣстѣ прибыли ораторы царя Персея, оправдывая его, что Бастарны не имъ призваны, и что въ ихъ дѣйствіяхъ онъ не принимаетъ никакого участія. Сенатъ и не оправдалъ царя отъ этого обвиненія, и не уличилъ его: но только велѣлъ сдѣлать ему внушеніе, чтобы онъ какъ можно болѣе заботился — свято наблюдать союзный договоръ, заключенный съ Римлянами. Дарданы, видя, что Бастарны не только не выходятъ изъ ихъ предѣловъ, какъ они было надѣялись, но со дня на день становятся для нихъ тягостнѣе, при помощи сосѣднихъ Ѳраковъ и

Скордисковъ — заблагоразсудили рѣшиться на какое бы то ни было смѣлое предпріятіе, и со всѣхъ сторонъ собрались съ оружіемъ въ рукахъ къ городу, ближайшему къ лагерю Бастарновъ. Было зимнее время года и его-то они избрали, такъ какъ Ѳраки и Скордиски ушли въ свои земли. Услыхавъ, что именно такъ и случилось, и что Бастарны уже одни, они раздѣлили войска на двѣ части: одна должна была идти прямымъ путемъ и напасть открыто; другая—обойдти по трудному ущелью и напасть съ тылу. Впрочемъ, сраженіе началось прежде, чѣмъ Дарданы имѣли возможность обойдти лагерь непріятельскій, и, будучи побѣждены, сбиты въ городъ, находившійся почти въ 12 миляхъ отъ лагеря Бастарновъ. Побѣдители тотчасъ же осадили городъ, нисколько не сомнѣваясь, что непріятель или покорится подъ вліяніемъ страха, или уступитъ открытой силѣ. Между тѣмъ другой отрядъ Дардановъ, шедшій въ обходъ, не зная о несчастіи соотечественниковъ, безъ труда овладѣлъ лагеремъ Бастарновъ, никѣмъ не защищаемымъ. [Бастарны, лишась всѣхъ запасовъ и принадлежностей воинскихъ, находившихся въ лагерѣ и не имѣя возможности ихъ пополнить въ землѣ непріятельской и въ суровое время года, рѣшились вернуться на мѣста, гдѣ жили ихъ отцы. А потому они пошли назадъ къ рѣкѣ Истру и къ неописанной радости, нашли рѣку покрытою толстымъ льдомъ, повидимому способнымъ выдержать какую бы то ни было тягость. Но когда вдругъ налегла на ледъ тяжесть торопившихся бѣгствомъ и разомъ столпившихся всею массою людей и вьючныхъ животныхъ, то онъ, слабѣя подъ такою огромною тяжестью, вдругъ осѣлъ и весь строй, такъ долго имъ поддерживаемый, опустилъ, уступая гнету и сдѣлавшись тонкимъ, въ пучину рѣки. Большая часть людей погибла немедленно въ ея волнахъ, а многихъ пытавшихся выплыть куски разломаннаго льда, тяжестью своею гнетя сверху, увлекли въ глубь. Изъ цѣлаго народа удалось уйдти на тотъ и другой берегъ весьма немногимъ, и то съ перераненными тѣлами].

[24. Въ это время Антіохъ, сынъ Великаго Антіоха, долго находившійся въ Римѣ заложникомъ, по смерти брата Селевка,

достигъ царской власти надъ Сиріею. Селевкъ, получившій отъ Грековъ названіе Филопатора, получилъ Сирію истощенною въ силахъ, вслѣдствіе несчастій понесенныхъ отцомъ, послѣ двѣнадцати-лѣтняго царствованія празднаго и непрославленнаго никакими замѣчательными дѣйствіями — вызвалъ изъ Рима этого младшаго своего брата, отправивъ на его мѣсто сына Димитрія по условію союзнаго договора, по которому во всякомъ случаѣ необходимо было перемѣнять заложниковъ. Едва только прибылъ онъ въ Аѳины, какъ Селевкъ погибъ жертвою козней Геліодора, одного изъ приближенныхъ *(порфироносцевъ)*. Его, домогавшагося царской власти, Евменъ и Атталъ изгнали и облекли ею Антіоха; такимъ благодѣяніемъ привязать его къ себѣ—они считали очень важнымъ, такъ какъ уже подозрительно посматривали на Римлянъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ неудовольствій. При такомъ содѣйствіи получивъ царскую власть, Антіохъ встрѣченъ такою радостью народовъ, что они придали ему названіе *Епифана* (явленнаго), такъ какъ онъ среди покушеній лицъ, чуждыхъ царскаго рода, овладѣть престоломъ, явился для своихъ блестящею звѣздою, наслѣдникомъ власти, слѣдовавшей ему отъ предковъ. Въ Антіохѣ относительно военнаго дѣла не было недостатка ни въ способностяхъ, ни въ энергіи духа. Впрочемъ, онъ въ нравственности и образѣ жизни обнаружилъ такое развращеніе, что вскорѣ прозваніе его перемѣнили, и вмѣсто *Епифана* назвали *Епиманомъ* (безумнымъ). Часто выходилъ онъ изъ дворца, не сказавъ никому изъ придворныхъ и съ однимъ или двумя провожатыми, шелъ онъ по городу, увѣнчанный розами, въ одеждѣ шитой золотомъ; то бросая въ прохожихъ камни, которые держалъ подъ мышкою, то напротивъ деньги разсыпая въ народъ, съ крикомъ: «пусть беретъ, кому дастъ судьба». То онъ бѣгалъ по мастерскимъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, ваятелей и вообще художниковъ, объ искусствѣ каждаго разсуждая съ ними, какъ бы и понимая дѣло; то онъ съ первымъ попавшимся ему простолюдиномъ бесѣдовалъ публично, то скитался около кабаковъ и тамъ предавался пьянству съ чужестранцами и пришлецами самаго низ-

шаго разбора. Если онъ случайно узнавалъ, что молодые люди условились собраться гдѣ либо пировать, то онъ самъ немедленно являлся туда вовсе неожиданно съ чашею и музыкою, готовый пить и гулять, такъ что собесѣдники, пораженные такою нечаянностью, по большей части пускались бѣжать, или отъ страха хранили молчаніе. Достовѣрно извѣстно то, что онъ въ публичныхъ баняхъ имѣлъ обычай мыться вмѣстѣ съ толпою. Такъ какъ онъ тамъ употреблялъ впрочемъ самыя дорогія мази, то, разсказываютъ, что разъ когда-то, какой-то простолюдинъ ему сказалъ: «счастливъ ты царь; пахнетъ отъ тебя самыми дорогими благовоніями». Антіоху понравились эти слова и онъ сказалъ: «вотъ я и тебя сдѣлаю счастливымъ до того, что ты будешь, какъ самъ сознаешься, вполнѣ довольнымъ». И тотчасъ онъ велѣлъ вылить ему на голову огромный сосудъ самыхъ лучшихъ духовъ. Всплылъ полъ и по скользскому стали падать какъ другіе, такъ и самъ царь, одинъ изъ первыхъ, повалился на полъ съ громкимъ смѣхомъ].

XX. (25). [Наконецъ, одѣвшись вмѣсто царской одежды въ тогу, по примѣру того какъ онъ видѣлъ поступаютъ въ Римѣ искатели мѣстъ, обходилъ онъ (форумъ) общественную площадь — въ каждомъ простолюдинѣ заискывая и обнимая его и прося то эдильства, то народнаго трибуната и наконецъ голосами народа получивъ должность, по Римскому] обычаю съ поставленнаго ему изъ слоновой кости кресла, чинилъ судъ и расправу и разбиралъ споры о самыхъ ничтожныхъ предметахъ. Переходя отъ одного образа жизни къ другому, онъ не останавливался ни на какомъ окончательно; такъ что не могъ ни самъ себя, ни другіе его понять — что онъ за человѣкъ. То онъ и пріятелей не удостоивалъ словомъ, то ласково улыбался людямъ, которыхъ едва зналъ. Неразборчивою щедростью издѣвался онъ и надъ другими, и надъ собою: нѣкоторымъ людямъ почтеннымъ, и высоко себя цѣнившимъ, онъ давалъ дѣтскіе подарки, какъ-то лакомства или игрушки, а другихъ обогащалъ, вовсе этого неожидавшихъ; а потому нѣкоторымъ казалось, что онъ самъ не знаетъ чего хочетъ. Одни гово-

рили, что онъ просто шутитъ, а другіе не сомнѣвались, что онъ не въ здравомъ разсудкѣ. Впрочемъ, въ двухъ великихъ и почитаемыхъ предметахъ, обнаружилъ онъ истинно царскій духъ — въ дарахъ городамъ, и въ почтеніи боговъ. Мегалополитанцамъ въ Аркадіи обѣщалъ онъ обнесть стѣною ихъ городъ и далъ большую часть нужныхъ на это денегъ. Въ Тегеѣ онъ предпринялъ устроить великолѣпный театръ изъ мрамора. Въ Кизикѣ, въ Пританей (такъ называется внутреннее заведеніе города, гдѣ на счетъ общества кормятся тѣ, кого оно удостоило этой чести) онъ далъ золотые сосуды на одинъ столъ. Родосцамъ хотя онъ не далъ ничего, чтобы одно особенно бросилось въ глаза, но дѣлалъ много всякаго рода подарковъ, въ чемъ только они имѣли нужду. Щедрости его въ отношеніи къ богамъ лучшимъ доказательствомъ можетъ служить хоть храмъ Юпитера Олимпійскаго въ Аѳинахъ — одинъ въ цѣлой землѣ предпринятый соотвѣтственно величію этого бога. И Делосъ украшенъ его отличными жертвенниками и множествомъ статуй; а въ Антіохіи, въ великолѣпномъ храмѣ Юпитера Капитолинскаго, онъ не только отдѣлалъ золотомъ карнизы, но и покрылъ имъ самыя стѣны. Много обѣщалъ онъ и въ другихъ мѣстахъ, чего, по чрезвычайной краткости своего царствованія, не успѣлъ исполнить. Великолѣпіемъ зрѣлищъ всякаго рода онъ побѣдилъ прежнихъ царей, какъ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, такъ и множествомъ греческихъ художниковъ. Гладіаторскія игры — Римскую забаву — сначала онъ далъ болѣе къ ужасу зрителей, не привыкшихъ къ подобнаго рода зрѣлищамъ, чѣмъ къ удовольствію ихъ; потомъ часто ихъ повторяя, то до ранъ только, то безъ пощады — пріучилъ къ этому зрѣлищу и даже сдѣлалъ его пріятнымъ, а въ большей части молодыхъ людей развилъ охоту къ упражненію оружіемъ. Такимъ образомъ сначала ему (Антіоху) приходилось — вызывать изъ Рима за большую плату готовыхъ гладіаторовъ; въ послѣдствіи легко находилъ въ своихъ владѣніяхъ добровольныхъ гладіаторовъ, которые за ничтожную плату предлагали сами свои услуги для боя. Впрочемъ, онъ и давая игры обнаружилъ тоже легкомысліе и испорчен-

ность, что и въ другихъ обстоятельствахъ жизни, такъ что ничего не могло быть великолѣпнѣе игръ, и ничего хуже и презрѣннѣе самого царя. Это обнаружилось не разъ и въ другихъ случаяхъ, но въ особенности въ играхъ, которыя онъ, соревнуя даннымъ Павломъ въ Македоніи послѣ пораженія Персея, далъ въ Антіохіи съ огромными издержками и къ неменьшему своему безславію; но возвратимся къ Римскимъ дѣламъ, отъ которыхъ насъ далеко отвело упоминаніе объ этомъ царѣ].

XXI. (26). [Ти. Семпроній Гракхъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ управлявшій Сардиніею, передалъ провинцію претору Сер. Корнелію Суллѣ и, возвратясь въ Римъ — получилъ почести тріумфа надъ Сардами. Говорятъ, что онъ такое множество плѣнныхъ вывелъ изъ этого острова, что, вслѣдствіе продолжительной ихъ продажи, дѣло это обратилось въ пословицу, и выраженіе *Сарды продажные* сдѣлалось обыкновеннымъ въ шуточномъ разговорѣ о предметахъ малоцѣнныхъ. Получили почести тріумфа и оба консула: Сцевола надъ Лигурами, Лепидъ надъ ними и надъ Галлами. Тутъ имѣли мѣсто выборы должностныхъ лицъ на слѣдующій годъ. Консулами выбраны Сп. Постумій Альбинъ, К. Муцій Сцевола. На выборахъ преторскихъ случай привелъ, въ числѣ прочихъ кандидатовъ, бороться Л. Корнелію Сципіону, сыну П. Африкана—можетъ быть его прозваніе было и Кней—не безъ большаго для него неудовольствія, съ К. Цицерейемъ, бывшимъ письмоводителемъ его отца. Когда къ пяти, уже наименованнымъ—преторамъ К. Кассію Лонгину, П. Фурію Филону, Л. Клавдію Azeллу, М. Атилію Серрану, Кн. Сервилію Цепіону, хоть послѣднимъ хотѣлъ примкнуть Сципіонъ, до того повидимому измѣнилъ онъ добрымъ качествамъ своего отца, что голосами всѣхъ сотенъ ему предпочтенъ былъ бы Цицерей, не исправь тотъ своею скромностью или вину счастія, или ошибку выборовъ. При этомъ публичномъ состязаніи онъ не могъ помириться съ мыслью униженія сына его бывшаго патрона и тотчасъ, сбросивъ съ себя бѣлую тогу, изъ соперника относительно побѣды, сдѣлался помощникомъ своего противника. Такимъ образомъ Сципіонъ достигъ почести, которую черезъ на-

родъ никогда повидимому не получилъ бы — при содѣйствіи Цицерея съ большею для него, чѣмъ для себя, славою. Консуламъ провинціи назначены Галлія и Лигуры. Вслѣдъ затѣмъ преторы бросили жеребій: К. Кассію Лонгину досталось судопроизводство въ городѣ, Л. Корнелію Сципіону у иностранцевъ. М. Атилію претору досталась провинціею Сардинія; но онъ получилъ приказаніе съ новымъ легіономъ, набраннымъ консулами: съ пятью тысячами пѣхоты и тремя стами всадниковъ — перейдти въ Корсику. Пока онъ будетъ вести тамъ войну, Корнелію продолжена власть для управленія Сардиніею. Кн. Сервилію Цепіону въ дальнюю Испанію и П. Фурію Филону въ ближнюю — опредѣлены три тысячи пѣшихъ Римлянъ, полтораста всадниковъ и союзниковъ Латинскаго наименованія пять тысячъ пѣшихъ и триста всадниковъ; Сицилія назначена Л. Клавдію — безъ пополненія войскъ. Кромѣ того консулы приказали набрать два легіона съ положеннымъ числомъ пѣхотинцевъ и всадниковъ, а отъ союзниковъ истребовать десять тысячь пѣхотинцевъ и шестьсотъ всадниковъ. Наборъ консуламъ представлялъ тѣмъ болѣе затрудненій, что моровая язва, истреблявшая въ предшествовавшемъ году рогатый скотъ, обратилась на людей. Сдѣлавшіеся ея жертвою, не легко переживали седьмый день, а которые оставались въ живыхъ долго страдали лихорадкою. Особенно сильна была смертность между рабами; по всѣмъ дорогамъ валялись тѣла не погребенныхъ. Да и для похоронъ свободныхъ гражданъ не доставало рукъ. Трупы, до которыхъ не касались ни собаки, ни коршуны, гнили сами собою, и довольно вѣрно, что ни въ этомъ году, ни въ предшествовавшемъ — при такой гибели людей и животныхъ нигдѣ коршуновъ не было видно. Общественные жрецы умерли отъ этой заразы: Кн. Сервилій Цепіонъ первосвященникъ, отецъ претора, и Ти. Семпроній Ти. Ф. Лонгъ, децемвиръ священнодѣйствій, и П. Элій Петъ авгуръ, и Ти. Семпроній Гракхъ, К. Мамилій Витулъ, главный куріонъ, и М. Семпроній Тудитанъ первосвященникъ. Ваканція первосвященника Тудитана замѣщена К. Сульпиціемъ Гальбою. Ав-

гурами назначены: на мѣсто Гракха—Т. Ветурій Гракхъ Семпроніанъ, на мѣсто П. Элія—К. Элій Петъ. Децемвиромъ священнодѣйствій сдѣланъ К. Семпроній Лонгъ, а великимъ куріономъ К. Скрибоній Куріо. Такъ какъ моровая язва все еще не оканчивалась, то сенатъ опредѣлилъ — децемвирамъ посовѣтоваться съ Сивилльскими книгами. По ихъ опредѣленію назначено молебствіе на одинъ день и, повторяя слова К. Марція Филиппа, народъ на форумѣ далъ такой обѣтъ: «если болѣзнь и моровая язва удалится изъ Римскихъ предѣловъ, то въ продолженіи двухъ дней будутъ празднованія и молебствія. Въ Веіентской области родился ребенокъ о двухъ головахъ, въ Синуессѣ объ одной рукѣ, а въ Авксимѣ дѣвочка съ зубами. Радуга при чистомъ небѣ раскинулась надъ храмомъ Сатурна на форумѣ Римскомъ, и разомъ возсіяли три солнца. Въ туже ночь много огненныхъ метеоровъ скатилось съ неба въ Ланувинской области. Цериты утверждали, что въ ихъ области явился ужъ съ гривою, усѣянный золотыми пятнами и довольно вѣрно было то, что въ Кампанской области быкъ проговорилъ голосомъ человѣческимъ.

XXII. (27) Послы вернулись изъ Африки пятаго іюня. Прежде они посѣтили царя Масиниссу, и потомъ уже отправились въ Карѳагенъ; впрочемъ болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что въ немъ происходило, они получили отъ царя, чѣмъ отъ самихъ Карѳагенянъ. Впрочемъ, они утверждали какъ достовѣрное, что отъ царя Персея приходили послы, и для нихъ былъ собранъ ночью сенатъ въ храмѣ Эскулапа. То, что изъ Карѳагена послы отправлены въ Македонію, утверждалъ царь, да и сами Карѳагеняне очень вяло отъ того отпирались. Сенатъ опредѣлилъ отправить пословъ въ Македонію; трое назначены для этого: К. Лелій, М. Валерій Мессала, Сек. Дигитій. Въ это время Персей, такъ какъ нѣкоторые изъ Долоповъ отказывали въ повиновеніи, и въ спорныхъ дѣлахъ жаловались Римлянамъ на рѣшенія царя — пошелъ съ войскомъ и весь народъ подчинилъ своей власти. Оттуда перейдя черезъ Этейскія горы, вслѣдствіе нѣкоторыхъ, возникшихъ его душѣ, религіозныхъ

опасеній, отправился въ Дельфы посовѣтоваться съ оракуломъ. Внезапное появленіе Персея въ срединѣ Греціи — причинило не только великій ужасъ сосѣднимъ городамъ, но и было причиною, что и въ Азію къ Евмену посланы были объ этомъ гонцы на скорую руку. Три дня не болѣе промедливъ въ Ѳивахъ—онъ вернулся въ царство черезъ Фтіотиду, Ахеію, Ѳессалію, не причинивъ ни малѣйшаго опустошенія полямъ, по которымъ совершалъ движеніе. И не довольно было ему задобрить умы тѣхъ только городовъ, черезъ которые лежалъ его путь; но онъ отправилъ и пословъ, и письма: прося, — не помнить долѣе непріятностей, которыя были у нихъ съ его отцомъ; не до такой степени ожесточенія они достигли, чтобы не возможно или не должно было ихъ окончить. Впрочемъ съ нимъ у нихъ ничто не препятствуетъ основать прочную дружбу. Преимущественно хлопоталъ онъ возстановить доброе согласіе съ народомъ Ахейцевъ.

XXIII. (28) Только одинъ этотъ народъ цѣлой Греціи, да еще Аѳинское государство дошли до такой степени раздраженія противъ Македонянъ, что воспретили имъ самый входъ въ свои предѣлы. Вслѣдствіе этого Македонія была притономъ для бѣглыхъ изъ Ахаіи рабовъ: воспретивъ Македонянамъ входъ въ свои предѣлы, Ахейцы и сами не смѣли входить въ царскія владѣнія. Когда Персей это замѣтилъ, то схвативъ всѣхъ рабовъ... (*) при письмѣ: «а въ предупрежденіе на будущее время подобнаго бѣгства рабовъ надобно принять имъ мѣры.» По прочтеніи письма преторомъ Кенархомъ, старавшимся собственно для себя заискать расположенія царя, многіе были того мнѣнія, что письмо писано умѣренно и ласково; особенно въ пользу его были тѣ, которые такъ неожиданно получили потерянныхъ рабовъ. Но Калликратъ, принадлежавшій къ числу, считавшихъ поддержаніе ненарушимыхъ дружественныхъ отношеній съ Римлянами жизненнымъ для Ахейцевъ вопросомъ: сказалъ слѣдующее: и нѣкоторымъ изъ васъ, Ахейцы, дѣло это

(*) *Прим.* Здѣсь небольшой пропускъ въ подлинникѣ.

кажется неважнымъ и не значительнымъ; но къ моему мнѣнію не только вопросъ касается предмета не только очень важнаго и серьезнаго, но нѣкоторымъ образомъ уже онъ перешелъ изъ области слова въ область дѣла. Мы, которые для царей Македонскихъ и самихъ Македонянъ воспретили доступъ въ наши владѣнія, а хотя декретъ этотъ въ силѣ—не допускать ни пословъ, ни гонцовъ царскихъ, которые могли бы дѣйствовать на умы нѣкоторыхъ изъ насъ — мы же теперь слышимъ какъ бы голосъ отсутствующаго царя и, попущеніемъ боговъ безсмертныхъ, даже одобряемъ его рѣчь. И между тѣмъ какъ самыя животныя, лишенныя смысла, пищею, положенною для ихъ обмана, по большей части пренебрегаютъ и обѣгаютъ ее, мы же слѣпо бросились на нее, прельщенные незначительнымъ благодѣяніемъ: и въ надеждѣ получать обратно рабовъ ничтожной цѣны—мы допускаемъ подкапываться подъ нашу вольность и покушаться на нее. Кто же незамѣтитъ, что отыскиваютъ предлога къ союзу съ царемъ и къ нарушенію союза съ Римлянами, на которомъ основывается все наше благосостояніе? Можетъ ли быть для кого нибудь сомнительнымъ, что Римлянамъ прійдется воевать съ Персеемъ и что то, чего ожидали еще при жизни Филиппа, но что пріостановлено его смертью, теперь уже послѣ его кончины совершится? Какъ вамъ извѣстно Филиппъ имѣлъ двухъ сыновей Димитрія и Персея: происхожденіемъ матери, доблестью, умомъ, расположеніемъ Македонянъ далеко впереди стоялъ Димитрій; но какъ у Филиппа царство должно было служить наградою за ненависть къ Римлянамъ, то Димитрія онъ предалъ смерти не за иное какое либо преступленіе, какъ за дружественныя отношенія къ Римлянамъ; а царемъ сдѣлалъ Персея, въ ненависти котораго къ народу Римскому онъ былъ убѣжденъ болѣе чѣмъ въ томъ, что онъ будетъ наслѣдникомъ его царства. А потому, по кончинѣ отца, онъ что же другое дѣлалъ, какъ не готовилъ войну? Прежде всего къ ужасу всѣхъ напустилъ онъ Бастарновъ на Дарданію; удержись они на своихъ мѣстахъ, Греція имѣла бы въ нихъ сосѣдей, болѣе опасныхъ, чѣмъ Азія—Галловъ. Лишась этой надежды,

онъ не оставилъ замысловъ войны, а правильнѣе и вѣрнѣе сказать—онъ ее ужь началъ. Долопію покорилъ оружіемъ и не обратилъ никакого вниманія на желаніе жителей—свои съ нимъ несогласія отдать на судъ народа Римскаго. Оттуда, перейдя Эту, съ цѣлью показаться вдругъ въ самой серединѣ Греціи, онъ вошелъ въ Дельфы. Такое путешествіе, выходящее изъ рода обыкновенныхъ—къ чему по вашему мнѣнію клонится? Потомъ исходилъ онъ Ѳракію и если при этомъ безо всякаго вреда для тѣхъ, кому онъ питаетъ ненависть, то это, какъ искушеніе, внушаетъ мнѣ еще болѣе опасеній. Затѣмъ послалъ онъ къ намъ письмо подъ предлогомъ дара и при этомъ совѣтуетъ подумать о томъ, какъ бы въ подобномъ подаркѣ мы на будущее время не нуждались; другими словами это значитъ, чтобы мы уничтожили декретъ, которымъ Македоняне устранены изъ Пелопонеса. Опять увидимъ мы у себя пословъ царскихъ, ихъ хлѣбосольство съ нашими старѣйшинами, а вслѣдъ затѣмъ Македонское войско и самого Персея изъ Дельфъ (великъ ли раздѣляетъ проливъ?) переходящаго въ Пелопонесъ, и смѣшаемся мы съ рядами Македонянъ, вооружающихся противъ Римлянъ. Мое мнѣніе—не надобно ничего опредѣлять новаго, а все сохранять вполнѣ, какъ было прежде, пока уяснится вопросъ—основательны ли наши теперешнія опасенія или нѣтъ? Если миръ между Македонянами и Римлянами останется ненарушеннымъ, то пусть и у насъ будетъ и съ тѣми и другими пріязнь и взаимныя отношенія; теперь же объ этомъ помышлять будетъ и преждевременно, и сопряжено съ опасностью.

XXIV. (29) Послѣ него Архонъ, братъ претора Ксенарха, разсуждалъ въ такомъ смыслѣ: «Калликратъ и для меня и для всѣхъ, не раздѣляющихъ его мнѣнія, сдѣлалъ затруднительнымъ слово. Взявшись самъ за вопросъ о союзѣ съ Римлянами и утверждая, что противъ него замышляютъ и дѣйствуютъ, онъ сдѣлалъ такъ, что слова каждаго, кто не одного съ нимъ мнѣнія, повидимому направлены противъ Римлянъ. Прежде всего, какъ будто бы не изъ нашей среды, пришелъ онъ, а изъ сената Римскаго, или былъ свидѣтелемъ царскихъ тайнъ, онъ

знаетъ и высказываетъ все, что совершалось въ тайнѣ. Онъ даже отгадываетъ, что случилось бы будь Филиппъ въ живыхъ, какимъ образомъ Персей сдѣлался наслѣдникомъ царства, что готовятъ Македоняне, о чемъ помышляютъ Римляне? Что же касается до насъ, то мы не знаемъ ни причины, ни обстоятельствъ гибели Димитрія; ни того что сталъ бы дѣлать Филиппъ, если бы оставался въ живыхъ; но намѣренія наши мы должны приспособлять къ тому, что явно совершается. Мы знаемъ, что Персей, сдѣлавшись царемъ, отправилъ пословъ въ Римъ и получилъ отъ народа Римскаго наименованіе царя; мы слышимъ, что послы Римскіе пришли къ царю и имъ благосклонно приняты. Во всемъ этомъ вижу я признаки мира, а не войны; да и Римляне не могутъ на насъ обижаться, если мы — слѣдовавъ за ними во время веденія войны, теперь послѣдуемъ ихъ примѣру и относительно мира. Не вижу причины, почему намъ однимъ вести непримиримую войну противъ Македонскаго царства? Что же, мы по самой близости, приходимся ужъ очень кстати Македонянамъ? Или можетъ быть, мы слабѣе всѣхъ, какъ Долопы, которыхъ недавно покорилъ Персей? Но во всѣхъ этихъ отношеніяхъ мы, благодаря богамъ безсмертнымъ — находимъ защиту и въ силахъ нашихъ, и въ самомъ отдаленіи. Положимъ даже, что мы также покорены, какъ Өессалы и Этолы, и въ такомъ случаѣ — неужели Римляне не имѣютъ настолько довѣрія и уваженія къ намъ, постояннымъ ихъ союзникамъ и друзьямъ, насколько къ Этоламъ, которые еще недавно были ихъ врагами? Что вправѣ дѣлать Этолы, Өессалы, Епироты, наконецъ вся Греція, относительно Македонянъ — тоже и мы. Почему намъ однимъ обязательно будетъ это неумолимое расторженіе всѣхъ связей человѣческихъ? Можетъ быть Филиппъ и сдѣлалъ что нибудь, почему мы составили такое опредѣленіе противъ него, съ оружіемъ въ рукахъ ведшаго съ нами войну; но чѣмъ заслужилъ Персей, царь новый, ничѣмъ насъ не оскорбившій, а своимъ благодѣяніемъ старающійся загладить и непріятности отца то, чтобы мы одни изо всѣхъ оставались его врагами? Хотя я могъ бы сказать и то, что таковы были заслуги прежнихъ

царей Македонскихъ противъ насъ, что оскорбленія со стороны одного Филиппа, если даже они и были... (*) во всякомъ случаѣ послѣ его смерти. Когда Римскій флотъ находился въ Кенхреяхъ, а консулъ съ войскомъ въ Елатіи, въ продолженіи трехъ дней мы находились на сеймѣ, занимаясь совѣщаніемъ о томъ— послѣдовать за Римлянами ли, или за Филиппомъ. Гроза, нависшая со стороны Римлянъ, не имѣла никакого вліянія на наши мнѣнія; было же что нибудь, условившее такую продолжительность совѣщаній, а именно—старинная связь съ Македонянами; давнія и значительныя заслуги ихъ царей въ отношеніи къ намъ. Пусть и теперь все это имѣетъ силу не къ тому, чтобы мы были главными друзьями, но хоть бы не были ожесточенными врагами. Не будемъ, Калликратъ, браться за то, о чемъ никто и не думаетъ. Никто не совѣтуетъ заключить новый союзъ или писать союзный договоръ, которымъ бы мы себя необдуманно связали; но пусть только возобновится общеніе взаимныхъ правъ относительно отдачи и пріема; иначе, воспрещая входъ въ свои владѣнія, мы запираемъ себѣ путь въ предѣлы царства, и открываемъ для нашихъ бѣглыхъ рабовъ готовое убѣжище. Чтоже тутъ противнаго союзному договору съ Римлянами? Зачѣмъ мы дѣло явное и незначительное представляемъ большимъ и подозрительнымъ? Къ чему возбуждаемъ мы ложную тревогу? Зачѣмъ въ черезъ чуръ усердномъ стараніи сохранить доброе согласіе съ Римлянами—мы будемъ выставлять другихъ подозрительными и ненавистными? Въ случаѣ войны я думаю и самъ Персей неусумнится, что мы послѣдуемъ за Римлянами. Въ мирное время ненависть, если не вовсе уничтожается, то по крайней мѣрѣ отлагается. Такъ какъ эта рѣчь заслужила одобреніе сочувствовавшихъ письму царскому, то вслѣдствіе только неудовольствія старѣйшинъ на то, что Персей въ томъ дѣлѣ, которое какъ бы счелъ незаслуживающимъ посольства—можетъ достигнуть успѣха письмомъ въ нѣсколько строчекъ, отложенъ декретъ. Потомъ царемъ отправлены послы,

---

(*) *Прим.* Тутъ въ текстѣ есть пропуски.

когда въ Мегалополисѣ собрался сеймъ; но стараніемъ тѣхъ, которые опасались разгнѣвать Римлянъ, они допущены не были.

XXV. (30) Въ это время безразсудство Этоловъ обратилось на нихъ самихъ и междуусобными убійствами народъ этотъ шелъ повидимому къ самоуничтоженію. Утомясь истребленіемъ, обѣ партіи отправили пословъ въ Римъ, да и сами между собою толковали о возстановленіи согласія. Дѣло это было разстроено новымъ преступленіемъ, и даже вызвало съ новою силою прежнія неудовольствія. Когда Гипатейскимъ изгнанникамъ, принадлежавшимъ къ партіи Проксена, обѣщанъ былъ возвратъ въ отечество и дано завѣреніе старѣйшиною города Евполемомъ, восемьдесять знатныхъ мужей, на встрѣчу которымъ, въ числѣ многихъ прочихъ гражданъ, вышелъ Евполемъ, приняты были съ ласковымъ привѣтомъ и рукопожатіями при входѣ въ ворота, они умерщвлены, тщетно взывая къ даннымъ клятвамъ и богамъ ихъ свидѣтелямъ. Вслѣдъ за тѣмъ война загорѣлась съ новою силою. Пришли отъ сената послы—К. Валерій Левинъ, Ап. Клавдій Пульхеръ, К. Меммій, М. Попиллій и Л. Канулеій. Въ ихъ присутствіи въ Дельфахъ уполномоченные той и другой стороны защищали свое дѣло съ большимъ усердіемъ, въ особенности Проксенъ бралъ повидимому верхъ какъ справедливостью дѣла, такъ и краснорѣчіемъ. Немного дней спустя жена его Ортобула отравила ядомъ; осужденная въ этомъ преступленіи, она отправилась въ ссылку. Такое же безумство овладѣло и Кретійцами; потомъ, съ прибытіемъ посла К. Минуція, отправленнаго съ десятью судами для умиренія ихъ по поводу начавшихся между ними несогласій—они стали надѣяться возстановленія мира. Впрочемъ, только на шесть мѣсяцевъ было заключено перемиріе, а послѣ война началась съ новою силою. И Ликіи въ тоже время были тревожимы непріязненными дѣйствіями со стороны Родосцевъ; но войны чужестранцевъ между собою, какъ бы они тамъ ни велись, излагать не наше дѣло, а съ насъ достаточно, и даже не подъ силу, излагать одни дѣянія, совершенныя народомъ Римскимъ.

XXVI. (31) Цельтиберы въ Испаніи, изъявивъ покорность

Ти. Гракху, побѣдившему ихъ силою оружія, оставались въ покоѣ, пока преторъ М. Тициній управлялъ провинціею. Возобновили они войну съ прибытіемъ Ап. Клавдія, и начали военныя дѣйствія внезапнымъ нападеніемъ на лагерь Римскій. Только стало свѣтать, какъ караульщики на окопахъ и находившіеся на стражѣ у воротъ, видя издали шедшаго непріятеля, закричали: къ оружію. Ап. Клавдій, давъ знакъ къ сраженію — въ немногихъ словахъ сдѣлалъ увѣщаніе воинамъ и разомъ вывелъ ихъ въ трое воротъ. При выходѣ противуставили сопротивленіе Цельтиберы, и сначала сраженіе было и съ той, и съ другой стороны равное: по тѣснотѣ мѣста не всѣ Римляне могли принимать участіе въ сраженіи; но потомъ, тѣсня другъ друга когда вышли за окопы, и были въ состояніи развернуть фронтъ и поровняться флангами съ непріятелемъ, дотолѣ обходившимъ ихъ кругомъ — съ такою силою бросились впередъ, что Цельтиберы не въ состояніи были выдержать ихъ напоръ. Еще до наступленія втораго часа они разбиты: до пятнадцати тысячь взято или убито; значковъ отнято тридцать два, лагерь въ этотъ же день взятъ, и тѣмъ война приведена къ концу; оставшіеся же отъ сраженія разошлись по своимъ городамъ, и съ тѣхъ поръ безпрекословно повиновались власти.

XXVII. (32) Цензоры — избранные въ этомъ году — К. Фульвій Флаккъ и А. Постумій Альбинъ, занимались пересмотромъ сената; предсѣдателемъ его назначенъ М. Емилій Лепидъ, великій первосвященникъ; особенно обратило на себя общее вниманіе осужденіе М. Корнелія Малугинензскаго, за два года передъ тѣмъ бывшаго преторомъ въ Испаніи; претора Л. Корнелія Сципіона, которому тогда принадлежало судопроизводство между гражданами и чужестранцами, Кн. Фульвія, двоюроднаго брата цензора и даже, какъ передаетъ Валерій Антіасъ, владѣвшаго съ нимъ нераздѣльно имѣніемъ. — Консулы, произнеся обѣты въ Капитоліи, отправились по своимъ провинціямъ. Изъ нихъ сенатъ поручилъ М. Емилію — подавить въ Венеціи возмущеніе Патавиновъ, послы которыхъ принесли извѣстіе, что борьба партій причинила у нихъ междуусобную войну. Послы,

ходившіе въ Этолію для подавленія подобныхъ же волненій, принесли извѣстіе, что оказалось невозможнымъ успокоить безразсудное раздраженіе народа. Патавинамъ прибытіе консула послужило къ спасенію и онъ, не имѣя другаго дѣла въ провинціи, вернулся въ Римъ. Цензоры первые отдали работы — вымостить камнемъ улицы въ городѣ, и внѣ города убить камнемъ и окопать ихъ, и во многихъ мѣстахъ сдѣлать мосты. Они устроили сцену для игръ, даваемыхъ эдилями и преторами; въ циркѣ устроили перилы и поставили столбики на бѣгу для обозначенія разстояній и желѣзныя клѣтки.... черезъ которыя впускать... съ желѣзными..... на горѣ Албанѣ консуламъ, и спускъ Капитолинскій озаботились выслать камнемъ и построили портикъ отъ храма Сатурна въ Капитолій въ помѣщеніи сенаторовъ, и оттуда до куріи. За Тригеминскими воротами базарную площадь вымостили камнемъ и огородили столбами; портикъ Эмиліевъ озаботились поправить; отъ Тибра на базарную площадь сдѣлали входъ по ступенькамъ. За тѣми же воротами дорогу Авентинскій портикъ вымостили камнемъ, и на Публиційскомъ холмѣ отъ храма Венеры. Эти же цензоры подрядили построить стѣны Калатіи и Авксима и продавъ тамъ общественныя мѣста, полученныя деньги употребили на постройку лавокъ кругомъ того и другаго базара. И одинъ изъ нихъ Фульвій Флаккъ (Постумій утверждалъ, что онъ на общественныя деньги не сдастъ ни одного подряда безъ утвержденія сената и народа Римскаго...) храмъ Юпитера въ Пизаврѣ и въ Фундахъ, въ Поленціи водопроводъ, въ Пизаврѣ дорогу вымостилъ камнемъ, а въ Синуессѣ произвелъ многія важныя работы, между прочимъ обводный каналъ, окружилъ форумъ лавками и портиками и устроилъ трехъ Янусовъ. Эти работы произведены однимъ цензоромъ къ большой признательности жителей колоній. Относительно надзора за нравственностью цензура была тщательная и строгая; у многихъ отняты лошади (т. е. эти лица исключены изъ всадническаго сословія).

XXVIII. (33) Почти въ концѣ года, въ продолженіи одного дня, было молебствіе по случаю благополучныхъ событій въ

Испаніи подъ предводительствомъ и счастіемъ проконсула Ап. Клавдія; двадцатью большими жертвами совершено жертвоприношеніе. На другой день совершено молебствіе у жертвенниковъ Цереры, Либера и Либеры по случаю, полученнаго изъ Сабинской земли, извѣстія о большомъ землетрясеніи, которымъ разрушено много зданій. По возвращеніи Ап. Клавдія изъ Испаніи въ Римъ — сенатъ опредѣлилъ войдти ему въ городъ съ почестями оваціи. Уже приближались консульскіе выборы. Они совершились при значительной борьбѣ вслѣдствіе множества искателей, а избраны Л. Постумій Альбинъ и М. Попиллій Ленасъ. Потомъ преторами назначены: Н. Фабій Бутеонъ, М. Матіенъ, К. Цицерей, М. Фурій Крассипесъ другой разъ, А. Атилій Серранъ другой разъ и К. Клувій Саксула также. По окончаніи выборовъ Ап. Клавдій Центо имѣлъ входъ въ городъ съ почестями оваціи — десять тысячь фунтовъ серебра, и пять тысячь золота внесъ въ казначейство. Юпитеровымъ Фламиномъ посвященъ Кн. Корнелій; въ томъ же году поставлена въ храмѣ Матери Матуты доска съ такою надписью: «Ти. Семпронія Гракха консула властью и счастіемъ—легіонъ и войско народа Римскаго покорили Сардинію. Въ этой провинціи непріятелей взято и убито болѣе восьмидесяти тысячь. Совершивъ самимъ счастливымъ образомъ дѣла общественныя и освободивъ данниковъ и...... возвративъ, войско здравое и невредимое, обремененное добычею, привелъ назадъ домой. Вторично съ почестями тріумфа вернулся онъ въ Римъ; въ ознаменованіе этого событія принесъ онъ въ даръ Юпитеру эту доску.» На ней было изображеніе острова Сардиніи и нарисованы виды сраженій. Въ этомъ же году было дано нѣсколько небольшихъ гладіаторскихъ игръ, и изъ нихъ особенно замѣчательны — Т. Фламинина, данныя имъ по случаю смерти отца его съ раздачею мясъ народу, пиршествомъ и сценическими играми въ продолженіи четырехъ дней. Впрочемъ сущность этихъ, въ то время большихъ игръ, заключалась въ томъ, что въ продолженіи трехъ дней сражались семьдесять четыре человѣка.

34. [Конецъ этого года ознаменованъ новымъ и очень важ-

нымъ закономъ, который занималъ нѣкоторое время гражданъ не безъ волненія умовъ. Дотолѣ женщины допускались къ наслѣдству на равныхъ съ мущинами правахъ; послѣдствіемъ было то, что состоянія самихъ знатныхъ родовъ переходили часто въ чуждыя имъ семейства, съ большимъ ущербомъ для государства, въ интересахъ котораго то, чтобы наслѣдникъ знатнаго имени имѣлъ въ своихъ рукахъ средства поддерживать блескъ рода, нерѣдко служащій болѣе тягостью, чѣмъ украшеніемъ. А потомъ, когда съ увеличеніемъ силъ государства, стали возрастать и богатства частныхъ лицъ, возникло опасеніе—какъ бы, склонный отъ природы къ роскоши и стремленію къ утонченному образу жизни, женскій духъ, получивъ въ увеличеніи богатствъ новую пищу страстямъ, нерынулся очертя голову въ безразсудныя издержки и роскошь, и не удалился бы совершенно отъ прежней умѣренности, повлекши за собою такое же измѣненіе въ нравственности, какое послѣдовало въ наружности. Предупредить такія вредныя послѣдствія предположилъ К. Воконій Сакса, трибунъ народный; онъ внесъ къ народу слѣдующій проэктъ закона: «никто, послѣ цензоровъ А. Постумія и К. Фульвія, не долженъ оставлять наслѣдство женщинѣ или дѣвицѣ: притомъ ни одна женщина и дѣвица не должна ни послѣ кого получать наслѣдство болѣе ста тысячь сестерцій.» Также Воконій счелъ нужнымъ принять мѣры и противъ того, чтобы вслѣдствіе множества наслѣдниковъ не истощались, какъ то бывало иногда, наслѣдства; вслѣдствіе этого онъ прибавилъ въ проэктѣ: чтобы никому не было завѣщеваемо болѣе того, сколько достается главному наслѣднику и наслѣдникамъ.» Эта послѣдняя статья закона безъ труда заслужила одобреніе народа, потому что она казалась и вполнѣ справедливою, да и притомъ никому не была очень въ тягость; но относительно перваго условія, которымъ женщины устранялись отъ наслѣдства послѣ всѣхъ гражданъ вообще, возникало много сомнѣній; имъ положилъ конецъ М. Катонъ, еще прежде, при защитѣ Оппіева закона, упорный противникъ и гонитель женщинъ. Да и теперь онъ—гораздо важнѣйшій противъ

нихъ законъ, не смотря на свой шестидесятипятилѣтній возрастъ, защищалъ громкимъ голосомъ и энергическими жестами, съ свойственною ему суровостью нападалъ на слабую сторону женщинъ — на ихъ неумѣніе соблюдать умѣренность при достаткѣ, и тутъ онъ обличалъ роскошь и надменность богатыхъ женщинъ: «онѣ—говорилъ онъ—нерѣдко принеся мужу большое приданое, таятъ и удерживаютъ при себѣ значительную сумму денегъ и впослѣдствіи ее же даютъ взаймы мужу по его просьбѣ и въ случаѣ неудовольствія, они немедленно взыскиваютъ ихъ при посредствѣ подставнаго раба, ежедневно требующаго уплаты, и мужа немилосердно преслѣдуютъ, какъ бы вовсе чуждаго имъ должника.» Подъ вліяніемъ негодованія на такія дѣйствія граждане согласились принять проэктъ закона въ томъ видѣ, какъ его предлагалъ Воконій.

КНИГА СОРОКЪ ВТОРАЯ.

1. Л. Постумій Альбинъ, М. Попиллій Ленасъ прежде всего доложили сенату о провинціяхъ и войскахъ. И тому, и другому консулу опредѣлены Лигуры. Каждый изъ нихъ долженъ былъ защищать провинцію съ новыми легіонами (и тому, и другому опредѣлено по два) и союзниковъ Латинскаго наименованія съ десятью тысячами пѣшихъ и шестьстами всадниковъ; кромѣ того для пополненія Испанскихъ войскъ три тысячи пѣшихъ Римлянъ и двѣсти всадниковъ. Сверхъ того велѣно набрать тысячу пятьсотъ пѣшихъ Римлянъ и сто всадниковъ; съ ними тотъ преторъ, которому достанется Сардинія, перейдя въ Корсику, долженъ былъ вести войну, а впредь до того Сардиніею управлять долженъ былъ прежній преторъ М. Атилій. Потомъ преторы бросили жребій о провинціяхъ: А. Атилію Серрану досталось судопроизводство въ городѣ, К. Клавдію Саксулѣ—между гражданами и чужестранцами, Н. Фабію Бутеону—Испанія ближняя, М. Матіену—дальняя, М. Фурію Крассипесу—Сицилія, К. Цицерею — Сардинія. До отъѣзда сановниковъ, сенату заблагоразсудилось: послать консула Л. Постумія въ Кампанію для разграниченія общественнаго поля отъ частныхъ земель; достовѣрно было извѣстно, что мало по малу частныя лица, расширяя предѣлы своихъ земель, захватили огромное количество общественнаго поля. Постумій, разсердясь на Пренестинцевъ за то, что они, когда онъ, Постумій, заѣхалъ къ нимъ какъ частное лицо для жертвоприношенія въ храмѣ Фортуны, не оказали ему никакой почести ни цѣлымъ обществомъ, ни кто либо изъ гражданъ отдѣльно — еще прежде отъѣзда изъ Рима, отправилъ предписаніе въ Пренесте: сановникамъ города выйдти къ нему приготовить отъ города помѣщеніе, гдѣ остановиться

и заготовить къ тому времени какъ онъ будетъ выходить, надлежащее число обозныхъ лошадей. До этого консула никто изъ нихъ не былъ въ чемъ либо въ тягость союзникамъ, и не стоилъ имъ никакихъ издержекъ. Сановники при отправленіи снабжены были мулами, палатками и всѣми воинскими принадлежностями для того, чтобы ничего такого не требовать отъ союзниковъ. Имѣли они (сановники) связи частнаго гостепріимства и ихъ поддерживали ласкою и благосклонностью. Ихъ дома въ Римѣ открыты были для гостей, у которыхъ они сами обыкли останавливаться. Послы, отправляемые куда либо на скорую руку — требовали въ городахъ, черезъ которые приходилось проѣзжать, по одному вьючному животному. Другой издержки не производили союзники на сановниковъ Римскихъ. Неудовольствіе консула, хотя и основательное, не должно было высказываться въ отправленіи должности, и молчаніе Пренестинцевъ, условленное или ихъ скромностью, или робостью, послужило какъ бы законнымъ примѣромъ для другихъ сановниковъ къ требованіямъ отъ союзниковъ, со дня на день возраставшимъ къ ихъ обремененію.

2. Въ началѣ этого года уполномоченные, которые были посланы въ Этолію и Македонію, объявили: «что они не могли видѣться съ царемъ Персеемъ — такъ какъ ихъ увѣряли — и все ложно, одни, что онъ, Персей, въ отъѣздѣ, а другіе, что онъ боленъ. Впрочемъ, не трудно было имъ замѣтить, что дѣлаются приготовленія къ войнѣ, и что долѣе кажется войну откладывать не будутъ, Да и въ самой Этоліи волненіе растетъ со дня на день, и ихъ (уполномоченныхъ) вліяніе оказалось безсильнымъ укротить зачинщиковъ раздоровъ». Когда стали ждать войны въ Македоніи, то до начала ея положено искупить чудесныя явленія и умилостивить боговъ мольбами. Въ Ланувіѣ по разсказамъ видѣли на небѣ подобіе большаго флота; въ Привернѣ черная шерсть выросла изъ земли, а въ Веіенской области у Рементa шелъ каменный дождь. Вся Помптинская область была покрыта тучами саранчи. Въ Галлійскомъ полѣ, гдѣ проходилъ плугъ, подъ цѣлыми глыбами земли на-

ходили рыбъ. По случаю этихъ чудесныхъ явленій посмотрѣли въ *книги судебъ* и децемвирами объявлено—въ какіе дни и какими животными приносить жертвы и предписано совершить молебствіе для искупленія чудесныхъ явленій, и другое, обѣтъ котораго данъ въ прошломъ году за здоровье народа, съ прекращеніемъ всякихъ работъ и занятій; и жертвоприношеніе совершено такъ, какъ децемвиры изложили на письмѣ.

3. Въ этомъ же году снята крыша съ храма Юноны Лацинской. Цензоръ К. Фульвій Флаккъ строилъ съ величайшимъ стараніемъ храмъ *Всадническаго счастія,* воздвигнуть который далъ обѣтъ, будучи преторомъ въ Испаніи и ведя войну съ Цельтиберами; онъ усиливался, чтобы въ Римѣ не было ни одного храма обширнѣе и пышнѣе. Онъ полагалъ много прибавить красоты храму, если онъ будетъ крытъ мраморными плитками. Отправясь въ землю Бруттіевъ, онъ тамъ раскрылъ до половины храмъ Юноны Лацинской, полагая, что этого достаточно будетъ покрыть строющееся зданіе. Суда были приготовлены—поднять ихъ и отвезть; союзникамъ же уваженіе къ цензорской власти, воспрепятствовало — остановить такое святотатство. По возвращеніи цензора, плитки, сложенныя съ судовъ, были относимы къ храму; хотя и умолчано о томъ, откуда они взяты, но вовсе скрыть не было возможности. Въ сенатѣ возникъ громкій ропотъ: отовсюду стали требовать, чтобы консулы объ этомъ дѣлѣ доложили сенату. Когда явился въ сенатъ цензоръ, нарочно призванный, то сенаторы, и всѣ вмѣстѣ, и каждый порознь, еще непріязненнѣе стали бранить въ глаза: «мало ему было посягнуть на святость храма, самаго уважаемаго въ той сторонѣ, храма, котораго не коснулись ни Пирръ, ни Аннибалъ, а нужно было еще позорно раскрыть и почти разрушить. Снятъ верхъ съ храма, и онъ безъ крыши совершенно открытъ для дождей. Цензоръ, назначеніе котораго смотрѣть за доброю нравственностью, который обязанъ требовать, чтобы мѣста для совершенія общественнаго богослуженія были хорошо покрыты и тщательно бы оберегались — все это завѣщано ему обычаемъ предковъ, а онъ странствуетъ по городамъ союзниковъ, разру-

шая храмы и снимая крыши съ посвященныхъ зданій. Такой образъ дѣйствій, который, будучи примѣненъ и къ частнымъ постройкамъ, вызвалъ бы общее негодованіе, теперь онъ употребилъ на разрушеніе храмовъ боговъ безсмертныхъ, и взваливаетъ на народъ Римскій отвѣтственность (въ дѣлѣ религіи) того, что разрушеніемъ однихъ храмовъ зиждутся другіе, какъ будто бы не вездѣ присутствуютъ одни и тѣ же безсмертные боги, а необходимо обирать однихъ для того, чтобы чтить и украшать другихъ». Такъ какъ еще прежде доклада ясенъ былъ образъ мыслей сенаторовъ, то, по сдѣланіи доклада — всѣ единогласно остановились на мнѣніи — мраморныя плитки отвезть назадъ въ храмъ на прежнее мѣсто, а Юнонѣ совершить очистительное молебствіе. Тщательно исполнено все, что относилось къ дѣлу религіи; плитки же оставлены на помостѣ храма, такъ какъ ни одинъ художникъ не могъ найдти средства помѣстить ихъ какъ они были; такое по крайней мѣрѣ извѣстіе принесли тѣ, которымъ поручено было ихъ отвезть.

4. Изъ числа преторовъ, отправившихся въ провинціи, Н. Фабій умеръ въ Массиліи, на пути въ ближнюю Испанію. А потому когда получено было объ этомъ извѣстіе отъ Массилійскихъ пословъ, сенатъ опредѣлилъ: П. Фурію и Кн. Сервилію, мѣста которыхъ уже подлежали замѣщенію, бросить жребій — которому изъ нихъ слѣдуетъ управлять ближнею Испаніею съ отсроченною властью. Жребій вышелъ такъ удачно, что эта провинція опять досталась П. Фурію, который ею и управлялъ. Въ томъ же году, такъ какъ часть земель Лигурскихъ и Галльскихъ, доставшихся вслѣдствіе войны, лежала впустѣ, то и состоялся сенатскій декретъ — раздѣлить это поле между гражданами поголовно. Въ число десяти сановниковъ на этотъ предметъ выбраны вслѣдствіе сенатскаго декрета: А. Атилій, преторъ города, М. Емилій Лепидъ, К. Кассій, Т. Эбуцій Каръ, К. Тремеллій, П. Корнелій Цетегъ, К. и Л. Аппулеи, М. Цецилій, К. Салоній, К. Мунацій. Они раздѣлили по десяти десятинъ каждому (гражданину), а союзникамъ Латинскаго наименованія по три. Въ тоже время когда это происходило,

пришли послы изъ Этоліи въ Римъ о своихъ несогласіяхъ и волненіяхъ, а также и послы Θессалійцевъ съ извѣстіемъ о томъ, что происходитъ въ Македоніи.

5. Персей, имѣя въ виду войну (съ Римлянами), задуманную еще при жизни отца, всѣ не только народы Греціи, но и города задабривалъ въ свою пользу болѣе обѣщаніями, чѣмъ исполненіемъ ихъ. Впрочемъ, умы большей части Грековъ были расположены въ его пользу, и притомъ склонялись на его сторону преимущественно передъ Евменомъ. А между тѣмъ благодѣяніями и дарами Евмена были осыпаны всѣ города Греціи и большая часть ихъ передовыхъ людей. Въ царствѣ своемъ онъ велъ себя такъ, что города, находившіеся подъ его властью, не захотѣли бы помѣняться участью ни съ однимъ изъ вольныхъ городовъ. О Персеѣ же слухъ былъ, что онъ уже послѣ смерти отца — собственноручно убилъ жену; Апеллеса, котораго прежде употребилъ коварнымъ орудіемъ гибели брата, и который удалился въ ссылку, такъ какъ Филиппъ хотѣлъ предать его казни, призвалъ къ себѣ, послѣ смерти отца, обѣщаніемъ великихъ наградъ за совершенное имъ дѣло и — тайно умертвилъ. Но не смотря на худую славу Персея, ознаменовавшаго себя многими убійствами, какъ внутри своего государства, такъ и внѣ его и на то, что никакихъ съ его стороны заслугъ не было, большая часть городовъ предпочитали его царю, отличному семьянину, въ высшей степени справедливому въ отношеніи къ своимъ подданнымъ и великодушному ко всѣмъ. Древняя-ли слава и величіе Македонскихъ царей предрасполагали въ его пользу, внушая презрѣніе къ царю, еще новому и возникшему на глазахъ; желали-ли просто перемѣны, или можетъ быть думали видѣть въ немъ противника Римлянъ. Волненія были не только у Этоловъ, страдавшихъ подъ гнетомъ долговъ, но и у Θессалійцевъ; зло это, какъ бы зараза проникла и въ Перребію. По полученіи извѣстія о томъ, что Θессалійцы вооружились, сенатъ отправилъ посломъ Ап. Клавдія— ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и устроить ихъ къ лучшему. Онъ сдѣлалъ строгій выговоръ предводителямъ и той и другой

партій и въ облегченіе долговъ, сдѣлавшихся такими отъ несправедливо наросшихъ процентовъ, уменьшилъ ихъ съ согласія тѣхъ же самыхъ лицъ, которыя обременяли, а уплату настоящей капитальной суммы разсрочилъ на (*) лѣтъ срочными платежами. Тотъ же Аппій и тѣмъ же способомъ уладилъ дѣла въ Перребіи. О дѣлахъ Этоловъ въ тоже время произвелъ изслѣдованіе Марцеллъ въ Дельфахъ; у нихъ, при объясненіи дѣла, высказывалось тоже ожесточеніе, съ какимъ они вели междуусобную войну. Видя, что и съ той и съ другой стороны обнаруживается одинаковая дерзость и самонадѣянность, онъ (Марцеллъ) не хотѣлъ своимъ декретомъ ни облегчить, ни обременить которую либо изъ сторонъ; а вообще просилъ и тѣхъ и другихъ — воздержаться отъ войны и положить ей конецъ забвеніемъ прежнихъ несогласій. Въ удостовѣреніе этого примиренія обѣ стороны дали другъ другу заложниковъ, а мѣстопребываніемъ для нихъ назначенъ Коринѳъ.

6. Изъ Дельфъ, съ Этолійскаго сейма, Марцеллъ переправился въ Пелопоннесъ, гдѣ назначилъ быть собранію Ахейцевъ. Тутъ онъ похвалилъ этотъ народъ за то, что они поддержали въ его силѣ старинный декретъ о недопущеніи въ ихъ предѣлы царей Македонскихъ, и тѣмъ обнаружилъ ненависть Римлянъ противъ Персея. А для того, чтобы скорѣе она высказалась на дѣлѣ, царь Евменъ прибылъ въ Римъ съ запискою о произведенныхъ имъ подробныхъ изслѣдованіяхъ, относительно приготовленій къ войнѣ. Въ тоже время отправлены пять пословъ къ царю — посмотрѣть на положеніе дѣлъ въ Македоніи; имъ же приказано ѣхать въ Александрію къ Птоломею — возобновить съ нимъ дружественныя связи. Послами были: К. Валерій, Кн. Лутацій Церко, К. Бэбій Сулька, М. Корнелій Маммула, М. Цецилій Дентеръ. Около того же времени пришли послы и отъ царя Антіоха. Стоявшій во главѣ ихъ Аполлоній, будучи введенъ въ сенатъ, приводилъ многія основательныя причины въ оправданіе царя: «что онъ денежный взносъ

(*) Тутъ пробѣлъ и въ подлинникѣ.

представилъ позднѣе назначеннаго срока; все, что слѣдовало, привезено сполна и царь проситъ снисхожденія только относительно времени. Сверхъ того онъ приноситъ въ даръ золотыхъ сосудовъ на пятьсотъ фунтовъ. Проситъ царь — союзъ дружбы и пріязни, бывшій съ его отцемъ — обновить съ нимъ; и пусть народъ Римскій требуетъ съ него всего, что слѣдуетъ требовать съ царя хорошаго и вѣрнаго союзника; а онъ съ своей стороны не измѣнитъ ни одной изъ своихъ обязанностей. Относительно его, таковы заслуги сената во время его бытности въ Римѣ и такова была любезность Римской молодежи, что онъ для всѣхъ сословій былъ царемъ, а не заложникомъ». Посламъ данъ благосклонный отвѣтъ, и городовой преторъ, А. Атилій получилъ приказаніе обновить союзъ съ Антіохомъ тотъ же, что былъ съ отцемъ его. Городскіе казначеи приняли денежный взносъ, а цензоры—золотые сосуды; имъ же поручено разставить ихъ въ тѣхъ храмахъ, гдѣ они заблагоразсудятъ. Послу отправлено сто тысячъ ассъ, отведена готоваяквартира и опредѣлено содержаніе на общественный счетъ на все время нахожденія въ Италіи. Послы, бывшіе въ Сиріи, принесли извѣстіе, что онъ пользуется большою почестью со стороны царя, и расположенъ въ высшей степени дружелюбно къ народу Римскому.

7. Въ провинціяхъ въ этомъ году происходило слѣдующее: преторъ К. Цицерей въ Корсикѣ далъ правильное сраженіе: семь тысячъ Корсиканцевъ убито; взято въ плѣнъ болѣе тысячи семисотъ. Въ этомъ сраженіи преторъ далъ обѣтъ—воздвигнуть храмъ Юнонѣ Монетѣ; потомъ данъ миръ Корсиканцамъ по ихъ просьбѣ, и истребовано съ нихъ двѣсти тысячъ фунтовъ воску. Изъ покоренной Корсики Цицерей переправился въ Сардинію. И въ землѣ Лигуровъ, на Статиелатскомъ полѣ, произошло сраженіе у города Кариста; туда сосредоточилось большое войско Лигуровъ. Сначала, къ времени прибытія консула М. Попиллія, они оставались въ стѣнахъ; потомъ, видя, что Римлянинъ собирается приступать къ стѣнамъ города, они вышли и передъ воротами выстроились въ боевомъ порядкѣ. Да и консулъ угрозою осады — онъ именно этого и добивался — не сталъ откла-

дывать сраженія. Оно продолжалось болѣе трехъ часовъ, и такъ, что ни на одну сторону не склонялся перевѣсъ. Консулъ, замѣчая, что нигдѣ не тронулись значки Лигуровъ, велѣлъ всадникамъ сѣсть на коней, и разомъ въ трехъ мѣстахъ съ сколько возможно большимъ шумомъ, броситься на непріятеля. Главная масса всадниковъ разрѣзала по поламъ боевую линію непріятельскую и зашла въ тылъ сражавшихся; въ слѣдствіи этого ужасъ овладѣлъ Лигурами: они бросились бѣжать въ разныя стороны, весьма немногіе назадъ въ городъ, потому что съ этой стороны преимущественно заслоняла путь Римская конница. И въ борьбѣ упорной много пало Лигуровъ, и не мало истреблено ихъ въ разныхъ мѣстахъ во время бѣгства. Если вѣрить преданію, то десять тысячь человѣкъ убито и болѣе семисотъ взято въ плѣнъ въ разныхъ мѣстахъ; военныхъ значковъ принесено восемьдесятъ два. Да и для побѣдителей борьба не обошлась безъ потерь: болѣе трехъ тысячь воиновъ убыло, такъ какъ ни та, ни другая сторона долго не уступала, то и потеряла преимущественно воиновъ, стоявшихъ въ первыхъ рядахъ.

8. Послѣ этого сраженія Лигуры собрались вмѣстѣ изъ бѣгства въ разныя стороны, и видя, что гораздо больше воиновъ потеряно, чѣмъ сколько осталось (ихъ было всѣхъ не болѣе десяти тысячь человѣкъ) сдались безо всякихъ условій; впрочемъ они надѣялись, что консулъ поступитъ съ ними не строже, какъ и прежніе полководцы; но онъ отнялъ у всѣхъ оружіе, городъ разрушилъ, ихъ самихъ и имущества распродалъ; а сенату отправилъ донесеніе о своихъ дѣйствіяхъ. Когда его прочелъ въ засѣданіи сената преторъ А. Атилій (другой консулъ Постумій находился въ отсутствіи, занимаясь въ Кампаніи изслѣдованіемъ относительно земель) дѣло показалось сенату слишкомъ жестокимъ. «Статиелаты, одни изо всего народа Лигуровъ, не обращали оружія противъ Римлянъ, и въ этомъ случаѣ были предметомъ нападенія, а не сами его произвели. Ввѣрились они чести народа Римскаго—но сдѣлались жертвою примѣрной жестокости, и окончательно уничтожены. Нѣсколько тысячь невинныхъ гражданъ, прибѣгшихъ къ вѣрности народа

Римскаго—проданы—самый вредный примѣръ, дабы впослѣдствіи никто ужь не рѣшался отдаваться безусловно; будучи увлечены въ разныя стороны, они сдѣлались рабами нѣкогда отъявленныхъ враговъ народа Римскаго, теперь умиренныхъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ благоугодно было сенату: предписать консулу М. Попиллію—Лигуровъ выкупить, внеся за нихъ плату купившимъ, да и озаботиться возвращеніемъ имуществъ, сколько ихъ можетъ быть отыскано. Оружіе какъ можно поспѣшнѣе должно быть сдѣлано, и консулъ не прежде оставить провинцію, какъ возвративъ покорившихся Лигуровъ на ихъ прежнія мѣста жительства. Побѣда становится славною пораженіемъ непріятеля во время его сопротивленія, а не жестокостью относительно побѣжденныхъ.

9. Консулъ съ тою же неукротимостью духа, съ какою обошелся съ Лигурами, рѣшился не слушаться сената. Легіоны немедленно отправилъ въ Пизу на зимнія квартиры, а самъ раздраженный противъ сенаторовъ, враждебный претору, вернулся въ Римъ. Тотчасъ созвалъ онъ сенатъ въ храмѣ Беллоны, и большою рѣчью нападалъ на претора: «онъ вмѣсто того, чтобы, какъ слѣдовало, по поводу удачно совершенныхъ на войнѣ дѣйствій доложить сенату о необходимости воздать почесть богамъ безсмертнымъ — противъ него за непріятелей составилъ сенатскій декретъ, которымъ его побѣда передана Лигурамъ, и преторъ чуть только не приказалъ выдать имъ консула. А потому онъ налагаетъ на него, претора, штрафъ, а отъ сенаторовъ требуетъ — уничтожить опредѣленіе, враждебно ему составленное и молебствіе, которое слѣдовало бы имъ, и въ его отсутствіе, обнародовать на основаніи его донесенія о событіяхъ благополучныхъ для отечества, теперь пусть объявятъ въ его присутствіи во первыхъ въ честь боговъ безсмертныхъ, а потомъ и сколько нибудь изъ уваженія къ нему». Нисколько не снисходительнѣе, какъ и когда былъ въ отсутствіи, обруганный рѣчами нѣкоторыхъ сенаторовъ, не успѣлъ онъ ни въ томъ, ни въ другомъ, и вернулся въ провинцію. Другой консулъ Постумій провелъ лѣто за разборомъ земель и, не видавъ даже

своей провинціи, вернулся въ Римъ по случаю выборовъ; консулами объявилъ онъ К. Попиллію Лената и П. Элія Лигура. Вслѣдъ за тѣмъ сдѣланы преторами: К. Лициній Крассъ, М. Юній Пеннъ, Сп. Лукрецій, Сп. Клувій, Кн. Сициній, К. Меммій въ другой разъ.

X. Въ этомъ году составлена была перепись; цензорами были К. Фульвій Флаккъ, А. Постумій Альбинъ; послѣдній произвелъ перепись; сочтено гражданъ Римскихъ двѣсти шестьдесятъ девять тысячь пятнадцать. Число нѣсколько уменьшилось, потому что Л. Постумій консулъ объявилъ передъ народнымъ собраніемъ, чтобы никто изъ союзниковъ Латинскаго наименованія, которымъ слѣдовало по декрету консула К. Клавдія, воротиться въ свои города, не вносимъ былъ въ списки въ Римѣ, а чтобы они записывались каждый въ своемъ городѣ. Цензоры дѣйствовали единодушно въ видахъ общей пользы. Всѣхъ, исключенныхъ изъ сената, и подвергшихся отнятію коней, сдѣлали они податными и удалили изъ округа избирателей; и ни одного, исключеннаго цензоромъ, не одобрялъ его товарищъ. Фульвій освятилъ храмъ Коннаго Счастія, воздвигнуть который онъ далъ обѣтъ, будучи проконсуломъ во время сраженія легіоновъ съ Цельтиберами; исполненіе обѣта послѣдовало черезъ шесть лѣтъ послѣ того, какъ онъ его далъ. Сценическія игры совершены имъ по этому случаю въ продолженіи четырехъ дней, а въ циркѣ одного дня.—Въ этомъ году умеръ Л. Корнелій Лентуллъ, одинъ изъ десяти членовъ священнодѣйствій; на его мѣсто поступилъ А. Постумій Альбинъ.—Вѣтромъ съ моря нанесены въ Апулію вдругъ цѣлыя облака саранчи, такъ что роями своими они покрыли поля на далекое пространство. Для уничтоженія этой пагубы на плоды одинъ изъ назначенныхъ преторовъ, Кн. Сициній, посланъ въ Апулію съ порученіемъ и онъ, собравъ огромное число людей для ея уничтоженія, провелъ тамъ нѣсколько времени. Въ началѣ слѣдующаго года, въ которомъ консулами были К. Попиллій и П. Элій —продолжались распри, начавшіяся въ предшествовавшемъ году. Сенаторы хотѣли, чтобы вновь было доложено о Лигурахъ и возобновленъ сенатскій декретъ, и консулъ Элій соглашался доло-

жить. Попиллій умолялъ и сената и товарища за брата, высказывая, что онъ во всякомъ случаѣ воспрепятствуетъ состояться опредѣленію, и тѣмъ отвлекъ товарища. Сенаторы, тѣмъ упорнѣе оставались непріязненными и тому и другому консулу и настаивали на своемъ намѣреніи. А потому когда толковали о провинціяхъ и просили (консулы) Македонію, такъ какъ грозила война съ Персеемъ—обоимъ консуламъ назначены Лигуры. Сенаторы объявили, что не назначатъ Македонію прежде, чѣмъ послѣдуетъ докладъ о М. Попилліѣ. На требованіе консуловъ дозволить набрать новые легіоны или пополнить прежніе—послѣдовалъ также отказъ. Да и преторамъ въ ихъ просьбѣ о подкрѣпленіи въ Испанію отказано: М. Юнію въ ближнюю и Сп. Лукрецію въ дальную. К. Лицинію Крассу досталось по жеребью судопроизводство въ городѣ, Кн. Сицинію—между чужестранцами, К. Меммію—Сицилія, Сп. Клувію—Сардинія. Консулы, негодуя за это на сенатъ, назначили Латинскія празднества такъ скоро, какъ только могли, и объявили, что они отправляются въ провинцію; и ничего изъ общественныхъ дѣлъ не тронутъ, кромѣ на сколько они будутъ касаться управленія провинціями.

XI. Валерій Антіатъ пишетъ, что при этихъ консулахъ прибылъ въ Римъ Атталъ, братъ царя Евмена, уполномоченнымъ отъ него — изложить обвиненія на Персея и обнаружить его приготовленія къ войнѣ. Большая же часть источниковъ, и притомъ такихъ, которымъ охотнѣе можно вѣрить, содержатъ показаніе, что самъ Евменъ пріѣзжалъ въ Римъ. Онъ принятъ тамъ съ такими почестями, какія народъ Римскій считалъ должными не только его заслугамъ, но и своимъ огромнымъ благодѣяніямъ, которыми онъ его осыпалъ. Будучи введенъ въ сенатъ, онъ сказалъ, что «причиною его прибытія въ Римъ была, кромѣ желанія видѣть боговъ и людей, виновниковъ такого его возвышенія, о которомъ и мечтать онъ не дерзалъ, необходимость лицомъ къ лицу предупредить сенатъ, чтобы онъ противудѣйствовалъ планамъ Персея.» Потомъ онъ, начавъ излагать замыслы еще Филиппа, припомнилъ: «убійство сына Ди-

митрія, старавшагося воспрепятствовать войнѣ съ Римлянами; народъ Бастарновъ вызванъ съ своего прежняго мѣстопребыванія для того, чтобы съ его помощью перейдти въ Италію. Все это Филиппъ имѣлъ въ умѣ, но, застигнутый смертью, оставилъ царство тому, кого зналъ за отъявленнаго врага Римлянъ. Такимъ образомъ Персей войну, оставленную въ наслѣдство отъ отца и переданную вмѣстѣ съ властью, съ самаго начала замышлялъ, и старался дать ей пищу всѣми средствами. При томъ имѣетъ онъ въ избыткѣ — молодежь, выросшую въ продолженіи долговременнаго мира; въ цвѣтущемъ положеніи находятся и средства царства, и его собственныя (Персея) силы. Обладая крѣпкимъ здоровьемъ и силою тѣлесною, онъ имѣетъ, пріобрѣтенное долговременною опытностью, знаніе войны и ея искусства. Съ дѣтскаго возраста сотрудникъ отца, онъ пріобрѣлъ навыкъ въ борьбѣ не только съ сосѣдями, но и съ Римлянами, и былъ посылаемъ отцомъ во многіе и разные походы. А съ того времени какъ самъ сдѣлался царемъ, онъ съ удивительнымъ счастіемъ успѣлъ добиться многого, чего не могъ достигнуть ни силою, ни хитростью Филиппъ, испытавъ всѣ средства. Къ силамъ присоединилось, пріобрѣтаемое только долгимъ временемъ, многими и разнообразными заслугами — нравственное вліяніе.

XII. Передъ величіемъ его (Персея) преклоняются всѣ города Греціи и Азіи. И нельзя замѣтить за какія услуги, за какую щедрость столько ему оказывается; и невозможно навѣрное сказать—счастіемъ ли это какимъ либо особеннымъ условлено или—въ чемъ онъ (Евменъ) и самъ совѣстится сознаться, неблагорасположеніе къ Римлянамъ задобриваетъ въ пользу Персея умы. И между царями пользуется онъ особеннымъ вліяніемъ: женился онъ на дочери Селевка; самъ не просилъ, а его искали; сестру свою отдалъ Прузію по усердной его просьбѣ. И тотъ и другой бракъ сопровождались поздравленіями и дарами безчисленныхъ посольствъ, и совершены къ удовольствію знаменитѣйшихъ народовъ. Народъ Беотійскій, несмотря на всѣ соблазны Филиппа, не могъ никогда быть убѣжденнымъ—заключить письмен-

ный дружественный союзъ; а теперь въ трехъ мѣстахъ записанъ союзъ съ Персеемъ: первое въ Ѳивахъ, второе въ Делосѣ, въ знаменитомъ и наиболѣе уважаемомъ храмѣ, а третье—въ Дельфахъ. Даже на Ахейскомъ сеймѣ—не будь это дѣло разстроено усиліями немногихъ приверженцевъ Римской власти—доходило до того, чтобы дозволить Персею доступъ въ Ахаію. А между тѣмъ знаки почести относительно его, Евмена, заслуги въ отношеніи къ этому народу—а какія больше частныя или общественныя — трудно рѣшить—частью оставлены въ небреженіи и безъ вниманія, частью непріязненно отмѣнены. Относительно Этоловъ кому неизвѣстно, что они въ своихъ междуусобіяхъ искали защиты не отъ Римлянъ, но отъ Персея? Находя опору въ столькихъ друзьяхъ и союзникахъ, онъ дома имѣетъ такой запасъ военныхъ принадлежностей, что въ чуждыхъ не нуждается. Онъ имѣетъ тридцать тысячь пѣшихъ, пять тысячь всадниковъ; на десять лѣтъ заготовляетъ хлѣбъ для того, чтобы не имѣть надобности истощать содержаніемъ войскъ свои или чужія земли. Денегъ же у него столько, что онъ на такое же число лѣтъ приготовилъ жалованье десяти тысячамъ наемныхъ воиновъ, кромѣ войскъ Македонскихъ; сюда не входятъ ежегодные доходы, получаемые изъ царскихъ рудниковъ. Оружія въ арсеналахъ заготовлено на три такихъ же войска. Молодыхъ людей если бы и не достало въ Македоніи, неизсякаемымъ источникомъ откуда ее брать — имѣетъ подъ рукою Ѳракію.

XIII. Въ остальной части рѣчи Евменъ убѣждалъ сенатъ: «Почтенные сенаторы, все это я вамъ передаю не слухи невѣрные, которымъ бы я съ жадностью повѣрилъ, желая, чтобы обвиненія моего врага имѣли основу; но то, что я хорошо и твердо узналъ послѣ тщательнаго изслѣдованія, не иначе какъ если бы я посланъ былъ вами нарочно, и докладывалъ бы вамъ то, что собственными глазами видѣлъ. Оставивъ мои владѣнія, вами расширенныя и обогащенныя, я переплылъ море не для того, чтобы утратить ваше довѣріе передачею неосновательныхъ слуховъ. Видѣлъ я лучшіе города Греціи и Азіи, со дня на

день болѣе и болѣе обнаруживавшими свои замыслы, и они, если будетъ допущено, не замедлятъ зайдти такъ далеко, что и возвращеніе къ раскаянію сдѣлается для нихъ невозможнымъ. Видѣлъ я Персея, уже не довольствующагося предѣлами царства Македонскаго, пріобрѣтающимъ одно силою оружія, другое, чего силою взять нельзя, снискивающимъ ласкою и искательствомъ. Замѣчалъ я какъ неравны условія: онъ готовитъ вамъ войну, а вы даете ему пользоваться безопасностью мира; да и мнѣ кажется, что онъ уже не готовитъ только войну, но почти ведетъ ее. Абруполиса, союзника и пріятеля вашего, изгналъ изъ царства. Иллира Артетавра, о которомъ онъ узналъ, что онъ вамъ кое что писалъ, также союзника и друга вашего, умертвилъ. Еверса и Калликрита Ѳиванцевъ, старѣйшинъ ихъ города, за то, что они слишкомъ свободно говорили о немъ на сеймѣ Беотовъ и изъявляли готовность донесть вамъ о всемъ что дѣлается, позаботился извести. Византійцамъ подалъ помощь вопреки союзнаго договора, въ Долопіи началъ военныя дѣйствія, Ѳессалію и Дориду занялъ войсками для того, чтобы въ междуусобной войнѣ, поддерживая неправую сторону, подавить лучшую. Въ Ѳессаліи и Перребіи произвелъ онъ общее замѣшательство надеждою на новый расчетъ долговъ съ цѣлью — задобривъ должниковъ, при ихъ содѣйствіи подавить лучшихъ людей. Совершая все это, между тѣмъ какъ вы терпѣливо оставались спокойными, и видя, что вы Грецію какъ будто ему уступили, онъ считаетъ за вѣрное, что не встрѣтитъ ни одного противника съ оружіемъ въ рукахъ ранѣе, чѣмъ переправится въ Италію. На сколько это для васъ честно или безопасно, ваше дѣло разсмотрѣть; но я считалъ бы постыднымъ для себя, еслибы Персей могъ прибыть въ Италію для веденія войны прежде, чѣмъ я, союзникъ вашъ, могъ предупредить васъ объ этомъ. Исполнивъ то, что я считаю непремѣнною обязанностью мою и такимъ образомъ очистивъ и облегчивъ такъ сказать мою совѣсть — мнѣ ничего не остается болѣе, какъ просить боговъ и богинь, чтобы вы озаботились участью вашею, вашего государства и насъ, вашихъ союзниковъ и друзей, отъ васъ вполнѣ зависящихъ?«

XIV. Рѣчь эта произвела впечатлѣніе на сенаторовъ; впрочемъ, въ то время никто не могъ ничего узнать кромѣ того, что былъ царь въ засѣданіи; оно же окончилось въ полномъ молчаніи. Уже по окончаніи войны стали извѣстны: и рѣчь царя и отвѣтъ ему данный. Потомъ, по прошествіи немногихъ дней, открыто засѣданіе сената и для пословъ царя Персея; но такъ какъ не только слухъ, но и самый умъ сенаторовъ были уже предупреждены царемъ Евменомъ, то все оправданіе и мольбы пословъ оставались безполезными. Ожесточила умы окончательно крайняя наглость Гиспала, стоявшаго во главѣ посольства; онъ сказалъ: «желаетъ царь и старается о томъ, чтобы дали вѣру его оправданіямъ, въ отсутствіи съ его стороны враждебныхъ намѣреній и дѣйствій. Впрочемъ, если онъ увидитъ, что упорно отыскиваютъ повода къ войнѣ, то онъ съ твердостью будетъ защищаться. Война—дѣло обоюдное, и исходъ ея неизвѣстенъ». Всѣ города Греціи и Азіи были озабочены тѣмъ, что говорили въ сенатѣ Евменъ и послы Персея. По случаю прибытія Евмена, въ увѣренности, что онъ что либо замышляетъ, большая часть городовъ прислали также посольства, конечно совсѣмъ подъ другими предлогами. Было тутъ и посольство Родосцевъ, и Сатиръ старѣйшина; несомнѣвались они, что Персей и ихъ городъ включилъ въ обвиненія за одно съ Персеемъ; а потому всѣми способами, черезъ пріятелей и знакомыхъ, добивался возможности поспорить съ царемъ въ присутствіи сената. Получивъ ее, онъ съ излишнею вольностью напалъ на царя за то, что онъ народъ Ликійскій вооружилъ противъ Родосцевъ, и для Азіи вреднѣе самого Антіоха. Рѣчь его пріятна была народамъ Азіи (уже и туда проникло увлеченіе Персеемъ), но сенату ненавистна; оратору же и его соотечественникамъ не принесла ни малѣйшей пользы. Общій заговоръ противъ Евмена увеличилъ только благосклонность Римлянъ къ нему; а потому ему оказаны всевозможныя почести, даны самые богатые дары, вмѣстѣ съ курульнымъ кресломъ, и скипетромъ изъ слоновой кости.

XV. Посольства были отпущены, и Гарпалъ, сколько могъ

поспѣшнѣе, вернулся въ Македонію и привезъ извѣстіе царю, что хотя онъ оставилъ Римлянъ, еще не начинавшими приготовленій къ войнѣ, но уже въ такомъ враждебномъ расположеніи духа, изъ котораго ясно было, что они не станутъ откладывать. Да и самъ царь полагалъ, что такъ и будетъ и даже желалъ этого — убѣжденный, что находится во цвѣтѣ силъ. Евмену въ особенности былъ онъ враждебенъ: съ его крови желая начать войну — Кретійца Евандра, начальника вспомогательныхъ войскъ, и трехъ Македонянъ, привыкшихъ совершать подобныя злодѣянія — подкупаетъ на убійство царя и даетъ имъ письмо къ своему пріятелю Праксону, по богатству и вліянію первому человѣку въ Дельфахъ. Довольно за вѣрное было, что Евменъ заѣдетъ въ Дельфы — принести жертву Аполлону. Поспѣшивъ впередъ, заговорщики съ Евандромъ, искали только мѣста, удобнаго для исполненія ихъ намѣренія, и вездѣ обходили. Если подниматься отъ Цирры къ храму, то прежде прихода въ застроенныя зданіями мѣста, съ лѣвой стороны тропинки, немного поднимавшейся съ основанія, находился заборъ; съ правой стороны земля осыпалась съ нѣкоторой высоты такъ, что въ этомъ мѣстѣ можно было проходить только по одному. За плетнемъ спрятались заговорщики, подстроивъ ступеньки, такъ чтобы оттуда, какъ со стѣны, бросать оружіе въ тѣхъ, которые будутъ мимо проходить. Сначала Евменъ шелъ отъ моря, окруженный толпою друзей и приближенныхъ; но мало по малу, вслѣдствіе тѣсноты мѣста, растянулась его свита; а когда пришли туда, гдѣ только по одному можно идти, первый на тропинку вступилъ Панталеонъ, Этолійскій старѣйшина, съ которымъ царь въ это время велъ разговоръ. Тутъ заговорщики поднявшись, сбросили два огромныхъ камня, изъ нихъ одинъ попалъ въ голову царя, а другой въ плечо, и онъ упалъ безъ чувствъ внизъ въ обрывъ, и на упавшаго уже успѣла навалиться куча камней. Прочіе изъ друзей и провожатыхъ Евмена, видя его упавшимъ, бѣжали; одинъ Панталеонъ упорно и безстрашно остался прикрывать царя.

16. Разбойники, между тѣмъ какъ могли недалеко обойдя

плетень, покончить съ раненымъ, какъ бы совершенно окончивъ дѣло, бѣжали на вершину Парнасса съ такою поспѣшностью, что когда одному изъ нихъ трудно было слѣдовать за ними по мѣстамъ крутымъ и неудобопроходимымъ, и онъ задерживалъ ихъ бѣгство, то они убили товарища, для того чтобы онъ, будучи схваченъ, не открылъ весь ходъ заговора. Къ тѣлу царя сбѣжались сначала пріятели его, потомъ рабы и провожатые: они подняли его безъ чувствъ вслѣдствіе раны; но что онъ еще живъ, это примѣтили по теплотѣ тѣла и признакамъ дыханія; сохранить его для жизни не было почти ни малѣйшей надежды. Нѣкоторые изъ провожатыхъ гнались по слѣдамъ убійцъ и достигли до вершины Парнасса, но труды ихъ остались безъ успѣха и они, ни въ чемъ не успѣвъ, вернулись назадъ. Македоняне, рѣшившись на дѣло смѣлое и дерзское — покинули его робко и неблагоразумно. Евмена, уже пришедшаго въ сознаніе, друзья на другой день отнесли на корабль; затѣмъ въ Коринѳъ, оттуда, перетащивъ суда черезъ перешеекъ Истма, переправились въ Егину. Тамъ къ нему никого не допускали и лѣченіе его совершалось такъ тайно, что во всей Азіи распространился слухъ о его смерти. Да и Атталъ повѣрилъ скорѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ его братскаго съ Евменомъ согласія: и съ женою брата, и съ начальникомъ крѣпости, онъ говорилъ въ такомъ смыслѣ, какъ будто ужь не было никакого сомнѣнія о томъ, что онъ наслѣдуетъ царство. Впослѣдствіи это не укрылось отъ Евмена, и хотя онъ положилъ скрыть, промолчать и стерпѣть это; однако при первомъ свиданіи не удержался отъ упрека брату въ томъ, что онъ такъ поспѣшилъ просить его жену. Слухъ о смерти Евмена достигъ и Рима.

XVII. Около этого времени вернулся изъ Греціи К. Валерій, посланный—разсмотрѣть положеніе этой страны и вникнуть въ замыслы царя Персея; онъ донесъ вполнѣ согласно съ обвиненіями, сдѣланными царемъ Евменомъ. Вмѣстѣ привелъ онъ изъ Дельфъ Праксона, котораго домъ служилъ сборнымъ мѣстомъ для убійцъ, и изъ Брундизій Л. Раммія, виновника этого

показанія. Раммій былъ однимъ изъ первыхъ гражданъ Брундизія; его гостепріимствомъ обыкновенно пользовались и всѣ Римскіе вожди и знатнѣйшіе послы чужеземныхъ народовъ, въ особенности царскіе. Черезъ это было у него заочное знакомство съ Персеемъ; письмами, обнадеживавшими болѣе тѣсною дружбою и значительнымъ повышеніемъ, вызванный, онъ отправился къ царю, въ короткое время сталъ просто домашнимъ человѣкомъ и болѣе чѣмъ бы хотѣлъ, сдѣлался участникомъ тайныхъ совѣщаній. Съ обѣщаніемъ огромныхъ наградъ, царь усильно его просилъ: «такъ какъ всѣ вожди и уполномоченные Римскіе привыкли пользоваться его гостепріимствомъ — то пусть онъ постарается дать яду тѣмъ изъ нихъ, о которыхъ онъ къ нему напишетъ; но приготовленіе его очень затруднительно и сопряжено съ опасностью: съ вѣдома многихъ заготовляется онъ; притомъ самый успѣхъ не совсѣмъ вѣренъ: или его не довольно достаточно бываетъ для исполненія дѣла, или мало ручательства скрыть его совершеніе. Онъ же (Персей) дастъ такой ядъ, что ни во время пріема, ни послѣ его, ни по какому признаку нельзя замѣтить». Раммій, опасаясь въ случаѣ отказа испытать на себѣ первомъ этотъ ядъ, отправился съ обѣщаніемъ исполнить; а въ Брундизій возвратился не прежде какъ повидавши Римскаго легата К. Валерія, о которомъ говорили, что онъ находится въ окрестностяхъ Халкиды; сообщивъ ему первому показаніе, онъ, по его повелѣнію, пріѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ въ Римъ. Введенный въ сенатъ, онъ изложилъ подробно какъ было дѣло.

XVIII. Все это, въ связи съ донесеніемъ Евмена, содѣйствовало къ тому, чтобы Персей поскорѣе былъ объявленъ врагомъ, такъ какъ сенатъ убѣдился, что онъ не только готовится съ царскимъ духомъ къ правильной борьбѣ, но и прибѣгаетъ ко всякаго рода тайнымъ преступленіямъ убійствъ и отравленій. Веденіе войны отложено до новыхъ (будущихъ) консуловъ; въ настоящее же время поручено претору Кн. Сицинію, на обязанности котораго лежало разбирательство судебныхъ дѣлъ между гражданами и чужестранцами, набирать воиновъ. Отве-

денные въ Брундизій, они должны быть переправлены какъ можно поспѣшнѣе для занятія приморскихъ городовъ, гдѣ бы консулъ, которому достанется провинціею Македонія, могъ безопасно пристать съ флотомъ и удобно высадить войска. Евменъ, нѣкоторое время задержанный въ Эгинѣ опаснымъ и затруднительнымъ лѣченіемъ, какъ только могъ поспѣшнѣе безъ вреда для себя, отправился въ Пергамъ. И прежде ненавидѣлъ онъ Персея, а послѣднее его злодѣяніе еще усилило эту ненависть и съ величайшимъ стараніемъ готовился онъ къ войнѣ. Туда прибыли послы изъ Рима съ поздравленіемъ, что онъ избѣгъ такой опасности. Македонская война отложена на годъ и прочіе преторы уже отправились въ свои провинціи, а М. Юній и Сп. Лукрецій, которымъ обѣ Испаніи достались — утомили сенатъ постоянными просьбами объ одномъ и томъ же, и наконецъ успѣли въ томъ, что имъ дано подкрѣпленіе войска по три тысячи пѣшихъ воиновъ и полтораста всадниковъ въ Римскіе легіоны; а въ союзное войско — пять тысячъ пѣшихъ и триста всадниковъ; эти войска отправились въ Испанію вмѣстѣ съ новыми преторами.

XIX. Въ этомъ же году, вслѣдствіе того, что, по изслѣдованію консула Постумія, значительная часть земель въ Кампаніи, присвоенная было въ разныхъ мѣстахъ частными лицами безъ основанія — возвращена въ общественное достояніе, трибунъ народный М. Лукрецій предложилъ, чтобы цензоры Кампанскую землю отдали въ аренду; этого не было сдѣлано въ теченіи стольких лѣтъ послѣ взятія Капуи, какъ бы для того, чтобы предоставить широкое поле жадности частныхъ лицъ. Между тѣмъ какъ сенатъ находился въ ожиданіи—теперь когда война была уже опредѣлена, хотя еще и не объявлена—которые изъ царей предпочтутъ дружбу съ Римлянами, а которые съ Персеемъ, пришли въ Римъ послы царя Аріарата и привели съ собою его сына, еще мальчика; они сказали: «царь прислалъ своего сына воспитываться въ Римъ съ тѣмъ, чтобы онъ съ дѣтства свыкся съ Римлянами и ихъ нравами; онъ проситъ, чтобы сынъ его находился подъ присмотромъ не только

частныхъ лицъ, но и находился подъ попеченіемъ и какъ бы опекою правительства». Это посольство царя было очень пріятно сенату. Предписано претору Кн. Сицинію — нанять готовый домъ, въ которомъ могли бы жить сынъ царя и его свита. Посламъ Ѳракійскимъ, изложившимъ свои жалобы сенату и просившимъ союза и дружбы — дано и то, чего они домогались и подарки въ количествѣ двухъ тысячъ ассъ на человѣка посланы. Во всякомъ случаѣ радовались, что этотъ народъ сдѣлался союзнымъ, такъ какъ Ѳракія находится въ тылу Македоніи. Но для того, чтобы въ Азіи и по островамъ все было изслѣдовано — отправлены послы Ти. Клавдій Неронъ и М. Децимій; они получили приказаніе — посѣтить Критъ и Родосъ — какъ для того, чтобы обновить дружественныя связи, такъ и наблюсти — произвели-ли усилія Персея впечатлѣніе на умы союзниковъ.

XX. При напряженномъ состояніи умовъ вслѣдствіе ожиданія новой войны — во время ночной грозы, разбита до основанія молніею колонна съ рострами (носами судовъ, обитыми мѣдью), поставленная въ первую пуническую войну консуломъ Маркомъ Эмиліемъ, у котораго товарищемъ былъ Сервій Фульвій. Случай этотъ сочтенъ за чудесный и о немъ доложено сенату. Тотъ передалъ его гадателямъ, а децемвирамъ велѣлъ посовѣтоваться съ священными книгами. Децемвиры объявили, что необходимо исполнить обряды очищенія города, совершить покаяніе и молебствіе, и принесть большія жертвы въ Римѣ, въ Капитоліѣ, и въ Кампаніи у мыса Минервы; совершить въ первый день какой возможно — десятидневныя игры Юпитеру Всемогущему и Всеблагому; все это исполнено тщательно. Гадатели дали отвѣтъ — что это чудесное явленіе обратится къ хорошему и предвѣщаетъ распространеніе границъ и гибель враговъ, такъ какъ *ростры*, разбросанныя грозою, были отняты у непріятеля. Были и еще случаи, увеличившіе религіозныя опасенія въ умахъ. Получено извѣстіе, что въ Сатурніи, въ продолженіи трехъ дней, шелъ дождь кровью. Въ Калатіи родился оселъ о трехъ ногахъ, и убитъ однимъ ударомъ

грома, быкъ и пять коровъ; въ Авксимѣ шелъ дождь землею. По случаю этихъ чудесныхъ явленій совершено богослуженіе и назначено молебствіе, и празднованіе въ продолженіи одного дня.

XXI. Консулы до этого времени не отправлялись въ свои провинціи; такъ какъ они не хотѣли слушаться сената и доложить о М. Попилліѣ, а сенаторы рѣшили ничего не опредѣлять прежде этого доклада. Не расположеніе къ Попиллію возрасло вслѣдствіе его письма, которымъ доносилъ проконсулъ, что онъ снова сражался съ Статіеллатскими Лигурами и умертвилъ изъ нихъ шесть тысячъ. Вслѣдствіе такой несправедливой войны и остальные народы Лигуріи взялись за оружіе. Тутъ не только отсутствующій Попиллій, начавшій войну вопреки всякому закону и справедливости, и возбудившій къ возстанію замиренные народы, но и консулы, за то что не отправляются въ провинцію — получили строгій выговоръ отъ сената. Подъ вліяніемъ такого единодушія сената народные, трибуны М. Марцій Сермо и К. Марцій Сцилла, объявили, что наложатъ на консуловъ штрафъ, если они не выйдутъ въ провинціи, и прочли въ сенатѣ проектъ закона, который они замышляютъ предложить народу, относительно Лигуровъ, изъявившихъ покорность. Имъ постановлено было: «кто изъ покорившихся Статиеллатоовъ не будетъ къ календамъ шестаго (Августа) мѣсяца возвращенъ въ свободное состояніе, то сенатъ, обязавшись клятвою, долженъ назначить кого нибудь для производства слѣдствія и суда надъ тѣмъ, чьимъ злоумышленіемъ они попали въ рабство». Съ утвержденія сената они внесли этотъ проектъ закона въ народное собраніе. Еще прежде отъѣзда консуловъ, созванъ сенатъ въ храмѣ Беллоны для К. Цицерея, претора прошлаго года; онъ, изложивъ свои дѣйствія въ Корсикѣ и тщетно требовавъ тріумфа, торжествовалъ на Албанской горѣ, какъ это вошло уже въ обычай — помимо утвержденія властей. Предложеніе Марціево о Лигурахъ, народъ съ большимъ единодушіемъ принялъ и утвердилъ. Вслѣдствіе народнаго опредѣленія — преторъ К. Лициній доложилъ сенату, кому онъ пору-

читъ произвесть изслѣдованіе по силѣ этого опредѣленія; сенаторы опредѣлили ему самому произвесть слѣдствіе.

XXII. Тутъ только наконецъ консулы отправились въ провинцію и приняли войско отъ М. Попиллія. Онъ не смѣлъ вернуться въ Римъ, опасаясь, какъ бы не пришлось оправдываться на судѣ при нерасположеніи сената и еще большемъ негодованіи народа—передъ преторомъ, который могъ доложить сенату о производствѣ противъ него слѣдствія. Такое уклоненіе его предупредили трибуны народные новымъ предложеніемъ: если Попиллій ранѣе Ноябрскихъ Идъ не войдетъ въ городъ, то К. Лициній долженъ былъ произвесть о немъ судъ и составить приговоръ заочно. Уступая этому требованію (*собственно: какъ бы тащимый этою петлею*) онъ вернулся и прибылъ въ сенатъ при страшномъ противъ него раздраженіи. Тутъ долженъ онъ былъ выслушать отъ многихъ бранныя рѣчи и состоялось сенатское опредѣленіе: тѣхъ изъ Лигуровъ, которые послѣ консуловъ К. Фульвія и Л. Манлія, не были непріятелями, преторы К. Лициній и Кн. Сициній, должны были возвратить въ свободное состояніе, а консулъ К. Попиллій отвесть имъ земли по ту сторону рѣки По. Нѣсколько тысячь людей по этому сенатскому декрету, получили опять свободу и, будучи переведены черезъ По—получили тамъ земли. М. Попиллій, по Марціеву предложенію, два раза являлся на судъ къ претору К. Лицинію; въ третій преторъ, изъ уваженія къ отсутствовавшему консулу и уступая мольбамъ Попилліева семейства—пятнадцатаго марта назначилъ явиться подсудимому, а въ этотъ день должны были вступить въ должность новые сановники, съ цѣлью, сдѣлавшись ужь частнымъ человѣкомъ, уклониться отъ произнесенія суда; такимъ образомъ предложеніе относительно Лигуровъ—вслѣдствіе обмана, должно было остаться безъ послѣдствій.

XXIII. Въ это время находились въ Римѣ послы Карѳагенскіе и Гулусса, сынъ Массиниссы: между ними въ сенатѣ происходили большіе споры. Карѳагеняне жаловались: «кромѣ поля, о которомъ еще прежде были посланы уполномоченные

изъ Рима, разсмотрѣть дѣло на мѣстѣ, болѣе семидесяти городовъ и укрѣпленій Карѳагенской области въ послѣднее двухлѣтіе захватилъ Масинисса силою оружія; для него, ни на что не обращающаго вниманія, это легко; Карѳагеняне же молчатъ, будучи связаны союзнымъ договоромъ: запрещено имъ дѣйствовать силою оружія внѣ своихъ предѣловъ. Хотя они (Карѳагеняне) и знаютъ, что въ своихъ земляхъ, если съ нихъ прогонятъ Нумидовъ, будутъ весть войну, но тѣмъ, очень положительнымъ, условіемъ договора остановлены, которымъ прямо запрещается весть войну съ союзниками народа Римскаго; долѣе же не въ состояніи Карѳагеняне уже выносить надменность, жестокость и алчность Масиниссы. Они (послы) присланы умолять сенатъ — удовлетворить одной которой нибудь изъ трехъ просьбъ: или на основаніи справедливости исхлопотать у союзнаго народа обезпеченіе того, что кому принадлежитъ; или пусть дозволятъ Карѳагенянамъ противъ несправедливой войны дѣйствовать законною и справедливою; или наконецъ если у нихъ Римлянъ пріязнь имѣетъ болѣе силы чѣмъ истина, то пусть разъ навсегда постановятъ, что именно желаютъ они, чтобъ было дано Масиниссѣ изъ чужаго. Конечно они дадутъ ему умѣреннѣе и будутъ знать сколько именно дали; самъ же онъ никогда не будетъ знать мѣры иной, кромѣ произвола своихъ пожеланій. Если же они ничего этого не исхлопочутъ, и есть какая либо съ ихъ стороны вина послѣ мира, даннаго Сципіономъ, то пусть лучше они Римляне сами съ ними поступятъ какъ хотятъ. Предпочитаютъ они безопасное рабство подъ властью Римскою—вольности, безпрестанно подвергающейся оскорбленіямъ со стороны Масиниссы. Предпочитаютъ они разъ погибнуть, чѣмъ сохранять дыханіе жизни въ зависимости отъ самаго немилосердаго палача. При этихъ словахъ послы Карѳагенскіе, проливая слезы, упали къ ногамъ сенаторовъ и, распростертые на землѣ, они возбуждали столько же состраданія къ себѣ, сколько негодованія противъ царя.

XXIV. Положено спросить Гулуссу, что онъ на это отвѣтитъ, или, если онъ предпочитаетъ, пусть объяснитъ по какому

дѣлу прибылъ въ Римъ. Гулусса сказалъ: и для него не легко толковать о тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ отецъ не далъ ему никакого порученія; да и отцу затруднительно было дать какой либо наказъ, когда Карѳагеняне не высказали—ни о чемъ они будутъ говорить, ни даже вовсе, что они отправятся въ Римъ. Въ храмѣ Эскулапа, въ продолженіи нѣсколькихъ ночей, было у нихъ тайное собраніе старѣйшинъ, откуда они и отправили пословъ въ Римъ съ секретными порученіями. А для отца послать его въ Римъ былъ тотъ поводъ, чтобы онъ умолялъ сенатъ — не вѣрить въ чемъ либо обвиненіямъ ихъ общихъ враговъ, такъ какъ они питаютъ къ нему ненависть не по иной какой причинѣ, а только за постоянную его вѣрность къ народу Римскому.» По выслушаніи той и другой стороны, сенатъ, обдумавъ требованія Карѳагенянъ, велѣлъ дать имъ такой отвѣтъ: «не угодно ли Гулуссѣ немедленно отправиться въ Нумидію и извѣстить отца, чтобы онъ какъ можно скорѣе прислалъ въ сенатъ пословъ относительно жалобъ, принесенныхъ Карѳагенянами и объявилъ бы имъ, чтобы и они явились для разбирательства. Если сенату будетъ возможно сдѣлать въ честь Масиниссы, то они не замедлятъ это исполнить, какъ дѣлывали и прежде; но справедливостью—расположенію къ нему жертвовать не будутъ. Желаютъ, чтобы и та, и другая сторона владѣли тѣми землями, какія каждой принадлежатъ. Не желаютъ проводить новыхъ рубежей, но требуютъ, чтобы прежніе оставались неприкосновенными. Побѣдивъ Карѳагенянъ, Римляне оставили имъ города и земли, не для того, чтобы ихъ обижали и отнимали у нихъ въ мирное время то, что и по военному праву не было у нихъ отнято.» Съ этимъ отпущены и князекъ, и Карѳагеняне; дары нарочно даны и первому и вторымъ, и всѣ требованія гостепріимства тщательно соблюдены.

XXV. Въ это же время воротились уполномоченные Кн. Сервилій Цепіонъ, Ап. Клавдій Центо, Т. Анній义ускъ, посыланные въ Македонію съ требованіемъ удовлетворенія и съ объявленіемъ царю о прекращеніи съ нимъ дружественныхъ сношеній. Они—сенатъ, и безъ того уже враждебный Персею,

еще болѣе вооружили противъ него изложеніемъ послѣдовательнымъ того, что они видѣли и слышали: «замѣтили они по всѣмъ городамъ Македоніи приготовленія къ войнѣ, производимыя съ величайшимъ стараніемъ. По прибытіи къ царю, въ продолженіи многихъ дней не имѣли возможности его видѣть. Наконецъ потерявъ на то всякую надежду, они было уже отправились обратно; но тутъ только они возвращены уже съ дороги и введены къ нему. Сущность ихъ рѣчи была слѣдующая: «союзный договоръ, заключенный съ Филиппомъ, послѣ смерти отца возобновленъ съ нимъ самимъ: въ этомъ договорѣ прямо запрещается ему дѣйствовать оружіемъ внѣ предѣловъ царства, запрещается затрогивать войною союзниковъ народа Римскаго. Затѣмъ они (послы) въ порядкѣ изложили все то, что незадолго передъ тѣмъ слышали сами здѣсь въ сенатѣ отъ Евмена, какъ вполнѣ справедливое и достовѣрное. Кромѣ того узнали они, что царь имѣлъ въ Самотракіи въ продолженіи многихъ дней секретное совѣщаніе съ посольствами Азіи. Сенатъ находитъ справедливымъ въ такихъ оскорбленіяхъ просить удовлетворенія, требовать возвращенія того, что принадлежитъ Римлянамъ и ихъ союзникамъ и чѣмъ онъ владѣетъ вопреки союзнаго договора. — На это царь, воспылавъ гнѣвомъ, отвѣчалъ очень рѣзко и неоднократно упрекалъ Римлянъ въ жадности и надменности; въ томъ, что одни за другими послы приходили слѣдить за его дѣйствіями и словами, находя справедливымъ, чтобы онъ и говорилъ и поступалъ по ихъ мановенію и повелѣнію. Наконецъ много и долго покричавъ, велѣлъ имъ прійдти на другой день; желаетъ онъ дать письменный отвѣтъ. Тутъ онъ передалъ имъ на письмѣ слѣдующее союзъ, съ отцомъ заключенный, до него нисколько не касается; допустилъ же онъ его возобновить — не потому чтобы онъ его одобрялъ, но потому что, при недавнемъ еще владѣніи царствомъ, надобно было все терпѣть. Если же имъ желательно заключить съ нимъ новый союзный договоръ, то прежде необходимо согласиться насчетъ условій, и если они (Римляне) имѣютъ въ умѣ союзъ, справедливый для обѣихъ сторонъ, то и онъ посмотритъ какъ ему надобно поступить, да и

они, какъ онъ полагаетъ, должны принять въ соображенiе интересы своего государства. Съ этими словами онъ бросился изъ залы, и ихъ всѣхъ стали было выводить оттуда. Тутъ то они объявили прекращенiе отношенiй дружбы и союза. Взбѣшенный этими словами, царь остановился и громкимъ голосомъ объявилъ имъ, чтобы они въ три дни оставили предѣлы его царства. Такъ они (послы) отправились и имъ, ни по прибытiи, ни во время пребыванiя, не оказано ничего такого, что обнаруживало бы гостепрiимство или благосклонность.» Потомъ выслушаны послы Ѳессалiйскiе и Этолiйскiе. Сенатъ, для того чтобы узнать какъ можно скорѣе—кому именно на этотъ разъ достанется завѣдыванiе общественными дѣлами, заблагоразсудилъ отправить письмо къ консуламъ о томъ, чтобы тотъ, которому это будетъ можно, прибылъ въ Римъ для избранiя должностныхъ лицъ.

XXVI. Ничего особеннаго, чтобы заслуживало упоминанiя, не совершили консулы въ этомъ году для отечества. Наиболѣе казалось согласнымъ съ пользами общественными—подавить и успокоить доведенныхъ до отчаянiя Лигуровъ. При ожиданiи войны съ Македонянами, послы Иссенскiе заподозрили царя Иллирiйцевъ Гентiя. Они вмѣстѣ жаловались, что онъ вторично опустошилъ ихъ предѣлы и давали знать: «въ одну душу живутъ цари Македонскiй и Иллирiйскiй; съ общаго совѣта готовятъ войну Римлянамъ; подъ видомъ пословъ находятся въ Римѣ Иллирiйскiе лазутчики, по внушенiю Персея посланные для узнанiя того, что дѣлается.» Иллирiйцы призваны въ сенатъ. Они сказали, что они назначены послами отъ царя для оправданiя въ обвиненiяхъ, которыя въ видѣ доноса Иссенцы могутъ взвести на царя. Затѣмъ сдѣланъ имъ вопросъ: почему они не явились немедленно къ сановникамъ для назначенiя имъ, какъ это обыкновенно водится—квартиры и содержанiя. Да будетъ ли наконецъ извѣстно, зачѣмъ они пришли и по какому дѣлу? Когда они замѣшкались отвѣтомъ, то имъ велѣно оставить сенатъ: не признано за благо давать имъ отвѣтъ какъ посламъ, тогда какъ они сами не требовали быть допущенными въ сенатъ.

Положено—отправить къ царю пословъ—дать ему знать какіе союзники принесли сенату жалобу, что ихъ поля выжжены царемъ; несправедливо онъ поступаетъ, не минуя оскорбленіемъ и союзниковъ. Въ это посольство отправлены А. Теренцій Варронъ, К. Плеторій, К. Цицерей. Изъ пословъ, ѣздившіе къ союзнымъ царямъ, возвратились съ извѣстіемъ: «видѣлись они съ Евменомъ въ Азіи, съ Антіохомъ въ Сиріи, съ Птоломеемъ въ Александріи. На всѣхъ ихъ старался подѣйствовать посредствомъ посольствъ Персей, но къ чести ихъ пребыли они въ вѣрности непоколебимы и обѣщали, что исполнятъ все, чтобы ни повелѣлъ народъ Римскій. Заходили они (послы) и въ союзные города; вѣрность прочихъ почти внѣ сомнѣнія; однихъ Родосцевъ нашли они въ положеніи колебанія и напитанныхъ совѣтами Персея.» Пришли послы Родоскіе для оправданія въ томъ, что, какъ они знали общими слухами, взводилось на ихъ государство. Впрочемъ, положено допустить ихъ въ сенатъ только тогда, когда новые сановники вступятъ въ отправленіе должности.

XXVII. Положено: военныя приготовленія не откладывать далѣе. К. Лицинію претору поручено: изъ числа старыхъ квинкверемъ, отведенныхъ въ Римскія верфи, поправить тѣ, которыя могутъ быть еще полезными и изготовить пятьдесятъ судовъ. Если чего либо будетъ недоставать для пополненія этого количества, то пусть онъ напишетъ въ Сицилію товарищу своему К. Меммію—поправить суда, находящіяся въ Сициліи и изготовить, чтобы ихъ можно было какъ можно скорѣе отправить въ Брундизій. Матросовъ изъ сословія отпущенниковъ, вышедшихъ въ Римское гражданство, повелѣно набрать претору К. Лицинію на двадцать пять судовъ; на двадцать же пять судовъ такое же число долженъ былъ истребовать Кн. Сициній отъ союзниковъ. Тотъ же преторъ долженъ былъ истребовать отъ союзниковъ Латинскаго наименованія пѣшихъ воиновъ, восемь тысячъ и четыреста всадниковъ. Принять этихъ воиновъ въ Брундизіѣ и отправить въ Македонію—выбранъ А. Атилій Серранъ, бывшій преторомъ въ предшествовавшемъ году. Преторъ К. Сициній долженъ былъ

имѣть войско, готовое къ переправѣ. Консулу К. Попиллію, съ утвержденія сената, преторъ К. Лициній написалъ, чтобы онъ приказалъ явиться въ Брундизій къ Февральскимъ Идамъ и второму легіону, старѣйшему по времени служенія, находившемуся въ землѣ Лигуровъ, и изъ союзниковъ Латинскаго наименованія четыремъ тысячамъ пѣшихъ и двумъ стамъ всадниковъ. Съ этими флотомъ и войскомъ повелѣно Кн. Сицинію принять провинціею Македонію, впредь до прибытія преемника, при чемъ власть ему продолжена на годъ. Всѣ постановленія сената приведены немедленно въ дѣйствіе. Тридцать восемь судовъ о пяти рядахъ веселъ спущено съ верфей; для отвода ихъ въ Брундизій назначенъ Л. Порцій Лицинъ; двѣнадцать послано туда же изъ Сициліи. Для заготовленія покупкою провіанта флоту и войску, въ Апулію и Калабрію отправлены три посла: Секс. Дигитій, Т. Ювенцій, М. Цецилій. На все готовое прибылъ въ Брундизій преторъ Кн. Сициній, облекшись въ военную одежду.

XXVIII. Почти въ концѣ года прибылъ въ Римъ консулъ К. Попиллій нѣсколько позднѣе, чѣмъ полагалъ сенатъ; заблагоразсудили немедленно выбрать новыхъ сановниковъ въ виду такой войны, угрожавшей общественному строю. А потому неблагосклонно внимали сенаторы консулу, когда онъ въ храмѣ Беллоны разсуждалъ о своихъ дѣйствіяхъ въ отношеніи къ Лигурамъ. Неоднократный поднимался ропотъ и слышались вопросы: почему онъ не возвратилъ свободы Лигурамъ, утратившимъ ее вслѣдствіе преступнаго дѣйствія его брата?—Выборы консульскіе, на какой день были назначены, состоялись наканунѣ двѣнадцатаго дня календъ Мартовскихъ. Выбраны консулами: П. Лициній Крассъ, К. Кассій Лонгинъ. На другой день назначены преторы К. Сульпицій Гальба, Л. Фурій Филъ, Л. Канулей Дивесъ (богатый), К. Лукрецій Галлъ, К. Каниній Ребилъ, Л. Виллій Анналисъ. Этимъ преторамъ распредѣлены провинціи: два должны были чинить судъ и расправу въ Римѣ, и по одному назначено для Испаніи, Сардиніи и Сициліи; одному — обязанности не назначены для того, чтобы онъ оставался въ рас-

поряженіи сената. Вновь избраннымъ консуламъ сенатъ повелѣлъ—въ день вступленія въ должность, по обыкновенію принести большія жертвы и помолиться о томъ, чтобы война, которую народъ Римскій имѣетъ намѣреніе вести, имѣла благополучный исходъ. Въ этотъ же день опредѣлилъ сенатъ: консулу К. Попиллію дать обѣтъ десятидневныхъ игръ Юпитеру Великому и Всеблагому и дары принесть ко всѣмъ божницамъ, если отечество въ продолженіи десяти лѣтъ останется въ томъ же положеніи. Согласно мнѣнію сената, консулъ произнесъ въ Капитоліѣ обѣтъ дать игры и принести жертвы на сумму, какую опредѣлитъ сенатъ въ собраніи, гдѣ будетъ присутствовать не менѣе полутораста членовъ. Когда обѣтъ давался, то слова его произносилъ впередъ Лепидъ, великій первосвященникъ.—Въ этомъ году умерли служители общественнаго богослуженія: Л. Эмилій Папъ, одинъ изъ десяти членовъ коммиссіи по дѣламъ священнодѣйствій и К. Фульвій Флаккъ первосвященникъ, въ предшествовавшемъ году бывшій цензоромъ. Онъ погибъ постыдною смертью. Относительно двухъ его сыновей, находившихся на военной службѣ въ Иллирикѣ, получено извѣстіе, что одинъ умеръ, а другой лежитъ въ тяжкой и опасной болѣзни. Разомъ овладѣли духомъ отца горе и опасенія: войдя рано въ спальню, люди нашли его висящимъ на веревкѣ. Были толки, что онъ уже послѣ цензуры—былъ несовсѣмъ въ полномъ умѣ: говорили въ народѣ, что гнѣвъ Юноны Лацинской за ограбленный храмъ лишилъ его разсудка. На мѣсто Емилія назначенъ децемвиръ М. Валерій Мессала, а на мѣсто Фульвія первосвященникъ Кн. Домицій Агенобарбъ, съ весьма раннихъ лѣтъ юности уже бывшій священникомъ.

XXIX. Въ консульство П. Лицинія и К. Кассія не только городъ Римъ, и материкъ Италіи, но и всѣ цари, и вольные города, какіе находились въ Европѣ и въ Азіи—обратили вниманіе на войну Македонянъ съ Римлянами, и были ею очень озабочены. Евмена подстрекали и старинная ненависть и свѣжее раздраженіе, такъ какъ его преступнымъ умысломъ чуть не былъ закланъ онъ въ Дельфахъ, какъ жертвенное животное.

Прузіасъ, Виѳинскій царь, положилъ — воздержаться отъ военныхъ дѣйствій и дождаться исхода. И Римляне не могли считать справедливымъ, чтобы онъ обнажилъ мечь противъ брата жены; а въ случаѣ побѣды Персея ему легко было бы исходатайствовать чрезъ нее прощеніе. Аріаратъ, царь Каппадокскій, не только Римлянамъ обѣщалъ помощь отъ своего имени, съ тѣхъ поръ какъ породнился съ Евменомъ, но и положилъ дѣйствовать съ ними за одно и въ мирѣ и въ войнѣ. Антіохъ грозилъ Египту, презирая и дѣтство царя, и бездѣйствіе опекуновъ: въ обоюдныхъ притязаніяхъ на Келе-Сирію, онъ думалъ видѣть основательный поводъ къ войнѣ и надѣялся вести его безпрепятственно, такъ какъ Римляне заняты войною съ Македонянами: впрочемъ, онъ съ большою готовностью обѣщалъ все сенату и черезъ своихъ пословъ, и съ своей стороны посламъ сената. Птоломей уже по самому возрасту не зависѣлъ въ то время отъ себя. Опекуны готовили войну противъ Антіоха, предъявляя притязанія на Келе-Сирію, и Римлянамъ обѣщали все на войну съ Македонянами. Масинисса помогалъ Римлянамъ и хлѣбомъ, и приготовлялся отправить на войну вспомогательное войско съ слонами, и сына Мизагена. Планы свои, на всякій случай, расположилъ онъ такъ: если побѣда увѣнчаетъ Римлянъ, то дѣла его останутся въ одномъ положеніи, и дальше нѣчего было и затѣвать. Римляне не допустили бы сдѣлать насиліе Карѳагенянамъ. А если силы Римлянъ будутъ сокрушены, то, такъ какъ они защищали Карѳагенянъ, вся Африка сдѣлается его собственностью. Гентій, царь Иллировъ, болѣе навлекъ подозрѣнія Римлянъ своими дѣйствіями, чѣмъ принялъ твердое рѣшеніе какую сторону защищать и повидимому скорѣе по первому побужденію, чѣмъ по здравому обсужденію, долженъ былъ присоединиться къ тѣмъ или другимъ. Ѳракіецъ Котисъ, царь Одризовъ, ясно былъ на сторонѣ Македонянъ.

XXX. Таково то было мнѣніе царей о войнѣ; у свободныхъ же народовъ и племенъ вездѣ почти вся чернь...какъ свойственно худшимъ, склонялась на сторону Македонянъ; а у старѣйшинъ были разныя побужденія. Нѣкоторые до того горячо взялись за

дѣло Римлянъ, что даже вредили своему вліянію неумѣстнымъ усердіемъ. Немногіе изъ нихъ увлечены были справедливостью Римскаго управленія; а большая часть надѣялись, что будущее вліяніе ихъ въ отечествѣ будетъ зависѣть отъ большей мѣры ихъ содѣйствія. Другая сторона состояла изъ льстецовъ царскихъ: долги и безнадежность при томъ же положеніи дѣлъ выйдти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, побуждали ихъ бросаться очертя голову къ измѣненію существующаго порядка. Нѣкоторые увлекались желаніемъ поддѣлаться къ народу, такъ какъ массы сочуствовали болѣе Персею. Третьи — и то были люди лучшіе и благоразумнѣйшіе — предпочитая, если ужь необходимо выбрать лучшаго властелина, сторону Римлянъ царской — если бы въ своихъ рукахъ держали вѣсы счастія, — не захотѣли бы, чтобы которая либо сторона сдѣлалась сильнѣе подавленіемъ другой, а предпочитали, чтобы миръ былъ послѣдствіемъ истощенія силъ той и другой стороны. Тогда положеніе вольныхъ городовъ между тѣми и другими будетъ самое лучшее, такъ какъ безсильные будутъ находить защиту въ однихъ противъ другихъ. Такъ думая, они спокойно смотрѣли молча на усилія поборниковъ той и другой партіи.

Консулы въ самый день вступленія въ должность, согласно сенатскаго декрета, около всѣхъ жертвенниковъ, въ которыхъ большую часть года бываетъ обыкновенно постиланіе ложъ, принесли большія жертвы; тутъ сдѣлавъ заключеніе, что молитвы ихъ пріятны богамъ безсмертнымъ, они донесли сенату, что жертвы принесены согласно обычаю и мольбы о войнѣ совершены. Гадатели дали такой отвѣтъ: «Если что новаго будетъ начато, надобно торопиться: предвидится побѣда, торжество, расширеніе границъ». Сенаторы опредѣлили: «да будетъ въ добрый и благополучный часъ для народа Римскаго, а пусть консулы въ народное собраніе, имѣющее быть за тѣмъ въ первый день, внесутъ къ народу предложеніе: «такъ какъ Персей, сынъ Филиппа, царь Македонянъ, въ нарушеніе союзнаго договора, заключеннаго съ отцомъ его Филиппомъ, и послѣ его смерти съ нимъ самимъ возобновленнаго, внесъ

войну къ союзникамъ народа Римскаго, опустошилъ поля, занялъ города, сталъ затѣвать замыслы о военныхъ приготовленіяхъ противъ народа Римскаго, и для этого дѣла заготовлять оружіе, воиновъ и флотъ; то если онъ не окажетъ удовлетворенія въ этихъ дѣйствіяхъ, пусть начата будетъ съ нимъ война.» Это предложеніе было представлено народу.

XXXI. Сенатское опредѣленіе состоялось такъ: «консулы пусть между собою сравняютъ провинціи Италію и Македонію и бросятъ о нихъ жеребій. Кому достанется Македонія, пусть тотъ преслѣдуетъ войною Персея и тѣхъ, кто приметъ его сторону, если только они неокажутъ удовлетворенія народу Римскому». Положено набрать четыре новыхъ легіона по два каждому консулу. Особенность для провинціи Македоніи сдѣлана та, что между тѣмъ какъ другаго консула легіонъ долженъ былъ состоять изъ пяти тысячь двухсотъ пѣшихъ воиновъ, для отправляемыхъ въ Македонію велѣно набрать по шести тысячь; всадниковъ по триста одинаково на всѣ легіоны. И въ союзномъ войскѣ для одного изъ консуловъ увеличено число: шестьнадцать тысячь пѣшихъ, восемьсотъ всадниковъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ повелъ Кн. Сициній, шестисотъ всадниковъ, консулъ долженъ былъ вести въ Македонію. Для Италіи показалось достаточнымъ двѣнадцати тысячь союзной пѣхоты и шестисотъ всадниковъ. И та особенность дана жеребью Македонскому, чтобы консулъ набиралъ, сколько захочетъ, сотниковъ и заслуженныхъ воиновъ до пятидесятилѣтняго возраста. Относительно военныхъ трибуновъ въ этомъ году сдѣлано нововведеніе по случаю Македонской войны: вслѣдствіе сенатскаго декрета консулы предложили народу — военныхъ трибуновъ въ этомъ году назначить не голосами народа, а предоставить назначеніе ихъ сужденію и усмотрѣнію консуловъ и преторовъ. А между преторами власть распредѣлена такъ: положено — претору, которому достанется жеребій, идти куда заблагоразсудитъ сенатъ — отправиться къ флоту въ Брундизій; онъ долженъ былъ произвести тамъ смотръ морскимъ экипажамъ, отпустить тѣхъ людей, которые покажутся ему мало способными, пополнить не-

достающее число вольноотпущенниками—но съ тѣмъ, чтобы двѣ трети было гражданъ Римскихъ и одна треть союзниковъ. Провіантъ флоту и легіонамъ подвезть изъ Сициліи и Сардиніи и преторамъ, которымъ достанутся по жеребью эти провинціи, поручено—другую десятину взыскать съ Сицилійцевъ и Сардовъ, и этотъ хлѣбъ отвезть къ войску въ Македонію. Сицилія досталась по жеребью К. Канинію Ребилу, Сардинія—Л. Фурію Филу, Испанія—Л. Канулею, городское судопроизводство К. Сульпицію Гальбѣ, а Л. Виллію Анналису между иностранцами; К. Лукрецію Галлу жеребій указалъ быть въ распоряженіи сената.

XXXII. Относительно провинціи консулы болѣе хитрили, чѣмъ прямо спорили. Кассій говорилъ: «пожелаетъ онъ имѣть Македонію не прибѣгая къ жеребью и нельзя будетъ товарищу его, если только онъ уважаетъ клятвы, бросать съ нимъ жеребій. Будучи преторомъ, онъ для того, чтобы не отправляться въ провинцію, поклялся, что онъ, въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленные дни, имѣетъ жертвоприношенія, которыя въ отсутствіи его правильно совершены быть не могутъ. Они, будь онъ консулъ, а не преторъ—тѣмъ не менѣе правильно совершены быть не могутъ въ его отсутствіе. Если же сенатъ заблагоразсудитъ обратить болѣе вниманія на то, чего пожелаетъ П. Лициній сдѣлавшись консуломъ, чѣмъ на клятвы его, когда онъ былъ преторомъ, то онъ не выйдетъ изъ воли сената.» Спрошенные о мнѣніи, сенаторы сочли неумѣстнымъ отказать въ провинціи тому, кого народъ Римскій удостоилъ быть консуломъ и повелѣли консуламъ бросить жребій. П. Лицинію досталась Македонія, а К. Кассію—Италія. За тѣмъ консулы распредѣлили по жеребью легіоны: первый и третій должны были переправиться въ Македонію, второй и четвертый—остаться въ Италіи. Наборъ производили консулы гораздо внимательнѣе, чѣмъ какъ то бывало въ другихъ случаяхъ. Лициній переписывалъ заслуженныхъ воиновъ и сотниковъ: многіе волею давали свои имена, видя богатыми тѣхъ, которые въ первую Македонскую войну, или въ Азіи противъ Антіоха, были въ походахъ.

Когда военные трибуны вызывали сотниковъ по порядку, начиная отъ перваго, двадцать три сотники, которые начальствовали въ первыхъ рядахъ, будучи вызваны, аппелировали къ трибунамъ народнымъ. Два изъ коллегія, М. Фульвій Нобиліоръ и М. Клавдій Марцеллъ, предоставляли это дѣло консуламъ: «на ихъ обязанности должно быть разсмотрѣніе его; имъ поручены и наборъ и веденіе войны». Остальные трибуны говорили, что они разсмотрятъ дѣло, въ которомъ къ нимъ аппеллировали, и окажутъ содѣйствіе гражданамъ съ случаѣ, если имъ дѣлается обида.

XXXIII. Дѣло рѣшалось у мѣста засѣданія трибуновъ. Туда явились М. Попиллій, бывшій консулъ, сотники и консулъ. По требованію консула—чтобы это дѣло разбиралось въ народномъ собраніи, созванъ народъ на собраніе. За сотниковъ говорилъ такъ М. Попиллій, бывшій за два года передъ тѣмъ консуломъ: «отслужили свое время военные люди и тѣла ихъ удручены и возрастомъ, и постоянными трудами: впрочемъ, они и теперь не отказываются служить общественному дѣлу; объ одномъ просятъ, чтобы ихъ не поставили въ ряды ниже тѣхъ, которые они занимали прежде, находясь на службѣ». П. Лициній консулъ приказалъ прочесть сенатскія опредѣленія: первое—относительно объявленія войны Персею: второе, о томъ что онъ повелѣваетъ набрать на эту войну какъ можно болѣе заслуженныхъ сотниковъ; и никого не увольняетъ отъ обязанности служить, кромѣ имѣющихъ болѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду. Потомъ онъ умолялъ: «чтобы они въ войну новую, столь близкую къ Италіи, противъ могущественнаго царя, не препятствовали военнымъ трибунамъ въ производствѣ набора; и не были бы помѣхою консуламъ въ назначеніи каждому того мѣста, которое они ему опредѣлятъ, согласно съ требованіями общаго блага; если же что въ этомъ дѣлѣ ихъ вводитъ въ сомнѣніе, то пусть они сошлются на сенатъ».

XXXIV. Когда консулъ высказалъ все, что желалъ, Сп. Лигустинъ изъ числа тѣхъ, которые аппеллировали къ трибунамъ народнымъ, просилъ консула и трибуна, чтобы имъ дозволено было сказать нѣсколько словъ народу. Съ разрѣшенія

всѣхъ онъ, какъ передаютъ, говорилъ такъ: «я Сп. Лигустинъ происхожу изъ Крустуминской трибы въ землѣ Сабиновъ, Квириты. Отецъ оставилъ мнѣ десятину земли и небольшую избушку, въ которой я родился и воспитанъ, и теперь я тамъ живу. Лишь только пришелъ я въ возрастъ, отецъ женилъ меня на дочери своего брата; ничего не принесла она въ приданое мнѣ, кромѣ вольности и стыдливости, да сверхъ того плодородія такого, что, и въ богатомъ домѣ, было бы его достаточно. У насъ шесть сыновъ и двѣ дочери, обѣ за мужемъ. Изъ сыновъ четыре ужь надѣли мужскія тоги, а два ходятъ въ юношескомъ одѣяніи. Воиномъ я сдѣлался въ консульство П. Сульпиція и К. Аврелія. Въ войскѣ, переправленномъ въ Македонію, въ продолженіи двухъ лѣтъ, служилъ я рядовымъ воиномъ противъ царя Филиппа; въ третьемъ году за мою доблесть Т. Квинкцій Фламининъ назначилъ меня въ десятый рядъ копьеносцемъ (гастатомъ). Послѣ пораженія Филиппа и Македонянъ, когда мы были привезены въ Италію назадъ и распущены, я тотчасъ отправился волонтеромъ въ Испанію съ консуломъ М. Порціемъ. За достовѣрное извѣстно, что ни одинъ изъ всѣхъ военачальниковъ, находящихся въ живыхъ, не былъ столь проницательнымъ оцѣнщикомъ и судьею доблести, какъ онъ для тѣхъ, которые, въ продолженіи долгаго служенія, имѣли возможность узнать и его и другихъ вождей. Этотъ военачальникъ счелъ меня достойнымъ быть первымъ гастатомъ первой сотни. Въ третій разъ опять я добровольно поступилъ на службу въ войско, посланное противъ Этоловъ и царя Антіоха. М. Ацилій сдѣлалъ меня первомъ принципомъ первой сотни. По изгнаніи царя Антіоха съ покореніемъ Этоловъ, мы отвезены обратно въ Италію, и опять я отслужилъ два годовыхъ срока легіоновъ. Два раза потомъ служилъ я въ Испаніи: первый разъ съ К. Фульвіемъ Флаккомъ, а второй съ преторомъ Ти. Семпроніемъ Гракхомъ. Флаккъ привелъ меня изъ провинціи въ числѣ прочихъ, которыхъ доблесть хотѣлъ онъ отличить участіемъ въ его тріумфѣ. По просьбѣ Ти. Гракха отправился я въ провинцію. Четыре раза въ продолженіи немногихъ лѣтъ

я водилъ первый рядъ; тридцать четыре раза получалъ я отъ военачальниковъ награды за доблесть; шесть гражданскихъ вѣнковъ мнѣ дали. Я отслужилъ въ войскахъ 22 годичныхъ срока, и теперь мнѣ болѣе 50 лѣтъ отъ роду. Не отслужи я всѣхъ сроковъ службы, не будь самимъ возрастомъ моимъ отъ нея уволенъ, и тутъ, такъ какъ я четырехъ воиновъ могу выставить за себя одного, то, П. Лициній, справедливость требовала бы меня отпустить. Впрочемъ я хотѣлъ бы, чтобы все сказанное мною отнесли бы собственно къ этому дѣлу; но самъ я, пока кто бы ни набиралъ войско будетъ считать меня годнымъ, ни-за что не стану уклоняться. Назначьте рядъ, въ которомъ сочтутъ меня достойнымъ стоять военные трибуны — въ ихъ власти; я приложу все стараніе, чтобы никто въ войскѣ не превзошелъ меня доблестью; а свидѣтелями тому, что я такъ поступалъ всегда—мои начальники и сослуживцы. Справедливость требуетъ и съ вашей стороны товарищи, хотя вы и прибѣгали къ праву аппелляціи, хотя съ ранней юности вы недѣлали никогда ничего противнаго волѣ сената и властей, и теперь быть во власти сената и консуловъ, и считать равно почетными всѣ мѣста, гдѣ вы будете защищать отечество».

XXXV. Когда онъ это произнесъ, то консулъ, осыпавъ его похвалами, повелъ изъ народнаго собранія въ сенатъ. Тамъ ему объявлена благодарность отъ имени сената, и военные трибуны за его доблесть назначили ему первый рядъ въ первомъ легіонѣ. Остальные сотники, оставивъ свою аппелляцію, при наборѣ вели себя съ полнымъ послушаніемъ. Чтобы скорѣе должностныя лица отправились въ провинціи, Латинскія празднества совершены въ Іюньскія календы. По совершеніи этого обычнаго торжества преторъ К. Лукрецій, пославъ впередъ все, нужное для флота, отправился въ Брундизій. Кромѣ войскъ, заготовляемыхъ консулами, дано порученіе претору К. Сульпицію Гальбѣ — набрать четыре городскихъ легіона съ надлежащимъ числомъ пѣшихъ и конныхъ воиновъ, и выбрать изъ сената четырехъ военныхъ трибуновъ для начальства надъ ними; съ союзниковъ Латинскаго наименованія истребовать

пятнадцать тысячь пѣшихъ воиновъ и тысячу двѣсти всадниковъ. Для того, чтобы это войско было готово идти туда, куда бы ни повелѣлъ сенатъ, по просьбѣ консула П. Лицинія къ его войску, состоящему какъ изъ гражданъ, такъ и изъ союзниковъ придано на помощь двѣ тысячи Лигуровъ, Критскіе стрѣлки (число ихъ неизвѣстно, такъ какъ незнаемъ сколь значительное вспоможеніе прислали Кретійцы по просьбѣ Римлянъ), также Нумидскіе всадники и слоны. На этотъ предметъ отправлены послы къ Масиниссѣ и Карѳагенянамъ: Л. Постумій Альбинъ, К. Теренцій Кулео, К. Абурій. Заблагоразсудилъ (сенатъ) отправить въ Критъ трехъ пословъ А. Постумія Альбина, К. Децимія, А. Лицинія Нерву.

XXXVI. Въ тоже время пришли послы отъ царя Персея. Положено ихъ невпускать въ городъ, такъ какъ война противъ ихъ царя и Македонянъ была опредѣлена и декретомъ сената и повелѣніемъ народнаго собранія. Будучи введены въ сенатъ, собравшійся въ храмѣ Беллоны, они сказали слѣдующее: «дивится царь Персей — по какому случаю войска перевозятся въ Македонію. Если отъ сената будетъ возможно исходатайствовать ихъ отозваніе, то царь по волѣ сената окажетъ удовлетвореніе за оскорбленія, въ нанесеніи коихъ приносили жалобы союзники.» Сп. Карвилій, котораго на этотъ самый предметъ отослалъ назадъ изъ Греціи Кн. Сициній, находился въ сенатѣ. Онъ показывалъ, что Перребія занята силою оружія, нѣкоторые города Ѳессаліи взяты, и другія обличалъ онъ дѣйствія и приготовленія царя—послы получили приказаніе дать на это отвѣтъ. Когда они мѣшкали, отговариваясь, что на этотъ предметъ имъ ничего не поручено, то получили приказаніе объявить царю: «консулъ П. Лициній не замедлитъ быть съ войскомъ въ Македоніи: къ нему, если только царь дѣйствительно помышляетъ объ удовлетвореніи, пусть отправитъ пословъ; посылать же ихъ ему въ Римъ, нѣтъ болѣе повода: ни одного изъ нихъ не пропустятъ по Италіи.» Такъ они были отпущены, а консулу П. Лицинію поручено — приказать имъ въ одиннадцать дней оставить Италію, и послать съ ними Сп. Карвилія—

провожать ихъ, пока они не сядутъ на суда. Вотъ что было въ Римѣ еще до отправленія консуловъ. Уже Кн. Сициній, посланный впередъ, еще до истеченія срока его прежняго служенія, въ Брундизій къ флоту и къ войску, переправилъ въ Епиръ пять тысячь пѣшихъ воиновъ и триста всадниковъ; онъ сталъ лагеремъ у Нимфея на Аполлоніатскомъ полѣ. Оттуда онъ послалъ трибуновъ съ двумя тысячами воиновъ—занять крѣпости Дассаретовъ и Иллирійцевъ; они сами просили гарнизоновъ, чтобъ быть безопаснѣе отъ нападенія сосѣдственныхъ Македонянъ.

XXXVII. По истеченіи немногихъ дней, К. Марцій, А. Атилій, П. и С. Корнелій Лентулы и Л. Децимій, отправленные послами въ Грецію, привезли съ собою въ Корциру тысячу пѣшихъ воиновъ: тутъ они раздѣлили между собою и страны, которыя намѣревались обойдти, и воиновъ. Децимій отправленъ къ Гентію, царю Иллирійцевъ; онъ получилъ приказаніе его, если только замѣтитъ, что онъ сколько нибудь дорожитъ дружбою съ Римлянами, испытывать и даже склонять къ союзу для веденія войны съ обща. Оба Лентула отправлены въ Кефалонію съ тѣмъ, чтобы переправиться въ Пелопоннесъ, и до наступленія зимы обойдти берегъ моря, обращеннаго къ западу. Марцію и Атилію—Епиръ, Этолія и Ѳессалія назначены для обхода; они же получили приказаніе заглянуть въ Беотію и Евбею, а затѣмъ переправиться въ Пелопоннесъ; тамъ они положили свидѣться съ Лентулами. Прежде чѣмъ разошлись они изъ Корциры, получено письмо отъ Персея, въ которомъ онъ спрашивалъ: какой былъ поводъ Римлянамъ какъ переправить войска въ Грецію, такъ и занимать (войскомъ) города? Незаблагоразсудили ему отвѣчать на письмѣ, а гонцу его, съ нимъ пріѣхавшему, данъ отвѣтъ на словахъ: «Римляне такъ поступаютъ для защиты самихъ городовъ.» Лентулы, обходя города Пелопоннеса, старались подѣйствовать убѣжденіями на всѣ города безъ различія и склоняли ихъ—съ такимъ же постоянствомъ и вѣрностью, съ какими помогали Римлянамъ въ ихъ войнахъ сначала съ Филиппомъ, потомъ съ Антіохомъ—содѣй-

ствовать имъ противъ Персея — слышали ропотъ въ собраніи. Ахейцы приходили въ негодованіе: что они, оказывая во всемъ постоянное содѣйствіе Римлянамъ съ начала Македонской войны, и бывъ врагами Македонянъ въ войнѣ съ Филиппомъ, на томъ же у нихъ счету, что и Мессенійцы и Елін, которые за царя Антіоха обнажили мечь противъ народа Римскаго; недавно допущенные въ Ахейскій сеймъ, они жаловались, что они отданы Ахейцамъ побѣдителямъ въ видѣ военной добычи.

XXXVIII. Марцій и Атилій посѣтили Гитаны, Епирской городъ въ десяти миляхъ отъ берега. Тамъ созвали они собраніе Епиротовъ, и выслушаны съ значительнымъ общимъ одобреніемъ. Они послали изъ нихъ четыреста молодыхъ людей въ Орестъ съ тѣмъ, чтобы служили защитою освобожденнымъ ими Македонянамъ. Оттуда выступивъ въ Этолію и пробывъ тамъ не долго, пока на мѣсто умершаго претора былъ назначенъ другой — то былъ Лизискъ, о которомъ довольно достовѣрно было извѣстно, что онъ расположенъ въ пользу Римлянъ — перешли въ Ѳессалію. Туда прибыли послы Акарнановъ и изгнанники Беотовъ. Акарнанцамъ приказано сказать: «если они сначала въ войнѣ съ Филиппомъ, потомъ съ Антіохомъ, введены были въ заблужденіе обѣщаніями царя и погрѣшили противъ народа Римскаго, то теперь представляется случай это поправить. Какъ они, и бывъ виновными, испытали милосердіе народа Римскаго, такъ и вѣрною службою пусть испробуютъ щедрость его.» Беотійцы получили упрекъ, что они заключили союзъ съ Персеемъ. Такъ какъ они слагали войну на Исменія, предводителя другой партіи, который увлекъ на свою сторону нѣкоторые города, до того бывшіе другихъ мнѣній «все это обнаружится» отвѣчалъ Марцій «они предоставятъ каждому городу возможность—подумать о себѣ.»—Въ Ларисcѣ было собраніе Ѳессалійцевъ; тутъ и Ѳессалійцамъ представился случай въ избыткѣ благодарить Римлянъ за дарованную свободу; и пословъ за то что они въ войнахъ сначала съ Филиппомъ, а потомъ съ Антіохомъ получали дѣятельную помощь отъ Ѳессалійскаго народа. Такимъ взаимнымъ припоминаніемъ заслугъ

воспламенились умы народа, и онъ выразилъ готовность опредѣлить все, чего ни захотѣли бы Римляне. Послѣ этого сейма прибыли послы отъ царя Персея болѣе въ надеждѣ на частныя связи гостепріимства съ Марціемъ, наслѣдованныя имъ отъ отца. Начавъ съ напоминанія этихъ отношеній, послы просили дать возможность царю имѣть съ нимъ личные переговоры. Марцій сказалъ: «отъ отца своего слышалъ онъ, что у него съ Филиппомъ были связи дружбы и гостепріимства; самое посольство принялъ онъ, имѣя въ памяти эти отношенія. Свиданіе съ царемъ—будь его (Марція) здоровье лучше, онъ не сталъ бы откладывать; а теперь, при первой возможности, они (съ товарищемъ) придутъ къ рѣкѣ Пенею въ томъ мѣстѣ, гдѣ бываетъ переѣздъ отъ Гомолія въ Дій послáвъ впередъ людей, которые дали бы знать о томъ царю».

XXXIX. На этотъ разъ Персей отъ Дія удалился во внутренность своего царства, питая легкую надежду, вслѣдствіе словъ Марція, что онъ принялъ посольство для него. По прошествіи немногихъ дней явились къ назначенному мѣсту. У царя была большая свита: его окружала толпа друзей и служителей. Не съ меньшимъ отрядомъ прибыли и Римскіе уполномоченные: многіе ихъ провожали отъ Лариссы, и въ особенности посольства городовъ, явившіяся въ Лариссу и желавшія принести домой вѣрныя извѣстія, то, что сами услышатъ. Побуждала ихъ забота, свойственная смертнымъ, видѣть встрѣчу именитаго царя и уполномоченныхъ народа, перваго по могуществу на земномъ шарѣ. Когда обѣ стороны стали въ виду другъ друга, то раздѣлявшая ихъ рѣка нѣсколько замедлила свиданіе, переговорами о томъ, кому перейдти первому. Одни были того мнѣнія, что надобно уважить величіе царское, а другіе требовали предпочтенія имени народа Римскаго, тѣмъ болѣе что Персей просилъ свиданія. Шуткою Марцій положилъ конецъ замедленію: «пусть — сказалъ онъ — меньшій идетъ къ большему и (Марцію прозваніе было Филиппъ) сынъ къ отцу.» Безъ труда въ этомъ убѣдили и царя. Потомъ возникъ другой вопросъ: со сколь многими долженъ перейдти царь? — Онъ полагалъ справедли-

вымъ перейдти въ сопровожденіи всей свиты; а послы приказывали: или перейдти съ тремъ провожатыми, или если онъ переведетъ такую свиту, то долженъ дать заложниковъ въ обезпеченіе того, что при свиданіи никакого коварства не будетъ. Царь далъ въ заложники Гиппія и Пантавха — они же были отъ него послами — первыхъ своихъ друзей. Въ заложникахъ нуждались (Римляне) не столько въ обезпеченіе вѣрности, сколько желая показать союзникамъ, что далеко не при равныхъ условіяхъ имѣетъ мѣсто свиданіе царя съ послами. — Свидѣлись не такъ какъ враги, но ласково и привѣтливо; они усѣлись на приготовленныя мѣста.

XL. Какъ только немного водворилось молчаніе, то Марцій сказалъ: «ты, Персей, я полагаю дожидаешься отвѣта на твое письмо, присланное въ Корциру; ты въ немъ спрашиваешь, зачѣмъ мы уполномоченные пришли съ воинами и разослали гарнизоны по отдѣльнымъ городамъ? На этотъ твой вопросъ я боюсь и не дать отвѣта, чтобы не показаться надменнымъ и отвѣчать правду, какъ бы отвѣтъ мой тебѣ въ глаза не показался жесткимъ. Но такъ какъ нарушитель союзнаго договора долженъ быть наказанъ или словами, или оружіемъ; то я, хотя и предпочелъ бы то, чтобы веденіе войны съ тобою было поручено лучше кому либо другому, чѣмъ мнѣ, однако рѣшаюсь быть жесткимъ на словахъ противъ моего пріятеля, какія бы ни были послѣдствія—по примѣру врачей, которые для пользы больныхъ употребляютъ врачеванія болѣе горькія (чѣмъ сами бы желали). Ты съ тѣхъ поръ, какъ получилъ, царство по мнѣнію сената сдѣлалъ только одно дѣло какое слѣдовало: ты отправилъ пословъ въ Римъ для обновленія... Но лучше было бы его не возобновлять, чѣмъ возобновить только для того, чтобы нарушить. Ты изгналъ изъ его царства Абруполиса, союзника и друга народа Римскаго; убійцъ Артетавра—обнаруживая, что ты радъ былъ его смерти (чтобы не сказать болѣе)—ты принялъ, а они убили царька—отличавшагося передо всѣми вѣрностью къ Римскому имени. Ты, вопреки союзнаго договора, отправился съ войскомъ черезъ Ѳессалію и Маліенское поле въ Дельфы; Ви-

зантійцамъ также послалъ ты вспоможеніе въ нарушеніе союзнаго договора. Съ Веотійцами, нашими союзниками, скрѣпилъ ты клятвою тайный союзный договоръ, чего тебѣ пе дозволено; что касается до Өиванскихъ пословъ Еверса и Калликрита, которые шли отъ насъ, я предпочитаю сдѣлать вопросъ: кто ихъ убилъ, чѣмъ прямо тебя обвинять. Междуусобную войну въ Этоліи, и избіеніе старѣйшинъ, черезъ кого повидимому произошли, какъ не чрезъ твоихъ приверженцевъ? Долопы тобою самимъ разорены. Царь Евменъ, возвращаясь изъ Рима въ свои владѣнія, почти какъ жертвенное животное подвергся закланію въ Дельфахъ передъ жертвенникомъ, а кого онъ обвиняетъ, тяжело мнѣ высказывать. Что же касается до показаній Брундизинскаго твоего пріятеля, уличающаго тебя въ тайныхъ злодѣяніяхъ, то я вѣрно знаю, что все тебѣ писано изъ Рима, и послы твои принесли тебѣ объ этомъ извѣстіе. Чтобы я тебѣ всего этого не высказалъ, ты могъ избѣжать однимъ средствомъ— не задавая вопроса, по какой причинѣ мы переправляемъ войско въ Македонію, и посылаемъ вооруженные отряды въ города союзниковъ. Еслибы не дали отвѣта на твой вопросъ, то поступили бы дерзче, чѣмъ теперь высказывая правду. Что касается до меня, то я, имѣя въ памяти связи гостепріимства, завѣщанныя мнѣ отцомъ, съ благосклонностью выслушаю твои слова и желаю, чтобы ты далъ мнѣ нѣкоторое основаніе—быть передъ сенатомъ защитникомъ твоего дѣла.

XLI. На это царь сказалъ: «вѣрное дѣло мое, будь оно изложено передъ судьями безпристрастными, приходится мнѣ защищать передъ обвинителями и судьями вмѣстѣ. Изъ обвиненій же, на меня взведенныхъ—одни таковы, что я незнаю— не долженъ ли я скорѣе ими хвалиться; другія, въ которыхъ мнѣ не стыдно признаться, а нѣкоторыя голословныя достаточно опровергнуть однимъ же словомъ. А теперь, будь я подсудимъ по вашимъ законамъ, изъ того, что взводятъ на меня доносчикъ Брундузійскій или Евменъ, есть ли такое, что имѣло бы скорѣе видъ обвиненія, а не клеветы. Конечно и Евменъ, столь тяжелый для многихъ и въ общественной и въ частной жизни, не могъ

имѣть врага кромѣ меня одного; да и я, для приведенія въ исполненіе моихъ злодѣйскихъ замысловъ, не могъ выбрать никого лучше Раммія, котораго я и прежде никогда не видалъ, да и въ послѣдствіи не увижу? Съ меня же требуютъ отчета въ участи Ѳивянъ, а о нихъ положительно извѣстно, что они погибли въ кораблекрушеніи, и въ убійствѣ Артетавра; въ этомъ послѣднемъ случаѣ мнѣ ставится въ вину, впрочемъ, одно только то, что убійцы искали убѣжища въ моемъ царствѣ. И я сознаюсь вполнѣ въ несправедливости этого поступка, если и вы—сколько изгнанниковъ ни уходятъ въ Италію и Римъ—ихъ преступленія, за которыя они осуждены, примете на себя? Но если и вы, и всѣ другіе народы, эту отвѣтственность отъ себя отклоняете, то и я буду въ числѣ прочихъ. Да и по истинѣ, какой смыслъ имѣла бы ссылка, если бы изгнанникъ нигдѣ не находилъ себѣ мѣста? — Но я съ своей стороны ихъ, какъ только я отъ васъ узналъ, что они въ Македоніи, приказалъ разыскать, удалить изъ царства и навсегда запретить въ него доступъ. — Все это представлено какъ обвиненіе мнѣ, защищающему въ видѣ подсудимаго, мое дѣло; обратимся же къ тому, о чемъ я какъ царь и по смыслу союзнаго договора, имѣю съ вами недоразумѣнія. Въ этомъ случаѣ, будь у меня въ союзномъ договорѣ написано, что мнѣ, если кто и будетъ наступать на меня войною, не дозволяется защищать себя и мое царство, то долженъ сознаться, что мною нарушенъ союзный договоръ тѣмъ, что я защищался оружіемъ противъ Абруполиса, союзника народа Римскаго. Но если же это мнѣ дозволено было и союзнымъ договоромъ, и самое народное право условливаетъ необходимость силу отражать силою—то какъ же мнѣ слѣдовало поступить, когда Абруполисъ опустошилъ предѣлы моего царства до Амфиполиса, и отогналъ въ плѣнъ много свободныхъ и рабовъ, и тысячи головъ рогатаго скота? Мнѣ слѣдовало оставаться въ покоѣ и терпѣть, пока онъ съ оружіемъ въ рукахъ проникъ бы въ Пеллу и въ мой собственный дворецъ? Я затѣялъ съ нимъ войну справедливую, но не слѣдовало ему быть побѣжденнымъ, ни подвергнуться послѣдстві-

ямъ пораженія. Эту участь принялъ бы я, будучи затронутъ оружіемъ; какъ же можетъ жаловаться тотъ, кто былъ виною войны. Но, Римляне, не такимъ же образомъ буду я защищаться въ томъ, что я смирилъ оружіемъ Долоповъ; можетъ быть они этого и не заслуживали, но я былъ въ моемъ правѣ; они, подданные моего царства, въ моей власти находятся, такъ какъ они вашимъ декретомъ даны моему отцу. И если нужно отдавать отчетъ, то не вамъ, и не по смыслу союзнаго договора, но тѣмъ, которые не одобряютъ примѣненія жестокой и несправедливой власти даже въ отношеніи рабовъ; только такимъ людямъ я могу показаться переступившимъ мѣру справедливости и добродѣтели при наказаніи ихъ. Евфранора, поставленнаго отъ меня надъ ними начальникомъ, они умертвили такъ, что смерть была самимъ легкимъ изъ его страданій.

XLII. А когда я оттуда выступилъ — посѣтить Лариссу, Антрону и Птелей, то, находясь по сосѣдству и желая исполнить давно мною принятые обѣты, я отправился въ Дельфы — принесть жертвы. Тутъ прибавляютъ, чтобы усилить обвиненіе противъ меня, что я ходилъ туда съ войскомъ, имѣя цѣлью сдѣлать то, на что я теперь жалуюсь въ вашихъ дѣйствіяхъ — занять города и въ крѣпостяхъ поставить гарнизоны. Позовите на собраніе Греческіе города, черезъ которые я совершалъ путь; принесетъ ли кто либо жалобу на обиду моего воина? Въ такомъ случаѣ я не откажусь, что, подъ предлогомъ жертвоприношенія, имѣлъ другую цѣль. Этоламъ и Византійцамъ послалъ я вооруженные отряды, а съ Веотійцами заключилъ союзъ дружбы. Всѣ эти поступки, каковы бы они ни были, не разъ не только были указаны послами моими, но и объясненія ихъ признаны сенатомъ удовлетворительными, гдѣ я встрѣчалъ нѣсколько людей притязательныхъ, не столь справедливыхъ, какъ ты, К. Марцій, другъ и гость отца моего. Но въ то время еще не пріѣзжалъ въ Римъ обвинителемъ Евменъ; онъ черня, и выставляя все въ подозрительномъ и дурномъ видѣ — пытался васъ убѣдить, что Греція не можетъ быть свободною и пользоваться вашими благодѣяніями до тѣхъ поръ, пока царство

Македонское будетъ стоять невредимымъ. Но пусть обернется этотъ кругъ; не замедлитъ явиться кто будетъ утверждать, что тщетно Антіохъ подвинутъ по ту сторону Тавра: Евменъ для Азіи гораздо тяжеле, чѣмъ былъ прежде Антіохъ, и союзники ваши не могутъ быть покойными, доколѣ въ Пергамѣ будетъ Царскій дворецъ; это крѣпость, воздвигнутая надъ главою сосѣднихъ городовъ. Я съ своей стороны, К. Марцій и А. Атилій, знаю, что и ваши обвиненія, и мои оправданія такого рода, что зависятъ отъ расположенія умовъ слушающихъ: и не такъ важно, что я сдѣлалъ и съ какою цѣлью, сколько то, какъ вы примете совершеніе этого. Я сознаю, что ни въ чемъ не погрѣшилъ я умышленно, а если что я сдѣлалъ неблагоразумно, то я могу исправиться и загладить мою вину при первомъ внушеніи. Конечно, ничего я не сдѣлалъ чего бы нельзя поправить, что вы сочли бы необходимымъ преслѣдовать войною и силою оружія. Иначе ложно распространилась между народами молва о вашемъ милосердіи и мудрости, если вы въ такихъ дѣлахъ, которыя едва ли стоятъ жалобы и объясненій — беретесь за оружіе и начинаете войну съ союзными царями.

XLIII. Персей сказалъ это при общемъ одобреніи, и Марцій совѣтовалъ ему отправить пословъ въ Римъ, полагая необходимымъ испытать послѣднія средства и не выпускать изъ виду никакой надежды. Остальное совѣщаніе заключалось въ томъ, какъ обезопасить путь пословъ. Такъ какъ для этого казалось необходимымъ просить перемирія, и самъ Марцій желалъ этого, да и свиданіемъ не иного чего домогался, однако онъ туго и какъ великую милость сдѣлалъ царю, уступая его просьбамъ. Въ то время Римляне ни въ какомъ отношеніи не были достаточно приготовлены къ войнѣ; ни войска, ни вождя у нихъ не было. Между тѣмъ Персей, если бы тщетная надежда на миръ не ослѣпляла его разсудка, имѣлъ все изготовленнымъ и устроеннымъ, и могъ начать войну при обстоятельствахъ самихъ для него благопріятныхъ, и неблагопріятныхъ для непріятеля. Съ этого совѣщанія послы Римскіе, скрѣпивъ своимъ словомъ перемиріе, отправились въ Беотію. Тамъ начались волненія: уже

нѣкоторые народы стали отклоняться отъ единства общаго совѣта Беотовъ съ тѣхъ поръ, какъ получено извѣстіе объ отвѣтѣ пословъ, что они обнаружатъ, какимъ собственно народамъ не нравилось вступить въ союзъ съ царемъ. На самой дорогѣ встрѣтили пословъ первые депутаты отъ Херонеи, потомъ отъ Ѳивъ, утверждая, что они не присутствовали на томъ совѣщаніи, гдѣ опредѣленъ союзъ съ царемъ. Имъ уполномоченные Римскіе тотчасъ недали отвѣта, а приказали слѣдовать за собою въ Халкиду. Въ Ѳивахъ возникло сильное смятеніе изъ другаго повода. Часть Беотовъ, потерпѣвшая пораженіе на преторскихъ выборахъ, мстя за свою обиду, собравъ чернь, составила декретъ въ Ѳивахъ, о непринятіи Беотарховъ въ города. Всѣ изгнанники удалились въ Теспіи: оттуда (приняты они были безъ промедленія) возвращены были въ Ѳивы—такъ какъ расположеніе умовъ уже измѣнилось; они составили опредѣленіе, чтобы двѣнадцать человѣкъ, которые, бывъ частными лицами, созывали народное собраніе, осуждены были на ссылку. Вслѣдъ за тѣмъ новый преторъ (то былъ Исменіасъ, человѣкъ знатнаго рода и могущественный) заочно присуждаетъ ихъ декретомъ къ смертной казни. Они убѣжали въ Халкиду, оттуда отправились къ Римлянамъ въ Лариссу, и вину союза съ Персеемъ взвалили на Исменія: «дѣло пошло на споръ.» И той, и другой стороны послы пришли къ Римлянамъ, и изгнанники обвинители Исменія и самъ Исменій.

XLIV. По прибытіи въ Халкиду старѣйшины другихъ городовъ—и это было въ высшей степени пріятно Римлянамъ—за каждый, отдѣльнымъ опредѣленіемъ, пренебрегли союзомъ съ царемъ и присоединились къ Римлянамъ. Исменіасъ находилъ справедливымъ, чтобы народъ Беотовъ отдался на слово Римлянамъ. Вслѣдствіе этого завязался споръ, и не убѣги онъ въ то мѣсто, гдѣ засѣдали Римскіе уполномоченные, то чуть не былъ онъ убитъ изгнанниками и ихъ приверженцами. Самыя Ѳивы—столица Беотіи, находились въ большомъ смятеніи: одни влекли государство къ царю, другіе къ Римлянамъ. Толпы Коронейцевъ и Галіартійцевъ явились защищать декретъ

союза съ королемъ. Твердостью старѣйшинъ, наученныхъ пораженіемъ Филиппа и Антіоха, каковы сила и могущество Римскаго государства, должна была уступить самая чернь и опредѣлила отмѣнить союзъ съ царемъ, а виновниковъ этихъ дружественныхъ связей отправила въ Халкиду оказать удовлетвореніе Римскихъ уполномоченнымъ и повелѣлъ участь городовъ ввѣрить посламъ. Марцій и Атилій съ радостью выслушали Ѳиванцевъ; они совѣтовали и имъ, и отдѣльно каждымъ—отправить пословъ въ Римъ для возобновленія дружественныхъ связей. Прежде всего велѣли они возвратить изгнанниковъ, и виновниковъ союза съ царемъ осудили своимъ декретомъ. Такимъ образомъ — разстроивъ союзъ Беотійцевъ, чего особенно желали—Римскіе уполномоченные отправились въ Пелопоннесъ, пригласивъ въ Колхиду Сер. Корнелія. Въ Аргосѣ созвано для нихъ собраніе; тутъ они просили у народа Ахейскаго не иного чего, какъ дать тысячу воиновъ. Этотъ гарнизонъ отправленъ защищать Халкиду, пока Римское войско переправится въ Грецію. Марцій и Атилій, совершивъ въ Греціи то, что надобно было, въ началѣ зимы вернулись въ Римъ.

XLV. Оттуда, около этого же времени, отправлено посольство въ Азію и по островамъ. Три было посла: Ти. Клавдій, Сп. Постумій, М. Юній. Они обходя убѣждали союзниковъ предпринять войну за Римлянъ противъ Персея; и чѣмъ какое государство было богаче, тѣмъ усерднѣе старались, убѣжденные, что младшіе будутъ увлечены вліяніемъ старшихъ. Особенное вниманіе обращали на Родосцевъ, такъ какъ они были въ состояніи не только на словахъ, но и на дѣлѣ могли быть дѣятельными сотрудниками: у нихъ, по совѣту Гегезилоха, было готово сорокъ судовъ. Онъ, стоя во главѣ управленія (этого сановника называютъРитаномъ) многими рѣчами убѣдилъ Родосцевъ, чтобы они, оставивъ мысль о союзѣ съ царями, тщету которой они уже не разъ испытали, остались вѣрными союзу съ Римлянами (единственный на землѣ прочный и силами и вѣрностью): «угрожаетъ война съ Персеемъ: Римляне потребуютъ такого же пособія флотомъ, какое видѣли недавно въ

войнѣ съ Антіохомъ, а прежде съ Филиппомъ. Произойдетъ замѣшательство, если нужно будетъ на скорую руку готовить флотъ тогда же, когда и посылать. Необходимо заранѣе готовить суда и снабдить ихъ свѣдущими людьми. Это нужно сдѣлать съ тѣмъ большимъ стараніемъ, чтобы они обвиненія, введенныя Евменомъ, опровергли своею вѣрностью.» Побужденные этимъ, собравъ и изготовивъ флотъ изъ сорока судовъ, они показали его посламъ Римскимъ по ихъ прибытіи, какъ доказательство, что они не имѣли нужды въ ихъ убѣжденіяхъ. Это посольство имѣло большое вліяніе къ тому, чтобы расположить въ пользу Римлянъ умы жителей Азійскихъ городовъ. Одинъ Децимъ вернулся въ Римъ безо всякаго успѣха, даже съ безславнымъ подозрѣніемъ, будто бы онъ взялъ деньги отъ Иллирійскихъ царей.

XLVI. Персей, удалившись въ Македонію послѣ переговоровъ съ Римлянами, отправилъ пословъ въ Римъ о начатыхъ съ Марціемъ условіяхъ мира; онъ далъ посламъ — письма отнести въ Византію и Родосъ. Въ письмахъ ко всѣмъ выражено было одно и тоже: «переговорилъ онъ съ уполномоченными Римлянъ.» И слышанному и сказанному придалъ онъ такой видъ, будто бы онъ имѣлъ верхъ въ ихъ спорахъ. У Родосцевъ послы присовокупили: «надѣются они, что миръ состоится; Марцій и Атилій сами присовѣтовали отправить въ Римъ пословъ. Если Римляне будутъ упорствовать въ начатіи войны вопреки союзнаго договора, то Родосцы должны употребить всѣ усилія и старанія къ заключенію мира. Если же всѣ ихъ просьбы останутся безъ дѣйствія, то надобно стараться, какъ бы распоряженіе и власть надо всѣмъ не сосредоточились въ рукахъ одного народа. И для прочихъ это важно, но въ особенности для Родосцевъ, которые передо всѣми другими государствами отличаются и достоинствомъ и богатствами: а между тѣмъ они будутъ въ рабствѣ и чужомъ произволѣ, если только прійдется расчитывать на одних Римлянъ.» Сообщенное послами, и письменно и словесно, выслушано было хотя и благосклонно, но не имѣло ни малѣйшаго вліянія на перемѣну расположенія умовъ: вліяніе лучшей партіи становилось все

сильнѣе. Данъ отвѣтъ согласно декрета: «Родосцы желаютъ мира; но въ случаѣ войны пусть царь нисколько не надѣется на Родосцевъ и ничего у нихъ не проситъ, чтобы могло служить къ разорванію ихъ старинной дружбы, скрѣпленной многими и великими заслугами въ мирѣ и на войнѣ.» По возвращеніи изъ Родоса, они посѣтили города Беотіи, Ѳивы, Коронею и Галіартъ, о которыхъ думали, что они противъ воли оставили союзъ съ царемъ и присоединились къ Римлянамъ. Ѳиванцы нисколько не тронулись, хотя нѣсколько и сердились на Римлянъ за осужденіе старѣйшинъ и возвращеніе изгнанниковъ. Коронейцы и Галіарты, по какой то врожденной привязанности къ царямъ, отправили пословъ въ Македонію, прося охранительнаго отряда, которымъ могли бы они защититься противъ неумѣренной надменности Ѳивянъ. На это посольство царь далъ отвѣтъ: «послать къ нимъ гарнизонъ онъ не можетъ вслѣдствіе перемирія съ Римлянами; впрочемъ совѣтуетъ отъ оскорбленій Ѳиванцевъ защищаться какъ только могутъ, не давая Римлянамъ повода приступить въ отношеніи къ нимъ къ мѣрамъ строгости.

XLVII. Марцій и Атилій, по прибытіи въ Римъ, изложили въ Капитоліѣ свое посольство такъ, что ничѣмъ столько не хвалились, какъ тѣмъ, что обманули царя переговорами и надеждою на миръ: «до такой степени онъ (царь) въ избыткѣ заготовилъ все нужное для войны—между тѣмъ какъ у нихъ (Римлянъ) ничего не было готово—что онъ былъ бы въ состояніи захватить всѣ самые удобные пункты прежде, чѣмъ было бы переправлено войско въ Грецію. Теперь же, благодаря промежутку перемирія, царь нисколько не будетъ готовѣе, а Римляне начнутъ войну, заготовивъ все что нужно. Искусно они же (послы) разстроили союзъ Беотійцевъ, такъ что между ними уже ни въ какомъ случаѣ невозможно единодушіе для соединенія съ Македонянами». Всѣ дѣйствія пословъ, какъ совершенныя въ высшей степени благоразумно, заслужили одобреніе большой части сенаторовъ; но старики, помня еще обычаи предковъ говорили: «что они въ этомъ посольствѣ не узнаютъ свойствъ Римлянъ. Не засадами и ночными сраже-

ніями, не бѣгствомъ притворнымъ и внезапнымъ возвращеніемъ къ ничего неожидающему непріятелю и вообще, не съ тѣмъ, чтобы хвалиться болѣе хитростью, чѣмъ дѣйствительной доблестью — вели войны ихъ предки. Они привыкли прежде объявлять войны, а потомъ весть ихъ; иногда даже впередъ извѣщали о битвѣ, указывая и самое мѣсто, гдѣ будутъ сражаться. Побужденіемъ такой честности указано царю Пирру на его врача, умышлявшаго противъ его жизни; и вслѣдствіе ея же переданъ Фалискамъ связаннымъ предатель ихъ дѣтей. Таковъ былъ законъ Римлянъ, чуждый коварства Пуническаго и хитрости Грековъ, у которыхъ считается болѣе славнымъ обмануть непріятеля, чѣмъ преодолѣть его силою. Иногда и въ настоящее время болѣе успѣваютъ хитростью, чѣмъ доблестью; но только того духъ можетъ считаться навсегда побѣжденнымъ, у кого вынуждено признаніе, что онъ уступилъ не хитрости и случаю, но въ открытомъ и правильномъ бою при состязаніи обоюдными силами вблизи». Вотъ что говорили старики, которымъ не нравилась такая новая мудрость. Впрочемъ верхъ одержала та часть сената, которой полезное было дороже честнаго: прежнее посольство Марція одобрено, и онъ опять отосланъ назадъ въ Грецію съ квинкверемами съ приказаніемъ дѣйствовать и въ другихъ случаяхъ, согласно указаніямъ общаго блага. А. Атилія послали занять Лариссу въ Өессаліи, опасаясь, какъ бы съ истеченіемъ срока перемирія, Персей, пославъ туда отрядъ войска, не захватилъ въ свою власть столицу Өессаліи. Атилій получилъ приказаніе принять на этотъ предметъ двѣ тысячи пѣшихъ воиновъ отъ Кн. Сицинія. П. Лентулу, возвратившемуся изъ Ахаіи, дано триста войновъ Италійскаго происхожденія—чтобы онъ заботился изъ Өивъ удержать въ своей власти Беотію.

XLVIII. Приготовленія эти были сдѣланы, и хотя всѣ намѣренія явно клонились къ войнѣ, однако признано за благо—созвать для пословъ сенатъ. Тутъ послы изложили почти все тоже, что на совѣщаніи уже сказано было царемъ. Съ особеннымъ стараніемъ, хотя и вовсе не правдоподобно (дѣло доста-

точно говорило за себя) защищались они отъ обвиненія въ зломъ умыслѣ на жизнь Евмена; прочее все заключалось въ моленіи; но не въ такомъ расположеніи духа слушали ихъ, чтобъ могло быть мѣсто убѣжденію или перемѣнѣ мыслей. Объявлено посламъ, чтобы они оставили стѣны Рима немедленно, а Италію въ продолженіи тридцати дней. Вслѣдъ за тѣмъ дано знать консулу П. Лицинію, которому досталась провинція Македонія, чтобы онъ назначилъ срокъ какъ можно ближайшій для собранія войска. Преторъ К. Лукрецій─ которому достался флотъ, отправился изъ города съ 40 квинкверемами: изъ починенныхъ судовъ нѣкоторыя сочтено за лучшее оставить у города. Впередъ посланъ преторомъ братъ его М. Лукрецій съ одною квинкверемою; онъ получилъ приказаніе — взявъ у союзниковъ суда, согласно договора, встрѣтить флотъ у Кефалоніи. Взявъ у Регинцевъ одну трирему, у Локровъ двѣ, у Уритовъ четыре, вдоль берега Италіи, обогнулъ самый дальній мысъ Калабріи въ Іоническомъ морѣ и переправился въ Диррахій. Здѣсь найдя десять судовъ самихъ Диррахинцевъ, двѣнадцать Иссейцевъ, пятьдесятъ четыре царя Гентія, онъ сдѣлалъ видъ будто они приготовлены для содѣйствія Римлянамъ; уведя ихъ всѣхъ, онъ на третій денъ переправился въ Корциру и оттуда прямо въ Кефалонію. Преторъ К. Лукрецій выступилъ изъ Неаполя и, перейдя проливъ, на пятый день явился въ Кефалонію. Тутъ стоялъ флотъ, вмѣстѣ дожидаясь, какъ переправы сухопутныхъ войскъ, такъ и прибытія транспортныхъ судовъ, разсѣявшихся по морю изъ ихъ же конвоя.

XLIX. Случилось, что въ это самое время консулъ П. Лициній, произнеся обѣты въ Капитоліѣ, выступилъ изъ города въ военной одеждѣ. И постоянно это событіе совершалось съ большимъ торжествомъ и величіемъ; но въ особенности оно привлекаетъ и зрѣніе и умы всѣхъ, когда провожаютъ консула, идущаго на войну съ непріятелемъ могущественнымъ и пріобрѣтшимъ извѣстность или доблестью, или счастіемъ. Привлекаетъ не только забота исполнить свою обязанность, но и просто желаніе посмотрѣть вождя, власти и уму котораго

предоставили верховное распоряженіе дѣлами. Приходитъ на мысль—какъ неизвѣстна судьба сраженія, какъ невѣрны перевороты счастія и какъ жеребій войны обоюденъ; и счастіе и несчастіе; сколько и какъ часто несчастій случалось отъ незнанія и самонадѣянности вождей, а съ другой стороны сколько благихъ послѣдствій было отъ ихъ благоразумія и доблести. А кто изъ людей могъ знать, каковы будутъ способность и счастіе консула, отправленнаго на войну? Незамедлитъ-ли онъ, торжествуя, съ побѣдоноснымъ войскомъ, войдти въ Капитолій къ тѣмъ же богамъ, отъ которыхъ отправился, или непріятели будутъ имѣть поводъ къ такой же радости. А царю Персею—противъ котораго назначался походъ, извѣстность доставляли и Македонскій народъ, стяжавшій славу на войнѣ, и отецъ Филиппъ, среди многихъ удачныхъ дѣйствій, прославленный даже Римскою войною, да и самого Персея имя постоянно, съ тѣхъ поръ какъ принялъ царство, было извѣстно самимъ ожиданіемъ войны. Такими то размышленіями граждане всѣхъ сословій сопровождали удалявшагося консула. Съ нимъ посланы въ качествѣ военныхъ трибуновъ два бывшихъ консула: К. Клавдій и К. Муцій, и три знатныхъ родомъ молодыхъ человѣка: П. Лентулъ и два Манлія Ацидина, одинъ сынъ М. Манлія, а другой Л. Манлія. Въ сопровожденіи ихъ консулъ отправился къ войску въ Брундизій, и, оттуда переправившись со всѣми войсками, онъ сталъ лагеремъ у Нимфея на землѣ Аполлоніатовъ.

L. Незадолго передъ тѣмъ Персей созвалъ совѣтъ, когда послы его, возвратясь изъ Рима, уничтожили всякую надежду на миръ. На совѣтѣ произошла было борьба разныхъ мнѣній. Одни полагали, что надобно заплатить военныя издержки, если ихъ будутъ требовать, или уступить часть владѣній въ видѣ наказанія, и вообще не отказаться ни отъ чего, что ни пришлось бы терпѣть, для подверждения мира, но ни въ какомъ случаѣ не допускать—чтобы онъ (Персей) себя и царство отдавалъ рѣшенію случайностей войны. «Удержать бы только обезпеченное владѣніе царствомъ, теченіе времени можетъ привести многое, чѣмъ онъ въ состояніи будетъ не только

вернуть утраченное, но и съ своей стороны сдѣлаться страшнымъ для тѣхъ самихъ, которые внушаютъ ему теперь серьезныя опасенія». Впрочемъ, гораздо большая часть держалась мнѣнія самого смѣлаго. Увѣряли Персея: «каковы бы ни были уступки, а кончится тѣмъ, что все царство придется оставить. Римляне не имѣютъ нужды ни въ деньгахъ, ни въ поляхъ, но знаютъ то, что все человѣческое и въ особенности царства и владычества чѣмъ могущественнѣе, тѣмъ болѣе подвергаются многимъ случайностямъ. Они (Римляне) сломили мощь Карѳагенянъ и посадили имъ на шею сильнѣйшаго сосѣдняго царя; Антіохъ и его родъ отброшены за вершины Тавра. Одно только царство Македонское осталось, и близкое сосѣдствомъ, и если счастіе измѣнитъ сколько нибудь народу Римскому, могущее повидимому внушить своимъ царямъ великій духъ ихъ предковъ. Пока еще дѣло ничѣмъ не испорчено, Персей долженъ рѣшить въ душѣ своей: уступая одно за другимъ, утративъ наконецъ силы и царства, будетъ-ли онъ просить у Римлянъ Самоѳракію или другой островъ, гдѣ и состарится частнымъ человѣкомъ въ презрѣніи и нуждѣ переживъ свое могущество, или съ оружіемъ въ рукахъ, мстителемъ свой судьбины и достоинства, подвергнуться, какъ приличествуетъ мужу твердому, всѣмъ случайностямъ войны, каковы бы они ни были, а можетъ ему побѣдителю пріидется освободить шаръ земной отъ владычества Римскаго. Нисколько не удивительнѣе прогнать Римлянъ изъ Греціи того, что Аннибалъ былъ изгнанъ изъ Италіи. Да и по истинѣ не видятъ они—почему бы Персею, съ такою твердостью противуставшему брату въ его несправедливыхъ домогательствахъ на царство, теперь, когда оно вполнѣ упрочено, уступить инородцамъ. Притомъ, по общему мнѣнію, самая цѣль войны и мира такова, что нѣтъ ничего позорнѣе какъ уступить свои владѣнія безъ борьбы; и нѣтъ ничего славнѣе, какъ за свое достоинство и величіе подвергнуться всѣмъ переворотамъ судьбы.

LI. Совѣщаніе это происходило въ Пеллѣ, въ старинномъ дворцѣ царей Македонскихъ. Персей заключилъ его словами:

«и такъ будемъ, если таково общее мнѣніе, весть войну при дѣятельномъ содѣйствіи боговъ безсмертныхъ». Разославъ приказанія начальникамъ войскъ, онъ стянулъ всѣ войска къ Цитію, Македонскому городу; а самъ, совершивъ истинно царское жертвоприношеніе Минервѣ, прозываемой Альцидемонъ, сотнею жертвенныхъ животныхъ, въ сопровожденіи толпы придворныхъ и свиты, отправился въ Цитій. Туда уже собрались всѣ войска — и Македонскія, и чужеземныя вспомогательныя. Царь сталъ лагеремъ передъ городомъ и всѣхъ воиновъ выстроилъ въ полѣ: всѣхъ подъ оружіемъ было сорокъ три тысячи, изъ нихъ почти половинная часть была фалангитовъ; ими начальствовалъ Гиппіасъ изъ Берои. Затѣмъ изо всего числа воиновъ, носившихъ цетры, отобраны самые сильные, и въ цвѣтѣ возраста, воины въ числѣ двухъ тысячъ: у Македонянъ этотъ легіонъ носитъ названіе агемы; начальниками его были Леоннатъ и Тразиппъ Евліестасъ. У остальныхъ цетратовъ, въ числѣ почти трехъ тысячъ, начальникомъ былъ Антифилъ Едессей. Пэоны, и изъ Пароріи и Пастримоніи (мѣста эти прилежатъ къ Ѳракіи) и Агріаны — къ нимъ присоединились еще жившіе тамъ Ѳраки, и сами дополнили число до трехъ тысячъ. Вооружилъ ихъ и собралъ Пэонъ Дидасъ, умертвившій юнаго Димитрія (брата Персея). Было тамъ и двѣ тысячи Галловъ, подъ начальствомъ Асклепіодота. Изъ Гераклеи отъ Синтовъ пришло три тысячи Ѳраковъ свободныхъ подъ начальствомъ своего вождя. Почти такое же количество Кретійцевъ слѣдовало за своими вождями: Сузомъ изъ Фаласарнея и Силлою изъ Гноссія. Леонидъ Лакедемонянинъ начальствовалъ надъ пятью стами Грековъ, смѣсью разнаго рода людей. Говорили, что онъ царскаго рода; онъ изгнанъ, по приговору многочисленнаго собранія Ахейцевъ, за перехваченныя его письма къ Персею. Надъ Этолами и Беотійцами — число которыхъ едва доходило до пятисотъ—былъ начальникомъ Ахеецъ Ликонъ. Изъ этой смѣси вспомогательныхъ войскъ столькихъ народовъ и племенъ, составлялось почти двѣнадцать тысячъ воиновъ. Всадниковъ со всей Македоніи собрано три тысячи.

Туда же прибылъ Котисъ, сынъ Севты, царь народа Одризовъ, съ тысячею отборныхъ всадниковъ, и почти одинаковымъ же количествомъ пѣшихъ воиновъ. Такимъ образомъ общее число всего войска заключалось въ тридцати девяти тысячахъ пѣхоты и четырехъ конницы. Довольно вѣрно, что послѣ войска, съ которымъ Александръ Великій переправился въ Азію, никогда еще ни одинъ Македонскій царь не собиралъ такихъ силъ.

LII. Двадцать шестый годъ наступилъ съ тѣхъ поръ, какъ Филиппу по его просьбѣ данъ миръ. Въ продолженіи всего этого времени, Македонія наслаждалась спокойствіемъ, и возрасло поколѣніе, уже годное къ военной службѣ: въ неважныхъ войнахъ съ сосѣдними Ѳраками оно болѣе упражнялось, чѣмъ утомлялось, и впрочемъ находилось въ постоянной военной дѣятельности. Война съ Римлянами, задолго прежде замышляемая Филиппомъ, а потомъ Персеемъ, условила то, что все уже было готово и снаряжено. Войска сдѣлали нѣсколько движеній (настоящихъ маневровъ впрочемъ не было) для того чтобы показать, что они не стояли только подъ оружіемъ. Воиновъ, вооруженныхъ какъ они были, царь велѣлъ созвать на собраніе. Самъ сталъ на возвышеніи, имѣя около себя двухъ сыновей: старшій изъ нихъ Филиппъ, по крови братъ, былъ имъ усыновленъ, а младшій, по имени Александръ, былъ кровный сынъ. Персей увѣщевалъ воиновъ къ борьбѣ, припоминалъ оскорбленія народа Римскаго въ отношеніи къ отцу и къ нему самому: тотъ (отецъ) самими недостойными поступками побужденъ былъ къ возобновленію военныхъ дѣйствій, но среди приготовленій къ войнѣ судьбою взятъ; а къ нему въ одно и тоже время посланы уполномоченные и воины занять города Греціи. Потомъ обманчивыми переговорами, подъ видомъ возобновленія мира, проведена зима для того, чтобы они (Римляне) имѣли время изготовиться. Теперь идетъ консулъ съ двумя Римскими легіонами, изъ коихъ въ каждомъ по шести тысячь пѣхоты и по триста всадниковъ, съ таковымъ же почти числомъ союзныхъ пѣхотинцевъ и всадниковъ. Присоедините сюда вспомогательныя войска Евмена и Масиниссы, составится не болѣе семи

тысячъ пѣшихъ и двухъ тысячъ всадниковъ. (*) Теперь, узнавъ о силахъ непріятельскихъ, пусть бросятъ взглядъ на свои собственныя: на сколько и численностью, и родомъ войска, превосходятъ рекрутовъ, поспѣшно на эту войну набранныхъ, сами съ дѣтства обученные искусству военному, окрѣпшіе и испытанные въ столькихъ войнахъ. Вспомогательныя войска Римлянъ состоятъ изъ Лидійцевъ, Фриговъ и Нумидовъ, а у него (Персея) изъ Ѳраковъ и Галловъ, извѣстныхъ храбростью народовъ. Оружіе у Римлянъ то, какое бѣдный воинъ можетъ пріобрѣсть каждый для себя, у Македонянъ же взятое изъ царскихъ арсеналовъ, гдѣ оно собрано было, въ теченіи столькихъ лѣтъ, заботливостью и издержками его отца. Подвозъ всякаго рода припасовъ будетъ у нихъ и издалека, и зависѣть отъ всѣхъ случайностей морскаго плаванія; у него же (Персея) заготовлено и денегъ и хлѣба на десять лѣтъ, не включая сюда доходъ отъ рудниковъ. У Македонянъ въ избыткѣ есть все, что только нужно было приготовить милостью боговъ и заботою царей. Нужно только имъ (воинамъ) имѣть тотъ духъ, какой имѣли ихъ предки, которые, покоривъ всю Европу, перешли въ Азію и оружіемъ открыли для славы, невѣдомый дотолѣ, край земли. Не прежде положили они конецъ своимъ побѣдамъ, какъ на берегахъ Краснаго моря, когда уже не было кого побѣждать. Но, по истинѣ, велѣніемъ судьбы теперь начинается борьба не объ отдаленныхъ берегахъ Индіи, но о владѣніи самою Македоніею. Римляне, ведя войну съ его отцомъ, выставляли, какъ благовидный предлогъ, освобожденіе Греціи, а теперь уже явно домогаются поработить Македонію, да не существуетъ царь по сосѣдству съ владѣніями Римскими, да народъ, стяжавшій себѣ знаменитость на войнѣ, не обладаетъ оружіемъ! Его то прійдется отдать надмѣннымъ владыкамъ вмѣстѣ съ царемъ и царствомъ, буде хотятъ отказаться отъ войны и исполнить приказанія».

(*) Тутъ явная ошибка въ подлинникѣ; итогъ войскъ Римскихъ много больше.

LIII. И въ продолженіи всей рѣчи не разъ слышались довольно многочисленные голоса одобренія, а тутъ поднялись такіе крики, полные съ одной стороны негодованія и угрозъ, съ другой убѣждавшіе царя имѣть твердую надежду, что онъ долженъ былъ положить конецъ рѣчи. Онъ только отдалъ воинамъ приказаніе изготовиться къ походу (говорили что Римляне уже сняли свой лагерь у Нимфея), собраніе распустилъ и отправился дать аудіенцію депутаціямъ отъ городовъ Македоніи: они пришли предложить на войну пособія деньгами и хлѣбомъ, сообразуясь съ своими средствами. Царь поблагодарилъ ихъ всѣхъ, но отъ пособія отказался, сказавъ, что у него достаточно заготовлено на этотъ предметъ; приказалъ только дать подводы для перевозки осадныхъ орудій, метательныхъ снарядовъ всякаго рода, заготовленныхъ въ огромномъ количествѣ и другихъ военныхъ принадлежностей. Выступивъ оттуда со всѣмъ войскомъ, по направленію къ Еордеѣ, сталъ лагеремъ у озера, называемаго Бегорритскимъ и на другой день двинулся далѣе въ Елимею къ рѣкѣ Галіакмону. Потомъ узкимъ ущельемъ перейдя горы, называемыя Камбунійскими, спустился къ тремъ городамъ (мѣсто это называется Триполисъ) Азору, Питію и Долиху. Жители ихъ были нѣкоторое время въ нерѣшительности, такъ какъ они дали заложниковъ Ларисссейцамъ, но сила, висѣвшихъ надъ ними, опасеній взяла верхъ и они покорились. Ласково съ ними обошелся царь, несомнѣваясь, что и Перребы также поступятъ, и дѣйствительно, при первомъ появленіи, онъ взялъ городъ безо всякаго колебанія со стороны жителей. Будучи принужденъ напасть силою на Циретію, царь въ первый день даже отбитъ вооруженными людьми, усердно сбѣжавшихся къ воротамъ, а на другой день приступивъ всѣми силами, онъ заставилъ жителей изъявить покорность прежде наступленія ночи.

LIV. Милы, ближайшій затѣмъ городъ, былъ такъ сильно укрѣпленъ, что жители, надѣясь на неприступность укрѣпленій, до того сдѣлались дерзкими, что, недовольствуясь уже запереть передъ царемъ ворота, осыпали его самого и Македонянъ наглою бранью. Обстоятельство это сдѣлало непріятеля

усерднѣе къ нападенію, а жителей, по безнадежности на прощеніе, побудило упорнѣе защищаться. Такимъ образомъ, въ продолженіи трехъ дней, истрачено съ обѣихъ сторонъ не мало мужества и при нападеніи, и при оборонѣ. Вслѣдствіе многочисленности Македонянъ, имъ не трудно было смѣнять другъ друга въ сраженіи; а жители должны были одни и тѣже днемъ и ночью защищать стѣны: они изнемогали не отъ ранъ только, но и отъ безсонницы и безпрерывныхъ трудовъ. Въ четвертый день, когда уже лѣстницы со всѣхъ сторонъ были подняты къ стѣнамъ и ворота защищаемы были съ большимъ упорствомъ, жители, будучи сброшены со стѣнъ, сбѣжались защищать ворота и вдругъ сдѣлали неожиданную вылазку на непріятелей. На такой поступокъ рѣшились они болѣе въ увлеченіи необдуманнаго раздраженія, чѣмъ дѣйствительно надѣясь на свои силы. Малочисленные и утомленные, тѣснимые свѣжими силами, они обратили тылъ: вслѣдъ за бѣгущими въ отворенныя ворота проникъ и непріятель. Такимъ образомъ городъ взятъ и разграбленъ: и вольные граждане, которые остались отъ избіенія, проданы въ рабство. Выступивъ изъ города, котораго большая часть была разрушена и сожжена, Персей придвинулъ лагерь къ Фаланнѣ, а оттуда на другой день прибылъ въ Гиртонъ. Узнавъ, что туда вошли съ вооруженнымъ отрядомъ Т. Минуцій Руфъ и Гиппіасъ, преторъ Өессалійцевъ, онъ и не сдѣлалъ попытки къ нападенію, а прошелъ мимо и занялъ Елатію и Гоннъ, жители которыхъ были поражены его неожиданнымъ прибытіемъ. И тотъ и другой городъ находятся въ тѣснинѣ, ведущей къ Темпе, а особенно Гоннъ. Вслѣдствіе этого царь оставилъ тутъ и сильный гарнизонъ пѣшій и конный, и укрѣпилъ его тройнымъ рвомъ и валомъ. А самъ, выступивъ до Сикурія, рѣшился тамъ дожидаться прибытія непріятелей, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдалъ приказаніе войску—запасаться провіантомъ въ разныхъ мѣстахъ, растилавшейся передъ нимъ, непріятельской области. Сикурій лежитъ у подошвы горы Осы: съ южной стороны прилегаютъ поля Өессаліи, а сзади находятся Македонія и Магнезія. Къ этимъ благопріятнымъ усло-

віямъ присоединяются чрезвычайно здоровыя мѣстности и обиліе никогда неизсякающей воды въ многочисленныхъ, протекающихъ тутъ, источникахъ.

LV. Римскій консулъ въ тоже время шелъ съ войскомъ въ Македонію; сначала по Епиру движеніе его было очень легко. Потомъ, когда онъ перешелъ въ Атаманію, то мѣстность гористая, и почти непроходимая, условила то, что онъ, съ величайшими затрудненіями и небольшими переходами, едва добрался до Гомфъ. Если бы тутъ царь съ готовымъ войскомъ и при, благопріятныхъ для себя, условіяхъ времени и мѣста, встрѣтилъ консула, который велъ войско изъ новонабранцевъ, у котораго и лошади и люди выбились изъ силъ, то, въ чемъ и Римляне сознаются, борьба для нихъ сопряжена была бы съ огромною потерею. По безпрепятственномъ прибытіи въ Гомфы Римляне и радовались, что прошли въ высшей степени опасныя тѣснины и съ пренебреженіемъ смотрѣли на непріятелей, обнаруживавшихъ такое незнаніе благопріятныхъ для нихъ обстоятельствъ. Совершивъ обычное жертвоприношеніе, консулъ роздалъ провіантъ воинамъ и промедливъ непродолжительное время для того, чтобы дать отдохнуть и людямъ и вьючнымъ животнымъ, повелъ воиновъ, уже достаточно оправившихся къ Ларисѣ, такъ какъ до него доходилъ слухъ, что Македоняне толпами бродятъ по Ѳессаліи и опустошаютъ поля союзниковъ. Оттуда, находясь на разстояніи почти трехъ миль отъ Триполиса (называемаго Скеа), сталъ лагеремъ надъ рѣкою Пенеемъ Въ тоже время Евменъ подошелъ къ Халкидѣ на судахъ, въ сопровожденіи братьевъ Аттала и Атенея, а брата Филетера оставилъ въ Пергамѣ для обереженія царства. Оттуда онъ (Евменъ) съ Атталомъ и четырьмя тысячами пѣшихъ, тысячею всадниковъ, пришелъ къ консулу, а въ Халкидѣ оставилъ двѣ тысячи воиновъ подъ начальствомъ Атенея. Туда же стеклись къ Римлянамъ отовсюду вспоможенія отъ всѣхъ народовъ Греціи, и изъ нихъ большая часть въ такомъ маломъ размѣрѣ, что пришли въ забвеніе. Апполоніаты прислали триста всадниковъ и сто пѣхотинцевъ. Отъ Этоловъ прибыло только что то по-

хожее на эскадронъ, составленный изо всѣхъ всадниковъ, сколько у нихъ ихъ было. Изъ Ѳессалійцевъ—вся ихъ конница была раздѣлена—не болѣе трехсотъ всадниковъ находилось въ лагерѣ Римскомъ. Ахейцы дали своей молодежи до тысячи пятисотъ человѣкъ, большою частью въ Кретійскомъ вооруженіи.

LVI. Около этого же времени преторъ К. Лукрецій, начальствовавшій судами у Кефалоніи, приказалъ брату М. Лукрецію съ флотомъ обогнуть Малею и идти къ Халкидѣ, а самъ сѣлъ на трирему и отправился въ Коринѳскій заливъ съ цѣлью заранѣе обезпечить Беотію. Плаваніе это было медленно вслѣдствіе его нездоровья. М. Лукрецій, по прибытіи въ Халкиду, услыхавъ, что П. Лентулъ осаждаетъ Галіартъ, отправилъ гонца съ приказаніемъ, именемъ претора, отступить оттуда. Легатъ взялся было за это дѣло, при помощи Беотійской молодежи, часть которой была на сторонѣ Римлянъ, но тутъ онъ отступилъ отъ стѣнъ. Снятіе этой осады подало поводъ къ новой: немедленно М. Лукрецій съ войскомъ, находившимся на судахъ, съ десятью тысячами воиновъ, присоединивъ къ нимъ двѣ тысячи царскихъ, находившихся подъ начальствомъ Атенея, осадилъ Галіартъ; онъ уже готовился къ нему приступить, какъ отъ Креузы прибылъ преторъ. Почти въ это же время суда союзниковъ прибыли въ Халкиду: двѣ Карѳагенскихъ квинкверемы, двѣ триремы изъ Гераклеи, что на Понтѣ, четыре изъ Халкидона, столькоже изъ Самоса и въ заключеніе пять Родосскихъ квадриремъ. Преторъ отослалъ ихъ назадъ союзникамъ, такъ какъ нигдѣ не предстояло морской войны. К. Марцій прибылъ въ Халкиду на судахъ, занявъ Алопу и взявъ приступомъ Лариссу, прозываемую Кремасте. Между тѣмъ какъ таково было положеніе дѣлъ въ Беотіи, Персей, стоя лагеремъ, какъ выше было сказано, у Сикурія, свезъ хлѣбъ со всѣхъ окрестныхъ полей и послалъ опустошать поля Ферейцевъ, разсчитывая захватить въ расплохъ Римлянъ, если они, желая подать помощь союзникамъ, отойдутъ подальше отъ своихъ лагерей. Видя, что эта тревога нисколько на нихъ не дѣйствуетъ, онъ, оставивъ себѣ плѣнныхъ, добычу (она преимуще-

ственно заключалась въ разнаго рода скотѣ) раздѣлилъ воинамъ на пиршество.

LVII. (57.) Почти въ одно и тоже время, и консулъ и царь созвали совѣты относительно того, откуда начать войну. Царь ободрился духомъ, видя, что непріятель допустилъ его безпрепятственно опустошать область Ферейскую; а потомъ онъ полагалъ—идти къ лагерямъ (Римскимъ) и долѣе не медлить. Римляне съ своей стороны думали, что ихъ медлительность пуститъ о нихъ дурную славу въ союзникахъ, особенно недовольныхъ тѣмъ, что Ферейцамъ не подано помощи. Между тѣмъ какъ разсуждали какъ поступить (тутъ находились въ совѣтѣ Евменъ и Атталъ) торопливый гонецъ приноситъ извѣстіе, что непріятель приближается большою массою. Совѣтъ распущенъ и немедленно данъ сигналъ—всѣмъ браться за оружіа, а заблагоразсудили выслать покамѣстъ изъ царскаго вспомогательнаго войска сто всадниковъ и такое же количество пѣшихъ пращниковъ. Персей около четвертаго часа дня, находясь уже отъ Римскаго лагеря въ разстояніи не съ большимъ тысячу шаговъ, приказалъ пѣхотинцамъ водрузить значки, а самъ выступилъ впередъ со всадниками, и легко вооруженными воинами, въ сопровожденіи Котиса и другихъ вождей вспомогательныхъ войскъ. До лагеря оставалось не болѣе пяти сотъ шаговъ, какъ показались непріятельскіе всадники: то были два эскадрона, преимущественно Галловъ (по начальствомъ Кассигната) и около полутораста легковооруженныхъ воиновъ — Мизовъ или Кретійцевъ. Царь остановился, не зная сколько именно непріятелей, а потомъ выслалъ изъ своего отряда два эскадрона Ѳраковъ, и два—Македонянъ съ двумя когортами Кретянъ и Ѳраковъ. Сраженіе, при одинаковомъ числѣ воиновъ, такъ какъ ни той, ни другой сторонѣ не подходило подкрѣпленій — окончилось ничѣмъ: побѣда осталась нерѣшенною. У Евмена убито около тридцати воиновъ, и между прочимъ палъ Кассигнатъ, вождь Галловъ. На этотъ разъ Персей отвелъ свои войска назадъ къ Сикурію. На другой день, въ тотъ же самый часъ и къ этому же самому мѣсту, царь подвинулъ войска;

воду везли на телѣгахъ, такъ какъ на двѣнадцать (тысячь шаговъ) миль по протяженію дороги нѣтъ воды, а между тѣмъ было и жарко, и пыльно, и въ случаѣ сраженія при первой встрѣчѣ, пришлось бы повидимому драться воинамъ истомленнымъ жаждою. Римляне оставались въ покоѣ, и даже аванпосты увели внутрь окоповъ; и царскіе воины вернулись въ лагерь. Такъ поступали они нѣсколько дней въ надеждѣ, что Римскіе всадники аттакуютъ задніе ряды во время отступленія: въ происшедшей борьбѣ если бы удалось заманить ихъ подальше отъ лагеря, легко было обернуть строй, въ какомъ бы мѣстѣ они ни находились при перевѣсѣ силъ на ихъ сторонѣ конницею и легковооруженными воинами.

LVIII. (58) Такъ какъ этотъ планъ дѣйствія не удавался, то царь подвинулъ лагерь ближе къ непріятелю и укрѣпилъ его въ пяти тысячахъ шаговъ разстоянія. Оттуда, на разсвѣтѣ, въ обычномъ мѣстѣ построилъ пѣхоту въ боевой порядокъ, а всю конницу и легко вооруженныхъ воиновъ повелъ къ непріятельскому лагерю. Видъ поднявшейся ближе и сильнѣе обыкновеннаго пыли, произвелъ смятеніе въ лагерѣ Римскомъ. Сначала едва вѣрили принесшему извѣстіе, такъ какъ постоянно въ прежніе дни непріятель не показывался ранѣе четвертаго часу, а тутъ былъ еще восходъ солнца. Наконецъ появленіемъ и крикомъ многихъ бывшихъ у воротъ, сомнѣніе исчезло и произошла страшная тревога. Трибуны, префекты и сотники сбѣжались въ преторій, а воины устремились къ своимъ палаткамъ. Въ разстояніи менѣе пятисотъ шаговъ отъ вала построилъ Персей своихъ воиновъ въ боевомъ порядкѣ около холма, называемаго Каллицинскимъ. На лѣвомъ крылѣ начальствовалъ царь Котисъ всѣми, сколько ни было изъ его народа воиновъ: въ промежуткахъ рядовъ конницы были поставлены легко вооруженные воины. На правомъ крылѣ находились всадники Македонскіе; съ ихъ эскадронами были перемѣшаны Кретійцы. Ими начальствовалъ Медонъ изъ Берои, а всадниками—и вообще онъ главное начальство имѣлъ—предводительствовалъ Менонъ Антигонскій. Поближе къ крыльямъ стали царскіе всад-

ники и смѣсь всякого рода, состоявшая изъ отборныхъ вспомогательныхъ воиновъ разныхъ народовъ: начальство надъ ними ввѣрено Патроклу Антигонскому и префекту Пеоніи Дидасу. Въ самой серединѣ стоялъ царь и около него такъ называемая *агема* и всадники священныхъ эскадроновъ. Впереди поставилъ царь пращниковъ и стрѣлковъ, число которыхъ доходило до пятисотъ: начальство надъ ними онъ поручилъ Іонѣ изъ Өессалоникъ, и Тиманору Долопу. Въ такомъ порядкѣ расположились силы царя. Консулъ внутри окоповъ, построилъ въ боевомъ порядкѣ пѣхоту, а самъ выслалъ всю конницу и легко вооруженныхъ: они построились передъ валомъ. Начальство надъ лѣвымъ крыломъ ввѣрено К. Лицинію Крассу, брату консула; оно состояло изо всей Италійской конницы, перемѣшанной съ велитами, а на лѣвомъ стоялъ М. Валерій Левинъ съ союзными всадниками Греческихъ народовъ и легко вооруженными той же націи. Середину съ отборными всадниками неочередными занималъ К. Муцій. Впереди значковъ этого строя поставлены двѣсти всадниковъ Галльскихъ, и изъ вспомогательныхъ войскъ Евменовыхъ триста жителей Циртія. Четыреста всадниковъ Өессалійскихъ поставлены въ небольшомъ промежуткѣ повыше лѣваго крыла. Евменъ царь и Атталъ со всѣми своими силами стали съ тылу между задними рядами и окопами.

LIX. (59) Почти такъ устроенныя въ боевомъ порядкѣ, обѣ стороны, при равномъ почти количествѣ конницы и легко вооруженныхъ воиновъ, сразились; первая схватка произошла между пращниками и стрѣлками, бывшими впереди строя. Прежде всего бросились Өракійцы, не иначе какъ звѣри, которыхъ долго держали взаперти, кипя раздраженіемъ съ оглушительными криками на правое крыло; они вкинули смятеніе въ ряды Итальянскихъ всадниковъ, привычныхъ къ войнѣ и отъ природы не трусливыхъ... мечами отбивали копья пѣхотинцы... то подсѣкали ноги у лошадей, то кололи ихъ подъ брюхо. Персей, устремясь на середину строя, первымъ натискомъ сбилъ Грековъ: положеніе ихъ было очень опасно, потому что ихъ тѣснилъ по пятамъ наступавшій непріятель. Тутъ конница

Өессалійская, стоявшая какъ резервъ въ небольшомъ разстояніи отъ лѣваго крыла, сначала просто смотрѣла на бой, когда же онъ принялъ неблагопріятный оборотъ, то она принесла существенную пользу. Мало по малу отступали они, неразстроивая рядовъ, но соединясь съ вспомогательнымъ войскомъ Евмена, они не только открывали въ своихъ рядахъ безопасное убѣжище союзникамъ, разсѣявшимся въ бѣгствѣ, но когда непріятель преслѣдовалъ уже не столь сплошною массою, дерзнули выступить впередъ и многихъ бѣглецовъ, попадавшихся на встрѣчу приняли въ ряды. А царскіе воины, разсыпавшись сами преслѣдованіемъ въ разныхъ мѣстахъ, не смѣли вступить въ бой съ воинами, устроенными въ порядкѣ и шедшими мѣрнымъ шагамъ. Когда, царь одержавъ верхъ въ дѣлѣ конницы, убѣждалъ воиновъ: «если они еще не много напрягутъ усилія, война приведена будетъ къ концу.» Тутъ какъ нельзя болѣе кстати явилась фаланга, которую, по собственному побужденію, дабы принять участіе въ смѣломъ предпріятіи, поспѣшно привели Гиппіасъ и Леоннатъ, услыхавъ объ удачномъ исходѣ сраженія конницы. Между тѣмъ какъ царь колебался между надеждою и опасеніемъ за успѣхъ такого начинанія, Критянинъ Евандръ, черезъ посредство котораго Персей строилъ ковы Евмену въ Дельфахъ, увидя, что приближается строй пѣхоты подъ значками, прибѣжалъ къ царю и настоятельно его упрашивалъ: «возгордясь счастіемъ не подвергать необдуманно ненужной опасности сущность дѣла. Если довольствуясь успѣхомъ онъ успокоится на этотъ день, то или будетъ имѣть условія честнаго мира, или пріобрѣтетъ въ большомъ числѣ союзниковъ для войны, которые раздѣлятъ его жребій, если онъ предпочтетъ военныя дѣйствія. Царь былъ болѣе расположенъ послушать этого совѣта, а потому, похваливъ Евандра, отдалъ приказаніе—отнесть назадъ значки, пѣхотному строю возвратиться въ лагерь, а для сбора конницы играть отбой.

LX. Со стороны Римлянъ пало въ этотъ день двѣсти всадниковъ и не менѣе двухъ тысячь пѣхоты, а взято въ плѣнъ почти шестьсотъ всадниковъ. Изъ царскихъ воиновъ убито двад-

цать всадниковъ и сорокъ пѣхотинцевъ. Когда побѣдители вернулись въ лагерь, то всѣ они были веселы, но въ особенности отличились Ѳракійцы неумѣренною радостью: они вернулись съ пѣснями, воткнувъ на копья головы непріятелей. У Римлянъ господствовала не только печаль о неудачномъ исходѣ дѣла, но и опасеніе, какъ бы непріятель не напалъ тотчасъ же на лагерь. Евменъ совѣтовалъ — перенесть лагерь на ту сторону Пенея съ цѣлью—имѣть защитою рѣку, пока испуганные воины не оправятся духомъ. Для консула слишкомъ было чувствительно позорное сознаніе страха, но, уступая основательнымъ доводамъ, потихоньку ночью перевелъ войска и укрѣпилъ лагерь на той сторонѣ Пенея. Царь выступилъ на другой день съ цѣлью—возобновить наступательныя дѣйствія, но видя, что лагерь поставленъ на томъ берегу въ безопасномъ мѣстѣ, долженъ былъ сознать свою ошибку въ томъ, что наканунѣ не преслѣдовалъ побѣжденныхъ, и еще большую въ томъ, что ночью оставался безъ движенія. Если бы онъ даже никого изъ своихъ не трогалъ, то пустивъ въ дѣло однихъ только легко вооруженныхъ воиновъ, могъ легко уничтожить большую часть непріятелей, когда онѣ въ смятеніи перебирались чрезъ рѣку. У Римлянъ, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, всѣ опасенія уничтожились, такъ какъ они имѣли лагерь въ мѣстѣ безопасномъ, но особенно дѣйствовалъ на нихъ ущербъ ихъ славы. Въ совѣтѣ у консула всѣ слагали вину на Этоловъ: «отъ нихъ взялось начало и бѣгства и ужаса; примѣру Этоловъ въ робости послѣдовали и прочіе союзные Греческіе народы.» Пять старѣйшинъ Этолійскихъ, которыхъ по разсказамъ видѣли первыхъ обратившими тылъ, отправлены въ Римъ. Ѳессалійцы получили публичную похвалу передъ собраніемъ воиновъ, а вожди ихъ получили подарки въ награду за храбрость.

LXI. Къ царю приносили вещи, принадлежавшія убитымъ непріятелямъ; ихъ онъ раздавалъ: однимъ хорошей работы оружіе, другимъ лошадей, нѣкоторымъ плѣнныхъ. Щитовъ было болѣе тысячи пятисотъ, панцырей и нагрудниковъ также, шлемовъ, мечей, дротиковъ и копій всякаго рода еще нѣсколько

большее число. Хотя все это достаточно говорило само за себя, но въ устахъ царя приняло еще большіе размѣры, когда онъ, позвавъ войско на собраніе, говорилъ къ нему: «вы видите, что исходъ войны былъ заранѣе предугаданъ. Вы поразили лучшую часть непріятелей; конницу Римскую, которою хвалились они какъ непобѣдимою. Всадники у нихъ отборная молодежь, всадники—разсадникъ сената; изъ числа ихъ набираютъ они сенаторовъ, консуловъ, военачальниковъ; снятую съ нихъ добычу я только что раздѣлилъ между вами. Не менѣе значительною побѣдою можете вы гордиться и надъ пѣхотинцами легіоновъ; только ночнымъ бѣгствомъ ускользнули они отъ васъ вплавь черезъ рѣку, подобно людямъ, потерпѣвшимъ крушеніе; но легче будетъ намъ, преслѣдуя побѣжденныхъ, перейдти Пеней, чѣмъ это было для нихъ въ смятеніи страха. Перейдя, мы тотчасъ же аттакуемъ лагерь, который нынче былъ бы взятъ, если бы они не бѣжали. Если же они захотятъ сразиться, то ждите отъ битвы пѣхотинцевъ того же исхода, какой увѣнчалъ встрѣчу конницъ. Побѣдители веселые, нося на плечахъ добычу убитыхъ непріятелей, слушали похвалу своимъ дѣйствіямъ, отъ случившагося дѣлая заключеніе о томъ, что будетъ впередъ. Пѣшіе воины, особенно составлявшіе Македонскую фалангу, подстрекнутые славою другихъ, и сами съ нетерпѣніемъ желали стяжать такую же славу на счетъ непріятеля. Распустивъ собраніе, царь, выступивъ на другой день оттуда, сталъ лагеремъ у Мопсела. Это холмъ впереди Темпе, и срединою своею онъ возвышается надъ Лариссою.

LXII. Римляне не оставляли береговъ Пенея, а перенесли лагерь въ мѣсто, еще болѣе безопасное. Туда прибылъ Нумидъ Мизагенъ съ тысячею всадниковъ, такимъ же количествомъ пѣхоты и 22 слонами. Около этого времени царь собралъ совѣтъ для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ военныхъ: уже поуспокоилась не много самонадѣянность отъ удачныхъ дѣйствій, и нѣкоторые изъ приближенныхъ царя дерзнули ему преподать совѣтъ благосклонностью счастія воспользоваться лучше для полученія честнаго мира, чѣмъ, увлекшись несбыточными на-

деждами, подвергнуться случайности уже непоправимой. «Знать умѣренность въ счастіи, и не слишкомъ полагаться на благопріятное положеніе дѣлъ въ настоящемъ, свойственно человѣку благоразумному и достойному счастія. Пусть онъ (Персей) отправитъ пословъ къ консулу, которые возобновили бы союзный договоръ на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ отецъ его Филиппъ принялъ миръ отъ побѣдоноснаго Т. Квинкція. Болѣе блистательнаго конца войны не можетъ быть, какъ послѣ столь достопримѣчательнаго сраженія, да и не можетъ быть надежды основательнѣе на прочный миръ, какъ теперь когда Римляне, пораженные своею неудачею, будутъ сговорчивѣе въ условіяхъ соглашенія. Если же Римляне и теперь по упорству, имъ свойственному, съ пренебреженіемъ отвергутъ условія справедливыя, то боги и люди будутъ свидѣтелями умѣренности Персея и закоренѣлаго упорства Римлянъ.» Умъ царя постоянно встрѣчалъ подобные совѣты благосклонно, и потому это мнѣніе заслужило одобреніе большинства. Послы, отправленные къ консулу, выслушаны въ присутствіи многочисленнаго собранія приглашенныхъ. Они просили мира: «обѣщая, что Персей выплатитъ Римлянамъ деньги въ количествѣ, условленномъ Филиппомъ, и прежде всего очиститъ города, поля и мѣста, изъ которыхъ выступилъ Филиппъ.» Вотъ что говорили послы. Когда они были уведены и стали собирать мнѣнія, упорство, свойственное Римлянамъ, одержало верхъ на совѣтѣ, до того было тогда въ обычаѣ и при несчастіи показывать тотъ же духъ, что и въ счастіи, а въ послѣднемъ обнаруживать умѣренность; положено отвѣчать: «миръ можетъ быть данъ только на томъ условіи, чтобы царь отдалъ вполнѣ на безусловное усмотрѣніе сената рѣшеніе участи какъ его собственной, такъ и всей Македоніи.» Когда послы принесли такой отвѣтъ, то всѣ, не зная обычая Римлянъ, очень удивлялись ихъ упорству и большая часть высказали мнѣніе — неупоминать болѣе о мирѣ: сами незамедлятъ просить о томъ, чѣмъ теперь пренебрегаютъ, когда было предложено. Персей боялся этой самой самонадѣянности Римлянъ, какъ основанной на сознаніи силъ своихъ. Увели-

чивая сумму денежную, на случай возможности купить миръ на деньги, не переставалъ онъ испытывать расположеніе ума консула. Такъ какъ онъ ни въ чемъ не измѣнялъ своего прежняго отвѣта, то, отчаявшись получить миръ, Персей вернулся къ Сикурію, откуда выступилъ, съ тѣмъ чтобы теперь съизнова испытать военнаго счастія.

LXIII. Слухъ о сраженіи конницы, распространясь по Греціи, обнаружилъ расположеніе умовъ. Не только тѣ, которые открыто держались стороны Македонянъ, но и получившіе великія благодѣянія отъ Римлянъ, а отъ Македонянъ ничего не видавшіе кромѣ насилія и притѣсненій, съ радостью встрѣтили это извѣстіе. Другой причины не было, кромѣ того низкаго побужденія, которое обнаруживаетъ большинство и при шуточныхъ борьбахъ, предпочитая принимать сторону худшаго и слабѣйшаго. Въ это время въ Беотіи преторъ Лукрецій осаждалъ съ большимъ напряженіемъ силъ—Галіартъ, и хотя осажденные не имѣли помощи извнѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ молодыхъ людей Коронейскихъ, которые при началѣ осады проникли въ городъ, и надѣяться ея было нѣоткуда, впрочемъ они сопротивлялись не столько по силѣ, сколько по мужеству. Часто они дѣлали вылазки на осадныя работы, а подвинутую къ стѣнамъ машину придавили къ землѣ, бросивъ на нее тяжелый грузъ свинца; когда же люди, двигавшіе стѣнобитное орудіе, удалялись куда нибудь, то они вмѣсто разрушенной воздвигали дружнымъ дѣломъ новую стѣну, изъ самихъ обломковъ вынимая камни. Видя, что мало подвигается впередъ дѣйствіе стѣнобитными орудіями, преторъ отдалъ приказаніе распредѣлить лѣстницы по взводамъ, такъ чтобы воины въ одно и тоже время какъ вѣнкомъ охватили стѣны, полагая, что численности воиновъ будетъ тѣмъ болѣе достаточно, что съ той стороны, гдѣ болото опоясываетъ городъ, и не нужно было приступать, да и не было къ тому возможности. А самъ съ той стороны, гдѣ обрушились двѣ башни и вся часть стѣны, сколько ея между ними было, подвинулъ двѣ тысячи отборныхъ воиновъ съ тою цѣлью, чтобы въ то время когда онъ будетъ пытаться

самъ проникнуть черезъ развалины и жители всѣ соберутся противъ него, стѣны, оставленныя защитниками, могли быть гдѣ нибудь заняты посредствомъ лѣстницъ. Осажденные дѣятельно приготовляются отразить силу силою: по мѣсту, покрытому развалинами, навалили они сухаго хворосту и соломы и стали съ зажженными факелами, угрожая постоянно зажечь ихъ, пока пожаромъ огражденные отъ непріятеля будутъ они имѣть время возвесть внутреннюю стѣну; но судьба воспрепятствовала исполненію этого намѣренія. Вдругъ полилъ такой дождь, что и зажечь было трудно, да и зажженное было загашено потоками воды. Такимъ образомъ открылся переходъ по растасканному дымившемуся хворосту, и стѣны разомъ во многихъ мѣстахъ взяты при помощи лѣстницъ. Въ первой суматохѣ по взятіи города избиты въ разныхъ мѣстахъ старики и несовершеннолѣтніе, попавшіеся случайно на встрѣчу: а вооруженные убѣжали въ крѣпость. На другой день — такъ какъ ни какой надежды не оставалось ни отъ куда—они сдались и были проданы съ молотка. Было ихъ почти двѣ тысячи пятьсотъ. Украшавшія городъ статуи и картины, и все сколько ни было драгоцѣнной добычи, отнесено на суда, а городъ разрушенъ до основанія. Отсюда войско повели къ Ѳивамъ: городъ этотъ занятъ безъ сопротивленія и переданъ изгнанникамъ и тѣмъ, которые держались стороны Римлянъ: семейства членовъ враждебной партіи приверженцевъ царя и Македонянъ, проданы съ публичнаго торгу. Послѣ такихъ дѣйствій въ Беотіи, преторъ вернулся къ морю и судамъ.

LXIV (64) Во время этихъ происшествій въ Беотіи, Персей нѣсколько дней простоялъ у Сикурія въ постоянныхъ лагеряхъ. Услыхалъ онъ тутъ, что Римляне свозятъ поспѣшно съ полей скошенный хлѣбъ, и потомъ каждый передъ своею палаткою отрубаютъ колосъ, чтобы чище получать муку отъ молотья, и такимъ образомъ въ лагерѣ образовались огромныя кучи соломы. Соображая, какъ тутъ легко произвесть пожаръ, Персей приказалъ заготовить факелы, фитили и волокна, пропитанные смолою. Среди ночи онъ выступилъ съ цѣлью, на самомъ разсвѣтѣ на-

паденіемъ застать въ расплохъ непріятеля. Это неудалось. Аванпосты, нечаянным нападеніемъ захваченные—въ тревогѣ и ужасѣ разбудили прочихъ: поданъ сигналъ немедленно браться за оружіе, разомъ по валу и у воротъ построились воины, и все вниманіе ихъ обращено на защиту лагеря. Персей немедленно повернулъ свою армію, и приказалъ сначала идти обозомъ и потомъ уже слѣдовать пѣхотѣ, а самъ съ конницею и легковооруженными воинами сталъ замыкая движеніе, соображая — что дѣйствительно и случилось—что непріятель будетъ преслѣдовать съ цѣлью, аттаковать арріергардъ съ тылу. Весьма непродолжительна была борьба легковооруженныхъ воиновъ съ набѣгавшими на нихъ. Всадники и пѣхота безо всякой тревоги вернулись въ лагерь. Такъ какъ кругомъ хлѣбъ былъ скошенъ, то Римляне двинулись къ Кранонійскому полю, еще нисколько не пострадавшему отъ войны. Здѣсь они расположились постояннымъ лагеремъ въ полной безопасности, какъ по случаю дальняго разстоянія лагеря (непріятельскаго), такъ и по затруднительности пути въ краю, совершенно безводномъ между Сикуріемъ и Краномомъ. Вдругъ на разсвѣтѣ, на господствовавшихъ надъ мѣстностью, холмахъ показалась конница царская вмѣстѣ съ легковооруженными воинами, что и произвело страшную суматоху. Наканунѣ около полудня выступили они изъ Сикурія: строй пѣшихъ оставили на разсвѣтѣ на ближайшей равнинѣ. Непріятель постоялъ немного на холмахъ, надѣясь вызвать Римлянъ на бой конницы. Но такъ какъ они нисколько не трогались, то Персей и послалъ всадника съ приказаніемъ пѣхотѣ вернуться къ Сикурію, а самъ послѣдовалъ за нею вскорѣ. Всадники Римскіе слѣдовали въ небольшомъ промежуткѣ для того, чтобы имѣть возможность напасть въ случаѣ, если они разсѣются порознь, но видя, что непріятель отступаетъ сплошною массою, оставаясь въ правильныхъ рядахъ и подъ знаменами—сами вернулись въ лагерь.

LXV. Оттуда царь, утомленный длиннотою перехода, подвинулъ лагерь къ Мопселу, а Римляне, снявъ жатву около Кранона, перешли на Фаланнейское поле. Персей, узнавъ отъ

перебѣжчика, что Римляне безъ военнаго прикрытія косютъ хлѣбъ, разсѣявшись по полямъ въ разныхъ мѣстахъ, выступилъ съ тысячею всадниковъ и двумя тысячами Ѳраковъ и Критянъ, и идя съ величайшею поспѣшностью безъ соблюденія рядовъ, нечаянно напалъ на Римлянъ. Захвачено слишкомъ тысячу телѣгъ, по большой части нагруженныхъ и до шестисотъ человѣкъ. Прикрывать добычу и отвесть ее въ лагерь поручилъ тремъ стамъ Критянъ; а самъ, отозвавъ отъ поголовнаго убійства конницу и остальную пѣхоту, повелъ къ ближайшему сторожевому отряду, расчитывая его подавить безъ упорной борьбы. Начальствовалъ надъ нимъ военный трибунъ Л. Помпей; онъ воиновъ, испуганныхъ внезапнымъ приходомъ непріятеля, собралъ на ближайшій холмъ, намѣреваясь найдти защиту въ мѣстности, такъ какъ численностью и силами сравняться не могъ. Тутъ онъ сжалъ воиновъ въ кружокъ для того, чтобы, они плотно сомкнутыми щитами, защитились отъ пораженія стрѣлами и дротиками. Персей, окруживъ воинами холмъ, отдалъ приказаніе однимъ воинамъ со всѣхъ сторонъ испробовать гдѣ лучше взойдти и вблизи завязать бой, а другимъ издали бросать стрѣлы. Римляне находились въ положеніи вдвойнѣ опасномъ: сбитымъ въ кучу имъ неудобно было отбиваться отъ непріятелей, пытавшихся взобраться на холмъ, а если они (Римляне), выбѣгая впередъ разстроивали ряды, то обнажали себя дротикамъ и стрѣламъ: особенный вредъ наносили имъ *цетросфендоны:* въ эту войну изобрѣтено это новое оружіе. Остріе, въ двѣ ладони длины, было накнуто на копеище въ половину локтя длины, а толщиною въ палецъ. Задняя часть его была снабжена тремя перьями, какъ обыкновенно бываетъ у стрѣлъ: праща по серединѣ имѣла двѣ веревки не одинаковой длины. Когда пращникъ раскачивалъ ее съ большимъ усиліемъ, то стрѣла выскакивала оттуда, какъ жолудь изъ пятки. Много Римскихъ воиновъ было переранено и этимъ, и всякаго рода оружіемъ, и имъ утомленнымъ трудно было держать оружіе. Царь настаивалъ, чтобы они сдались, обѣщалъ безопасность, даже награды, но никто изъ нихъ и не думалъ

о покорности, какъ вдругъ неожиданно, когда ужь они умирать собирались, блеснула надежда. Нѣсколько человѣкъ фуражировъ, прибѣжавъ въ лагерь дали знать консулу, что отрядъ осажденъ. Тронутый опасностью столькихъ граждапъ (ихъ было почти 800 человѣкъ) и всѣ до одного Римляне, онъ вышелъ изъ лагеря съ конницею и легковооруженными воинами (присоединились новыя вспомогательныя войска, пѣшіе и конные Нумиды и слоны) отдавъ приказаніе военнымъ трибунамъ, чтобы слѣдовали и легіоны съ военными значками; а самъ, присоединивъ велитовъ въ подкрѣпленіе вспомогательныхъ легковооруженныхъ войскъ, выступилъ впередъ къ холму. Фланги консула прикрывали Евменъ, Атталъ и Мизагенъ, царекъ Нумидовъ.

LXVI. Какъ только увидали осажденные Римляне, первые значки своихъ соотечественниковъ, крайнее отчаяніе, овладѣвшее было ими, отлегло отъ души. Для Персея важнѣе всего было удовольствоваться случайнымъ успѣхомъ и частью взявъ, частью избивъ нѣсколькихъ фуражировъ, не тратить времени на осаду гарнизона; а во вторыхъ, даже испытавъ ее сколько нибудь и удостовѣрясь, что съ нимъ силъ недостаточно, уйдти, пока еще возможно было съ безопасностью. Вмѣсто того онъ, возгордясь успѣхомъ, остался, не смотря на приближеніе непріятелей, и поспѣшно послалъ — призвать фалангу. Она неминуемо должна была прійдти и позднѣе, чѣмъ требовали обстоятельства дѣла, и въ поспѣшномъ движеніи должна была разстроиться и въ такомъ видѣ имѣть дѣло съ непріятелемъ, готовымъ къ бою въ надлежащемъ порядкѣ. Консулъ предупредилъ (прибытіе фаланги) и немедленно бой завязался. Македоняне сначала сопротивлялись, но когда они, уступая далеко непріятелю во всѣхъ отношеніяхъ, потеряли триста пѣшихъ воиновъ и двадцать четыре знатныхъ всадниковъ изъ эскадрона, называемаго Священнымъ, въ числѣ ихъ палъ и начальникъ — Антимахъ, пытаются уйдти; впрочемъ обратное движеніе представляло еще больше суматохи, чѣмъ сраженіе. Фаланга, призванная нарочнымъ, въ поспѣшномъ движеніи

встрѣтилась въ тѣснинахъ съ толпою плѣнныхъ и повозками, нагруженными хлѣбомъ. Плѣнные были избиты, конечно не безъ большаго вреда и для другой стороны, вовсе не ожидавшей такой встрѣчи, такъ что не только развернуть строй не было возможности, но воины, для того только чтобы открыть себѣ путь, валили въ пропасть нагруженные воза; погоняемые лошади бѣсились и тѣмъ болѣе причиняли замѣшательства въ толпѣ. Едва только они (воины Македонскіе) отдѣлались отъ безпорядочнаго обоза захваченной добычи, какъ встрѣтили разстроенное войско царя и его оробѣвшихъ всадниковъ. Тутъ крики ихъ съ приказаніемъ несть назадъ значки, произвели замѣшательство, приблизившее Македонянъ почти къ гибели. Еслибы Римляне, дерзнувъ войдти въ тѣснины, преслѣдовали далѣе, то уронъ непріятеля былъ бы еще больше. Консулъ, присоединивъ къ себѣ отрядъ, находившійся на холмѣ, отвелъ войска въ лагерь, довольствуясь умѣреннымъ успѣхомъ. Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что въ этотъ день произошло значительное сраженіе: восемь тысячь непріятелей убито, и въ томъ числѣ царскіе вожди Сопатръ и Антипатръ; живьемъ взято около двухъ тысячь восьмисотъ, а военныхъ значковъ (знаменъ) захвачено двадцать семь. И для Римлянъ побѣда не обошлась безъ потерь: изъ войска консульскаго пало болѣе четырехъ тысячь трехсотъ; изъ значковъ эскадрона, находившагося на лѣвомъ флангѣ, утрачено пять.

LXVII. (67). День этотъ и Римлянъ ободрилъ духомъ, и Персея поразилъ такъ, что онъ, пробывъ нѣсколько дней у Мопсела, озабоченный главнымъ образомъ погребеніемъ павшихъ его воиновъ, оставилъ довольно значительный гарнизонъ у Гонна, и отвелъ войска въ Македонію. Одного изъ своихъ военачальниковъ, по имени Тимофѣя, оставилъ онъ съ небольшимъ отрядомъ у Филы, отдавъ приказаніе—вблизи стараться подѣйствовать на Магнетовъ. По прибытіи въ Пеллу, онъ отпустилъ войско на зимнія квартиры, а самъ съ Котисомъ отправился въ Ѳессалонику. Туда пришло извѣстіе, что Атлесбисъ, царекъ Ѳракійцевъ, и Коррагъ, префектъ Евменовъ, произ-

вели нападенія на владѣнія Котиса и захватили край, называемый Мареною. А потому Персей, найдя нужнымъ отпустить Котиса для защиты его собственности, при отъѣздѣ осыпалъ его значительными дарами. Конницѣ выдано двѣсти талантовъ, полугодичное жалованье, тогда какъ прежде положено было выдать за годъ. Консулъ, услыхавъ, что Персей удалился, подвинулъ лагерь къ Гонну, думая захватить этотъ городъ. Находясь передъ самимъ Темпейскимъ ущельемъ, онъ представляетъ вѣрнѣйшій ключъ къ Македоніи, и возможность безопасно спускаться въ Ѳессалію. Видя, что, и по условіямъ мѣстности и по сильному гарнизону, взять его невозможно, онъ оставилъ это намѣреніе. Повернувъ путь въ Перребію, онъ первымъ приступомъ взялъ и разрушилъ Маллею, и овладѣвъ Триполисомъ и остальною Перребію, вернулся въ Лариссу. Отсюда отославъ домой Евмена и Аттала, онъ распредѣлилъ Нумидовъ и Мизагена по зимнимъ квартирамъ, въ ближайшихъ Ѳессалійскихъ городахъ, и часть войска онъ распредѣлилъ по всей Ѳессаліи такъ, чтобы всѣ имѣли удобную зимовку и вмѣстѣ служили защитою городамъ. Онъ послалъ легата К. Муція, съ двумя тысячами, овладѣть Амбракіею, а союзниковъ изо всѣхъ городовъ Греціи отпустилъ кромѣ Ахейцевъ. Съ частью войска выступилъ онъ въ Ахеію Фтіотійскую, Птелей, оставленный бѣжавшими жителями, разрушилъ до основанія, а Антрономъ овладѣлъ съ согласія его жителей; за тѣмъ онъ подвинулъ войско къ Ларисcѣ. Городъ оставленъ и всѣ жители удалились въ крѣпость: онъ сталъ къ ней приступать. Прежде всѣхъ вышли подъ вліяніемъ страха Македоняне, составлявшіе царскій гарнизонъ; оставленные ими жители немедленно изъявили покорность. Потомъ возникло сомнѣніе: прежде-ли аттаковать Деметрію, или взглянуть на положеніе дѣлъ въ Беотіи? Ѳивяне тѣснимые Коронейцами, звали Римлянъ въ Беотію: вслѣдствіе ихъ просьбъ и того, что эта страна представляла болѣе, чѣмъ Магнезія, удобствъ для зимнихъ квартиръ, онъ повелъ войска въ Беотію.

КНИГА СОРОКЪ ТРЕТЬЯ.

1. Тѣмъ же лѣтомъ, когда въ Ѳессаліи Римляне имѣли верхъ въ дѣлѣ конницы, намѣстникъ, отправленный консуломъ въ Иллирикъ, силою оружія принудилъ къ покорности два богатыхъ города, оставивъ жителямъ неприкосновенною ихъ собственность съ цѣлью — славою милосердія подѣйствовать и на жителей укрѣпленнаго города Карнунта. А когда онъ не могъ ни уговорить ихъ покориться, ни принудить ихъ къ тому осадою, то для того чтобы не пропали даромъ труды воиновъ при осадѣ двухъ городовъ, онъ ихъ, пощаженные прежде, отдалъ воинамъ на разграбленіе. Другой консулъ К. Кассій — и не совершилъ ничего замѣчательнаго въ Галліи, доставшейся ему по жеребью, и задумалъ безполезный планъ—вести легіоны въ Македонію черезъ Иллирикъ. О томъ, что консулъ предпринялъ было это движеніе, сенатъ узналъ отъ пословъ Аквилейскихъ. Они пришли жаловаться, что ихъ колонія, недавняя и слабая, недостаточно еще укрѣпленная, находится среди непріязненныхъ народовъ—Истровъ и Иллирійцевъ, и просить, чтобы сенатъ озаботился принятіемъ мѣръ къ укрѣпленію этой колоніи. Ихъ спросили: не желаютъ ли они поручить это дѣло консулу К. Кассію? и получили въ отвѣтъ, что Кассій, собравъ войско въ Аквилеѣ, двинулся черезъ Иллирикъ въ Македонію. — Это обстоятельство показалось сначала невѣроятнымъ и всѣ пологали, что можетъ быть начаты военныя дѣйствія съ Карнами или Истрами. Тогда Аквилейцы сказали: «ничего они болѣе не знаютъ и не дерзаютъ утверждать кромѣ того, что воинамъ дано провіанта на тридцать дней, и что разысканы и уведены проводники, знающіе дорогу изъ Италіи въ Македонію. — Сенатъ пришелъ въ негодованіе, что консулъ рѣшился на такой

поступокъ: оставить свою провинцію съ тѣмъ, чтобы перейдти въ провинцію другаго, весть войско путемъ новымъ и опаснымъ черезъ земли народовъ чуждыхъ, и открыть для столькихъ племенъ путь въ Италію. Значительнымъ большинствомъ положено: чтобы преторъ К. Сульпицій назначилъ изъ числа сенаторовъ трехъ уполномоченныхъ, которые въ этотъ день отправились бы изъ города, и какъ только будутъ въ состояніи поспѣшнѣе, догнали бы консула Кассія, гдѣ бы онъ ни находился и объявили бы ему—чтобы онъ не вступалъ въ войну ни съ однимъ народомъ безъ опредѣленія на то сената. Послы отправились: К. Корнелій Цетегъ, М. Фульвій, П. Марцій Рексъ. Опасенія относительно консула и войска были причиною, что въ это время отложили заботу объ укрѣпленіи Аквилеи.

2. За тѣмъ были введены въ сенатъ послы отъ нѣсколькихъ народовъ и той, и другой Испаніи. Они принесли жалобу на корыстолюбіе и надменность Римскихъ начальствъ и, стоя на колѣнахъ, просили у сената не допускать ихъ, союзниковъ, обирать гнуснѣе, чѣмъ непріятелей. Они жаловались и на другіе недостойные поступки, и ясно было, что тутъ взяты деньги. Претору Л. Канулею, которому по жеребью досталась Испанія· поручено къ каждому, отъ кого Испанцы будутъ требовать своихъ денегъ обратно, приставить по пяти слѣдователей изъ сословія сенатскаго, и дать имъ возможность взять такихъ покровителей (патроновъ), какихъ они захотятъ. Послы позваны въ сенатъ и прочитано сенатское опредѣленіе; они приглашены наименовать патроновъ, и избрали четырехъ: М. Порція Катона, П. Корнелія Кн. Сципіона, Л. Эмилія Л. С. Павлла, К. Сульпиція Галла. Прежде всего послы взяли слѣдователей къ М. Тицинію, который былъ преторомъ, при консулахъ А. Манліѣ и М. Юніѣ, въ ближней Испаніи. Два раза было отложено изслѣдованіе, а въ третій разъ подсудимый оправданъ. Произошло разномысліе между послами обѣихъ провинцій: народы ближней Испаніи назначили патронами М. Катона и Сципіона, а дальней Л. Павлла и Галла Сульпиція. Къ слѣдователямъ приведены народами ближними П. Фурій Филъ, а даль-

ными М. Матіенъ. Первый былъ преторомъ за три года прежде въ консульство Сп. Постумія и К. Муція, а другой два года тому назадъ въ консульство Л. Постумія и М. Попиллія. И тотъ, и другой обвинены въ важныхъ преступленіяхъ и сужденіе имъ отсрочено, а когда пришлось вновь защищать дѣло, то оказалось, что они отправились въ добровольную ссылку. Фурій удалился въ Препесте, Матіенъ въ Тибуръ. Слухъ шелъ, что патроны не допускаютъ привлекать къ суду лицъ знатныхъ и сильныхъ. Подозрѣніе это усилилъ преторъ Канулей: оставивъ порученное ему дѣло, онъ началъ производить наборъ. За тѣмъ онъ поспѣшно удалился въ провинцію для того, чтобы Испанцы болѣе никого не тревожили. Такимъ образомъ прошлое предано забвенію, а на будущее сенатъ принялъ мѣры— а чемъ они и просили—чтобы Римскіе чиновники не производили оцѣнки хлѣба, чтобы они не принуждали Испанцевъ продавать имъ двадцатую часть по такой цѣнѣ, какую сами (чиновники) назначатъ, и чтобы по городамъ не было особыхъ префектовъ для сбора денегъ.

III. Пришло и другое посольство Испанское же, но отъ другаго рода людей. Они высказали, что происходятъ отъ Римскихъ воиновъ и Испанскихъ женщинъ, съ которыми не были соединены законнымъ бракомъ, что ихъ болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ и умоляли дать имъ городъ, гдѣ бы они могли жить. Сенатъ опредѣлилъ: «пусть они запишутъ свои имена у Л. Канулея и тѣ изъ нихъ, которыхъ онъ отпуститъ на волю, пусть, по благоусмотрѣнію сената, будутъ отведены въ Картеію, что на берегахъ океана. А которые изъ жителей Картеіи захотѣли бы остаться дома, то и имъ дается возможность быть принятымъ въ число поселенцевъ съ отведеніемъ имъ земли. Поселеніе это считать Латинскимъ и называвать *«отпущенниковъ»*.—Въ то же время пришли изъ Африки и царекъ Галусса, сынъ Масинисы, посломъ отъ отца и Карѳагеняне. Гулусса первый введенъ въ сенатъ и изложилъ, въ чемъ именно заключалось пособіе отца его на Македонскую войну, и если сверхъ того Римляне заблагоразсудятъ повелѣть, то онъ обѣщалъ

что тотчасъ все будетъ исполнено за заслуги Римлянъ. Онъ предостерегалъ сенаторовъ — принять мѣры противъ коварства Карѳагенянъ. «Они задумали снарядить большой флотъ, по видимому за Римлянъ и противъ Македонянъ, а когда онъ будетъ изготовленъ и снаряженъ, то въ ихъ власти будетъ избрать врага или союзника». Такое обвиненіе... (*) [Потомъ онъ толковалъ о дѣлѣ Масиниссы относительно земель и городовъ, которые, какъ жаловались Карѳагеняне, отняты будто бы у нихъ. Сильной споръ произошелъ тутъ между царькомъ и послами Карѳагенянъ. Какіе были доводы съ той и другой стороны и какой послѣдовалъ отвѣтъ сената, хорошенько неизвѣстно. Впрочемъ этотъ споръ затихъ на нѣсколько лѣтъ, какъ бы преданный забвенію. Возобновленный впослѣдствіи, онъ былъ поводомъ къ ожесточенной войнѣ: Карѳагеняне начали ее противъ Масиниссы, но пришлось весть съ Римлянами, и она окончилась только гибелью Карѳагенянъ. — Подъ этимъ годомъ находимъ въ древнихъ лѣтописяхъ, что изъ дѣвицы, жившей у родителей, сдѣлался мальчикъ; по приказанію гадателей отвезенъ онъ на пустынный островъ.]

[4. Консуломъ К. Кассіемъ произведены выборы, и консулами назначены А. Гостилій Манцинъ, А. Атилій Серранъ. Затѣмъ преторами опредѣлены: М. Ретій, А. Мэній, Л. Гортензій, К. Элій Петъ, Т. Манлій Торкватъ, К. Гостилій. Консуламъ назначены провинціи: Италія и Македонія. Преторамъ достались по жеребью: Рэтію—судопроизводство въ городѣ, а Мэнію надъ чужестранцами. Флотъ и морской берегъ Греціи достались Гортензію. Остальными преторскими провинціями были безъ сомнѣнія, какъ и въ предшествовавшемъ году: Испанія, Сицилія и Сардинія, но какому именно претору досталась каждая изъ нихъ, вслѣдствіе молчанія древнихъ памятниковъ, навѣрное опредѣлить нельзя. Между тѣмъ П. Лициній, посланный на войну какъ будто бы не съ Персеемъ, а съ Греками—безполезное раздраженіе противъ настоящаго непріятеля, обратилъ

(*) Отсюда все, что въ скобкахъ, пропускъ.

противъ бѣдныхъ и безсильныхъ; онъ взялъ силою, и безъ милости разграбилъ, много городовъ въ Беотіи, гдѣ зимовалъ. Коронейцы, потерпѣвшіе особенное притѣсненіе, прибѣгли къ защитѣ сената, который и опредѣлилъ—возвратить свободу плѣннымъ, проданнымъ въ рабство. Жестокости и корыстолюбію консула подражалъ, и даже его превзошелъ, преторъ Лукрецій, начальникъ флота, опасный для союзниковъ, а для врага—предметъ презрѣнія. Такъ на флотъ, стоявшій у Орея, Персей произвелъ нечаянное нападеніе, взялъ двадцат транспортныхъ судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, остальныя, потопилъ и даже овладѣлъ четырьмя, военными о пяти рядахъ веселъ, судами. Удачно также дѣйствовалъ Персей и во Ѳракіи, куда онъ зашелъ защитить Котиса отъ войскъ Атлебиса и Коррага. Впрочемъ Котисъ дѣйствовалъ и самъ не плохо: дѣятельный на войнѣ, онъ былъ разсудителенъ въ совѣтѣ и только по происхожденію Ѳракіецъ, а не по нраву: удивительно умѣренный и трезвый, онъ заслужилъ общую любовь милосердіемъ и снисходительностью].

[5. Персею все шло по его желанію, такъ какъ тутъ и народъ Епиротовъ перешелъ на его сторону, по совѣту Цефала: впрочемъ его къ измѣнѣ побудила болѣе необходимость, чѣмъ добрая воля. Благоразумный и постоянный человѣкъ, онъ и въ это время былъ расположенъ самымъ лучшимъ образомъ. Онъ молилъ боговъ безсмертныхъ, чтобы не начиналась война между Римлянами и Персеемъ, или не доходила до чего либо рѣшительнаго. Какъ только война началась, онъ рѣшился, согласно союзному договору, помогать Римлянамъ, но не выступая изъ условій договора и не переходя въ подлую угодливость. Разстроилъ это намѣреніе какой-то Харопъ, внукъ того, который открылъ Т. Квинкцію—когда тотъ велъ войну съ Филиппомъ—ущелье у рѣки Аоя, подлый льстецъ людей могущественныхъ, и удивительно изобрѣтательный выдумщикъ клеветъ на каждаго хорошаго человѣка. Онъ былъ воспитанъ въ Римѣ, и посланъ дѣдомъ въ городъ изучить языкъ Римскій и литературу. Вслѣдствіе этого онъ былъ знакомъ и дорогъ многимъ изъ Рим-

лянъ; по возвращеніи домой, отъ природы легкомысленный и нравственно испорченный, онъ не оставилъ въ покоѣ людей самыхъ первостепенныхъ, тѣмъ болѣе, что дружественныя связи съ Римлянами придавали ему самонадѣянности. Сначала всѣ его презирали и никакого на него вниманія не обращали; но когда началась война съ Персеемъ, и все въ Греціи было полно подозрѣній, многіе тайно, а большая часть явно сдѣлались расположены къ Персею, Херопъ не переставалъ обносить передъ Римлянами тѣхъ, которые пользовались у Епиротовъ наибольшимъ вліяніемъ. Правдоподобіе, и нѣкоторое основаніе клеветамъ придавали родственныя связи съ царями Македонскими, которые когда то были у Цефала и у прочихъ лицъ, принадлежащихъ къ этой партіи. Всѣ ихъ слова и дѣйствія онъ злонамѣренно провѣрялъ и, постоянно извращая ихъ смыслъ въ самую дурную сторону, искажалъ истину произвольными прибавками и утайками, и обвиненіямъ придавалъ видъ правдоподобія. На нихъ не обращали вниманія Цефалъ и раздѣлявшіе его убѣжденія относительно веденія общественныхъ дѣлъ, сильные сознаніемъ неограниченной вѣрности къ Римлянамъ. Но когда они убѣдились, что Римляне не остаются глухи къ такимъ наговорамъ, и что уведены въ Римъ старѣйшины Этоловъ, заподозрѣнные также вслѣдствіе клеветъ доносчиковъ, тутъ они сочли своею обязанностью—заботиться ужъ собственно о себѣ и своихъ интересахъ. Другаго исхода не было какъ пріязнь съ царемъ, и потому они вынуждены были войдти въ союзъ съ Персеемъ и передать ему свой народъ. Въ Римѣ консулы А. Гостилій и А. Атилій, вступивъ въ должность и совершивъ всѣ обязанности консуловъ въ отношеніи боговъ и людей въ городѣ и около города, отправились въ провинцію. Гостилій, которому досталась Македонія, поспѣшилъ въ Ѳессалію къ войску, и вошелъ въ Епиръ, еще явно не отпавшій и чуть было не попалъ въ руки Персея. Какой то Ѳеодотъ и Филостратъ, полагая, въ случаѣ передачи его царю, заслужить большую благосклонность Персея и причинить Римлянамъ величайшій вредъ въ данную минуту, написали письмо къ царю, приглашая его какъ можно поспѣ-

шить. Если бы Персея не задержала остановка, сдѣланная Молоссами у рѣки Лоя и консулъ, предупрежденный о близкой опасности, не свернулъ съ предположеннаго пути, то врядъ ли онъ повидимому ушелъ бы. Такимъ образомъ оставивъ Епиръ, онъ отплылъ въ Антициру и оттуда направился въ Ѳессалію; принявъ тамъ войско, онъ двинулся къ непріятелю, но велъ войну тамъ нисколько не счастливѣе того, какъ и въ предшествовавшемъ году. Въ сраженіи съ царемъ онъ разбитъ, и когда онъ сначала хотѣлъ было проложить себѣ путь силою черезъ Елимею, а потомъ чрезъ Ѳессалію тайкомъ, то тамъ и здѣсь встрѣтился Персей, и всѣ усилія оказались тщетными. Да и преторъ Гортензій, которому досталось начальство надъ флотомъ, не совершилъ ничего счастливо, или со знаніемъ дѣла, и изъ его дѣйствій не осталось ничего болѣе памятнаго, какъ жестокое и вѣроломное разграбленіе города Абдеритовъ, когда они жаловались на возложенныя на нихъ невыносимыя тягости. А потому Персей уже презиралъ Римлянъ, и какъ бы совершенно свободный и незанятый, сдѣлалъ набѣгъ на Дардановъ и, умертвивъ десять тысячъ варваровъ, увелъ огромную добычу].

IV. (6) [Въ этомъ году Цельтиберы начали войну въ Испаніи, побуждаемые новымъ вождемъ Олоникомъ; нѣкоторые называютъ его Салондикомъ. Онъ, человѣкъ въ высшей степени хитрый и смѣлый, потрясая серебрянымъ копьемъ, будто бы съ неба посланнымъ, въ видѣ пророка, обратилъ вниманіе всѣхъ на себя. Когда онъ, за одно съ такимъ же товарищемъ какъ самъ, около ночи проникъ въ лагерь претора Римскаго съ намѣреніемъ его умертвить, то у самой палатки онъ встрѣченъ былъ дротикомъ часоваго: товарищъ также получилъ достойное возмездіе за столь безразсудное начинаніе. Преторъ велѣлъ тотчасъ же отрѣзать головы обоимъ, и воткнувъ на копья отдалъ отборнымъ изъ числа плѣнныхъ съ приказаніемъ отнесть къ своимъ. Когда они вошли въ лагерь, то, показывая отсѣченныя головы, (*) [причинили такой страхъ, что будь придвинуто немед-

(*) Все, что въ скобкахъ Т. Ливію не принадлежитъ.

ленно войско, лагерь могъ быть взятъ. Да и тутъ произошло порядочное бѣгство; нашлись и такіе, которые предлагали отправить пословъ съ просьбою о мирѣ: весьма многіе города, получивъ объ этомъ извѣстіе, покорились. Когда они оправдывались и возлагали вину на безуміе двоихъ, безумно устремившихся на свою гибель, то преторъ далъ имъ прощеніе. Немедленно отправился онъ по другимъ городамъ — всѣ исполняли его требованія и, не тревожа войско, прошелъ онъ замиренную область, еще недавно бывшую жертвою страшнаго волненія. Такая снисходительность претора—ею онъ, безъ пролитія крови, усмирилъ самый отчаянный народъ, тѣмъ пріятнѣе была народу и патриціямъ, чѣмъ съ большею жестокостью и жадностью велась война въ Греціи консуломъ Лициніемъ и преторомъ Лукреціемъ. Трибуны народные отсутствующаго Лукреція терзали постоянными нападками въ народныхъ собраніяхъ, между тѣмъ какъ онъ извинялся отсутствіемъ своимъ на общественномъ служеніи; но тогда такъ мало изслѣдовали даже окрестности, что онъ въ это же время находился въ своемъ помѣстьи на Антіатскомъ полѣ, и на военную добычу дѣлалъ водопроводъ въ Антій изъ рѣки Лорацины; говорили, что онъ отдалъ эту работу за сто тридцать тысячь ассъ. Картинами, изъ военной добычи, украсилъ онъ храмъ Эскулапа. Общее неудовольствіе и худую славу обратили отъ Лукреція на Гортензія, его преемника, Абдериты; они плакали передъ сенатомъ и жаловались: «что ихъ городъ взятъ и разграбленъ Гортензіемъ. Причиною гибели города было то, что когда онъ приказалъ представить сто тысячь динаріевъ, и пшеницы пятьдесятъ тысячь мѣръ, они просили срока—объ этомъ дѣлѣ отправить пословъ къ консулу Гостилію и въ Римъ. Но лишь только пришли они къ консулу, какъ услыхали, что городъ взятъ, старѣйшины казнены отсѣченіемъ головъ, а остальные жители проданы въ рабство». Такой поступокъ показался сенату возмутительнымъ; онъ относительно Абдеритовъ оставилъ тоже опредѣленіе, какое о Коронеяхъ въ предшествовавшемъ году. Тоже самое объявить передъ народнымъ собраніемъ ве-

лѣлъ сенатъ претору К. Менію. Отправлены два уполномоченныхъ—К. Семпроній Блезъ и Секс. Юлій Цезарь возвратить Абдеритамъ свободу. Имъ же поручено объявить консулу Гостилію и претору Гортензію, что съ Абдеритами военныя дѣйствія начаты несправедливо, и что потому признано за справедливое—розыскать всѣхъ, находящихся въ рабствѣ и возвратить имъ свободу.

V. (7) Въ это же время на К. Кассія, бывшаго консуломъ въ предшествовавшемъ году—а тогда онъ находился въ Македоніи съ А. Гостиліемъ въ должности военнаго трибуна—принесены жалобы сенату, и прибыли послы царя Галловъ Цинцибиниса. Братъ его говорилъ въ сенатѣ и жаловался, что К. Кассій опустошалъ поля союзныхъ Альпійскихъ народовъ, и оттуда увелъ въ рабство многія тысячи людей. Около этого же времени пришли послы Карновъ, Истровъ и Япидовъ; они говорили: «консулъ Кассій приказалъ имъ сначала дать проводниковъ—показать путь, которымъ весть войско въ Македонію: мирно ушелъ онъ отъ нихъ, какъ бы для веденія войны съ другими; затѣмъ онъ вернулся съ половины пути и уже врагомъ прошелъ ихъ предѣлы: въ разныхъ мѣстахъ произведены пожары и грабежи, и до сихъ поръ имъ неизвѣстно — по какой причинѣ консулъ счелъ ихъ за враговъ». И царю Галловъ заочно и этимъ народамъ данъ отвѣтъ: «сенатъ относительно жалобъ на случившееся не могъ предвидѣть, что это будетъ и не одобряетъ, если дѣйствительно такъ поступлено; но не выслушавъ осудить заочно человѣка, бывшаго консуломъ, несправедливо тѣмъ болѣе, что онъ находится въ отсутствіи на общественной службѣ. По возвращеніи изъ Македоніи К. Кассія, если они захотятъ обвинять его въ лицо, то сенатъ, разузнавъ обстоятельства дѣла, постарается дать имъ надлежащее удовлетвореніе». Не только данъ отвѣтъ этимъ народамъ, но и отправлены послы—два къ царьку по ту сторону Альповъ, а три къ другимъ народамъ—объявить имъ—какое на этотъ предметъ мнѣніе сената. Положено отправить посламъ въ подарокъ двѣ тысячи ассъ, а двумъ братьямъ царькамъ особенно два оже-

релья, сдѣланныя изъ пяти фунтовъ золота, и серебряные сосуды въ 25 фунтовъ, два коня въ полномъ уборѣ съ проводниками, оружіе и платье, какое носятъ всадники, и ихъ провожатымъ одежды какъ свободнымъ, такъ и рабамъ. Вотъ что послано, а по просьбѣ пословъ дозволено купить десять лошадей и увесть изъ Италіи. Послы съ Галлами отправлены по ту сторону Альповъ: К. Лелій, М. Емилій Лепидъ; къ прочимъ народамъ К. Сициній, М. Корнелій Блазіо и Т. Меммій.

VI. (8) Разомъ стеклись въ Римъ послы многихъ городовъ Греціи и Азіи; первые введены Аѳиняне; они сказали: «что всѣ суда и воиновъ, сколько они ихъ ни имѣли, отослали консулу П. Лицинію и претору К. Лукрецію, но онъ ими не воспользовался, а потребовалъ сто тысячъ мѣръ хлѣба: хотя они обработываютъ почву скудную, да и своихъ поселянъ кормятъ привознымъ хлѣбомъ, впрочемъ они, исполняя свою обязанность, и это представили; готовы всегда исполнить все, что отъ нихъ ни потребовали бы». Милезійцы, не припоминая ничего о прошломъ, обѣщали представить все, что ни потребовалъ бы сенатъ на войну. Алабандійцы напомнили, что они построили храмъ въ честь города Рима, и установили этому божеству ежегодныя игры: они принесли золотой вѣнокъ въ пятьдесятъ фунтовъ вѣсомъ, положить въ Капитолій въ даръ Юпитеру Всемогущему и Всеблагому и триста щитовъ всадничьихъ, съ тѣмъ чтобы вручить все это кому будетъ приказано; они просили позволенія положить даръ въ Капитоліѣ и принести жертвы. О томъ же просили и жители Лампсака, принесшіе вѣнокъ въ 80 фунтовъ и припоминали: «что они оставили Персея послѣ того, какъ Римское войско пришло въ Македонію, находясь подъ властью Персея, а прежде Филиппа. За это, и за исполненіе всѣхъ требованій вождей Римскихъ, они просили одного только—быть принятыми въ дружбу народа Римскаго и въ случаѣ заключенія мира съ Персеемъ, быть изъятыми отъ его власти и не подпасть снова ему». Прочимъ посламъ данъ вѣжливый отвѣтъ, а относительно жителей Лампсака велѣно претору К. Мэнію—внесть ихъ въ списокъ союзниковъ. Всѣмъ даны по-

дарки: каждому по двѣ тысячи ассъ. Алабандійцамъ приказано отнесть щиты въ Македонію къ консулу А. Гостилію. Вмѣстѣ съ тѣмъ послы Карѳагенянъ показали, что у нихъ свезено къ берегамъ моря милліонъ мѣръ пшеницы и пятьсотъ тысячь мѣръ ржи съ тѣмъ, чтобы отвезть туда, куда укажетъ сенатъ: «знаютъ они, что такое ихъ приношеніе и заслуга далеко не соотвѣтствуютъ одолженіямъ народа Римскаго и ихъ желанію; но не разъ они исполняли и въ другихъ случаяхъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ того и другаго народа, обязанности благодарныхъ и вѣрныхъ союзниковъ». Также послы Масиниссы обѣщали такое же количество хлѣба, и сверхъ того тысячу двѣсти всадниковъ и двѣнадцать слоновъ, и по приказанію сената все, въ чемъ бы обнаружилась потребность: съ одинаковою готовностью исполнитъ Масинисса—равно какъ и то, что самъ обѣщалъ по собственному побужденію. Благодарность объявлена Карѳагенянамъ и царю, и вмѣстѣ просили ихъ обѣщанное доставить въ Македонію къ консулу. Посламъ и тѣмъ и другимъ дано по двѣ тысячи ассовъ.

VII. (9) Послы Кретійцевъ напоминали, что они отправили въ Македонію столько стрѣлковъ, сколько было приказано консуломъ П. Лициніемъ, и когда на сдѣланный имъ вопросъ они не скрыли: «что у Персея въ войскѣ находится большее число стрѣлковъ, чѣмъ у Римлянъ», то и получили въ отвѣтъ: «если Кретійцы чистосердечно и искренно предпочтутъ дружбу народа Римскаго дружбѣ съ Персеемъ, то и сенатъ тогда дастъ имъ отвѣтъ, какъ несомнѣннымъ союзникамъ, а между тѣмъ пусть они извѣстятъ своихъ соотечественниковъ о желаніи сената, чтобы Кретійцы какъ можно скорѣе отозвали домой воиновъ своихъ, какіе находятся въ рядахъ Персея». Когда Кретійцы были отосланы съ такимъ отвѣтомъ, позваны Халкидійцы. Ихъ посольство, при самомъ входѣ, обнаружило дѣло первой необходимости, такъ какъ старѣйшина ихъ Миктіонъ, лишенный болѣзнью употребленія ногъ, внесенъ на носилкахъ: не смотря на такое страданіе, оно не могло служить ему оправданіемъ и онъ или и самъ не просилъ увольненія, или, если и просилъ, то

получилъ отказъ. Предупредивъ, что если въ немъ еще сохранилось что-либо живое, то — это языкъ оплакивать бѣдствія отечества; онъ изложилъ сначала услуги своихъ соотечественниковъ и прежнія, и оказанныя во время войны съ Персеемъ, вождямъ и войскамъ Римскимъ; а затѣмъ во первыхъ надменное, жадное и жестокое поведеніе К. Лукреція съ ихъ соотечественниками, а во вторыхъ, донынѣ совершаемыя, еще худшія, дѣйствія Л. Гортензія. Впрочемъ они готовы перенесть все, и еще худшее того, что теперь терпятъ, чѣмъ измѣнить данному слову; что же касается до Лукреція и Гортензія, то они убѣждены, что безопаснѣе для нихъ было бы затворить ворота, чѣмъ принять въ городъ. Города, ихъ не допустившіе, Ематія, Амфиполисъ, Маронея, Эносъ невредимы, а у ихнихъ храмовъ всѣ украшенія обобраны, святотатственную добычу К. Лукреціи отвезъ въ Антій; свободные граждане увлечены въ рабство, имущество союзниковъ народа Римскаго разграблено и по нынѣ предметъ грабежа. По примѣру К. Лукреція, и Гортензій зимою и лѣтомъ держитъ на квартирахъ экипажи судовъ, такимъ образомъ постоянно съ ними, ихъ женами и дѣтьми находятся люди, которые никогда непривыкли взвѣшивать свои слова или дѣйствія».

VIII. (10) Положено пригласить Лукреція въ сенатъ для сдѣланія возраженій и оправданія; впрочемъ онъ лично выслушалъ гораздо больше, чѣмъ что припоминалось противъ отсутствующаго. Явились обвинители болѣе опасные и могущественные—два трибуна народныхъ, М. Ювенцій Тальна и Кн. Авфидій. Они не только не щадили его въ сенатѣ, но и, привлекши въ народное собраніе, взвели на него много обвиненій и назначили день суда. По приказанію сената, преторъ К. Мэній далъ такой отвѣтъ Халкидійцамъ: «что они говорили о своихъ услугахъ въ отношеніи къ народу Римскому и ранѣе, и въ войнѣ, которая теперь ведется, то сенатъ знаетъ, что они говорятъ правду и благодаренъ настолько, насколько слѣдуетъ. А что они жалуются на дѣйствія, совершенныя К. Лукреціемъ и совершаемыя Л. Гортензіемъ, преторами Римскими, то все это

дѣлалось и безъ вѣдома, и безъ согласія сената, какъ должно быть извѣстно каждому, кто знаетъ, что народъ Римскій началъ войну съ Персеемъ, а прежде съ Филиппомъ за свободу Греціи, а не для того, чтобы страдали союзники и ихъ власти. Сенатъ дастъ письмо къ претору Л. Гортензію о томъ, что тѣ дѣйствія его, на которыя жалуются Халкидійцы, сенату не нравятся; если какіе свободные граждане попали въ рабство, то чтобы онъ, преторъ, озаботился поскорѣе розыскать ихъ и возвратить имъ свободу; признано справедливымъ относительно морскихъ экипажей отводить квартиры однимъ начальникамъ». Вотъ что написано Гортензію по приказанію сената; посламъ дано въ подарокъ по двѣ тысячи ассъ, и на общественный счетъ наняты повозки, отвезти Миктіона по покойнѣе въ Брундизій. К. Лукреція, когда наступилъ назначенный день суда, трибуны обвинили передъ народомъ и назначили ему пеню милліонъ ассъ; при подачѣ голосовъ всѣ тридцать пять трибъ его обвинили.

IX. (11) Въ землѣ Лигуровъ въ этомъ году не происходило ничего замѣчательнаго; и непріятели не поднимали оружія, и консулъ не водилъ легіоновъ въ ихъ земли. Убѣдясь достаточно въ спокойствіи на этотъ годъ, онъ распустилъ воиновъ двухъ легіоновъ Римскихъ не позднѣе шестидесяти дней, послѣ того какъ прибылъ въ провинцію. Войско латинскихъ союзниковъ онъ заблаговременно отвелъ на зимнія квартиры въ Луну и Пизу, а самъ съ всадниками побывалъ въ большей части городовъ Галліи. Войны не было нигдѣ, кромѣ Македоніи; впрочемъ подозрѣвали и Гентія, царя Иллировъ. Вслѣдствіе этого сенатъ опредѣлилъ—отправить восемь, совершенно снаряженныхъ, судовъ изъ Брундизія къ К. Фурію легату въ Иссу; онъ командовалъ островомъ подъ защитою двухъ Иссенскихъ судовъ. На тѣ суда посажены двѣ тысячи воиновъ, набранные преторомъ М. Рэціемъ по сенатскому декрету въ той части Италіи, которая обращена къ Иллирику. Консулъ Гостилій отправилъ въ Иллирикъ четыре тысячи воиновъ—защищать народы, сосѣдніе съ Иллирикомъ. Недовольный приведенными

войсками, онъ выпросилъ вспоможенія отъ союзниковъ и вооружилъ до восьми тысячъ людей разнаго рода: онъ прошелъ всю эту страну и остановился у Лихнида, города Дассаретіевъ.

X. (12) Неподалеку оттуда находился городъ Ускана, который почти составлялъ собственность Персея; въ немъ заключалось десять тысячъ гражданъ и небольшой гарнизонъ Кретійцевъ для обереженія; оттуда приходили тайно гонцы къ Клавдію: «если онъ подвинетъ ближе войско, то найдутся люди, которые передадутъ городъ. Да и дѣло стоитъ трудовъ; добычи съ избыткомъ достаточно будетъ обогатить не только пріятелей, но и воиновъ». Близкая надежда поживиться до того ослѣпила умъ, что онъ не удержалъ никого изъ тѣхъ, которые приходили съ такимъ извѣстіемъ, не потребовалъ заложниковъ какъ порукъ дѣла, для совершенія котораго нужно было употребить обманъ и коварство, не послалъ разузнать, не обовязалъ клятвою. Онъ назначилъ имъ день и, выступивъ изъ Лихнида, сталъ лагеремъ въ двѣнадцати миляхъ отъ города, на который имѣлъ замыслы. Оттуда онъ велѣлъ поднять значки въ четвертую смѣну ночныхъ карауловъ, оставивъ около тысячи человѣкъ для прикрытія лагеря: въ безпорядкѣ, растянувшись на большее пространство рѣдкими толпами (вслѣдствіе темноты ночи они разошлись въ разныя стороны), подошли они къ городу. Безпечность еще возрасла, когда они увидали, что на стѣнахъ нѣтъ ни одного вооруженнаго воина. Но лишь только Римляне подошли на полетъ стрѣлы, разомъ изъ двухъ воротъ сдѣлана вылазка. Съ военными криками непріятелей, бросившихся изъ города, соединились страшные вопли женщинъ со стѣнъ вмѣстѣ, съ раздавшимся отовсюду, звукомъ мѣди. Толпы людей всякаго рода, въ томъ числѣ и рабы, кричали на разные голоса. Со всѣхъ сторонъ грозила по видимому опасность и ужасъ до того овладѣлъ Римлянами, что они не могли выдержать и перваго напора вылазки; такимъ образомъ ихъ болѣе погибло во время бѣгства, чѣмъ во время сраженія; едва двѣ тысячи человѣкъ съ самимъ легатомъ убѣжали въ лагерь

Отдаленность лагеря давала непріятелямъ возможность настигнуть по болѣе утомленныхъ Римлянъ. Аппій даже не остановился въ лагерѣ — собрать своихъ воиновъ, разсѣявшихся въ бѣгствѣ (это обстоятельство служило спасеніемъ воинамъ, разошедшимся по полямъ) и прямо въ Лихнидъ отвелъ оставшіяся отъ пораженія войска.

XI. (13) Слухъ объ этихъ и другихъ неудачныхъ дѣйствіяхъ въ Македоніи, полученъ отъ Секс. Дигитія, трибуна военнаго, пришедшаго въ Римъ для жертвоприношенія. Вслѣдствіе этого сенатъ, опасаясь, какъ бы не было получено въ Македоніи еще большаго позора, отправилъ уполномоченныхъ въ Македонію: М. Фульвія Флакка, и М. Канинія Ребила, для доклада о томъ, что дѣлается, на основаніи дознанія на мѣстѣ. Консулъ А. Гостилій долженъ былъ назначить собраніе народное для выбора консуловъ такъ, чтобы они могли быть произведены въ Генварѣ, и для того вернуться въ городъ какъ можно поспѣшнѣе. Между тѣмъ поручено претору М. Рэцію эдиктомъ — созвать въ Римъ всѣхъ сенаторовъ изъ Италіи кромѣ тѣхъ, которые находились на общественной службѣ, а живущіе въ Римѣ сенаторы не должны были удаляться на разстояніе далѣе тысячи шаговъ. Это все сдѣлано такъ какъ опредѣлилъ сенатъ. Выборы консульскіе назначены наканунѣ четвертаго дня календъ Февральскихъ. Выбраны консулами К. Марцій Филиппъ въ другой разъ и Кн. Сервилій Цепіонъ. Три дня спустя назначены преторами: К. Децимій, М. Клавдій Марцеллъ, К. Сульпицій Галлъ, К. Марцій Фигулъ, Сер. Корнелій Лентулъ, П. Фонтей Капето. Назначеннымъ преторамъ распредѣлены четыре провинціи, кромѣ двухъ городскихъ: Испанія, Сардинія, Сицилія и флотъ. Уполномоченные вернулись изъ Македоніи уже по окончаніи февраля мѣсяца. Они донесли объ удачныхъ дѣйствіяхъ царя Персея въ продолженіи этого лѣта и о томъ, что большой страхъ овладѣлъ союзниками народа Римскаго вслѣдствіе того, что столько городовъ досталось во власть царя: «войско консула не богато людьми вслѣдствіе многочисленныхъ отпусковъ, роздаваемыхъ щедро изъ желанія популярности; вину

этого дѣла консулъ взваливаетъ на военныхъ трибуновъ, а они напротивъ на консула.» Позоръ, понесенный вслѣдствіе опрометчивости Клавдія, въ глазахъ сенаторовъ они старались смягчить, увѣряя, что при этомъ весьма незначительна потеря воиновъ Итальянскаго происхожденія, такъ какъ она относится болѣе къ воинамъ, собраннымъ поголовно на мѣстѣ на скорую руку. Назначенные консулы какъ только вступили въ отправленіе должности, получили приказаніе доложить сенату о Македоніи, и имъ назначены провинціями Италія и Македонія. Этотъ годъ былъ высокосный, и на третій день по окончаніи года были вставныя Календы. Въ продолженіи этого года умерли священники: Л. Фурій Филъ и К. Ливій Салинаторъ. Первосвященники выбрали на мѣсто Фурія Т. Манлія Торквата, а на мѣсто Ливія М. Сервилія.

XII. (14) Въ началѣ наступившаго года, когда новые консулы, К. Марцій и Кн. Сервилій, доложили о провинціяхъ, то сенатъ заблагоразсудилъ, чтобы они или полюбовно распредѣлили между собою Италію и Македонію, или прибѣгли къ жребію. Но прежде чѣмъ сдѣлался извѣстнымъ результатъ его, опредѣленъ размѣръ пособій на ту и другую провинцію на удачу, для того чтобы нисколько не вліяло личное предубѣжденіе. Назначено въ Македонію шесть тысячь пѣшихъ воиновъ и союзниковъ Латинскаго наименованія шесть же тысячь; всадниковъ Римскихъ двѣсти пятьдесятъ, союзниковъ триста. Старыхъ воиновъ распустить такъ, чтобы въ каждомъ Римскомъ легіонѣ заключалось не болѣе шести тысячь пѣшихъ воиновъ и триста всадниковъ. Другому консулу не опредѣленъ размѣръ вспоможенія, которое ему надобно было составить изъ воиновъ Римскихъ; сказано только, чтобы онъ набралъ два легіона по 6200 человѣкъ пѣхоты, и 300 конницы. Латинянъ большее, чѣмъ другому консулу, опредѣлено число: пѣшихъ десять тысячь и шестьсотъ всадниковъ. Кромѣ того приказано набрать четыре легіона, которые долженствовали быть выведенными въ поле по указанію надобности. Не допущено, чтобы консулъ назначилъ военныхъ трибуновъ, но они выбраны народнымъ со-

бранiемъ. Изъ союзниковъ Латинскаго наименованiя потребовали шестьнадцать тысячь пѣхоты и тысячу всадниковъ. Войско это велѣно изготовить для выхода въ поле только по указанiю надобности. Въ особенности озабочивала Македонiя: на флотъ предписано набрать тысячу матросовъ гражданъ Римскихъ изъ вольноотпущенниковъ, изъ Италiи пятьсотъ и столько же изъ Сицилiи; а тому, кому досталась бы эта провинцiя, поручено — отвезть ихъ въ Македонiю, гдѣ бы ни находился флотъ. Въ Испанiю опредѣлено на вспоможенiе три тысячи пѣшихъ Римлянъ и триста всадниковъ; при этомъ же назначено — сколько воиновъ должно заключаться тамъ въ легiонахъ — пѣшихъ воиновъ пять тысячь и всадниковъ триста. Преторъ, которому достанется Испанiя, долженъ былъ потребовать отъ союзниковъ четыре тысячи пѣшихъ воиновъ и триста всадниковъ.

XIII. (15) Не безъизвѣстно мнѣ, что вслѣдствiе пренебреженiя, по которому ныньче вообще думаютъ, что боги ничего не предвѣщаютъ, никакiя чудесныя явленiя уже не заявляются въ общее свѣдѣнiе и не записываются въ лѣтописи. Впрочемъ мнѣ, бытописателю древнихъ событiй, не знаю какимъ образомъ привились и старыя убѣжденiя; овладѣваетъ мною какое то религiозное опасенiе—считать пустымъ то, что самые умные люди не оставляли безъ вниманiя въ видахъ общественной пользы, и незаписать его въ мою лѣтопись. Получено извѣстiе о двухъ чудесныхъ явленiяхъ въ Ананьѣ, въ этомъ году: на небѣ виденъ былъ необыкновенный огонь и корова, которую кормили на общественный счетъ, проговорила по человѣчески. Въ это же время и въ Минтурнахъ небо казалось какъ бы все въ пламени. Въ Рэате шелъ каменный дождь. Въ Кумахъ въ крѣпости Аполлонъ плакалъ въ продолженiи трехъ дней и ночей. Въ Римѣ два храмовыхъ сторожа сообщили извѣстiе: одинъ, что въ храмѣ Фортуны многiе видѣли ужа съ гривою, а другой въ храмѣ Перворожденной Фортуны, находящемся на холмѣ, два разныя чудесныя явленiя: на полу выросло пальмовое дерево, и въ срединѣ дня шелъ дождь кровью. На два чудесныхъ

явленія не обращено вниманія, на первое потому, что оно случилось въ частномъ мѣстѣ: Т. Марцій Фигулъ извѣстилъ, что у него на дворѣ выросло пальмовое дерево, а второе потому что случилось въ чужеземномъ мѣстѣ: говорили, что въ Фрегеллахъ, въ домѣ Л. Атрея копье, купленное имъ сыну, состоявшему въ военной службѣ, горѣло днемъ въ продолженіи болѣе двухъ часовъ такъ, что огонь нисколько его неповредилъ. По поводу всенародныхъ чудесъ десять сановниковъ посовѣтовались съ священными книгами; они объявили, чтобы сорока большими жертвами, какія обыкновенно богамъ приносятъ консулы совершено было богослуженіе, и всѣ сановники около всѣхъ ложницъ боговъ принесли бы большія жертвы, а народъ надѣлъ бы вѣнки. Все исполнено по указанію десяти сановниковъ.

XIV. (16) Затѣмъ созвано народное собраніе для производства выборовъ: домогались цензуры первыя лица въ государствѣ: К. Валерій Левинъ, П. Постумій Альбинъ, П. Муцій Сцевола, М. Юній Брутъ, К. Клавдій Пульхеръ, Ти. Семпроній Гракхъ. Послѣднихъ двухъ выбралъ цензорами народъ Римскій. Такъ какъ вслѣдствіе войны Македонской наборъ производился съ большею, чѣмъ обыкновенно, заботливостью, то консулы обвиняли народъ передъ сенатомъ въ томъ, что и молодые люди не отвѣчали на призывъ. Противъ нихъ К. Сульпицій и М. Клавдій преторы защищали дѣло народа: «для консуловъ наборъ не труденъ, но труденъ для честолюбивыхъ: никого не хотятъ они записать противъ его воли; а для того, чтобы сенаторы знали, что это дѣйствительно такъ, преторы, которыхъ и власть и вліяніе гораздо меньше, произведутъ наборъ, если сенату это будетъ угодно.» Сенатъ и поручилъ это дѣло преторамъ съ большимъ единодушіемъ... не безъ неудовольствія консуловъ. Цензоры, желая помочь этому дѣлу, объявили такъ въ народномъ собраніи: при составленіи переписи они предложатъ законъ, чтобы граждане, кромѣ общей всѣмъ присяги, дали такую клятву: «тебѣ менѣе сорока шести лѣтъ и ты долженъ явиться къ набору по эдикту цензоровъ К. Клавдія

Ти. Семпронія и каждый разъ при производствѣ набора сановниками при этихъ цензорахъ, ты долженъ являться, если только не будешь еще воиномъ.» А также вслѣдствіе распространившагося слуха, что многіе воины изъ Македонскихъ легіоновъ, вслѣдствіе заискиванья вождей, оставили войско съ неопредѣленными отпусками, постановлено относительно воиновъ набранныхъ въ Македонію, въ консульство П. Элія и К. Попиллія и послѣ нихъ: «чтобы тѣ изъ нихъ, которые находятся въ Италіи, возвратились въ провинцію въ тридцатидневный срокъ, показавъ сначала себя въ перепись по мѣсту нахожденія; а тѣ, которые находятся во власти родителя или дѣда, должны объявить свои имена самимъ цензорамъ. Разсмотрятъ также они и причины отпусковъ, и велятъ продолжать служеніе тѣмъ изъ воиновъ, которые, не выслуживъ установленнаго срока, отпущены по снисхожденію начальства.» Когда это постановленіе было обнародовано и письма цензоровъ разосланы по площадямъ и мѣстамъ народныхъ сборищъ, въ Римъ собралось такое множество молодыхъ людей, что необычное стеченіе народа было городу даже въ тягость.

XV. (17) Кромѣ набора воиновъ, которыхъ надлежало послать для укомплектованія, преторъ К. Сульпицій набралъ четыре легіона, и наборъ оконченъ въ продолженіи одиннадцати дней; потомъ консулы распредѣлили провинціи, а преторы, кромѣ судопроизводства, ранѣе бросали жребій: судопроизводство въ городѣ досталось К. Сульпицію, а надъ чужестранцами К. Децимію, Испанія досталась М. Клавдію Марцеллу, Сицилія—Сер. Корнелію Лентулу, Сардинія—П. Фонтію Капитону, флотъ—К. Марцію Фигулу. Изъ консуловъ Кн. Сервилію досталась Италія, а К. Марцію—Македонія. По окончаніи празднованія Латинскихъ игръ, Марцій немедленно отправился. Потомъ по докладу Цепіона сенату о томъ, какіе два легіона изъ новыхъ отвесть съ собою въ Галлію, сенаторы опредѣлили, чтобы преторы К. Сульпицій и М. Клавдій дали консуламъ изъ набранныхъ легіоновъ тѣ, какіе заблагоразсудятъ. Съ неудовольствіемъ консулъ видѣлъ такое подчиненіе произволу пре-

тора и распустивъ сенатъ, онъ, стоя передъ трибуналомъ преторовъ, требовалъ, чтобы они, на основанiи сенатскаго декрета, назначили ему два легiона; преторы предоставили консулу самому выбрать. Затѣмъ цензоры повѣрили сенатъ: председательствующимъ выбранъ уже третьими цензорами М. Эмилiй Лепидъ. Семь человѣкъ удалены изъ сената. При составленiи народной переписи цензоры отсылали въ провинцiю воиновъ изъ Македонскаго войска, а многочисленность таковыхъ оказалась при самой народной переписи: изслѣдовали причины отпусковъ уволенныхъ и воина, котораго отпускъ оказывался несогласнымъ съ законами, приводили къ такой присягѣ: «вполнѣ добровольно, и на основанiи распоряженiя цензоровъ К. Клавдiя и Ти. Семпронiя, возвращаюсь въ провинцiю Македонiю, и обѣщаюсь это исполнить безо всякой хитрости.»

XVI. (18) При пересмотрѣ всадническаго сословiя, приговоръ цензоровъ былъ очень грустенъ и строгъ: у многихъ отняты лошади. Такимъ поступкомъ оскорбивъ сословiе всадниковъ, пылъ негодованiя еще усилили постановленiемъ: «чтобы никто изъ лицъ, въ цензорство К. Фульвiя и А. Постумiя, державшихъ въ оброчномъ содержанiи общественныя доходныя статьи и сборы, не смѣлъ являться на торги и даже принимать косвенное участiе въ нихъ.» Уже давно откупщики просили, но безполезно, сенатъ—положить предѣлъ произволу цензоровъ; наконецъ они нашли себѣ защитника въ трибунѣ народномъ П. Рутилiѣ, имѣвшемъ личное неудовольствiе съ цензорами: они приказали его вольноотпущенному клiенту, возведенную имъ, стѣну на священной улицѣ противъ публичныхъ зданiй сломать, какъ выстроенную безъ надлежащаго дозволенiя. Это частное лицо аппеллировало къ трибунамъ: такъ какъ кромѣ Рутилiя не вступался никто, то цензоры послали потребовать обезпеченiя, и наложили денежный штрафъ передъ частнымъ собранiемъ. Вслѣдствiе этого возникъ споръ, и прежнiе откупщики обратились къ трибуну; вдругъ, отъ имени одного народнаго трибуна, предлагается народу опредѣленiе: «отдачу общественныхъ оброчныхъ доходовъ и сборовъ, сдѣланную цензорами

К. Клавдіемъ и Ти. Семпроніемъ, считать ничтожною, а объявить новую, въ которой всѣ безъ исключенія имѣли бы право принять участіе.» Трибунъ назначилъ день, въ который это предложеніе должно быть внесено въ народное собраніе. Когда онъ наступилъ и цензоры выступили съ возраженіями: Гракхъ говорилъ среди общаго молчанія, а когда Клавдій сталъ говорить, поднялся шумъ; онъ отдалъ приказаніе уряднику возстановить тишину. Трибунъ жаловался, что такимъ дѣйствіемъ народное собраніе отъ него отозвано и онъ вынужденъ молчать; затѣмъ онъ оставилъ Капитолій, гдѣ было народное собраніе. На другой день возникли большія смуты: трибунъ все имущество Ти. Гракха обрекъ богамъ за то, что онъ, пренебрегши вмѣшательствомъ трибуна, наложилъ штрафъ и потребовалъ обезпеченія у гражданина, аппеллировавшаго къ трибуну и самого трибуна заставилъ молчать. К. Клавдію назначилъ день явки къ отвѣту за отозваніе отъ него народнаго собранія, объявивъ, что онъ обоихъ цензоровъ призываетъ къ суду въ государственномъ преступленіи, и просилъ претора К. Сульпиція назначить день народнаго собранія. Цензоры не уклонялись и желали какъ можно скорѣе отдаться на судъ народу, а потому семьнадцатый день Октябрскихъ календъ назначенъ какъ день народнаго собранія для суда. Цензоры немедленно отправились въ притворъ Свободы, и тамъ запечатавъ всѣ публичные счеты, заперли помѣщеніе, распустили общественныхъ служителей и объявили, что они не будутъ заниматься никакими дѣлами прежде, чѣмъ состоится о нихъ приговоръ народа. Первый Клавдій защищался, и такъ какъ изъ двѣнадцати центурій всадническихъ восемь обвинили цензора, а вмѣстѣ съ ними и многія другія центуріи перваго класса, то тотчасъ первыя лица государства, сложивъ съ себя золотыя кольца, перемѣнили одежду, и въ видѣ просителей обходили народъ. Но особенное, какъ говорятъ, вліяніе на перемѣну общественнаго мнѣнія имѣлъ Т. Гракхъ, который на клики народа отовсюду, что Гракху не можетъ угрожать никакая опасность, поклялся, что если его товарищъ будетъ осужденъ, то онъ, не дожидаясь о себѣ при-

говора, добровольно отправится съ нимъ въ ссылку. Впрочемъ подсудимаго положенiе было чуть не безнадежное и только восьми центурiй не доставало для осужденiя. Когда Клавдiй былъ оправданъ, трибунъ народный не захотѣлъ болѣе безпокоить Гракха.

XVII. (19) Въ этомъ году, по требованiю Аквилейскихъ пословъ относительно увеличiя числа поселенцевъ, записаны тысячу пятьсотъ семействъ и посланы три сановника отвесть ихъ: Т. Аннiй Лускъ, П. Децiй Субуло и М. Корнелiй Цетегъ. Въ этомъ же году легаты, К. Попиллiй и Кн. Октавiй, посланы были въ Грецiю съ сенатскимъ декретомъ: напередъ прочитавъ его въ Ѳивахъ, они объявили его потомъ по всѣмъ городамъ Пелопонеса: «чтобы никто не давалъ Римскимъ должностнымъ лицамъ на войну ничего кромѣ того, что назначитъ сенатъ.» Такое постановленiе придало союзникамъ увѣренность, что на будущее время они освободятся отъ тягостныхъ издержекъ, которыя ихъ разоряли вслѣдствiе новыхъ требованiй каждаго новаго начальника. Явясь на Ахейской сеймъ, собравшiйся въ Эгiѣ, они говорили очень ласково и выслушаны съ сочувствiемъ. Оставивъ народъ непоколебимой вѣрности въ полномъ убѣжденiи лучшаго будущаго, они переправились въ Этолiю. Настоящаго волненiя тамъ еще не было, но все было полно подозрѣнiй и взаимныхъ обвиненiй. Вслѣдствiе этого потребовавъ заложниковъ, но не дождавшись окончанiя дѣла, уполномоченные отправились въ Акарнанiю. Акарнаны созвали для Римскихъ уполномоченныхъ сеймъ въ Тирiѣ, и тутъ между партiями была борьба. Нѣкоторые старѣйшины требовали, чтобы въ города были введены гарнизоны противъ безразсудства лицъ, старавшихся привлечь народъ на сторону Македонянъ: нѣкоторые же отрицали необходимость мирнымъ и союзнымъ городамъ добровольно принимать на себя позоръ тотъ, какой обыкновенно достается на долю городовъ, взятыхъ силою и враждебныхъ. Такое представленiе найдено справедливымъ; Римскiе уполномоченные вернулись въ Лариссу къ проконсулу Гостилiю (они имъ были посланы). Октавiя онъ удержалъ съ собою; Попиллiя, почти съ тысячею воиновъ, отправилъ зимовать въ Амбракiю.

XVIII. (20) Персей въ началѣ зимы не дерзнулъ оставить предѣлы Македоніи, опасаясь, какъ бы Римляне не ворвались съ какой либо стороны въ беззащитное царство, къ срединѣ зимы, когда со стороны Ѳессаліи глубокій снѣгъ сдѣлалъ переходъ черезъ горы невозможнымъ, счелъ благопріятнымъ для себя случаемъ сокрушить надежды и самоувѣренность сосѣдей для того чтобы, когда онъ обратится на войну съ Римлянами, никакая опасность не угрожала съ тылу; такъ какъ со стороны Ѳракіи Котисъ, а со стороны Эпира Цефалъ, внезапнымъ отпаденіемъ отъ Римлянъ, обезпечили спокойствіе, а Дарданъ недавно усмирилъ Персей, то для войны открыта была только одна сторона Македоніи, обращенная къ Иллирику, гдѣ Иллирійцы и сами не оставались въ покоѣ и открывали дорогу Римлянамъ. Персей соображалъ, что если только онъ усмиритъ ближайшихъ Иллирійцевъ, то будетъ въ состояніи привлечь въ союзъ и царя Гентія, уже давно колебавшагося. Выступивъ съ десятью тысячами пѣшихъ воиновъ, часть которыхъ состояла изъ фалангитовъ, съ двумя тысячами легковооруженныхъ воиновъ и пятью стами всадниковъ, онъ прибылъ въ Стуберу. Тутъ забравъ провіанту на много дней, и приказавъ за собою слѣдовать обозу осадныхъ принадлежностей, онъ на третій день сталъ лагеремъ у Усканы (это главный городъ Пенестіанской области) но прежде чѣмъ дѣйствовать открытою силою, онъ отправилъ развѣдать расположеніе умовъ какъ начальниковъ гарнизона, такъ и жителей города. Тамъ, вмѣстѣ съ молодежью Иллировъ, находился и Римскій гарнизонъ. Такъ какъ въ принесенныхъ извѣстіяхъ не заключалось ничего похожаго на миръ, то Персей началъ дѣйствовать открытою силою и попытался взять городъ одновременнымъ приступомъ со всѣхъ сторонъ. Безпрерывно и безостановочно, и днемъ и ночью, одни воины смѣняли другихъ, то лѣстницы приставляя къ стѣнамъ, то пытаясь зажечь ворота. Такую бурю выдерживали сначала защитники города, питая надежду, что и Македоняне не вытерпятъ долѣе дѣйствія зимнихъ холодовъ подъ открытымъ небомъ, да и царю не будетъ такого послабленія со стороны войны съ

Римлянами, чтобы онъ могъ оставаться долго; а когда увидали, что возводятся насыпи и на нихъ воздвигаются башни, должны были оставить упорство. Не говоря уже о томъ, что они не въ состояніи были бороться съ силами непріятеля, они, по случаю совершенно неожиданной осады, не имѣли въ городѣ запасовъ хлѣба и вообще ничего нужнаго. А потому какъ не было никакой надежды на сопротивленіе, отправлены отъ Римскаго гарнизона К. Карвилій Сполетинъ и К. Афраній; они должны были сначала просить Персея—дозволить уйдти вооруженнымъ съ тѣмъ, что имъ принадлежитъ; если же они въ этомъ не успѣютъ, то получить по крайней мѣрѣ ручательство за жизнь и свободу. Царь благосклоннѣе на это согласился чѣмъ исполнилъ. Дозволивъ сначала воинамъ выйдти и унести все, что имъ принадлежало, онъ отнялъ у нихъ оружіе. По уходѣ Римлянъ, когорта Иллирійцевъ (ихъ было 500) и Усканійцы сдались вмѣстѣ съ городомъ.

XIX. (21) Персей, оставивъ гарнизонъ въ Ускане, всѣхъ сдавшихся (численностью они почти равнялись съ его войскомъ) привелъ въ Стуберу. Тутъ онъ Римлянъ (ихъ было четыре тысячи человѣкъ), кромѣ главнѣйшихъ, распредѣлилъ между городами подъ ихъ присмотръ, Усканійцевъ и Иллировъ продалъ въ рабство, а войско отвелъ въ Пенестію съ цѣлью покорить своей власти городъ Оэней; въ другихъ отношеніяхъ выгодно расположенный, онъ служитъ ключемъ для входа въ землю Лабеатовъ, гдѣ царствовалъ Сентій. Когда царь проходилъ мимо обильной населеніемъ крѣпостцы Дравдака, то хорошо знакомые съ этою страною сказали ему: не нужно брать Оэней, если Дравдакъ не будетъ въ его власти; мѣстоположеніе послѣдняго еще удобное для всего.» Съ первымъ движеніемъ войска, жители Дравдака немедленно сдались. Обнадеженный такою быстрою сдачею, онъ, замѣтивъ—какъ великъ ужасъ передъ его войскомъ, этою грозою покорилъ своей власти еще одиннадцать укрѣпленій. Для весьма немногихъ нужна была сила, а остальныя покорились добровольно; при этомъ взято тысяча пятьсотъ Римскихъ воиновъ, которые были распредѣлены

по гарнизонамъ. Весьма полезенъ были при переговорахъ Сполетинъ Карвилій засвидѣтельствованіемъ, что съ ними не было поступлено жестоко. Пришли къ Оенею, который не было возможности взять безъ правильной осады. Городъ былъ силенъ и стѣнами и большимъ, чѣмъ другіе, количествомъ молодыхъ людей; съ одной стороны опоясывалъ его ручей, называемый Артатъ, съ другой превысокій и недоступный горный хребетъ. Все это внушало жителямъ надежду сопротивленія. Персей окружилъ городъ валомъ, и началъ съ возвышенной стороны вести насыпь, которая бы господствовала надъ стѣнами. Пока эти работы приводились къ концу, горожане между тѣмъ въ частныхъ схваткахъ, которыми посредствомъ вылазокъ они и старались защищать свои стѣны и препятствовать осаднымъ работамъ непріятелей, испытали значительныя потери, да и остальные сдѣлались почти негодными вслѣдствіе трудовъ денныхъ и ночныхъ и ранъ. Какъ только насыпь подведена къ стѣнѣ и царская когорта изъ воиновъ, называемыхъ Никаторами перешла, одновременно, во многихъ мѣстахъ, приставлены лѣстницы и произведено нападеніе. Вcѣ достигшіе совершеннаго возраста, умерщвлены, жены ихъ и дѣти отданы подъ стражу; остальная добыча уступлена воинамъ. Побѣдитель, на возвратномъ пути оттуда въ Стуберу, отправилъ къ Гентію послами Плеврата Иллирійца къ нему бѣжавшаго, и Адея Македоняна изъ Берои съ порученіемъ—изложить ему его дѣйствія въ теченіи послѣднихъ зимы и лѣта противъ Римлянъ и Дардановъ, съ присовокупленіемъ недавнихъ подвиговъ зимней экспедиціи въ Иллирикъ, и уговаривать Гентія вступить въ дружественный союзъ съ нимъ (Персеемъ) и Македонянами.

XX. (22) Послы Персея, перейдя хребетъ горъ Скорда, по пустынямъ Иллирика, сдѣланнымъ нарочно таковыми отъ Македонянъ опустошеніями для того, чтобы Дарданамъ затруднить переходъ въ Иллирикъ и Македонію, наконецъ съ большимъ трудомъ прибыли въ Скорду. Царь Гентій находился въ Лиссѣ. Туда приглашены послы; они передали имъ порученное, и благосклонно выслушаны; принесли же они отвѣтъ безъ дѣйствія:

«у царя не станетъ дѣло за охотою воевать съ Римлянами, а впрочемъ для приведенія въ исполненіи того, чего онъ желалъ бы, онъ особенно имѣетъ недостатокъ въ деньгахъ». Все это донесли послы царю Персею, который въ то время занимался особенно продажею плѣнныхъ изъ Иллирика. Немедленно тѣже послы отосланы назадъ съ присовокупленіемъ Главкія изъ числа тѣлохранителей, но безъ упоминанія о деньгахъ, а ими только одними небогатый дикарь могъ быть побужденъ къ войнѣ. Опустошивъ потомъ Анциру, Персей отвелъ назадъ войско въ Пенесту; оставивъ въ Ускане, и по всѣмъ взятымъ имъ укрѣпленіямъ вокругъ ея надежные гарнизоны, удалился въ Македонію.

XXI. (23) Л. Цэлій, Римскій легатъ начальствовалъ въ Иллирикѣ; онъ не смѣлъ тронуться съ мѣста, пока находился въ этихъ краяхъ царь; по удаленіи его пытался таки наконецъ взять Ускану въ землѣ Пенестовъ, но, будучи отбитъ находившимся тамъ Македонскимъ гарнизономъ съ большою потерею, отвелъ войско въ Лихниду. Оттуда, по прошествіи немногихъ дней, отправилъ онъ въ землю Пенестовъ М. Требеллія Фрегеллана съ довольно сильнымъ отрядомъ—принять заложниковъ отъ городовъ, которые вѣрны остались дружественному союзу; онъ приказалъ имъ дойдти и до Партиновъ (и они обязались дать заложниковъ): и отъ тѣхъ и другихъ истребованы безо всякой суматохи. Заложники Пенестовъ отправлены въ Аполлонію, а Партиновъ въ Диррахій (въ то время Епидамнъ у Грековъ извѣстенъ былъ болѣе подъ этимъ названіемъ). Ап. Клавдій, желая загладить безславіе, понесенное въ Иллирикѣ, приступилъ къ Фаноту, Епирской крѣпости, и увелъ съ собою, кромѣ Римскаго войска, до шести тысячь человѣкъ вспомогательнаго войска Атамановъ и Теспротовъ; это покушеніе осталось безъ успѣха, такъ какъ тамъ защищался Клева, оставленный Персеемъ съ сильнымъ гарнизономъ. Персей двинулся къ Елимеѣ и произведя тамъ смотръ войска, повелъ его къ Страту по приглашенію Епиротовъ. Стратъ въ то время былъ самимъ укрѣпленнымъ городомъ Этоліи; онъ лежитъ надъ Амбракійскимъ

заливомъ подлѣ рѣки Инаха. Персей туда отправился съ десятью тысячами пѣхоты и тремя стами всадниковъ: онъ повелъ небольшое число воиновъ вслѣдствіе того, что дороги узки и круты. Когда онъ на третій день достигъ горы Цитія, то онъ съ трудомъ перешелъ ее вслѣдствіе глубокаго снѣга, и едва отыскалъ мѣсто удобное для лагеря. Выступивъ оттуда болѣе по невозможности тамъ остаться, чѣмъ по тому чтобы погода или дорога благопріятствовали движенію, съ ужаснымъ вредомъ, въ особенности для вьючныхъ животныхъ, онъ на другой день расположился лагеремъ у храма Юпитера, прозываемаго Никейскимъ. За тѣмъ, послѣ огромнаго перехода, остановился онъ у рѣки Арахта, будучи задержанъ глубиною водъ; употребивъ столько времени, сколько нужно было на изготовленіе моста, перевелъ войска, и послѣ перехода, продолжавшагося день, встрѣтилъ Архидама, старѣйшину Этоловъ, который намѣревался ему передать Стратъ.

XXII. (24) Въ этотъ день лагерь поставленъ у границъ Этолійской области; оттуда на другой день достигли Страта. Тутъ, подлѣ рѣки Инаха, поставленъ лагерь, и между тѣмъ какъ Персей ждалъ, что изъ воротъ выйдутъ Этолы толпами съ изъявленіемъ покорности, нашелъ онъ, что ворота заперты и что въ самую ночь его прибытія, принятъ Римскій гарнизонъ съ легатомъ К. Попилліемъ. Старшины, пригласившіе царя подъ вліяніемъ Архидама, когда онъ былъ на лицо, теперь когда вышелъ изъ города, сдѣлались не такъ усердны и дали возможность враждебной партіи — пригласить Попиллія изъ Амбракіи съ тысячею пѣшихъ воиновъ. Во время прибылъ и Динархъ, начальникъ конницы Этолійскаго народа, съ шестью стами пѣшихъ и сотнею конныхъ воиновъ. Довольно вѣрно было, что онъ прибылъ въ Стратъ съ тѣмъ, чтобы идти къ Персею, но перемѣнивъ съ новымъ оборотомъ дѣлъ свое намѣреніе, присоединился къ Римлянамъ, дѣйствовать противъ которыхъ было прибылъ. Да и Попиллій былъ не слишкомъ довѣрчивъ, какъ и слѣдовало съ такими непостоянными людьми: ключи отъ воротъ и караулъ на стѣнахъ онъ немедленно принялъ въ свое распоряженіе:

Динарха и Этоловъ съ молодежью Стратіевъ онъ удалилъ въ крѣпость подъ видомъ гарнизона. Персей съ холмовъ, возвышающихся надъ верхнею частью города, пытался вступить въ переговоры, но, видя упорство жителей и то, что они даже близко не подпускаютъ стрѣлами, сталъ лагеремъ въ пяти тысячахъ шаговъ отъ города по ту сторону рѣки Петитовъ. Тутъ онъ созвалъ совѣтъ: Архидамъ и перебѣжчики Епиротовъ старались его удержать, а старѣйшины Македонянъ были того мнѣнія, что не слѣдуетъ вступать въ борьбу въ неблагопріятное время года, когда не заготовлено никакихъ припасовъ, и осаждающіе испытаютъ недостатокъ во всемъ прежде осажденныхъ тѣмъ болѣе, что неподалеку оттуда находятся и зимнія квартиры непріятеля; испуганный этимъ, Персей перенесъ лагерь въ Аперантію. Аперанты приняли его съ общаго согласія, такъ какъ Архидамъ пользовался въ этомъ народѣ большимъ расположеніемъ и вліяніемъ: онъ самъ оставленъ у нихъ начальникомъ съ отрядомъ войска изъ восьмисотъ человѣкъ.

XXIII. (25) Царь вернулся въ Македонію не съ меньшимъ ущербомъ для людей и вьючныхъ животныхъ, съ какимъ приходилъ. Впрочемъ Аппій оставилъ осаду Фанота вслѣдствіе слуха о движеніи Персея къ Страту. Клевасъ, преслѣдуя его съ отрядомъ смѣлой молодежи, у подошвы почти непроходимыхъ горъ, до тысячи человѣкъ умертвилъ изъ войска, затрудненнаго въ движеніи, а до двухсотъ взялъ. Аппій, пройдя ущелья, остановился на полѣ, называемомъ Мелеонъ, лагеремъ не на долгое время; между тѣмъ Клевасъ, взявъ Филострата, подъ начальствомъ котораго находился народъ Эпиротовъ, перешелъ въ область Антигонскую. Македоняне двинулись опустошать, а Филостратъ съ своею когортою расположился засадою въ потайномъ мѣстѣ. Когда на разсѣявшихся грабителей бросились вооруженные люди изъ Антигонеи, бѣгущіе—усердныхъ преслѣдователей завели въ долину, окруженную непріятелемъ. Тутъ до тысячи убито, съ сотню взято въ плѣнъ и, послѣ удачныхъ вездѣ дѣйствій, подвинули лагерь почти къ самому Аппіеву для того, чтобы союзники ихъ не потерпѣли какого насилія отъ Римскаго

войска. Аппій, безъ пользы потративъ время въ этихъ мѣстахъ, распустивъ Хаонійцевъ и другихъ Епиротовъ, сколько ихъ находилось по гарнизонамъ, съ Итальянскими воинами отступилъ въ Иллирикъ и, распустивъ воиновъ по союзнымъ городамъ Партиновъ на зимовку, самъ вернулся въ Римъ для принесенія жертвъ. Персей отозвалъ тысячу пѣшихъ воиновъ и двѣсти всадниковъ изъ народа Пенестовъ, отправилъ ихъ въ Кассандрею, чтобы они были тамъ гарнизономъ. Посланные отъ Гентія вернулись съ прежнимъ отвѣтомъ. Впрочемъ Персей не переставалъ его искушать, посылая то однихъ, то другихъ, такъ какъ очень ясно было какъ велико его значеніе, а впрочемъ никакъ не могъ совладать съ собою, чтобы рѣшиться на издержку въ дѣлѣ величайшей важности.

КНИГА СОРОКЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

I. Въ началѣ весны, послѣдовавшей за зимою, когда все это случилось, изъ Рима отправился консулъ К. Марцій Филиппъ съ пятью тысячами воиновъ, которыхъ онъ долженъ былъ перевезть съ собою на пополненіе легіоновъ, и прибылъ въ Брундизій. Бывшій консулъ М. Попиллій и другіе молодые люди, равные ему по благородству происхожденія, послѣдовали за консуломъ въ качествѣ военныхъ трибуновъ для Македонскихъ легіоновъ. Въ тоже время прибылъ и преторъ К. Марцій Фигулъ, которому досталось командованіе надъ флотомъ. Вмѣстѣ отправясь изъ Италіи, они достигли Корциры на другой день, а на третій прибыли въ Акцій, Акарнанскій портъ. Оттуда консулъ, выйдя на берегъ въ Амбракіи, сухимъ путемъ двинулся во Ѳракію. Преторъ, миновавъ Левкату, вошелъ въ Коринѳскій заливъ и оставивъ суда въ Креузѣ, самъ сухимъ путемъ отправился въ Халкиду къ флоту по серединѣ Бэотіи (идущему налегкѣ тутъ день пути.) Въ это время А. Гостилій имѣлъ флотъ въ Ѳессаліи около Палефарсала: хотя не совершено никакихъ замѣчательныхъ военныхъ дѣйствій, но воины послѣ крайняго своеволія пріучены къ полной воинской дисциплинѣ; союзникамъ оказано надлежащее вниманіе, и они получили защиту отъ оскорбленій всякаго рода. Услыхавъ о прибытіи преемника, со вниманіемъ осмотрѣвъ оружіе, воиновъ и коней, съ устроеннымъ войскомъ онъ выступилъ на встрѣчу приближавшемуся консулу. И первая ихъ встрѣча вполнѣ соотвѣтствовала достоинству ихъ самихъ и Римскаго имени, и въ дѣйствіяхъ послѣ совершенныхъ**проконсулъ къ войску***По прошествіи немногихъ дней консулъ говорилъ рѣчь къ воинамъ, начавъ съ злодѣйства, совершеннаго Персеемъ въ отношеніи

къ брату, замышленнаго противъ отца его онъ прибавилъ «стяжавъ царство злодѣйствами, отравленіями, убійствомъ, гнуснымъ умысломъ посягнувъ на жизнь Евмена, осыпавъ оскорбленіями народъ Римскій, разграбилъ союзные города вопреки святости договоровъ—до какой степени всѣ эти его дѣйствія ненавистны богамъ безсмертнымъ, почувствуетъ онъ при исходѣ своихъ дѣйствій! Любятъ вѣрность и доброту боги, черезъ которыхъ народъ Римскій достигъ такой степени величія.» За тѣмъ онъ сдѣлалъ сравненіе силъ народа Римскаго, уже обнимавшаго земный шаръ, съ силами Македоніи и одно войско съ другимъ. «Но (сказалъ онъ въ заключеніе) не съ равными ли войсками сокрушили мы силы Филиппа и Антіоха, въ нѣсколько разъ большія?»

II. Умы воиновъ были воспламенены подобнаго рода убѣжденіями, и начальникъ сталъ отбирать мнѣнія относительно сущности веденія войны. Къ нему прибылъ и преторъ К. Марцій, отъ Халкиды принявъ флотъ; заблагоразсудили — не тратить болѣе времени пребываніемъ во Ѳракіи, но немедленно снять лагерь и отсюда идти въ Македонію, а претору озаботиться, чтобы и флотъ въ тоже время учинилъ нападеніе на непріятельскій берегъ. Отпустивъ претора, консулъ, отдавъ приказаніе воинамъ взять съ собою запасовъ на мѣсяцъ, снялъ лагерь, и выступилъ въ походъ въ десятый послѣ того день, какъ принялъ войско. Совершивъ одподневный переходъ, онъ позвалъ снова въ совѣтъ проводниковъ и велѣлъ имъ высказать—какою дорогою каждый изъ нихъ поведетъ войско. По удаленіи проводниковъ, консулъ изложилъ совѣту, какую который изъ нихъ укажетъ дорогу. Одни предпочитали движеніе черезъ Питій; другіе черезъ Камбунійскія горы, дорогою, по которой въ предшествовавшемъ году велъ войско консулъ Гостилій, иные—мимо Аскуридскаго болота. Оставалось нѣсколько дороги общей, а потому окончательное обсужденіе этого дѣла оставлено до того времени, когда лагерь будетъ поставленъ тамъ, гдѣ расходятся дороги. Оттуда повелъ въ Перребію, и сталъ постояннымъ лагеремъ между Азоромъ и

Долихомъ для новаго обсужденія, какую лучше предпочесть дорогу. Въ тоже время Персей, узнавъ о приближеніи непріятеля, но, незная по какому пути онъ двинется, положилъ—всѣ ущелья занять охранительными отрядами. На вершину Камбунійскихъ горъ (Волустаномъ сами называютъ) отправилъ онъ десять тысячь молодыхъ легковооруженныхъ воиновъ съ вождемъ Асклепіодотомъ. У крѣпости, находившейся надъ Аскуридскимъ болотомъ (мѣсто называется Лапатъ) по приказанію Персея, сталъ для обороны Гиппіасъ съ двѣнадцатью тысячами Македонянъ. Самъ Персей съ остальными войсками имѣлъ постоянный лагерь спачала около Дія, потомъ, какъ бы растерявшись и незная что дѣлать, съ отрядомъ легкой конницы онъ скакалъ по берегу то въ Гераклей, то въ Филу, и оттуда тѣмъ же движеніемъ достигалъ Дія.

III. Наконецъ рѣшеніе консула остановилось на томъ, чтобы весть войско тѣмъ ущельемъ, гдѣ, подлѣ Артолофа, какъ мы сказали, находился царскій лагерь*** Положено отправить впередъ четыре тысячи воиновъ занять благопріятную мѣстность; начальство надъ ними поручено М. Клавдію и К. Марцію, сыну консула. Немедленно послѣдовали и всѣ войска; впрочемъ дорога была до того затруднительна, крута и неудобна, что и, посланные впередъ, легковооруженные воины, совершивъ съ трудомъ въ два дня путь въ пятнадцать тысячь шаговъ, стали лагеремъ; они заняли позицію у башни, называемой Евдіеру. Пройдя на другой день отъ этого мѣста шесть миль (тысячь шаговъ), заняли возвышенность недалеко отъ непріятельскаго лагеря, и послали гонца къ консулу: «достигли они непріятеля, остановились въ мѣстѣ безопасномъ и для всего удобномъ; пусть онъ какъ можно поспѣшитъ вслѣдъ за ними». Консулъ былъ озабоченъ и затрудненіями дороги, на которую вступилъ и судьбою тѣхъ, которыхъ онъ отправилъ въ маломъ числѣ въ средину силъ непріятельскихъ, какъ вдругъ встрѣтилъ его гонецъ у Аскуридскаго болота. Прибавилось и у самого увѣренности и сосредоточивъ войска, сталъ онъ лагеремъ, упираясь въ занятый прежде холмъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ это наиболѣе

дозволяла мѣстность. Не только лагерь непріятельскій, находившійся немного болѣе тысячи шаговъ, но вся страна около Дія и Филы, и берегъ моря были въ виду, такъ какъ далеко обнимало зрѣніе съ столь высокаго хребта. Это обстоятельство воспламенило умы воиновъ, когда они увидали такъ вблизи всю сущность войны, всѣ царскія войска и непріятельскую землю. А потому горя усердіемъ, они просили консула весть ихъ немедленно къ лагерю непріятельскому; одинъ день данъ для отдохновенія утомленнымъ затрудненіями пути. На третій день консулъ, оставивъ часть войска для охраны лагеря, остальное повелъ къ непріятелю.

IV. Гиппіасъ незадолго передъ тѣмъ былъ присланъ царемъ защищать ущелье: онъ, увидавъ лагерь Римскій на возвышеніи, приготовилъ умы своихъ воиновъ къ борьбѣ и выступилъ на встрѣчу, двигавшемуся впередъ, войску консула. И Римляне вышли на сраженіе налегкѣ и непріятель. Легкое оружіе наиболѣе было приспособлено къ началу борьбы, а потому немедленно какъ встрѣтились, пустили они стрѣлы: въ такой смѣлой схваткѣ и съ той, и съ другой стороны не мало ранъ и принято и нанесено: но потеря убитыми обоихъ войскъ была незначительна. Раздражены были на другой день умы воиновъ, съ большими силами и упорствомъ схватились они, но свойство мѣстности не позволяло развернуть строй. Вершина горы оканчивалась узкою площадкою, едва дозволявшею стать въ линію тремъ рядамъ воиновъ. Такимъ образомъ немногіе сражались а прочіе, въ особенности тяжеловооруженные воины, были простыми зрителями. Легковооруженные воины бѣгали и по ущельямъ горнаго хребта, и на флангахъ схватывались съ легковооруженными воинами, и искали борьбы съ удобной и неудобной мѣстности. Въ этотъ день болѣе было ранено, чѣмъ убито и сраженію положило конецъ наступленіе ночи. На третій день Римскій полководецъ призналъ нужнымъ созвать совѣтъ: онъ не могъ ни оставаться долѣе на обнаженной и всего лишенной горной вершинѣ, ни отступить безъ позора и даже опасности, если непріятель сталъ бы преслѣдовать по пятамъ

съ болѣе возвышеннаго мѣста. Не оставалось болѣе ничего, какъ смѣло начатое дѣло поправить упорствомъ и смѣлостью, нерѣдко благоразумными въ окончательномъ результатѣ. Впрочемъ дѣло было таково, что имѣй консулъ врага, подобнаго древнимъ Македонскимъ царямъ, могъ бы онъ понести великое пораженіе; но царь, скитаясь около Дія съ конницею по берегу моря, и слыша почти за двѣнадцать миль крики и шумъ сражающихся, не далъ подкрѣпленія войскамъ присылкою свѣжихъ вмѣсто утомленныхъ и не явился самъ въ сраженіе (что было бы очень важно), а между тѣмъ Римскій вождь, имѣя болѣе 60 лѣтъ отъ роду и претяжелый тѣломъ, самъ усердно исполнялъ всѣ обязанности воина. Въ смѣломъ начинаніи онъ превосходно упорствовалъ до конца и, оставивъ Попиллія оберегать вершину горъ, перешелъ по непроходимымъ дотолѣ мѣстамъ, послалъ впередъ очищать путь Аттала и Мизагена, и того и другаго съ вспомогательными воинами изъ ихъ земляковъ, и приказалъ имъ служить защитою для очищавшихъ ущелье, а самъ, имѣя впереди всадниковъ и обозы, замыкалъ движеніе съ легіонами.

V. Несказанные были труды Римлянъ, спускавшихся съ потерею вьючныхъ животныхъ и обозовъ. Едва прошли они четыре тысячи шаговъ, какъ уже ничего такъ не желали, какъ возвратиться тою же дорогою, какою шли, еслибы только это было возможно. Слоны причиняли войску смятеніе какъ бы отъ непріятеля: они, достигнувъ непроходимыхъ мѣстъ, сбросили вожаковъ и страшнымъ шипѣніемъ нагоняли сильный ужасъ, въ особенности лошадямъ, пока наконецъ не придумали способа ихъ переводить. Въ крутыхъ спускахъ, вровень съ верхомъ вбивались въ землю внизу два толстыхъ столба на разстояніи одинъ отъ другаго немного болѣе ширины животнаго. На эти столбы клались длинные бревна, и на нихъ поперечные такъ, что образовался мостъ до трехсотъ футовъ длиною; сверху набрасывали земли. Затѣмъ внизу въ небольшомъ разстояніи дѣлался другой такой же мостъ, потомъ третій и такъ алѣе и болѣе по порядку, гдѣ скалы были очень круты. Какъ по

твердой почвѣ наступалъ слонъ на мостъ: но прежде чѣмъ онъ доходилъ до его конца, подрубали столбы, и мостъ падая принуждалъ потихоньку спускаться до начала слѣдующаго моста. Одни слоны спускались стоя, а другіе сидя на задницѣ. Когда принимала ихъ площадка другаго моста, то снова такимъ же разрушеніемъ нижняго моста опускаемы были ниже, пока достигли не столь крутыхъ горныхъ долинъ. Римляне двигались въ день немного болѣе семи миль (тысячь шаговъ); менѣе пути совершено ими на ногахъ, а по большей части катились они съ оружіемъ и прочими тяжестями, при страшныхъ неудобствахъ всякаго рода, такъ что даже вождь и виновникъ движенія не скрывалъ, что небольшой отрядъ непріятелей могъ истребить все войско. Ночью они достигли до умѣренной величины площадки и даже не было возможности осмотрѣть, непріязненно ли это мѣсто, со всѣхъ сторонъ огражденное. Воинамъ, неожиданно нашедшимъ наконецъ мѣсто удобное для стоянки, пришлось въ такой глубокой долинѣ поджидать Попиллія и остальныя съ нимъ войска: и они, хотя непріятель ни откуда не грозилъ имъ, потерпѣли вредъ отъ крутизны мѣстности. На третій день соединивъ войска, двинулись черезъ ущелье, которое жители называютъ Каллипевце. На четвертый день по мѣстамъ столько же непроходимымъ, но научась уже опытомъ и съ большею увѣренностью, такъ какъ непріятеля нигдѣ не было видно и приближались къ морю, спустились на поля и между Гераклеемъ и Либетромъ пѣхота стала лагеремъ; большая часть ее занимала холмы. Валомъ лагеря обнималось и то мѣсто, куда должна была удалиться конница.

6. Говорятъ, что царь мылся, когда ему принесли извѣстіе о приближеніи непріятеля. Испуганный имъ Персей выскочилъ изъ ванны и бросился бѣжать съ крикомъ, что онъ побѣжденъ безъ сраженія. Вслѣдъ затѣмъ теряясь во множествѣ робкихъ предположеній и распоряженій, онъ вызвалъ двухъ изъ своихъ приближенныхъ: одного въ Пеллу, гдѣ положены деньги, а другаго даже до Парта изъ охранительныхъ постовъ; и открылъ непріятелю повсюду доступъ. А самъ, захвативъ изъ

Дія всѣ позолоченныя статуи, чтобы они не сдѣлались добычею непріятеля, принудилъ жителей этого города переселиться въ Пидну. И то, что могло бы показаться заносчивостью консула, такъ какъ онъ зашелъ туда, откуда и выхода не было безъ согласія непріятеля, обратилось удачнымъ исполненіемъ въ смѣлый мастерски обдуманный планъ. Римляне могли уйдти оттуда только по двумъ ущельямъ: одно черезъ Темпе въ Ѳессалію, а другое въ Македонію мимо Дія, но и то, и другое было занято отрядами царя. А потому, покажи онъ себя безстрашнымъ вождемъ и выдержи смѣло въ продолженіи десяти дней видимую грозу приближавшагося непріятеля, то Римлянамъ не было бы возможности ни отступить въ Ѳессалію черезъ Темпе, ни открыть сообщенія для подвоза припасовъ всякаго рода. Ущелье Темпейское, и если не сдѣлается еще болѣе непріязненнымъ вслѣдствіе войны, весьма затруднительно для перехода. Кромѣ узкаго прохода въ пять миль длиною, по которому одному вьючному животному и то трудно двигаться, по обѣ стороны скалы до того круты, что невозможно смотрѣть безъ головокруженія и робости. Страхъ еще увеличивается шумомъ, быстро и глубоко бѣгущей внизу горной долины, рѣки Пенея. Такая мѣстность, и сама по себѣ отъ природы непріязненная, въ четырехъ мѣстахъ была занята царскими отрядами: первый стоялъ при самомъ входѣ у Гонна, другой у неприступной крѣпостцы Кандилона, третій около Лапатунта, иначе Харака; четвертый стоялъ надъ самой дорогою въ серединѣ и самомъ узкомъ мѣстѣ горнаго ущелья, гдѣ даже десяти вооруженнымъ воинамъ легко было преградить путь. Разъ только черезъ Темпе невозможны были ни отступленіе, ни подвозъ провіанта, пришлось бы Римлянамъ взбираться на тѣ самыя горы, съ которыхъ спустились. Но движеніе, совершенное прежде украдкою отъ непріятеля, становилось невозможнымъ теперь, когда онъ занималъ горныя вершины; притомъ разъ испытанныя затрудненія уничтожали всякую надежду. Ничего другаго не оставалось при столь смѣломъ начинаніи, какъ проникнуть въ Македонію къ Дію посреди непріятелей, но и это, не отними

боги у царя здраваго соображенія, было сопряжено съ величайшею трудностью. Спуски горы Олимпа оставляютъ къ морю пространства немного болѣе какъ на тысячу шаговъ, и половину мѣста занимаетъ устье рѣки Бафира, разливающагося на широкое пространство; часть равнины занимаетъ городъ и храмъ Юпитера, и остальное, очень узкое, мѣсто могло быть замкнуто небольшимъ рвомъ и валомъ; камня подъ руками и лѣснаго матеріалу было такое обиліе, что можно было возвести цѣлую стѣну и съ башнями. Ослѣпленный внезапнымъ ужасомъ, умъ царя не хотѣлъ ничего видѣть и онъ, снявъ всѣ вооруженные отряды и открывъ все для войны, убѣжалъ въ Пидну.

VII. Консулъ, видя столько надежды и помощи въ лѣности и бездѣйствіи непріятеля, послалъ гонца въ Лариссу къ Сп. Лукрецію занять около Темпе укрѣпленія, оставленныя непріятелемъ, а Попиллія отправилъ впередъ осмотрѣть переходы около Дія. Замѣтивъ, что вездѣ и повсюду путь свободенъ, другимъ (лагеремъ) переходомъ достигъ Дія и приказалъ размѣрять мѣсто для лагеря около самого храма для того, чтобы не случилось какого насилія въ священномъ мѣстѣ, а самъ вошелъ въ городъ; онъ нашелъ его хотя небольшимъ, но украшеннымъ общественными зданіями, множествомъ статуй, отлично укрѣпленнымъ. Онъ просто не могъ повѣрить, чтобы все это было оставлено такъ, безо всякаго коварства. Одинъ день онъ пробылъ хорошенько все изслѣдуя, а потомъ снялъ лагерь и довольно основательно полагая, что въ Піеріи будетъ достаточно хлѣба, онъ въ этотъ день дошелъ до рѣки, называемой Митинъ. На другой день двинулся далѣе и взялъ городъ Агассу, жители котораго изъявили сами покорность. Желая задобрить умы прочихъ Македонянъ, консулъ удовольствовался заложниками, а городъ оставилъ жителямъ безъ гарнизона, увѣривъ ихъ, что они будутъ жить безо всякихъ повинностей, подъ сѣнью собственныхъ законовъ. Двинувшись оттуда на день пути, онъ сталъ лагеремъ у рѣки Аскорда, чѣмъ далѣе отходилъ онъ отъ Өессаліи, тѣмъ чувствовалъ большій недостатокъ всѣхъ

предметовъ первой необходимости и вернулся къ Дію. Тутъ уже ни у кого не осталось сомнѣнія, что пришлось бы ему терпѣть, если бы преграждено было сообщеніе съ Ѳессаліею, когда и далеко отойдти отъ нея было небезопасно. Персей, сосредоточивъ въ одно мѣсто всѣ войска и ихъ начальниковъ побранилъ префектовъ гарнизоновъ, въ особенности Асклепіодота и Гиппія; онъ говорилъ, что ими переданы Римлянамъ ключи Македоніи: но въ этомъ случаѣ никого не было виновнѣе самого царя. Консулъ, увидавъ въ морѣ флотъ, сталъ надѣяться, что идутъ суда съ провіантомъ (хлѣбъ былъ крайне дорогъ, да и совсѣмъ почти его не было); но, когда они вошли въ пристань, услыхалъ, что транспортныя суда остались въ Магнезіи. Озабоченный неизвѣстностью, какъ тутъ поступить (до такой степени затруднительно было бороться съ обстоятельствами и безо всякого почти противудѣйствія непріятеля) какъ вдругъ весьма кстати пришло письмо отъ Сп. Лукреція: занялъ онъ всѣ укрѣпленія, которыя находятся надъ Темпе и около Филлы, и нашелъ въ нихъ запасы хлѣба и другихъ нужныхъ припасовъ.

VIII. Сильно обрадованный этимъ консулъ, повелъ войско отъ Дія къ Филѣ, какъ для того чтобы подкрѣпить находившійся тамъ гарнизонъ, такъ вмѣстѣ распредѣлить воинамъ хлѣбъ, подвозъ котораго замедлялся. Такое движеніе консула имѣло дурную огласку: одни говорили, что подъ вліяніемъ робости отступилъ онъ передъ непріятелемъ, такъ какъ, оставаясь въ Піеріи, онъ долженъ былъ непремѣнно дать сраженіе; а другіе винили консула, что онъ, незнакомый съ случайностями войны, ежедневно измѣняющимися, не умѣлъ пользоваться счастіемъ, которое ему навязывалось и выпустилъ изъ рукъ случай, котораго вернуть не было уже возможности. Какъ только онъ уступилъ владѣніе Діемъ, побудилъ непріятеля—почувствовать наконецъ необходимость взять назадъ то, что было упущено его виною. Услыхавъ о движеніи консула, царь вернулся въ Дій и оправилъ все разрушенное и опустошенное Римлянами: сбитые со стѣнъ зубцы надѣланы и со всѣхъ сторонъ стѣны укрѣплены;

затѣмъ онъ поставилъ лагерь въ пяти тысячахъ шагахъ отъ города по сю сторону Енипея; самая рѣка, затруднительная для перехода, должна была служить ему прикрытіемъ; течетъ она изъ горной долины Олимпа и лѣтомъ ничтожная, но, наполнясь отъ зимнихъ дождей, и вверху кипитъ между высокихъ скалъ и внизу, унося въ море подмытую землю, образуетъ глубокія пучины и, промывъ русло, течетъ въ самыхъ крутыхъ берегахъ. Персей полагалъ, что этою рѣкою прегражденъ путь непріятелю, и хотѣлъ только кое какъ протянуть остальное время лѣта. Между тѣмъ консулъ отъ Филы отправилъ въ Гераклею Попиллія съ двумя тысячами воиновъ. Отстоитъ отъ Филы почти на пять тысячь шаговъ, на серединѣ разстоянія между Діемъ и Темпе, на возвышенномъ надъ рѣкою берегѣ.

IX. Попиллій, прежде чѣмъ придвинуть вооруженныхъ воиновъ къ стѣнамъ, отправилъ уговаривать должностныхъ лицъ и старѣйшинъ—предпочесть испытать на себѣ вѣрность и милосердіе Римлянъ, чѣмъ силу ихъ. Эти убѣжденія нисколько не подѣйствовали, потому что видны были огни въ царскомъ лагерѣ у Енипея. Тогда разомъ и съ моря (флотъ стоялъ причаливъ у берега) и съ сухаго пути началось нападеніе одновременно силою оружія и вмѣстѣ осадными работами и машинами. Даже нѣкоторые молодые люди изъ Римлянъ, примѣнивъ къ воинскому дѣлу потѣху цирка, заняли часть стѣны въ самомъ низкомъ мѣстѣ. Въ то время, когда еще не была въ разгарѣ страсть—животными всякаго рода наполнять циркъ, существовалъ обычай придумывать разнаго рода потѣхи: то скакали въ колесницахъ, то посылали наѣздниковъ, но бѣгъ и тѣхъ и другихъ продолжался не болѣе часа. Между прочимъ почти шестьдесятъ молодыхъ людей, а иногда и болѣе, когда игры были по роскошнѣе, выходили въ полномъ вооруженіи. Ихъ движеніе представляло подражаніе движенію войска, но только воины были изысканнѣе одѣты, чѣмъ того требуетъ военное искусство и самое оружіе, бывшее у нихъ въ употребленіи, напоминало больше гладіаторовъ. Послѣ разныхъ эволюцій, они строились въ карре, и поднявъ щиты надъ головами, плотно ихъ смыкали,

при чемъ воины передніе стояли прямо, втораго ряда наклонясь, третьяго и четвертаго еще болѣе, а послѣдніе даже стояли на колѣнахъ, и такимъ образомъ образовывалась наклоненная поверхность на подобіе крыши. Оттуда въ разстояніи одинъ отъ другаго почти пятидесяти шаговъ, выбѣгали два вооруженныхъ воина, грозя одинъ другому: они по щитамъ взбѣгали на верхъ и представляли видъ единоборства то на самомъ краю черепахи, то сходились другъ съ другомъ на срединѣ и вообще бѣгали какъ на твердой почвѣ. Подобіе такой же *черепахи*, въ высшей степени сходной, подвинуто къ самой низкой части стѣны. Когда подошли помѣщавшіеся въ верху ея воины, то они стояли не одной высотѣ съ защитниками стѣны: сбивъ ихъ, воины двухъ значковъ перешли въ городъ: разница была только въ томъ, что спереди и съ боковъ воины не держали, какъ прочіе, щиты надъ головами, дабы не обнажить тѣло для ударовъ, но держали ихъ впереди, какъ то бываетъ въ бою. Вслѣдствіе этого, воины когда подходили, не потерпѣли никакого вреда отъ стрѣлъ, бросаемыхъ со стѣны и они, падая дождемъ на наклоненную поверхность щитовъ, безо всякаго вреда катились къ низу. Консулъ, по взятіи Гераклеи, выдвинулъ лагерь впередъ, какъ будто намѣреваясь двинуться къ царю и затѣмъ, удаливъ его, проникнуть въ Піерію, а между тѣмъ заготовлялъ уже зимнія квартиры, приказалъ укрѣпить дороги, по которымъ должны были подвозиться припасы изъ Ѳессаліи, заготовить въ удобныхъ мѣстахъ магазины для ссыпки хлѣба и построить зданія, гдѣ могли бы находить отдыхъ подвозившіе провіантъ.

X. Персей пришелъ наконецъ въ себя отъ ужаса, которымъ былъ пораженъ, и тутъ ему понравилось, что его приказанія остались безъ исполненія, когда въ испугѣ велѣлъ онъ сокровища свои выбросить въ море въ Пеллѣ, а въ Ѳессалоникѣ сжечь верфи. Андроникъ, посланный въ Ѳессалонику, тянулъ время, давая возможность, какъ и оправдалось на дѣлѣ, измѣнить рѣшеніе. Не такъ остороженъ былъ въ Пеллѣ Никіасъ, бросивъ въ море часть денегъ, какую только могъ достать; но повидимому впалъ

въ ошибку исправимую, такъ какъ почти все вытащено водолазами. Царю до того стыдно было своей робости, что онъ приказалъ тайно убить водолазовъ, потомъ Андроника и Никія, для того чтобы не было никого, кто зналъбы о такомъ безразсудномъ приказаніи. Между тѣмъ К. Марцій, отправясь съ флотомъ отъ Гераклеи въ Ѳессалонику, на далекое пространство опустошилъ поля во многихъ мѣстахъ, высадивъ на берегъ вооруженныхъ воиновъ, а выходившихъ изъ города въ нѣсколькихъ удачныхъ схваткахъ, сбилъ внутрь стѣнъ въ большомъ разстройствѣ. Уже онъ сталъ грозить городу, когда, посредствомъ разставленныхъ всякаго рода осадныхъ орудій, поражаемы были не только воины, блуждавшіе около стѣнъ и неосторожно подходившіе; но даже находившіеся на судахъ, падали отъ камней, бросаемыхъ орудіями. А потому Римляне, отозвавъ на суда воиновъ и оставивъ осаду Ѳессалоники, оттуда идутъ въ Энею. Пятнадцать тысячь шаговъ отстоитъ этотъ городъ и находится напротивъ Пидны въ плодородной мѣстности. Опустошивъ область этого города, и слѣдуя берегомъ, достигли Антигоніи. Тутъ, выйдя на берегъ, сначала опустошили поля въ разныхъ мѣстахъ, и нѣсколько добычи отнесли на суда. Потомъ Македоняне напали на Римлянъ, разсѣявшихся по берегу и вмѣстѣ, пѣшихъ и конныхъ воиновъ, бросившихся бѣжать, усердно преслѣдовали до моря, убили почти пятьсотъ человѣкъ и не меньше взяли въ плѣнъ. И только крайняя необходимость, такъ какъ имъ препятствовали безопасно достичь судовъ, раздражила умы Римлянъ какъ безнадежностью иначе на спасеніе, такъ и стыдомъ. На самомъ берегу возобновилась битва и находившіеся на судахъ подали помощь. Тутъ Македонянъ почти двѣсти человѣкъ убито, и такое же число взято въ плѣнъ. Флотъ отплылъ отъ Антигонеи, и на Паллененскомъ полѣ сдѣлана высадка для опустошенія. Поле это принадлежитъ къ области Кассандрейцевъ и самое плодородное изо всѣхъ, мимо которыхъ проплыли. Тутъ попался на встрѣчу царь Евменъ, выступившій изъ Елеи съ 20 палубными судами; царь Прузій прислалъ пять крытыхъ (палубныхъ) судовъ.

XI. Вслѣдствіе такого увеличенія силъ, у претора прибавилось на столько смѣлости, чтобы осадить Кассандрею. Городъ этотъ построенъ царемъ Кассандромъ въ самихъ тѣснинахъ, соединяющихъ Паллененское поле съ остальною Македоніею; съ одной стороны огражденъ онъ Торонайскимъ, а съ другой Македонскимъ моремъ. Далеко выдвигается въ море коса, на которой стоитъ, не менѣе—знаменитой по своей величинѣ Аѳонской горы, и обращена къ сторонѣ Магнезіи двумя неравными мысами: большій называется Посидеемъ, а меньшій Канастрейскимъ. Нападеніе начато съ разныхъ сторонъ. Римляне стали дѣлать окопы въ урочищѣ, называемомъ Клитасъ, предварительно устроивъ паллисадъ (изъ кольевъ) для прегражденія пути, и провели ихъ отъ Македонскаго до Торонайскаго моря. Съ другой стороны находился морской проливъ, и оттуда приступалъ Евменъ. Римлянамъ очень трудно было завалить ровъ, недавно сдѣланный Персеемъ. Когда преторъ спросилъ, отъ чего нигдѣ не видно холма, который долженъ былъ образоваться изъ вынесенной изо рва земли, то ему показали своды: «выстроены они не такой толщины, какъ прежнія стѣны, но выложены въ одинъ рядъ кирпичей.» А потому онъ задумалъ: пробивъ стѣну открыть путь въ городъ. Ввесть же въ заблужденіе его защитниковъ могъ онъ, приставивъ къ стѣнамъ города лѣстницы въ другомъ мѣстѣ, и произведя тревогу, обратить вниманіе защитниковъ города на обереженіе этого мѣста. Гарнизонъ Кассандреи составляли: довольно порядочное число молодыхъ людей изъ гражданъ, восемьсотъ Агріановъ и двѣ тысячи Илліріевъ Пенестовъ, посланныхъ Плевратомъ: оба народа весьма воинственны. Они защищали стѣны, а Римляне употребляли всѣ усилія подойдти: пробивъ въ одну минуту стѣны сводовъ, они открыли входъ въ городъ. Будь вооружены тѣ, которые ворвались, городъ взятъ былъ бы немедленно: когда воины получили извѣстіе, что это дѣло совершено, то они отъ радости вдругъ подняли громкіе крики, стараясь проникнуть въ городъ гдѣ кто могъ.

XII. Непріятель былъ пораженъ сначала удивленіемъ, чтобы

значилъ такой внезапный крикъ; но когда начальники гарнизона Пито, и Филиппъ, узнали, что въ городъ открытъ доступъ, сообразили, что кто сдѣлаетъ первое нападеніе, совершилъ почти уже дѣло, съ сильнымъ отрядомъ Агріановъ и Илліровъ сдѣлали вылазку, и Римлянъ, которые сходились и собираемы были съ разныхъ мѣстъ, для того чтобы внесть значки въ городъ, обратили въ бѣгство неустроенныхъ и въ безпорядкѣ преслѣдовали до рва: сбивъ ихъ туда довершаютъ пораженіе. Почти шестьсотъ человѣкъ тамъ убито, а переранены почти всѣ, сколько ихъ было захвачено между стѣною и рвомъ. Преторъ, потерпѣвъ пораженіе отъ своего же собственнаго замыслы, сдѣлался уже не столь предпріимчивымъ. Да и Евмену, въ его одновременномъ нападеніи вмѣстѣ и съ моря и съ суши, не все достаточно хорошо удавалось. А потому оба заблагоразсудили поставить гдѣ нужно сильные отряды, для того чтобы изъ Македоніи не могъ проникнуть ни одинъ вооруженный отрядъ, при неудачѣ дѣйствія открытою силою, стали осадными орудіями громить стѣны. Пока они это приготовляли десять царскихъ судовъ, отправленные изъ Ѳессалоники съ отборными Галльскими вспомогательными воинами, увидали стоявшія въ морѣ непріятельскія суда, а сами въ позднюю ночь, въ одинъ рядъ, плывя какъ можно ближе къ берегу, проникли въ городъ. Слухъ объ этомъ новомъ подкрѣпленіи заставилъ Римлянъ и царя вмѣстѣ отказаться отъ осады. Обогнувъ мысъ, они пристали съ флотомъ къ Торону. Они пытались напасть и на этотъ городъ, но видя, что его защищаетъ сильный отрядъ, безъ успѣха отправились въ Деметріаду; подходя они увидѣли, что стѣны наполнены вооруженными воинами; проплыли мимо и пристали къ Голку, а оттуда, опустошивъ поля, собрались приступать и къ Деметріадѣ.

XIII. Между тѣмъ консулъ для того только, чтобы не оставаться празднымъ въ непріятельской области, отправилъ М. Попиллія съ пятью тысячами воиновъ—приступить къ городу Мелибею. Находится онъ у подошвы горы Оссы въ ея сторонѣ, обращенной къ Ѳессаліи, и весьма удобно возвышается надъ

Деметріадою. Сначала прибытіе непріятелей поразило жителей мѣста: оправившись потомъ отъ неожиданнаго страха, вооруженные воины разбѣжались къ воротамъ и стѣнамъ, въ мѣстахъ, гдѣ можно было подозрѣвать доступъ и немедленно они отняли надежду на то, чтобы можно было взять его первымъ нападеніемъ. Такимъ образомъ готовилась осада, и непріятель началъ приступать къ правильнымъ осаднымъ работамъ. Персей, услыхавъ, что въ одно и тоже время Мелибей подвергся нападенію войска консула, и вмѣстѣ флотъ стоитъ въ Голкѣ, чтобы напасть на Деметріаду—отправилъ въ Мелибей одного изъ вождей Евфранора съ отборными двумя тысячами воиновъ. Ему же приказано, если удастся удалить Римлянъ отъ Мелибея, то потайнымъ путемъ войдти въ Деметріаду прежде, чѣмъ Римляне пододвинутъ отъ Голка войско къ городу. Когда онъ (Евфраноръ) вдругъ показался на высотахъ, осаждавшіе Мелибей, Римляне съ большою тревогою оставили осадныя работы, подожгли ихъ, и такимъ образомъ удалились отъ Мелибея. Евфраноръ, освободивъ одинъ городъ отъ осады, тотчасъ же повелъ въ Деметріаду. Тогда жители возъимѣли достаточно увѣренности въ своихъ силахъ—не только защитить стѣны, но и поля, и дѣлали вылазки на, разсѣявшихся для грабежа, непріятелей не безъ вреда для нихъ. Впрочемъ преторъ и царь объѣхали стѣны, разсматривая мѣстоположеніе города, нельзя ли въ какомъ нибудь мѣстѣ сдѣлать покушеніе или силою или осадными работами. Прошелъ слухъ, что, чрезъ посредство Циданта Критянина и Антимаха, начальствовавшаго въ Деметріадѣ, между Персеемъ и Евменомъ завязались переговоры объ условіяхъ дружбы. Во всякомъ случаѣ отъ Деметріады отступили Римляне. Евменъ поплылъ къ консулу и поздравивъ его, что онъ благополучно прибылъ въ Македонію, отправился въ свое царство. Преторъ Марцій Фигулъ, пославъ часть флота на зимовку въ Сціатъ, съ остальными судами удалился въ Евбею въ Орей, находя, что этотъ городъ удобнѣе для отправленія припасовъ къ войскамъ, находившимся какъ въ Македоніи, такъ и въ Ѳессаліи. Относительно царя Евмена передаютъ со-

всѣмъ разно. Если вѣрить Валерію Антіату, то узнаемъ, что Евменъ не помогалъ претору флотомъ, хотя и былъ неоднократно къ этому приглашаемъ его письмами, и что онъ отправился въ Азію недовольный консуломъ за то, что онъ не позволилъ ему идти вмѣстѣ съ войскомъ, и даже Римляне не могли отъ Евмена добиться того, чтобы онъ оставилъ имъ всадниковъ Галльскихъ, приведенныхъ съ собою. Атталъ братъ его, оставался у консула; вѣрность его пребыла одинаковою и неизмѣнною, и усердное содѣйствіе его въ войнѣ было весьма полезно.

XIV. Пока велась война въ Македоніи, Трансальпинскіе послы отъ царька Галловъ (имя его было Баланосъ, но какого племени Галловъ не сохранилось извѣстія) прибыли въ Римъ, обѣщая помощь на войну съ Македонянами. Сенатъ поблагодарилъ и отправилъ посламъ подарки: золотое ожерелье въ два фунта, золотыя чаши въ четыре фунта, коня въ полномъ приборѣ и вооруженіе для всадника. Вслѣдъ за Галльскими послами послы Памфилійскіе внесли въ сенатъ золотую корону, сдѣланную изъ двадцати тысячъ *филиппеевъ* (монета). Они просили о позволеніи этотъ даръ положить въ храмѣ Юпитера Всемогущаго и Всеблагаго и принесть жертву въ Капитоліѣ. Посламъ, желавшимъ возобновить союзъ дружбы, данъ благосклонный отвѣтъ, и посланъ подарокъ каждому по двѣ тысячи ассъ. Тогда выслушаны послы отъ царя Прузія, и немного спустя отъ Родосцевъ; объ одномъ и томъ же предметѣ толковали они весьма разно. Со стороны Прузія была скорѣе просьба, чѣмъ требованіе, такъ какъ онъ заявлялъ: «что какъ донынѣ онъ стоялъ за одно съ Римлянами, такъ и будетъ стоять, пока продолжится война. Впрочемъ, когда къ нему пришли послы отъ Персея относительно приведенія къ концу войны съ Римлянами, то и имъ онъ обѣщалъ — быть за нихъ молельщикомъ передъ сенатомъ, и проситъ, буде сенатъ можетъ положить себѣ на сердце оставить гнѣвъ, то и его Прузія незабыть благодѣяніемъ возобновленнаго мира. Вотъ что говорили послы царскіе. Родосцы надменно исчислили свои благодѣянія народу Римскому

и присвоивъ себѣ большую часть побѣды, какъ бы то ни было одержанной надъ Антіохомъ, прибавили: «когда миръ былъ между Македонянами и Римлянами, тутъ возъимѣла начало ихъ Родосцевъ дружба съ Персеемъ: ее нарушили они противъ воли, безъ всякой съ его стороны вины и потому только, что Римлянамъ вздумалось притянуть и ихъ къ участію въ войнѣ. Третій годъ уже они, Родосцы, испытываютъ на себѣ всѣ неудобства этой войны: вслѣдствіе прекращенія сообщеній по морю, островъ терпитъ недостатокъ, съ потерею морскихъ пошлинъ и доходовъ. Такое положеніе дѣлъ имъ долѣе невыносимо, а потому они отправили въ Македонію къ Персею другихъ пословъ — объявить ему о требованіи Родосцевъ — заключить миръ съ Римлянами; въ Римъ они послали съ извѣстіемъ о томъ же. А тамъ Родосцы подумаютъ, какъ поступить съ тѣми, которые будутъ препятствовать положить конецъ войнѣ.» Я увѣренъ, что и теперь нельзя ни слышать, ни читать такихъ словъ безъ негодованія, а потому не трудно было представить каково было состояніе умовъ сенаторовъ, когда они это слушали.

XV. Клавдій увѣряетъ, что Родосцамъ не дано никакого отвѣта, а только прочитанъ декретъ сената, которымъ народъ Римскій повелѣлъ Карамъ и Ликамъ быть свободными, и съ извѣстіемъ объ этомъ письма немедленно посланы къ тому и другому народу. Выслушавъ это, старѣйшина посольства, многорѣчіе котораго незадолго передъ тѣмъ едва вмѣщалось въ зданіи сената, упалъ духомъ. Другіе говорятъ, что Родосцамъ данъ такой отвѣтъ: «еще въ началѣ войны народу Римскому извѣстно было отъ людей, заслуживающихъ довѣріе, что Родосцы съ царемъ Персеемъ затѣвали тайные замыслы противъ государства Римскаго, да и если бы въ этомъ оставалось еще какое либо сомнѣніе, то недавнія слова пословъ поставили это внѣ всякаго сомнѣнія, и по большей части коварство, какъ оно сначала ни бываетъ осторожно, само себя открываетъ. Неужели теперь Родосцы сдѣлались распорядителями войны и мира на земномъ шарѣ? Отнынѣ, по указанію Родосцевъ, Рим-

ляне будутъ браться за оружіе и класть его? Свидѣтелями договоровъ будутъ уже не боги безсмертные, но Родосцы. Въ правду ли это такъ? Если имъ, Родосцамъ, не будетъ оказано повиновенія, и войска изъ Македоніи не будутъ удалены, то они посмотрятъ, какъ имъ слѣдуетъ поступить? Что Родосцы будутъ разсматривать, они сами пусть знаютъ; а народъ Римскій, побѣдивъ Персея,—что не замедлитъ, какъ онъ надѣется, вскорѣ случиться—приметъ мѣры къ тому чтобы, каждый городъ и народъ получилъ достойное по заслугамъ его въ эту войну.» Впрочемъ посламъ отправлено въ подарокъ каждому по двѣ тысячи ассъ, но они ихъ не приняли.

XVI. Затѣмъ прочитано письмо консула К. Марція: какъ онъ перешелъ въ Македонію, пробравшись по горнымъ ущельямъ: тутъ онъ имѣетъ запасы на зиму, какъ заготовленные преторомъ изъ разныхъ мѣстъ, такъ и взятые у Епиротовъ тридцать тысячъ мѣръ пшеницы, и десять тысячъ мѣръ ячменя: за этотъ хлѣбъ деньги должны быть заплачены въ Римѣ ихъ посламъ. Изъ Рима надобно прислать одежды воинамъ, а лошадей нужно двѣсти, преимущественно Нумидскихъ; въ этихъ же мѣстахъ въ нихъ ощущается совершенный недостатокъ. Состоялся сенатскій декретъ, чтобы все по письму консула было исполнено. К. Сульпицій преторъ отдалъ съ торговъ поставку шести тысячъ тогъ, тридцати (тысячъ) туникъ (рубашекъ), и доставку лошадей въ Македонію съ предоставленіемъ ихъ въ распоряженіе консула. Посламъ Епиротовъ преторъ заплатилъ деньги за хлѣбъ и ввелъ въ сенатъ Онезима, Питонова сына, благороднаго Македонянина. Онъ былъ передъ царемъ постояннымъ совѣтникомъ мира и убѣждалъ его, хотя не постоянно, но часто, подражать примѣру отца его Филиппа, который до послѣдняго дня жизни имѣлъ обыкновеніе ежедневно два раза читать оглавленіе статей союзнаго договора, заключеннаго съ Римлянами. А когда оказалось невозможнымъ—отвлечь царя отъ войны, то онъ (Онезимъ) сталъ уклоняться то подъ тѣмъ, то подъ другимъ предлогомъ для того, чтобы не участвовать въ томъ, чего не одобрялъ; наконецъ замѣчая, что становится подозрительнымъ и даже

иногда стали взводить на него обвиненіе въ измѣнѣ, перебѣжалъ къ Римлянамъ и былъ въ высшей степени полезенъ консулу. Когда онъ (Онезимъ), будучи введенъ въ курію, все это припомнилъ, сенатъ приказалъ подвесть его подъ правило союзниковъ, дать ему квартиру и угощеніе на общественный счетъ; изъ Тарентинскаго поля, составлявшаго общественное достояніе народа Римскаго, отвесть двѣсти десятинъ и купить домъ въ Тарентѣ. Озаботиться всѣмъ этимъ—поручено претору К. Децимію. Цензоры въ Декабрскія Иды произвели пересмотръ и притомъ строже обыкновеннаго. У многихъ отняты лошади. между прочимъ у П. Рутилія, который, въ бытность свою трибуномъ народнымъ, сильно на нихъ (цензоровъ) нападалъ: онъ также удаленъ изъ трибы и записанъ въ подушный окладъ. На общественныя работы, по предписанію сената, квесторы отпустили половину дохода съ пошлинъ этого года; Ти. Семпроній на деньги, ему доставшіяся, купилъ въ общественную собственность домъ П. Африкана подлѣ *старыхъ* у статуи Вортумна, а также мясныя и другія лавки, съ нимъ соединенныя, и озаботился устройствомъ базилика, который въ послѣдствіи и получилъ названіе Семпроніева.

XVII. Годъ уже начался, и въ особенности озабоченные войною съ Македонянами, граждане толковали—кого бы выбрать консулами наступающаго года для приведенія войны къ концу; а потому состоялось сенатское опредѣленіе — Кн. Сервилію прибыть какъ можно поспѣшнѣе для производства выборовъ. Сенатское опредѣленіе преторъ Сульпицій къ консулу**по прошествіи немногихъ дней***прочелъ ранѣе какого дня прибудетъ въ городъ. (*) Консулъ поспѣшилъ, и выборы произведены въ тотъ самый день, который онъ назначилъ: консулами выбраны Л. Эмилій Павлъ въ другой разъ, на четырнадцатый годъ послѣ того какъ былъ въ первый разъ консуломъ, и К. Лици-

---

(*) То есть преторъ отправилъ сенатскій декретъ къ консулу, и тотъ вскорѣ послѣ того отвѣчалъ, что онъ въ извѣстный день придетъ въ городъ и произведетъ выборы.

ній Крассъ. На другой день назначены преторами: Кн. Бэбій Тамфилъ, Л. Аницій Галлъ, Кн. Октавій, П. Фонтейй Бальбъ, М. Эбуцій Эльва, К. Папирій Карбо. Забота о войнѣ Македонской побуждала и исполнить все какъ можно поспѣшнѣе, а потому признано за нужное немедленно вновь назначеннымъ лицамъ раздѣлить провинціи: для того чтобы знать, которому консулу Македонія, а какому претору—флотъ. Они немедленно должны были обсуждать и приготовлять все, что нужно для войны, а также и спросить сенатъ—если въ чемъ будетъ нужда. «Какъ только новые сановники вступятъ въ должность, то они какъ можно скорѣе должны совершить Латинскія празднества, лишь только это возможно будетъ по церковному уставу; а консулъ, которому назначено идти въ Македонію, не долженъ быть задерживаемъ.» Когда состоялось это опредѣленіе, то консуламъ назначены провинціи—Италія и Македонія, а преторамъ, кромѣ двухъ судопроизводствъ въ городѣ — флотъ, Испанія, Сицилія и Сардинія. Изъ консуловъ Эмилію досталась Македонія, а Лицинію Италія. Преторамъ досталось по жеребью: Кн. Бэбію судопроизводство надъ гражданами; Л. Аницію—надъ чужестранцами и оставаться въ распоряженіи сената, Кн. Октавію—флотъ, П. Фонтеію—Испанія, М. Эбуцію—Сицилія, Кн. Папирію — Сардинія.

XVIII. Съ перваго же разу обнаружилось всѣмъ, что Л. Эмилій будетъ весть эту войну дѣятельно; кромѣ того что онъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ, онъ дни и ночи проводилъ въ соображеніяхъ о томъ, что нужно для войны. Прежде всего онъ просилъ у сената—отправить уполномоченныхъ въ Македонію—осмотрѣть войска и флотъ, и по основательнымъ изслѣдованіи доложить, что именно нужно для войскъ какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ: кромѣ того чтобы они узнали о положеніи войскъ царскихъ, какъ велика ихъ сила, и въ чемъ заключается ихъ преимущество и наше. Римляне имѣютъ ли лагерь внутри ущельевъ, или уже всѣ тѣснины ими пройдены и они достигли мѣстъ ровныхъ; какіе союзники намъ вѣрны, какіе сомнительны и вѣрность ихъ колеблется вмѣстѣ съ счастіемъ, а какіе обна-

ружили въ себѣ явныхъ непріятелей; сколько заготовлено припасовъ и откуда они должны быть доставлены сухимъ путемъ, откуда судами; что именно, въ теченіи прошлаго лѣта, совершено на морѣ и на сухомъ пути; только, по основательномъ изученіи всего этого, можно, будетъ принять вѣрныя мѣры на будущее время. Сенатъ поручилъ консулу Кн. Сервилію — отправить въ Македонію уполномоченныхъ, избравъ ихъ по указанію Л. Эмилія. Два дня спустя отправились уполномоченные Кн. Домицій Агенобарбъ, А. Лициній Нерва и Л. Бэбій. Въ концѣ этого года получено извѣстіе о два раза шедшемъ каменномъ дождѣ: разъ на Римскомъ, а на разъ на Веіентскомъ полѣ. Два раза совершено девятидневное жертвоприношеніе. Въ этомъ году умерли жрецы П. Квинктилій Варъ, фламенъ Марціалъ и М. Клавдій Марцеллъ децемвиръ: на его мѣсто подставленъ Кн. Октавій. Съ увеличивающеюся роскошью обратило на себя вниманіе то, что, во время Цирценскихъ игръ, П. Корнелія Сципіона Назики и П. Лентула, курульныхъ эдилей, участвовали въ играхъ шестьдесятъ три Африканки (пантеры) и сорокъ медвѣдей и слоновъ.

XIX. Въ консульство Л. Эмилія Павлла и К. Лицинія, въ Мартовскія Иды, въ началѣ наступающаго года, сенаторы были въ ожиданіи въ особенности того, что консулъ доложитъ о Македоніи, доставшейся ему провинціею. Павллъ сказалъ: «нѣчего ему доложить, такъ какъ послы не возвращались; впрочемъ они находятся въ Брундизіѣ, бывъ два раза во время плаванія отброшены въ Диррахій. Онъ, консулъ, доложитъ — какъ только ему извѣстно будетъ то, что знать нужно для сущности дѣла, а это совершится въ теченіи самого непродолжительнаго времени. Во избѣжаніеже какой либо задержки къ выступленію, назначенъ день для празднованія Латинъ наканунѣ Апрѣльскихъ Идъ. Совершивъ обычныя жертвоприношенія, выступятъ онъ и Октавій согласно съ распоряженіемъ сената. А на товарищѣ его, К. Лициніѣ, будетъ лежать забота въ его отсутствіи заготовлять и посылать, все что нужно будетъ на эту войну; между тѣмъ есть возможность выслушать посольства чужезем-

ныхъ народовъ. Первые позваны прибывшіе изъ Александріи послы отъ царей Птоломея и Клеопатры. Въ траурной одеждѣ, съ отпущенными бородою и волосами, вошли они въ курію (зданіе сената) съ масличными вѣтвями и упали ницъ: рѣчь ихъ соотвѣтствовала жалкой наружности. Антіохъ, царь Сиріи, бывшій въ Римѣ заложникомъ, подъ благовиднымъ предлогомъ возстановленія на царство старшаго Птолемея, началъ войну съ меньшимъ братомъ его, который властвовалъ въ то время въ Александріи, у Пелузія одержалъ морскую побѣду и поспѣшно сдѣлавъ мостъ на Нилѣ, перешелъ съ войскомъ, грозя осадою самой Александріи, и казалось уже для него не далекимъ овладѣть богатѣйшимъ царствомъ. Жалуясь на это, послы молили сенатъ: подать помощь царству и владѣтелямъ его, связаннымъ узами дружбы съ имперіею Римскою: «таковы заслуги народа Римскаго въ отношеніи къ Антіоху, и таково вліяніе на всѣхъ царей и народовъ, что если они отправятъ пословъ объявить нежеланіе сената, чтобы вели непріязненныя дѣйствія съ союзными царями, то Антіохъ немедленно отступитъ отъ стѣнъ Александріи и уведетъ войско въ Сирію. Если же Римляне замедлятъ такъ поступить, то вскорѣ изгнанниками явятся въ Римъ Птоломей и Клеопатра съ нѣкоторымъ стыдомъ для народа Римскаго, такъ какъ онъ не подалъ никакой помощи, когда дѣло шло о рѣшеніи ихъ участи.» Сенаторы, тронутые просьбами Александрійцевъ, немедленно отправили уполномоченными К. Попилія Лената, К. Децимія и К. Гостилія—положить конецъ войнѣ между царями. Приказано имъ навѣстить сначала Антіоха, а потомъ Птоломея и объявить имъ, что если они не откажутся отъ войны, то Римляне не будутъ считать ни за друга, ни за союзника того, кто будетъ этому виною.

XX. Не позже какъ черезъ три дня отправились Римскіе уполномоченные вмѣстѣ съ Александрійскими послами. Въ концѣ Квинкватровъ (пятидневнаго праздника въ честь Миневры) явились наконецъ изъ Македоніи уполномоченные; ихъ ждали съ такимъ нетерпѣніемъ, что небудь вечеръ, консулы тотчасъ же

бы созвали сенатъ. На другой день сенатъ собрался, и уполномоченные выслушаны. Они извѣстили, что: «съ большею опасностью, чѣмъ выгодою, войско введено въ Македонію по непроходимымъ ущельямъ. Піерію занимаетъ царь до тѣхъ мѣстъ, до какихъ выступилъ; лагерь съ лагеремъ сближены почти такъ, что только отдѣляются рѣкою Енипеемъ: и царь не даетъ возможности къ битвѣ, а у нашихъ недостаточно силъ принудить его. Да и зима наступила неожиданно въ самомъ разгарѣ военныхъ дѣйствій; воины праздно потребляютъ припасы, и не болѣе шести...хлѣба осталось. У Македонянъ говорятъ тридцать тысячь воиновъ подъ оружіемъ. Будь у Ап. Клавдія около Лихнида достаточно сильное войско, можно было бы развлечь царя войною въ двухъ мѣстахъ. Теперь же Аппій, и сколько съ нимъ есть войска, находятся въ величайшей опасности, если поспѣшно не будетъ послано туда достаточныхъ силъ, или и остальные воины не будутъ выведены оттуда. Когда они изъ лагеря отправились ко флоту, то услыхали, что часть морскихъ служителей сдѣлалась жертвою болѣзни, а часть, преимущественно тѣ, которые были изъ Сициліи, отправились домой, и на судахъ ощущается недостатокъ въ людяхъ, да которые и есть, не получаютъ жалованья и одеждъ не имѣютъ. Евменъ и флотъ его, подобно судамъ, занесеннымъ вѣтромъ, безъ причины и явились и исчезли: и обнаружилось, что характеръ царя не довольно постояненъ». На сколько относительно Евмена сомнительное, на столько—относительно постоянной вѣрности Аттала—уполномоченные сообщили все самое лучшее.

XXI. Выслушавъ уполномоченныхъ, Л. Эмилій сказалъ, что теперь онъ доложитъ о войнѣ. Сенатъ опредѣлилъ: «чтобы на восемь легіоновъ одинаковое число трибуновъ назначили консулы и народъ: въ этомъ году не назначатъ никого, кромѣ лицъ уже служившихъ съ честью. Потомъ изъ числа всѣхъ военныхъ трибуновъ Л. Эмилій въ два легіона, назначаемые въ Македонію, имѣлъ право выбрать по своему усмотрѣнію. По совершеніи Латинскихъ празднествъ, должны отправиться въ свои провинціи консулъ Л. Эмилій и преторъ Кн. Октавій, которому

досталось начальство надъ флотомъ». Третій прибавленъ къ нимъ преторъ Л. Аниційй, которому поручено было судопроизводство надъ иностранцами. Заблагоразсудили ему быть преемникомъ Ап. Клавдія въ провинціѣ Иллирикѣ около Лихнида. Забота о наборѣ возложена на консула К. Лицинія; ему повелѣно набрать семь тысячь гражданъ Римскихъ и двѣсти всадниковъ; отъ союзниковъ Латинскаго имени потребовать семь тысячь пѣшихъ воиновъ и четыреста всадниковъ. Кн. Сервилію, управлявшему провинціею Галліею, послано предписаніе — набрать шестьсотъ всадниковъ. Лицинію приказано—все это войско, какъ можно поспѣшнѣе, отправить въ Македонію къ товарищу, и въ этой провинціи находиться не болѣе какъ двумъ легіонамъ, но пополнить ихъ такъ, чтобы въ каждомъ было по шести тысячь пѣшихъ воиновъ и по триста всадниковъ; остальныхъ пѣшихъ и конныхъ воиновъ расположить по гарнизонамъ, а тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся неспособными къ военной службѣ, распустить. Кромѣ того потребовано отъ союзниковъ десять тысячь пѣшихъ воиновъ и восемьсотъ всадниковъ. Это подкрѣпленіе дано Аницію кромѣ двухъ легіоновъ, которые ему велѣно доставить въ Македонію: въ каждомъ изъ нихъ заключалось по пяти тысячь двѣсти пѣшихъ воиновъ и по триста всадниковъ. Для службы на флотѣ набрано пять тысячь человѣкъ. Консулу Лицинію приказано занимать провинцію двумя легіонами и къ нимъ присоединить союзниковъ десять тысячь пѣшихъ и шестьсотъ всадниковъ.

XXII. Когда составлялись сенатскіе декреты, то консулъ Л. Эмилій вышелъ изъ куріи въ народное собраніе и сказалъ такую рѣчь: «Квириты, мнѣ кажется я замѣтилъ, что когда мнѣ досталась по жеребью провинціею Македонія, большее мнѣ было поздравленіе, чѣмъ когда я и былъ поздравленъ консуломъ, и вступилъ въ отправленіе должности. Другой причины этому нѣтъ, какъ убѣжденіе, что черезъ меня можетъ быть положенъ конецъ, достойный величія народа Римскаго, войнѣ съ Македонянами, которая тянется уже такъ долго. Надѣюсь, что благосклонное вниманіе боговъ не было чуждо этому жеребью, и что

они съ такимъ же будутъ присутствовать и при совершеніи событій; частью я могу это предполагать, частью надѣяться; но то и смѣю утверждать навѣрное, что я употреблю всѣ силы оправдать надежды, которыя вы на меня возлагаете. А что необходимо на войну, то уже и сенатъ опредѣлилъ; такъ какъ мнѣ нужно немедленно отправиться и я медлить не стану, то товарищъ мой К. Лициній, человѣкъ отличный, приготовитъ съ такимъ же стараніемъ, какъ будто ему самому предстояло вести войну; а вы вѣрьте тому, что я напишу сенату или вамъ, но вашею довѣрчивостью не давайте пищи слухамъ, которымъ не окажется прямаго виновника. И теперь, а въ особенности въ эту войну, замѣтно явленіе, обыкновенно случающееся, что нѣтъ человѣка, который бы на столько пренебрегъ молвою, что бы духъ его не могъ упасть подъ ея вліяніемъ. Во всѣхъ кружкахъ и даже, по снисходительности боговъ, на пиршествахъ являются люди, которые ведутъ войска въ Македонію, знаютъ— гдѣ надобно поставить лагерь, какія мѣста занять войсками, когда и какимъ ущельемъ проникнуть въ Македонію, гдѣ поставить житницы, откуда сухимъ путемъ и моремъ подвозить провіантъ, въ какое время лучше сразиться съ непріятелемъ и въ какое оставаться въ покоѣ. И не только утверждаютъ какъ надобно поступить, но если въ чемъ нибудь поступлено иначе чѣмъ какъ они рѣшили, то они обвиняютъ консула какъ бы въ уголовномъ преступленіи. Въ этомъ заключается большое препятствіе для лицъ, которыя должны дѣйствовать. Не всѣ обнаруживаютъ столько твердости и постоянства противъ ложныхъ слуховъ, сколько обнаруживалъ Фабій; онъ предпочелъ уменьшеніе власти своей вслѣдствіе легкомыслія народа, чѣмъ сохранить его доброе мнѣніе жертвою пользъ отечества. Я вовсе не того мнѣнія, что вожди не должны спрашивать ничьяго совѣта: я даже человѣка, который во всемъ дѣйствуетъ только по собственному внушенію, считаю скорѣе гордымъ, чѣмъ умнымъ. Какъ же тутъ быть? Во первыхъ полководцы должны спрашивать совѣта у людей благоразумныхъ, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ и наученныхъ практикою, потомъ отъ тѣхъ,

которые, находясь на лицо на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, могутъ ознакомиться съ непріятелемъ, съ свойствами мѣстности и, пребывая какъ бы на одномъ и томъ же кораблѣ, дѣлятъ труды и опасности. А потому если найдется человѣкъ, съ увѣренностью сознающій въ себѣ, что въ войнѣ, которую мнѣ пріидется весть, онъ можетъ принесть пользу отечеству совѣтомъ, то пусть онъ не откажется быть полезнымъ и на дѣлѣ, и отправляется со мною въ Македонію; я доставлю ему корабль, лошадь, палатку и припасы. Но если кто лѣнится такъ поступить и предпочитаетъ праздность городскую трудамъ военнымъ, то пусть откажется отъ мысли, оставаясь на берегу, управлять судномъ. Городская жизнь уже сама по себѣ доставитъ довольно пищи для толковъ, а затѣмъ болтливость пусть каждый сдержитъ и знаетъ, что на будущее время мы будемъ довольствоваться совѣтами, которые можно получить въ лагерѣ». Сказавъ эту рѣчь, и по обычаю во время Латинскихъ празднествъ, наканунѣ Календъ Апрѣльскихъ, совершивъ жертвоприношеніе на горѣ, немедленно консулъ и преторъ Кн. Октавій отправились въ Македонію. Осталось въ памяти, что отъѣздъ консула сопровождался большимъ участіемъ со стороны гражданъ, чѣмъ это обыкновенно бываетъ, и граждане почти навѣрное предчувствовали и надѣялись, что Македонская война скоро окончится, и что консулъ не замедлитъ вернуться съ блистательнымъ тріумфомъ.

XXIII. Пока это происходитъ въ Италіи, Персей, до сихъ поръ не могшій рѣшиться довесть до конца начатое дѣло о задобреніи въ свою пользу Гентія, царя Иллировъ, такъ какъ оно сопряжено было съ денежнымъ пожертвованіемъ, когда увидалъ, что Римляне перешли тѣснины и война принимаетъ рѣшительный оборотъ, счелъ невозможнымъ медлить долѣе и, условясь черезъ Гиппія о платежѣ трехъ сотъ талантовъ серебра съ взаимною выдачею заложниковъ, отправилъ Пантавха, вѣрнѣйшаго своего друга, привесть это дѣло къ окончанію. Въ Метеонѣ, въ землѣ Лабеатидской, Пантавхъ встрѣтилъ царя Иллирійскаго; тутъ онъ принялъ отъ него присягу и заложниковъ. Посланъ и отъ Гентія уполномоченный, по имени Олимпій, потребовать у

Персея клятвъ и заложниковъ; съ нимъ отправлены и лица для принятія денегъ и, по словамъ Пантавха—Парменіонъ и Моркъ, назначенные послами въ Родосъ, куда они должны были отправиться вмѣстѣ съ Македонскими. Имъ поручено, чтобы они приняли прежде отъ Персея присягу, заложниковъ и деньги и тогда уже отправились въ Родосъ: «соединенными убѣжденіями двухъ царей, Родосцы могутъ быть возбуждены къ войнѣ съ Римлянами. А когда присоединится государство, за которымъ однимъ почти осталось первенство въ морскомъ дѣлѣ, то Римлянамъ не останется надежды ни на морѣ, ни на сушѣ». По приходѣ Иллирійцевъ, Персей двинулся со всею конницею отъ рѣки Енипея и встрѣтилъ ихъ у Дія. Тутъ то, что условлено, совершенно среди окружавшей конницы: царь хотѣлъ, чтобы она присутствовала при утвержденіи союза съ Гентіемъ въ надеждѣ, что это обстоятельство хотя сколько нибудь ободритъ умы воиновъ. И заложники въ присутствіи всѣхъ даны и приняты; въ Пеллу къ царскимъ сокровищамъ посланы для принятія денегъ; а тѣ, которые должны были идти въ Родосъ съ Иллирійскими послами, получили приказаніе отправиться въ Ѳессалонику. Тутъ находился Метродоръ, недавно прибывшій изъ Родоса; онъ, ссылаясь на старѣйшинъ Родоса—Динона и Поліарата, утверждалъ, что Родосцы готовы къ войнѣ; онъ поставленъ во главѣ соединеннаго съ Иллирійскимъ посольства.

XXIV. Въ тоже время къ Евмену и Антіоху даны общія порученія, какія могло внушить положеніе дѣлъ: «отъ природы враждебны между собою вольныя государства и цари. По одиночкѣ нападаетъ народъ Римскій и, что хуже всего, царей сокрушаетъ царскими же силами. Съ помощью Аттала отецъ его (Персея) подавленъ; Антіохъ побѣжденъ при помощи Евмена и отчасти отца его Филиппа. Теперь противъ него вооружились и Евменъ и Прузіасъ. Съ паденіемъ Македонскаго царства ближе всего Азія: Римляне уже и ее частью, подъ предлогомъ освобожденія городовъ, сдѣлали своею, а затѣмъ очередь дойдетъ до Сиріи. Уже Прузіаса чтятъ болѣе Евмена,

уже у Антіоха побѣдителя исторгаютъ награду побѣды Египетъ. Пусть обо всемъ объ этомъ хорошенько подумаютъ и, въ видахъ заботливости о себѣ, склонятъ Римлянъ къ заключенію съ нимъ мира или, если тѣ упорно будутъ продолжать войну, соединятъ общія усилія противу отъявленныхъ враговъ всѣхъ царей.» Къ Антіоху порученіе было явное, а къ Евмену отправленъ уполномоченный подъ предлогомъ размѣна плѣнныхъ: впрочемъ шло дѣло о чемъ то секретномъ, что тогда же сдѣлало для Римлянъ подозрительнымъ — Евмена, вслѣдствіе ложныхъ и болѣе важныхъ.***Его сочли измѣнникомъ и почти врагомъ, а между тѣмъ оба царя состязались другъ съ другомъ въ коварствѣ и корыстолюбіи. Былъ Кретіецъ Цидасъ, изъ числа приближенныхъ Евмена: онъ велъ переговоры сначала у Амфиполиса съ какимъ то землякомъ Химаромъ, стоявшимъ за Персея, а потомъ у Деметріады, разъ съ какимъ то Менекратомъ, потомъ съ Антимахомъ, царскими вождями — подъ самыми стѣнами города. И Герофонъ, посланный въ это время, уже два раза былъ посыланъ съ порученіями къ Евмену. Объ этихъ тайныхъ порученіяхъ и посольствахъ шла дурная молва, но подлинно никто не зналъ, что дѣлалось и на чемъ покончено между царями; въ дѣйствительности же дѣло происходило такъ:

XXV. Евменъ не желалъ побѣды Персея, и не намѣревался напасть на него войною не — столько вслѣдствіе наслѣдованной отъ отцовъ вражды, сколько по личной ненависти, пищи для которой было не мало. Не таково было соперничество между царями, чтобы Евменъ могъ равнодушно смотрѣть на такое усиленіе Персея и на такую славу, какіе достались бы ему въ удѣлъ, если бы онъ побѣдилъ Римлянъ. Видѣлъ онъ (Евменъ), что съ самаго начала войны, Персей испытывалъ всѣ средства имѣть миръ и съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ приближенія военной грозы, сосредоточивалъ на этомъ всѣ свои мысли и дѣйствія. Да и Римляне съ своей стороны — такъ какъ война продлилась долѣе, чѣмъ они надѣялись, и сами вожди и сенатъ не чужды были (такъ покрайней мѣрѣ думалъ Евменъ) сочувствія къ мысли объ окон-

чаніи войны въ мѣстности, столь неудобной и трудной. Убѣжденный въ такомъ желаніи обѣихъ сторонъ, и вѣря въ возможность исполненія этого само собою, вслѣдствіе робости слабѣйшей и скуки сильнѣйшей стороны, онъ желалъ задобрить обѣ стороны и какъ можно дороже продать свое въ этомъ посредничество. То онъ уговаривался, чтобы не помогать Римлянамъ въ войнѣ ни на морѣ, ни на сухомъ пути, то торговался о цѣнѣ за посредничество къ заключенію мира; за то, чтобы не принимать участія въ войнѣ *****) тысячу пятьсотъ талантовъ. Въ томъ, и въ другомъ случаѣ, онъ заявлялъ готовность не только дать клятву, но и представить заложниковъ. Персей заявлялъ величайшую готовность къ начатію дѣла подъ вліяніемъ страха; о пріемѣ заложниковъ онъ толковалъ немедленно и условился, чтобы, по принятіи ихъ, они были отосланы въ Критъ. Но когда дѣло дошло до денегъ, онъ медлилъ; во всякомъ случаѣ такой торгъ отъ имени такихъ царей былъ постыднымъ и гнуснымъ, какъ для имѣвшаго получить деньги, такъ и отдать ихъ. Въ надеждѣ на миръ съ Римомъ, Персей не отказывался отъ издержекъ, но говорилъ, что онъ деньги отдастъ только по окончаніи дѣла, а пока положитъ въ Самотракскомъ храмѣ. Такъ какъ островъ Самотракъ владѣнія Персеева, то Евменъ видѣлъ мало разницы, какъ бы деньги находились въ Пеллѣ, а для него важно было взять хоть какую нибудь часть денегъ теперь же. Такимъ образомъ цари, тщетно стараясь обмануть другъ друга, ничего не пріобрѣли, кромѣ безславія.

XXVI. И не только это дѣло упустилъ Персей вслѣдствіе корыстолюбія, тогда какъ онъ могъ сберечь деньги и имѣть миръ черезъ посредство Евмена, хотя бы и купилъ его частью владѣній; онъ могъ снова обобрать непріятеля, тяжело нагруженнаго платою, и могъ бы вооружить противъ него Римлянъ весьма основательно; но и ранѣе подготовленный союзъ съ царемъ Гентіемъ и огромныя полчища Галловъ, разсѣявшихся по Иллирику, остались безъ пользы вслѣдствіе того же корыстолюбія. Шли десять тысячъ всадниковъ и столько же пѣшихъ воиновъ; послѣдніе быстротою движенія равнялись съ конными, и вмѣсто

упавшихъ всадниковъ въ сраженіи они брали ихъ коней и выступали въ бой. Они условились получить намедленно по прибытіи: всадникъ по десяти золотыхъ, пѣшій по пяти, а вожди по тысячѣ. Когда они приближались, то Персей, выступивъ имъ отъ Енипея на встрѣчу съ половиною войскъ, сталъ объявлять по селамъ и городамъ, прилежащимъ къ дорогѣ, чтобы заготовляли провіантъ, хлѣбъ, вина и скота въ изобиліи; а самъ взялъ съ собою лошадей, уборы лошадиные и одежды воинскія въ даръ старѣйшинамъ, а также небольшое количество золота для распредѣленія между немногими, а большую часть онъ надѣялся провесть одними обѣщаніями. Онъ прибылъ къ городу Альману и сталъ лагеремъ на берегу рѣки Аксія. Войско Галльское остановилось около Десудабы въ Медикѣ, дожидаясь тамъ условленной платы. Царь отправилъ туда Антигона, одного изъ приближенныхъ, съ приказаніемъ Галльскому войску—подвинуть лагерь къ Билазорѣ (это мѣсто находится въ Пэоніи), а старѣйшинамъ явиться къ нему въ большомъ числѣ. Они находились на разстояніи 75 миль отъ рѣки Аксія и лагеря царскаго. Когда Антигонъ передалъ Галламъ то, что ему было поручено и прибавилъ, что по дорогѣ заботливостью царя приготовлены для Галловъ въ избыткѣ припасы всякаго рода, а старѣйшинъ, по ихъ прибытіи, встрѣтитъ даромъ одеждъ, денегъ и лошадей; на это Галлы отвѣчали: увидимъ сами, что будетъ; а спросили: то, о чемъ прежде условились, количество золота, слѣдующее къ распредѣленію между пѣшими и конными воинами поголовно, привезъ ли съ собою?—Не получая на это никакого отвѣта, Клондикъ, царекъ Галловъ, сказалъ Антигону: «ступай къ царю и скажи, что Галлы, пока не получатъ золота и заложниковъ, ни на шагъ недвинутся далѣе». Царь, получивъ объ этомъ донесеніе, собралъ совѣтъ и такъ какъ ясно было въ какомъ смыслѣ были бы всѣ убѣжденія, то царь самъ, лучшій охранитель денегъ, чѣмъ царства, настоятельно говорилъ о коварствѣ и жестокости Галловъ: «уже прежде многими бѣдствіями доказана опасность принятія въ Македонію такого ихъ множества: какъ бы союзъ съ ними не обошелся

дороже вражды съ Римлянами! Пяти тысячь всадниковъ достаточно для того, чтобы принесть пользу на войнѣ безъ опасеній, внушаемыхъ многолюдствомъ».

XXVII. Ясно было для всѣхъ, что царю не хотѣлось тратить значительной суммы на жалованье—и больше ничего; но никто не посмѣлъ противорѣчить царю, высказавшему свое мнѣніе. Антигонъ посланъ къ Галламъ снова съ извѣстіемъ, что царю нужно только содѣйствіе пяти тысячь всадниковъ, а прочихъ онъ не удерживаетъ. Услыхавъ это, варвары возроптали нѣкоторые изъ нихъ въ негодованіи, что напрасно вызваны изъ своихъ жилищъ: Клондикъ опять спросилъ: отсчитаетъ ли онъ деньги, въ которыхъ условился, хоть этимъ пяти тысячамъ? Видя же, что и тутъ царь хочетъ отдѣлаться двусмысленными рѣчами, Галлы, не причинивъ ни малѣйшаго вреда вѣстнику обмана (такого благополучія онъ и самъ не могъ ожидать), вернулись назадъ къ Истру, опустошивъ Ѳракію въ мѣстахъ, прилежащихъ къ дорогѣ. А между тѣмъ полчища Галловъ, пока царь спокойно оставался бы у Енипея, будучи переведены по ущелью Перребіи въ Ѳессалію противу Римлянъ, не только очистилибы поля грабежемъ, такъ что Римляне не могли бы ждать уже оттуда никакихъ подвозовъ, но и уничтожить самые города; а Персей у Енипея держалъ бы Римлянъ, такъ чтобы они не въ состояніи были подать помощь союзнымъ городамъ. Да и самимъ Римлянамъ пришлось бы о себѣ подумать: они не могли ни оставаться, утративъ Ѳессалію, откуда получалось продовольствіе для войска, ни идти впередъ, когда напротивъ лагерь Македонянъ *** которые имѣли эту надежду, не мало ослабилъ. Такою жадностью Персей удалилъ отъ себя царя Гентія: когда онъ триста талантовъ отсчиталъ въ Пеллѣ его посланнымъ, онъ допустилъ ихъ наложить свои клейма и затѣмъ отдалъ приказаніе—немедленно вручить царю десять талантовъ, посланныхъ къ Пантавху: остальныя деньги, перемѣченныя печатями Иллирійцевъ, онъ приказалъ—подводчиками были Македоняне—везти маленькими переходами; а по прибытіи къ границамъ Македоніи остановиться и подождать отъ него извѣстія. Гентій,

получивъ такую небольшую сумму денегъ, но побуждаемый постоянно Пантавхомъ затронуть Римлянъ открыто непріязненнымъ дѣйствіемъ, ихъ уполномоченныхъ—М. Перперну и Петиллія, въ то время къ нему пришедшихъ, заключилъ въ оковы. Услыхавъ объ этомъ, Персей, полагая, что Гентій такимъ поступкомъ по необходимости уже втянутъ въ войну съ Римлянами, послалъ вернуть тѣхъ, которые везли деньги, какъ будто у него не было другой заботы, какъ оставить Римлянамъ сколь можно большую добычу, когда они его побѣдятъ. Отъ Евмена вернулся Герофонъ, не зная о томъ, что дѣлалось тайно; и сами они объявили, что дѣло шло о плѣнныхъ, и такъ же увѣдомилъ консула Евменъ во избѣжаніе подозрѣнія.

XXVIII. Персей, обманувшись въ надеждѣ съ возвращеніемъ Герофонта отъ Евмена—начальниковъ флота Антенора и Каллипа отправилъ въ Тенедосъ съ сорока судами (лембы) прибавивъ къ этому количеству пять, такъ называемыхъ, *пристъ*—оберегать разсѣянныя про между Цикландскихъ островов суда, шедшія въ Македонію съ хлѣбомъ. Они отведены сначала въ Каландрею, въ портъ, находящійся подлѣ Аѳонской горы, оттуда при тихомъ состояніи моря переправлены въ Тенедосъ, а стоявшія въ пристани, Родосскія открытыя (безъ палубы) суда, и префекта ихъ, Евдама отпустили безо всякаго насилія и даже очень ласково съ ними обошлись. Узнавъ потомъ, что въ другомъ боку пятьдесятъ транспортныхъ судовъ заперты, стоящими въ устьѣ порта, военными судами Евмена, бывшія подъ начальствомъ Дамія, поспѣшно поплыли и грозою приближенія удаливъ непріятельскія суда — транспортныя суда отправили въ Македонію, давъ имъ для прикрытія десять лембовъ и они, проводивъ до безопаснаго мѣста, должны были вернуться въ Тенедосъ: на девятый день вернулись они къ флоту, стоявшему уже у Сигея, откуда переправились къ Суботѣ (такъ называется островъ между Елеею и Атосомъ). Случилось, что на другой день послѣ того, какъ флотъ сталъ у Суботы, тридцать пять судовъ, называемыхъ *гиппагогами*, отплыли отъ Елеи съ всадниками Галльскими и лошадьми и шли къ Фанасу, выдавше-

муся пункту острова Хіоса для того, чтобы оттуда переправиться въ Македонію; ихъ Евменъ посылалъ Атталу. Когда Антенору данъ былъ знакъ съ сторожевой скалы о томъ, что суда въ морѣ, то, двинувшись отъ Суботы, онъ встрѣтилъ ихъ между мысомъ Еритрейскимъ и Хіосомъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива. Начальники Евменовыхъ судовъ никакъ и не предполагали возможности—видѣть флотъ Македонянъ въ этомъ морѣ: то на Римлянъ думали, то на Аттала, то предполагали, что, отосланныя Атталомъ, нѣсколько судовъ идутъ въ Пергамъ. Но когда видъ приближавшихся судовъ не оставилъ никакого сомнѣнія и поспѣшное движеніе веселъ и прямое направленіе судовъ ясно обнаружили приближеніе непріятеля, тогда началась тревога; на сопротивленіе нельзя было имѣть никакой надежды, такъ какъ и родъ судовъ былъ неспособенъ къ этому, да и Галлы съ трудомъ переносили пребываніе на морѣ, даже спокойномъ. Часть судовъ, находившихся ближе къ твердой землѣ, ушла въ Еритрею; нѣкоторые, выпустивъ всѣ паруса, дали себя выбросить на Хіосъ и, покинувъ лошадей, поспѣшно бросились бѣжать въ городъ. А Македонскія суда ближе къ городу, и въ болѣе удобномъ, мѣстѣ берега высадили вооруженныхъ воиновъ, которые и избили много Галловъ отчасти дорогою, отчасти у воротъ, недопущенныхъ въ городъ. Хіосцы заперли ворота, не будучи въ состояніи различить бѣгущихъ отъ преслѣдовавшихъ. Почти восемьсотъ Галловъ убито, а двѣсти взято въ плѣнъ живыхъ, лошади частью погибли въ морѣ когда разбились суда, а остальнымъ Македоняне подрѣзали жилы на берегу. Двадцат лошадей, особенно красивыхъ, и плѣнныхъ — Антеноръ приказалъ отвезть въ Ѳессалонику тѣмъ же десяти лембамъ, которыхъ прежде посылалъ и, какъ можно поспѣшнѣе, вернуться къ флоту: онъ будетъ дожидаться ихъ у Фаноса; почти три дня флотъ стоялъ около города; оттуда выступилъ до Фаноса, и когда десять лембовъ вернулись ранѣе чѣмъ ихъ ожидали, то они поплыли по Эгейскому морю и причалили къ Делосу.

XXIX. Между тѣмъ какъ это происходило, Римскіе послы К.

Попиллій, К. Децимій и К. Гостилій выступили отъ Халкиды, и прибыли въ Делосъ на трехъ судахъ о пяти рядахъ веселъ; тутъ они нашли 40 лембовъ Македонскихъ и пять квинкверемъ царя Евмена. Святость храма и острова защищала всѣхъ отъ насилія, а потому, перемѣшавшись вмѣстѣ, Римляне, Македоняне и морскіе служители Евмена обращались въ храмѣ; уваженіе къ мѣсту было вмѣсто перемирія. Антеноръ, префектъ Персеевъ, какъ только давали ему знать съ сторожевыхъ башень о появленіи какихъ либо транспортныхъ судовъ въ морѣ, съ частью лембовъ самъ ихъ преслѣдовалъ, а часть ихъ расположилъ по Цикладамъ и всѣ кромѣ тѣхъ, которые шли въ Македонію, или истреблялъ, или обиралъ. Какимъ могли, оказывали пособіе Попиллій, или Евменовы суда; но Македоняне чаще обманывали ихъ, отправляясь въ походъ съ двумя и много съ тремя лембами. Около этого времени послы Македонскіе и Иллирійскіе вмѣстѣ прибыли въ Родосъ; вѣсъ имъ придалъ не только приходъ лембовъ, свободно разгуливавшихъ около Цикладовъ и по Эгейскому морю, но и самый союзъ царей Персея и Гентія, и слухъ о приближеніи Галловъ съ большимъ количествомъ пѣшихъ и конныхъ воиновъ. Посмѣлѣе стали духомъ Динонъ и Поліаратъ, сторонники Персея, и не только цари получили благосклонный отвѣтъ, но и громко объявлено: «вліяніемъ своимъ Родосцы положатъ конецъ войнѣ, а потому и сами цари пусть спокойно готовятся къ принятію мира».

XXX. Уже было начало весны, и новые вожди прибыли въ провинцію: консулъ Эмилій въ Македонію, Октавій въ Орей къ флоту, Аницій въ Иллирикъ—ему предстояло воевать съ Гентіемъ. Онъ (Гентій) родился отъ царя Иллиріевъ, Плеврата и матери Евридики, и у него было два брата: Платоръ отъ одного и того же отца и матери, и Караванцій только по матери. Не столько подозрительно смотря на послѣдняго по незначительности его (отцовскаго) происхожденія, Гентій умертвилъ Платора, и двухъ его приближенныхъ Еттрида и Епикада, съ цѣлью царствовать съ большею безопасностью. Былъ

слухъ, что онъ въ особенности позавидовалъ сговору за брата Етуты, дочери Гонуна, повелителя Дардановъ, такъ какъ съ этимъ бракомъ подчинилъ бы онъ себѣ народъ Дардановъ. Похожимъ на правду сдѣлалось это въ особенности, когда Генцій, умертвивъ Платора, женился на этой дѣвушкѣ. Но переставъ бояться брата, Гентій сдѣлался тяжелъ для своихъ подданныхъ: природную жестокость усиливало непомѣрное употребленіе вина. Впрочемъ, какъ мы уже прежде упомянули, возбужденный къ войнѣ съ Римлянами, онъ сосредоточилъ всѣ войска къ Лиссу: они состояли изъ пятнадцати тысячь вооруженныхъ воиновъ. Отсюда онъ послалъ брата съ тысячею пѣшихъ и пятьюстами конныхъ воиновъ къ племени Кавіевъ — подчинить его или угрозами, или открытою силою, а самъ повелъ (остальныя войска) къ городу Бассанію, въ пяти миляхъ отъ Лисса; жители этого города были союзниками Римлянъ, а потому, отвергнувъ сдѣланныя имъ предложенія, предпочли подвергнуться осадѣ, чѣмъ покориться. Караванція—въ землѣ Кавіевъ, городъ Дурній по его прибытіи, ласково принялъ, а Каравантисъ, другой городъ, не впустилъ; когда же онъ на далекое пространство опустошилъ ихъ поля, нѣсколько воиновъ, разсѣявшихся (для грабежа) умерщвлены сбѣжавшимися крестьянами. Уже и Ап. Клавдій, присоединивъ къ имѣвшемуся у него войску — вспомогательные отряды Буллиновъ, Аполлоніатовъ и Диррахиновъ, выступилъ съ зимнихъ квартиръ, и сталъ лагеремъ около рѣки Генуза. Услыхавъ о заключеніи союзнаго договора между Персеемъ и Гентіемъ, и разсерженный обидою пословъ, потерпѣвшихъ насиліе, рѣшился весть съ нимъ открытую войну. Преторъ Аницій, въ то время находясь въ Аполлоніи и услыхавъ о томъ, что дѣлается въ Иллирикѣ, послалъ впередъ письмо къ Аппію, чтобы онъ дождался его у Генуза, а черезъ три дня и самъ прибылъ въ лагерь и къ, уже находившимся у него, вспомогательнымъ войскамъ Партиновъ, присоединилъ двѣ тысячи пѣшихъ воиновъ и двѣсти всадниковъ (надъ пѣхотою былъ начальникомъ Епикадъ, надъ конницею Альгальзъ) и готовился весть въ Иллирикъ, главное съ цѣлью—Бассанитовъ освободить

отъ осады. Движенiе его задержалъ слухъ объ опустошенiяхъ морскаго берега лембами. Восемьдесятъ ихъ было—и, по внушенiю Пантавха, посланы они были Гентiемъ—опустошать поля Диррахиновъ и Аполлонiатовъ. Тогда флотъ стоялъ у берега не далеко отъ Аполлонiи. Сюда поспѣшилъ Аницiй, скоро нагналъ Иллирiйскихъ грабителей, сразился съ ними и безъ труда ихъ побѣдивъ, взялъ нѣсколько непрiятельскихъ судовъ, а остальныя принудилъ поспѣшить въ Иллирикъ. Потомъ вернувшись въ лагерь къ Генузiю, поспѣшилъ на помощь Бассанитовъ. Не устоялъ противъ слуха о приближенiи претора Гентiй и, снявъ осаду, удалился въ Скодръ такимъ поспѣшнымъ бѣгствомъ, что растерялъ значительную часть войска, которая, если бы была поддержана вождемъ, могла замедлить движенiе Римлянъ, а теперь она, по удаленiи царя, сдалась имъ.

XXXI. Также поступали и города этой страны; такому расположенiю умовъ содѣйствовало милосердiе ко всѣмъ и справедливость претора Римскаго. Потомъ пришли Римляне къ Скодрѣ (гдѣ было средоточiе войны) не потому только, что Гентiй выбралъ ее себѣ, какъ самый укрѣпленный пунктъ царства, но и потому что въ землѣ Лабеатовъ это былъ городъ самый крѣпкiй и недоступный. Его опоясываютъ двѣ рѣки: Клавзула течетъ со стороны города, обращенной на Востокъ, а Барбанна на Западъ, имѣя начало изъ Лабеатидскаго болота. Эти двѣ рѣки, соединясь вмѣстѣ, впадаютъ въ рѣку Орiундъ, а она, начинаясь изъ горы Скорда, увеличенная многими другими притоками, впадаетъ въ Адрiатическое море. Гора Скордъ, самая высокая въ этой странѣ; съ Востока господствуетъ надъ Дарданiею, на Югѣ надъ Македонiею, на Западѣ надъ Иллирикомъ. Хотя городъ укрѣпленъ самимъ мѣстоположенiемъ, а защищаемъ былъ всѣмъ народомъ Иллирiевъ и самимъ царемъ, однако преторъ Римскiй, по благопрiятному началу, судя о дальнѣйшемъ хорошемъ ходѣ всего дѣла и расчитывая на дѣйствiе внезапнаго страху, устроивъ войско (въ боевой порядокъ) подошелъ къ стѣнамъ. Если бы жители заперли ворота и, расположивъ воиновъ по стѣнамъ и башнямъ надъ воротами,

защищали ихъ, то они отразили бы Римлянъ отъ стѣнъ безо всякаго для послѣднихъ успѣха. А они, выйдя изъ воротъ, дали сраженіе въ открытомъ полѣ съ большею храбростью, чѣмъ стойкостью. Сбитые, они пустились бѣжать толпою и въ самихъ тѣснинахъ воротъ пало болѣе двухсотъ; такой ужасъ овладѣлъ осажденными, что Гентій немедленно отправилъ къ претору просителями, старѣйшинъ народныхъ, Тевтика и Белла, испрашивая перемиріе, въ продолженіи котораго онъ могъ бы разсудить о положеніи своихъ дѣлъ. Три дня дано на это, и такъ какъ лагерь Римскій находился отъ города почти на разстояніи пяти сотъ шаговъ, Гентій сѣлъ на судно, и по рѣкѣ Барбанну поплылъ въ Лабеатское озеро, какъ бы отыскивая поудиненнѣе мѣсто для обдумыванья; но какъ оказалось онъ питалъ неосновательную надежду, о приближеніи брата Караванція, собравшаго будто бы въ той сторонѣ куда былъ посланъ, многія тысячи вооруженныхъ воиновъ. Когда этотъ слухъ оказался неосновательнымъ, то на третій день царь спустился въ томъ же суднѣ, по теченію рѣки, въ Скодръ: онъ послалъ впередъ гонцовъ—прося претора о позволеніи видѣться съ нимъ и, получивъ его, прибылъ въ лагерь. Онъ началъ рѣчь съ обвиненія самого себя въ глупости, потомъ обратился къ просьбамъ и слезамъ и, упавъ на колѣни передъ преторомъ, отдался въ его власть. Сначала ему приказано не робѣть и получилъ онъ приглашеніе поужинать; потомъ возвратился въ городъ къ своимъ и съ преторомъ въ этотъ день пиршествовалъ съ большимъ почетомъ, а, уже по окончаніи ужина отданъ подъ стражу К. Кассію, военному трибуну. И Царю досталось подпасть такой участи, принявъ отъ царя же за это десять талантовъ, едва плату, которую получаютъ гладіаторы.

XXXII. Аницій, по взятіи Скодры, прежде всего приказалъ розыскать Римскихъ уполномоченныхъ, Петиллія и Перперну, и привесть къ себѣ. Возвративъ имъ должное, Перперну немедленно отправилъ схватить друзей и родственниковъ царя. Онъ отправясь въ Метеонъ, городъ Лабеатскаго народа, жену Гентія—Етлеву, съ двумя сыновьями Скердиледомъ и Плевра-

томъ, и брата его Караванція привелъ въ лагерь въ Скодру. Аницій, окончивъ войну съ Иллирійцами въ теченіи тридцати дней, отправилъ вѣстникомъ побѣды въ Римъ Перперну, а, по прошествіи немногихъ дней, послалъ туда же самого царя Гентія съ отцомъ, женою, дѣтьми и братомъ и другими старѣйшинами Иллирійскими. Объ этой одной войнѣ въ Римѣ узнали прежде, что она окончилась, чѣмъ что она началась.— Между тѣмъ какъ это происходило, и Персей былъ въ большомъ ужасѣ, какъ по случаю прибытія новаго консула Емилія, шедшаго, какъ онъ слышалъ, съ большими ему угрозами, такъ и претора Октавія. Сильно опасался онъ флота Римскаго и небезопасности морскаго прибрежья. Въ Өессалоникѣ начальствовали Евменъ и Атенагоръ съ небольшимъ отрядомъ двухъ тысячь цетратовъ (*). Туда же послалъ и префекта Андрокла, приказавъ ему имѣть лагерь у самихъ верфей. Въ Энеи онъ отправилъ тысячу всадниковъ съ Антигономъ—оберегать морской берегъ: въ какомъ мѣстѣ берега послышатъ они, что причалили суда непріятельскія, туда должны спѣшить для поданія помощи сельскимъ жителямъ. Пять тысячь Македонянъ отправлены для защиты Питія и Петры; начальниками надъ ними сдѣланы Гистіей, Теогенъ и Медонъ. По удаленіи ихъ, Персей началъ укрѣплять берегъ рѣки Енипея; ее уже можно было перейдти по сухому руслу. Для того чтобы всѣ свободно могли заняться этимъ дѣломъ, женщины изъ сосѣднихъ городовъ носили вареную пищу; воины получили приказаніе изъ сосѣднихъ лѣсовъ брать въ избыткѣ (**) [матеріалъ. Такимъ образомъ воздвигнутъ «валъ и бастіоны; присоединены башни и повсюду разставлены «осадныя орудія, защищавшія берегъ такъ, что непріятелю не«возможно было перейдти рѣку безъ большой и крайне опас«ной борьбы. Такимъ образомъ Персей считалъ себя вполнѣ

(*) *Цетраты* — воины, вооруженные *цетрою*, небольшимъ кожаннымъ щитомъ Испанскаго происхожденія.

(**) Все, что въ скобкахъ, позднѣйшее пополненіе утраченныхъ мѣстъ Тита Ливія.

«безопаснымъ ото всякаго натиска Римлянъ и надѣялся, что «непріятель наскучитъ бездѣйствіемъ, невозможностью дѣйство-«вать, а также и огромными расходами на войну. Павлъ на-«противъ, чѣмъ болѣе замѣчалъ со стороны Македонянъ дѣя-«тельности и осторожности въ заготовленіи и сбереженіи всего, «тѣмъ сильнѣе заботился и всячески напрягалъ умъ — нельзя «ли какъ нибудь доказать непріятелю неосновательность его «расчетовъ. Впрочемъ, въ то время угрожало зло дѣйствитель-«ное — недостатокъ воды; ближайшая рѣка почти высохла, и «только по сосѣдству съ моремъ, было еще немного и то ис-«порченной воды.»

XXXIII. Консулъ, получивъ донесеніе отъ посланныхъ осмотрѣть ближайшія мѣста, что нигдѣ не могли найдти воды] приказалъ водовозамъ слѣдовать за собою къ морю, находившемуся въ разстояніи менѣе трехсотъ шаговъ, и копать ямки на берегу въ разныхъ мѣстахъ, одна отъ другой недалеко. Чрезвычайная крутизна горъ подавала надежду (тѣмъ болѣе, что снаружи не было видно вовсе потоковъ) на нахожденіе не подалеку воды, которая подземными жилами стекала въ море. Чуть только взятъ былъ верхній слой песку, какъ показалась вода—сначала мутная и въ небольшомъ количествѣ, потомъ она становилась все прозрачнѣе и обильнѣе, какъ бы даръ боговъ. Самое это обстоятельство прибавило вождю славы и вліянія на воиновъ. Потомъ воинамъ приказано готовить оружіе, а самъ консулъ, съ трибунами и первыми рядами, отправился осматривать переходы: гдѣ легче сойдти вооруженнымъ воинамъ, гдѣ на другой берегъ менѣе затруднителенъ выходъ. Хорошенько разсмотрѣвъ это, консулъ принялъ мѣры, чтобы въ войскѣ порядкомъ и безъ смятенія все дѣлалось, по мановенію и приказанію вождя. Когда же объявлялось всѣмъ разомъ что дѣлать и не всѣ слышали; получивъ сбивчивое приказаніе, одни отъ себя прибавляли болѣе, чѣмъ сколько приказано, другіе менѣе исполняли; затѣмъ нестройные крики поднимались въ разныхъ мѣстахъ, и прежде непріятель узнавалъ, что будетъ дѣлаться, чѣмъ всѣ воины. А потому консулъ на будущее время установилъ объ-

являть тайно приказаніе примипилу легіона; тотъ и потомъ за нимъ каждый (изъ примипиловъ) передавалъ ближайшему по порядку сотнику о томъ, что нужно было дѣлать: отъ первыхъ ли рядовъ къ послѣднимъ или отъ послѣднихъ къ первымъ нужно было сообщить распоряженіе. — Караульщикамъ установилъ, чего дотолѣ не было, чтобы они на караулъ щитовъ съ собою не брали: не на сраженіе идетъ караульщикъ и не употреблять въ дѣло оружіе, но караулить для того, что какъ почувствуетъ приближеніе непріятелей, долженъ удалиться назадъ и возбудить къ вооруженію другихъ. Воины стояли на караулѣ, водрузивъ передъ собою щитъ; потомъ, утомясь погружались въ сонъ, положивъ голову на край щита и упершись въ дротикъ, такъ что по блеску оружія непріятель видѣлъ ихъ издалека, а сами они ничего не могли видѣть. И въ передовыхъ постахъ также консулъ ввелъ перемѣну: прежде всадники во весь день стояли вооруженные и съ взнузданными конями. И такъ какъ это было и въ лѣтніе дни, когда солнце постоянно жгло, то отъ такого зноя, въ продолженіи стольких часовъ, ослабѣвали и всадники и лошади, а потому, въ случаѣ нападенія непріятеля съ свѣжими войсками, они уступали съ большими силами меньшимъ. Теперь же консулъ установилъ, чтобы отъ утра до полудня были караулы одни, а въ полдень смѣнялись другими: такимъ образомъ непріятель, когда бы ни пришелъ, постоянно встрѣтилъ бы свѣжія силы.

XXXIV. Объявивъ объ исполненіи всѣхъ этихъ перемѣнъ въ собраніи воиновъ, онъ прибавилъ въ рѣчи слова въ томъ же смыслѣ, какъ говорилъ въ городѣ передъ народнымъ собраніемъ: «главнаго вождя въ войскѣ обязанность обо всемъ заботиться и принимать мѣры къ тому что нужно дѣлать, какъ самому по себѣ, такъ и съ тѣми, кого пригласитъ на совѣтъ. Тѣ же, которые не призваны на это, не должны ни тайно, ни явно высказывать своихъ предположеній. Воину надлежитъ постоянно заботиться о трехъ предметахъ: пріобрѣсть какъ можно болѣе здоровья и ловкости въ движеніяхъ, имѣть хорошее оружіе и провіантъ, всегда готовый на случай неожиданныхъ

приказаній. Относительно всего прочаго заботу пусть возложитъ онъ на боговъ безсмертныхъ и своего вождя; а въ какомъ войскѣ воины обсуждаютъ все, и вождь долженъ принимать въ соображеніе толки народные, тамъ хорошаго ожидать невозможно. Онъ—консулъ—озаботится тѣмъ, что нужно по его обязанности какъ полководца и постарается доставить имъ случай развернуться и показать всѣ свои способности, пусть они не спрашиваютъ ни о чемъ, что будетъ, а когда дастъ онъ сигналъ, то пусть приложатъ все стараніе воины.» Послѣ этихъ наставленій консулъ распустилъ собраніе, и даже старые воины публично сознавались, что только тутъ они въ первый разъ, какъ новонабранцы, вполнѣ ознакомились съ военнымъ дѣломъ. Но воины, не одними такими разговорами, показали—съ какимъ одобреніемъ выслушали они слова консула; а самое исполненіе на дѣлѣ послѣдовало за словами. Во всемъ лагерѣ тогда не нашлось бы человѣка, который оставался бы въ покоѣ: одни точили мечи, другіе чистили шлемы и наушники, иные щиты и панцыри. Одни прилаживали вооруженіе къ тѣлу и пробовали въ нихъ ловкость движеній. Нѣкоторые потрясали дротиками, другіе сверкали мечами, смотрѣли на остріе: легко было видѣть, что эти воины, какъ только представится случай встрѣтиться съ непріятелемъ въ полѣ, положатъ конецъ войнѣ или блистательною побѣдою, или достопамятною смертью. И Персей съ своей стороны, видя, что, съ прибытіемъ консула и началомъ весны, все у непріятелей зашумѣло и пришло въ движеніе, такъ какъ бы война начиналась вновь, и лагерь отъ Филы перенесенъ на противуположный берегъ, а главный начальникъ то обходитъ, осматривая свои работы и безо всякаго сомнѣнія отыскивая болѣе удобное для перехода мѣсто [«то съ величайшимъ вниманіемъ готовитъ все нужное къ наступательному «движенію и приступу лагеря; не пропускаетъ ничего, что «великому вождю надлежитъ испробовать и привесть въ испол«неніе какъ ко вреду непріятеля, такъ для усиленія своихъ. «Тогда и самъ Персей, понимая, что дѣло приближается къ «развязкѣ, ободряетъ умы воиновъ и все болѣе и болѣе уси-

«ливаетъ свои укрѣпленія, недовѣряя самъ себѣ, никакихъ за-
«пасовъ не считая достаточными и берегъ недовольно безопас-
«нымъ и укрѣпленнымъ. Впрочемъ, при сильномъ воодушевле-
«ніи обѣихъ сторонъ, въ продолженіи нѣкотораго времени, все
«было спокойно, и врядъ ли когда на памяти людей столь зна-
«чительныя силы, почти въ смежныхъ лагеряхъ, такъ долго
«оставались покойными. Между тѣмъ прошелъ слухъ, что въ
«Иллирикѣ царь Гентій побѣжденъ преторомъ Аниціемъ и самъ
«со всѣмъ семействомъ и областью попалъ во власть»] Римлянъ.

XXXV. Это обстоятельство сдѣлало Римлянъ еще смѣлѣе, а Македонянамъ, и ихъ царю, причинило немалый ужасъ. Сначала онъ было попробовалъ затушить слухъ этотъ втайнѣ и послалъ Пантавху, уже приближавшемуся, приказаніе — не подходить къ лагерю. Но его (Персеевы) воины видѣли нѣсколькихъ молодыхъ людей, уведенными въ числѣ Иллирійскихъ заложниковъ, и вообще что тщательнѣе скрывается, то легче и выходитъ наружу, вслѣдствіе болтливости царскихъ служителей. Около этого времени Родосскіе послы прибыли въ лагерь съ тѣми же порученіями о мирѣ, которыя въ Римѣ вызвали столь сильное негодованіе сенаторовъ. Еще менѣе равнодушно выслушаны они военнымъ совѣтомъ; а потому, когда одни * немедленно прогнать изъ лагеря безъ отвѣта * объявилъ, что на пятнадцатый день дастъ отвѣтъ; а между тѣмъ чтобы показать, какъ много подѣйствовало убѣжденіе Родосцевъ къ миру, немедленно сталъ собирать мнѣнія относительно того какъ весть военныя дѣйствія. Нѣкоторые, въ особенности старики, совѣтовали проложить дорогу силою черезъ Енипей и непріятельскія укрѣпленія: «Македоняне не въ состояніи будутъ сопротивляться дружному натиску полковъ Римскихъ; въ предшествовавшемъ году они (Македоняне) выброшены изъ стольихъ укрѣпленій, еще болѣе высокихъ и неприступныхъ, и занятыхъ сильными отрядами.» Другіе предлагали: «Октавія съ флотомъ послать въ Ѳессалонику, и опустошеніемъ морскаго берега развлечь силы царя: когда откроются военныя дѣйствія

стылу, онъ долженъ будетъ обратиться къ защитѣ внутренности царства, и переходъ черезъ Енипей гдѣ нибудь да обнажить. Берегъ этой рѣки и самъ по себѣ отъ природы и вслѣдствіе работъ казался неприступнымъ: вездѣ были разставлены метательныя орудія, да непріятель и лучше и вѣрнѣе употреблялъ въ дѣло всякія метательные снаряды. На другое обращено было все вниманіе главнаго вождя: отпустивъ совѣтъ, онъ пригласилъ къ себѣ Перребскихъ торговцевъ—Цена и Менофила, людей испытанной ему вѣрности и благоразумія, и по секрету сталъ ихъ распрашивать—каковы переходы въ Перребію. Такъ какъ они сказали, что мѣстность не вовсе неприступна, но занята отрядами царскими, консулъ возъимѣлъ надежду — въ случаѣ неожиданной аттаки—непріятеля, сильнымъ отрядомъ въ ночное время, можно сбросить съ высотъ.» Дротики, стрѣлы и другіе метательные снаряды въ потьмахъ когда вдали не видно во что цѣлить, безполезны: а въ рукопашномъ бою въ тѣснотѣ дѣло рѣшится мечемъ, которымъ побѣждаетъ воинъ Римскій. Пригласивъ этихъ торговцевъ проводниками, призвалъ претора Октавія и, объяснивъ ему свои приготовленія, приказалъ идти съ флотомъ въ Гераклею; тысячу человѣкъ должны были взять съ собою вареной пищи на десять дней; а самъ отправилъ П. Сципіона Назику и К. Фабія Максима, сына своего, съ пятью тысячами отборныхъ воиновъ въ Гераклею, какъ бы для того, чтобы посадить ихъ на суда и послать опустошать морской берегъ внутри Македоніи, о чемъ было говорено и въ совѣтѣ. Тайно сказано, что для нихъ приготовлена уже, во избѣжаніе задержки, пища у флота. Проводникамъ же пути велѣно такъ его распредѣлить, чтобы въ четвертую смѣну карауловъ, на третій день, можно было приступить къ Питію. На другой день консулъ, чтобы не дать царю возможности всмотрѣться въ положеніе дѣлъ, въ другой сторонѣ, на разсвѣтѣ, въ самой серединѣ русла завязалъ сраженіе съ передовыми непріятельскими постами. И съ той, и съ другой стороны, были въ дѣлѣ только легковооруженные воины, да по неудобству мѣстности болѣе тяжелое оружіе невозможно

было употребить въ дѣло. Спускъ и того и другаго берега въ русло имѣлъ почти триста шаговъ, а середина ложа рѣки, въ разныхъ мѣстахъ имѣвшаго разную выемку, простиралась немного болѣе тысячи шаговъ. Тутъ, въ срединѣ, въ виду смотрѣвшихъ съ лагерныхъ окоповъ, съ одной стороны—царя, съ другой—консула съ легіонами, произошло сраженіе. Издали царскія вспомогательныя войска лучше дѣйствовали метательными снарядами, а вблизи тверже, и безопаснѣе Римскій строй, прикрытый щитами *(пармами* или *Лигустинскими.)* Почти въ полдень консулъ приказалъ своимъ играть отбой: тѣмъ и кончилось въ этотъ день сраженіе съ небольшою потерею убитыми и съ той и съ другой стороны. На слѣдующій день, на восходѣ солнца—умы воиновъ были раздражены борьбою—схватка сдѣлалась значительнѣе; но Римляне не только отъ тѣхъ, съ которыми непосредственно завязался бой, но еще болѣе отъ большаго числа воиновъ, разставленныхъ по башнямъ — поражаемые всякаго рода метательнымъ оружіемъ и каменьями, получали множество ранъ; а когда они еще болѣе приблизились къ непріятельскому берегу, то снаряды, бросаемые машинами, не щадили даже послѣднихъ рядовъ. Съ гораздо болѣе значительною въ этотъ день потерею, и немного позднѣе, консулъ отвелъ своихъ назадъ. На третій день консулъ не вступалъ въ дѣло, а сошелъ въ нижнюю часть лагерей, какъ бы отыскивая переходъ черезъ обращенный къ морю рукавъ рѣки. Персей, думая о томъ только что въ глазахъ [«обращалъ все вниманіе, чтобы «отразить оттуда непріятеля, ничѣмъ другимъ не озабоченный. «Между тѣмъ П. Назика съ, даннымъ ему, отрядомъ отправил-«ся къ морю въ Гераклею и, по прибытіи туда, велѣлъ отдох-«нуть воинамъ въ ожиданіи наступленія ночи. Тогда изложивъ «главнымъ начальникамъ сущность истинныхъ порученій кон-«сула, съ первымъ наступленіемъ темноты, повернулъ путь въ «горы къ Питію, куда было приказано, и повелъ воиновъ въ «глубокой тишинѣ. По прибытіи на вершину, поднимающуюся «въ вышину болѣе чѣмъ на десять стадій, утомленнымъ во-«инамъ дано нѣсколько отдохновенія. Эту горную вершину

«занимали, какъ уже выше сказано—Медонъ, Гистіей и Теогенъ, «присланные Персеемъ съ пятью тысячами Македонянъ, но «таково было нерадѣніе вождей царскихъ, что никто изъ нихъ «не почувствовалъ приближенія Римлянъ. Напавъ на сонныхъ, «Назика ихъ сбросилъ съ горы безъ труда, если вѣрить По-«либію. А самъ Назика въ письмѣ къ какому то царю разска-«зываетъ дѣло совсѣмъ иначе: гора была очень крута, но никто «ее не караулилъ, такъ что горные проходы можно было за-«нять безо всякаго труда, если бы перебѣжчикъ Критскій изъ «тѣхъ, которые при немъ находились, не бѣжалъ къ Персею «и не передалъ ему обо всемъ что дѣлалось. Царь самъ остался «въ лагерѣ, а отправилъ занять горный переходъ двѣ тысячи «Македонянъ и десять тысячь вспомогательныхъ воиновъ, подъ «начальствомъ Медона. Съ ними, на самой вершинѣ, завязался «ожесточенный бой, и между прочимъ и онъ (Назика) полу-«чилъ рану отъ одного Ѳракійскаго солдата, котораго онъ про-«кололъ насквозь копьемъ. Побѣжденные наконецъ Македоняне «уступили позицію и самъ Медонъ, бросивъ оружіе, искалъ «съ своими спасенія въ постыдномъ бѣгствѣ. — Римляне, пре-«слѣдуя бѣгущихъ, спустились легко и безо всякой опасности «въ ровныя мѣста. При такомъ положеніи дѣлъ, Персей не «зналъ какъ поступить. Теперь когда Римляне по горному пе-«реходу проложили себѣ дорогу, онъ опасался, какъ бы они не «обошли его съ тылу и потому—необходимо было или отступить «ему къ Пиднѣ и тамъ дожидаться непріятеля, такъ какъ съ мень-«шею опасностью можно было дать сраженіе подъ стѣнами укрѣп-«леннаго города; или, распредѣливъ войска по городамъ Ма-«кедоніи, свезть въ укрѣпленныя мѣста весь хлѣбъ и скотъ, и «оставить непріятелю опустошенныя поля и обнаженную почву. «Умъ царя, не зная на что рѣшиться, колебался между этими «двумя предположеніями. Друзья царя, считая безопаснѣе то «что честнѣе, совѣтовали испытать военное счастіе въ битвѣ; «на его сторонѣ и перевѣсъ численности воиновъ, да и над-«лежитъ имѣть довѣріе и къ мужеству; уже врожденное чело-«вѣку, оно усилится отъ самихъ дѣйствительныхъ и святыхъ для

«каждаго человѣка къ храброй защитѣ побужденій: домашніе «жертвенники и очаги, священные предметы, за которые и среди которыхъ прійдется сражаться, родители и жены. Притомъ «дѣло будетъ происходить въ глазахъ самого царя, и онъ будетъ принимать участіе и въ опасности. Всѣ эти убѣжденія «подѣйствовали на царя и онъ сталъ готовиться къ битвѣ: отступивъ къ Пиднѣ, онъ и расположился лагеремъ и устроивалъ «войско, каждому изъ своихъ военачальниковъ назначая и мѣсто и обязанности, какъ будто бы онъ хотѣлъ дать сраженіе «немедленно по окончаніи похода. Мѣстность была такого рода: «ровное поле было благопріятно развернуть фалангу, для которой необходима открытая и ровная поверхность, но не до такой степени было удобно, чтобы совершенно легко было ее «выдвинуть впередъ. Потомъ безпрерывный рядъ холмовъ представлялъ возможность легковооруженнымъ воинамъ то отбѣгать назадъ, то обходить во фланги. Двѣ рѣки, изъ которыхъ «одну жители называютъ Эзонъ, а другую Левкъ, какъ ни скудны были въ то время водою, повидимому могли все-таки до «нѣкоторой степени служить для Римлянъ препятствіемъ. Эмилій, соединивъ свои войска съ Назикою, продолжалъ идти прямо къ непріятелю; но, при видя войска сильнаго и численностью «и крѣпостью воиновъ, отлично устроеннаго и готоваго къ сраженію, остановился удивленный и многое пришло ему на «мысли.»

XXXVI. Время года было уже послѣ лѣтняго солнцестоянія и часъ дня склонялся къ полудню; переходъ совершенъ былъ въ пыли и подъ жгучимъ дѣйствіемъ солнца. Воины начинали чувствовать утомленіе и жажду и съ наступленіемъ полудня, и то и другое должно было усилиться. Консулъ рѣшился воиновъ въ такомъ положеніи непускать въ дѣло съ непріятелемъ свѣжимъ и сильнымъ. Но съ обоихъ сторонъ въ воинахъ такова была горячность къ битвѣ, что консулу нужно было употребить не менѣе искусства для того чтобы обмануть своихъ, чѣмъ непріятелей; не все еще было готово и консулъ самъ торопилъ трибуновъ военныхъ, чтобы они спѣшили устроивать; самъ об-

ходилъ ряды и убѣжденіями склонялъ воиновъ къ сраженію. Сначала они съ величайшею готовностью требовали сигнала къ сраженію, но по мѣрѣ увеличенія зноя, и лица выражали менѣе усердія и голоса дѣлались слабѣе; многіе уже стояли склонясь на щиты и опершись на копья. Тутъ уже консулъ прямо отдалъ приказаніе сотникамъ первыхъ рядовъ размѣрить мѣсто лагеря и становить войсковыя тяжести. Воины, какъ только замѣтили что дѣлается, нѣкоторые явно высказывали свою радость, что консулъ не заставилъ вступить въ сраженіе ихъ, утомленныхъ переходомъ, подъ палящимъ солнцемъ. Около главнаго вождя находились послы и вожди чужеземные — въ числѣ ихъ Атталъ—они всѣ высказывали свое одобреніе, когда предполагали, что консулъ немедленно дастъ сраженіе. При внезапной перемѣнѣ намѣренія одни молчали; только одинъ изо всѣхъ Назика дерзнулъ представить консулу: «какъ бы непріятеля, проведшаго другихъ полководцевъ уклоненіемъ отъ боя, не выпустить изъ рукъ. Опасается, какъ бы въ случаѣ удаленія его ночью, не пришлось бы съ великими трудомъ и опасностью преслѣдовать его внутрь Македоніи и разбитаго не пришлось бы гнать его, по примѣру прежнихъ вождей, по высотамъ и ущельямъ Македонскихъ горъ. Онъ (Назика) усердно совѣтуетъ, пока непріятель находится въ открытомъ полѣ, пусть онъ на него нападетъ, не упуская случая представляющагося къ побѣдѣ.» Консулъ нисколько не оскорбился смѣлымъ представленіемъ столь знатнаго молодаго человѣка и отвѣчалъ ему: «Назика, и я имѣлъ такой образъ, какъ ты теперь, а мой нынѣшній ты будешь имѣть когда нибудь. Многими случайностями войны пріобрѣлъ я опытность и знаніе, когда надобно сражаться и когда воздержаться отъ боя. Теперь когда мы стоимъ въ боевомъ порядкѣ, не время объяснять, почему нынѣшній день лучше окончить покойно; причины я тебѣ изложу послѣ, а теперь будь доволенъ рѣшеніемъ стараго вождя.» Замолчалъ молодой человѣкъ, понимая, что вѣроятно консулъ замѣчаетъ какія либо препятствія къ сраженію, которыя для него незамѣтны.

XXXVII. Павлль, видя, что лагерь поставленъ и обозы нахо-

дятся на мѣстахъ, сначала увелъ изъ послѣдняго ряда тріаріевъ, потомъ принциповъ, а гастаты стояли въ первомъ ряду на случай движенія непріятеля, наконецъ гастатовъ, и сначала съ праваго крыла исподоволь уводили воиновъ поротно. Такимъ образомъ пѣхота уведена безъ всякой тревоги, а впереди боеваго строя противъ непріятеля стояли всадники вмѣстѣ съ легковооруженными воинами; конница же отозвана съ постовъ не прежде, какъ окончень былъ съ фронта валъ и ровъ. Царь съ своей стороны готовъ былъ безъ уклоненія вступить въ бой въ этотъ день, но довольный что, какъ извѣстно было всѣмъ, причина замедленія была со стороны непріятеля, и самъ отвелъ войска въ лагерь. Когда укрѣпленія Римскаго лагеря были окончены, К. Сульпицій Галлъ, военный трибунъ втораго легіона, въ предшествовавшемъ году бывшій преторомъ, съ дозволенія консула созвавъ воиновъ, объявилъ имъ, «въ слѣдующую ночь — и пусть этого никто не считаетъ за чудо — отъ втораго до четвертаго часа ночи, свѣтъ луны затмится, но такъ какъ это происходитъ естественнымъ порядкомъ и въ положенное время, то это можно узнать прежде и предсказать. А потому, какъ не удивляются постоянному въ извѣстные часы восхожденію и захожденію солнца, и луна является, то въ видѣ полнаго круга, то старѣясь обращается въ небольшой рогъ; также точно нельзя причислять къ чудеснымъ явленіямъ того, что свѣтъ луны затмѣвается, когда ее покроетъ тѣнь земли.» Въ ночь, послѣдовавшую за кануномъ Сентябрскихъ Нонъ, въ назначенный часъ свѣтъ луны затмился: Римскимъ воинамъ мудрость Галла показалась почти божественною; а Македонянамъ это явленіе показалось чудеснымъ и печальнымъ, предзнаменующимъ паденіе царства и гибель народа: такъ толковали и ихніе прорицатели. Крики и вопли поднялись въ лагерѣ Македонянъ, пока луна не пришла въ свой первоначальный видъ. На другой день (и то, и другое войско пылало такимъ усердіемъ къ сраженію, что нѣкоторые воины громко обвиняли своихъ и царя, и консула, въ уклоненіи отъ битвы) царь легко нашелъ себѣ оправданіе, такъ какъ непріятель первый, прямо уклоняясь отъ боя,

отвелъ войска въ лагерь; притомъ же мѣсто, гдѣ было построено войско, не представляло удобства для наступательнаго движенія фаланги, которую дѣлаетъ безполезною самая незначительная неровность мѣстности. Консулу приходилось оправдываться въ томъ, что онъ наканунѣ упустилъ случай къ сраженію, далъ возможность непріятелю удалиться ночью, если бы онъ захотѣлъ, да и теперь, подъ предлогомъ принесенія жертвъ, безъ пользы продолжаетъ время, между тѣмъ, какъ еще на разсвѣтѣ, слѣдовало подать сигналъ—выходить изъ лагеря воинамъ и строиться въ боевомъ порядкѣ. Наконецъ въ третьемъ часу, окончивъ обычное жертвоприношеніе, консулъ позвалъ на совѣтъ; и тутъ нѣкоторымъ казалось, что онъ время, когда нужно было бы дѣйствовать, тянулъ въ несвоевременныхъ рѣчахъ и обсужденіяхъ. Впрочемъ, послѣ всѣхъ толковъ, консулъ сказалъ такую рѣчь:

XXXVIII. «П. Назика, отличный молодой человѣкъ, одинъ изо всѣхъ, желавшихъ вчера дать сраженіе, высказалъ мнѣ свой образъ мыслей, но и онъ потомъ замолчалъ, повидимому, какъ бы согласившись съ моимъ мнѣніемъ. Для нѣкоторыхъ же показалось лучше заочно бранить вождя, чѣмъ прямо высказать ему мнѣніе. И тебѣ, П. Назика, и тѣмъ, которые тоже что и ты, но про себя думали, не полѣнюсь высказать причину, почему я отложилъ сраженіе. Не только я не жалѣю о вчерашнемъ бездѣйствіи, но остаюсь въ томъ убѣжденіи, что этою мѣрою я спасъ войско. А для того, чтобы никто изъ васъ не полагалъ, что я имѣю такое мнѣніе безъ основанія, пусть каждый разсмотритъ, если ему угодно, вмѣстѣ со мною, какъ много условій было въ пользу непріятеля и ко вреду нашему. Прежде всего во сколько разъ онъ многочисленнѣе насъ, никто изъ васъ и прежде не оставался въ невѣдѣніи, а вчера, какъ я навѣрное убѣдился, каждый примѣтилъ, смотря на развернутую боевую линію непріятельскую. И изъ небольшаго нашего войска четвертая часть должна была оставаться для прикрытія тяжестей, и, какъ вамъ извѣстно, для этой цѣли оставляются не самые плохіе воины. Но предположимъ, что мы и

всѣ были бы на лицо; но развѣ это пустое, что мы изъ лагеря, въ которомъ провели ночь, выйдемъ на сраженіе сегодня, или много завтра, съ помощью боговъ безсмертныхъ. Развѣ все равно воину, неутомленному сегодня ни дорожными трудами, ни работами, отдохнувшему съ свѣжими силами въ палаткѣ, приказать взяться за оружіе, и вывести его на поле битвы полнаго силъ, свѣжаго и тѣломъ и духомъ? Или утомленнаго длиннымъ переходомъ, изможденнаго работою, покрытаго потомъ, припеченнаго жгучимъ солнцемъ — подставить свѣжему непріятелю, отдохнувшему, принесшему въ сраженіе силы, ни чѣмъ прежде не истощенныя? Кто же, свидѣтельствуюсь богами безсмертными, такъ изготовясь, какъ бы ни былъ слабъ и робокъ, не одержитъ верхъ надъ самимъ храбрымъ человѣкомъ? Неужели когда непріятель на полной свободѣ расположился въ боевомъ порядкѣ, оправился духомъ, стоялъ устроившись, каждый рядъ на своемъ мѣстѣ? а для насъ неизбѣжно было замѣшательство при внезапномъ устройствѣ для сраженія, или пришлось бы сражаться неустроившись?

XXXIX. Но, можетъ быть, войско у насъ было въ безпорядкѣ и неустроенное, за то былъ у насъ укрѣпленный лагерь, снабженіе водою обезпеченное и защищенное, поставленными по дорогѣ, военными отрядами, все кругомъ изслѣдовано? Или не скорѣе ли, что мы ничего не имѣли своего, кромѣ обнаженнаго поля, на которомъ приходилось дать сраженіе? Предки ваши считали укрѣпленный лагерь пристанью для всякой случайности, могущей постигнуть войско, откуда они выходили на сраженіе, куда могли имѣть пристанище послѣ бурныхъ волненій сраженія. Съ этою цѣлью обведя лагерь окопами, прикрывали его сильнымъ гарнизономъ, такъ что потерявшій лагерь, хотя бы и одержалъ верхъ въ открытомъ полѣ, считался побѣжденнымъ. Лагерь—для побѣдителя пріютъ, а для побѣжденнаго—убѣжище. Какъ много войскъ, которымъ не посчастливилось въ открытомъ бою, бывъ сбиты внутрь вала, въ свое время, и иногда и вскорѣ потомъ сдѣлавъ вылазку, прогнали побѣдоносснаго непріятеля. Это военное мѣстопребываніе служитъ вмѣ-

сто отечества, валъ вмѣсто стѣнъ и для каждаго воина его палатка есть домъ и пенаты. Безъ всякой точки опоры, блуждая въ полѣ, дали бы мы сраженіе, не имѣя—гдѣ пріютиться даже побѣдителями? Этимъ препятствіямъ и затрудненіямъ къ сраженію противупоставляютъ то: если бы въ теченіи прошлой ночи непріятель удалился, то сколько бы опять, преслѣдуя его внутрь въ отдаленные предѣлы Македоніи, пришлось бы понести трудовъ? Но я съ своей стороны убѣжденъ, что непріятель и не остался бы и не вывелъ бы войско въ поле, если бы хотѣлъ отсюда удалиться. Не гораздо ли легче было бы для него уйдти, когда мы находились еще далеко, чѣмъ теперь когда мы сидимъ такъ сказать у него на шеѣ? И не обманулъ бы онъ насъ, удалился бы онъ днемъ ли, ночью ли. А что для насъ желательнѣе, какъ не то чтобы, вмѣсто предстоявшаго намъ, нападенія на лагерь, обезопашенный крайне высокимъ берегомъ рѣки, огражденный валомъ и частыми башнями, пришлось напасть съ тылу на непріятеля, оставившаго окопы, удаляющагося въ открытомъ полѣ безпорядочнымъ строемъ? Вотъ причины, почему сраженіе отложено со вчерашняго дня на нынѣшній. Я и самъ желаю битвы, уже и потому, что у рѣки Енипея путь къ непріятелю былъ прегражденъ, а теперь я другимъ горнымъ проходомъ, сбросивъ непріятельскіе отряды сторожевые, проложилъ новый путь и не прежде отстану, какъ приведя войну къ концу.

XL. Послѣ этой рѣчи было общее молчаніе; слушавшіе частью согласились съ его (консула) мнѣніемъ, частью опасались безъ пользы раздражить въ томъ, чего, какъ уже прошедшаго, вернуть назадъ невозможно было. И въ этотъ день, ни одинъ изъ вождей того или другаго войска, ни консулъ, ни царь не хотѣли дать сраженіе (царь потому, что пришлось бы напасть не на утомленныхъ, какъ наканунѣ, во время замѣшательства при устройствѣ въ боевую линію и даже чуть устроенныхъ; а консулъ, такъ какъ въ новый лагерь не было свезено еще не дровъ, ни сѣна, за поискомъ которыхъ большая часть воиновъ отправилась изъ лагеря въ ближайшія поля), но судьба, которая

имѣетъ верхъ надъ всѣми человѣческими расчетами, завязала сраженіе. Была небольшая рѣка недалеко отъ непріятельскаго лагеря, изъ которой и Македоняне и Римляне брали воду и на той, и другой сторонѣ, стояли вооруженные отряды для того, чтобы въ безопасности можно было пользоваться водою. Со стороны Римлянъ было двѣ когорты: Марруцинская и Пелингская, два эскадрона Самнитскихъ всадниковъ, надъ которыми начальствовалъ легатъ М. Сергій Силъ. Другое прикрытіе изъ трехъ когортъ Фирманской, Вестинской и Кремонской стояло передъ лагеремъ подъ начальствомъ легата К. Клувія; у него же находились два эскадрона всадниковъ — Плацентинскій и Эзернинскій. Все покойно было у рѣки, и воины не затрогивали другъ друга, какъ около девятаго часа вьючное животное, вырвавшись изъ рукъ смотрѣвшихъ за нимъ, убѣжало на противуположный берегъ. Когда за нимъ по водѣ, бывшей не выше колѣна, погнались три воина, то два Ѳракійца это животное изъ середины теченія вытащили на берегъ; убивъ одного изъ нихъ и отнявъ животное, воины возвращались къ своему посту; на непріятельскомъ берегу стоялъ отрядъ изъ восьмисотъ Ѳракійцевъ; изъ нихъ сначала немногіе, въ негодованіи за убійство въ ихъ глазахъ земляка, перешли рѣку преслѣдуя убившихъ, потомъ болѣе и болѣе, а наконецъ и всѣ, и съ отрядомъ .. [со стороны Римлянъ защищавшимъ берегъ вступили въ бой. Есть писатели, которые утверждаютъ, что, по приказанію самого Павлла, съ лошади сняли узду и погнали ее на непріятельскій берегъ и посланы за нею люди поймать ее съ цѣлью — непріятелямъ дать поводъ первымъ завязать бой. Такъ какъ принесеніемъ двадцати жертвъ боги не были умилостивлены, и только у двадцать перваго гадатель нашелъ внутренности съ благопріятнымъ предзнаменованіемъ побѣды, но и то, если зачинщиками битвы будутъ не они Римляне, а непріятель. Какъ бы то ни было, умысломъ ли вождя, случаемъ ли, отъ этого именно начала завязалось сраженіе: съ обѣихъ сторонъ воины одни за другими летѣли на помощь своимъ, и вскорѣ сраженіе разгорѣлось такъ,

что и вожди вынуждены были сойдти туда, гдѣ дѣло принимало рѣшительный оборотъ. Эмилій, услыхавъ тревогу бѣжавшихъ воиновъ, вышелъ изъ преторія, видя, что слѣпое стремленіе воиновъ, бросившихся къ оружію, не легко и небезопасно было остановить и обуздать, рѣшились воспользоваться усердіемъ воиновъ, и случайность обратить въ благопріятное обстоятельство. А потому онъ вывелъ войска изъ лагеря и скакалъ по рядамъ, убѣждая воиновъ—въ битвѣ, которой они такъ желали, обнаружить соотвѣтственное усердіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Назика посланъ впередъ—разсмотрѣть въ какомъ положеніи дѣла тамъ, гдѣ сначала завязался бой и принесъ извѣстіе, что Персей приближается съ войскомъ, устроеннымъ въ боевомъ порядкѣ. Первые шли Ѳракійцы съ звѣрскими чертами лица, высокаго росту; ярко свѣтились ихъ щиты, прикрывавшіе лѣвой бокъ; съ обоихъ плечей спускался черный плащъ, а въ правой рукѣ блистало огромное копье. Подлѣ Ѳракійцевъ стояли наемныя вспомогательныя войска: у разныхъ племенъ было различное вооруженіе и одежда: тутъ находились и Пэоны. Затѣмъ слѣдовалъ корпусъ самихъ Македонянъ, носившій названіе Левкаспидской фаланги: тутъ были воины, отборные по мужеству и силѣ тѣлесной; они отличались красными одеждами и позолоченнымъ оружіемъ; то была середина боевой линіи. Затѣмъ слѣдовали воины, носившіе названіе Халкаспидовъ отъ блестящихъ мѣдныхъ щитовъ. Эта фаланга поставлена подлѣ первой на правомъ крылѣ. Кромѣ этихъ обоихъ фалангъ, въ которыхъ заключалась главная сила Македонскаго войска, Македоняне, же, носившіе цетры (щиты особеннаго рода) и сариссы (длинныя копья) точно также, какъ и воины фалангиты, но во всемъ прочемъ легче вооруженные, распредѣлены были по фалангамъ, и во всемъ строю занимали самыя переднія и видныя мѣста по всему полю; ярко блистало оружіе, и сосѣдніе холмы оглашались криками воиновъ, ободрявшихъ другъ друга. Всѣхъ этихъ войскъ, вышедшихъ въ сраженіе, такова была быстрота и смѣлость, что первыя убитыя тѣла находились въ двухстахъ пятидесяти шагахъ отъ лагеря

Римскаго. Между тѣмъ Эмилій продолжалъ наступать, но когда увидалъ и прочихъ Македонянъ, и въ особенности составлявшихъ фаланги, какъ они, скинувъ съ плечь щиты, дружно, по одному сигналу, наклонили свои длинныя копья встрѣтить натискъ Римлянъ, не могъ надивиться твердости столь сплоченныхъ рядовъ, представлявшихъ непроницаемую желѣзную стѣну и пораженъ былъ удивленіемъ и ужасомъ, какъ бы онъ никогда не видалъ ничего столь грознаго, что онъ разъ впослѣдствіи припоминалъ и разсказывалъ. Но тутъ онъ старательно скрылъ свое смущеніе и съ лицомъ свѣтлымъ, выражавшимъ полную увѣренность въ своихъ силахъ, не прикрывая ни головы, ни тѣла, устроивалъ войска въ боевой порядокъ. Уже Пелигны вступили въ бой съ стоявшими насупротивъ ихъ цетратами: въ теченіи долгаго времени употребляли они страшныя усилія проломить плотные ряды непріятельскіе, но безъ успѣха; тогда Салій, предводившій Пелигнами, схватилъ значекъ и бросилъ въ непріятеля. Тутъ загорѣлся страшный бой, такъ какъ Пелигны употребляли всѣ усилія отнять обратно значокъ, а Македоняне удержать его за собою. Пелигны старались длинныя Македонскія копья или перерубить мечами, или оттолкнуть щитами, или даже отвернуть въ сторону голыми руками, но Македоняне, обѣими руками твердо ухвативъ копья, съ такою силою подставили ихъ непріятелю, дерзко и нелѣпо лѣзшему впередъ, что, пронзивъ щиты и панцыри, проколотыхъ людей отбрасывали черезъ головы. Такимъ образомъ истреблены первые ряды Пелигновъ и избіеніе достигло даже стоявшихъ позади ихъ; нерѣшительно, еще не настоящимъ бѣгствомъ, отступали они къ горѣ, называемой жителями Олокромъ. Такое горе взяло Эмилія, что онъ разорвалъ на себѣ одежду: и въ другихъ мѣстахъ онъ замѣчалъ колебаніе своихъ и робость, съ какою они подступали къ этому, какъ бы желѣзному, частоколу, окружавшему отовсюду ряды Македонянъ. Но примѣтилъ опытный вождь, что не вездѣ одинаково крѣпка эта непріятельская твердыня, и что въ ней есть кое гдѣ небольшіе промежутки, или вслѣдствіе неровностей почвы, или самой длины строя,

растянутаго до безконечности, такъ какъ хотя безъ намѣренія, а отдѣляются одни отъ другихъ между тѣмъ, какъ одни стараются занять болѣе возвышенное мѣсто, а другіе остаются ниже, также менѣе дѣятельные отстаютъ отъ болѣе торопливыхъ, выступающіе впередъ отъ остающихся назади наконецъ наступающіе на непріятеля тѣхъ, которыхъ онъ тѣснитъ. А потому съ цѣлью прорвать ряда непріятелей, и непреоборимую силу фаланги вмѣстѣ взятой, подраздѣлить на многія мелочныя сраженія, отдалъ приказаніе своимъ слѣдить за каждымъ промежуткомъ въ непріятельскихъ рядахъ, и напирать туда какъ можно съ большею силою, и клинообразно втѣсняясь въ какія бы то ни было отверстія, исполнять дѣло старательно. Отдавъ это приказаніе, когда оно сообщено было всему войску, Емилій, самъ одинъ изъ легіоновъ] повелъ въ битву.

XLI. Сильное впечатлѣніе производило величіе власти, слава человѣка, въ особенности лѣта, такъ какъ шестидесятилѣтній старикъ усерднѣе молодаго участвовалъ во всѣхъ трудахъ и опасностяхъ. Промежутокъ, находившійся между цетратами и фалангою, занятъ легіономъ, и такимъ образомъ разорвана боевая линія непріятельская. Легіонъ находился у цетратовъ стылу, а противъ клипеатовъ фронтомъ: они носятъ названіе *Халькаспидовъ*. Второй легіонъ, бывшій консулъ Л. Альбинъ получилъ приказаніе весть противъ Левкаспидской фаланги: то была середина непріятельской линіи. На правомъ крылѣ, гдѣ около рѣки началось сраженіе введены въ дѣло слоны и эскадроны союзной конницы. Отсюда то возъимѣло начало бѣгство Македонянъ. Точно также какъ большая часть новыхъ затѣй людскихъ на словахъ имѣютъ силу, на опытѣ же когда надобно дѣйствовать, а не толковать о томъ, какъ привесть въ исполненіе, исчезаютъ безслѣдно; такъ и теперь слоны въ сраженіи были названіе только безъ употребленія. За натискомъ слоновъ послѣдовали союзники наименованія Латинскаго и сбили лѣвое крыло. Въ срединѣ второй легіонъ, будучи введенъ въ дѣло, разсѣялъ фалангу, и не было другой болѣе очевидной причины побѣды какъ то, что много сраженій было въ раз-

ныхъ мѣстахъ, и они сначала внесли замѣшательство въ колебавшуюся фалангу, а потомъ ее разбросали, а когда она, сплошная и ограждена щетиною копій, тогда сила ея невыносима! Но если частными нападеніями вынуждаешь непріятеля—поворачивать неподвижныя, вслѣдствіе длины и тягости, копья, то онъ запутывается самъ этимъ движеніемъ, а если съ боковъ или сзади будетъ угрожать опасность, замѣшательство угрожаетъ гибелью. Такжъ и тутъ фалангѣ приходилось идти впередъ сплошною массою противъ Римлянъ, набѣгавшихъ отрядами и строемъ, разорваннымъ во многихъ мѣстахъ; Римляне, гдѣ только находили промежутки, втирали ряды свои. Если бы они всѣмъ строемъ встрѣтились съ вполнѣ устроенною фалангою — что и случилось въ началѣ битвы съ Пелигнами, неосторожно схватившимися съ цетратами, — то напоролись бы на копья и не выдержали бы густой массы.

XLII. Впрочемъ хотя пѣшихъ воиновъ по разнымъ мѣстамъ убивали непріятели кромѣ тѣхъ, которые бѣжали отбросивъ оружіе, однако конница оставила сраженіе почти безъ вреда. Первымъ бѣглецомъ былъ самъ царь; уже онъ съ священными эскадронами всадниковъ спѣшилъ изъ Пидны въ Пеллу; немедленно за ними слѣдовалъ Котисъ и конница Одризовъ. И остальная конница Македонянъ удалилась безъ разстройства рядовъ; находившійся въ промежуткахъ строй пѣхоты, задерживая побѣдителей истребленіемъ, заставлялъ забывать о преслѣдованіи конницы. Долго фаланга была поражаема съ фронта, съ боковъ и съ тылу; наконецъ тѣ, которымъ удалось ускользнуть изъ рукъ непріятельскихъ, бѣжали безъ оружія къ морю, нѣкоторые входили даже въ воду; протягивая руки къ находившимся на судахъ, умоляли они о спасеніи жизни. Видя, что отовсюду съ судовъ поспѣшили лодьи и полагая, что они высланы ихъ принять, предпочитая ихъ взять въ плѣнъ, чѣмъ убивать, шли какъ можно далѣе въ воду, нѣкоторые даже вплавь. Поражаемые непріязненно съ лодокъ, тѣ, которые еще были въ состояніи, спѣшили плыть къ берегу, но тамъ находили еще болѣе горькую участь. Слоны, бывъ пригнаты про-

водниками на берегъ, давили и топтали выплывавшихъ изъ воды. Нельзя не согласиться, что еще ни разу Римляне въ одномъ сраженіи не истребляли столько Македонянъ; убито до двадцати тысячь человѣкъ; около шести тысячь, бѣжавшихъ въ Пидну съ поля битвы, попали въ плѣнъ живыми, да изъ разсѣявшихся бѣглецовъ захвачено до пяти тысячь человѣкъ. Изъ побѣдителей пало не болѣе ста, и то большая часть Пелигны: ранено немного болѣе. Если бы сраженіе началось ранѣе, и побѣдителямъ оставалось болѣе дня для преслѣдованія, то все непріятельское войско было истреблено; но наступившая ночь послужила покровомъ для бѣглецовъ, и Римлянамъ не дала возможности преслѣдовать ихъ по мѣстамъ незнакомымъ.

XLIII. Персей бѣжалъ къ Піерійскому лѣсу по военной дорогѣ, въ сопровожденіи царской свиты и большаго отряда конницы. Какъ только вступили въ лѣсъ, гдѣ было много дорогъ въ разныя стороны, и приближалась ночь, въ сопровожденіи немногихъ, самихъ вѣрныхъ лицъ, свернулъ въ сторону. Всадники, оставшись безъ вождя, разошлись по своимъ городамъ въ разныя стороны; немногіе оттуда пришли въ Пеллу скорѣе самого Персея, такъ какъ они шли прямою и хорошею дорогою; а царь почти до половины ночи терпѣлъ подъ вліяніемъ разныхъ опасеній и затрудненій дороги. Тутъ въ царскомъ дворцѣ Персея встрѣтили начальникъ Пеллы Евктъ и царскіе отроки. А изъ пріятелей, которые, спасшись разными случаями, пришли въ Пеллу, изъ сраженія не явился никто къ Персею, несмотря на неоднократныя приглашенія. Съ царемъ находилось только три товарища бѣгства: Еванорь Критскій, Нео Бэотійскій и Архидамъ Этолъ. Съ ними Персей, опасаясь какого либо умысла со стороны тѣхъ, которые отказались къ нему пріидти, въ четвертую смѣну карауловъ бѣжалъ. Послѣдовало за нимъ не болѣе пятисотъ Кретійцевъ. Царь шелъ въ Амфиполисъ, но ночью вышелъ изъ Пеллы, спѣша до разсвѣта переправиться черезъ рѣку Аксій, расчитывая, что тутъ, вслѣдствіе затрудненій переправы, будетъ конецъ преслѣдованію со стороны Римлянъ.

XLIV. Консулу, по удаленіи его побѣдителемъ въ лагерь, препятствовала наслаждаться вполнѣ чистою радостью забота о младшемъ сынѣ. То былъ П. Сципіонъ, впослѣдствіи получившій прозваніе Африканскаго за разрушеніе Карѳагена; онъ былъ роднымъ сыномъ Павлла, а по усыновленію внукъ Африкана. Онъ, имѣя отъ роду всего семнадцать лѣтъ — это-то и усиливало о немъ безпокойство, усердно преслѣдуя непріятеля, толпою занесенъ былъ въ сторону. Впрочемъ онъ воротился хотя и поздно, и консулъ только тутъ наконецъ, принявъ сына невредимымъ, почувствовалъ радость такой побѣды. Когда въ Амфиполисъ дошелъ слухъ о сраженіи, женщины сбѣжались въ храмъ Діаны, называемой Тавропoлонъ, просить помощи. Діодоръ, начальствовавшій въ городѣ, опасаясь, какъ бы Ѳраки, — ихъ двѣ тысячи стояли тутъ гарнизономъ — не разграбили городъ въ такой тревогѣ, получилъ среди форума письмо будто бы отъ гонца, котораго онъ назваться такъ, подкупилъ деньгами. Написано было такъ: «флотъ Римскій присталъ къ Ематіи и опустошаетъ поля кругомъ; начальники Ематіи просятъ прислать защиту противъ грабителей.» Прочитавъ письмо, сталъ уговаривать Ѳракійцевъ: «отправиться для защиты берега Ематіи; большое пораженіе нанесутъ они Римлянамъ, разсѣявшимся въ разныхъ мѣстахъ по полямъ и много добычи получатъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старается уменьшить важность слуха о проигранномъ сраженіи: «будь онъ справедливъ, давно уже являлись бы одинъ за другимъ свѣжіе свидѣтели пораженія.» Выславъ Ѳракійцевъ подъ этимъ предлогомъ, какъ только увидалъ, что они перешли Стримонъ, заперъ ворота.

XLV. На третій день послѣ сраженія Персей прибылъ въ Амфиполисъ; отсюда онъ послалъ къ Павллу герольдовъ. Между тѣмъ Гиппіасъ, Медонъ и Пантавхъ, старѣйшій изъ друзей царя, изъ Берои, куда бѣжали послѣ сраженія, сами отправились къ консулу и отдались Римлянамъ; тоже самое за ними приготовлялись сдѣлать и другіе подъ вліяніемъ страха. Консулъ, отправивъ въ Римъ съ письмами и извѣстіемъ о побѣдѣ— сына К. Фабія, Л. Лентулла и К. Метелла; добычу пораженн-

наго непріятельскаго войска уступилъ пѣхотѣ, а конницѣ сосѣднія поля, но съ тѣмъ, чтобы она не болѣе двухъ ночей отсутствовала изъ лагеря, а самъ подвинулъ лагерь ближе къ морю къ Пиднѣ. Сначала Берояя, потомъ Ѳессалоника и Пелла, и наконецъ почти вся Македонія, въ продолженіи двухъ дней покорилась. Жители Пидны, самые ближайшіе сосѣды, еще не присылали уполномоченныхъ: нестройная толпа многихъ племенъ вмѣстѣ и большое число людей, сбитыхъ въ одно мѣсто послѣ сраженія, препятствовали гражданамъ обдумать и принять рѣшеніе; ворота не только заперты, но и даже надстроены. Медонъ и Пантавхъ отправлены къ стѣнамъ переговорить съ Салономъ, начальникомъ гарнизона. Онъ выпустилъ воинственную толпу, а городъ покорившійся отданъ воинамъ на разграбленіе. Персей, испробовавъ еще послѣднюю надежду на вспоможеніе Бизальтовъ, къ которымъ понапрасну посылалъ пословъ, вышелъ въ народное собраніе, имѣя съ собою сына Филиппа для того, чтобы убѣжденіями ободрить умы какъ жителей Амфиполиса, такъ и воиновъ пѣшихъ и конныхъ, какъ постоянно за нимъ слѣдовавшихъ, такъ и занесенныхъ сюда же бѣгствомъ. Нѣсколько разъ принимался онъ было говорить но слезы не давали, и не будучи въ состояніи самъ высказаться, онъ поручилъ Евандру Кретійцу—поговорить съ народомъ соотвѣтственно его намѣренію и затѣмъ вышелъ изъ храма. Народъ, хотя при видѣ печали и слезъ царскихъ, и самъ расчувствовался и сталъ плакать, но пренебрегъ рѣчью Евандра, а слышны были даже голоса нѣкоторыхъ, кричавшихъ изъ средины сходки: «ступайте отсюда, дабы и тѣ немногіе, которые еще остались, не погибли черезъ васъ». Такія дерзкія выраженія заставили замолчать Евандра. Затѣмъ царь возвратился домой и, нагрузивъ въ лодки, стоявшія на Стримонѣ, деньги, золото и серебро и самъ спустился на рѣку. Ѳракійцы не рѣшились ввѣриться судамъ, разошлись домой; точно также поступила толпа воиновъ разнаго рода. Кретійцы послѣдовали (за Персеемъ) въ надеждѣ на деньги, но, какъ при распредѣленіи, всегда бывало болѣе обиженныхъ, чѣмъ довольныхъ, то

пятьдесятъ талантовъ просто положены для нихъ на берегу для разграбленія. Послѣ этого подвига въ торопяхъ садясь на суда, одну лодку, находившуюся въ устьѣ рѣки, тяжело нагрузивъ, потопили. Въ этотъ день прибыли въ Галепсъ, а на другой въ Самотракъ, цѣль похода. Говорятъ туда привезено до двухъ тысячь талантовъ.

XLVI. Павллъ разослалъ по всѣмъ покорившимся городамъ начальниковъ, дабы не было побѣжденнымъ какой либо обиды при недавнемъ мирѣ, задержалъ у себя герольдовъ царскихъ, а П. Назику, не зная о бѣгствѣ царя, отправилъ въ Афмиполисъ съ небольшимъ отрядомъ пѣхоты и конницы, а вмѣстѣ опустошить Синтику и препятствовать всѣмъ замысламъ царя. Между тѣмъ Мелибея взята Кн. Октавіемъ и разграблена: у Эгинія, для завоеванія котораго посланъ легатъ Кн. Аницій, потеряно двѣсти воиновъ при вылазкѣ, сдѣланной изъ города, такъ какъ Эгинеты не знали о приведеніи войны къ концу. Консулъ, отправясь изъ Пидны, со всѣмъ войскомъ прибылъ на другой день въ Пеллу. Онъ сталъ лагеремъ въ тысячѣ шагахъ отъ этого города и, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, находился тамъ, разсматривая со всѣхъ сторонъ мѣстоположеніе города: и тутъ онъ замѣтилъ, что не безъ причины назначена тутъ столица. Городъ Пелла находится на холмѣ, обращенномъ къ зимнему западу. Опоясываютъ его болота, недоступной глубины лѣтомъ и зимою, а болота эти образуются отъ разлива озеръ. На самомъ болотѣ, ближайшемъ къ городу, возвышается, какъ островъ, насыпь, стоившая огромныхъ трудовъ; она поддерживаетъ стѣну и нисколько не терпитъ отъ влажности окружающаго болота; издали кажется соединенною стѣною съ городомъ: находящійся между стѣнами протокъ служитъ раздѣленіемъ, а мостъ соединяетъ, такъ что въ случаѣ нападенія извнѣ, ни откуда нѣтъ доступа, а для лица, заключеннаго царемъ, нѣтъ возможности убѣжать кромѣ черезъ мостъ, который караулить весьма легко. И царская сокровищница находилась въ этомъ мѣстѣ, но тогда не найдено ничего, кромѣ трехсотъ талантовъ, назначенныхъ царю Гентію, но въ послѣдствіи удержанныхъ. Въ теченіи того

времени, когда у Пеллы находился лагерь Римскій, выслушаны многія посольства, пришедшія для поздравленія по большей части изъ Өессаліи. Получивъ потомъ извѣстіе, что Персей переправился въ Самотраку, консулъ двинулся отъ Пеллы, и четвертымъ лагеремъ (переходомъ) прибылъ въ Амфиполисъ. Толпы жителей, вышедшихъ съ радостью на встрѣчу, служили для каждаго доказательствомъ, что они лишились царя не добраго и справедливаго, [но что Амфиполитанцы рады были избавиться отъ немилосерднаго повелителя. Войдя въ городъ, Павлъ занялся религіозными обрядами и совершалъ торжественно жертвоприношеніе, вдругъ загорѣлся жертвенникъ, пораженный молніею. Все это истолковали такъ, что богамъ приношеніе консула въ высшей степени пріятно, и потому они сами освятили его небеснымъ огнемъ. Консулъ не долго оставался въ Амфиполисѣ, какъ для преслѣдованія Персея, такъ и для того, чтобы побѣдоноснымъ войскомъ обойдти всѣ народы, которые были подъ его властью. Отсюда онъ (консулъ) отправился въ Одомантику, страну по тотъ берегъ Стримона и сталъ лагеремъ у Сира].

КНИГА СОРОКЪ ПЯТАЯ.

1. Вѣстники побѣды, К. Фабій, Л. Лентулъ и К. Метеллъ, какъ ни спѣшили прійдти въ Римъ, но нашли, что радость этого событія уже предвкушена. На четвертый день послѣ сраженія съ царемъ, когда въ циркѣ совершались игры, вдругъ пронесся по всему, смотрѣвшему зрѣлище, народу слухъ: *«въ Македоніи было сраженіе, и царь побѣжденъ»*. Потомъ шумъ увеличился, наконецъ раздались крики и рукоплесканія, какъ будто бы уже получено было вѣрное извѣстіе о побѣдѣ. Но какъ этого не было, то радость утихла, какъ о событіи еще не вѣрномъ, радостноеже предзнаменованіе осталось въ умахъ. А когда это подтвердилось съ прибытіемъ Фабія, Лентула и Метела, самихъ достовѣрныхъ вѣстниковъ, то граждане радовались и самой побѣдѣ, и вѣрности собственнаго предчувствія. И другимъ образомъ разсказывается, не менѣе правдоподобно, радость толпы, собравшейся въ циркѣ. Разсказываютъ, что наканунѣ пятнадцатаго дня календъ Октябрскихъ, на второй день игръ Римскихъ, къ консулу Кн. Лицинію, вышедшему высылать колесницы, явился вѣстникъ, говорившій, что онъ изъ Македоніи и принесъ письмо, украшенное лавромъ. Увидавъ его, народъ, забывъ о зрѣлищѣ, вдругъ сбѣжался на середину; тутъ консулъ созвалъ сенатъ и прочитавъ письмо, съ утвержденія сенаторовъ, объявилъ народу на площади: «Л. Эмилій, товарищъ его, встрѣтясь полками, имѣлъ сраженіе съ царемъ Персеемъ; Македонское войско разбито и обращено въ бѣгство; царь съ немногими убѣжалъ: всѣ города Македоніи достались во власть Римлянъ». По выслушаніи этого, раздались крики и оглушительныя рукоплесканія: оставивъ игры, большая часть гражданъ отнесли радостное извѣстіе женамъ и дѣтямъ; тогда былъ тринадцатый день послѣ сраженія въ Македоніи.

II. На другой день сенатъ созванъ въ курію, назначено молебствіе и состоялся сенатскій декретъ, чтобы консулъ распустилъ всѣхъ, давшихъ присягу, кромѣ воиновъ и матросовъ; о распущеніи же воиновъ и матросовъ доложить, когда послы отъ консула Л. Эмилія, отправившіе впередъ себя гонца ** Передъ шестымъ днемъ календъ Октябрскихъ, около втораго часа, послы вошли въ городъ и привели за собою на площадь къ трибуналу огромную толпу гражданъ, вышедшихъ на встрѣчу и провожавшихъ. Сенатъ въ это время случайно былъ собранъ въ куріи: туда консулъ ввелъ пословъ; тутъ они задержаны на столько времени, чтобы объяснить: «какъ велики были силы царя пѣшія и конныя, сколько изъ нихъ тысячь убито и сколько взято въ плѣнъ, съ потерею сколь немногихъ воиновъ, нанесено такое пораженіе непріятелю—съ какою немногочисленною свитою убѣжалъ царь; полагають, что онъ отправится въ Самотракію. Флотъ готовъ для его преслѣдованія, ни на морѣ, ни на сушѣ, уйдти ему невозможно». Тоже самое изложили немного спустя, бывъ приведены въ народное собраніе. Послѣдовалъ новый взрывъ радости, когда консулъ предписалъ: отворить всѣ священныя мѣста; тогда изъ собранія каждый гражданинъ спѣшилъ принесть благодарность богамъ; сплошными массами не только мущинъ, но и женщинъ наполнились по всему городу храмы боговъ безсмертныхъ. Сенатъ, снова созванный въ курію, опредѣлилъ молебствіе, по случаю особенно счастливыхъ дѣйствій консула Л. Эмилія, на пять дней около всѣхъ капищъ, и повелѣлъ принесть большія жертвы. Суда, стоявшія на Тибрѣ приготовленными и снаряженными къ отправленію въ Македонію въ случаѣ сопротивленія царя, отвесть и помѣстить въ верфи, а матросовъ, давъ годичное жалованье распустить, и съ ними всѣхъ, давшихъ воинскую присягу консулу; а сколько воиновъ находится въ Корцирѣ, въ Брундизіѣ, у Верхняго Моря или въ Ларинатской области (во всѣхъ этихъ мѣстахъ расположено войско, съ которымъ, по требованію обстоятельствъ, К. Лициній долженъ былъ подать помощь товарищу) всѣхъ этихъ воиновъ положено распустить. Благодар-

ственное молебствіе объявлено народу въ собраніи съ кануна пятаго дня Октябрскихъ Идъ въ теченіи пяти дней, включая и тотъ.

III. Изъ Иллирика двое уполномоченныхъ: К. Лициній Нерва и П. Децій принесли извѣстіе: «что войско Иллирійское истреблено, царь Гентій взятъ и Иллирикъ находится во власти народа Римскаго». За такія дѣйствія, совершенныя подъ предводительствомъ претора Л. Аниція и его счастіемъ, сенатъ опредѣлилъ молебствіе на три дня и безотлагательно назначены они консуломъ на дни передъ четвертымъ, третьимъ и вторымъ Идъ Ноябрскихъ. Нѣкоторые историки передаютъ, будто бы уполномоченные Родосскіе, еще не отпущенные, когда получено было извѣстіе о побѣдѣ, позваны въ сенатъ, какъ бы въ осмѣяніе ихъ безразсудной надменности. Тутъ старшій посолъ Агеполисъ сказалъ слѣдующее: «Родосцы отправили пословъ для заключенія мира между Римлянами и Персеемъ, такъ какъ война крайне тяжела и неудобна для всей Греціи, убыточна и разорительна для самихъ Римлянъ. Судьба прекрасно распорядилась, когда съ инымъ рѣшеніемъ войны представляется имъ (Родосцамъ) случай поздравить Римлянъ съ блистательною побѣдою». Вотъ слова Родосца. Сенатъ далъ такой отвѣтъ: «Не пользы Греціи имѣли въ виду Родосцы, отправляя посольство и не заботливость объ издержкахъ, падающихъ на народъ Римскій, но собственно защиту Персея. Будь дѣйствительно у нихъ въ виду та цѣль, которую они поставили предлогомъ, то имъ слѣдовалобы отправить пословъ тогда когда Персей, введя войско въ Ѳессалію, въ продолженіи двухъ лѣтъ, города Греческіе одни осаждалъ, а другіе держалъ въ страхѣ развитіемъ военныхъ силъ. Въ это время отъ Родосцевъ не было и помину о мирѣ; а когда они услыхали, что затрудненія горныхъ путей преодолѣны и Римляне перешли въ Македонію, Персей окруженъ, тутъ только Родосцы отправили посольство не зачѣмъ инымъ, какъ чтобы выручить Персея изъ угрожавшей ему опасности». Съ такимъ отвѣтомъ послы отпущены.

IV. Въ это же время М. Марцеллъ, удаляясь изъ провинціи Испаніи по взятіи знаменитаго города Марколики, десять фунтовъ золота и серебра, по крайней мѣрѣ десять милліоновъ сестерцій внесъ въ казначейство. Консулъ Павллъ Емилій, стоя лагеремъ, какъ мы выше сказали, у Сираса въ землѣ Одомантинской, увидавъ, что письмо отъ царя Персея приносятъ три незнатныхъ посла, пролилъ, какъ говорятъ, самъ слезы о жребіи человѣческомъ: тотъ, который не задолго передъ симъ недовольствуясь царствомъ Македонскимъ, нападалъ на Дардановъ и Иллиріевъ, вызывалъ вспомогательныя войска Бастарновъ, теперь, утративъ войско, изгнанный изъ царства, вынужденъ искать убѣжища на маленькомъ островѣ, просителемъ, находя безопасность въ уваженіи къ святости храма, а не къ своимъ силамъ. Но когда прочелъ слова: «царь Персей, консулу Павллу привѣтствіе», то всякое сожалѣніе исчезло передъ безразсудствомъ человѣка, не сознававшаго истиннаго положенія своихъ дѣлъ; а потому, хотя въ остальной части письма, заключались мольбы вовсе не царскія, однако безъ отвѣта и письма отпущено это посольство. Понялъ Персей, какое прозваніе нужно забыть побѣжденному, а потому послалъ новое письмо, уже какъ частный человѣкъ; тутъ онъ просилъ и добился, чтобы къ нему были посланы люди, съ которыми бы онъ могъ переговорить о положеніи и устройствѣ судьбы своей. Посланы трое уполномоченныхъ: П. Лентуллъ, А. Постумій Альбинъ и А. Антоній. Это посольство не успѣло ни въ чемъ: Персей изо всѣхъ силъ отстаивалъ титулъ царя, а Павллъ добился, чтобы онъ и себя, и все свое вполнѣ предоставилъ вѣрности и милосердію народа Римскаго.

V. Между тѣмъ какъ это происходило, флотъ Кн. Октавія причалилъ къ Самотракѣ; и онъ также, дѣйствуя страхомъ прибывшей силы, частью угрозами, частью надеждами, старался склонить къ сдачѣ; тутъ помогло ему обстоятельство или случайное, или обдуманное. Знаменитый юноша Л. Атилій, замѣтивъ, что народъ Самотраковъ находится въ собраніи, просилъ начальниковъ — дозволить ему сказать нѣсколько словъ

народу. Получивъ дозволенiе, онъ спросилъ: «дѣйствительно ли, хозяева Самотраки, правду слышали мы, или ложно, что островъ этотъ священный, и что, уважаемая всѣми, земля его не допускаетъ насилiя?» Когда всѣ согласились съ вѣрованiемъ въ общественную святость. «А если такъ—продолжаетъ ораторъ, то зачѣмъ оскверняетъ его человѣкоубiйца *** кровью царя Евмена нарушилъ святость, и какъ въ первыхъ словахъ всѣхъ молитвъ при священнодѣйствiяхъ, устраняются всѣ, у кого нечистыя руки, вы допускаете самыя священныя мѣста ваши пятнать окровавленнымъ тѣломъ разбойника?» Извѣстенъ былъ по всѣмъ городамъ Грецiи слухъ объ убiйствѣ царя Евмена, почти совершенномъ Евандромъ въ Дельфахъ. А потому, не говоря уже о томъ, что жители видѣли и себя, и весь островъ и храмъ во власти Римлянъ, да и находя такой упрекъ себѣ вполнѣ заслуженнымъ, отправили Теонда, главнаго у нихъ начальника (они называютъ его царемъ) къ Персею—объявить ему: «Евандръ Кретiецъ обвиняется въ убiйствѣ; но у нихъ, по обычаю предковъ, установлены суды надъ людьми, вносящими оскверненныя кровью руки въ освященные храмомъ предѣлы. Если Евандръ убѣжденъ въ невинности своей относительно уголовнаго, взводимаго на него, обвиненiя, то пусть явится для оправданiя; буде же онъ не дерзнетъ подвергнуться суду, то пусть освободитъ святое мѣсто отъ опасенiй и позаботится самъ о себѣ». Персей, отозвавъ Евандра, совѣтовалъ ему не отдаваться ни въ какомъ случаѣ суду: «и сущность дѣла, и предубѣжденiе судей—все противъ него». Волновало Персея опасенiе, какъ бы въ случаѣ осужденiя, Евандръ не выдалъ его, какъ главнаго виновника преступленiя. Другаго исхода не осталось, какъ умереть съ твердостью (по словамъ Персея), Евандръ по видимому на все соглашался, но сказавъ, что предпочитаетъ умереть отъ яда, чѣмъ отъ меча, тайно сталъ готовиться къ бѣгству. Когда царю дано объ этомъ знать, то онъ, опасаясь какъ бы не обратить на себя раздраженiе Самоѳракiйцевъ, давъ возможность преступнику уйдти отъ наказанiя, отдалъ приказанiе убить Евандра. Необдуманно совершивъ

убійство, Персей тотчасъ же сообразилъ, что кара преступленія, угрожавшая Евандру, пала теперь на него: Евандръ въ Дельфахъ посягнулъ на жизнь Евмена, а онъ, Персей, въ Самотракѣ убилъ Евандра. Такимъ образомъ, виною одного и того же человѣка (Персея) два самихъ священныхъ храма на землѣ, осквернены человѣческою кровью. Обвиненіе въ такомъ дѣлѣ устраняется деньгами: подкупленный Теонда, объявилъ гражданамъ, что Евандръ самъ себя лишилъ жизни.

VI. Впрочемъ допустивъ такое преступленіе въ отношеніи къ единственному остававшемуся другу, вѣрности испытанной въ стольких случайностяхъ, который сдѣлался жертвою измѣны, потому что не хотѣлъ быть измѣнникомъ, Персей удалилъ отъ себя умы всѣхъ. Каждый спѣшилъ перейдти къ Римлянамъ, что и вынудило Персея прибѣгнуть къ послѣднему, остававшемуся для него средству — бѣгству. Онъ призвалъ Кретійца Ороанда, хорошо знавшаго берега Ѳракіи, такъ какъ онъ велъ тамъ торговлю и уговаривалъ его отвезти на лодкѣ къ Котису. Есть портъ Деметрій на одной изъ оконечностей Самотраки; тутъ стояла лодка. Къ закату солнца отнесли туда всѣ нужные припасы, отнесены и деньги сколько можно было тайкомъ. Царь самъ, въ срединѣ ночи, съ тремя соучастниками бѣгства, задними дверями ушелъ въ садъ, находившійся подлѣ спальни и оттуда, съ трудомъ перелѣзши черезъ стѣну, достигъ до моря. Между тѣмъ Ороандесъ, какъ только принесены были деньги, съ наступленіемъ сумерекъ, поднялъ якорь и отплылъ въ море по направленію къ Криту. Не найдя въ пристани судна, Персей скитался нѣсколько времени по берегу, но, опасаясь наступавшаго дня, и несмѣя уже вернуться въ гостинницу, спрятался въ боковой сторонѣ храма подлѣ темнаго угла. — Дѣтскими отроками у Македонянъ назывались дѣти знатнѣйшихъ лицъ, отобранныя для служенія царю. Ихъ когорта послѣдовала за бѣжавшимъ царемъ; но и тутъ не оставляла его, пока, по приказанію Кн. Октавія, объявлено черезъ герольда: «царскіе отроки и прочіе Македоняне, находящіеся въ Самотракѣ, если перейдутъ къ Римлянамъ, получатъ безопасность,

свободу и все, что они имѣютъ съ собою или оставили въ Македоніи.» По выслушаніи этого, всѣ стали переходить и являлись записываться къ военному трибуну К. Постумію. И маленькихъ дѣтей царскихъ Іонъ Ѳессалоникіецъ передалъ Октавію, и съ царемъ не осталось никого, кромѣ Филиппа, старшаго изъ сыновей. Тутъ Персей — себя и сына передалъ Октавію, обвиняя судьбу и боговъ, въ храмѣ которыхъ находился, въ томъ что они не вняли ни въ чемъ его мольбамъ. Отдано приказаніе посадить его на преторское судно; туда же снесены и деньги, сколько ихъ осталось, и немедленно флотъ вернулся къ Амфиполису. Отсюда Октавій отправилъ царя въ лагерь къ консулу, пославъ впередъ письмо, извѣщая о томъ, что Персей въ его власти и что онъ его ведетъ.

VII. Это событіе Павллъ, и не безъ основанія, счелъ второю побѣдою и, получивъ это извѣстіе, принесъ жертвы. Позвалъ совѣтъ и, по прочтеніи письма претора, К. Элія Туберона послалъ на встрѣчу царю, а прочимъ велѣлъ оставаться въ преторіѣ въ большомъ числѣ. Еще ни разу не собиралось столько народу на какое либо зрѣлище. На памяти предковъ приведенъ былъ въ лагерь Римскій, взятый въ плѣнъ, царь Сифаксъ, но онъ не могъ сравниться съ Персеемъ ни собственною славою, ни славою народа; то было только дополненіе къ войнѣ Пунической такое, какое Гентій къ Македонской. Персей былъ главою войны и его замѣчательнымъ дѣлали не только слава отца его и дѣда, кровью и родомъ съ нимъ не раздѣльныхъ, но и блистали Филиппъ и Великій Александръ, доставившіе Македонянамъ высшую степень могущества на земномъ шарѣ. Одѣтый въ траурное платье, Персей вошелъ въ лагерь, не сопровождаемый никѣмъ изъ своихъ, который, какъ товарищъ несчастія, дѣлалъ бы его болѣе достойнымъ сожалѣнія. Идти впередъ ему было невозможно вслѣдствіе толпы сбѣжавшихся зрителей, пока консулъ послалъ ликторовъ и они, раздвинувъ народъ, открыли ему дорогу къ преторію. Консулъ всталъ и приказавъ сѣсть прочимъ, выступилъ немного впередъ, протянулъ правую руку входившему царю и под-

нялъ его, когда онъ было упалъ къ его ногамъ: не допустилъ онъ его коснуться колѣнъ и, введя его въ палатку, велѣлъ сѣсть напротивъ лицъ, созванныхъ на совѣтъ.

VIII. Первый вопросъ предложенъ Персею: «какое оскорбленіе вынудило его—съ такимъ ожесточеніемъ начать войну противъ народа Римскаго, которою онъ и себя, и царство поставилъ на край гибели?» Всѣ долго ожидали отвѣта, но Персей, потупивъ глаза въ землю, молча плакалъ; тогда консулъ продолжалъ говорить: «если бы ты въ очень молодыхъ лѣтахъ принялъ царство, то менѣе удивился бы я твоему незнанію того, какимъ важнымъ можетъ быть народъ Римскій и другомъ и недругомъ. Теперь же, когда ты былъ свидѣтелемъ войны, которую велъ твой отецъ противъ насъ, и имѣлъ въ памяти миръ, условія коего въ отношеніи къ нему мы свято соблюдали, что за цѣль твоя была предпочесть миру войну съ тѣми, которыхъ испыталъ ты и силу на войнѣ, и вѣрность въ мирѣ?» Не отвѣчалъ Персей ни на вопросъ, ни на обвиненіе: «Но какъ бы это ни случилось—по заблужденію ли, человѣку свойственному, по случаю ли, по необходимости ли, будь смѣлѣе духомъ: примѣромъ многихъ царей и народовъ доказанное милосердіе народа Римскаго, должно подавать тебѣ не только надежду, но почти полную увѣренность.» По Гречески сказавъ это Персею, консулъ потомъ по латынѣ обратился къ своимъ: «передъ вами великій примѣръ непостоянства дѣлъ человѣческихъ; въ особенности къ вамъ, молодые люди, обращаю рѣчь; а потому въ счастіи не надобно ни съ кѣмъ обходиться дерзско и надменно, и недовѣрять настоящему счастію незная, что намъ принесетъ наступающій вечеръ. Только тотъ заслуживаетъ вполнѣ названіе человѣка, кто не возносится духомъ въ счастіи и не теряетъ его въ несчастіи.» Распустивъ совѣтъ, консулъ заботу объ охраненіи царя поручилъ К. Элію. Въ этотъ день Персей и приглашенъ къ консулу, и вообще ему оказана всякая почесть, какая только доступна была въ его положеніи.

IX. Затѣмъ войска распущены по зимнимъ квартирамъ; большую часть войскъ принялъ Амфиполисъ, остальную ближайшіе

города. Таковъ былъ конецъ войны между Римлянами и Персеемъ, продолжавшейся непрерывно въ теченіи четырехъ лѣтъ вмѣстѣ; съ тѣмъ вмѣстѣ это былъ конецъ существованію царства, заслужившаго извѣстность въ большей части Европы и во всей Азіи. Персея считали двадцатымъ царемъ отъ Карана, который первый носилъ это званіе. Персей принялъ царство въ консульство К. Фульвія и Л. Манлія; отъ сената получилъ наименованіе царя въ консульство М. Юнія и А. Манлія; царствовалъ въ продолженіи одиннадцати лѣтъ. Македоняне имѣли очень мало извѣстности до Филиппа, Аминтова сына; отъ него и черезъ него начили ее пріобрѣтать, но ограничивалась она предѣлами Европы, включая всю Грецію, часть Ѳракіи и Иллирика. Затѣмъ перешла она въ Азію, и въ теченіи тринадцати лѣтъ царствованія Александра, сначала Македоняне покорили своей власти все, простиравшееся на необъятное пространство, государство Персовъ; за тѣмъ они прошли все, сколько ни есть самыхъ отдаленныхъ краевъ земли, до Краснаго моря. Тогда на всей землѣ царство Македонянъ и ихъ имя было первымъ. По смерти Александра образовались многія царства: каждый спѣшилъ присвоить себѣ побольше могущества, и силы тратились въ борьбѣ междуусобной: отъ высшей степени могущества до послѣдняго конца Македонія простояла сто пятьдесятъ лѣтъ.

X. Когда слухъ о побѣдѣ Римлянъ достигъ Азіи, Антеноръ, стоявшій съ флотомъ лодій у Фанаса, переправился оттуда въ Кассандрею. К. Попиллій, стоявшій у Делоса для защиты судовъ, шедшихъ въ Македонію, услыхавъ, что война въ Македоніи окончена и непріятельскія суда оставили свои посты, и самъ, отпустивъ Аѳинскія суда, продолжалъ плаваніе въ Египетъ, куда имѣлъ порученіе какъ посолъ, спѣша встрѣтить Антіоха прежде, чѣмъ онъ подойдетъ къ стѣнамъ Александріи. Послы, плывя вдоль береговъ Азіи, по прибытіи въ Лориму, пристань, отъ Родоса находящуюся въ разстояніи немного болѣе двадцати миль и какъ разъ напротивъ города. Подоспѣли старѣйшины Родосцевъ (уже и суда пришелъ слухъ о побѣдѣ) и просили: «заѣхать въ Родосъ; это обстоятельство очень важ-

но для доброй славы и безопасности острова; узнаютъ они сами все, что произошло въ Родосѣ и что тамъ дѣлается, и такимъ образомъ принесутъ въ Римъ плоды своихъ собственныхъ наблюденій, а не пустые толки народа». Долго отказывались уполномоченные, но наконецъ убѣждены были немного замедлить для спасенія союзнаго города. По прибытіи въ Родосъ, уступая тѣмъ же просьбамъ, уполномоченные явились въ собраніе народа: ихъ прибытіе скорѣе увеличило, чѣмъ уменьшило опасенія народа. Попиллій повторилъ тутъ все, что кѣмъ либо въ продолженіи всей войны, сдѣлано или сказано непріязненнаго. Крутой нравомъ человѣкъ (Попиллій), увеличивалъ рѣзкость того, что говорилъ, звѣрскимъ выраженіемъ лица и тономъ обвинителя, такъ что отъ суровости одного сенатора Родосцы могли сдѣлать заключеніе относительно того, какъ къ нимъ расположенъ весь сенатъ. К. Децимія слова были умѣреннѣе; онъ говорилъ: «что въ большей части случаевъ, которые припомнилъ Попиллій, виноватъ не народъ, но немногіе руководители народа. Они то, имѣя продажный языкъ, составляли декреты, полные угодливости по отношенію къ царю и посылали посольства, которыхъ Родосцы должны не менѣе стыдиться, какъ и жалѣть. Но если таковъ образъ мыслей народа, то все падетъ на главы виновныхъ.» Онъ выслушанъ съ величайшимъ одобреніемъ не столько потому, что большинство народа освобождалъ отъ обвиненія, сколько потому что указалъ настоящихъ виновниковъ. А потому изъ отвѣтовъ старѣйшинъ Римлянамъ заслужили одобреніе народа не тѣ, которые просто хотѣли доказать неосновательность обвиненій Попиллія, а тѣ, которые за одно съ Дециміемъ требовали наказанія главныхъ виновниковъ. А потому немедленно состоялось опредѣленіе — тѣхъ, которые будутъ уличены, что они говорили или дѣйствовали въ пользу Персея противъ Римлянъ, осудить на смерть. Нѣкоторые удалились изъ города къ прибытію Римлянъ, другіе сами себѣ причинили смерть. Уполномоченные, пробывъ не болѣе пяти дней въ Родосѣ, отправились въ Александрію. Тѣмъ не менѣе тщательно произведенъ судъ на основаніи декрета, при нихъ

составленнаго Родосцами; это упорство въ исполненіи кротость Децимія...

XI. Пока это происходило, Антіохъ, сдѣлавъ тщетное покушеніе на стѣны Александріи, удалился: овладѣвъ всѣмъ остальнымъ Египтомъ, оставилъ онъ въ Мемфисѣ старшаго Птоломея, для котораго будто бы завоевывая царство, напрягалъ онъ всѣ силы, чтобы не замедлить напасть на него, когда онъ будетъ побѣдителемъ, увелъ войско въ Сирію. Зная такое его намѣреніе, Птоломей сообразилъ, что можетъ быть допущенъ въ Александрію, пока младшій братъ еще находится подъ вліяніемъ страха осады; сестра же ему содѣйствовала и препятствія не было со стороны приближенныхъ брата. Онъ не прежде пересталъ посылать сначала къ сестрѣ, потомъ къ брату и его пріятелямъ, пока не утвердилъ съ ними мира. Антіоха подозрительнымъ сдѣлало то обстоятельство, что, передавъ ему весь Египетъ, въ Пелузіѣ оставилъ сильный гарнизонъ. Ясно было, что онъ удержалъ ключь отъ Египта, для того чтобы снова ввесть войско когда пожелаетъ: междуусобная же война съ братомъ будетъ имѣть тотъ исходъ, что побѣдитель, утомленный борьбою, ни въ какомъ случаѣ не можетъ уже равняться съ Антіохомъ. Все это, благоразумно замѣченное старшимъ Птоломеемъ, съ одобреніемъ приняли младшій братъ и всѣ, которые съ нимъ были: сестра больше всего содѣйствовала не только совѣтомъ, но и мольбами. А потому миръ заключенъ съ общаго согласія и старшій Птоломей впущенъ въ Александрію; не встрѣтивъ сопротивленія даже въ черни, такъ какъ не только во время войны въ продолженіи осады, но и по удаленіи непріятеля отъ стѣнъ, не было никакихъ подвозовъ изъ Египта и чувствовался недостатокъ во всемъ. Антіоху слѣдовало бы радоваться, если дѣйствительно вводилъ онъ войско въ Египетъ для возстановленія Птоломея—этотъ благовидный предлогъ выставлялъ онъ всѣмъ государствамъ Азіи и Греціи какъ во время принятія посольствъ, такъ и въ перепискѣ; но онъ такъ обидѣлся, что несравненно усерднѣе и непріязненнѣе сталъ готовиться къ войнѣ съ двумя братьями, чѣмъ прежде

съ однимъ. Немедленно отправилъ онъ флотъ въ Кипръ, а самъ, при наступленіи весны, съ войскомъ по дорогѣ въ Египетъ, достигъ Келе—Сиріи. Около Ринноколуры встрѣтили Антіоха послы Птоломея; они его благодарили за то, что черезъ него получилъ онъ опять отеческій престолъ и просили сберечь его даръ и лучше прямо сказать, чего ему нужно, чѣмъ сдѣлаться врагомъ изъ союзника и дѣйствовать силою оружія. Антіохъ далъ такой отвѣтъ: «Не иначе онъ отзоветъ флотъ и вернетъ назадъ войско, какъ когда ему будетъ уступленъ весь Кипръ, Пелузій и земли, находящіяся около Пелузійскаго устья Нила», и назначилъ день, къ которому долженъ быть данъ рѣшительный отвѣтъ относительно предложенныхъ условій.

XII. По истеченіи срока, назначеннаго для перемирія * когда плыли къ устью Нила у Пелузія, по пустынямъ Аравіи ** жили у Мемфиса, и отъ прочихъ Египтянъ частью добровольно, частью подъ вліяніемъ страха, спустился къ Александріи небольшими переходами. Перейдя рѣку у Елевзина — мѣсто это находится отъ Александріи въ четырехъ миляхъ — встрѣтились послы Римскіе. Когда они подходили, царь ихъ привѣтствовалъ и протянулъ правую руку Попиллію, но тотъ вручилъ ему дощечку, содержавшую сенатскій декретъ и приказалъ прежде всего его прочитать. Прочитавъ царь сказалъ, что онъ подумаетъ съ общаго съ своими приближенными совѣта, какъ поступить. Попиллій, человѣкъ и безъ того суровый въ обращеніи, палкою, которую держалъ въ рукахъ, очертилъ около царя кругъ и сказалъ: «прежде чѣмъ выйдешь изъ этого круга, дай отвѣтъ, какой мнѣ отнесть сенату». Озадаченный такимъ насильственнымъ приказаніемъ, царь нѣсколько времени колебался, но потомъ сказалъ: «исполню угодное сенату». Только тогда Попиллій протянулъ правую руку царю, какъ союзнику и другу. Въ назначенный срокъ Антіохъ оставилъ Египетъ, а Римскіе уполномоченные, своимъ вліяніемъ скрѣпивъ согласіе между братьями, только что согласившимися на миръ, отплыли въ Кипръ и оттуда отослали флотъ Антіоха, уже успѣвшій побѣдить въ сраженіи Египетскія суда. Это посольство стяжало

знаменитость у народовъ, такъ какъ не было сомнѣнія, что Египетъ вырванъ изъ рукъ Антіоха, его имѣвшаго уже, и отеческое наслѣдіе возвращено роду Птоломеевъ. Изъ консуловъ этого года какъ одинъ прославился блистательною побѣдою, такъ другой оставался въ неизвѣстности, не имѣя повода къ дѣятельности. Съ самаго начала, когда онъ назначилъ день легіонамъ для сбора, вошелъ въ храмъ безъ обычныхъ гаданій. Авгуры, узнавъ объ этомъ, объявили день назначеннымъ неправильно. Отправясь въ Галлію, онъ сталъ лагеремъ около Макрскаго поля у горъ Сициминской и Папинской; потомъ около этихъ же мѣстъ провелъ зиму съ союзниками наименованія Латинскаго, а легіоны Римскіе остались въ Римѣ, такъ какъ день для собранія войска назначенъ неправильно. Преторы, кромѣ К. Папирія Курсора, которому досталась Сардинія, отправились въ провинціи; а ему сенатъ опредѣлилъ оказывать судъ и расправу въ Римѣ (жеребьемъ пало и это на его обязанность) между гражданами и иноземцами.

XIII. Попиллій и посольство, которое ѣздило къ Антіоху, вернулось въ Римъ. Онъ донесъ, что несогласія между царями окончились, и войско изъ Египта отведено въ Сирію. Затѣмъ явились послы самихъ царей. Антіоховы говорили: «для царя миръ дороже всякой побѣды, какъ опредѣлилъ сенатъ, и Антіохъ повиновался приказаніямъ пословъ Римскихъ не иначе, какъ бы повелѣнію боговъ безсмертныхъ». Потомъ принесли поздравленіе съ побѣдою: «и царь содѣйствовалъ бы ей всѣми силами, если бы получилъ на то приказаніе». Послы Птоломеевы отъ общаго имени царей и Клеопатры, благодарили: «болѣе они считаютъ себя обязанными сенату и народу Римскому, чѣмъ своимъ родителямъ, чѣмъ даже богамъ безсмертнымъ: Римляне освободили ихъ отъ бѣдственной осады и возвратили имъ прародительское царство, почти уже утраченное». Сенатъ далъ такой отвѣтъ: «Антіохъ поступилъ правильно и порядкомъ, что послушалъ пословъ; сенату и народу Римскому это очень пріятно. Царямъ Египта — Птоломею и Клеопатрѣ: «сенатъ очень радъ, если былъ въ состояніи сдѣлать для нихъ

что-либо хорошее и пріятное, и постарается, чтобы и на будущее время лучшая защита царства заключалась въ вѣрности народа Римскаго». Претору К. Папирію поручено озаботиться отсылкою даровъ посламъ согласно установленнаго обычая. Затѣмъ получено письмо изъ Македоніи, удвоившее радость побѣды: «царь Персей находится во власти консула». По отсылкѣ этихъ пословъ — было разбирательство между послами Пизанскими и Луненскими: первые жаловались, что поселенцы Римскіе сгоняютъ ихъ съ земли, а жители Луны утверждали, что та земля, о которой идетъ рѣчь, отведена имъ тріумвирами. Сенатъ отправилъ пять уполномоченныхъ произвесть дознаніе и постановить рѣшеніе, а именно К. Фабія Бутеона, П. Корнелія Блазіона, Т. Семпронія Муску, Л. Невія Бальба и К. Аппулея Сатурнина. — Явилось посольство отъ Евмена и братьевъ Аттала и Атенея съобща, поздравить съ побѣдою. Масгабѣ, сыну царя Масиниссы, вышедшему на берегъ въ Путеолахъ, посланъ на встрѣчу съ деньгами (казначей) квесторъ Л. Манлій, и ему поручено на общественный счетъ отвесть его въ Римъ. По прибытіи Масгабы немедленно созванъ для него сенатъ. Этотъ молодой человѣкъ говорилъ такъ, что пріятное на дѣлѣ, онъ умѣлъ словами сдѣлать еще пріятнѣе. Онъ припомнилъ: «сколько пѣхоты и конницы, сколько слоновъ, сколько хлѣба, въ теченіи этихъ четырехъ лѣтъ, отправилъ отецъ его въ Македонію. Только два обстоятельства бросаютъ его въ краску: одно—что сенатъ его, о томъ, что нужно для войны, просилъ черезъ пословъ, а не приказалъ; а другое, что за хлѣбъ ему присланы деньги. Масинисса помнитъ, что царство свое онъ и пріобрѣлъ черезъ народъ Римскій, усилилъ и увеличилъ. Съ него довольно пользованія царствомъ, а власть и право тѣхъ, которые дали. А потому справедливость требуетъ, чтобы Римляне сами брали, а не просили и не покупали произведеній земли, ими же данной. Съ Масиниссы ихъ достаточно, а весь излишекъ — народа Римскаго. Когда ужъ онъ отправился съ этими порученіями отъ отца, нагнали его всадники съ извѣстіемъ о пораженіи Македонянъ,

и съ приказаніемъ принесть поздравленіе сенату и объявить ему — отецъ его такъ радъ этому счастливому событію, что хочетъ прійдти въ Римъ самъ, принесть жертвы Юпитеру Всеблагому и Всемогущему въ Капитоліѣ и благодарственное молебствіе: проситъ онъ сенатъ высказать ему свое дозволеніе, дабы ему не быть въ тягость».

XVI. Царьку данъ отвѣтъ: «отецъ его Масинисса поступаетъ такъ, какъ слѣдуетъ человѣку благодарному, и доброму и придаетъ цѣну и честь должному благодѣянію. И народъ Римскій во время войны Пунической нашелъ въ немъ твердое и вѣрное содѣйствіе, и самъ, по благосклонности народа Римскаго, получилъ царство. По чувству справедливости, онъ (Масинисса) въ послѣдовавшія войны съ тремя царями исполнилъ всѣ обязанности вѣрнаго союзника. Что царь радуется побѣдѣ народа Римскаго—неудивительно, такъ какъ онъ свою судьбу и царства своего связалъ съ ходомъ дѣлъ Римскихъ. Благодарить боговъ за побѣду, дарованную Римлянамъ, можетъ онъ и у домашняго очага: въ Римѣ же сынъ его это исполнитъ. Да и поздравленій довольно, какъ отъ него, такъ и отъ имени отца. А самому Масиниссѣ покидать царство и выходить изъ Африки, и для него будетъ безполезно по мнѣнію сената, и несогласно съ интерессами народа Римскаго». Масгаба просилъ, чтобы Ганнонъ, сынъ Гамилькаровъ, заложникъ вмѣсто *** получилъ. Состоялся сенатскій декретъ, по которому квесторъ получилъ приказаніе купить даровъ царьку на сто фунтовъ серебра и проводить его до Путеолъ, давать ему полное содержаніе, пока онъ будетъ въ Италіи и нанять два судна, на которыхъ долженъ быть отвезенъ царекъ и его провожатые въ Африку; всѣмъ лицамъ, составлявшимъ свиту, какъ свободнымъ, такъ и рабамъ, даны одежды. Не такъ много времени спустя получено письмо о Мизагенѣ, другомъ сынѣ Масиниссы, такого содержанія: «послѣ пораженія Персея, Л. Павллъ отослалъ его въ Африку съ конницею; во время плаванія флотъ разсѣянъ бурею въ Адріатическомъ морѣ, и Мизагенъ занесенъ съ тремя судами въ Брундизій больной». Къ нему съ такими же дарами,

какіе въ Римѣ даны его брату, квесторъ Л. Стертиній отправленъ въ Брундизій и приказано ему озаботиться, чтобы домъ (для помѣщенія царьку) былъ отведенъ и доставлено ему все необходимое для выздоровленія; чтобы всѣ издержки содержанія его и свиты, были щедро покрыты и отысканы суда, на которыхъ онъ могъ бы покойно и безопасно переправиться въ Африку. Каждому всаднику дано по фунту серебра и по пяти сотъ сестерцій.—Выборы консуловъ къ слѣдующему году произведены консуломъ К. Лициніемъ; назначены: К. Элій Петъ и М. Юній Пеннъ. Затѣмъ преторами выбраны: К. Кассій Лонгинъ, М. Ювентій Тальна, Ти. Клавдій Неронъ, А. Манлій Торкватъ, Кн. Фульвій Гилло, Лициній Нерва. Въ этомъ же году цензоры Ти. Семпроній Гракхъ и К. Клавдій Пульхеръ привели наконецъ къ миролюбивому окончанію дѣло, служившее поводомъ къ большимъ несогласіямъ. Гракхъ, когда отпущенники, уже не разъ собранные въ четыре трибы городскихъ, разсѣялись опять по всѣмъ, возъимѣлъ намѣреніе исторгнуть съ корнемъ зло, постоянно оживавшее и исключить изъ переписи всѣхъ, которые когда либо были рабами. Клавдій съ этимъ несоглашался, и ссылался на установленія предковъ, которыми они старались сдерживать отпущенниковъ, не имѣя никогда въ виду устранить ихъ совершенно отъ правъ гражданства. Онъ указывалъ даже, что цензоры К. Фламиній и Л. Эмилій ослабили прежнюю строгость. Впрочемъ, такъ какъ этотъ классъ людей разсѣялся по всѣмъ трибамъ, то признано необходимымъ привесть его опять въ прежнее положеніе, но для нѣкоторыхъ членовъ сдѣлать какія нибудь уступки.

XV. Эти цензоры распредѣлили отпущенниковъ по четыремъ трибамъ, кромѣ тѣхъ, которые имѣли сыновей, рожденныхъ болѣе пяти лѣтъ назадъ. Таковыхъ положено внесть въ перепись тамъ же, гдѣ они находились по послѣдней; также дано право быть внесенными въ перепись и тѣмъ, которые имѣли дачи и помѣстья сельскія, цѣною болѣе тридцати тысячь сестерцій. Когда это было такъ установлено, Клавдій утверждалъ всетаки: «что, безъ приговора народнаго, цензоръ не можетъ лишить

права подачи голоса и отдѣльнаго гражданина, не говоря уже о цѣломъ сословіи. Если цензоръ можетъ удалить изъ трибы, то это значитъ не больше, какъ перемѣнить трибу, а удалить изо всѣхъ тридцати пяти цензоръ не можетъ; это значило бы отнять права вольности и гражданства; опредѣлять мѣсто внесенія въ перепись не даетъ еще права исключать изъ нея вовсе». Такого рода шелъ споръ между цензорами. Наконецъ сошлись на томъ, чтобы, изъ четырехъ городскихъ трибъ, по явной баллотировкѣ въ храмѣ Свободы, оставить одну, въ которую и помѣстить всѣхъ, бывшихъ когда либо рабами. Достался жребій Есквилинской трибѣ и Ти. Гракхъ объявилъ, что въ нее должны быть помѣщены всѣ отпущенники. Это обстоятельство послужило къ большей чести цензоровъ передъ сенатомъ. Изъявлена благодарность—и Семпронію за его стойкость въ хорошемъ начинаніи, и Клавдію за то, что онъ не препятствовалъ. Эти цензоры большее, чѣмъ ихъ предшественники, число лицъ и удалили изъ сената, и приказали имъ продать коней. Цензоры единодушно всѣхъ и лишали трибы и дѣлали податными, и ни одинъ не облегчилъ никому позора, наложеннаго товарищемъ. Когда цензоры просили, чтобы, по обыкновенію, для разсмотрѣнія прочности общественныхъ построекъ и принятія тѣхъ, которыя отданы съ подряда, продолжено было имъ время служенія на годъ и шесть мѣсяцевъ. Этому противусталъ трибунъ К. Тремеллій, негодуя за то, что не былъ записанъ въ сенатъ. Въ этомъ же году К. Цицерей освятилъ храмъ Монеты на Албанской горѣ, черезъ пять лѣтъ послѣ даннаго обѣта. Фламиномъ Марса избранъ авгурами на этотъ годъ Л. Постумій Альбъ.

XVI. Когда консулы К. Элій и М. Юній доложили о провинціяхъ, сенаторы положили: въ Испаніи быть снова двумъ провинціямъ, такъ какъ, во время войны Македонской, тамъ считалась одна. Македонія и Иллирикъ должны были оставаться у прежнихъ — Л. Павлла и Л. Анція — пока, согласно мнѣнія уполномоченныхъ, они устроятъ дѣла, запутанныя войною, и бывшему царству дадутъ новое устройство. Консуламъ

опредѣлены—Пиза и Галлія съ двумя легіонами по пяти тысячъ чел. пѣхоты и по четыреста всадниковъ. Преторовъ жребіи были: К. Кассія—городское судопроизводство, М. Ювенція Тальны—между чужестранцами, Ти. Клавдія Нерона—Сицилія, Кн. Фульвія—Испанія ближняя, К. Лицинія Нервы — дальная. А. Манлію Торквату досталась Сардинія. Онъ не могъ отправиться въ провинцію, будучи оставленъ сенатомъ для изслѣдованія уголовныхъ дѣлъ. — Потомъ у сената спрошено мнѣніе относительно чудесныхъ явленій, о которыхъ получено извѣстіе. Храмъ боговъ пенатовъ въ Велии тронутъ молніею, а въ городѣ Минервіѣ двое воротъ и часть стѣны. Въ Анагніи шелъ земляной дождь; въ Ланувіѣ видѣнъ былъ на небѣ факелъ. Въ Калатіѣ на общественномъ полѣ, какъ далъ знать М. Валерій, гражданинъ Римскій, изъ его очага три дни и всѣ ночи текла кровь. По этому главному обстоятельству децемвирамъ приказано посовѣтоваться съ книгами, объявлено народу молебствіе на день, и на общественной площади принесено въ жертву пятьдесятъ козъ. И по случаю другихъ чудесныхъ явленій еще день было молебствіе около всѣхъ капищъ, принесены большія жертвы и городъ очищенъ. Затѣмъ состоялся декретъ, относившійся къ чести боговъ безсмертныхъ: «по случаю приведенія войнъ къ концу, и такъ какъ цари Персей и Гентій, съ Македоніею и Иллирикомъ, находятся во власти народа Римскаго, то какіе дары, въ консульство Ап. Клавдія и М. Семпронія, розданы по всѣмъ капищамъ, такіе же раздать пусть озаботятся преторы К. Кассій и М. Ювенцій».

XVII. Затѣмъ опредѣлено послать уполномоченныхъ, по совѣту съ коими военачальники, Л. Павллъ и Л. Аницій, должны были устроить дѣла — десять въ Македонію и пять въ Иллирикъ. Въ Македонію назначены: А. Постумій Ускъ, К. Клавдій, оба бывшіе цензоры, К. Лициній Крассъ, товарищъ въ консульствѣ Павлла; въ это время ему власть была продолжена, и онъ имѣлъ провинціею Галлію. Къ этимъ бывшимъ консуламъ прибавлены: Кн. Домицій Агенобарбъ, Сер. Корнелій Сулла, Л. Юній, К. Лабеонъ, Т. Нумизій Тарквинійскій, А.

Теренцій Варронъ. Въ Иллирикъ назначены — П. Элій Лигъ, бывшій консулъ, К. Цицерей и К. Бэбій Тамфилъ (послѣдній былъ преторомъ въ предшествовавшемъ году, а Цицерей за много лѣтъ ранѣе), Т. Теренцій Тусцивиканъ, П. Манилій. Потомъ консулы получили отъ сената внушеніе: такъ какъ одному изъ нихъ надобно было наслѣдовать К. Лицинію, назначенному уполномоченнымъ, въ Галліи, то чтобы они поскорѣе или разобрались провинціями, или бросили жребій. Они сдѣлали послѣднее: М. Юнію досталась Пиза (онъ заблагоразсудилъ прежде чѣмъ отправиться въ провинцію—ввесть въ сенатъ посольства, собравшіяся со всѣхъ сторонъ въ Римъ для поздравленія), К. Элію—Галлія. Впрочемъ, несмотря на то, что уполномоченными посланы такіе люди, отъ которыхъ совѣта нельзя было ожидать ничего, недостойнаго имени и важности народа Римскаго, однако въ сенатѣ обдуманы главныя начала дѣйствій, для того, чтобы уполномоченные могли отнесть главнымъ начальникамъ изъ дому все уже начатымъ.

XVIII. Положено: прежде всего Македонянамъ и Иллирамъ быть свободными. Пусть всѣ народы видятъ, что оружіе народа Римскаго приноситъ — не порабощеніе вольнымъ, а напротивъ порабощеннымъ свободу. Пусть народы, пользующіеся свободою, знаютъ, что будутъ наслаждаться ею постоянно и безопасно подъ попечительствомъ народа Римскаго; а, которые живутъ подъ властью царей, пусть знаютъ, что ихъ повелители теперь мягче и справедливѣе изъ уваженія къ народу Римскому, и если когда царямъ ихъ приключится война съ народомъ Римскимъ, то послѣдствіемъ будетъ для Римлянъ побѣда, а для нихъ свобода». Положено: «отмѣнить значительную пошлину съ рудниковъ Македонскихъ и отдачи сельскихъ угодій. Ихъ собирать безъ откупщика невозможно, а гдѣ они есть, тамъ общественное право становится пустымъ словомъ, и союзникамъ свободы нѣтъ никакой. Да и сами Македоняне не могутъ ими (этими статьями доходовъ) пользоваться. Гдѣ готова добыча для лицъ начальствующихъ, тамъ будетъ неизсякаемый источникъ борьбы и смутъ. Пусть будетъ общій сеймъ народа для того, чтобы неблагонамѣренная чернь

не повлекла къ гибельному своеволію вольность, данную сенатомъ для умѣреннаго и разумнаго ею пользованія». Положено: «Македонію раздѣлить на четыре области, чтобы каждая имѣла свой сеймъ, и половину дани, какую обыкновенно платили царямъ, платить народу Римскому». Подобныя же порученія даны и въ Иллирикъ. Прочее оставлено на волю самихъ вождей и уполномоченныхъ, которые лучше могли руководствоваться въ своихъ соображеніяхъ разсмотрѣніемъ дѣлъ на мѣстѣ.

XIX. Между многими посольствами царей, народовъ и племенъ Атталъ, братъ царя Евмена, обращалъ на себя особенно глаза и мысли всѣхъ. Онъ принятъ тѣми, которые вмѣстѣ съ нимъ участвовали въ войнѣ, столько же благосклонно, какъ еслибы прибылъ самъ царь Евменъ. Два благовидныхъ предлога было его прибытію: одно поздравленіе, весьма приличное въ побѣдѣ, которой самъ оказывалъ содѣйствіе; другой—жалоба на возмущеніе Галловъ и понесенное отъ нихъ пораженіе, вслѣдствіе котораго царство подверглось опасности. Была и затаенная мысль надежды почестей и наградъ отъ сената, но она не могла осуществиться безъ нарушенія его родственныхъ отношеній. И въ числѣ Римлянъ были люди, совѣтовавшіе не на добро, поддерживавшіе его честолюбіе внушеніями: «въ Римѣ таково мнѣніе объ Атталѣ и Евменѣ, что первый Римлянамъ вѣрный другъ, а второй — и Римлянамъ, и Персею, ненадежный союзникъ. А потому трудно опредѣлить — легче ли ему будетъ получить отъ сената то, что онъ будетъ просить за брата или то, что за себя противъ брата: до такой степени всѣ расположены были Атталу сдѣлать угодно, а Евмену отказать». Оказалось, что Атталъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые желаютъ, пока имъ льститъ надежда; но благоразумное внушеніе одного друга можетъ наложить, какъ бы узду, его духу, возгордившемуся успѣхомъ. Съ нимъ былъ врачь Стратій, посланный именно на этотъ предметъ Евменомъ, несовсѣмъ покойнымъ, для наблюденія за дѣйствіями брата и вѣрнаго донесенія въ случаѣ, если онъ замѣтитъ въ немъ какую

либо измѣну. Когда онъ пришелъ, то Атталъ уже былъ настроенъ дурно и поддался внушеніямъ, но онъ успѣлъ во время своими представленіями поправить дѣло, почти испорченное. «Различныя были (такъ говорилъ онъ Атталу) условія усиленія другихъ государствъ; а ихъ недавнее царство, которое никакъ не можетъ искать себѣ прочной основы въ прошедшемъ, основывается на согласіи братьевъ: одинъ носитъ наименованіе царя, и отличительный признакъ его достоинства на головѣ, а всѣ братья царствуютъ. Аттала, по годамъ непосредственно слѣдующаго за братомъ, ктоже не считаетъ за царя и не потому только, что онъ теперь въ такой силѣ, но потому что ему — по старости и дряхлости, неимѣющаго законныхъ дѣтей (онъ еще не призналъ того, который въ послѣдствіи царствовалъ), Евмена предстоитъ немедленно управленіе царствомъ. Къ чему же употреблять насиліе для достиженія того, что и такъ не минетъ его рукъ? Прибавилась и новая опасность царству — возмущеніемъ Галловъ, которыхъ трудно сдержать при согласіи и единодушномъ дѣйствіи царей; а если къ внѣшней войнѣ присоединится домашнее несогласіе, то устоять невозможно. Развѣ одного онъ (Атталъ) хочетъ, чтобы Евменъ не умеръ царемъ, а у себя отниметъ ближайшую надежду царствовать? Если славно то и другое: и сохранить для брата царство и отнять его, однако больше чести въ первомъ, такъ какъ такой образъ дѣйствій условленъ братскою любовью. Но если второе возмутительно и отзывается отцеубійствомъ, есть ли еще какое либо сомнѣніе относительно лучшаго образа дѣйствій? Чего онъ (Атталъ) будетъ домогаться — части ли царства или всего? Если части, то оба брата будутъ слабы, развлеченные силами, и легко сдѣлаются доступны всякаго рода оскорбленіямъ и униженіямъ. Если же всего, то допуститъ ли онъ брата въ такихъ уже лѣтахъ, и при такой слабости здоровья, быть изгнанникомъ, или можетъ быть повелитъ ему умереть? Не говоря уже о баснословныхъ разсказахъ относительно участи братьевъ, ненавидѣвшихъ другъ друга, прекрасный урокъ можно извлечь изъ судьбы Персея: братоубій-

ствомъ похищенную корону онъ, въ храмѣ Самотракійскомъ, какъ бы въ присутствіи самихъ боговъ, требовавшихъ возмездія, положилъ, моля о пощадѣ, къ ногамъ врага побѣдителя. Даже и тѣ, которые не изъ расположенія къ нему, и изъ ненависти къ Евмену, его подстрекаютъ, похвалятъ его твердость и братскую любовь, если онъ до конца устоитъ въ вѣрности къ брату».

XX. Такія представленія оказали болѣе вліянія на духъ Аттала. Будучи введенъ въ сенатъ, онъ поздравилъ съ побѣдою и изложилъ свои и братнины, какія были, заслуги на этой войнѣ—и отпаденіе Галловъ, незадолго передъ тѣмъ случившееся и причинившее страшное безпокойство. Просилъ — отправить пословъ къ Галламъ и, вліяніемъ Римскаго народа, отозвать ихъ отъ оружія. Изложивъ такимъ образомъ то, чего требовали пользы царства, онъ просилъ себѣ Энъ и Маронею. Затѣмъ Атталъ оставилъ зданіе сената, обманувъ ожиданія тѣхъ, которые полагали, что онъ будетъ обвинять брата и просить раздѣла царства. Врядъ ли кто либо прежде, и изъ царей, и изъ частныхъ лицъ, былъ выслушанъ съ такою благосклонностью и общимъ одобреніемъ; всѣми почестями и дарами осыпанъ онъ лично и провожаемъ при отъѣздѣ. Между многими посольствами Азіи и Греціи въ особенности обратило вниманіе гражданъ посольство Родосское. Сначала показались было послы Родосскіе въ бѣломъ платьѣ, какъ прилично лицамъ, пришедшимъ съ поздравленіемъ. Надѣнь они на себя траурное платье, они сочтены были бы оплакивающими Персееву участь. Когда консулъ М. Юній спросилъ сенаторовъ—послы дожидались на площади—угодно ли назначить имъ квартиру, угощеніе и аудіенцію, опредѣлено — въ отношеніи къ нимъ не соблюсти ничего, что обыкновенно дѣлается съ почетными гостями. Консулъ, выйдя изъ сената, когда Родосцы объяснили ему, что они пришли принесть поздравленіе съ побѣдою и оправдаться въ обвиненіяхъ, объявилъ: «относительно союзниковъ и друзей Римляне, и въ другихъ отношеніяхъ обращаются гостепріимно и ласково, и обыкновенно допускаютъ ихъ въ сенатъ;

поведеніе же Родосцевъ въ этой войнѣ было таково, что ихъ никакъ нельзя считать въ числѣ союзниковъ и друзей». Выслушавъ это, они всѣ распростерлись на землѣ, моля консула и всѣхъ присутствовавшихъ недопускать, чтобы Родосцамъ недавнія и несправедливыя обвиненія болѣе повредили, чѣмъ принесли пользы ихъ прежнія заслуги, которыхъ они сами были свидѣтелями. Немедленно надѣвъ на себя траурное платье, они со слезами и мольбами обходили дома знатнѣйшихъ лицъ, упрашивая, прежде чѣмъ изрекать приговоръ осужденія разсмотрѣть ихъ дѣло.

XXI. Преторъ М. Ювенцій Тальна, которому принадлежало судопроизводство между гражданами и чужестранцами, возбуждалъ народъ противъ Родосцевъ: онъ внесъ предложеніе такого рода: «объявить войну Родосцамъ, и изъ сановниковъ этого года выбрать одного и послать его на войну». Надѣялся онъ быть выбраннымъ этому дѣйствію воспротивились народные трибуны—М. Антоній и М. Помпоній. Но и преторъ началъ дѣло новое и дурнаго примѣра, потому что безъ совѣта съ сенатомъ, безъ извѣщенія консуловъ, по собственному только мнѣнію, сдѣлалъ предложеніе народу: «соблаговолитъ ли онъ и повелитъ Родосцамъ объявить войну»? А прежде всегда сначала сенатъ обсуждалъ вопросъ о войнѣ, потомъ, съ утвержденія сената, вопросъ шелъ къ народу. И изъ трибуновъ народа—такъ было установлено—не прежде кто либо имѣлъ право противорѣчить проэкту закона, какъ когда частнымъ лицамъ дана была полная возможность говорить за законъ и противъ него. Вслѣдствіе чего не разъ случалось, что трибуны народные, желавшіе противорѣчить, примѣтивъ недостатки изъ рѣчей лицъ, говорившихъ противъ него, останавливали его; а пришедшіе съ мыслью о противорѣчіи, отступались отъ нея, убѣжденные доводами лицъ, говорившихъ въ пользу закона. А тутъ, на перерывъ другъ передъ другомъ, преторъ и трибуны состязались въ незаконности дѣйствій. Трибуны, осуждая поспѣшность претора, подражали ей преждевременнымъ противорѣчіемъ. [Его основывали они на томъ, что все обсужде-

ніе Родосскаго дѣла надобно отложить до прибытія главнаго вождя и десяти уполномоченныхъ изъ Македоніи, которые, разсмотрѣвъ дѣло самымъ тщательнымъ образомъ по письменнымъ документамъ, навѣрное опредѣлятъ, каковы были отношенія каждаго города къ Персею и Римлянамъ. Но какъ преторъ тѣмъ не менѣе настаивалъ на своемъ предложеніи, дѣло дошло до того, что Антоній трибунъ вывелъ къ народу пословъ, а претора Тальну, когда онъ вышелъ и началъ было говорить, стащилъ съ Ростръ и далъ возможность Родосцамъ говорить къ народу. Впрочемъ, хотя упорство трибуна положило конецъ необдуманному и пылкому замыслу претора, однако забота неоставляла умы Родосцевъ. Сенатъ былъ къ нимъ въ высшей степени непріязненъ, такъ что повидимому казалось, что зло, угрожавшее имъ, скорѣе отсрочено на нѣкоторое время, чѣмъ миновало совсѣмъ; а потому когда наконецъ, послѣ продолжительныхъ и усиленныхъ просьбъ, допущены они въ сенатъ, то будучи введены консуломъ, они сначала, распростершись ницъ, долго лежали, проливая слезы. Наконецъ, когда консулъ велѣлъ имъ встать и говорить, то Астимедъ, принявъ на себя наружность, наиболѣе могшую возбудить состраданіе, сказалъ слѣдующее:

XXII. «Эти слезы и трауръ вашихъ, отцы почтенные, союзниковъ, еще недавно процвѣтавшихъ вашею дружбою, не могутъ не возбудить состраданія и даже въ разгнѣванныхъ. Но еще справедливѣе покажется вамъ сожалѣніе, если вы захотите вникнуть—при какихъ тяжелыхъ условіяхъ, приходится защищать дѣло нашего отечества, заранѣе осужденнаго. Другіе бываютъ подсудимыми, пока не изречется приговоръ осужденія: и не прежде подвергаются наказанію, какъ по доказанной винѣ. Родосцы...] виноваты ли—еще подъ сомнѣніемъ: а наказаніе, позоръ всякаго рода мы уже терпимъ. Прежде, когда мы прибыли въ Римъ, послѣ пораженія Карѳагенянъ, послѣ побѣдъ надъ Филиппомъ и Антіохомъ, изъ, отведеннаго на счетъ государства вашего, помѣщенія шли мы въ курію къ вамъ, отцы почтенные, для принесенія поздравленій, и изъ зданія се-

ната понесли въ Капитолій приношенія вашимъ богамъ. Теперь—изъ грязнаго постоялаго двора, насилу и за деньги туда пущенные, получивъ приказаніе, наравнѣ съ открытыми врагами, оставаться за городскими стѣнами, въ этомъ печальномъ видѣ явились въ зданіе сената мы, Родосцы, которыхъ недавно подарили вы провинціями Ликіею и Каріею, осыпали самыми щедрыми наградами и почестями. Мы слышали, что вы повелѣли быть свободными Македонянамъ и Иллирійцамъ, находившимся въ рабствѣ, прежде чѣмъ они подняли противъ васъ оружіе (мы не завидуемъ ничьему счастью и сознаемъ милосердіе Римлянъ); а Родосцевъ вы объявляете врагами изъ союзниковъ, тогда какъ они просто оставались въ покоѣ въ эту войну. Конечно, вы тѣ самые Римляне, которые хвалитесь, что войны ваши потому счастливы, что справедливы и гордитесь не исходомъ—тѣмъ, что побѣдите, а началомъ, что не безъ причины беретесь за оружіе. Карѳагеняне нападеніемъ на Мессану въ Сициліи, Филиппъ—аттакою Аѳинъ, стремленіемъ поработить Грецію и оказаніемъ пособія деньгами и войскомъ Аннибалу—вооружили противъ себя Римлянъ. Самъ Антіохъ, будучи приглашенъ вашими врагами, Этолами, переправился съ флотомъ изъ Азіи въ Грецію; занялъ Деметріаду, Халкиду и ущелье Термопильское, домогаясь васъ сбросить съ вашего высокаго положенія власти. Поводомъ къ войнѣ съ Персеемъ было — нападеніе на вашихъ союзниковъ, убійство царьковъ и старѣйшинъ племенъ и народовъ. А наше бѣдствіе, если намъ суждено погибнуть, какой будетъ имѣть поводъ? Дѣло нашего отечества еще не отдѣлено отъ дѣла Поліарата и Динона, гражданъ нашихъ и тѣхъ, которыхъ мы привели къ вамъ выдать. Если бы мы, всѣ Родосцы, одинаково были виноваты, то въ чемъ же именно заключается вина наша въ этой войнѣ? Мы сочувствовали сторонѣ Персея и, какъ въ войнахъ съ Антіохомъ и Филиппомъ, стояли мы за васъ противъ царей, такъ теперь за царя противъ васъ стояли мы? Въ какой мѣрѣ обыкли мы помогать союзникамъ и какое принимать дѣятельное участіе въ войнѣ, спросите К. Ливія и Л. Эмилія Регилла, —

они начальствовали вашими флотами въ Азіи. Ни разу суда ваши не вступали въ дѣло безъ насъ: нашимъ флотомъ сразились мы разъ у Самоса, и другой въ Памфиліи противъ главнаго вождя Аннибала. Эта побѣда для насъ тѣмъ славнѣе, что, утративъ у Самоса въ несчастномъ сраженіи большую часть судовъ и отборную молодежь, мы не оробѣли и передъ такимъ пораженіемъ, и снова дерзнули идти на встрѣчу царскому флоту, шедшему изъ Сиріи. Объ этомъ я упомянулъ не съ тѣмъ, чтобы хвалиться (не такова теперь наша участь), но чтобы показать, въ какой мѣрѣ Родосцы обыкли помогать союзникамъ.

XXIII. Награду, послѣ пораженія Филиппа и Антіоха, получили мы самую щедрую. Если бы тоже счастіе, которое, по милости боговъ безсмертныхъ, увѣнчало вашу доблесть, было на сторонѣ Персея, и мы явились бы въ Македонію къ побѣдоносному царю просить награды, что стали бы мы говорить? Деньгами мы ему помогали или хлѣбомъ, сухопутными или морскими силами? Какой пунктъ мы защищали? Гдѣ сражались, подъ начальствомъ его полководцевъ или сами по себѣ? Если бы онъ спросилъ—гдѣ наши воины, гдѣ наши суда находились въ его предѣлахъ, что пришлось бы намъ отвѣчать? Можетъ быть и передъ нимъ побѣдителемъ пришлось бы оправдываться также, какъ теперь передъ вами. Посылая и туда и сюда пословъ о мирѣ, мы успѣли въ одномъ—незаслужить ничьего распоряженія, а съ одной стороны—обвиненіе и опасность. Хотя Персей справедливо бы насъ упрекнулъ—въ чемъ вы, почтенные сенаторы, не можете, что мы въ началѣ войны отправляли къ вамъ пословъ — обѣщая вамъ все, что потребовалось бы для войны: флотъ, оружіе, молодежь наша будутъ готовы на все, какъ и въ прежнія войны. Что мы не исполнили, это отъ васъ зависѣло; такъ какъ вы по неизвѣстной причинѣ пренебрегли нашимъ содѣйствіемъ. А потому мы и ничего не совершили, какъ непріятели и не измѣнили обязанностямъ добрыхъ союзниковъ; но исполнить ихъ не могли, такъ какъ вы же намъ не дали. Чтожь изъ того?—Итакъ, Родосцы, въ вашемъ городѣ не было ни совершено, ни сказано ничего такого, чего бы вы хотѣли, чѣмъ

заслуженно раздражился народъ Римскій?—Я не стану (еще не потерялъ я совсѣмъ здраваго разсудка) защищать того, что было, но отдѣлю дѣло государства отъ вины нѣсколькихъ частныхъ лицъ. Нѣтъ ни одного государства, которое не заключало бы въ себѣ иногда нѣкотораго количества неблагонамѣренныхъ гражданъ и постоянно огромнаго—невѣжественной черни. Слыхалъ я, что и у васъ были люди, которые, подольщаясь массамъ, хотѣли выдвинуться впередъ? И когда то отъ васъ отдѣлилась чернь, и управленіе общественными дѣлами, не было въ вашей власти. Если это могло случиться въ государствѣ столь благоустроенномъ, то удивительно ли, что и у насъ нашлось нѣсколько человѣкъ, которые, домогаясь распоряженія царя, старались своими совѣтами чернь нашу обратить въ дурную сторону. Впрочемъ всѣ ихъ усилія достигли только одного—остановили нашу готовность къ исполненію обязанностей. Не промолчу и о томъ, что въ эту войну составляетъ главную вину нашего государства. Въ одно и тоже время мы отправили пословъ о мирѣ и къ вамъ и къ Персею. Несчастное это намѣреніе, какъ мы услыхали впослѣдствіи, безумный ораторъ сдѣлалъ глупѣйшимъ: достовѣрно, что онъ говорилъ такимъ тономъ, какимъ К. Попиллій, Римскій уполномоченный, отправленный положить конецъ войнѣ между Антіохомъ и Птоломеемъ царями. Но надменности ли это или глупости приписать надо, такое же поведеніе, что въ отношеніи къ вамъ, тоже было и къ Персею. У государствъ, какъ и у человѣка, у каждаго свой нравъ: одни народы гнѣвливы, другіе смѣлы, третьи — робки; нѣкоторые склонны къ вину, а другіе болѣе къ удовольствіямъ любви. Объ Аѳинскомъ народѣ молва, что онъ скоръ и, несоображаясь съ силами, смѣлъ на рѣшенія; Лакедемоняне же медленны, и съ трудомъ рѣшаются на то даже, въ чемъ вполнѣ увѣрены. Нельзя отрицать, что и вся Азія производитъ умы тщеславные, и что образъ выраженій нашихъ земляковъ, напыщенный уже по убѣжденію нашему, что мы выше стоимъ нашихъ сосѣдей; хотя и этому обязаны мы не силамъ нашимъ, но вашимъ о насъ мнѣнію и почестямъ.

Довольно уже и въ то время получило хорошій урокъ то посольство, бывъ отослано съ такимъ грустнымъ отвѣтомъ. Но если еще мало позора понесено тогда, то теперешнее посольство, такое жалкое и умоляющее, было бы достаточнымъ искупленіемъ и еще болѣе дерзкому, чѣмъ то было, посольству. Надменность, особенно на словахъ, люди гнѣвливые ненавидятъ, а благоразумные только смѣются надъ нею, особенно если слабый употребляетъ ее противъ сильнѣйшаго: уголовнаго уже наказанія никто никогда не признаетъ ее достойною. Развѣ того надобно было опасаться, какъ бы Родосцы не пренебрегли Римлянами. Нѣкоторые люди дерзко выражаются и о богахъ, но мы не слыхали, чтобы кто либо за это былъ сраженъ молніею.

XXIV. Въ чемъ же остается намъ оправдываться, если съ нашей стороны не было никакого непріязненнаго дѣйствія, а дерзскія слова посла, оскорбивъ слухъ вашъ, не заслужили, чтобы за нихъ губить цѣлый городъ? Я слышу, почтенные сенаторы, что вы, бесѣдуя другъ съ другомъ, домогаетесь опредѣлить, какъ бы цѣнность иска, степень нашего затаеннаго расположенія: мы благопріятствовали царю и предпочитали, чтобы онъ побѣдилъ, а потому убѣждены, что необходимо насъ преслѣдовать войною. Другіе изъ васъ, соглашаясь, что таковъ былъ нашъ образъ мыслей, не думаете, чтобы за это нужно было насъ преслѣдовать войною: такъ какъ нѣтъ ни въ одномъ государствѣ закона—осуждать на казнь человѣка, который, хотя и желалъ бы гибели врага, не сдѣлалъ бы впрочемъ для того и шагу. Благодаримъ и тѣхъ, которые освобождаютъ насъ отъ наказанія, а не отъ обвиненія; но сами себѣ опредѣляемъ законъ: если мы всѣ желали того, въ чемъ насъ обвиняютъ, то не дѣлаемъ разницы между желаніемъ и исполненіемъ: всѣ подвергнемся одинаковой отвѣтственности. Если изъ нашихъ старѣйшинъ одни были болѣе расположены къ царю, другіе къ вамъ, то не требую, чтобы изъ уваженія къ намъ, принадлежащимъ къ вашей партіи, вы пощадили приверженцевъ царя; объ одномъ молю—не губите насъ изъ-за нихъ. Не можете вы

ихъ ненавидѣть больше, чѣмъ мы сами, и зная это, большая часть приверженцевъ царя или бѣжали, или сами себя лишили жизни; а другіе осужденные нами будутъ во власти вашей, почтенные сенаторы. Остальные Родосцы, если въ эту войну не заслужили никакой награды, не заслужили и наказанія. Пусть запасъ нашихъ прежнихъ заслугъ пополнитъ то, чего не исполнено нами теперь изъ нашихъ обязанностей. Съ тремя царями вели вы войны въ продолженіи послѣднихъ лѣтъ. Пусть наше бездѣйствіе въ одной не ставится выше того, что въ двухъ мы сражались за васъ. Положите, какъ три приговора—Филиппа, Антіоха и Персея; два насъ оправдываютъ, а третій ужъ на худой конецъ пусть будетъ сомнительнымъ; но если бы тѣ о насъ судили, мы были бы осуждены. Рѣшите, почтенные сенаторы—существовать ли Родосу, или пусть онъ будетъ раззоренъ до основанія. Не о войнѣ приходится вамъ разсуждать, отцы почтенные; объявить ее вы можете, но весть никогда: никто изъ Родосцевъ не обнажитъ противъ васъ меча ни въ какомъ случаѣ. Если вы будете неумолимы въ вашемъ гнѣвѣ, то мы попросимъ у васъ времени — этотъ несчастный исходъ нашего посольства отнести домой; а сами всѣ, сколько есть насъ вольныхъ Родосскихъ граждань, съ женами и всѣми деньгами, сядемъ на суда и оставивъ боговъ общественныхъ и домашнихъ, прійдемъ въ Римъ: все золото и серебро, составляющее достояніе, какъ общественное такъ и частное, сложимъ на площади выборовъ, въ прихожей куріи вашей; тѣла же наши, нашихъ женъ и дѣтей отдадимъ вашей власти и вынесемъ все, чтобы намъ ни пришлось терпѣть. Пусть вдали отъ глазъ нашихъ, городъ нашъ разграбятъ и сожгутъ. Римляне могутъ рѣшить, будто Родосцы враги; но сохранимъ и мы о себѣ такое убѣжденіе, что врагами вашими никогда не будемъ и ничего непріязненнаго не сдѣлаемъ, чтобы намъ ни пришлось терпѣть».

XXV. Послѣ этой рѣчи всѣ Родосцы опять упали на землю, протягивая съ умоляющимъ видомъ масличныя вѣтви; наконецъ ихъ подняли, и они вышли изъ куріи. Тутъ начали отбирать

мнѣнія: особенно непріязненны въ отношеніи къ Родосцамъ были консулы, преторы и легаты, которымъ приходилось вести войну въ Македоніи. Болѣе всего дѣлу ихъ помогъ М. Порцій Катонъ: всегда суровый, тутъ онъ былъ на сторонѣ милости и снисхожденія. Не буду повторять словъ многорѣчиваго мужа, въ какихъ онъ высказался; его писанная рѣчь находится въ пятой книгѣ *Началъ*. Родосцамъ данъ отвѣтъ такой, что, переставъ быть союзниками, они не сдѣлались врагами. Старшими въ посольствѣ были Филократъ и Астимедъ. Опредѣлено, чтобы часть посольства съ Филократомъ отнесла въ Родосъ извѣстіе о результатѣ посольства, а часть съ Астимедомъ осталась въ Римѣ—узнать о томъ, что будетъ и извѣстить своихъ. На первый же разъ отдано приказаніе префектамъ—вывести къ назначенному дню гарнизоны изъ Ликіи и Каріи. Объ этомъ дано знать въ Родосъ: хотя грустное само по себѣ, но такъ какъ миновало опасеніе худшаго зла — а именно боялись войны — извѣстіе это причинило общую радость. Немедленно состоялось опредѣленіе—поднесть вѣнокъ въ двадцать тысячь золотыхъ; съ этимъ порученіемъ посланъ Теететъ, начальникъ флота. Родосцы намѣревались просить союза съ Римлянами, но такъ, чтобы объ этомъ не было никакого опредѣленія народнаго и вообще ничего на письмѣ, опасаясь въ случаѣ отказа большаго для себя безчестія. Начальника флота одного это было право—имѣть полномочіе говорить объ этомъ предметѣ, безъ гласнаго утвержденія народнаго собранія. Въ продолженіи столькихъ лѣтъ Родосцы находились въ дружбѣ съ Римлянами, но союзнымъ договоромъ не связывали себя не почему иному, какъ для того чтобы не отнимать у царей надежды на возможность отъ нихъ пособія, если будетъ настоять въ томъ надобность, и не лишить себя плодовъ ихъ благосклонности и счастія. А теперь признано за нужное—просить во всякомъ случаѣ союза съ Римлянами не потому, чтобы они видѣли въ немъ ручательство безопасности отъ другихъ (они никого не боялись кромѣ Римлянъ), но потому, чтобы для самихъ Римлянъ не быть подозрительными. Около этого же времени и Кавніи отпали отъ

Родосцевъ и Милазенцы заняли Евромензскіе города. Не до такой степени Родосцы упали духомъ, чтобы не понимать, что, въ случаѣ отнятія Римлянами Лидіи и Каріи, остальные ихъ подданные или измѣнятъ и сами освободятся, или сдѣлаются добычею сосѣдей, а имъ прійдется довольствоваться предѣлами небольшаго и безплоднаго острова, который никогда не въ состояніи прокормить населенія столь многолюднаго города. Вслѣдствіе этого, пославъ молодежь, принудили поспѣшно покориться ихъ власти и Кавніевъ, хотя они и пригласили вспоможеніе отъ Цибиратовъ; а Милазензовъ и Алабенденовъ, пришедшихъ къ нимъ, по отнятіи области Евромензовъ, соединенными войсками, побѣдили въ сраженіи около Ортозы.

XXVI. Между тѣмъ какъ это происходило тамъ, частью въ Македоніи, частью въ Римѣ, въ Иллирикѣ Л. Аницій, подчинивъ, какъ уже объ этомъ писано выше, своей власти царя Гентія, въ Скодру, бывшую столицу царства, поставилъ гарнизонъ и начальство надъ нимъ ввѣрилъ Габинію, а К. Лицинію надъ городами Ризономъ и Ольциніемъ, стоявшими въ важныхъ пунктахъ. Распорядясь такъ въ Иллирикѣ, съ остальнымъ войскомъ отправился онъ въ Епиръ; тутъ ему сдался прежде всего городъ Фанота, всѣ жители котораго вышли къ нему на встрѣчу съ знаками покорности. Отсюда оставивъ гарнизонъ, перешелъ онъ въ Молоссиду: занявъ всѣ города этой области кромѣ Пассарона, Текмона, Филаки и Горрея, сначала пошелъ къ Пассарону. Старѣйшинами этого города были—Антиной и Теодотъ, отличавшіеся и благорасположеніемъ Персея и ненавистью къ Римлянамъ—они то были виновниками отпаденія всего народа отъ Римлянъ. Сознавая собственную опасность—такъ какъ имъ не могло быть надежды на прощеніе — они хотѣли погибнуть подъ развалинами отечества, заперли ворота и убѣждали народъ предпочесть смерть рабству. Никто не дерзалъ—сказать ни слова противъ людей столь сильныхъ. Наконецъ нѣкто Теодотъ, и самъ благородный молодой человѣкъ, такъ какъ у него опасеніе Римлянъ взяло верхъ надъ страхомъ начальниковъ, сталъ говорить: «что за безумство увлекаетъ васъ, что вы цѣлый городъ

хотите сдѣлать отвѣтственнымъ за вину двухъ человѣкъ. Не разъ приходилось мнѣ слышать о людяхъ, которые пожертвовали жизнью за отечество; это же первые нашлись, которые находятся справедливымъ, чтобы отечество за нихъ гибло. Почему намъ не отворить воротъ и не принять власти отъ тѣхъ, которыхъ принялъ весь шаръ земной?» Такъ какъ большинство народа приняло сторону говорившаго эти слова, то Теодотъ и Антиной бросились на ближайшій непріятельскій постъ и тамъ погибли, сами подставляя себя ранамъ: городъ покорился Римлянамъ. Подобнымъ упорствомъ старѣйшины Цефала запертый Текмонъ по умерщвленіи его изъявилъ покорность. Ни Филаце, ни Горрей не выдержали осады. Умиривъ Епиръ и распредѣливъ войска на зимнихъ квартирахъ въ удобныхъ городахъ, вернулся въ Иллирикъ, и въ Скодрѣ, куда прибыли пять уполномоченныхъ изъ Рима, и вызваны были старѣйшины изо всей провинціи — держалъ сеймъ. По рѣшенію совѣта съ трибуны объявлено: «сенатъ и народъ Римскій повелѣваетъ Иллирамъ быть свободными, гарнизоны будутъ выведены изо всѣхъ городовъ, крѣпостей и замковъ. Не только свободными, но и не платящими никакихъ податей будутъ Иссенцы, Тавлантіи, Пирусты Дассаретовъ, Рицониты, Ольциніаты, такъ какъ они, когда Гентій былъ еще въ полной силѣ, отпали къ Римлянамъ. И Даорсы освобождены ото всѣхъ повинностей за то, что оставивъ Каравантія, съ оружіемъ перешли къ Римлянамъ. Скодренцамъ, Дассарензамъ и Селепитанамъ и прочимъ Иллирамъ наложена подать въ половину той, которую они платили царю.» Затѣмъ раздѣлилъ онъ Иллирикъ на три части: одну сдѣлалъ ту, о которой сказано выше; другую составили всѣ Лабеаты; третью Агравониты, Ризониты и Ольциніаты и сумежные съ ними племена. Сдѣлавъ такое распоряженіе относительно Иллирика, самъ онъ вернулся въ Пассаронъ Епирскій на зимнія квартиры.

XXXII. Пока это дѣлалось въ Иллирикѣ, Павлъ, еще прежде прибытія десяти уполномоченныхъ, послалъ сына К. Максима, уже вернувшагося изъ Рима, разорить Эгиній и Агассы. По-

слѣдніе, передавъ консулу Марцію городъ и просивъ сами союза съ Римлянами, снова отпали къ Персею. Эгиненцевъ вина была еще свѣжая. Недовѣряя слуху о побѣдѣ Римлянъ, они непріязненно поступили съ нѣсколькими воинами, вошедшими въ городъ А для разграбленія города Еніевъ посланъ Л. Постумій за то, что его жители долѣе сосѣдей оставались съ оружіемъ въ рукахъ. Была уже почти осень; Павллъ положилъ въ началѣ этого времени года обойдти Грецію и, осмотрѣвъ ея достопримѣчательности, повѣрить собственными глазами справедливость слуховъ, нерѣдко преувеличенныхъ. Оставивъ въ лагерѣ начальникомъ К. Сульпиція Галла, онъ отправился съ небольшою свитою, имѣя при себѣ непосредственно сына Сципіона и Атенея, брата царя Евмена, черезъ Ѳессалію въ Дельфы, прославленные оракуломъ. Здѣсь принесъ онъ жертвы Аполлону и начатыя въ притворѣ колонны, которыя назначались для помѣщенія на нихъ статуй Персея, побѣдитель назначилъ для своихъ. Въ Лебадіи посѣтилъ онъ храмъ Юпитера Трофонія; здѣсь когда онъ увидалъ отверстіе пещеры, которымъ желающіе пользоваться оракуломъ спускаются для бесѣды съ богами, принеся жертвы Юпитеру и Герцинѣ — тутъ находится ихъ храмъ, спустился въ Халкиду — посмотрѣть Еврипъ и островъ Евбею, гдѣ онъ соединенъ съ материкомъ посредствомъ моста. Изъ Халкиды переправился на паромѣ въ Авлидъ, находящійся въ трехъ миляхъ разстоянія, пристань знаменитую стоянкою здѣсь нѣкогда тысячи судовъ Агамемнонова флота и храмомъ Діаны, откуда этотъ царь царей съ флотомъ отправился въ Трою, принеся въ жертву богамъ дочь свою. Отсюда прибылъ (Павллъ) въ Оропъ, городъ Аттики; тутъ древняго прорицателя чтятъ за бога, и находится старинный храмъ его въ пріятномъ мѣстѣ, обильномъ водою и источниками. Затѣмъ посѣтилъ Аѳины, городъ полный старинною славою и представлявшій многое, достойное осмотра: крѣпость, пристань, стѣны, соединяющія Пирей съ городомъ, верфи знаменитыхъ полководцевъ, изображенія боговъ и людей, отличавшіяся и достоинствомъ матеріала, и искусствомъ исполненія.

XXVIII. Принеся въ городѣ жертву Минервѣ, покровительницѣ крѣпости, Павлъ отправился далѣе, и на другой день прибылъ въ Коринѳъ. Въ то время — это было еще до его раззоренія — городъ былъ прекрасенъ и стоило посмотрѣть его крѣпость и Истмъ; крѣпость внутри стѣнъ возвышалась на необъятной скалѣ, обильной родниками. Истмъ — узкимъ проходомъ раздѣлялъ два моря, близко подходившія одно съ востока, другое съ запада. Отсюда онъ посѣтилъ Сикіонъ и Аргосъ, знаменитые города; затѣмъ Епидавръ, который не могъ равняться въ богатствѣ, но славился знаменитымъ храмомъ Эскулапа; этотъ храмъ находился въ пяти миляхъ (тысячахъ шаговъ) отъ города, и въ то время богатъ былъ приношеніями, теперь ограбленными (одни слѣды остались) сдѣланными богу больныхъ за спасительное леченіе. Отсюда посѣтилъ Лакедемонъ, достопримѣчательный не богатствомъ построекъ, но строгимъ порядкомъ и учрежденіями, и Паллантій; затѣмъ черезъ Магалонолисъ достигъ Олимпіи: здѣсь, между прочими предметами, достойными осмотра, увидя Юпитера, какъ бы лицомъ къ лицу, былъ тронутъ въ душѣ. Вслѣдствіе этого, не иначе, какъ если-бы въ Капитоліѣ, принесъ жертвы, повелѣвъ приготовить жертвоприношеніе болѣе обыкновеннаго. Посѣтивъ такимъ образомъ Грецію, не пускаясь нисколько въ изслѣдованіе того, кто какъ поступалъ въ частной или общественной жизни во время войны съ Персеемъ, дабы опасеніями не потревожить умы союзниковъ, возвратился въ Деметріаду. Дорогою встрѣтилась ему толпа Этоловъ въ траурныхъ одеждахъ; удивился онъ и спрашивалъ, что это значитъ: ему донесено, что пятьсотъ пятьдесятъ старѣйшинъ умерщвлены Лицискомъ и Тизиппомъ, окружившими сенатъ воинами Римскими, присланными Бэбіемъ, начальникомъ гарнизона: другіе отправлены въ ссылку, а имущество умерщвленныхъ и сосланныхъ присвоено доносчиками. Приказавъ явиться въ Амфиполисъ, самъ Павлъ, свидѣвшись съ Кн, Октавіемъ въ Деметріадѣ и получивъ извѣстіе, что десять уполномоченныхъ уже переправились черезъ море, оставилъ всѣ другія дѣла, и отправился къ нимъ въ Аполлонію. Когда Персей вышелъ сюда ему на встрѣчу изъ

Амфиполиса подъ карауломъ самимъ слабымъ (это на день пути оттуда), то съ нимъ самимъ онъ поговорилъ довольно ласково, а, по прибытіи въ лагерь къ Амфиполису, онъ говорятъ сильно побранилъ К. Сульпиція: во первыхъ за то, что позволилъ Персею на такое далекое отъ себя разстояніе скитаться по провинціи; во вторыхъ за такое баловство воиновъ, что онъ допустилъ съ стѣнъ города снимать черепицы и покрывать зимнія помѣщенія. Павлъ отдалъ приказанія черепицы отнести на мѣсто и поправить крышу какъ была. А Персея, съ старшимъ сыномъ Филиппомъ передавъ А. Постумію, отправилъ подъ стражу, а дочь съ младшимъ сыномъ, призвавъ изъ Самотраки въ Амфиполисъ, осыпалъ всѣми знаками вниманія.

XXIX. А самъ когда наступилъ день, въ который онъ приказалъ явиться въ Амфиполисъ десяти старѣйшинамъ городовъ, всѣ грамоты, какія гдѣ либо были сложены и деньги царскія снесть, съ десятью уполномоченными, возсѣлъ на трибуналѣ, а вся толпа Македонянъ окружала его. И привычнымъ къ власти царской чѣмъ то новымъ и грознымъ являлся этотъ трибуналъ, до котораго близкій доступъ былъ воспрещенъ. Герольдъ, урядникъ — ко всему этому не привыкли и глаза, и слухъ, было отъ чего испугаться и союзникамъ, а не только побѣжденнымъ непріятелямъ. Когда герольдъ водворилъ молчаніе, Павлъ на латинскомъ языкѣ объявилъ, что заблагоразсудилось сенату и ему по приговору совѣта, а преторъ Кн. Октавій (онъ тутъ присутствовалъ) повторялъ все это въ переводѣ на Греческій языкъ. Прежде всего повелѣно Македонянамъ быть свободными, владѣя своими городами и полями, пользуясь своими законами, избирая ежегодно начальниковъ: дань въ половину той, какую платили царямъ, отдавать народу Римскому. Потомъ Македонія дѣлится на четыре участка: первый заключаетъ въ себѣ область между Стримономъ и Нессомъ; къ ней же должны были прибавиться по направленію къ востоку по ту сторону Несса всѣ города, укрѣпленія, села, какими владѣлъ Персей, кромѣ Эна, Маронеи и Абдеры; а по ту сторону Стримона, лежащую на западъ — всю Бизальтику съ Гераклеею, называемою Синтика.

Вторая область ограничивается съ востока Стримономъ, за исключенiемъ Бизальтовъ и Гераклеи. Съ запада въ томъ мѣстѣ, гдѣ составляетъ границу рѣка Аксiй съ присовокупленiемъ Пеоновъ, которые подлѣ рѣки Аксiя живутъ на Востокъ. Третья часть образуется рѣками Аксiемъ съ востока и Пенеемъ съ запада; съ сѣвера ограничиваетъ гора Бора. Къ этой части прибавлена область Пеонiи, простирающаяся къ западу по ту сторону Аксiя; Едесса и Берея, туда же вошли въ составъ. Четвертая часть по ту сторону рѣки Бора, прилежащая одною стороною къ Иллирику, а другою къ Епиру. Столицы областей, гдѣ должны были находиться собранiя, въ первой—Амфиполисъ, во второй Өессалоника, въ третьей —Пелла, въ четвертой Пелагонiя. Сюда должны были, по приказанiю Павлла, собираться сеймы каждой области, деньги складываться и выбираться должностныя лица.» Потомъ объявлено: «ни брачныхъ связей, ни продажи земель и строенiй не должно быть допускаемо внѣ предѣловъ области. Добыванiе золота и серебра запрещается, а разрѣшается желѣзо и мѣдь.» А кто будетъ заниматься, обязанъ платить половину той дани, какая платилась царю. Ввозъ соли запрещенъ. Когда Дардане просили себѣ Пеонiи на томъ основанiи, будто бы она имъ принадлежала и заключалась въ ихъ предѣлахъ, объявлено: «всѣ, находившiеся подъ властью царя Персея, должны получить свободу.» Но отказавъ въ Пеонiи, предоставилъ имъ торговлю солью, третьей области повелѣно — свозить (?) въ Стобы Пэонiйскiе за положенную цѣну. Матерiалъ для постройки судовъ и жители не имѣли право рубить и посторонніе не допущены. Областямъ, граничившимъ съ дикарями (а всѣ граничили кромѣ третьей) дозволилъ на границахъ имѣть вооруженные отряды.

XXX. Это объявленiе, сдѣланное въ первый день сейма, различно подѣйствовало на умы. Понравилась дарованная сверхъ чаянiя вольность и уменьшенiе ежегодной дани. Расторженiе же отношенiй всякаго рода по областямъ казалось какъ бы разорванiемъ живаго существа на части, имѣвшiя нужду одна въ другой. Для Македонянъ самихъ казались загадкою и обшир-

ность ихъ отечества, и удобство его для дѣленія, и то, въ какой мѣрѣ каждая часть составляетъ отдѣльное цѣлое. Первая часть заключаетъ въ себѣ Бизальтовъ, храбрѣйшихъ мужей (живутъ они по ту сторону Несса и около Стримона), большое разнообразіе плодовъ и металловъ; тутъ же находится въ высшей степени удобный по мѣсто положенію городъ Амфиполисъ, который служитъ ключемъ для всѣхъ доступовъ въ Македонію съ востока. Вторая часть заключаетъ знаменитѣйшіе города—Ѳессалонику и Кассандрею, да кромѣ того Паллене, плодородную и обильную страну: удобства морскаго сообщенія доставляютъ ей пристани у Торона и горѣ Аѳона (послѣднюю называютъ Энейскою), весьма удобно обращенныя—одна къ острову Евбеѣ, а другая къ Геллеспонту. Третья область заключаетъ въ себѣ знаменитые города Едессу, Берою и Пеллу и воинственное племя Веттіевъ; живутъ тутъ также въ большомъ числѣ Галлы и Иллиры, неутомимые земледѣльцы. Четвертую область населяютъ Еордеи, Линцесты и Пелагоны: къ нимъ присоединяется Атинтанія, Стимфалисъ. Страна это холодная, дикая, неудобная къ обработкѣ: характеръ жителей соотвѣтствуетъ свойствамъ страны. Они грубѣе и, по ближайшему сосѣдству съ дикарями, съ которыми они то вели войны, то въ мирное время вмѣстѣ свыкались обычаями. Такъ раздѣлена Македонія, съ особымъ назначеніемъ частей, а всѣмъ Македонянамъ объявлена общая для нихъ форма управленія.

XXXI. Потомъ вызваны Этолы: при этомъ изслѣдованіи болѣе обращено вниманія на то, какая сторона болѣе расположена была къ Римлянамъ, а какая къ царю, чѣмъ на то, кто причинилъ оскорбленіе и кто его принялъ. Убійцы освобождены отъ наказанія, а изгнаннымъ ссылка признана столь же достаточнымъ наказаніемъ, какимъ была смерть для умерщвленныхъ. Осужденъ одинъ А. Бэбій за то, что воиновъ Римскихъ сдѣлалъ орудіями убійства. Такой исходъ дѣла Этольскаго во всѣхъ племенахъ и народахъ Греціи возвысилъ до невыносимой надменности умы тѣхъ, которые принадлежали къ Римской партіи, и повергъ къ ихъ ногамъ въ полный ихъ произволъ всѣхъ,

кого сколько нибудь коснулось подозрѣніе благорасположенія къ царю. Три рода старѣйшинъ было въ городахъ: два, подольщаясь то власти Римлянъ, то заискывая пріязни царей, старались снискать себѣ собственно богатство на счетъ отечества; одинъ средній, враждебный и той, и другой сторонѣ, защищалъ вольность и законы. На сколько сильнѣе было къ этимъ послѣднимъ сочувствіе сограждапъ, на столько меньше расположены были къ нимъ чужеземные народы. Возгордясь крайне счастливымъ оборотомъ дѣлъ, поборники партіи Римлянъ одни были тогда должностными лицами, одни участвовали въ посольствахъ. Они, присутствуя тутъ въ большомъ числѣ и изъ Пелопонеса, и изъ Беотіи и изъ другихъ Греческихъ сеймовъ, постоянно нашептывали въ уши десяти уполномоченнымъ: «не только тѣ, которые изъ тщеславія сами хвалились, что они съ Персеемъ въ отношеніяхъ дружбы и гостепріимства, но гораздо больше такихъ, которые тайкомъ благопріятствовали. Они въ народныхъ собраніяхъ подъ видомъ, что защищали свободу, готовили все противъ Римлянъ: и не прежде народы Греціи будутъ вѣрными, какъ подавленъ будетъ духъ партій, и прочно утвердится значеніе и сила тѣхъ, для которыхъ нѣтъ ничего дороже власти Римлянъ.» По данному ими (доносчиками) списку вызваны письмомъ главнаго вождя Римскаго изъ Этоліи, Акарнаніи, Епира и Беотіи; они должны были слѣдовать въ Римъ для оправданія. Въ Ахаію изъ десяти уполномоченныхъ отправились двое К. Клавдій и Кн. Домицій,—вызвать сами эдиктомъ. Это сдѣлано по двумъ причинамъ: первое—потому что Ахейцевъ считали народомъ наиболѣе самоувѣреннымъ и несклоннымъ къ повиновенію, а еще и потому что боялись за безопасность Калликрата и другихъ доносчиковъ. Вторая, почему считали нужнымъ вызвать на лицо, причина заключалась въ томъ, что въ архивѣ царскомъ нашли письма отъ старѣйшинъ другихъ народовъ; относительно Ахейцевъ вина была темная, такъ какъ никакой переписки съ ними не найдено. Отпустивъ Этоловъ, вызвали представителей Акарнанскаго народа; относительно ихъ ничего новаго не сдѣлано кромѣ того, что Левкадъ изъятъ изъ

сейма Акарнанскаго. При болѣе подробномъ изслѣдованіи, кто всенародно или частно держался стороны царя, и на Азію оно распространилось. Отправленъ Лабеонъ—разрушить Антиссу на островѣ Лесбосѣ, и перевесть жителей Антиссы въ Метимну за то, что они Антенора, царскаго претора, въ то время, когда онъ съ судами плавалъ около Лесбоса, приняли въ пристань и помогали припасами. Двое знатныхъ лицъ казнены отсѣченіемъ головы; Андроникъ, сынъ Андроника, Этолъ, за то, что обнажилъ мечь противъ Римлянъ по примѣру отца, и Неонъ, Ѳивянинъ, убѣдившій своихъ согражданъ къ союзу съ Персеемъ.

XXXII. Послѣ этого промежутка занятія дѣлами чужестранными, снова созванъ сеймъ Македонянъ. Объявлено: «какъ условіе, необходимое для устройства Македоніи, предстоитъ выборъ сенаторовъ, называемыхъ Синедрами, обсужденіемъ которыхъ должны управляться общественныя дѣла.» Потомъ прочитаны имена знатныхъ Македонянъ, которымъ повелѣно идти впередъ въ Италію съ дѣтьми старше пятнадцатилѣтняго возраста Сначала это дѣйствіе казалось жестокимъ, но не замедлило показаться большинству народа Македонянъ, совершеннымъ въ пользу его вольности. Въ спискѣ показаны всѣ пріятели царя, носившіе порфиру, начальники войскъ, флота и отдѣльныхъ отрядовъ (постовъ); они привыкли раболѣпствовать царю, а надъ другими надменно повелѣвать одни очень богаты, а другіе, не равные имъ состояніемъ, равнялись издержками; у всѣхъ образъ жизни и одежды царскіе: ни одинъ не способенъ быть гражданиномъ и подчиняться законамъ и равноправію вольности. А потому всѣ занимавшіе какую либо должность у царя, даже участвовавшіе въ самомъ незначительномъ посольствѣ, получили приказаніе оставить Македонію и отправиться въ Италію; ослушникамъ объявлена смертная казнь. Законы Македоніи даны съ такою заботливостью, какъ будто бы они писаны для оказавшихъ хорошія услуги союзниковъ, а не для побѣжденныхъ непріятелей; и даже самое примѣненіе ихъ въ продолженіи значительнаго времени (а оно одно есть лучшій исправитель законовъ) не показало на опытѣ никакихъ недостатковъ. Послѣ

занятія важными предметами Павллъ далъ въ Амфиполисѣ съ великою пышностью зрѣлище, приготовленія къ которому дѣлались гораздо ранѣе: въ города Азіи и къ царямъ были посланы объ этомъ извѣщенія, да и при личномъ посѣщеніи Греціи самъ объявилъ старѣйшинамъ. Со всѣхъ сторонъ изъ самихъ отдаленныхъ краевъ собрались артисты всякаго рода, занимавшіеся сценическимъ искусствомъ, атлеты (борцы) и благородные наѣздники; и посольства съ жертвами и вообще все, что обыкновенно совершается въ Греціи на играхъ какъ для боговъ, такъ и для людей. Такимъ образомъ въ вождѣ Римскомъ были предметомъ удивленія не только пышность, но и умѣніе давать зрѣлища, а въ этомъ отношеніи Римляне считались до того времени неопытными. Угощеніе приготовлено для посольствъ съ такими же пышностью и заботливостью. Повторялось постоянно въ народѣ изреченіе Павла: «и пиршество снарядить и игры приготовить не чуждо тому, кто умѣетъ побѣждать на войнѣ.»

XXXIII. Давъ зрѣлища всякаго рода и золотые щиты сложивъ на суда, прочее оружіе всякаго рода собравъ въ огромную кучу, помолился Марсу, Минервѣ и Луѣ Матери и другимъ богамъ, которымъ по закону и обыкновенно посвящается добыча убитыхъ непріятелей; поджегъ самъ главный вождь, подложивъ факелъ. Потомъ стоявшіе кругомъ трибуны народные, каждый отъ себя, бросили огонь. Замѣчательно было въ этомъ сборищѣ Европы и Азіи, когда несмѣтное множество народа собралось отовсюду частью поздравить, частью посмотрѣть, когда находились въ одномъ мѣстѣ такія морскія и сухопутныя силы—то, что такой былъ избытокъ во всемъ, такая дешевизна хлѣба, что и частнымъ людямъ, и городамъ и народамъ, даны большіе дары этого рода не только для употребленія въ настоящемъ, но даже съ тѣмъ, чтобы и домой отвезть. Толпы зрителей привлекали не столько сценическое зрѣлище, борьба людей, бѣгъ лошадей, сколько вся добыча Македонянъ, разложенная на показъ: тутъ были статуи, картины, ткани, сосуды, сдѣланные съ величайшимъ стараніемъ для царскаго дворца изъ золота

серебра и слоновой кости; эти предметы были не для показу только въ настоящемъ (такими въ избыткѣ наполненъ царскій дворецъ въ Александріи), но и для постояннаго употребленія. Все это, нагруженное на флотъ, поручено отвезть въ Римъ Кн. Октавію. Павлъ, благосклонно отпустивъ посольства, перешелъ Стримонъ, и въ тысячѣ шагахъ отъ Амфиполиса, сталъ лагеремъ, а оттуда выступивъ на пятый день прибылъ въ Пеллу. Пройдя городъ, онъ пробылъ два дня у такъ называемаго Спелея, и отправилъ П. Назику и сына К. Максима съ частью войскъ опустошать землю Иллиріевъ, оказывавшихъ Персею пособіе на войнѣ, отдавъ имъ приказаніе встрѣтить себя у Орика; а самъ, идя въ Епиръ, прибылъ пятнадцатымъ переходомъ въ Пассаронъ.

XXXIV. Неподалеку оттуда находился лагерь Аниція. Къ нему отправлено письмо — не тревожиться тѣмъ, что будетъ происходить: «такъ какъ сенатъ отдалъ войску добычу городовъ Епира, отпавшихъ къ Персею;» разосланы сотники въ отдѣльные города объявить, будто бы они пришли вывесть гарнизоны, чтобы Епироты были также свободны какъ Македоняне, вызвалъ по десяти старѣйшинъ изъ каждаго города. Объявивъ имъ, чтобы все золото и серебро было вынесено какъ общественное достояніе, разослалъ по всѣмъ городамъ когорты. Они отправились ранѣе въ болѣе отдаленные чѣмъ ближайшіе, для того чтобы въ одинъ день проникнуть всюду. Трибунамъ и сотникамъ объявлено какъ поступить. Рано снесено все золото и серебро; въ четвертомъ часу данъ воинамъ знакъ разграбить городъ, и добыча была такъ значительна, что раздѣлили на каждаго пѣхотинца по двѣсти, а на всадника по четыреста денаріевъ, а въ рабство уведено сто пятьдесятъ тысячъ головъ человѣческихъ. Потомъ разрушены стѣны разграбленныхъ городовъ, число ихъ простиралось до семидесяти. Вся добыча продана, и полученныя деньги распредѣлены между воинами. Павлъ спустился къ морю въ Орикъ, нисколько не удовлетворивъ, какъ онъ полагалъ, жадности воиновъ. Они, лишась добычи царской, какъ будто они и не вели никогда войны въ

Македоніи, были въ негодованіи. Найдя въ Орикѣ войска, посланныя съ Сципіономъ Назикою и сыномъ Максимомъ, посадилъ войско на суда и переправился въ Италію. По прошествіи немногихъ дней, Аницій, собравъ сеймъ изъ остальныхъ Епиротовъ и Акарнановъ, приказалъ слѣдовать въ Италію старѣйшинамъ, дѣло которыхъ предоставилъ дальнѣйшему разслѣдованію, а самъ на ожиданныхъ судахъ, которыми пользовалось Македонское войско, переправился въ Италію. Когда это происходило въ Македоніи и Епирѣ, уполномоченные, отправленные положить конецъ войнѣ между Галлами и царемъ Евменомъ, прибыли въ Азію. Заключено перемиріе на зиму, Галлы отправились домой, а царь на зимнія квартиры удалился въ Пергамъ и сдѣлался тяжело боленъ. Первое наступленіе весны вызвало снова въ поле, и уже прибыли въ Синнаду, когда Евменъ къ Сардамъ со всѣхъ сторонъ собралъ войско. Тутъ и Римляне вступили въ переговоры съ Соловеттіемъ, вождемъ Галловъ, въ Синнадѣ и Атталъ съ ними отправился, но онъ незаблагоразсудилъ войдти въ лагерь Галловъ, дабы не ожесточились умы въ жару спора. П. Лициній поговорилъ съ царькомъ Галловъ и донесъ, что онъ отъ просьбы сдѣлался несговорчивѣе. Удивительнымъ могло показаться, что передъ царями, столь сильными какъ Птоломей и Антіохъ, слова пословъ Римскихъ имѣли такую силу, что они немедленно заключили миръ: у Галловъ же остались безовсякаго дѣйствія.

XXXV. Сначала отведены въ Римъ подъ стражею плѣнные цари Персей и Гентій съ дѣтьми, затѣмъ остальная толпа плѣнныхъ и вслѣдъ за ними тѣ и изъ Македонянъ, и Греческихъ старѣйшинъ, которымъ объявлено, чтобы они пришли въ Римъ. Эти послѣдніе вызваны не только находившіеся на лицо; но и тѣ, о которыхъ былъ слухъ, что они проживали у царей, приглашены письмами. Самъ Павелъ, немного дней спустя, на царскомъ суднѣ огромнаго размѣра, приводимомъ въ движеніе шестнадцатью рядами веселъ, украшенномъ Македонскою добычею не только дорогимъ оружіемъ, но и царскими тканями, противъ теченія Тибра подоплылъ къ городу; берега рѣки покрыты были

толпами народа, вышедшаго къ нему на встрѣчу. Немного дней спустя Аницій и Октавій приплыли съ своимъ флотомъ. Имъ всѣмъ тремъ сенатъ опредѣлилъ тріумфъ, и поручилъ претору К. Кассію переговорить съ трибунами народными, и съ утвержденія сената сдѣлать предложеніе народу, чтобы въ какой день тріумфаторы будутъ въѣзжать въ городъ, имъ бы принадлежала власть. Зависть не трогаетъ посредственности: она постоянно стремится къ тому, что выше. Не было сомнѣнія о тріумфѣ Аниція и Октавія, а Павлла, съ которымъ и сравниться постыдились бы они сами, коснулось порицаніе. Онъ съ воинами обращался по старинной дисциплинѣ: относительно добычи скупѣе, чѣмъ ожидали отъ такихъ богатствъ царя, далъ воинамъ, а они бы не оставили ничего, и внесть въ казначейство. Все Македонское войско своему начальнику не усердно готово было содѣйствовать при подачѣ голосовъ въ пользу предложеннаго закона. А Сер. Сульпицій Гальба, бывшій военнымъ трибуномъ втораго легіона въ Македоніи, личный врагъ главнаго вождя, самъ упрашивалъ воиновъ и убѣждалъ ихъ черезъ воиновъ своего легіона, чтобы они въ большомъ числѣ сходились для подачи голосовъ: «пусть они отомстятъ вождю злому и повелительному, отвергнувъ предложеніе, сдѣланное относительно его тріумфа: городская чернь послѣдуетъ за мнѣніемъ воиновъ. Денегъ онъ (Павллъ) не можетъ дать! Теперь отъ воина зависитъ дать почесть; пусть онъ не ждетъ плодовъ благосклонности, которой онъ не заслужилъ.

XXXVI. Подстрекнувъ такимъ образомъ воиновъ, когда въ Капитоліѣ, военный трибунъ, Ти. Семпроній, внесъ это предложеніе и частнымъ лицамъ представлена возможность говорить о законѣ, и когда никто не являлся склонять къ принятію закона, какъ въ дѣлѣ внѣ всякаго сомнѣнія; вдругъ выступилъ Сер. Гальба и потребовалъ отъ трибуновъ: «чтобы, такъ какъ уже восьмой часъ дня и недостаточно осталось времени для доказательствъ, почему Л. Емилію не слѣдуетъ давать тріумфа, отложить до слѣдующаго дня и начать это дѣло по раньше. Нуженъ цѣлый день для объясненій по этому вопросу». Три-

бунъ съ своей стороны приказывалъ высказать въ этотъ день то, что онъ хочетъ; тогда Гальба протянулъ дѣло разговоромъ до вечера, объясняя и внушая: «обязанности службы требовались слишкомъ строго; навязывали на воиновъ болѣе труда и опасности, чѣмъ сколько нужно было по дѣлу; напротивъ въ наградахъ и почестяхъ крайняя скупость; военная служба, если только будетъ удача такимъ вождямъ — сдѣлается хуже и невыносимѣе для воюющихъ, а для побѣдителей сопряжена будетъ съ бѣдностью и позоромъ. Дѣла Македонянъ въ лучшемъ положеніи, чѣмъ воиновъ Римскихъ. Если они на другой день явятся въ большомъ числѣ для отмѣны закона, то поймутъ люди могущественные—что не все въ рукахъ вождя, а кое что и въ рукахъ воиновъ». Возбужденные этими рѣчами на другой день воины наполнили Капитолій съ такимъ усердіемъ, что не было и доступа для подачи голосовъ никому другому. Когда позванные внутрь первые трибы стали отмѣнять предложеніе, первыя лица города стеклись поспѣшно въ Капитолій: «недостойное дѣло вопіяли они—готово совершиться; Павлъ, побѣдитель послѣ такой войны, лишается тріумфа: главные начальники отнынѣ вполнѣ отдаются на жертву своеволію и корыстолюбію воиновъ. Уже и безъ того много дурнаго дѣлается отъ желанія подольститься народу, а чтоже будетъ, если воины будутъ отнынѣ господами своихъ вождей». Каждый изъ нихъ (сенаторовъ) не щадилъ ругательствъ для Гальбы; наконецъ, когда утихло это волненіе, М. Сервилій — онъ былъ вмѣстѣ и консуломъ и начальникомъ всадниковъ (magister eguitum), просилъ трибуновъ — это дѣло начать съ изнова, и дать ему возможность говорить съ народомъ. Трибуны отошли обсуждать дѣло и, уступая убѣжденіямъ старѣйшинъ, начали снова вести дѣло и объявили, что они вновь позовутъ для подачи голосовъ тѣже трибы, если М. Сервилій и другія частныя лица, которыя захотятъ говорить, выскажутся.

XXXVII. Тогда Сервилій сталъ говорить: «Квириты, какимъ вождемъ былъ Л. Емилій, если бы ни изъ чего другого нельзя было сдѣлать заключенія, то уже того было бы достаточно

что, имѣя у себя въ лагерѣ воиновъ, столь легкомысленныхъ и расположенныхъ къ бунту и врага, столь знатнаго, дерзкаго и краснорѣчиваго къ возбужденію черни, не испыталъ въ войскѣ никакого возмущенія. Таже строгость власти, которая нынѣ имъ ненавистна, тогда ихъ удерживала; а потому, пріученные къ прежней дисциплинѣ**не сдѣлали. Если бы Сер. Гальба хотѣлъ—обвиненіемъ Л. Павлла начать свое поприще, какъ ораторъ и представить образецъ краснорѣчія, то и тутъ не долженъ былъ препятствовать тріумфу, который, по мимо всего прочаго, признанъ сенатомъ справедливымъ, но на другой день по окончаніи тріумфа онъ повидался бы съ нимъ, какъ съ частнымъ человѣкомъ, заявилъ бы свое обвиненіе и задалъбы вопросы на основаніи законовъ; или немного попозднѣе, когда вступилъ бы самъ въ отправленіе должности, назначилъ день явки къ суду и обвинилъ своего непріятеля передъ народомъ. Такимъ образомъ и Л. Павллъ получилъ бы тріумфъ за веденную имъ войну, какъ награду своихъ достойныхъ дѣяній и наказаній, если бы онъ сдѣлалъ что либо недостойное и прежней славы своей и новой. Но по истинѣ, онъ хотѣлъ только унизить заслугу того, кому не могъ сказать ни одного порицанія, ни одного обвиненія. Онъ просилъ вчера цѣлый день для обвиненія Л. Павлла: четыре часа, сколько оставалось дня, потратилъ онъ въ рѣчахъ. Былъ ли когда либо подсудимый до такой степени вреденъ, чтобы проступки его жизни не могли быть разсказаны въ продолженіи четырехъ часовъ. Что же онъ поставилъ ему въ вину, отъ чего бы отказался Павллъ, если бы пришлось ему защищаться передъ судомъ. Пусть мнѣ кто либо—два собранія предоставитъ: одно воиновъ Македонскихъ, другое, безпристрастное, чуждое лицепріятія и ненависти, гдѣ высказалось бы сужденіе всего народа Римскаго. Чтобы, Сер. Гальба, сказалъ передъ гражданами Римскими? Твоя рѣчь вся состояла бы изъ отрывочныхъ фразъ слѣдующаго содержанія: «Строже и внимательнѣе стоялъ ты на караулѣ; ночную стражу обходили тщательно и внимательно; дѣла ты совершалъ болѣе прежняго, когда главный вождь и наблюдатель самъ обходилъ всѣ посты.

Въ одинъ и тотъ же день ты и дѣлалъ переходы, и войско прямо съ дороги велъ въ сраженіе. Даже и послѣ побѣды не далъ покоя, и немедленно повелъ преслѣдовать непріятеля. Будучи въ возможности раздѣломъ добычи сдѣлать тебя богатымъ, онъ царскія деньги понесетъ въ тріумфѣ и внесетъ въ казнохранилище». Всѣ эти доводы, если и производятъ еще нѣкоторое дѣйствіе на умы воиновъ, полагающихъ, что мало удовлетворены ихъ своеволіе и корыстолюбіе, но передъ народомъ Римскимъ, не будутъ имѣть никакой силы. Онъ, не обращаясь къ прежнему, что дѣлалось при его предкахъ — какія потери понесены честолюбіемъ главныхъ вождей, какія побѣды пріобрѣтены строгостью власти, помнитъ конечно о томъ, что въ послѣднюю Пуническую войну прозошло между начальникомъ всадниковъ, М. Минуціемъ диктаторомъ и К. Фабіемъ Максимомъ. Обвинитель могъ это знать, и защита Павллу была бы совершенно излишняя. Персей далъ къ другому собранію, и по истинѣ я назвалъ бы васъ квиритами, а не воинами, будь это наименованіе въ состояніи вызвать у васъ хоть краску стыда, и возбудить хоть въ нѣкоторой степени совѣстливость— какъ бы не оскорбить бывшаго вашего же главнаго вождя.

XXXVIII. Да и самъ я совсѣмъ не то чувствую на душѣ, видя, что говорю передъ войскомъ, что я чувствовалъ незадолго передъ тѣмъ, когда рѣчь шла о городской черни. Что вы скажете воины? Есть ли кто въ Римѣ кромѣ Персея, кто не хотѣлъ бы тріумфа надъ Македонянами? Будь только въ состояніи, не допустилъ бы и до побѣды тотъ, кто не даетъ побѣдителю возможности войдти въ городъ съ почестями тріумфа. Въ заблужденіи вы воины если полагаете, что тріумфъ есть почесть только главнаго вождя, а не вмѣстѣ воиновъ и всего народа Римскаго. Это случалось и не съ однимъ Павлломъ: многіе, не получивъ отъ сената почестей тріумфа, имѣли его на горѣ Албанской. Никто не можетъ отнять у Л. Павлла заслуги, что онъ окончилъ войну Македонскую, точно также какъ у К. Лутація первой Пунической войны, какъ у П. Корнелія второй и равно у тѣхъ, которые послѣ нихъ торжествовали (получили почести

тріумфа. Да и Л. Павллу тріумфъ не увеличитъ и не уменьшитъ славы великаго вождя; тутъ скорѣе дѣло идетъ о славѣ воиновъ и всего народа Римскаго. Во первыхъ какъ бы народъ не заслужилъ молвы завистливаго и неблагодарнаго къ своимъ лучшимъ гражданамъ, подражая народу Аѳинскому, отъ зависти губившему собственныхъ вождей. Довольно погрѣшили и предки ваши относительно Камилла, но и его они обидѣли прежде, чѣмъ онъ отнялъ Римъ обратно у Галловъ. Уже достаточно виновны вы относительно П. Африкана. Въ Литернѣ было жилище и мѣстопребываніе повелителя Африки; въ Литернѣ показываютъ его гробницу! Неужели не будетъ вамъ стыдно, если Л. Павллъ, сравнявшись славою съ тѣми героями, раздѣлитъ съ ними и ваши оскорбленія. Итакъ прежде всего надобно уничтожить этотъ позоръ, который у другихъ народовъ приноситъ намъ безславіе, а намъ самимъ вреденъ. Кто же захочетъ быть подобнымъ Африкану или Павллу въ неблагодарномъ, и непріязненномъ для добрыхъ, государствѣ? Да если бы не было никакого безславія, и дѣло бы шло о славѣ только, то какой же тріумфъ не заключаетъ въ себѣ славы общей всему, что носитъ имя Римское? Столько тріумфовъ надъ Галлами, Испанцами, Карѳагенянами считаются ли принадлежностью однихъ вождей или всего народа Римскаго? Точно также тріумфы совершаются не надъ Пирромъ только и Аннибаломъ (и не надъ Филиппомъ), но надъ Епиротами, Карѳагенянами и Македонянами; также торжествовали (получили тріумфъ) не только М. Курій, П. Корнелій, Т. Квинкцій, но вообще всѣ Римляне. Притомъ же это дѣло самихъ воиновъ: они, увѣнчанные лаврами и украшенные наградами, требуютъ тріумфа, и идутъ по городу съ пѣснями въ честь вождя и свою собственную. Если случается, что воиновъ не привозятъ изъ провинціи для тріумфа, то они ропщутъ, да и тогда заочно они считаютъ себя участвующими въ тріумфѣ, такъ какъ ихъ руками пріобрѣтена побѣда. Если бы кто спросилъ васъ, воины, зачѣмъ вы привезены въ Италію, а не распущены тотчасъ же по умиреніи провинціи? Зачѣмъ вы въ большомъ чи-

слѣ пришли въ Римъ подъ знаменами, зачѣмъ вы здѣсь медлите, а не уходите каждый домой? Какой другой отвѣтъ дадите вы, какъ не тотъ, что вы желаете показаться въ тріумфѣ? Конечно у васъ неминуемо должно быть желаніе, чтобы васъ побѣдителей всѣ видѣли.

XXXIX. Недавно совершены тріумфы надъ Филиппомъ, отцомъ этого Персея и надъ Антіохомъ. Оба еще царствовали во время тріумфа, а по поводу взятія Персея, приведеннаго сюда и съ дѣтьми, тріумфа не будетъ? Если тріумфаторовъ, когда они въ колесницѣ будутъ въѣзжать въ Капитолій, въ порфирѣ и золотѣ, Л. Павллъ, стоя внизу въ толпѣ частныхъ людей, спроситъ: Л. Аницій, Кн. Октавій — считаете ли вы себя достойнѣе тріумфа, чѣмъ меня? Сойдутъ они съ колесницы, и какъ мнѣ кажется отъ стыда, всѣ свои украшенія передадутъ ему. И вы, Римляне, захотите, чтобы лучше Генція, чѣмъ Персея, вели въ тріумфѣ, и чтобы тріумфъ совершался по поводу эпизода войны, чѣмъ всей войны. Легіоны изъ Иллирика войдутъ въ городъ, увѣнчанные лавромъ и флотскіе экипажи? Македонскіе легіоны, отказавшись отъ своего тріумфа, будутъ смотрѣть на чужой? А что же будетъ съ такою богатою добычею, съ пріобрѣтеніями столь блистательной побѣды? Куда дѣнутся эти тысячи оружій, снятыхъ съ непріятельскихъ тѣлъ? Не отослать ли ихъ назадъ въ Македонію? что дѣлать съ изображеніями золотыми, мраморными, слоновой кости, картинами, тканями, съ такимъ количествомъ серебрянныхъ вещей, золота и и денегъ царскихъ? Не ночью ли, какъ краденыя, внесть всѣ эти вещи въ казначейство? Ну, а достойнѣйшій предметъ для зрѣлища — знаменитый и сильнѣйшій царь, взятый въ плѣнъ, гдѣ будетъ показанъ народу побѣдителю. Большая часть изъ насъ помнитъ какое множество народа привлекъ, взятый въ плѣнъ царь Сифаксъ, второстепенный дѣятель Пунической войны. Плѣненный царь Персей, и Филиппъ, сыновья царскіе, такія имена, будутъ скрыты отъ глазъ гражданъ? Взоры всѣхъ желаютъ видѣть Л. Павлла, дважды консула, покорителя Греціи, въѣзжающимъ въ городъ на колесницѣ. На то и сдѣлали

мы его консуломъ, чтобы онъ войну, которая тянулась четыре года и со стыдомъ для насъ, привелъ къ окончанію. Тому, кому—когда онъ получилъ провинцію, когда выступалъ въ походъ—мы, предчувствуя въ душѣ, назначили побѣду и торжество, теперь побѣдителю откажемъ въ тріумфѣ? И не только людей, но и боговъ лишимъ слѣдующей имъ почести? Ваши предки всѣхъ великихъ событій, и начало и конецъ ставили въ зависимость отъ боговъ. Консулъ или преторъ, отправляясь облеченный въ военную одежду съ ликторами, въ провинцію и на войну, давалъ обѣты въ Капитоліѣ, а побѣдитель, довершивъ дѣло, торжествуя въ Капитоліѣ, приносилъ отъ народа Римскаго заслуженные дары тѣмъ самимъ богамъ, которымъ прежде давалъ обѣты. Немалую часть тріумфа составляютъ жертвенныя животныя, идущія впереди. Всѣ эти жертвы, которыя домогается весть въ тріумфѣ, вы заколете, гдѣ какую и кому прійдется. Какъ то пиршество сената, которое совершается не въ частномъ домѣ и не въ общественномъ свѣтскомъ, но въ самомъ Капитоліѣ (для удовлетворенія ли животной потребности или не по указанію ли боговъ и людей?) по убѣжденію Сер. Гальбы, вы смутите? Передъ тріумфомъ Л. Павлла запрутся ли ворота? Царь Македонянъ, Персей, съ дѣтьми и толпою прочихъ плѣнныхъ, съ добычею Македонянъ останутся за рѣкою? Л. Павллъ, частнымъ человѣкомъ, какъ бы возвращаясь изъ деревни, отъ воротъ отправится домой? А ты —будешь ли сотникъ, будешь ли простой воинъ—слушай лучше то, что сенатъ опредѣлилъ относительно полководца Павлла, чѣмъ басни Сер. Гальбы: и лучше дай мнѣ высказать это, чѣмъ ему. Онъ выучился только говорить, да и то желчно и зло, а я двадцать три раза вступалъ въ бой съ непріятелемъ, вызвавъ его самъ на это; ото всѣхъ, съ кѣмъ я ни сражался, принесъ добычу; тѣло у меня покрыто честными ранами, полученными всѣ спереди.» Тутъ, разсказываютъ, онъ распахнулъ одежду и показалъ раны, полученныя на войнѣ какія на какой. Но когда онъ показывалъ, случилось ему обнажить то, чего не слѣдовало—распухшія дѣтородныя части, что вызвало

смѣхъ со стороны стоявшихъ ближе. Тутъ онъ сказалъ: «и то, что теперь вызываетъ вамъ смѣхъ, получилъ я, проводя на конѣ дни и ночи, и я и этого стыжусь не болѣе, какъ и тѣхъ рубцовъ: никогда не служили они мнѣ препятствіемъ къ исполненію обязанностей честнаго гражданина и дома и на войнѣ. Я, старый воинъ, обнажилъ передъ молодыми воинами это тѣло, не мало пострадавшее отъ желѣза. Гальба пусть покажетъ тѣло бѣлое и лоснящееся. Зовите трибуны снова, если заблагоразсудите, трибы для подачи голосовъ; я къ вамъ, воины [сойду внизъ, буду провожать при подачѣ голосовъ и укажу людей безчестныхъ и неблагодарныхъ и тѣхъ, которые хотятъ не подчиняться вождю, но предпочитаютъ, чтобы онъ, снискивая ихъ расположеніе, служилъ имъ.» Проученная этою рѣчью толпа воиновъ до того перемѣнила образъ мыслей, что трибы, позванныя для подачи голосовъ, всѣ до одной утвердили предложеніе. Такимъ образомъ, побѣдивъ усилія враговъ унизить его и порицать, Павлъ торжествовалъ надъ Персеемъ и Македонянами въ продолженіи трехъ дней, накунѣ четвертаго, третьяго и втораго дня Календъ Декабрскихъ. Этотъ тріумфъ— обращать ли вниманіе на величіе побѣжденнаго царя, на разные роды изображеній или на количество денегъ, былъ самый блистательный, и сравненіемъ далеко оставилъ за собою прежде совершенные тріумфы. Народъ смотрѣлъ въ бѣлыхъ тогахъ съ построенныхъ на форумѣ и другихъ мѣстахъ города, по которымъ должна была двигаться торжественная процессія, въ видѣ амфитеатра, скамеекъ. Храмы всѣ были отверсты и, украшенные вѣнками изъ цвѣтовъ, наполнены ѳиміама. Ликторы и сторожа, раздвигая толпу зрителей, неосторожно стекавшихся и загораживавшихъ дорогу, на далекое пространство очищали улицы. На три дни, какъ мы сказали, распредѣлено было это торжественное зрѣлище: перваго дня едва достаточно было перевезть статуи и картины, отнятыя у непріятеля, они наполняли двѣсти пятьдесят повозокъ. На слѣдующій день везли на большомъ количествѣ тѣлегъ все лучшее, какъ по красотѣ, такъ и по роскошной отдѣлкѣ, Македонское оружіе; недавно вы-

чищенное, оно сверкало блескомъ желѣза и мѣди и было такъ расположено, что повидимому набросано случайно, а не съ искусствомъ приведено въ порядокъ, и этимъ самимъ удивительнымъ и страннымъ смѣшеніемъ представляло для глазъ чудное зрѣлище. Мечи лежали съ щитами, панцыри съ набедренниками, Кретійскія пелты, Ѳракійскія цетры и колчаны, перемѣшанные съ лошадиными уздами, обнаженные мечи съ торчавшими тамъ и сямъ грозными концами и длинныя копья, далеко выдававшіяся въ сторону. Все это связано было довольно свободно и оружіе, дорогою стуча одно о другое, издавало воинственный страшный звукъ, такъ что и на бездушное смотрѣть нельзя было безъ душевнаго содроганія. Затѣмъ три тысячи человѣкъ несли семьсотъ пятьдесятъ сосудовъ, наполненныхъ печатаннымъ (въ монетѣ) серебромъ; въ каждомъ по три таланта несли четыре человѣка. Другіе несли серебрянныя чаши разнаго рода (phialas, calices et cornua), разставленныя очень искусно и обращавшія на себя вниманіе, какъ величиною, такъ тяжестью, изящною работою и рѣзными украшеніями. На третій день, съ ранняго утра, пошло войско, предводимое трубачами, игравшими не обыкновенныя праздничныя пьэсы, а воинственный маршъ, какъ бы идя на битву. Затѣмъ вели сто двадцать быковъ жирныхъ съ позолоченными рогами, украшенными повязками и вѣнками. Вели ихъ юноши, подвязанные поясами отлично вышитыми; ихъ провожали мальчики, несшіе серебрянные и золотыя патеры (сосуды для жертвоприношеній). Слѣдовали тѣ, которые несли печатанное золото въ семистахъ семи сосудахъ, изъ которыхъ каждый заключалъ въ себѣ три таланта также, какъ и тѣ, въ которыхъ перенесено серебро. Затѣмъ виднѣлись священная чаша, вѣсомъ въ десять талантовъ, украшенная драгоцѣнными каменьями, которую постарались сдѣлать Павлъ, и Антигонидесъ, Селевкидесъ и Териклея, и остальные золотые сосуды, которыми украшены были покои Персея. Слѣдовала колесница Персея, нагруженная его оружіемъ и съ прибавленіемъ діадемы. Слѣдовала толпа плѣнныхъ: Битисъ, сынъ царя Котиса, посланный отъ отца залож-

никомъ въ Македонію, и потомъ съ дѣтьми Персея взятый въ плѣнъ Римлянами; затѣмъ дѣти самого Персея въ сопровожденіи толпы воспитателей и учителей, жалобно со слезами простиравшихъ руки къ жителямъ; они внушали и дѣтямъ — униженно просить народъ побѣдитель о пощадѣ. Было два мальчика и дѣвочка, и они тѣмъ большое состраданіе возбуждали въ зрителяхъ, что по малолѣтству даже не понимали всего размѣра своего горя. А потому многіе зрители не могли удержать слезъ, и всѣми овладѣло непріятное чувство грусти: они не могли веселиться отъ души, пока въ глазахъ находилось семейство царское. Вслѣдъ за дѣтьми шелъ съ женою Персей въ печальномъ одѣяніи, въ обуви Греческой; на лицѣ его выражалось удивленіе и какой-то испугъ, такъ что повидимому необъятное горе убило въ немъ вовсе сознаніе. Слѣдовала толпа его друзей и приближенныхъ; лица ихъ выражали глубокую грусть и глаза, какъ только обращались на Персея, наполнялись слезами и ясно обнаруживали, что его горестное положеніе на нихъ дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ ихъ собственное. Отъ такого позора отпрашивался Персей, и послалъ просить Емилія—нельзя ли не весть его въ тріумфѣ? Посмѣялся Емилій малодушію человѣка и далъ отвѣтъ: «это и прежде, да и теперь вполнѣ отъ него зависитъ», намекая на возможность благородною смертью уйдти отъ угрожавшаго ему позора. Но изнѣженный духъ не рѣшился на такой поступокъ и, льстя себя какою то надеждою, предпочелъ самъ увеличить собою списокъ взятой у него добычи. Потомъ несли четыреста золотыхъ вѣнковъ, присланныхъ Павлу ото всѣхъ почти городовъ Греціи и Азіи, какъ поздравленіе съ побѣдою черезъ пословъ: конечно значительной цѣнности сами по себѣ, но чуть замѣтное прибавленіе необъятныхъ богатствъ, несенныхъ въ этомъ торжественномъ шествіи.]

XL. Все количество золота и серебра, взятаго у непріятеля и пронесеннаго въ тріумфѣ, по словамъ Валерія Антіата, простирается до тысячи двухсотъ милліоновъ сестерцій; неподвержено сомнѣнію, что еще нѣсколько большая цифра выходитъ

исчисленіемъ количества повозокъ и вѣсу золота и серебра, сколько онъ вообще показалъ. Еще столько же частью издержано на послѣднюю войну, частью, какъ полагаютъ, растеряно во время бѣгства въ Самоѳракъ. И это тѣмъ удивительнѣе, что собрано столько денегъ въ продолженіи 30 лѣтъ послѣ войны Филиппа съ Римлянами, частью изъ добычи металлическихъ рудниковъ, частью изъ другихъ доходовъ. Такимъ образомъ Филиппъ началъ войну съ Римлянами, будучи очень бѣденъ деньгами, а Персей напротивъ пребогатымъ. Въ заключеніе всего ѣхалъ Павллъ на колесницѣ съ величіемъ, изображавшимся во всей его наружности и наиболѣе условленнымъ его лѣтами. За колесницею слѣдовали, въ числѣ другихъ знаменитыхъ мужей, два сына К. Максимъ и П. Сципіонъ: потомъ всадники эскадронами, и когорты пѣшихъ въ обыкновенномъ порядкѣ устройства. На каждаго пѣшаго воина дано по сту динаріевъ, сотнику вдвое, а всаднику втрое. Полагаютъ, что онъ эту послѣднюю цифру далъ бы пѣхотинцамъ, а другіе считаютъ это за вѣрное, если бы они или не оспаривали его почесть, или даже встрѣтили веселыми рукоплесканіями это самое его объявленіе. Но не только Персей представлялъ въ теченіи тѣхъ дней примѣръ непостоянства человѣческаго счастія, будучи веденъ въ цѣпяхъ по непріятельскому городу передъ колесницею вождя побѣдителя, но и самъ торжествовавшій, залитый золотомъ и въ порфирѣ, Павллъ. Изъ двухъ сыновъ, которые, такъ какъ онъ двухъ отдалъ на усыновленіе, оставались единственными наслѣдниками имени и святыни семейства, младшій, почти двѣнадцать лѣтъ отъ роду, умеръ за пять дней до тріумфа, а старшій, четырнадцати лѣтъ, три дни послѣ него; а имъ слѣдовало бы въ праздничной одеждѣ въѣзжать вмѣстѣ съ отцомъ въ колесницѣ, приготовляясь къ подобнымъ же тріумфамъ и для себя. Немного дней спустя, когда трибунъ народный М. Антоній созвалъ народное собраніе, на которомъ Емилій долженъ былъ, по примѣру другихъ полководцевъ, изложилъ совершенныя имъ дѣянія, рѣчь его была достопримѣчательна и достойна Римскаго вождя.

XLI. Квириты, хотя я увѣренъ, что не безъизвѣстно вамъ и то, съ какимъ успѣхомъ велъ я общественныя дѣла и то, что два какъ бы громовыхъ удара, поразили мое семейство на этихъ дняхъ; я въ этомъ почти убѣжденъ, такъ какъ для васъ зрѣлищами были сначала мой тріумфъ, а теперь похороны дѣтей моихъ, но прошу позволенія, ради бога, поставить на одну доску съ судьбами отечества мою собственную. Оставляя Италію, я въ девятомъ часу дня со всѣми судами былъ уже въ Корцирѣ. Потомъ, на пятый день, въ Дельфахъ, Аполлону за меня, и за очищеніе войска и флота принесъ жертвы. Изъ Дельфъ на пятый день я прибылъ въ лагерь. Тутъ, принявъ войско и сдѣлавъ нѣкоторыя перемѣны относительно того, что было большимъ препятствіемъ къ побѣдѣ, я выступилъ оттуда и такъ какъ лагерь непріятельскій былъ неприступенъ, и царя нельзя было вынудить къ сраженію, то я, сквозь его вооруженные отряды, по горнымъ ущельямъ прошелъ въ Петру и, вынудивъ царя къ сраженію, побѣдилъ его въ открытомъ бою; Македонію покорилъ власти народа Римскаго и войну, которую, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, четыре консула вели до меня такъ, что постоянно преемнику передавали въ видѣ болѣе опасномъ, окончилъ въ продолженіи пятнадцати дней. Потомъ послѣдовалъ рядъ счастливыхъ событій одно за другимъ. Всѣ города Македоніи покорились; царская сокровищница досталась мнѣ въ руки; а царь, выдаваемый почти самими богами, въ Самоѳракійскомъ храмѣ взятъ съ дѣтьми. Мнѣ самому мое счастіе казалось уже черезмѣрнымъ и вслѣдствіе того подозрительнымъ. Я начиналъ опасаться морскихъ бурь при переправѣ въ Италію такой огромной денежной суммы царской и побѣдоноснаго войска. Когда же все, благополучнымъ плаваніемъ судовъ, достигло Италіи, и не о чемъ было молить болѣе боговъ безсмертныхъ, я просилъ только о томъ, что какъ счастіе обыкновенно измѣняетъ, достигнувъ высшей степени, то пусть эту перемѣну почувствуетъ скорѣе домъ мой, чѣмъ отечество. А потому я полагаю, что общественное благо вполнѣ обезпечено постигшимъ меня страшнымъ семейнымъ несчастіемъ, и мой тріумфъ

какъ бы въ насмѣшку надъ дѣлами человѣческими, пришелся между похоронами двухъ дѣтей моихъ. Я и Персей представляемъ собою самые замѣчательные примѣры жребія смертныхъ: онъ, находясь въ плѣну, видѣлъ передъ собою веденными дѣтей своихъ въ плѣну, но здоровыми; а я, торжествуя надъ нимъ, ѣхалъ въ колесницѣ въ Капитолій съ похоронъ одного сына, и, изъ Капитоліи вернувшись, засталъ другаго почти при послѣднемъ издыханіи, и изъ такого количества дѣтей не осталось ни одного носить имя Л. Эмилія Павлла. Двухъ, какъ изъ большаго семейства отданныхъ на усыновленіе, присвоили роды Корнеліевъ и Фабіевъ, а въ домѣ Павлла, кромѣ старика, не осталось никого; но въ этой потерѣ моего дома ваше счастіе и удача общественныхъ дѣлъ вполнѣ утѣшаютъ.»

XLII. Эти слова, сказанныя съ такою твердостью, подѣйствовали гораздо сильнѣе на слушателей, чѣмъ если бы онъ сталъ жалобно оплакивать свое сиротство. Кн. Октавій въ Декабрскія Календы получилъ почести морскаго тріумфа надъ царемъ Персеемъ. Въ этомъ тріумфѣ плѣнныхъ не было и добычи также. Далъ онъ на каждаго матроса по семидесяти пяти денаріевъ, кормчимъ вдвое, командирамъ судовъ вчетверо. Потомъ былъ созванъ сенатъ. Сенаторы высказали мнѣніе: К. Кассій долженъ былъ отвесть царя Персея съ сыномъ Александромъ въ Альбу подъ стражу; оставлены при немъ всѣ, какіе были, провожатые, деньги, серебро, домашняя утварь. Битисъ, сынъ царя Ѳракійскаго, съ заложниками отправленъ подъ стражу въ Карсеолы. Прочихъ плѣнныхъ, которые ведены были въ тріумфѣ, положено посадить въ тюрьму. Немного дней спустя послѣ этихъ распоряженій, пришли послы отъ Котиса, царя Ѳракійскаго, и принесли деньги на выкупъ его сына и прочихъ заложниковъ. Введенные въ сенатъ, они въ рѣчи ссылались на то, что Котисъ не по своей волѣ содѣйствовалъ Персею, а потому что вынужденъ былъ дать ему заложниковъ и умоляли—дозволить ихъ выкупить по той цѣнѣ, какую назначитъ сенатъ. Съ утвержденія сената данъ отвѣтъ: «народъ Римскій помнитъ еще дружественныя отношенія, въ

какихъ находился съ Котисомъ, его предками, и народомъ Ѳракійскимъ. То, что заложники были даны составляетъ вину, а не оправданіе въ ней: Ѳракійскому народу не былъ страшенъ Персей и оставаясь въ покоѣ, а не только занятой войною съ Римлянами. Впрочемъ, хотя Котисъ и предпочелъ милость Персея дружбѣ народа Римскаго, однако онъ болѣе обратитъ вниманія на то, что достойно его, чѣмъ на то, чего заслужитъ царь своими поступками; сынъ и заложники будутъ ему возвращены. Народъ Римскій не беретъ денегъ за свои благодѣянія, и предпочитаетъ оставить лучше память благодарную въ душахъ, получившихъ благодѣяніе, чѣмъ требовать немедленно возмездія.» Назначено трое уполномоченныхъ: Т. Квинкцій Фламининъ, К. Лициній Нерва и М. Каниній Ребилъ — отвесть заложниковъ во Ѳракію, и Ѳракійцамъ данъ подарокъ каждому по двѣ тысячи ассъ. Витисъ, съ прочими заложниками призванный изъ Карсеолъ, отправленъ къ отцу съ послами. Царскія суда, взятыя у Македонянъ, невиданной дотолѣ величины, поставлены на Марсовомъ полѣ.

XLIII. Оставалась еще не только въ душахъ, но почти въ глазахъ память Македонскаго тріумфа, Л. Аницій во время Квириналовъ (праздника въ честь Ромула 17 февраля) торжествовалъ надъ царемъ Гентіемъ и Иллирами. Гражданамъ показалось все похожимъ, хотя и далеко ниже сравненія. И самъ вождь Аницій былъ ниже Емилія, и относительно знатности рода и правами власти, какъ преторъ, ниже консула. Не могли идти въ сравненіе Гентій съ Персеемъ, Иллирійцы съ Македонянами, добыча съ тою добычею, деньги съ тѣми деньгами, приношенія съ тѣми приношеніями. А потому хотя этотъ тріумфъ и затмѣвался блескомъ недавняго, но зрителямъ и самъ по себѣ казался незаслуживающимъ презрѣнія. Въ продолженіи немногихъ дней усмирилъ онъ—смѣлый на сушѣ и на морѣ, обнадеженный мѣстностью и укрѣпленіями, народъ Иллировъ; онъ плѣнилъ царя и все его семейство, перенесъ въ тріумфѣ много военныхъ значковъ, разной добычи и царскаго достоянія: золота двадцать семь фунтовъ, серебра девятнадцать фунтовъ;

денаріевъ тринадцать тысячь и сто двадцать тысячь Иллирійскаго серебра. Впереди колесницы вели царя Гентія съ женою и дѣтьми, Каравантія, брата царскаго, и нѣсколько знатныхъ Иллирійцевъ. Изъ добычи начальникъ далъ воинамъ каждому по сорокъ пять денаріевъ, сотнику вдвое, всаднику втрое, союзникамъ Латинскаго наименованія столько же, сколько и гражданамъ, и матросамъ далъ наравнѣ съ воинами. Веселѣе слѣдовали за тріумфомъ воины, и вождя прославляли многими пѣснями. Двѣсти милліоновъ сестерцій получено отъ этой добычи, какъ утверждаетъ Антіатъ, кромѣ золота и серебра, внесеннаго въ казнохранилище; но такъ какъ не видно, откуда могло быть получено, я и указываю на автора вмѣсто основанія. Царь Гентій съ дѣтьми, и женою, и братомъ отведенъ въ Сполетій подъ стражу на основаніи сенатскаго декрета, а прочіе плѣнные брошены въ Римъ въ тюрьму: но такъ какъ Сполетинцы отказались ихъ караулить, то цари переведены въ Игувій. Отъ Иллирійской добычи оставалось двѣсти двадцать судовъ; отнятыя у Генція—К. Кассій, на основаніи сенатскаго декрета, отдалъ Корцирейцамъ, Аполлоніатамъ и Дирхахинцамъ.

XLIV. Консулы въ этомъ году опустошивъ только землю Лигурцевъ, такъ какъ непріятели нигдѣ не выводили войска въ поле, не совершивъ ничего замѣчательнаго, возвратились въ Римъ для назначенія новыхъ должностныхъ лицъ. Въ первый день выборовъ консулами назначены М. Клавдій Марцеллъ и К. Сульпицій Галлъ, а затѣмъ на другой день преторами Л. Юлій, Л. Аппулей Сатурнинъ, А. Лициній Нерва, П. Рутилій Кальвъ, П. Квинтилій Варъ, М. Фонтеій. Этимъ преторамъ опредѣлены два городскихъ участка, двѣ Испаніи, Сицилія и Сардинія. Въ этомъ году (высокосномъ) вставлены дни: и за тѣмъ были Календы Терминальскія вставочныя. Въ этомъже году умеръ авгуръ К. Клавдій: на его мѣсто авгуры выбрали Т. Квинкція Фламинина. И Квиринальскій фламинъ умеръ К. Фабій Пикторъ. Въ этомъ году прибылъ въ Римъ царь Прузіасъ съ сыномъ Никомедомъ. Онъ вошелъ въ городъ съ большою свитою, и прямо отъ воротъ пошелъ на форумъ къ трибуналу претора

К. Кассія; стеклись со всѣхъ сторонъ граждане. Царь сталъ имъ говорить: пришелъ онъ привѣтствовать боговъ, живущихъ въ городѣ Римѣ, сенатъ и народъ Римскій, и принесть поздравленіе о побѣдѣ надъ царями Персеемъ и Гентіемъ, и объ увеличеніи государства присоединеніемъ, покоренныхъ ихъ власти, Македонянъ и Иллиріевъ.» Преторъ сказалъ, что если ему угодно, онъ для него въ тотъ же день созоветъ сенатъ; царь просилъ два дня—обойдти храмы боговъ, городъ, друзей и пріятелей. Данъ сопровождать его квесторъ Л. Корнелій Сципіонъ, тотъ же, что былъ высланъ къ нему на встрѣчу въ Капую, и нанятъ домъ для приличнаго помѣщенія его и свиты. На третій день послѣ того царь отправился въ сенатъ, поздравилъ съ побѣдою, припомнилъ свои заслуги на этой войнѣ и просилъ: дозволить ему исполнить обѣтъ—въ Римѣ, въ Капитоліѣ принесть десять большихъ жертвъ, и въ Пренестѣ одну—счастію. Обѣты эти (дѣланы) за успѣхъ оружія народа Римскаго. Еще просилъ онъ—съ нимъ возобновить союзъ и отдать ему поле, отнятое у царя Антіоха: оно еще народомъ Римскимъ никому не дано и имъ владѣютъ Галлы. Въ заключеніе онъ отрекомендовалъ сенату сына Никомеда; всѣхъ, какіе нибыли главные вожди въ Македоніи, онъ былъ поддержанъ благосклонностью. А потому ему дано все, о чемъ онъ ни просилъ; относительно земли данъ отвѣтъ: будутъ отправлены уполномоченные разсмотрѣть это дѣло. Если это поле составляетъ дѣйствительно собственность народа Римскаго и никому не дано, то они сочтутъ Прузіаса достойнѣйшимъ этого дара. Если же оно не принадлежало Антіоху и слѣдовательно не могло сдѣлаться и собственностью народа Римскаго, или если оно отдано Галламъ, то Прузіасъ долженъ извинить нежеланіе народа Римскаго, чтобы его дары сопровождались для кого нибудь оскорбленіемъ. Да и подарокъ потеряетъ свою цѣну, если получившій можетъ ожидать отъ давшаго, что онъ во всякое время имѣетъ право взять его обратно. Охотно принимаютъ они рекомендацію Никомеда; а съ какою заботливостью народъ Римскій защищаетъ дѣтей друзей своихъ, доказательствомъ можетъ служить Птолемей, царь Египта. Съ

такимъ отвѣтомъ отпущенъ Прузіасъ. Дары велѣно ему дать... сестерцій и серебрянныхъ сосудовъ на пятьдесятъ фунтовъ. А сыну царя Никомеду положено дать подарки на такую сумму, на какую даны, сыну царя Масиниссы, Масгабѣ: жертвенныя животныя и все, что необходимо для жертвоприношенія, царю, пожелаетъ ли онъ принесть жертвы въ Римѣ или въ Пренесте, должно быть выдано на общественный счетъ, одинаково съ Римскими сановниками; а изъ флота, находившагося въ Брундизіѣ, должно быть назначено двадцат судовъ длинныхъ, которыми и долженъ пользоваться царь до прибытія къ флоту, ему подаренному. Л. Корнелій Сципіонъ не долженъ былъ отходить отъ него и содержать царя и свиту до тѣхъ поръ, пока они сядутъ на суда. Говорятъ, что царь не зналъ мѣры радости передъ такою благосклонностью народа Римскаго: самъ онъ не допустилъ покупать себѣ дары, а сыну повелѣлъ взять даръ народа Римскаго. Вотъ какъ разсказываютъ о Прузіасѣ наши писатели. Полибій передаетъ, будто царь велъ себя несоотвѣтственно съ величіемъ такого названія; что онъ обыкновенно встрѣчалъ уполномоченныхъ Римскихъ съ бритою головою, въ шапкѣ отпущенниковъ, называлъ себя отпущенникомъ народа Римскаго, и оттого носилъ отличительные признаки лицъ этого сословія. Въ Римѣ, когда царь вошелъ въ курію, онъ упалъ на полъ и поцѣловалъ порогъ: сенаторовъ назвалъ: *богами его сохранившими* и вообще сказалъ рѣчь не столько къ чести слушавшихъ, сколько къ своему униженію. Оставался онъ около города не болѣе тридцати дней и отправился въ свои владѣнія, а войну, которая шла въ Азіи.....

ОГЛАВЛЕНІЕ

УТРАЧЕННЫХЪ КНИГЪ.

Содержаніе книги сорокъ шестой.

Царь Евменъ прибылъ въ Римъ; такъ какъ онъ въ Македонской войнѣ держалъ себя нейтральнымъ, то во избѣжаніе необходимости счесть его непріятелемъ въ случаѣ недопущенія или оправдать отъ вины въ случаѣ допущенія, принятъ законъ, вообще не дозволяющій никому изъ царей пріѣзжать въ Римъ. Консулъ Кл. Марцеллъ покорилъ Альпинскихъ Галловъ, а К. Сульпицій Галлъ консулъ Лигуровъ. — Послы царя Прузіаса принесли жалобу на Евмена, что онъ опустошилъ его земли и сказали, что онъ составляетъ съ Антіохомъ заговоръ противъ народа Римскаго.—Съ Родосцами, по ихъ просьбѣ, заключенъ дружественный союзъ. Цензорами произведена перепись; сочтено гражданъ триста двадцать семь тысячь двадцать два. Старѣйшиною (предсѣдателемъ) сената выбранъ М. Эмилій Лепидъ.—Птоломей, царь Египта, выгнанный изъ царства меньшимъ братомъ, возстановленъ посланными къ нему уполномоченными. — По смерти Аріарата, царя Каппадокіи, сынъ его Аріаратъ принялъ царство и обновилъ черезъ пословъ дружественный союзъ съ Римлянами. Сверхъ того содержитъ дѣйствія противъ Лигуровъ, Корсовъ и Лузитанцевъ, совершенныя съ различнымъ успѣхомъ и волненія Сиріи по смерти Антіоха, оставившаго сына Антіоха въ совершенномъ еще младенчествѣ. Этого ребенка Антіоха съ опекуномъ его Лизіемъ, Деметрій, сынъ Селевка, находившійся заложникомъ у Римлянъ, тайно—

такъ какъ его не выпускали, умертвилъ, а самъ принятъ на царство.—По смерти Л. Емилія Павлла, побѣдившаго Персея, обнаружилась такая его умѣренность, что отъ продажи съ аукціона имущества человѣка, принесшаго (въ общественную казну) изъ Испаніи и Македоніи несмѣтныя богатства, едва составилась сумма, необходимая на уплату приданаго его жены. Понтійскія болота высушены консуломъ Корнеліемъ Цетегомъ, которому досталась эта провинція, и изъ нихъ сдѣлано пахатное поле.

(Содержитъ событія отъ 166 года до Р. Х. по 160 отъ построенія города 586—590.)

КНИГИ СОРОКЪ СЕДЬМОЙ.

Кн. Тремеллію, трибуну народному, наложенъ штрафъ за то, что онъ дерзско спорилъ съ великимъ первосвященникомъ М. Емиліемъ Лепидомъ, и право лицъ священныхъ оказалось выше права должностныхъ свѣтскихъ—объявленъ законъ относительно подкупа на выборахъ—произведена цензорами перепись, сочтено гражданъ триста тридцать восемь тысячь триста четырнадцать. Старѣйшиною сената выбранъ Емилій Лепидъ. Между братьями Птоломеями, ссорившимися между собою, заключенъ мирный договоръ—одному царствовать въ Египтѣ, а другому въ Кирене.—Аріаратъ, царь Каппадокіи, умысломъ и силами царя Сиріи Димитрія, изгнанъ изъ царства, а сенатомъ возстановленъ.—Отправлены сенатомъ уполномоченные—разобрать дѣло о земляхъ между Масиниссою и Карѳагенянами. Консулъ К. Марцій сначала неудачно, а потомъ счастливо, сражался съ Далматами; поводомъ начать войну съ ними—было опустошеніе ими земель Иллирійцевъ, союзниковъ Римскихъ; этотъ же народъ усмирилъ консулъ Корнелій Назика. Консулъ К. Опимій побѣдилъ Трансальпинскихъ Лигуровъ, опустошившихъ города Массилійцевъ — Антиполисъ и Никею. Сверхъ того содержитъ событія въ Испаніи, многими, но неудачно ве-

денныя. — Консулы въ пятьсотъ девяносто восьмомъ году отъ построенія города начали вступать въ должность по окончаніи выборовъ, и по назначеніи уже консуловъ слѣдующаго года. — Измѣненія выборовъ причина была возмущеніе Испанцевъ. — Послы, отправленные для разбора дѣла между Масиниссою и Карѳагенянами, объявили, что они нашли въ Карѳагенѣ большое количество матеріаловъ для флота. — Нѣсколько преторовъ, обвиненныхъ отъ имени провинцій въ корыстолюбіи, подвергнуты осужденію.

(Событія годовъ до Р. Хр. 160—151, отъ построенія города 590—599.)

КНИГИ СОРОКЪ ВОСЬМОЙ.

Перепись произведена цензорами — переписано триста двадцать четыре тысячи гражданъ. — Начинаются развиваться сѣмена третьей Пунической войны. По дошедшему слуху, что въ предѣлахъ Карѳагенянъ находится огромное войско Нумидовъ подъ предводительствомъ Аріобарзана, внука Сифакса, М. Порцій Катонъ совѣтовалъ объявить войну Карѳагенянамъ, за то что они имѣютъ въ своихъ предѣлахъ Аріобарзана, повидимому будто бы противъ царя Масиниссы, а на дѣлѣ противъ Римлянъ. — Противъ этого возражалъ П. Корнелій Назика и положено послать уполномоченныхъ въ Карѳагенъ — посмотрѣть, что тамъ дѣлается. — Сдѣлавъ выговоръ сенату Карѳагенскому за то, что онъ, вопреки союзнаго договора, заготовляетъ войско и кораблестроительные матеріалы, хотѣли заключить миръ между ними и Массиниссою, такъ какъ послѣдній уступалъ земли, о коихъ шелъ споръ. Но Гисгонъ, сынъ Гамилькара, человѣкъ безпокойный, въ то время занимавшій одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ управленіи, объявилъ посламъ, что повинуется волѣ сената, а между тѣмъ до такой степени вооружилъ народъ убѣжденіями къ войнѣ, что только одно бѣгство спасло Римскихъ пословъ отъ насилія. Вслѣдствіе того извѣстія, сенатъ, и безъ того враждебный Карѳагенянамъ, сдѣлался еще непріязненнѣе. М.

Порцій Катонъ сына, умершаго преторомъ, похоронилъ самимъ скромнымъ образомъ (по своей крайней бѣдности).—Андрискъ, выдавшій себя очень самоувѣренно за сына Персея, бывшаго царемъ Македонскимъ, присланъ въ Римъ.—М. Емилій Лепидъ, выбранный предсѣдателемъ сената уже шестыми цензорами, передъ кончиною убѣждалъ по смерти вынести его на ложѣ безъ покрововъ и порфиры, и вообще на остальныя издержки похоронъ потратить не болѣе десяти ассъ: фамильными портретами, а не издержками, должны блистать похороны великихъ людей. — Было слѣдствіе объ отравленіяхъ: Публиція и Лицинія, знатныя женщины, обвиняемыя въ причиненіи смерти мужей своихъ, бывшихъ консуловъ, по разсмотрѣніи дѣла, когда представили за себя поруку претору, по опредѣленію родственниковъ, умерщвлены.—Гулусса, сынъ Масиниссы, объявилъ, что въ Карѳагенѣ производится наборъ, заготовляется флотъ и внѣ всякаго сомнѣнія замышляется война. — Катонъ совѣтовалъ объявить войну, а П. Корнелій Назика говорилъ, что ничего не надобно дѣлать необдуманно, и потому положено послать на мѣсто десять уполномоченныхъ.—Консулы Л. Лициній Лукуллъ и А. Постумій Альбинъ производили строго наборъ и для никого не дѣлали снисхожденія, трибунами народными, которые не были въ состояніи получить для своихъ пріятелей увольненіе, брошены въ тюрьму.—Когда война въ Испаніи, веденная отчасти не совсѣмъ успѣшно, до того смутила гражданъ Римскихъ, что не находилось изъ среды ихъ ниодного ни принять трибунатъ, ни отправиться послами, П. Корнелій Емиліанъ выступилъ и изъявилъ готовность принять родъ военной службы, какой бы на него ни наложили. Этимъ примѣромъ онъ всѣхъ возбудилъ усердно приняться за военную службу. Консулъ Л. Лукуллъ, преемникъ М. Клавдія Марцелла, когда всѣ народы Цельтиберіи стали принимать наступательное движеніе, побѣдилъ Вакцеевъ, Кантабровъ и другіе народы дотолѣ неизвѣстные. Здѣсь П. Корнелій Сципіонъ Африканскій, сынъ Емиліанъ, сынъ Л. Павлла, Африкана усыновленный внукъ, будучи военнымъ трибуномъ, умертвилъ дикаря, вы-

зывавшаго на единоборство, а при взятіи города Интеркаціи подвергся еще большой опасности; онъ первый перелѣзъ черезъ стѣну. Преторъ, Сер. Сульпицій Гальба, несчастливо сражался противъ Лузитанъ. Когда Римскіе уполномоченные вернулись изъ Африки съ ораторами Карѳагенянъ и Гулуссою, сыномъ Масиниссы и объявили, что они захватили въ Карѳагенѣ и войско и флотъ, положено — переспросить мнѣнія. Катонъ, и другіе пожилые сенаторы, убѣждали—немедленно переправить войско въ Африку, а П. Корнелій Назика увѣрялъ, что для войны не представляется еще достаточной причины. Положено — удержаться отъ войны, если только Карѳагеняне флотъ разснастятъ и войско распустятъ; а если нѣтъ, то первые, какіе будутъ, консулы должны сдѣлать докладъ относительно войны. Когда производилась постройка театра, отданная съ подряда цензорами; то, по убѣжденію П. Корнелія Назика, сенатскимъ декретомъ постановлено разрушить это зданіе, и народъ, въ продолженіи еще нѣкотораго времени, смотрѣлъ на игры стоя. — Карѳагеняне, начавъ войну съ Масиниссою вопреки союзнаго договора и побѣжденные имъ, имѣвшимъ уже отъ роду 92 года и питавшимся только небольшимъ количествомъ хлѣба безъ приправы, кромѣ того заслужили войну съ Римлянами.

(До Р. Х. 156—150 г.)

КНИГИ СОРОКЪ ДЕВЯТОЙ.

Возникла третья Пуническая война въ шестьсотъ второмъ году отъ построенія Рима, и кончилась въ теченіи пятаго года отъ начала.—Была борьба мнѣній между М. Порціемъ Катономъ и Сципіономъ Назикою: одинъ слылъ умнѣйшимъ, а другой признанъ отъ сената лучшимъ человѣкомъ: Катонъ совѣтовалъ войну и совершенное уничтоженіе и разрушеніе Карѳагена, а Назика отсовѣтовалъ. Впрочемъ положено объявить войну Карѳагенянамъ за то, что они вопреки мирнаго трак-

тата имѣли суда, вывели войско за предѣлы своихъ владѣній, союзника и друга народа Римскаго, Масиниссу оскорбили войною, сына его Гулуссу, находившагося вмѣстѣ съ уполномоченными Римскими, не допустили въ городъ. Еще войска вовсе не садились на суда, какъ Утическіе послы прибыли въ Римъ, вручая себя и свое все власти Римлянъ. Посольство это, какъ благопріятное предзнаменованіе, было пріятно сенаторамъ, и въ высшей степени оскорбительно для Карѳагенянъ. По наставленію книгъ Сивиллиныхъ, совершены у Тарента игры отцу Дію—тѣже самыя, что, почти сто лѣтъ тому назадъ, были совершены во время первой Пунической войны въ пятьсотъ второмъ году отъ построенія Рима. Тридцать пословъ прибыли отъ Карѳагенянъ съ изъявленіемъ полной покорности. Взяло верхъ мнѣніе Катона — оставить опредѣленіе неизмѣннымъ и консуламъ, какъ можно поспѣшнѣе, отправиться на войну. Когда они перешли въ Африку, и приняли сколько приказали триста заложниковъ, оружіе и всѣ военные снаряды, какіе только были въ Карѳагенѣ. А когда они передали приказаніе сената—перенесть городъ на другое мѣсто не ближе отъ моря на десять тысячь шаговъ, то такимъ возмутительнымъ распоряженіемъ побудили Карѳагенянъ возобновить войну. Началась правильная осада Карѳагена консулами Л. Марціемъ и М. Маниліемъ. Во время осады, когда два трибуна неосторожно ворвались въ городъ черезъ стѣны, съ одной стороны беззащитныя по нерадѣнію караульщиковъ, и подвергались отъ жителей города страшной опасности, выручены Сципіономъ Африканомъ. Онъ же, при помощи немногихъ всадниковъ, освободилъ укрѣпленіе Римское, подвергшееся ночному нападенію; ему же принадлежала преимущественно слава освобожденія лагеря, на который напали Карѳагеняне, выведя одновременно всѣ войска изъ города. Кромѣ того, когда консулъ (другой отправился на выборы въ Римъ) снявъ безуспѣшную осаду Карѳагена, повелъ войско противъ Аздрубала, занявшаго съ войскомъ весьма неудобное горное ущелье; совѣтовалъ сначала консулу не схватываться съ непріятелемъ въ мѣстности, столь неблагопріятной.

Потомъ, уступая мнѣнію большинства людей, завидовавшихъ его благоразумію и доблести, и самъ вошелъ въ ущелье; а когда войско Римское разбито и обратилось въ бѣгство, и двѣ когорты окружены были непріятелемъ, то онъ, съ небольшимъ количествомъ всадниковъ, вернувшись въ ущелье, освободилъ ихъ и привелъ невредимыми. Такіе подвиги его и Катонъ, человѣкъ съ языкомъ, болѣе склоннымъ къ порицанію, оцѣнилъ словами, что изъ лицъ, ведущихъ войну въ Африкѣ, прочіе ходятъ какъ тѣни, одинъ Сципіонъ бодрствуетъ. Народъ Римскій до того полюбилъ его, что многія трибы на выборахъ записали его консуломъ, хотя онъ не имѣлъ узаконенныхъ лѣтъ. Когда Л. Скрибоній, трибунъ народный, сдѣлалъ предложеніе— возвратить свободу Лузитанцамъ, на словѣ отдавшимся вѣрности слова Римскаго, а С. Гальбою проданнымъ въ Галлію, М. Катонъ со всѣхъ силъ поддерживалъ это; въ его лѣтописяхъ сохранилась рѣчь по этому вопросу. К. Фульвій Нобиліоръ, и самъ подвергался неоднократнымъ нападкамъ Катона въ сенатѣ, и на этотъ разъ отвѣчалъ за Гальбу. А самъ Гальба, видя угрожавшее ему осужденіе, обнялъ двухъ сыновей, только что пришедшихъ въ возрастъ возмужалости, и сына Сульпиція Галла, котораго онъ былъ опекуномъ и говорилъ такъ жалостно, что предложеніе народнаго трибуна принято не было. Существуютъ его три рѣчи: двѣ противъ Либона, трибуна народнаго, и его предложенія, сдѣланнаго относительно Лузитанъ, и одна противъ К. Корнелія Цетега, въ которой признается, что онъ Лузитанцевъ, имѣвшихъ подлѣ него лагерь, истребилъ; что они, принеся по своему обычаю въ жертву богамъ лошадь и всадника, подъ видомъ мира, намѣревались напасть на его войско—Андриксъ, человѣкъ самаго низкаго происхожденія, выдавалъ себя за сына царя Персея, и перемѣнивъ имя, назвался Филиппомъ. Изъ Рима, куда именно за эту ложь былъ онъ присланъ Деметріемъ, царемъ Сиріи, онъ убѣжалъ тайно и прельстивъ многихъ своею выдумкою, выдавая ее за дѣло, собралъ войско и всю Македонію занялъ частью добровольно по усердію жителей, частью силою оружія. Онъ придумалъ

такой разсказъ: рожденный царемъ Персеемъ отъ любовницы, онъ отданъ на воспитаніе одному Кретійцу для того, чтобы, на случай несчастнаго исхода войны, начатой съ Римлянами, оставалась невредимою какая либо отрасль царскаго происхожденія. По смерти Персея, онъ воспитывался въ Адрамитѣ до двѣнадцатилѣтняго возраста и не зная своего происхожденія, считалъ отцомъ того человѣка, у котораго воспитывался. Но тотъ, уже почти при послѣднемъ издыханіи, открылъ ему настоящій родъ, и показалъ книжку, данную Персеемъ, мнимой его матери, за его печатью для передачи ему, по достиженіи совершеннаго возраста; къ этому присоединилъ онъ послѣднія убѣжденія—дѣло это хранить пока втайнѣ. По достиженіи совершенныхъ лѣтъ вручена ему отцовская книжка, въ которой онъ нашелъ, что отцомъ ему оставлено два клада. Тутъ женщина, открывъ ему настоящее происхожденіе, прибавила мольбы, чтобъ онъ немедленно и прежде, чѣмъ слухъ дойдетъ до царя Евмена, Персеева непріятеля, удалился изъ этихъ мѣстъ, гдѣ онъ подвергается опасности быть убитымъ. Устрашенный этимъ, и вмѣстѣ надѣясь помощи отъ Деметрія, онъ удалился въ Сирію, и только тамъ впервое дерзнулъ себя назвать такъ, какъ онъ есть въ дѣйствительности.

(до Р. Хр. 149 годъ).

КНИГИ ПЯТИДЕСЯТОЙ.

Ѳессалія, когда ее Лже-Филиппъ хотѣлъ занять силою оружія, черезъ уполномоченныхъ Римскихъ защищена пособіемъ Ахейцевъ. Прузіасъ, царь Виѳиніи, предался всѣмъ самымъ низкимъ порокамъ, и убитъ сыномъ Никомедомъ при помощи Аттала, царя Пергама. Былъ у него и другой сынъ, у котораго отъ природы въ верхнемъ ряду зубовъ выдавалась впередъ кость. Такъ какъ изъ трехъ пословъ, отправленныхъ Римлянами для примиренія Никодима и Прузіаса, у одного голова была покрыта многими рубцами, другой страдалъ ногами, а

третій былъ безпечнаго характера, то Катонъ сказалъ: у этого посольства нѣтъ ни ногъ, ни головы, ни сердца.— Въ Сиріи въ это время царствовалъ Аммоній: происхожденіемъ рода онъ былъ одинаковъ съ царемъ Македонскимъ, а безпечностью и пороками, погрязнувъ въ излишествахъ разнаго рода, походилъ на царя Прузіаса: онъ умертвилъ всѣхъ приближенныхъ царя, царицу Лаодикею и Антигона, сына царя Деметрія. Масинисса, царь Нумидіи, умеръ девяноста лѣтъ отъ роду, мужъ знаменитый. — До конца жизни сохранилъ онъ силу молодости въ такой степени, что послѣ восемьдесятъ шестаго года отъ роду родилъ сына. Масинисса оставилъ трехъ сыновъ: старшій былъ Миципса, Гулусса, Мастанабалъ, знавшій хорошо по Гречески; имъ отецъ всѣмъ вообще оставилъ царство подъ попечительствомъ П. Сципіона Емиліана, который и раздѣлилъ между ними различныя обязанности управленія царствомъ. Онъ же Фамея Гамилькона, начальника Карѳагенской конницы, человѣка доблестнаго и въ высшей степени полезнаго для Карѳагенянъ, убѣдилъ перейдти на сторону Римлянъ съ конницею. Изъ трехъ пословъ, отправленныхъ къ Масиниссѣ, Клавдій Марцеллъ погибъ въ волнахъ въ сильную бурю. Карѳагеняне въ зданіи сената умертвили Газдрубала, внука Масинисса, бывшаго у нихъ преторомъ, подозрѣвая его въ измѣнѣ; слухъ же объ измѣнѣ прошелъ вслѣдствіе его родства съ Гулуссою, помогавшаго Римлянамъ. П. Сципіонъ Емиліанъ домогался эдильства, но народъ его выбралъ консуломъ, а какъ онъ не имѣлъ еще узаконенныхъ лѣтъ, то и освобожденъ отъ силы законовъ при великомъ стараніи народа и нѣкоторомъ сопротивленіи сенаторовъ; во всякомъ случаѣ назначенъ консуломъ. М. Манилій взялъ нѣсколько городовъ, лежавшихъ около Карѳагена. Псевдофилиппъ въ Македоніи истребилъ было войско Римское и претора П. Ювенція, а К. Цециліемъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ, и Македонія вновь покорена.

(до Р. Хр. 148 годъ).

КНИГИ ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВОЙ.

Карѳагенъ, имѣвшій въ окружности двадцать три тысячи шаговъ послѣ продолжительной и трудной осады, взятъ по частямъ: сначала легатомъ Манциномъ, потомъ консуломъ Сципіономъ, которому внѣ жеребья назначена Африка провинціею. Карѳагеняне, устроивъ новую пристань, такъ какъ старая завалена Сципіономъ и въ короткое время снарядивъ огромный флотъ, потеряли его въ несчастномъ для нихъ сраженіи. Войско ихъ, стоявшее лагеремъ у города Нефериса въ непреступномъ мѣстѣ, уничтожено и съ вождемъ Аздрубаломъ; наконецъ Сципіонъ покорилъ городъ на семисотый годъ его существованія. Изъ добычи большая часть возвращена Сицилійцамъ, у которыхъ она взята. При окончательномъ разрушеніи города, когда Аздрубалъ отдался Сципіону, жена его, нѣсколько дней передъ тѣмъ, тщетно умолявшая мужа перейдти къ осаждающимъ, бросилась изъ крѣпости съ двумя дѣтьми въ средину горѣвшаго города. Сципіонъ, по примѣру своего настоящаго отца Емилія Павла, побѣдителя Македоніи, далъ игры, а перебѣжчиковъ и дезертировъ отдалъ на съѣденіе звѣрямъ.—Поводъ къ войнѣ съ Ахейцами разсказывается такъ: въ Коринѳѣ Ахейцами оскорблены уполномоченные Римскіе, которые должны были отдѣлить отъ Ахейскаго союза города, находившіеся подъ властью Филиппа.

КНИГИ ПЯТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ.

Съ Ахейцами, которымъ помогали Беотійцы и Халкидійцы, К. Цецилій Метеллъ сразился у Ѳермопилъ; они побѣждены, а вождь ихъ Критолай отравился ядомъ. На его мѣсто выбранъ Ахейцами вождемъ Діэй, виновникъ перваго ихъ движенія; онъ побѣжденъ у Истма консуломъ Л. Мумміемъ; тотъ, принявъ покорность всей Ахеи, вслѣдствіе сенатскаго декрета, разрушилъ Коринѳъ за оскорбленіе тамъ уполномоченныхъ народа Рим-

скаго. Өивы и Халкиды, помогавшіе въ этомъ случаѣ, также разрушены. Самъ Л. Муммій показывалъ величайшую умѣренность и изъ богатствъ и украшеній, которыми изобиловалъ Коринөъ, ничего не перевезъ въ домъ свой.—К. Цецилій Метеллъ торжествовалъ надъ Андрискомъ, П. Корнелій Сципіонъ Африканъ Емиліанъ надъ Карөагеномъ и Аздрубаломъ.—Виріатъ въ Испаніи, сначала пастухъ, потомъ охотникъ, изъ охотника разбойникъ, наконецъ начальникъ настоящаго войска, занялъ всю Лузитанію, взялъ въ плѣнъ претора К. Вителлія, разбивъ его войско. Послѣдовавшій за нимъ преторъ, К. Флавцій велъ дѣло нисколько не удачнѣе, и этотъ врагъ возбудилъ столько опасеній, что оказалась потребность послать туда консула и войско. Кромѣ того здѣсь находятся извѣстія о дѣлахъ Сиріи и войнахъ между царей. Александръ, человѣкъ неизвѣстный и незнатнаго происхожденія, умертвивъ, какъ сказано выше, царя Димитрія, царствовалъ въ Сиріи. Его убилъ на войнѣ Деметрій, сынъ Деметрія, сосланный отцомъ въ Гнидъ за его безпечность и недѣятельность на войнѣ, оставивъ эти пороки; ему помогалъ царь Египта Птоломей, на дочери котораго Клеопатрѣ онъ женился. Птоломей получилъ тяжкую рану въ голову и умеръ, между тѣмъ какъ доктора собирались ему дѣлать операцію; а на его мѣсто послѣдовалъ братъ его Птоломей, царствовавшій дотолѣ въ Кирене. Деметрій за свою жестокость, которую онъ съ страшными пытками примѣнялъ къ своимъ подданнымъ, какимъ то Діодотомъ, хлопотавшимъ въ пользу Александрова сына, оставшагося всего двухъ мѣсяцевъ отъ роду, побѣжденъ на войнѣ и убѣжалъ въ Селевкію. Л. Муммій торжествовалъ надъ Ахейцами: статуи мѣдныя, мраморныя и живописныя картины несены во время торжественнаго шествія.

КНИГИ ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЕЙ.

Ап. Клавдій консулъ усмирилъ Салассовъ, народъ Альпійскій. Другой Лже-Филиппъ въ Македоніи истребленъ квесто-

ромъ Л. Тремелліемъ съ войскомъ. Проконсулъ К. Цецилій Метеллъ побѣдилъ Цельтиберовъ. Проконсулъ К. Фабій покорилъ большую часть Лузитаніи и взялъ силою нѣсколько городовъ. К. Юлій сенаторъ на Греческомъ языкѣ написалъ исторію Рима.

КНИГИ ПЯТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТОЙ.

Консулъ К. Помпеій побѣдилъ въ Испаніи Терместиновъ; съ ними и Нумантинцами онъ заключилъ мирный договоръ, не утвержденный народомъ Римскимъ.—Перепись произведена цензорами, сочтено гражданъ триста двадцать восемь тысячь пятьсотъ сорокъ два.—Изъ Македоніи явились уполномоченные съ жалобою на претора Д. Юнія Силана, что онъ, получивъ деньги, грабитъ провинцію. Сенатъ хотѣлъ произвесть слѣдствіе. Т. Манлій Торкватъ, отецъ Силана, настоялъ, чтобы оно было поручено ему и, разсмотрѣвъ дѣло у себя на дому, нашелъ сына виновнымъ, отказался отъ него и даже не присутствовалъ на его похоронахъ, когда онъ окончилъ жизнь повѣсившись; самъ оставаясь дома нарочно допускалъ тѣхъ, которые приходили къ нему совѣтоваться. Проконсулъ Фабій воспрепятствовалъ было удачному ходу дѣлъ въ Испаніи, заключивъ съ Виріатомъ миръ, на условіяхъ не безвыгодныхъ для обѣихъ сторонъ. Виріатъ убитъ измѣнниками, умысломъ Сервилія Цепіона; войска его много оплакивали и похоронили его съ большею честью: отличный полководецъ, въ продолженіи четырнадцати лѣтъ велъ онъ упорную борьбу съ Римлянами, изъ которой неоднократно выходилъ побѣдителемъ.

КНИГИ ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЯТОЙ.

П. Корнелій Назика, ему далъ въ насмѣшку прозваніе Серапіона Куріацій, трибунъ народный— и Д. Юній Брутъ консулы производили наборъ, и въ глазахъ рекрутовъ совершился

примѣръ строгости спасительной. К. Матіонъ обвиненъ передъ трибунами народными въ томъ, что оставилъ войско въ Испаніи; осужденный, онъ долго сѣченъ розгами и потомъ проданъ въ рабство. Трибуны народные, не успѣвъ въ настояніи изъять, по ихъ усмотрѣнію, десять человѣкъ, велѣли весть консуловъ въ тюрьму. Консулъ Юній Брутъ въ Испаніи тѣмъ, которые вели войну подъ начальствомъ Виріата, далъ поля и городъ, прозванный Валенціею. М. Попиллій—Нумантинцами, заключенный было съ которыми миръ сенатъ призналъ недѣйствительнымъ, разбитъ и обращенъ въ бѣгство съ войскомъ. Когда консулъ К. Манцинъ приносилъ жертву, птенцы изъ клѣтки улетѣли; потомъ когда онъ садился на судно—отправляться въ Испанію, послышался голосъ: «оставайся Манцинъ». Печальный исходъ этихъ предзнаменованій показало дѣло. Побѣжденный Нумантинцами и лишенный лагеря, не видя возможности спасти войско, онъ заключилъ позорный миръ, но сенатъ его не утвердилъ. Тридцать тысячь Римлянъ побѣждены четырьмя тысячами Нумантинцевъ. Д. Юній усмирилъ Лузитанію покореніемъ тридцати городовъ до западнаго края и Океана, и когда воины не хотѣли перейдти рѣку Забвенія, онъ самъ, схвативъ у знаменосца орла, перенесъ его и такимъ образомъ убѣдилъ и воиновъ перейдти.—Сынъ Александра, царь Сиріи, имѣя всего десять лѣтъ, коварно умерщвленъ Діодотомъ по прозванію Трифономъ, своимъ опекуномъ. Онъ подкупилъ докторовъ и тѣ, умертвивъ его, сказали народу, что онъ умеръ во время произведенной надъ нимъ операціи.

КНИГИ ПЯТЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

Д. Юній Брутъ въ дальней Испаніи велъ счастливую войну съ Галлеками. Не такъ удачно велъ дѣло противъ Вакцеевъ проконсулъ М. Емилій Лепидъ, потерпѣвъ пораженіе, похожее на Нумантинское. Для освобожденія народа отъ отвѣтственности въ несоблюденіи Нумантинскаго договора Манцинъ,

какъ виновникъ этого дѣла, не допущенъ и выданъ Нумантинцамъ. Произведена цензорами перепись, по которой оказалось гражданъ триста двадцать три тысячи, девятьсотъ двадцать три человѣка.—Консулъ Фульвій Флаккъ покорилъ Вардеевъ въ Иллирикѣ. Преторъ М. Косконій во Ѳракіи счастливо сражался съ Скордисками. Между тѣмъ Нумантинская война продолжалась ошибками вождей Римскихъ не безъ стыда для всего государства, Сципіону Африканскому предложено консульство отъ сената и народа Римскаго; такъ какъ ему нельзя было принять его на основаніи закона, запрещавшаго вторично быть консуломъ, то онъ, какъ уже случилось и въ первое консульство, освобожденъ отъ силы закона. Возстаніе рабовъ, начинавшееся въ Сициліи, не могло быть усмирено преторами и потому поручено консулу К. Фульвію. Виновникомъ войны былъ рабъ Евнъ, родомъ Сиріецъ; онъ, собравъ отрядъ рабовъ поселянъ и освобождая заключенныхъ, составилъ себѣ настоящее войско. Да и Клеонъ, другой рабъ, собралъ до семидесяти тысячь рабовъ; соединивъ эти войска, они не разъ вели открытую войну съ народомъ Римскимъ и его войскомъ.

КНИГИ ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ.

Сципіонъ Африканскій осадилъ Нуманцію и ввелъ снова самую строгую дисциплину въ войско, избалованное своеволіемъ и сладострастіемъ. Всѣ средства соблазна прекратилъ; до двухъ тысячь распутныхъ женщинъ выгналъ изъ лагеря, воиновъ постоянно занималъ работами. Онъ приказывалъ воинамъ тридцати дневный провіантъ несть къ седьмому валу, и когда они съ трудомъ двигались подъ тяжестями, онъ имъ говорилъ: вотъ если бы вы умѣли ограждаться мечомъ и окоповъ бы не нужно. Другому воину, ловко носившему маленькій щитъ, велѣлъ сдѣлать размѣромъ болѣе обыкновеннаго, прибавивъ, что онъ не будетъ въ претензіи, если онъ теперь будетъ дѣйствовать ловчѣе щитомъ, чѣмъ мечемъ. Воина, оставлявшаго ряды, нака-

зывалъ — Римлянина розгами, а иноземца — палками. Вьючныхъ животныхъ всѣхъ продалъ, дабы они не облегчали воиновъ. Нерѣдко онъ удачно имѣлъ схватки съ непріятелемъ, дѣлавшимъ вылазки. Осажденные Вакцеи избили своихъ женъ и дѣтей, и потомъ сами себя лишили жизни. Когда Сципіону царь Антіохъ прислалъ богатѣйшіе дары, то онъ, не слѣдуя примѣру прочихъ вождей Римскихъ, имѣвшихъ обыкновеніе скрывать подарки царей, объявилъ, что онъ приметъ ихъ не иначе какъ передъ трибуналомъ и приказалъ казначею записать все это въ общественную сумму, для выдачи изъ нея награжденій воинамъ, которые будутъ отличаться мужествомъ. Со всѣхъ сторонъ обложена Нуманція, и осажденные стали терпѣть голодъ; тогда Сципіонъ запретилъ убивать непріятелей выходившихъ для фуражировки, говоря, что чѣмъ ихъ будетъ больше, тѣмъ скорѣе поѣдятъ остальной хлѣбъ.

КНИГИ ПЯТЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ.

Ти. Семпроній Гракхъ, трибунъ народный, предложилъ законъ поземельный, вопреки желаній сената и всадническаго сословія: чтобы никто не имѣлъ во владѣніи болѣе пятисотъ десятинъ общественнаго поля и дошелъ до такого неистовства, что законнымъ постановленіемъ народнаго собранія успѣлъ лишить власти товарища М. Октавія, защищавшаго дѣло противной партіи и назначить себя, брата К. Гракха и тестя Ап. Клавдія, членами коммиссіи трехъ (тріумвирами) для раздѣла полей. Объявилъ и другой законъ, расширявшій кругъ его дѣятельности, по которому тріумвирамъ предоставлено право опредѣлять—какое поле составляетъ частное и какое общественное достояніе. Потомъ когда земель оказалось недостаточно для удовлетворенія излишне возбужденныхъ ожиданій черни, онъ ей показалъ проектъ закона, по которому деньги, оставленныя царемъ Атталомъ, должны быть распредѣлены тѣмъ, которымъ, по Семпроніеву закону, слѣдовали поземельные участки.—Ат-

талъ, царь Пергама, сынъ Евменовъ, оставилъ своимъ наслѣдникомъ народъ Римскій. Сенатъ сильно оскорбленъ такими недостойными поступками трибуна, а въ особенности бывшій консулъ Т. Анній; онъ въ сенатѣ сильно нападалъ на Гракха; увлеченный имъ къ народу, которому Гракхъ на него жаловался, онъ въ другой разъ говорилъ къ народу съ ростровъ. — Когда Гракхъ хотѣлъ снова сдѣлаться трибуномъ народнымъ, то виною П. Корнелія Назики онъ убитъ въ Капитоліѣ аристократами, первый ударъ получилъ обломкомъ скамьи и въ числѣ прочихъ, убитыхъ въ этомъ смятеніи, брошенъ въ рѣку безъ погребенія. Кромѣ того содержитъ, совершенныя съ разнообразнымъ успѣхомъ, дѣйствія противъ бѣглыхъ въ Сициліи.

КНИГИ ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТОЙ.

Нумантинцы, вынужденные голодомъ, истребили другъ друга. — Сципіонъ Африканъ разрушилъ взятый городъ, и торжествовалъ надъ нимъ въ четырнадцатый годъ послѣ разрушенія Карѳагена. — П. Рутилій консулъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ покончилъ войну рабовъ въ Сициліи. Аристоникъ, сынъ царя Евмена, занялъ Азію, между тѣмъ какъ, по завѣщанію царя Аттала, она отдана Римлянамъ и должна была пользоваться вольностью. — Противъ него консулъ П. Лициній Крассъ — онъ же великій первосвященникъ — вышелъ, чего прежде никогда не было — изъ Италіи, побѣжденъ въ сраженіи и убитъ; консулъ М. Перперна принялъ покорность побѣжденнаго Аристоника. — К. Помпей и К. Метеллъ — въ первый разъ тогда изъ плебеевъ сдѣланные цензорами, составили перепись: оказалось гражданъ триста семнадцать тысячь, восемьсотъ двадцать три человѣка кромѣ вдовъ и малолѣтныхъ. Цензоръ К. Метеллъ подалъ отъ себя мнѣніе, чтобы всѣ обязательно должны были жениться для произведенія дѣтей. Существуетъ рѣчь его, которую Августъ цезарь, когда дѣло шло объ установленіи обязательнаго брака для сословій, прочелъ въ сенатѣ какъ

бы написанную нарочно на этотъ случай.—К. Атиній Лабеонъ, трибунъ народный, приказалъ цензора К. Метелла, выпустившаго его при пересмотрѣ сената, сбросить съ камня, но другіе трибуны народные не допустили сдѣлать это. — Карбо, трибунъ народный, сдѣлалъ предложеніе, чтобы одно и тоже лицо можно было выбирать сколько разъ угодно трибуномъ народнымъ. Это предложеніе отсовѣтовалъ П. Африканъ въ весьма основательной рѣчи, въ которой сказалъ, что, по его мнѣнію, Ти. Гракхъ убитъ за дѣло. Гракхъ напротивъ говорилъ въ пользу предложенія, но Сципіонъ настоялъ.—Излагаются войны между Антіохомъ, царемъ Сиріи, и Фраатомъ, царемъ Парѳовъ, а также не болѣе спокойное состояніе Египта. — Птоломей, прозванный Евергетомъ, вслѣдствіе излишней жестокости сдѣлавшійся ненавистнымъ для своихъ подданныхъ, убѣжалъ тайкомъ въ Кипръ, такъ какъ дворецъ его сожженъ; а когда народъ отдалъ власть царскую сестрѣ его Клеопатрѣ, которую онъ отвергъ, изнасиловавъ дочь ея и взявъ ее за себя замужъ, то онъ возненавидѣлъ сына, котораго онъ отъ нея имѣлъ, убилъ его въ Кипрѣ, а руки, голову и ноги отослалъ матери.—Возмущенія, сдѣланныя тріумвирами Фульвіемъ Флаккомъ, К. Гракхомъ и К. Папиріемъ Карбономъ, выбранными для раздѣла полей. Когда имъ П. Сципіонъ Африканъ сопротивлялся, то на другой день найденъ мертвымъ въ спальнѣ, куда наканунѣ удалился совершенно сильнымъ и здоровымъ. Подозрѣваема была въ отравленіи жена его Семпронія, потому что она была сестра Гракховъ, съ которыми большая непріятность была у Африкана. Впрочемъ, относительно смерти Сципіона, не было произведено никакого слѣдствія, а по кончинѣ его волненія, причиненныя трибунами народными, начались съ новою силою. Консулъ К. Семпроній сначала неудачно дѣйствовалъ противъ Япидовъ; но побѣда не замедлила загладить понесенный уронъ доблестью Д. Юнія Брута, покорившаго Лузитанію).

(до Р. Хр. 129 годъ).

КНИГИ ШЕСТИДЕСЯТОЙ.

Л. Аврелій консулъ покорилъ Сардовъ, взявшихся было снова за оружіе. М. Фульвій Флаккъ первый усмирилъ на войнѣ Трансальпинскихъ Лигуровъ, будучи посланъ на помощь Массилійцамъ противъ Галловъ Саллувіевъ, опустошавшихъ предѣлы Массилійцевъ. Преторъ Л. Опилій Фрегелланъ отпавшихъ было принялъ покорность, а Фрегеллы разрушилъ. Говорятъ, что въ Африкѣ появилось моровое повѣтріе вслѣдствіе множества саранчи, впослѣдствіи побитой.—Цензоры составили перепись, сочли гражданъ триста девяносто тысячь, семьсотъ тридцать шесть.—К. Гракхъ, братъ Тиберія, трибунъ народный, превосходившій краснорѣчіемъ брата, провелъ нѣсколько пагубныхъ законовъ, между прочимъ по которому хлѣбъ, долженъ былъ за весьма дешевую установленную цѣну продаваться народу; другой поземельный, уже предложенный его братомъ; третій, для соблазна всадническаго сословія, въ то время дѣйствовавшаго за одно съ сенатомъ — чтобы въ число сенаторовъ было выбрано шестьсотъ человѣкъ изъ всадническаго сословія и такъ какъ въ то время было всего триста сенаторовъ, то эти шестьсотъ новыхъ должны присоединиться къ нимъ при совершенномъ, почти вдвое, перевѣсѣ въ пользу всадническаго сословія. — Трибунство ему продолжено на годъ и онъ щедрыми поземельными законами сдѣлалъ то, что въ Италіи выведено много новыхъ поселеній, а въ Африку одно на мѣсто разрушеннаго Карѳагена, куда онъ отвелъ колонистовъ въ качествѣ одного изъ тріумвировъ, для того назначенныхъ.—Кромѣ того эта книга содержитъ описаніе дѣйствій К. Метелла противъ Балеарцевъ; Греки называютъ ихъ Гимнезіями, такъ какъ они лѣтомъ ходятъ совершенно голые; Балеарцами же они названы или отъ умѣнія стрѣлять, или отъ Балея, Геркулесова товарища, оставленнаго тамъ Геркулесомъ, когда онъ отплылъ къ Геріону.— Излагаются и движенія въ Сиріи, гдѣ Клеопатра умертвила мужа своего Димитрія, и сына Селевка, въ неудовольствіи за

то, что онъ, по убіеніи по ея приказанію отца, безъ ея вѣдома принялъ вѣнецъ.

КНИГИ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЕРВОЙ.

Проконсулъ К. Секстій, побѣдивъ народъ Саллувіевъ, основалъ колонію *Секстовыхъ Водъ*, получившую такое наименованіе отъ его собственнаго прозванія, и большаго количества минеральныхъ источниковъ холодныхъ и теплыхъ. Проконсулъ Кн. Домицій имѣлъ у города Виндалія счастливое сраженіе съ Аллоброгами; поводомъ къ начатію войны съ ними было то, что они приняли бѣжавшаго, царя Саллувіевъ, Тевтомалія и помогали ему всѣми силами, опустошили всѣ поля Эдуевъ, союзниковъ народа Римскаго.—К. Гракхъ, по окончаніи своего безпокойнаго трибунства, занялъ вооруженными толпами черни Авентинскую гору, но разбитъ и убитъ Л. Опиміемъ консуломъ, созвавшимъ, на основаніи сенатскаго декрета, гражданъ къ оружію; съ Гракхомъ погибъ и бывшій консулъ Фульвій Флаккъ, товарищъ его безразсудныхъ дѣйствій.—Консулъ К. Фабій Максимъ, внукъ Павлла, счастливо сражался противъ Аллоброговъ и Битуита, царя Арверновъ; изъ войска Битуита пало сто двадцать тысячь человѣкъ, а онъ самъ отправился въ Римъ принесть удовлетвореніе сенату; отданъ въ Альбу подъ стражу: казалось противнымъ миру отослать его опять въ Галлію.—Опредѣлено также, чтобы Конгентіатъ, сынъ его, былъ схваченъ и отосланъ въ Римъ.—Аллоброги покорились и ихъ покорность принята.—Л. Опимій, обвиненный передъ народомъ—трибуномъ народнымъ, К. Деціемъ за то, что гражданъ безъ судебнаго приговора заключилъ въ тюрьму—оправданъ.

КНИГИ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ.

Консулъ К. Марцій покорилъ Стоеновъ, народъ Альпійскій.—Миципса, царь Нумидовъ, умирая оставилъ царство тремъ

сыновьямъ Адгербалу, Гіемпсалу и Югуртѣ, усыновленному племяннику. Л. Цецилій Метеллъ покорилъ Далматовъ. Югурта началъ войну съ братомъ Гіемпсаломъ и убилъ его, Адгербала выгналъ изъ царства, но сенатъ возстановилъ его. Цензоры Л. Цецилій Метеллъ, Кн. Домицій Агенобарбъ удалили изъ сената тридцать два человѣка. Кромѣ того содержитъ движенія царей Сиріи.

КНИГИ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЕЙ.

Катонъ Порцій, консулъ, во Ѳракіи несчастливо сражался съ Скордисками.—Цензорами произведена перепись; сочтено гражданъ триста девяносто четыре тысячи, триста тридцать шесть.—Эмилія, Лицинія и Марція, весталки, уличены въ нарушеніи обѣта цѣломудрія; тутъ разсказано и то, какъ это узнали, уличили и наказали.—Кимбры, народъ кочевой, пришли въ Иллирикъ для грабежа; ими разбитъ консулъ Папирій Карбонъ съ войскомъ. Ливій Друзъ консулъ противъ Скордиковъ, народа имѣвшаго Галльское происхожденіе, во Ѳракіи счастливо сражался.

КНИГИ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТОЙ.

Адгербалъ, войною тѣснимый отъ Югурты, осажденъ въ городѣ Цитрѣ и, вопреки требованій сената, умерщвленъ. За это самое Югуртѣ объявлена война. Консулъ Кальпурній Бестія получилъ приказаніе весть войну, но безъ дозволенія сената и народа заключилъ миръ. Югурта, вызванный общественнымъ ручательствомъ для указанія соучастниковъ своихъ замысловъ, такъ какъ о немъ былъ слухъ, что онъ многихъ деньгами подкупилъ въ сенатѣ, прибылъ въ Римъ. За то, что онъ дерзнулъ тутъ убить одного царька, именемъ Массиву, который, по ненависти народа къ Югуртѣ, домогался его владѣній и за это подвергся опасности, будучи обвиненъ въ уголовномъ престу-

пленіи, тайно бѣжалъ и, оставляя городъ, говорятъ, сказалъ: «о городъ продажный! Скоро прійдетъ твой конецъ, какъ только найдется покупатель.—А. Постумій легатъ, послѣ неудачнаго съ Югуртою сраженія, заключилъ безславный миръ, который впрочемъ сенатъ не счелъ обязательнымъ для государства.

КНИГИ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЯТОЙ.

Консулъ К. Цецилій Метеллъ въ двухъ сраженіяхъ разбилъ Югурту и опустошилъ всю Нумидію.—Консулъ М. Юній Силанъ неудачно сражался противъ Кимбровъ. Посламъ ихъ сенатъ отказалъ въ требованіи ими земель для поселенія.—Проконсулъ М. Минуцій счастливо сражался противъ Ѳракійцевъ. Консулъ Л. Кассій истребленъ съ войскомъ Тигуринскими Галлами, на землѣ Гельвеціевъ, удалившихся отъ города въ предѣлахъ Аллоброговъ. Воины, уцѣлѣвшіе отъ побоища, отпущены непріятелемъ на условіи, давъ заложниковъ и половину всего, что имѣли за свою безопасность.

КНИГИ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

Югурта, тѣснимый К. Маріемъ въ Нумидіи, нашелъ помощь въ Бокхѣ, царѣ Мавровъ. Когда же и Бокховы войска были разбиты, то царь, не желая долѣе весть войну, принявшую такой несчастливый оборотъ, связалъ Югурту и передалъ Марію; главная честь этого дѣла принадлежала Л. Корнелію Суллѣ, квестору (казначею) Маріеву.

КНИГИ ШЕСТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ.

М. Аврелій Скавръ, легатъ консула, взятъ въ плѣнъ Кимбрами, разбившими его войско. Приглашенный ими для совѣта, онъ ихъ отговаривалъ—не переходить Альпы въ Италію, говоря,

что Римлянъ побѣдить невозможно — умерщвленъ Боіоригомъ, дерзкимъ юношею.—Тотъ же непріятель побѣдилъ въ сраженіи консула Кн. Манлія и проконсула К. Сервилія и взялъ два лагеря. Убито воиновъ восемьдесять тысячь, воинскихъ прислужниковъ сорокъ тысячь, если вѣрить Аравзіону. Имущество Цепіона, по самонадѣянности котораго получено пораженіе, описано перваго послѣ царя Тарквинія, а онъ осужденъ и лишенъ власти. Въ тріумфѣ К. Марія веденъ передъ колесницею его Югурта съ двумя сыновьями и умерщвленъ въ тюрьмѣ. Марій вошелъ въ сенатъ въ одеждѣ тріумфатора, чего до него никто не дѣлалъ, и ему, вслѣдствіе опасеній войны съ Кимбрами, продолжена власть на многіе года.—Во второй и третій разъ заочно назначенъ консуломъ, а четвертое консульство получилъ онъ искуснымъ притворствомъ.—Кн. Домицій, великій первосвященникъ, назначенъ по избранію народа. Кимбры, опустошивъ все пространство земли между Роданомъ и Пиренеями, перешли въ Испанію черезъ ущелье, и тамъ опустошили многія мѣста, но Цельтиберами обращены въ бѣгство: по возвращеніи въ Галлію, соединились они съ воинственными Тевтонами.

КНИГИ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ.

М. Антоній, преторъ въ Киликіи, преслѣдовалъ морскихъ разбойниковъ. Консулъ К. Марій защитилъ лагерь, подвергшійся отчаянному нападенію Тевтоновъ и Амброновъ; потомъ, въ двухъ сраженіяхъ около Секстіевыхъ водъ, онъ истребилъ непріятелей и говорятъ тутъ пало непріятелей двѣсти тысячь, взято девяносто тысячь. Марій заочно выбранъ консуломъ пятый разъ; предложенный тріумфъ отложилъ до побѣды надъ Кимбрами. Они, отбивъ отъ Альповъ и обративъ въ бѣгство проконсула К. Катулла, осадившаго Альпійскія ущелья и занявшаго укрѣпленіе на высокомъ мѣстѣ у рѣки Атезиса, но бросившаго все это, преслѣдовали бѣгущаго проконсула и войско, переправились въ Италію, но тамъ побѣждены соединен-

ными войсками Катулла и К. Марія; тутъ, говорятъ, убито непріятелей сто сорокъ тысячь, а взято шестьдесятъ. — Марій, принятый съ восторгомъ гражданами всѣхъ сословій, удовольствовался однимъ тріумфомъ вмѣсто предложенныхъ двухъ. — Первыя лица государства, хотя и завидовали Марію, какъ человѣку новому, достигшему такихъ высокихъ почестей, сознавались, что отечество имъ спасено.—Публицій Маллеолъ за убійство матери первый посаженъ въ мѣшокъ и брошенъ въ воду.—Донесено, что Анциліи (щиты безопасности общественной) пришли въ движеніе съ трескомъ.—Кромѣ того содержитъ описаніе войнъ между царями Сиріи.

КНИГИ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТОЙ.

Л. Аппулей Сатурнинъ, при содѣйствіи К. Марія, умертвилъ черезъ посредство воиновъ соперника своего А. Нонія, насильственно сдѣлавшись трибуномъ народнымъ, исполнялъ эту обязанность также насильственно, какъ и добился ее. Силою провелъ онъ поземельный законъ, а Метелла Нумидійскаго за то, что онъ ему не присягнулъ, отдалъ подъ судъ: находя опору въ благомыслящихъ гражданахъ, онъ, не желая быть поводомъ къ междуусобію, отправился въ Родосъ въ добровольную ссылку; тутъ онъ утѣшалъ себя чтеніемъ и слушаніемъ великихъ людей. Вслѣдъ за его отъѣздомъ, К. Марій, виновникъ смутъ, купивъ себѣ консульство раздачей денегъ по трибамъ, воспретилъ ему огонь и воду (объявилъ государственнымъ преступникомъ). Тотъ же Аппулей Сатурнинъ, трибунъ народный, умертвилъ К. Меммія кандидата въ консулы, опасаясь найдти въ немъ ожесточеннаго противника своихъ намѣреній.—Такимъ дѣйствіями возмутилъ онъ сенатъ, на сторону котораго перешелъ и К. Марій, человѣкъ характера непостояннаго и перемѣнчиваго, слѣдовавшій всегда за тѣмъ, на чьей сторонѣ былъ успѣхъ и потому оставившій Сатурнина, который и погибъ въ междуусобной войнѣ, убитый вмѣстѣ съ

преторомъ Главціемъ и другими лицами, раздѣлявшими его безумные замыслы. — К. Цецилій Метеллъ возвращенъ изъ ссылки при общемъ сочувствіи всѣхъ гражданъ. М. Аквилій проконсулъ положилъ конецъ возмущенію рабовъ въ Сициліи.

КНИГИ СЕМИДЕСЯТОЙ.

Когда М. Аквиллій долженъ былъ защищаться отъ обвиненія во взяткахъ, то онъ не хотѣлъ просить самъ за себя судей. М. Антоній, его защищавшій, разорвалъ ему на груди рубашку и показалъ честныя раны; при видѣ ихъ онъ безпрекословно оправданъ. — Цицеронъ одинъ упоминаетъ объ этомъ. — Т. Дидій, проконсулъ, противъ Цельтиберовъ счастливо сражался. — Птоломей, царь Киренеевъ, прозванный Аппіономъ, умирая, оставилъ наслѣдникомъ народъ Римскій, и городамъ этого царства сенатъ повелѣлъ пользоваться правами свободы. — Аріобарзанъ возстановленъ на престолъ Каппадокіи Л. Корнеліемъ Суллою. Послы Парѳовъ, присланные царемъ Арзакомъ, пришли къ Суллѣ — просить дружбы народа Римскаго. П. Рутилій, человѣкъ высокой честности, будучи помощникомъ проконсула К. Муція, защищалъ Азію отъ обидъ откупщиковъ, возбудивъ противъ себя ненависть всадническаго сословія, отъ котораго зависѣлъ судъ; осужденный во взяткахъ, отправленъ въ ссылку. — К. Сентій преторъ несчастливо сражался противъ Ѳракійцевъ. — Сенатъ, не будучи въ состояніи выносить долѣе неспособность всадническаго сословія при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ, сталъ стараться всѣми силами перенесть къ себѣ судъ, въ чемъ его поддерживалъ трибунъ народный М. Ливій Друзъ; онъ, съ цѣлью усилиться, вступилъ на гибельную стезю соблазна черни приманками разнаго рода щедротъ. — Кромѣ того здѣсь содержится описаніе движенія Сирійскихъ царей.

КНИГИ СЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВОЙ.

М. Ливій, трибунъ народный, съ цѣлью пріобрѣсть болѣе силъ для поддержанія дѣла сената, старался приманить союзниковъ и народы Италіи надеждою на Римское гражданство. При помощи ихъ провелъ онъ силою законы поземельный и хлѣбный, а наконецъ отстоялъ и судебный, по которому судебная власть должна была принадлежать пополамъ сенату и всадническому сословію. Такъ какъ обѣщанное союзникамъ исполнено не было, то они начали готовиться къ возстанію. Главныя лица государства получили извѣстіе объ ихъ сходбищахъ, заговорахъ и рѣчахъ. За это Ливій Друзъ сдѣлался ненавистенъ и сенату, какъ виновникъ войны съ союзниками, и неизвѣстно кѣмъ умерщвленъ дома.

КНИГИ СЕМЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ.

Отпали Итальянскіе народы: Пицентины, Вестины, Марсы, Пелигны, Марруцины, Самниты, Луканы, война начата Пицентинцами. Проконсулъ К. Сервилій въ городѣ Аскулѣ убитъ со всѣми гражданами Римскими, тамъ находившимися. Народъ облекся въ траурное одѣяніе. — Сер. Гальба, схваченный Луканами, спасся отъ плѣна стараніемъ одной женщины, у которой останавливался.—Поселенія (колоніи)— Эзернія и Альба, осаждены Итальянцами. Затѣмъ присланы народу Римскому вспомогательныя войска отъ народовъ Латинскаго наименованія и чужеземныхъ, и сообщаются подробности о взаимныхъ походахъ и завоеваніяхъ городовъ.

КНИГИ СЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЕЙ.

Консулъ Л. Юлій Цезарь неудачно сражался съ Самнитами. Колонія Нола попала во власть Самнитовъ вмѣстѣ съ преторомъ Л. Постуміемъ, и онъ убитъ ими. — Весьма многіе

народы отпали къ непріятелямъ. Когда консулъ П. Рутилій неудачно сражался противъ непріятелей Марсовъ и палъ въ сраженіи, помощникъ (легатъ) его К. Марій съ лучшимъ успѣхомъ сразился съ непріятелемъ. Сер. Сульпицій разбилъ Пелигновъ въ сраженіи. К. Цепіо, помощникъ Рутилія, осажденный непріятелемъ, сдѣлалъ удачную вылазку; за такое успѣшное дѣйствіе онъ властью сравненъ съ Маріемъ, сдѣлался самодѣяннымъ, и попавъ въ засаду, погибъ совсѣмъ войскомъ, разбитымъ на голову. — Л. Юлій Цезарь консулъ счастливо сражался противъ Самнитовъ; вслѣдствіе этой побѣды въ Римѣ снято траурное одѣяніе; между тѣмъ, какъ бы для того, чтобы показать непостоянство воинскаго счастія, колонія Эзернія съ М. Марцелломъ попала во власть Самнитовъ; но К. Марій въ сраженій разбилъ Марсовъ, умертвивъ Герія Азинія, претора Марруциновъ. К. Цецилій въ Галліи Трансальпинской побѣдилъ Саллувіевъ, возобновившихъ было войну.

КНИГИ СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТОЙ.

Кн. Помпей разбилъ Пицентинъ въ сраженіи и осадилъ ихъ, вслѣдствіе каковой побѣды въ Римѣ граждане и сановники облеклись въ торжественныя одежды.—К. Марій сражался съ Марсами безъ рѣшительнаго успѣха.—Отпущенники тутъ въ первый разъ начали участвовать въ военной службѣ.—Легатъ А. Плотій побѣдилъ въ сраженіи Умбровъ, а преторъ Л. Порцій—Марсовъ, когда и тотъ и другой народъ отпалъ. — Возстановлены на царскіе престолы Никомедъ въ Виѳиніи, и Аріобарзанъ въ Каппадокіи. — Консулъ Кн. Помпей побѣдилъ Марсовъ въ сраженіи. Такъ какъ граждане обременены были тяжкими долгами, то преторъ А. Семпроній Азелліо оказывалъ судъ и расправу въ пользу должниковъ, и за это ростовщиками убитъ на общественной площади.—Кромѣ того содержитъ набѣги Ѳракійцевъ въ Македонію и ихъ опустошенія.

КНИГИ СЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТОЙ.

А. Постумій Альбинъ легатъ начальствовалъ флотомъ, но, по подозрѣнію въ измѣнѣ, убитъ своимъ войскомъ. Л. Корнелій Сулла легатъ побѣдилъ Самнитовъ въ сраженіи и взялъ приступомъ два ихъ лагеря.—Кн. Помпей принялъ покорность Вестиновъ.—Консулъ Л. Порцій счастливо велъ войну, нѣсколько разъ побѣдилъ Марсовъ и палъ при взятіи приступомъ ихъ лагеря; его смерть доставила въ этомъ случаѣ честь побѣды непріятелю. — Косконій и Лукцей побѣдили Самнитовъ въ сраженіи, убили Марія Егнація, знаменитѣйшаго вождя непріятелей, и жителей многихъ городовъ вынудили къ покорности. Л. Сулла усмирилъ Гирпиновъ, Самнитовъ разбилъ во многихъ сраженіяхъ и нѣсколько народовъ покорилъ и, совершивъ весьма много замѣчательныхъ дѣлъ, не бывъ консуломъ, отправился въ Римъ искать консульства.

КНИГИ СЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

Легатъ А. Габиній послѣ удачныхъ дѣйствій противъ Луканцевъ, покоривъ многіе ихъ города, палъ при осадѣ непріятельскаго лагеря. Сульпицій легатъ разбилъ Марруциновъ и всю эту страну занялъ. Кн. Помпей проконсулъ принялъ покорность Вестиновъ и Пелигновъ.—Марсы также, побѣжденные легатами Л. Муреною и Цециліемъ Пинною въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, просили мира. — Аскулумъ взятъ Кн. Помпеемъ, при чемъ легатомъ Мам. Емиліемъ разбиты Итальянцы. Сило Помпедій, предводитель Марсовъ и виновникъ возстанія, палъ въ сраженіи. Аріобарзанъ изъ Каппадокіи, а Никомедъ изъ Виѳиніи выгнаны Митридатомъ, царемъ Понта. —Кромѣ того содержитъ описаніе набѣговъ Ѳракійцевъ въ Македонію и ихъ опустошеній.

КНИГИ СЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ.

Когда трибунъ народный П. Сульпицій, побуждаемый К. Маріемъ, обнародовалъ законы въ высшей степени вредные: о возвращеніи изгнанниковъ, о распредѣленіи по трибамъ новыхъ гражданъ и отпущенниковъ, о назначеніи К. Марія полководцемъ противъ Понтійскаго царя Мидридата,—то консулы К. Помпей и Л. Сулла воспротивились, но должны были уступить силѣ, при чемъ убитъ К. Помпей, сынъ консула, зять Суллы. Консулъ Л. Сулла пришелъ съ войскомъ въ городъ и сражался противу партіи Сульпиція и Марія въ самомъ городѣ и ее изгналъ. Сенатъ объявилъ двѣнадцать человѣкъ, и въ томъ числѣ К. Марія, отца и сына, врагами отечества. П. Сульпицій, скрывшійся въ какомъ то загородномъ домѣ, показаніемъ раба открытъ и убитъ. Рабъ въ награжденіе, ему обѣщанное, получилъ свободу, а за преступную измѣну господину сброшенъ со скалы. — К. Марій сынъ переправился въ Африку.—К. Марій отецъ скрывался въ Минтурнскихъ болотахъ, вытащенъ оттуда жителями и когда посланный его убить Галлъ не рѣшился совершить преступленія, пораженный величіемъ такого мужа, тогда онъ публично посаженъ на корабль и отправленъ въ Африку. Л. Сулла устроилъ порядокъ въ государствѣ и вывелъ нѣсколько колоній. Консулъ К. Помпей отправился принять войско отъ проконсула Кн. Помпея, но его умысломъ убитъ.—Митридатъ, царь Понта, занялъ Виѳинію и Каппадокію и, разбивъ Аквиллія легата, вошелъ съ огромнымъ войскомъ во Ѳригію, провинцію народа Римскаго.

КНИГИ СЕМЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ.

Митридатъ занялъ Азію, а проконсула К. Оппія, а также Аквиллія легата, бросилъ въ оковы. По его приказанію въ одинъ день избиты граждане Римскіе всѣ, сколько ихъ было въ городахъ Азіи. Городъ Родосъ, только одинъ остававшійся вѣр-

нымъ, подвергся его нападенію; но, побѣжденный въ нѣсколькихъ морскихъ сраженіяхъ, онъ вынужденъ былъ отступить.— Архелай, префектъ царя, пришелъ въ Грецію съ войскомъ и занялъ Аѳины. Кромѣ того содержитъ волненія городовъ и островов, изъ которыхъ въ каждомъ одни граждане влекли на сторону Митридата, а другіе отдавались народу Римскому.

КНИГИ СЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТОЙ.

Л. Корнелій Цинна силою оружія проводилъ гибельные законы; онъ изгнанъ изъ города товарищемъ своимъ К. Октавіемъ съ шестью трибунами народными, власть у него отнята, но онъ, покупивъ войско Ап. Клавдія и взявъ его себѣ, пошелъ войною на Римъ и пригласилъ изъ Африки К. Марія и другихъ изгнанниковъ. Во время этой войны сошлись въ сраженіи, не зная другъ друга два брата: одинъ служилъ въ войскѣ Помпея, другой въ войскѣ Цинны; убивъ противника, одинъ изъ братьевъ сталъ его раздѣвать, и, узнавъ брата, испустилъ страшный вопль, воздвигъ ему костеръ и заколовшись на немъ, погибъ въ одномъ огнѣ съ братомъ.—Въ началѣ легко могли быть подавлены Марій и Цинна, но коварство Кн. Помпея, старавшагося угодить обѣимъ партіямъ и подавшаго помощь аристократамъ, тогда когда они уже потерпѣли пораженіе, придало имъ силъ и они, пользуясь бездѣйствіемъ консула съ четырьмя войсками, изъ коихъ два даны К. Серторію и Карбону, осадили городъ. Колонію Остію Марій взялъ приступомъ и разграбилъ жестоко.

КНИГИ ВОСЬМИДЕСЯТОЙ.

Итальянскимъ народамъ даны права гражданства. Самниты, одни остававшіеся подъ оружіемъ, соединились съ Цинною и Маріемъ; они разбили Плавтія съ войскомъ. Цинна и Ма-

рій съ Карбономъ и Серторіемъ заняли Яникулъ, но отступили, обращенные въ бѣгство консуломъ Октавіемъ. Марій опустошилъ колоніи Антій, Арицію и Ланувій. Когда аристократической партіи не было никакой надежды на сопротивленіе вслѣдствіе коварства и бездѣйствія и вождей и войскъ: подкупленные они или отказывались сражаться, или переходили на сторону противниковъ. Цинна и Марій впущены въ городъ и наполнили его грабежомъ и убійствами, какъ бы взявъ его приступомъ. Они умертвили консула Кн. Октавія и истребили множество знатныхъ лицъ противной имъ партіи и въ томъ числѣ М. Антонія, краснорѣчивѣйшаго мужа, Л. и К. Цезаря, коихъ головы поставлены на Рострахъ. Крассъ сынъ убитъ всадниками Фимбріи; отецъ Крассъ дабы не подвергнуться чему либо недостойному его доблести, пронзилъ себя мечемъ. Безъ всякихъ выборовъ консулы слѣдующаго года объявили себя сами таковыми: въ день вступленія въ должность, Марій приказалъ сенатора Сек. Лицинія сбросить со скалы; по совершеніи многихъ преступленій, онъ умеръ въ Январскіе Иды. Объ этомъ человѣкѣ, если сравнить достоинства съ недостатками, трудно рѣшить — полезнѣе ли онъ былъ на войнѣ или гибельнѣе въ мирное время, такъ онъ отечество, которое сначала спасъ оружіемъ, мирнымъ гражданиномъ, наполнилъ всякаго рода коварствами, а наконецъ погубилъ непріязненно съ оружіемъ въ рукахъ.

КНИГИ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВОЙ.

Сулла осадилъ Аѳины, занятые Архелаемъ, префектомъ Мидридата и завоевалъ съ большимъ трудомъ. Городу онъ возвратилъ свободу, а гражданамъ ихъ собственность.—Магнезія, единственный городъ въ Азіи, остававшійся вѣрнымъ Римлянамъ, защищался противъ Мидридата съ величайшею доблестью.—Кромѣ того содержитъ описаніе дѣйствій Ѳракійцевъ въ Македоніи.

КНИГИ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ.

Сулла побѣдилъ въ сраженіи царскія войска, которыя, по занятіи Македоніи, пришли въ Ѳессалію, истребилъ сто тысячь непріятелей и лагерь взялъ. Потомъ, когда война была возобновлена, снова разбилъ и уничтожилъ царское войско.—Архелай съ царскимъ флотомъ, передался Суллѣ: Л. Валерій Флаккъ консулъ, товарищъ Цинны, посланъ принять войско отъ Суллы, за корыстолюбіе сдѣлался ненавистенъ своему войску и умерщвленъ своимъ легатомъ К. Фимбріемъ, человѣкомъ въ высшей степени отчаяннымъ, а власть перешла къ Фимбрію. — Кромѣ того города въ Азіи взяты Мидридатомъ и провинція жестоко разграблена, а Ѳракійцы производили набѣги на Македонію, что и описано.

КНИГИ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЕЙ.

Въ Азіи К. Фимбрій въ сраженіи побѣдилъ нѣсколько полководцевъ Мидридата, взялъ городъ Пергамъ и чуть чуть не захватилъ было и самого царя, находившагося въ осадѣ. Городъ Иліонъ, оставлявшій свою покорность до Суллы, взялъ и разграбилъ, и большую часть Азіи занялъ.—Сулла во многихъ сраженіяхъ поразилъ Фракійцевъ. Когда Л. Цинна и Кн. Папирій Карбо, сами себя на два года назначившіе консулами, готовили войну противъ Суллы, Л. Валерій Флаккъ, первоприсутствующій сената, сказалъ въ немъ рѣчь, которою успѣлъ склонить онъ и другія лица, желавшія согласія въ государствѣ, къ тому, чтобы къ Суллѣ были отправлены послы о мирѣ. Цинна убитъ своимъ войскомъ, которое онъ принуждалъ противъ его воли садиться на суда и отправляться противъ Суллы. Консульство осталось за однимъ Карбономъ. Сулла, переправившись въ Азію, заключилъ миръ съ Мидридатомъ и уступилъ ему провинціи Азію, Виѳинію, Каппадокію. — Фимбрій, оставленный войскомъ, перешедшимъ къ Суллѣ, самъ себя умер-

твилъ и успѣлъ убѣдить раба своего, подставивъ ему шею, чтобы онъ его убилъ.

КНИГИ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТОЙ.

Сулла посламъ, отправленнымъ сенатомъ, отвѣчалъ, что онъ будетъ во власти сената, если граждане, изгнанные Цинною и нашедшіе у него убѣжище, будутъ возстановлены. Условіе это показалось сенату справедливымъ; но Карбонъ и его партія, которой война казалась полезнѣе, успѣли въ томъ, что сенатъ не согласился. Тотъ же Карбонъ, когда ото всѣхъ городовъ Италіи и колоній хотѣлъ требовать заложниковъ ихъ вѣрности противъ Суллы, встрѣтилъ сильный отпоръ въ сенатѣ. Новымъ гражданамъ сенатскимъ декретомъ дано право голоса.—К. Метеллъ Пій, послѣдовавшій за аристократическою партіею, замышлялъ войну въ Африкѣ, но прогнанъ преторомъ К. Фабіемъ.—Состоялся сенатскій декретъ подъ вліяніемъ партій Карбоновой и Маріевой о распущеніи всѣхъ войскъ. Вольноотпущенники распредѣлены по тридцати пяти трибамъ. Кромѣ того содержитъ описаніе военныхъ приготовленій, которыя дѣлались противъ Суллы.

КНИГИ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТОЙ.

Сулла переправился въ Италію съ войскомъ и отправилъ пословъ толковать о мирѣ, но они потерпѣли насиліе отъ консула К. Норбана, а Норбанъ побѣжденъ Суллою. Черезъ другаго консула Л. Сципіона старался онъ всѣми силами заключить миръ, но безуспѣшно, и уже собирался приступить къ его лагерю, когда все войско консула, увлеченное подосланными Суллою воинами перешло къ нему. Сципіонъ, легко могшій потерять жизнь, отпущенъ.—Кн. Помпей, сынъ того, который взялъ Аскулъ, собралъ войско волонтеровъ и съ тремя легіонами пришелъ къ Суллѣ. Къ нему же устремилась вся аристо-

кратія, такъ что какъ будто весь городъ переселился въ лагерь. Кромѣ того описываются походы вождей той и другой партіи по Италіи.

КНИГИ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

Когда К. Марій, сынъ К. Марія, избранъ консуломъ насильственно ранѣе двадцатилѣтняго возраста, К. Фабій въ Африкѣ за жестокость и корыстолюбіе живой сожженъ въ преторіѣ. Л. Филиппъ, легатъ Суллы, занялъ Сардинію, побѣдивъ и умертвивъ претора К. Антонія. — Сулла съ Итальянскими народами, дабы не внушать имъ опасеній, будтобы онъ отниметъ у нихъ гражданство и право голоса, только что передъ тѣмъ имъ данное, заключилъ союзъ. Увѣренный въ побѣдѣ Сулла отсылалъ тяжущихся представлять поруки въ Римъ, хотя этотъ городъ былъ еще въ рукахъ враждебной ему партіи.— Преторъ Л. Дамазиппъ созвалъ сенатъ по волѣ консула К. Марія, все дворянство, находившееся въ городѣ, избилъ: изъ числа ихъ великій первосвященникъ К. Муцій Сцевола бѣжалъ, но въ притворѣ храма Діаны убитъ. — Кромѣ того содержитъ описаніе войны, возобновленной Л. Муреною противъ Митридата въ Азіи.

КНИГИ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ.

Сулла осадилъ въ городѣ Пренесте К. Марія, а войско его разбилъ и уничтожилъ у Сакрипорта, а городъ Римъ исторгъ изъ рукъ непріязненной партіи, Марія, пытавшаго сдѣлать вылазку отразилъ. Кромѣ того содержитъ дѣйствія его намѣстниковъ, совершенныя съ такимъ же успѣхомъ.

КНИГИ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ.

Сулла—Карбона, войско его разбивъ у Клузія и истребивъ у Фавенціи и Фиденціи, изгналъ изъ Италіи, съ Самнитами

единственнымъ изъ Итальянскихъ народовъ, не положившимъ еще оружіе, имѣлъ рѣшительное сраженіе въ окрестностяхъ Рима у Коллинскихъ воротъ. Возстановивъ общественное спокойствіе, онъ запятналъ себя жестокостью неслыханною дотолѣ ни въ комъ изъ людей. Восемь тысячь гражданъ, изъявившихъ покорность, онъ истребилъ въ общественномъ загородномъ домѣ, составилъ списки людей осужденныхъ на казнь, весь городъ и Италію наполнилъ кровопролитіемъ; между прочимъ онъ велѣлъ избить всѣхъ Пренестинъ безоружныхъ. Марія, принадлежавшаго къ сословію сенаторовъ, онъ умертвилъ, переломавъ ему руки и ноги, отрубивъ уши и выколовъ глаза. К. Марій, осажденный въ Пренесте Лукреціемъ Офеллою, человѣкомъ партіи Суллы, когда онъ хотѣлъ уйдти посредствомъ подземнаго подкопа, но видя невозможность спасенія, такъ какъ всѣ пути преграждены были войскомъ, умертвилъ себя въ самомъ подкопѣ, а именно онъ обнажилъ мечь и сразился съ Понтіемъ Телезиномъ, товарищемъ его бѣгства; онъ его умертвилъ, а самъ раненый убѣдилъ раба его докончить.

КНИГИ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТОЙ.

М. Брутъ Кн. Папиріемъ, приставшимъ къ Коссурѣ, посланъ на рыбачьемъ суднѣ въ Лилибей — узнать — находится ли тамъ Помпей, окруженъ судами, посланными Помпеемъ, и бросился на остріе меча, воткнувъ его въ палубу судна.— Кн. Помпей, будучи посланъ сенатомъ въ Сицилію съ правами власти, умертвилъ взятаго въ плѣнъ К. Карбона, который принялъ смерть со слезами, подобно женщинѣ. Сулла, сдѣлавшись диктаторомъ, выходилъ съ 24-мя ликторами, чего до него никто не дѣлалъ. Новыми законами утвердилъ онъ общественный порядокъ, уменьшилъ права трибуновъ народныхъ и отнялъ у нихъ вовсе участіе въ законодательствѣ. Онъ пополнилъ коллегій первосвященниковъ и авгуровъ до пятнадцати, а въ сенатѣ ввелъ членовъ изъ всадническаго сословія; у дѣ-

тей изгнанниковъ отнялъ право добиваться почестей, а имущество ихъ продалъ съ публичнаго торгу, расхитивъ предварительно большую часть его. Получено три тысячи пятьсотъ милліоновъ сестерцій. — К. Лукреція Офеллу, дерзнувшаго искать консульства вопреки его желанія, приказалъ убить на общественной площади; а когда Римскій народъ встрѣтилъ это событіе съ негодованіемъ, онъ созвалъ народное собраніе и объявилъ, что это сдѣлано по его приказанію.—Въ Африкѣ Кн. Помпей побѣдилъ и умертвилъ изгнанника Кн. Домиція и Гіарбу, царя Нумидіи, замышлявшихъ войну. Двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду, будучи еще только всадникомъ Римскимъ, онъ, чего еще ни съ кѣмъ не случалось, удостоился почестей тріумфа. Кн. Норбанъ, бывшій консулъ и одинъ изъ изгнанниковъ, схваченъ въ Родосѣ, но лишилъ самъ себя жизни. — Мутилъ, одинъ изъ изгнанниковъ, тайно покрывъ голову, подошелъ къ заднимъ дверямъ дома жены своей Бастіи, но недопущенъ, какъ государственный преступникъ; тутъ онъ закололся и своею кровью оросилъ порогъ дома жены своей. — Сулла отнялъ обратно у Самнитовъ Нолу; сорокъ семь легіоновъ поселилъ на отнятыхъ земляхъ, распредѣливъ между ними.—Волатерры, городъ еще бунтовавшій, онъ осадилъ и вынудилъ къ покорности.—Мителены, въ Азіи единственный городъ послѣ пораженія Мидридата, остававшійся вооруженнымъ, взятъ и разрушенъ.

КНИГИ ДЕВЯНОСТОЙ.

Сулла умеръ; сенатъ оказалъ ему почесть погребенія на Марсовомъ полѣ. М. Эмилій Лепидъ, пытаясь уничтожить распоряженія Суллы, возбудилъ войну, но товарищемъ своимъ К. Катуломъ изгнанъ изъ Италіи, и погибъ въ Сардиніи въ тщетныхъ попыткахъ сопротивленія.—М. Брутъ, которому принадлежала Цизальпинская Галлія, умерщвленъ Кн. Помпеемъ. — К. Серторій изгнанникъ затѣялъ огромную войну въ дальней

Испаніи. Проконсулъ Л. Манлій и легатъ Домицій побѣждены въ сраженіи квесторомъ Гиртулеемъ.—Кромѣ того содержитъ дѣйствія проконсула П. Сервилія противъ Киликовъ.

КНИГИ ДЕВЯНОСТО ПЕРВОЙ.

Кн. Помпей, будучи еще всадникомъ, посланъ противъ Серторія, облеченный консульскою властью. Серторій взялъ нѣсколько городовъ, и на далекое пространство расширилъ свои владѣнія.—Ап. Клавдій проконсулъ побѣдилъ Ѳраковъ во многихъ сраженіяхъ. Проконсулъ К. Метеллъ, съ войскомъ разбилъ Л. Гиртулея, квестора Серторія.

КНИГИ ДЕВЯНОСТО ВТОРОЙ.

Кн. Помпей имѣлъ нерѣшительное сраженіе съ Серторіемъ: въ томъ и другомъ войскѣ одно крыло побѣдило, а другое побѣждено. К. Метеллъ — Серторія и Перпенну съ двумя войсками—разбилъ въ сраженіи: желая участвовать въ этой побѣдѣ, Кн. Помпей сразился неслишкомъ счастливо. Осажденный въ Клуніѣ, Серторій постоянными вылазками нанесъ осаждающимъ значительный вредъ. — Кромѣ того содержитъ дѣйствія проконсула К. Куріона во Ѳракіи противъ Дардановъ и многіе жестокіе поступки Серторія въ отношеніи къ своимъ; онъ умертвилъ многихъ друзей; такихъ же изгнанниковъ, какъ и онъ самъ, обвинивъ ихъ въ измѣнѣ.

КНИГИ ДЕВЯНОСТО ТРЕТЬЕЙ.

Проконсулъ П. Сервилій въ Киликіи усмирилъ Исавровъ, и нѣсколько городовъ пиратскихъ взялъ приступомъ. Никомедъ, царь Виѳиніи, умирая, сдѣлалъ народъ Римскій наслѣдникомъ и царство его обращено въ провинцію. — Мидридатъ, заклю-

чивъ союзъ съ Сарторіемъ, началъ войну съ народомъ Римскимъ. Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе морскихъ и сухопутныхъ приготовленій царя. По занятіи Виѳиніи консулъ М. Аврелій Котта побѣжденъ царемъ у Халкедона. Дѣйствія Помпея и Метелла противъ Серторія, неуступавшаго имъ во всѣхъ родахъ военнаго искусства. Вынудивъ Римскихъ военачальниковъ снять осаду Калагурриса, онъ заставилъ ихъ идти въ разныя стороны: Метелла въ дальнюю Италію, а Помпея въ Галлію.

КНИГИ ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТОЙ.

Консулъ Л. Лициній Лукуллъ противъ Мидридата имѣлъ нѣсколько удачныхъ сраженій конницы и совершилъ нѣсколько счастливыхъ походовъ и воиновъ, требовавшихъ сраженія, онъ удержалъ отъ возмущенія.—Деіотаръ, тетрархъ Галло-Греціи, поразилъ полководцевъ Мидридата, ведшихъ войну во Ѳригіи. Кромѣ того содержитъ удачныя дѣйствія Кн. Помпея въ Испаніи противъ Серторія.

КНИГИ ДЕВЯНОСТО ПЯТОЙ.

Проконсулъ К. Куріонъ усмирилъ Дардановъ во Ѳракіи. Семьдесятъ четыре гладіатора убѣжали въ Капуѣ съ игръ, которыя давалъ Лентуллъ. Собравъ большое число рабовъ и узниковъ, они начали войну, избравъ вождями Крикса и Спартака, побѣдили въ сраженіи легата Клавдія Пульхра и претора П. Варинія. Проконсулъ Л. Лукуллъ у города Кизика огнемъ и мечемъ истребилъ войско Мидридата и, выгнавъ царя изъ Виѳиніи, сокрушилъ его силы на морѣ и сухомъ пути и заставилъ бѣжать въ Понтъ.

КНИГИ ДЕВЯНОСТО ШЕСТОЙ.

К. Аррій преторъ разбилъ Крикса, вождя бѣглецовъ, съ 20-ю тысячами воиновъ. Консулъ Кн. Лентуллъ несчастливо сражался противъ Спартака; имъ же—консулъ Л. Геллій и преторъ К. Аррій—побѣждены въ сраженіи.—Серторій М. Антоніемъ и М. Перперною и другими заговорщиками убитъ на пиршествѣ въ восьмой годъ своего правленія, вождь великій и противъ двухъ римскихъ полководцевъ — Помпея и Метелла — сражавшійся часто съ успѣхомъ, а еще чаще ихъ побѣждавшій, наконецъ онъ былъ оставленъ и сдѣлался жертвою измѣны. — Начальство надъ этою партіею досталось М. Перпернѣ: его Кн. Помпей побѣдилъ, взявъ въ плѣнъ, умертвилъ и возвратилъ Испанію подъ власть Римлянъ въ десятый годъ послѣ начатія войны. Проконсулъ К. Кассій и преторъ К. Манлій неудачно сражались противъ Спартака, и веденіе этой войны поручено претору М. Крассу.

КНИГИ ДЕВЯНОСТО СЕДЬМОЙ.

Преторъ М. Крассъ сначала съ партіею бѣглецовъ, состоявшею изъ Галловъ и Германцевъ, счастливо сражался, истребивъ тридцать пять тысячь непріятелей и вождя ихъ Генника. Потомъ онъ привелъ къ концу войну съ Спартакомъ, умертвивъ съ нимъ его и 60-тъ тысячь непріятелей. М. Антоній преторъ — войну противъ Кретійцевъ, неудачно имъ веденную, окончилъ своею смертію. М. Лукуллъ проконсулъ покорилъ Ѳраковъ. Л. Лукуллъ въ Понтѣ счастливо сражался противъ Мидридата, и истребилъ непріятелей болѣе шестидесяти тысячь. М. Крассъ и Кн. Помпей, назначенные консулами (но Помпей, прежде полученія квесторы, прямо изъ всадниковъ Римскихъ) возстановили власть трибунскую. Право суда преторомъ Л. Авреліемъ Коттою перенесено ко всадникамъ Римскимъ. Мидридатъ, вынужденный отчаяннымъ положеніемъ своихъ дѣлъ, искалъ убѣжища у Тиграна, царя Арменіи.

КНИГИ ДЕВЯНОСТО ВОСЬМОЙ.

Махаресъ, сынъ Мидридата, царь Боспора, вступилъ въ дружественный союзъ съ Л. Лукулломъ. — Цензоры, Кн. Лентуллъ и Л. Геллій, строго исполняли свои обязанности, и шестьдесятъ четыре человѣка удалили изъ сената, составлена перепись и сочтено гражданъ четыреста пятьдесятъ тысячь. — Преторъ Л. Метеллъ въ Сициліи противу пиратовъ счастливо велъ дѣло. Храмъ Юпитера въ Капитоліѣ, сгорѣвшій отъ пожара и возобновленный, освященъ К. Катулломъ. Л. Лукуллъ въ Арменіи побѣдилъ во многихъ сраженіяхъ Мидридата и Тиграна и многочисленныя войска того и другаго. Проконсулъ К. Метеллъ, которому была поручена войну противъ Кретійцевъ, осадилъ городъ Цидонію. — К. Тріарій, легатъ Лукулла, сражался несчастливо противъ Митридата. Лукулла отъ преслѣдованія Митридата и Тиграна и довершенія побѣды, удержало возмущеніе воиновъ, нехотѣвшихъ идти далѣе; именно легіоны Валеріевы, говоря, что имъ вышелъ срокъ служенія, оставили Лукулла.

КНИГИ ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТОЙ.

Проконсулъ К. Метеллъ взялъ Гноссъ, Ликтъ и Цидонію и многіе другіе города. Л. Росцій, трибунъ народный, издалъ законъ, чтобы всадникамъ Римскимъ въ театрѣ отводились ближайшіе четырнадцать ступенекъ. — Кн. Помпей, по закону принятому въ народномъ собраніи, получилъ приказаніе преслѣдовать пиратовъ, прекратившихъ было подвозы хлѣбные, и въ теченіи сорока дней очистилъ отъ нихъ море. Окончивъ съ ними войну въ Киликіи, онъ покорившимся пиратамъ отвелъ земли и города. Кромѣ того содержитъ дѣйствія К. Метелла противъ Крейтійцевъ, и письма Метелла и Кн. Помпея, писанныя ими другъ къ другу. Жалуется Метеллъ', что Помпей перехватываетъ у него славу дѣяній, такъ какъ онъ послалъ въ

Критъ легата принять покорность городовъ. Помпей отдаетъ отчетъ, что ему необходимо было такъ поступить.

КНИГИ СОТОЙ.

К. Манилій, трибунъ народный, къ большему негодованію аристократіи издалъ законъ — поручить Помпею войну съ Митридатомъ. Прекрасная его рѣчь. К. Метеллъ, усмиривъ Кретійцевъ, предписалъ законы, свободному до этихъ поръ, острову. Кн. Помпей отправился весть войну противъ Мидридата, возобновилъ союзъ дружбы съ Фраатомъ, царемъ Парѳовъ, побѣдилъ Мидридата въ сраженіи конницы. Кромѣ того содержитъ описаніе войны между Фраатомъ, царемъ Парѳовъ и Тиграномъ, царемъ Армянъ, и потомъ бывшей между сыномъ Тиграномъ и отцемъ.

КНИГИ СТО ПЕРВОЙ.

Кн. Помпей—Мидридата, побѣжденнаго въ ночномъ сраженіи, вынудилъ убѣжать въ Боспоръ. Онъ принялъ покорность Тиграна и, отнявъ у него Сирію, Финикію, Киликію, возстановилъ царство Армянское. Заговоръ тѣхъ, которые, домогаясь консульства, уличены въ подкупѣ, имѣвшій цѣлью умертвить консуловъ, подавленъ. Кн. Помпей, преслѣдуя Мидридата, проникъ въ земли отдаленныхъ и дотолѣ невѣдомыхъ народовъ. Онъ побѣдилъ въ сраженіи Иберовъ и Албанцевъ, не пропускавшихъ его черезъ свои земли. Кромѣ того описываетъ бѣгство Мидридата черезъ земли Колховъ, Геніоховъ и дѣла, совершенныя имъ въ Боспорѣ.

КНИГИ СТО ВТОРОЙ.

Кн. Помпей привелъ Понтъ въ форму провинціи. Фарнакъ, сынъ Мидридата, началъ войну съ отцемъ. Имъ Мидридатъ

осажденный во дворцѣ, тщетно старался ядомъ прекратить жизнь, и убитъ воиномъ Галломъ, по имени Бутастомъ, котораго онъ просилъ о содѣйствіи.—Кн. Помпей покорилъ Іудеевъ и взялъ ихъ храмъ въ Іерусалимѣ, дотолѣ никѣмъ еще не завоеванный.—Л. Катилина, два раза потерпѣвшій отказъ въ консульствѣ, съ преторомъ Лентуломъ, Цетегомъ и многими другими, сговорился истребить консуловъ и сенатъ, сжечь городъ и измѣнить общественное устройство; въ Этруріи было подготовлено войско. Заговоръ этотъ предупрежденъ дѣятельностью М. Туллія Цицерона. Катилина изгнанъ изъ города, а прочіе заговорщики казнены.

КНИГИ СТО ТРЕТЬЕЙ.

Катилина и его войско разбиты проконсуломъ К. Антоніемъ. П. Клодій обвиненъ въ томъ, что онъ въ женскомъ платьѣ вошелъ въ святилище, куда мущинамъ не слѣдовало входить и имѣлъ тамъ преступную связь съ женою великаго первосвященника и оправданъ. К. Понтиній преторъ усмирилъ у Салона Аллоброговъ, возобновившихъ было войну. П. Клодій перешелъ на сторону черни. К. Цезарь покорилъ Лузитанъ, Домогаясь консульства и желая всю власть въ государствѣ подобрать въ свои руки, онъ вступилъ въ союзъ съ Кн. Помпеемъ и Крассомъ. Консуломъ К. Цезаремъ проведены поземельные законы послѣ большихъ споровъ, противъ воли сената и другаго консула М. Бибула.—Проконсулъ К. Антоній во Ѳракіи велъ дѣла несчастливо.—М. Цицеронъ по закону, предложенному трибуномъ народнымъ П. Клодіемъ, отправленъ въ ссылку за то, что гражданъ Римскихъ предалъ казни безъ суда.—Цезарь, отправясь въ провинцію Галлію, усмирилъ Гельвеціевъ, народъ кочующій; отыскивая новыхъ мѣстъ для поселенія, они хотѣли проложить себѣ путь черезъ, провинцію Цезаря, Нарбону. Кромѣ того содержитъ описаніе Галліи. Помпей получилъ тріумфъ надъ дѣтьми Мидридата, Тиграномъ и сыномъ Тиграна; ото всего народнаго собранія получилъ прозваніе *Великаго*.

КНИГИ СТО ЧЕТВЕРТОЙ.

Первая часть содержитъ описаніе Германіи и ея нравовъ. К. Цезарь, когда велъ войско противъ Германцевъ, перешедшихъ въ Галлію подъ предводительствомъ Аріовиста по просьбѣ Эдуевъ и Секвановъ, поля которыхъ они захватили, остановилъ краснорѣчивою рѣчью возмущеніе воиновъ, возникшее было передъ опасеніемъ невѣдомыхъ дотолѣ непріятелей и изгналъ изъ Галліи Германцевъ, побѣдивъ ихъ въ сраженіи. М. Цицеронъ, по просьбѣ Помпея и другихъ, и хлопотами трибуна народнаго, Т. Аннія Милона, возвращенъ изъ ссылки къ радости сената и всей Италіи. Кн. Помпею поручена на пять лѣтъ забота о снабженіи города Рима хлѣбомъ.—Цезарь принялъ изъявленіе покорности Амбіанъ, Суессіоновъ, Веромандуевъ, Атребатовъ и Бельговъ, которыхъ было огромное число. Потомъ онъ сражался съ величайшею опасностью съ Нервіями, жителями одного города и уничтожилъ этотъ народъ. Онъ велъ войну до тѣхъ поръ, пока изъ шестидесяти тысячь вооруженныхъ воиновъ осталось всего триста, а изъ шестисотъ сенаторовъ только три. Изданъ законъ объ обращеніи въ форму провинціи острова Кипра и конфискованіи царскихъ денегъ; исполненіе этого дѣла поручено М. Катону. — Птоломей, царь Египта, прибылъ въ Римъ, изгнанный изъ своего царства вслѣдствіе обидъ, имъ причиненныхъ. — К. Цезарь Венетовъ, народъ, жившій на берегу Океана, побѣдилъ въ морскомъ сраженіи. Кромѣ того содержитъ дѣйствія его легатовъ, также счастливо совершенныя.

КНИГИ СТО ПЯТОЙ.

Когда выборы были остановлены вмѣшательствомъ К. Катона, трибуна народнаго, то М. Катонъ, домогаясь преторства, получилъ отказъ, и ему предпочтенъ Ватиній. Онъ же, сопротивляясь закону, по которому консуламъ провинціи давались

на пять лѣтъ—Помпею назначались Испаніи, Крассу—Сирія и Парѳянская война, Цезарю—Галлія и Германія,—отведенъ въ тюрьму К. Требоніемъ, трибуномъ народнымъ, виновникомъ закона. А. Габиній проконсулъ отвелъ Птоломея обратно на царство Египта, прогнавъ Архелая, котораго Египтяне взяли было себѣ царемъ.—Цезарь, побѣдивъ Германцевъ въ Галліи и истребивъ ихъ, перешелъ Рейнъ и усмиривъ ближайшую часть Германіи, потомъ по Океану переправился въ Британію, сначала не слишкомъ удачно, такъ какъ препятствовали сильныя бури, а потомъ счастливѣе; онъ истребилъ большое количество непріятелей, и значительную часть острова покорилъ власти Римлянъ.

КНИГИ СТО ШЕСТОЙ.

Юлія, дочь Цезаря, жена Помпея, умерла; народъ оказалъ ей почесть погребенія на Марсовомъ полѣ.—Нѣсколько народовъ Галльскихъ, подъ предводительствомъ Амбіорига, вождя Ебуроновъ, отпали; они коварно, посредствомъ засады, истребили Котту и Титурія, легатовъ Цезаря съ войскомъ, находившимся у нихъ подъ начальствомъ; при чемъ съ величайшимъ трудомъ защитили Римляне лагери другихъ легіоновъ. Между прочимъ войско, начальствовавшаго въ землѣ Нервіевъ, К. Цицерона (?)... самимъ Цезаремъ непріятели разбиты въ сраженіи. М. Крассъ собирался начать войну съ Парѳами, перешелъ рѣку Евфратъ и будучи побѣжденъ въ сраженіи, въ которомъ палъ и сынъ его; остатки войска собралъ на возвышенное мѣсто, былъ вызванъ для переговора съ непріятелемъ, какъ бы для переговоровъ о мирѣ — вождемъ его былъ Суренасъ и убитъ когда не давался въ руки, изъ опасенія потерпѣть живымъ что либо безчестное.

КНИГИ СТО СЕДЬМОЙ.

К. Цезарь побѣдилъ Тревировъ въ Галліи и снова перешелъ въ Германію, не найдя тутъ непріятеля, вернулся онъ въ Галлію, побѣдилъ Ебуроновъ и другіе народы, находившіеся въ заговорѣ и преслѣдовалъ бѣжавшаго Амбіорига. Тѣло П. Клодія, убитаго у Бовиллъ по Аппіевой дорогѣ, Т. Анніемъ Милономъ, домогавшимся попасть въ консулы, чернь сожгла въ сенатѣ. Такъ какъ происходила вооруженная борьба между искателями консульства Гипсеемъ, Сципіономъ и Милономъ, то легатъ Кн. Помпей для усмиренія ихъ назначенъ сенатомъ въ третій разъ консуломъ заочно (онъ находился въ отсутствіи и одинъ, чего прежде не было еще примѣровъ.) Назначено слѣдствіе о смерти П. Клодія, а Милонъ, осужденный судомъ, отправился въ ссылку. Изданъ законъ — имѣть въ виду при выборахъ К. Цезаря, несмотря на его отсутствіе, что встрѣтило ожесточенное сопротивленіе М. Катона. Кромѣ того содержитъ описаніе дѣйствій К. Цезаря противъ Галловъ, которые почти всѣ отпали подъ предводительствомъ Арверна Верцингенторига и трудныя осады городовъ, между прочимъ Аварика Битуриговъ и Герговіи Арверновъ.

КНИГИ СТО ВОСЬМОЙ.

К. Цезарь побѣдилъ Галловъ у Алезіи и принялъ покорность всѣхъ городовъ Галліи, бывшихъ подъ оружіемъ. К. Кассій, квесторъ М. Красса, разбилъ Парѳовъ, перешедшихъ въ Сирію. Въ просьбѣ консульства М. Катонъ потерпѣлъ отказъ и консулами избраны Сер. Сульпицій и М. Марцеллъ. — К. Цезарь усмирилъ Белловаковъ и прочіе народы Галліи. Кромѣ того содержитъ споры между консулами о посылкѣ преемника Цезарю, при чемъ консулъ М. Марцелль требовалъ въ сенатѣ, чтобы Цезарь самъ явился искать консульства, между тѣмъ какъ по, уже изданному, закону онъ долженъ былъ владѣть провинціями на время консульства, и дѣйствія М. Бибула въ Сиріи.

КНИГИ СТО ДЕВЯТОЙ.

Излагаются причины междуусобной войны и начало, споры о назначеніи преемника К. Цезарю, отказъ его распустить войско, если и Помпей не поступитъ также. Содержитъ рѣчи К. Куріона, трибуна народнаго, сначала противъ К. Цезаря, а потомъ въ защиту его. Когда состоялся сенатскій декретъ о назначеніи Цезарю преемника, изгнаны изъ Рима трибуны народные, М. Антоній и К. Кассій, за то что своимъ противудѣйствіемъ останавливали сенатскіе декреты — поручено сенатомъ консуламъ и Кн. Помпею—озаботиться, чтобы общественное дѣло не потерпѣло какого либо ущерба. К. Цезарь, грозя войною врагамъ своимъ, пришелъ съ войскомъ въ Италію, взялъ Корфиній, и тамъ Л. Домиція и П. Лентула, и ихъ отпустилъ. Кн. Помпея и прочихъ его приверженцевъ изгналъ изъ Италіи.

КНИГИ СТО ДЕСЯТОЙ.

К. Цезарь осадилъ Массилію, запершую передъ нимъ ворота и, оставивъ осаждать городъ легатовъ К. Требонія и Д. Брута, отправился въ Испанію, гдѣ принялъ покорность М. Петрея и Л. Афранія, легатовъ Кн. Помпея съ семью легіонами у Илерды и отпустилъ ихъ всѣхъ невредимыми, а Варрона, Помпеева легата съ войскомъ, подчинилъ своей власти. Гадитанцамъ (жителямъ Гадеса) даровалъ права гражданства. Массилійцы, побѣжденные въ двухъ морскихъ сраженіяхъ, послѣ долговременной осады, покорились власти Цезаря. К. Антоній, легатъ Цезаря, взятъ послѣ неудачныхъ дѣйствій въ Иллирикѣ противъ Помпеевой партіи. Въ этой войнѣ Опитергины Транспаданцы, Цезаря союзники, на плоту бывъ окружены судами непріятелей, предпочли погибнуть отъ руки другъ друга, чѣмъ отдаться во власть непріятелей. — К. Куріонъ, легатъ Цезаря въ Африкѣ, счастливо сражался тамъ противу Вара, вождя

Помпеевой партіи, но съ войскомъ уничтоженъ Юбою, царемъ Мавританіи. К. Цезарь переправился въ Грецію.

КНИГИ СТО ОДИННАДЦАТОЙ.

Преторъ М. Целій Руфъ возбуждалъ волненія въ городѣ, надеждою новыхъ льготъ подстрекая народъ, изгнанъ изъ города, лишенный должности, и соединился съ Милономъ изгнанникомъ, собравшимъ войско изъ бѣглецовъ. И тотъ и другой, замышляя войну, умерщвлены. Клеопатра, царица Египта, изгнана изъ царства братомъ Птоломеемъ. Вслѣдствіе корыстолюбія и жестокости претора К. Кассія жители Кордубы въ Испаніи съ двумя Варроніанскими легіонами, отпали отъ Цезаря. — Кн. Помпей, у Диррахія осажденный Цезаремъ, съ большою потерею для противниковъ разбилъ окружавшіе его отряды, избавился отъ осады и перенесъ войну въ Ѳессалію, гдѣ у Фарсаліи побѣжденъ въ сраженіи. Цицеронъ остался въ лагерѣ, мужъ всего менѣе для войны рожденный; всѣмъ лицамъ, принадлежавшимъ къ противной партіи, отдавшимся во власть побѣдителя, Цезарь даровалъ прощеніе.

КНИГИ СТО ДВЕНАДЦАТОЙ.

Описывается смущеніе побѣжденныхъ, искавшихъ спасенія въ бѣгствѣ по разнымъ и отдаленнымъ частямъ земнаго шара. Кн. Помпей отправился въ Египетъ, гдѣ, по приказанію малолѣтнаго царя Птолемея, послушавшагося совѣтовъ наставника своего Ѳеодота, имѣвшаго огромное на него вліяніе и Потина, убитъ Ахиллою, которому препоручено было это дѣло, въ суднѣ, прежде чѣмъ вышелъ на берегъ. Жена Корнелія и сынъ Сек. Помпей убѣжали въ Кипръ. Цезарь нагналъ три дня спустя, и когда Теодотъ принесъ къ нему голову Помпея и кольцо, то онъ огорчился и заплакалъ; не безъ опасности во-

шелъ онъ въ Александрію, находившуюся въ сильномъ волненіи. Цезарь, сдѣлавшись диктаторомъ, возстановилъ Клеопатру на царство Египта и когда Птолемей началъ войну подъ вліяніемъ тѣхъ же людей, которые ему присовѣтовали умертвить Помпея, Цезарь побѣдилъ его не безъ большой для себя опасности, а бѣгущій Птолемей задержанъ былъ въ кораблѣ на Нилѣ. Кромѣ того содержитъ описаніе затруднительнаго движенія М. Катона по пустынямъ Африки, и неудачной войны Кн. Доминія противъ Фарнака.

КНИГИ СТО ТРИНАДЦАТОЙ.

Въ Африкѣ усилилась партія Помпея и главное предводительство надъ нею ввѣрено Сципіону; Катонъ, которому предлагали власть, самъ ее уступилъ ему. И когда шла рѣчь о разрушеніи города Утики за расположеніе его жителей къ Цезарю, М. Катонъ отстаивалъ существованіе города, а Юба убѣждалъ разрушить; забота о городѣ и сбереженіи его ввѣрена Катону.—Кн. Помпей, сынъ Великаго Помпея, въ Испаніи собравъ силы, предводительство надъ которыми не хотѣли принять ни Афраній, ни Петрей, возобновилъ войну противъ Цезаря.—Фарнакъ, сынъ Митридата, царь Понта, побѣжденъ безо всякаго продолженія войны. Когда возникли въ Римѣ смуты вслѣдствіе, предложенныхъ трибуномъ народнымъ, П. Долабеллою, новыхъ льготъ, и чернь взволновалась, то М. Антоній, предводитель всадниковъ, ввелъ воиновъ въ городъ, и убито восемьсотъ человѣкъ изъ черни. Цезарь далъ увольненіе заслуженнымъ воинамъ, просившимъ отставки съ буйствомъ; онъ переправился въ Африку и сражался противъ войскъ царя Юбы съ большою опасностью.

КНИГИ СТО ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ.

Въ Сиріи возбудилъ войну Цецилій Бассъ, всадникъ Римскій, принадлежавшій къ Помпеевой партіи, при чемъ Сек. Це-

зарь оставленъ своимъ легіономъ, который, умертвивъ его, перешелъ къ Бассу. Цезарь побѣдилъ у Тапса претора Сципіона, Афранія и Юбу и взялъ приступомъ ихъ лагерь.—Катонъ, получивъ объ этомъ извѣстіе, закололся въ Утикѣ, и когда по пріѣздѣ сына, начали его лечить, онъ раскрылъ рану и умеръ на сорокъ восьмомъ году отъ роду. — Петрей умертвилъ себя и Юбу. П. Сципіонъ, окруженный на суднѣ, самъ пошелъ на встрѣчу честной смерти и на вопросъ непріятелей «гдѣ Императоръ»?— отвѣчалъ: императоръ хорошо себя чувствуетъ. — Фавстъ и Афраній убиты, а сыну Катона даровано прощеніе. Брутъ, легатъ Цезаря, въ Галліи побѣдилъ Белловаковъ, возобновившихъ было войну.

КНИГИ СТО ПЯТНАДЦАТОЙ.

Цезарь имѣлъ четыре тріумфальныхъ шествія за побѣды: въ Галліи, Египтѣ, Понтѣ и Африкѣ; онъ далъ пиршества и всякаго рода зрѣлища народу. По просьбѣ сената онъ дозволилъ возвращеніе М. Марцеллу, бывшему консулу; этимъ добрымъ дѣломъ не могъ воспользоваться Марцеллъ, такъ какъ онъ убитъ въ Аѳинахъ, кліентомъ своимъ, Кн. Магіемъ Цилономъ.—Произведена перепись, по которой оказалось гражданъ сто пятьдесятъ тысячь.—Цезарь отправился въ Испанію противъ Кн. Помпея; много и съ той, и съ другой стороны совершено походовъ и нѣсколько городовъ взято; у города Мунда Цезарь съ большою опасностью, одержалъ рѣшительную побѣду. Секстъ Помпей убѣжалъ.

КНИГИ СТО ШЕСТНАДЦАТОЙ.

К. Цезарь имѣлъ пятый тріумфъ надъ Испаніею и когда сенатъ опредѣлилъ ему много значительныхъ почестей, между прочимъ названіе отца отечества, священнаго и безсмѣннаго диктатора, онъ навлекъ на себя негодованіе тѣмъ, что не всталъ,

сидя передъ храмомъ Венеры Родительницы, когда сенатъ предлагалъ ему эти почести; еще тѣмъ, что онъ, когда товарищъ его М. Антоній консулъ, во время празднованія Луперковъ, возложилъ ему на голову корону, положилъ ее на кресло; и еще тѣмъ, что трибуновъ народныхъ, Епидія Марулла и Цезетія Флава, обвинявшихъ его въ домогательствѣ царской власти, лишилъ должности. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ составился противъ Цезаря заговоръ, главами котораго были М. Брутъ, К. Кассій, и изъ партіи Цезаря Д. Брутъ и К. Требоній, и онъ убитъ въ Помпеевой куріи, получивъ двадцать три раны; а убійцы его заняли Капитолій. Сенатъ опредѣлилъ убійство это предать забвенію; взяты въ заложники дѣти Антонія и Лепида и заговорщики оставили Капитолій. — Завѣщаніемъ Цезаря признанъ наслѣдникомъ въ половинной части К. Октавій, внукъ сестры, и усыновленъ съ принятіемъ имени. — Тѣло Цезаря несено было на Марсовое поле, но чернь сожгла его передъ Рострами. — Навсегда отмѣнено званіе диктатора. К. Аматій, человѣкъ самаго низкаго происхожденія, выдававшій себя за сына К. Марія, возбуждалъ смуты въ легковѣрномъ народѣ и за это убитъ.

КНИГИ СТО СЕМЬНАДЦАТОЙ.

К. Октавій прибылъ въ Римъ изъ Епира (его туда послалъ впередъ Цезарь, желая весть войну въ Македоніи) встрѣченный при благопріятныхъ прѐдзнаменованіяхъ, онъ принялъ самое имя Цезаря. Въ происшедшихъ смутахъ и замѣшательствѣ Лепидъ перехватилъ великое первосвященство; но М. Антоній консулъ, въ неудачныхъ попыткахъ присвоить себѣ власть, силою провелъ законъ о перемѣнѣ провинцій и осыпалъ оскорбленіями Цезаря, когда онъ просилъ оказать ему помощь противъ убійцъ его дѣдушки. — Цезарь, приготовляя силы для защиты своей и отечества, вызвалъ заслуженныхъ воиновъ, отведенныхъ было въ поселенія. Легіоны четвертый и Марсовъ

перешли отъ Антонія къ Цезарю. Вслѣдъ за ними многіе отъ жестокости М. Антонія, избивавшаго въ лагерѣ всѣхъ на кого только падало подозрѣніе, отпали къ Цезарю.—Д. Брутъ, сопротивляясь Антонію, шедшему въ Цисальпинскую Галлію, занялъ Мутину съ войскомъ. Кромѣ того содержитъ описаніе усилій людей той и другой партіи къ захвату провинцій и приготовленія ихъ на войну.

КНИГИ СТО ВОСЕМЬНАДЦАТОЙ.

М. Брутъ въ Греціи, подъ предлогомъ государственной пользы и войны, начатой противъ Антонія, захватилъ въ свою власть войско, которымъ начальствовалъ Ватиній, и его провинцію.—К. Цезарю, взявшемуся за оружіе для защиты общественнаго порядка, сенатомъ дана власть пропретора съ консульскими украшеніями и прибавлено, чтобы онъ былъ сенаторомъ: М. Антоній осадилъ Д. Брута въ Мутинѣ; отправленные сенатомъ послы для возстановленія между ними мира, не имѣли почти никакого успѣха. Народъ Римскій облекся въ траурное одѣяніе. — М. Брутъ въ Епирѣ претора К. Антонія съ войскомъ подчинилъ своей власти.

КНИГИ СТО ДЕВЯТНАДЦАТОЙ.

К. Требоній въ Азіи убитъ коварствомъ П. Долабеллы, а за это преступленіе П. Долабелла объявленъ врагомъ отечества. Когда консулъ Панза неудачно сразился съ Антоніемъ, консулъ А. Гирцій подошелъ съ войскомъ, разбилъ войска М. Антонія и уравновѣсилъ успѣхи той и другой стороны. Побѣжденный потомъ Гирціемъ и Цезаремъ, Антоній бѣжалъ въ Галлію и присоединилъ къ себѣ М. Лепида съ легіонами, которые были подъ его властью; онъ со всѣми, дѣйствовавшими съ нимъ за одно, объявленъ врагомъ отечества.—А. Гирцій, послѣ побѣды павшій въ самомъ лагерѣ непріятельскомъ и К. Панза,

умершій отъ раны, въ неудачномъ сраженіи съ непріятелемъ полученной, погребены на Марсовомъ полѣ. — Относительно К. Цезаря, который остался одинъ въ живыхъ изъ трехъ вождей, сенатъ не выказалъ себя достаточно признательнымъ. Д. Бруту, Цезаремъ освобожденному изъ осады, даны почести тріумфа, а о Цезарѣ и его воинахъ упомянуто недостаточно съ почетомъ. За это К. Цезарь помирился съ М. Лепидомъ и М. Антоніемъ, прибылъ въ Римъ съ войскомъ и поразилъ страхомъ тѣхъ, которые противъ него были: девятнадцати лѣтъ отъ роду онъ назначенъ консуломъ.

КНИГИ СТО ДВАДЦАТОЙ.

Цезарь консулъ издалъ законъ о производствѣ слѣдствія противъ тѣхъ, которыхъ виною убитъ его отецъ (?); по этому закону подпали суду М. Брутъ, К, Кассій и Д. Брутъ; заочно они осуждены какъ виновные. — М. Антоній увеличилъ свои силы присоединеніемъ Азинія Полліона и Мунація Планка съ ихъ войсками, и Д. Брутъ, которому сенатъ далъ приказаніе преслѣдовать М. Антонія, оставленъ своими легіонами, бѣжалъ и, по приказанію Антонія, во власть котораго попалъ, убитъ Капеномъ Секваномъ. К. Цезарь заключилъ миръ съ Антоніемъ и Лепидомъ на томъ условіи, чтобы тремя сановниками для устройства государства на пятилѣтній срокъ были назначены К. Цезарь, Лепидъ и Антоній, съ правомъ каждому губить своихъ враговъ; въ этомъ гоненіи сдѣлались жертвами весьма многіе всадники, сто тридцать сенаторовъ и въ томъ числѣ Л. Павллъ, братъ М. Лепида, Л. Цезарь, Антонія дядя, и М. Т. Цицеронъ. Этотъ послѣдній убитъ Попилліемъ, простымъ воинамъ легіона, имѣя шестьдесятъ три года отъ рожденія и голова его съ правою рукою положены на Ростры. Кромѣ того описываетъ дѣйствія М. Брута въ Греціи.

КНИГИ СТО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЙ.

К. Кассій, которому поручено отъ сената преслѣдовать войною Долабеллу, объявленнаго врагомъ отечества, дѣйствуя именемъ сената, овладѣлъ провинціею Сиріею и тремя находившимися въ ней войсками. Долабеллу, осажденнаго въ городѣ Лаодицеѣ, принудилъ лишить себя жизни. По приказанію М. Брута, К. Антоній взятъ и убитъ.

КНИГИ СТО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

М. Брутъ удачно ведетъ дѣла противъ Ѳраковъ; онъ и Кассій покорили своей власти всѣ заморскія провинціи и войска, и сошлись въ Смирнѣ обдумать планъ военныхъ дѣйствій на будущее время. Брата М. Мессалы Попликолу побѣжденнаго простили съ общаго совѣта.

КНИГИ СТО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ.

Секс. Помпей, сынъ Великаго, собравъ изъ Епира бѣглецовъ и изгнанниковъ, съ войскомъ долго грабилъ по морю, не имѣя никакого пункта осѣдлости, потомъ занялъ сначала городъ Мессану въ Сициліи, а наконецъ и всю провинцію. Онъ умертвилъ А. Помпея, Виѳинскаго претора, а К. Сальвидіена, Цезарева легата, побѣдилъ въ морскомъ сраженіи. Цезарь и Антоній съ войсками переправились въ Грецію, весть войну съ Брутомъ и Кассіемъ. — К. Корнифицій въ Африкѣ побѣдилъ въ сраженіи Т. Секстія, одного изъ вождей Кассіевой партіи.

КНИГИ СТО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ.

К. Цезарь и Антоній у Филиппъ сразились съ Брутомъ и Кассіемъ не съ равнымъ успѣхомъ, такъ что правыя крылья и

съ той и съ другой стороны побѣдили, и оба лагеря сдѣлались добычею побѣдителей. Но смерть Кассія дала другой, болѣе рѣшительный, оборотъ дѣлу; онъ находился на крылѣ, обращенномъ въ бѣгство и полагая, что все войско подверглось той же участи, лишилъ себя жизни. Брутъ побѣжденъ потомъ въ другомъ сраженіи и самъ кончилъ жизнь, упросивъ товарища своего бѣгства Стратона—заколоть его мечемъ; также поступили окола сорока знатнѣйшихъ Римлянъ, въ числѣ коихъ находился К. Гортензій.

КНИГИ СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТОЙ.

К. Цезарь, оставивъ за моремъ Антонія, возвратился въ Италію въ провинціи, которыя достались ему по раздѣлу, и раздѣлилъ ветеранамъ поля. Возмущеніе войска, начатое солдатами, подкупленными Фульвіею, женою М. Антонія, противъ власти Цезаря, онъ остановилъ съ большою для себя опасностью. Консулъ Л. Антоній, братъ М. Антонія, по совѣту той же Фульвіи объявилъ войну Цезарю; онъ присоединилъ къ себѣ тѣ народы, поля которыхъ розданы ветеранамъ и разбивъ М. Лепида, оберегавшаго городъ съ войскомъ, непріязненно ворвался въ городъ.

КНИГИ СТО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

К. Цезарь, имѣя отъ роду двадцать три года, осадилъ въ городѣ Перузіѣ Л. Антонія, и принудилъ его голодомъ сдаться послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ къ вылазкамъ; а самому, и всѣмъ его воинамъ, даровалъ прощеніе. Перузію разрушилъ и, сосредоточивъ въ свою власть всѣ войска враждебной партіи, положилъ конецъ войнѣ безъ кровопролитія.

КНИГИ СТО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

Парѳы, подъ предводительствомъ Лабіена, принадлежавшаго къ партіи Помпея, ворвались въ Сирію; они побѣдили Децидія Сакса, легата М. Антонія, и заняли всю провинцію. М. Антоній собрался было весть войну съ Цезаремъ, но когда потерялъ жену Фульвію, не сталъ продолжать ссоры и помирившись съ Цезаремъ, женился на сестрѣ его Октавіи. Онъ сдѣлалъ доносъ на Сальвидіена въ преступныхъ замыслахъ противъ Цезаря; осужденный Сальвидіенъ лишилъ самъ себя жизни. П. Вентидій, легатъ Антонія, выгналъ изъ Сиріи Парѳовъ, побѣдивъ ихъ въ сраженіи и умертвилъ вождя ихъ Лабіена. Такъ какъ въ сосѣдствѣ съ Италіею Сек. Помпей непріятель владѣлъ Сициліею и препятствовалъ хлѣбнымъ подвозамъ, то Цезарь и Антоній по необходимости заключили съ нимъ миръ на томъ условіи, чтобы онъ имѣлъ провинціею Сицилію. Кромѣ того содержитъ описаніе движеній въ Африкѣ и войнъ тамъ веденныхъ.

КНИГИ СТО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

Когда Сек. Помпей опять сдѣлалъ плаваніе по морю небезопаснымъ вслѣдствіе грабежей, и не исполнялъ условій мира, съ нимъ заключеннаго, то Цезарь по необходимости началъ съ нимъ войну, и въ двухъ морскихъ сраженіяхъ имѣлъ успѣхъ нерѣшительный. П. Вентидій, легатъ М. Антонія, побѣдилъ Парѳовъ въ сраженіи въ Сиріи и умертвилъ ихъ царя. Іудеи покорены легатами Антонія. Кромѣ того содержитъ приготовленія Сицилійской войны.

КНИГИ СТО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЙ.

Противъ Кн. Помпея дано нѣсколько морскихъ сраженій съ разнымъ успѣхомъ, такимъ образомъ, что изъ двухъ фло-

товъ Цезаря побѣдилъ одинъ, которымъ начальствовалъ Агриппа, а другой, которымъ начальствовалъ Цезарь, уничтоженъ, и воины, высаженные на берегъ, оставались въ большой опасности. Побѣжденный Помпей убѣжалъ въ Сицилію. М. Лепидъ, переправившійся изъ Африки, какъ будто для участія въ войнѣ, которую Сек. Помпей велъ противъ Цезаря, пошелъ на него войною, но оставленный войскомъ, отказался отъ почести тріумвирства и выхлопоталъ себѣ жизнь. Агриппа получилъ въ подарокъ отъ Цезаря морскую корону, а до того никому еще не была оказана эта почесть.

КНИГИ СТО ТРИДЦАТОЙ.

М. Антоній предавался съ Клеопатрою всякаго рода наслажденіямъ, и потому поздно вошелъ въ Медію и началъ войну съ Парѳами, имѣя восемнадцать легіоновъ и шестнадцать тысячь всадниковъ. Потерявъ два легіона и испытавъ во всемъ неудачу, онъ возвращался назадъ; вдругъ нагнали его Парѳы, произошло большое смятеніе и замѣшательство въ войскахъ и они подверглись большой опасности; онъ возвратился бѣгствомъ въ Арменію, сдѣлавъ въ двадцать одинъ день триста миль. По случаю дурной погоды потерялъ до восьми тысячь воиновъ; дурной погодѣ онъ подвергся и такъ неудачно велъ войну съ Парѳами по своей винѣ; онъ не хотѣлъ зимовать въ Арменіи, торопясь къ Клеопатрѣ.

КНИГИ СТО ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЙ.

Сек. Помпей отдался было М. Антонію, но, замышляя войну въ Азіи, побѣжденный его легатами, убитъ. Цезарь остановилъ бунтъ ветерановъ, сопряженный съ большою опасностью, покорилъ Япидовъ, и Далматовъ и Паннопіевъ. Антоній приказалъ бросить въ оковы Артавасда, царя Арменіи, заманивъ его обѣщаніемъ безопасности, и царство Арменіи отдалъ сыну

своему, рожденному отъ Клеопатры; влюбясь въ нее онъ имѣлъ ее вмѣсто жены.

КНИГИ СТО ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

Цезарь въ Иллирикѣ усмирилъ Далматовъ. Когда М. Антоній изъ любви къ Клеопатрѣ, отъ которой онъ имѣлъ двухъ сыновъ Филадельфа и Александра, не хотѣлъ ни вернуться въ Римъ, ни сложить власть по окончаніи времени тріумвирства, и замышлялъ войну противъ Рима и Италіи, собирая для этой цѣли огромныя сухопутныя и морскія силы, отвергъ Октавію, сестру Цезаря, тотъ переправился въ Епиръ; излагаются счастливыя сраженія Цезаря морскія и конныя.

КНИГИ СТО ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ.

М. Антоній, побѣжденный въ морскомъ сраженіи у Акція, бѣжалъ въ Александрію; осажденный Цезаремъ, въ отчаяніи, особенно повѣривъ ложному извѣстію о смерти Клеопатры, онъ лишилъ себя жизни. Цезарь овладѣлъ Александріею послѣ смерти Клеопатры, добровольно лишившей себя жизни, дабы не попасть въ руки побѣдителя, вернулся въ городъ, гдѣ имѣлъ три тріумфа: одинъ надъ Иллирикомъ, другой вслѣдствіе Актійской побѣды, третій надъ Клеопатрою и положилъ конецъ междуусобнымъ войнамъ на двадцать второмъ году. М. Лепидъ, сынъ Лепида, бывшаго тріумвиромъ, составилъ заговоръ противъ Цезаря, но въ замыслахъ къ войнѣ онъ подавленъ и убитъ.

КНИГИ СТО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ.

Цезарь, устроивъ дѣла и приведя всѣ провинціи въ извѣстную форму, названъ Августомъ, и мѣсяцъ, бывшій Секстилиссъ,

переименованъ въ его честь. Онъ созвалъ сеймъ въ Нарбонну и даровалъ право гражданства Галламъ, которыхъ побѣдилъ отецъ Цезарь. Излагается война противъ Бастарновъ, Мезовъ и другихъ народовъ, веденная М. Крассомъ.

КНИГИ СТО ТРИДЦАТЬ ПЯТОЙ.

Описывается война М. Красса противъ Ѳракійцевъ и Цезаря противъ Испанцевъ; усмиреніе Салассовъ, народа Альпійскаго.

КНИГИ СТО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

Усмиреніе Реціи Ти. Нерономъ и Друзомъ, Цезаревыми пасынками. Умеръ Агриппа, Цезаревъ зять; произведена перепись Друзомъ.

КНИГИ СТО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

Города Германіи, лежащіе по сю и по ту сторону Рейна, подверглись нападенію Друза; усмирены волненія, возникшія въ Галліи по поводу переписи; посвященъ жертвенникъ Цезарю при сліяніи Арариса и Родана, а священнослужителемъ его назначенъ Эдуй К. Юлій Веркундарь Дубій.

КНИГИ СТО ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

Ѳракійцы усмирены Л. Пизономъ; также описывается покореніе Друзомъ Херусковъ, Тенктеровъ, Хаттовъ и другихъ Германскихъ народовъ, живущихъ по ту сторону Рейна. Умерла Октавія, сестра Августа, а прежде ея сынъ Марцеллъ, памятниками послѣ котораго остались театръ и портикъ, извѣстные подъ его именемъ.

КНИГИ СТО ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЙ.

Излагается война противу народовъ по ту сторону Рейна, веденная Друзомъ, въ которой въ первыхъ рядахъ сражались Сенектій и Анектій трибуны изъ города Нервіевъ. Неронъ, братъ Друза, покорилъ Далматовъ и Панноніевъ. Заключенъ миръ съ Пароами, и они возвратили значки Римскіе, отбитые сначала у Красса, а потомъ у Антонія.

КНИГИ СТО СОРОКОВОЙ.

Описывается война, веденная Друзомъ, противъ Германскихъ городовъ на той сторонѣ Рейна. Самъ онъ умеръ отъ перелома ноги вслѣдствіе паденія съ лошади, на тридцатый день послѣ того, какъ это случилось. Тѣло его, братомъ Нерономъ, поспѣшившимъ къ брату вслѣдствіе извѣстія о его болѣзни, перевезено въ Римъ, и положено въ гробницу К. Юлія. Похвальное слово ему говорилъ вотчимъ его Августъ Цезарь, и осыпалъ память его многими и разными почестями.

ОСТАТКИ

УТРАЧЕННЫХЪ КНИГЪ ТИТА ЛИВІЯ.

ИЗЪ КНИГИ ДВЕНАДЦАТОЙ.

Пирръ, единственный художникъ военнаго искусства, лучшій впрочемъ въ сраженіи, чѣмъ на войнѣ. (Serv. ad Virg. Aen. I. 456).

ИЗЪ КНИГИ ТРИНАДЦАТОЙ.

О томъ, что наши предки употребляли колесницы съ косами, упоминаютъ и Ливій, и Саллюстій, Serv. ad Virg. Aen. I. 476).

ИЗЪ КНИГИ ПЯТНАДЦАТОЙ.

И своего частнаго достоянія было бы съ насъ довольно (Priscian. lib. XV p. 1009, ed. Putsch, Vol. I, p. 620 ed. Krehl).

ИЗЪ КНИГИ ШЕСТЬНАДЦАТОЙ.

Сихей прозванъ Сихарбасъ; Белъ, Дидоны отецъ — Метресъ; Карѳагенъ отъ Картады — какъ находимъ въ исторіи Карѳагенянъ, и въ Ливіѣ. (Serv. ad Virg. Aen. I p. 343.

Карѳагенъ, на Пуническомъ (Карѳагенскомъ) языкѣ значитъ: новый городъ, о чемъ говоритъ Ливій. (Serv. ad Virg. Aen. I. 366).

Битіасъ былъ начальникомъ Пуническаго флота, по словамъ Ливія. (Serv. ad. Virg. Aen. I. 738).

ИЗЪ КНИГИ СЕМЬНАДЦАТОЙ.

Pridie Nonas. Pridie Idus *). Prisc. Lib. XIV p. ed. Putsch Vol. I p. 601 ed. Krehl.

ИЗЪ КНИГИ ВОСЕМЬНАДЦАТОЙ.

Imberbes (безбородые) Charis. lib. I p. 74 ad. Putsch.

Любопытно и краснорѣчиво разсказываетъ Т. Ливій о змѣѣ. Онъ говоритъ, что у рѣки Баграды былъ такой огромный ужъ, что онъ недопускалъ воиновъ Атилія Регула пользоваться водою изъ рѣки; много воиновъ поглотилъ онъ своею огромною пастью, еще больше сдавилъ въ кольцахъ хвоста; онъ не могъ быть проколотъ бросаемыми въ него дротиками; наконецъ со всѣхъ сторонъ стали дѣйствовать противъ него стѣнобитными орудіями, метавшими въ него большія и тяжелыя каменья. Онъ палъ, но для всѣхъ когортъ и легіоновъ видъ его былъ страшнѣе самого Карѳагена. Кровью своею испортилъ онъ воду рѣки, а ядовитыя испаренія лежавшаго трупа отравили воздухъ до такой степени, что Римляне должны были отнесть лагерь далѣе. Ливій увѣряетъ, что кожа этого животнаго, величиною въ сто двадцать футовъ, отослана въ городъ. (Val. Max. I. 8. ext. 19).

---

*) Подобныя отдѣльныя слова приводимъ только для полноты, а будучи вырваны изъ текста, они смысла не имѣютъ.

ИЗЪ КНИГИ ДЕВЯТНАДЦАТОЙ.

Третьи (столѣтнія) игры были, по словамъ Антіата и Ливія въ консульство П. Клавдія Пульхра и К. Юнія Пулла, (Censorin de Die Nat. cap. 17).

Ливій пишетъ, что одинъ Римскій вождь, желая идти на войну, но встрѣчая препятствіе со стороны трибуна народнаго, велѣлъ принесть цыплятъ. Когда они не клевали предложенную имъ пищу, то консулъ, надсмѣхаяся надъ дурнымъ предзнаменованіемъ: «пусть пьютъ» сказалъ, и велѣлъ бросить ихъ въ Тибръ; а самъ, побѣдителемъ возвращаясь изъ Африки, утонулъ со всѣми, кто при немъ находились. Serv. ad Virg. Aen. VI. 198.

ИЗЪ КНИГИ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

Оправясь онъ подошелъ съ небольшимъ отрядомъ къ стѣнамъ Алифаса, какъ вдругъ ушелъ изъ города слонъ въ военной сбруѣ; консулъ взялъ его силою, избивъ тѣхъ, которые на немъ находились и оставилъ его для сраженія. Но на другой день жители города произвели нападеніе на немногихъ разсѣявшихся Римлянъ и слона опять захватили. И жители, городъ, дотолѣ называемый Руфрій, переименовали въ Алифасъ оттого, что хорошее предзнаменованіе послѣдовало за дурнымъ.

Этотъ, довольно безсмысленный, отрывокъ, по мнѣнію критиковъ, долженъ находиться въ Лив. XXII, 18, 5, послѣ словъ: «сталъ надъ Алифасомъ въ мѣстѣ высокомъ и укрѣпленномъ».

ИЗЪ КНИГИ СОРОКЪ ДЕВЯТОЙ.

О четвертомъ праздновании столѣтнихъ игръ есть троякое мнѣніе: Антіасъ, Варронъ и Ливій утверждаютъ, что они со-

вершались въ консульство Л. Марка Цензорина и М. Манилія, въ шестьсотъ пятый годъ отъ построенія Рима.

ИЗЪ КНИГИ ПЯТЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

Говорятъ, что Помпей притворился больнымъ для того, чтобы не присутствовать при покорности Нумантинцевъ, и тѣмъ ихъ не раздражить. Priscian. Lib. XVIII p. 1198 ed. Putsch. Vol. II p. 240 ed. Krehl.

ИЗЪ КНИГИ СЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ.

Сулла вступилъ въ самый знатный бракъ, женившись на Цециліѣ, вдовѣ Великаго Первосвященника. По этому поводу чернь сложила про него много позорныхъ пѣсень, да и не мало знатныхъ лицъ ему завидовало и недостойнымъ женщины считали того, кого признали достойнымъ консульства. (Plut. Sulla, cap. 6).

Какъ только Сулла, дѣйствуя противъ Марія, пододвинулъ лагерь къ городу, то, по словамъ Ливія, до того благопріятны были предзнаменованія внутренностей приносившаго жертвы, что гадатель Постумій вызвался, чтобы его отдали подъ стражу и казнили смертью, если только Сулла, при помощи боговъ, не получитъ всего, чего желаетъ (August. de civ. Dei II. 24 Cp. Plutarch. Sull. c. 9).

ИЗЪ КНИГИ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЕЙ.

Когда были опрокинуты и сожжены, вмѣстѣ съ городомъ всѣ изображенія боговъ, только одно изображеніе Минервы, говоритъ Ливій, осталось невредимымъ, какъ увѣряютъ, подъ развалинами ея храма. (August. de Civ. Dei. III. 7. Cp. Freinshem. Supplem. cap. 7).

ИЗЪ КНИГИ ДЕВЯНОСТО ПЕРВОЙ.

(Контребійцы, сверхъ всего прочаго, тѣснимые сильнымъ голодомъ, послѣ многихъ тщетныхъ усилій отразить войну отъ города и стѣнъ, брошенными со стѣны огнями, повредили осадныя работы Серторія. Башня о нѣсколькихъ этажахъ, превосходившая вышиною всѣ укрѣпленія города, охвачена была сильнымъ пламенемъ и упала съ страшнымъ трескомъ). Въ слѣдующую ночь вождь не смыкалъ глазъ и на разсвѣтѣ, къ удивленію непріятелей, на томъ же мѣстѣ воздвиглась другая башня. Вмѣстѣ съ тѣмъ башня города, у которой основаніе было подрыто, покрылась громными трещинами и начала горѣть, подожженная факелами: испуганные опасеніемъ и пожара и гибели, Контребійцы въ трепетѣ бѣгутъ со стѣнъ. Поднялся общій крикъ всѣхъ жителей, чтобы немедленно были отправлены послы съ изъявленіемъ покорности. Таже доблесть, которая раздражала во время осады, побѣдителя сдѣлала снисходительнѣе. Взяты заложники, наложенъ небольшой денежный штрафъ, но оружіе все отобрано. Свободнаго состоянія перебѣжчиковъ онъ велѣлъ привесть къ себѣ, а перебѣжчиковъ, которыхъ было гораздо больше, онъ приказалъ жителямъ умертвить; заколовъ ихъ, бросили со стѣнъ. Съ большею потерею воиновъ послѣ сорока четырехдневной осады взявъ Контребію, онъ оставилъ тамъ Л. Юстея (съ сильнымъ гарнизономъ), а самъ привелъ войска къ рѣкѣ Иберу. Тутъ, устроивъ зимнія помѣщенія для войскъ подлѣ города, называемаго *Элiевы лагери*, онъ самъ оставался въ лагерѣ, и между прочимъ держалъ въ городѣ сеймъ союзныхъ городовъ. По всей провинціи онъ приказалъ заготовить оружіе согласно съ средствами каждаго народа. Осмотрѣвъ его, онъ приказалъ воинамъ принесть все оружіе, которое сдѣлалось безполезнымъ или отъ частыхъ походовъ, или отъ сраженій и осадныхъ дѣйствій. И конницу снабдилъ онъ новымъ оружіемъ; распредѣлилъ одежды, заготовленныя ранѣе и роздалъ жалованье. Тщательно розыскалъ онъ отовсюду кузнецовъ; устроивъ общественныя кузницы, онъ ихъ сейчасъ

употребилъ въ дѣло, назначивъ срочную на каждый день работу. Разомъ заготовлялись всѣ принадлежности войны: у мастеровъ не было недостатка въ матеріалѣ при усердіи жителей всѣхъ городовъ доставлять его, и ни для одной работы не оказывалось недостатка въ мастерахъ. Созвавъ потомъ посольства всѣхъ городовъ и народовъ, онъ благодарилъ за исправную доставку всего, что требовалось для пѣшихъ войскъ; изложилъ имъ, какія мѣры принялъ для защиты союзниковъ, какія противъ враждебныхъ городовъ и убѣждалъ не ослабѣвать усердіемъ на остальное время войны; въ немногихъ словахъ представилъ онъ имъ, до какой степени важно для Испаніи— если онъ (Серторій) останется побѣдителемъ. Распустивъ сеймъ и приказавъ всѣмъ благонадежными разойдтись по городамъ, въ началѣ весны, отправилъ М. Перперну съ двадцатью тысячами пѣхоты и полутора тысячью конницы, къ народу Илеркаоновъ для прикрытія морскаго берега той страны. Далъ наставленіе какими путями весть для защиты союзныхъ городовъ, на которые нападалъ Помпей, и какъ на войско самого Помпея напасть изъ засады. Въ тоже время онъ отправилъ письма къ Геренпулею, находившемуся въ тѣхъ мѣстахъ, и въ другую провинцію къ Л. Гиртулею, давая ему наказъ, какъ онъ желаетъ, чтобы ведены были военныя дѣйствія: въ особенности такъ защищать союзные города, чтобы отнюдь не вступать въ бой съ Метелломъ, далеко неровнымъ ему ни силою, ни вліяніемъ. Да и у самого (Серторія) не было намѣренія весть войско противъ Помпея, который, какъ онъ полагалъ, и самъ избѣгалъ рѣшительнаго боя. Въ случаѣ, если бы война протянулась, непріятель, имѣя море съ тылу и всѣ провинціи въ своей власти, будетъ получать отовсюду провіантъ на судахъ; а самъ онъ, употребивъ уже въ дѣло все заготовленное въ предшествовавшее лѣто, будетъ ощущать недостатокъ въ необходимомъ. Перперна прикрывалъ морское прибрежье для защиты того, что еще уцѣлѣло отъ непріятеля, если представится случай напасть на непріятеля, въ случаѣ его неосторожности; а самъ Серторій съ войскомъ рѣшился

выступить въ землю Вероновъ и Автригоновъ. Объ нихъ онъ зналъ, что они, неоднократно въ продолженіи зимы, когда онъ приступалъ къ городамъ Цельтиберскимъ, умоляли Помпея о помощи и посылки Римскому войску провожатыхъ показывать дорогу, и часто всадники его подвергались ихъ нападеніямъ, когда, во время осады Контребіи, они выходили за провіантомъ или фуражемъ. Они дерзнули Ареваковъ склонять къ такому же образу дѣйствій. Начертавъ планъ военныхъ дѣйствій, онъ предоставилъ своему дальнѣйшему обсужденію — идти ли прежде противъ непріятеля, или въ провинцію и дѣйствовать въ морскомъ ли прибрежьѣ, чтобы недопустить Помпея до Илеркаоніи и Контастаніи, гдѣ жители были его союзниками, или обратиться противъ Метелла въ Лузитанію. Обдумывая это, Серторій шелъ вдоль рѣки Ибра по замиреннымъ мѣстамъ, и велъ войско безо всякаго вреда. Отсюда онъ отправился въ предѣлы Бурсаоновъ, Каскантиновъ и Гракхуританъ, опустошая все и истребляя жатвы, пришелъ къ Калагурису Назикѣ, союзному городу; перейдя рѣку подлѣ города, по устроенному мосту, сталъ лагеремъ. На другой день онъ отправилъ квестора М. Марія къ Аревакамъ и Цериндонамъ, набрать воиновъ у этихъ народовъ, и привезть оттуда хлѣба въ Контребію, прозываемую Левкадою; мимо этого города самый удобный путь изъ земли Вероновъ, въ какую бы страну ни рѣшился Серторій весть войско; К. Инесія, начальника конницы, онъ отправилъ въ Сеговію и къ народу Вакцеевъ отыскивать всадниковъ, съ приказаніемъ дожидаться съ ними въ Контребіи. Отпустивъ ихъ, онъ самъ выступилъ далѣе и, ведя войско черезъ землю Волконовъ, сталъ лагеремъ на границѣ Вероновъ. На другой день онъ съ конницею отправился разсмотрѣть дорогу и, отдавъ приказаніе пѣхотѣ идти квадратнымъ строемъ (карре), онъ прибылъ къ Вареіѣ, сильнѣйшему изъ городовъ этой страны; онъ подошелъ сюда ночью, не совсѣмъ нежданный жителями. Собравъ со всѣхъ сторонъ конницу и своего народа и Автригоновъ (жители, сдѣлавъ вылазку, пошли на встрѣчу Серторію, чтобы не допустить его до города...).

Таково было первое сраженіе между Сарторіемъ и Помпеемъ. Десять тысячъ человѣкъ потерялъ Помпей, и весь обозъ, какъ увѣряетъ Ливій. (Frontin. Strateg. II. 5. 31).

ИЗЪ КНИГИ ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТОЙ.

Ливій въ девяносточетвертой книгѣ говоритъ, что Инарименъ находится въ сторонѣ Меоніи, гдѣ на пятьдесятъ миль земля сожжена. Онъ утверждаетъ, что именно это хотѣлъ означить Гомеръ. (Serv. ad Virg. Aen. IV. 715).

ИЗЪ КНИГИ ДЕВЯНОСТО СЕДЬМОЙ.

Тридцать пять тысячъ воиновъ (бѣглецовъ, Крассомъ побѣжденныхъ) въ этомъ сраженіи убито съ ихъ вождями Кастомъ и Ганникомъ, какъ увѣряетъ Ливій, взято назадъ пять Римскихъ орловъ, двадцать шесть значковъ, много потерянныхъ вещей, между прочимъ пуки съ сѣкирами (Frontin. Strateg. II. 5. 34).

ИЗЪ КНИГИ ДЕВЯНОСТО ВОСЬМОЙ.

Ливій говоритъ, что еще ни въ одномъ дѣлѣ Римляне не были такъ малочисленны сравнительно съ непріятелемъ: побѣдители составляли врядъ ли двадцатую часть побѣжденныхъ, Plutarch. Lucull. cap. 28.

Ливій увѣряетъ, что въ прежнемъ сраженіи (у Тиграноцерты) пало болѣе числомъ непріятелей, а въ этомъ (у Артаксаты) хотя и менѣе, но знатнѣе были убитые. Plut. Luc. c. 31.

ИЗЪ КНИГИ ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТОЙ.

Критъ имѣлъ сначала сто городовъ, почему и прозванъ Гекатомполисъ, впослѣдствіе двадцать четыре, а наконецъ толь-

ко два — Гноссонъ и Гіерапитну. Хотя Ливій приписываетъ Метеллу покореніе большаго числа городовъ (Serv. ad Virg. Aen. III. 106).

ИЗЪ КНИГИ СТО ВТОРОЙ.

По взятіи города Іерусалима Кн. Помпеемъ въ третій наконецъ мѣсяцъ, въ постный день, во сто семьдесятъ девятую Олимпіаду, въ консульство К. Антонія и М. Туллія Цицерона, непріятели, проникнувъ силою во храмъ, предали острію меча всѣхъ тамъ находившихся. Впрочемъ священнослужители тѣмъ не менѣе продолжали свое божественное дѣло, безъ робости потерять жизнь. Они не обратились въ бѣгство, видя передъ собою столько убиваемыхъ и рѣшились лучше то, что имъ суждено, претерпѣть у жертвенника, чѣмъ пренебречь что-либо изъ прародительскихъ уставовъ. А что это не баснословный разсказъ, составленный единственно съ цѣлью ложной набожности, а вполнѣ истинный, о томъ свидѣтельствуютъ всѣ описывавшіе дѣйствія Помпея; какъ-то Страбонъ, Николай и сверхъ того Т. Ливій, Римскій историкъ.

ИЗЪ КНИГИ СТО ТРЕТЬЕЙ.

К. Серен. Самон. de Medic. cap. 39 vs 725 seq., говоря въ стихахъ о болѣзни *карбункулѣ*, упоминаетъ, что Титъ Ливій, въ сто третьей книгѣ своей исторіи, разсказываетъ о лѣченіи этой болѣзни, вырѣзываніемъ раскаленнымъ желѣзомъ и питьемъ изъ сока рѣпы. Болѣзнь же такъ сильна, что пораженный ею рѣдко можетъ пережить седьмой день.

ИЗЪ КНИГИ СТО ПЯТОЙ.

Наружный видъ всей Британніи сравниваютъ краснорѣчивѣйшіе писатели—Ливій изъ древнихъ, и Фабій Рустикъ изъ

новѣйшихъ, съ подобіемъ продолговатаго, или о двухъ полукружіяхъ щита (Tacit. Agric. c. 10.)

Хотя всю окружность Британніи никто прежде, по словамъ Ливія, не обогнулъ на судахъ, однако многіе считали себя вправѣ говорить о ней самымъ разнообразнымъ образомъ (Iornandes, de rebus Get. cap. 2).

ИЗЪ КНИГИ СТО ДЕВЯТОЙ.

Въ семисотый годъ существованія Рима огонь, неизвѣстно откуда начавшійся, истребилъ четырнадцать кварталовъ. По словамъ Ливія дотолѣ не было еще столь значительнаго пожара, такъ что, и спустя нѣсколько лѣтъ Цезарь Августъ счелъ нужнымъ отпустить значительную сумму денегъ изъ общественнаго казначейства на возобновленіе сгорѣвшихъ строеній. (Oros. VII. 2.)

Цезарь, перейдя рѣчку Рубиконъ, по прибытія въ Ариминъ имѣлъ съ собою только пять когортъ и съ ними, какъ говоритъ Титъ Ливій, предпринялъ покореніе вселенной; онъ имъ тутъ объяснилъ въ чемъ дѣло. Oros. VI. 15.

ИЗЪ КНИГИ СТО ОДИННАДЦАТОЙ.

Первый ударилъ въ непріятеля, только что взявъ дротикъ, К. Крастинъ. Schol. vet. Luc. ad Pharsal. VII. 471.

Въ Патавіѣ (Падуѣ) К. Корнелій, искусный въ наукѣ предвѣденія (авгурской), Ливія историка согражданинъ и пріятель, около этого времени занимался гаданіемъ. Онъ сначала, какъ говоритъ Ливій, узналъ время Фарсальскаго сраженія и присутствовавшимъ сказалъ: вотъ теперь завязалось дѣло и вожди вступили въ сраженіе. Когда снова принялся за гаданіе и посмотрѣлъ на знаки, внѣ себя вскочилъ и воскликнулъ: *ты побѣждаешь Цезарь*! Когда присутствующіе онѣмѣли отъ уди-

вленія, онъ снялъ вѣнокъ съ головы и клялся, что не прежде надѣнетъ его, когда успѣхъ оправдаетъ его слова. Ливій утверждаетъ, что все это правда.

ИЗЪ КНИГИ СТО ДВЕНАДЦАТОЙ.

Bogud, Bogudis — варварское имя, которому Ливій въ сто двенадцатой книгѣ далъ въ родительномъ окончаніе Bogudis. Priscian. lib. V.

Въ различныхъ мѣстахъ Кассій и Богудъ напали на лагерь и едва было не прорвали линію укрѣпленій.

Въ это время съ цѣлью упрочить царство Богуда, онъ постарался поспѣшно переправить войско въ Африку.

Кассій велъ бы войну съ Требоніемъ, если бы могъ увлечь Богуда въ товарищи своего безумства. (Priscian. lib. VI.)

Въ Александріи сгорѣло четыреста тысячь книгъ, великолѣпнѣйшій памятникъ царской щедрости. И другой похвалитъ какъ Ливій, который называетъ это лучшимъ дѣломъ царской заботливости и утонченности вкуса (Senec. de Tranquil. anim. cap. 9.)

ИЗЪ КНИГИ СТО ТРИНАДЦАТОЙ.

А самъ оберегалъ около прибрежья....... (Priscian. L. V.)

ИЗЪ КНИГИ СТО ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ.

Вотъ какъ нѣкоторые говорятъ о Бассѣ. А Ливій разсказываетъ, что онъ воевалъ подъ начальствомъ Помпея, и, послѣ его пораженія, частнымъ человѣкомъ жилъ въ Тирѣ; подкупомъ нѣкоторыхъ воиновъ въ легіонахъ, онъ успѣлъ въ томъ, что они, убивъ Секста, провозгласили его вождемъ (Appian. Bell. Civ. III. 77.)

Я бы желалъ, чтобы со мною случилось то, что Т. Ливій пишетъ о Катонѣ: славу его никто не могъ увеличить похвалою, ни уменьшить порицаніемъ, хотя и за то, и за другое взялись люди съ большими дарованіями. Указываетъ при этомъ на М. Цицерона и К. Цезаря, изъ которыхъ первый написалъ похвальное слово Катону, а другой пасквиль (Hieronym. Prol. Lib. II. in Hoseam).

ИЗЪ КНИГИ СТО ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ.

Дому Цезаря по сенатскому декрету, какъ для украшенія, такъ и для величія, приданъ высокій верхъ, какъ расказываетъ Ливій. Кальпурніѣ привидѣлось во снѣ, что этотъ верхъ упалъ, о чемъ она и заплакала сильно. На разсвѣтѣ она просила Цезаря — нельзя ли ему въ этотъ день вовсе не выходить въ общество, и сенатъ отложить до другаго дня. (Plutarch Caes. c. 63.)

Дурное предзнаменованіе всякой разъ, когда Этна, Сицилійская гора, выбрасываетъ не дымъ, а клубы пламени. Такъ Ливій расказываетъ, что, передъ смертью Цезаря, столь сильное пламя вырвалось наружу изъ горы Этны, что не только сосѣдніе города, но даже Регій, далеко отъ ней отстоящій—загорѣлись отъ силы пламени. (Serv. ad Virgil. Georg. I. 471.)

Тоже, что не разъ говорилось о Цезарѣ Старшемъ и предложено Ливіемъ въ видѣ вопроса — для общественнаго блага лучше ли было Цезарю родиться или нѣтъ — можетъ быть сказано и о вѣтрахъ (Senec. Nat. Quaest. V. 18.)

ИЗЪ КНИГИ СТО ВОСЕМНАДЦАТОЙ.

Противъ убійцъ Цезаря собирая силы, онъ возбуждалъ умы. (Priscian. Lib. IX.)

ИЗЪ КНИГИ СТО ДВАДЦАТОЙ.

М. Цицеронъ, съ приближенiемъ трiумвировъ, вышелъ изъ города, убѣжденный навѣрное, что его также трудно исторгнуть у Антонiя, какъ у Цезаря Кассiя и Брута. Сначала онъ бѣжалъ въ Тускуланъ, оттуда поперечными дорогами отправился въ Формiанъ съ тѣмъ, чтобы сѣсть на корабль въ Каэтѣ. Оттуда онъ немного отплылъ въ открытое море, но противный вѣтеръ относилъ назадъ, и онъ не могъ выносить сильной качки отъ волненiя въ морѣ. Наконецъ наскучилъ онъ и бѣгствомъ и жизнью. Онъ вернулся къ первому загородному дому, находившемуся отъ моря въ растоянiи не болѣе мили (тысячи шаговъ) и сказалъ: «пусть я умру въ отечествѣ, не разъ мною спасенномъ». Довольно вѣрно то, что рабы его съ вѣрностью и твердостью готовились за него сразиться, но онъ приказалъ его оставить и терпѣливо дожидаться несправедливаго рѣшенiя судьбы; онъ высунулся изъ носилокъ и недвижимо поставилъ шею убiйцамъ, отрубившимъ у него голову. Этого недостаточно было для безразсудной жестокости воиновъ: отрубили они у Цицерона и руки, ставя ему въ вину то, что онъ дерзко писалъ противъ Антонiя. Такимъ образомъ голова его отнесена къ Антонiю и положена на рострахъ между двухъ рукъ, тамъ откуда онъ консуломъ и еще чаще послѣ консульства и въ этомъ самомъ году противъ Антонiя выслушиваемъ былъ съ удивленiемъ, какъ изъ его устъ лилось краснорѣчiе дотолѣ неслыханное. Многiе безъ слезъ не могли смотрѣть на обезображенные остатки великаго человѣка. Онъ жилъ шестьдесятъ три года, такъ что и помимо насилiя конецъ его нельзя назвать преждевременнымъ. Умъ его былъ счастливъ и произведенiями и ихъ успѣхомъ. Долго наслаждался онъ счастiемъ, но, въ теченiи продолжительнаго и счастливаго поприща, онъ понесъ и значительные удары — изгнанiе, паденiе партiи, за которую стоялъ, смерть дочери, собственную кончину грустную и жестокую. Изо всего этого перенесъ съ твердостью достойною мужа, одну лишь смерть. Да если справедливо разсудить, и

она покажется не столь возмутительною, такъ какъ онъ отъ врага понесъ неболѣе того, что и ему готовилъ въ случаѣ, еслибы успѣхъ былъ на его сторонѣ. Но недостатки Цицерона далеко покрываются достоинствами: онъ былъ человѣкъ великій, остроумный, замѣчательный, и для достойной похвалы Цицерона, надобно другаго Цицерона. (M. Senec. Suasor. VII.)

ИЗЪ КНИГИ СТО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

Такъ какъ между Августомъ и Антоніемъ оставались еще слѣды несогласія, то Кокцій Нерва, прадѣдъ Нервы, впослѣдствіи бывшаго въ Римѣ Императоромъ, передалъ Августу о необходимости послать людей, которые бы переговорили о важнѣйшихъ дѣлахъ. Вслѣдствіе этого посланъ Меценатъ съ Агриппою, и они оба войска собрали въ одинъ лагерь, какъ говоритъ Ливій въ книгѣ сто двадцат седьмой. Должно присовокупить, что Антоніемъ посланъ Фонтеій, а Августъ въ тоже мѣсто выслалъ Мецената и другихъ. (Acro ad Horat. Sat. I. 5. 29).

Когда произошло несогласіе между Цезаремъ Августомъ и Антоніемъ, Кокцей Нерва, дѣдъ бывшаго впослѣдствіи Римскимъ Императоромъ, просилъ Цезаря—послать кого либо для переговоровъ въ Террачину. Сначала Меценатъ, а потомъ и Агриппа, сошлись и они заключили прочный союзъ, приказавъ въ одинъ лагерь собрать значки того и другаго войска. Объ этомъ упоминаетъ Тит. Ливій въ книгѣ сто двадцат седьмой, только умалчиваетъ о Капитонѣ (Porphyrio ad Horat. Sat. I. 5. 29).

Антоніемъ былъ посланъ легатъ Фонтеій Капитонъ, а Августомъ—Меценатъ съ Агриппою, при посредничествѣ Кокцея Нервы, прадѣда Императора Нервы — любимаго и Августомъ и Антоніемъ. На томъ условіи собрались уполномоченные, чтобы толковать о важнѣйшихъ предметахъ и уладить возникшія несогласія между обоими главными вождями; въ чемъ они и успѣли, и то и другое войско подлѣ Брундизія собрали они въ

одинъ лагерь къ великой всѣхъ радости, какъ говоритъ Ливій въ сто двадцат седьмой книгѣ (Commentator Cruquii ad Horat. Sat. I. 5. 29).

ИЗЪ КНИГИ СТО ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ.

Ливій упоминаетъ, что Клеопатра, попавъ въ плѣнъ къ Августу, и будучи съ намѣреніемъ снисходительно содержима, неоднократно повторяла: «нѣтъ, надо мною не будутъ торжествовать». (Commentator Cruquii ad Horat. Од. I. 37. 30).

ИЗЪ КНИГИ СТО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ.

Въ этомъ году Цезарь праздновалъ съ великою пышностью столѣтнія игры, которыя обыкновенно совершались на сотый годъ (которымъ кончается вѣкъ). Censor de Die Nat. cap. 17.

Человѣкъ скорѣе очень умный, чѣмъ добрый (Seneca de tranquillitate I. 16). По истинѣ удивляюсь, что Т. Ливій, знаменитѣйшій писатель, одну изъ книгъ своей Исторіи, веденной имъ отъ построенія города, начинаетъ такъ: довольно ужъ онъ стяжалъ славы и могъ бы остановиться, но безпокойный умъ не даетъ ему покою. (Plin. въ предисловіи къ Hist. Nat. lib. I).

Т. Ливій и Корнелій Непотъ утверждаютъ, что ширина Гадитанскаго пролива въ самомъ узкомъ мѣстѣ семь тысячь, а въ самомъ широкомъ десять тысячь шаговъ. (Plin. въ предисловіи Hist. Nat. lib. III.)

Completis consulibus (полнымъ консуламъ?) Serv. ad Virg. Georg. III. 1.

Въ Ливіѣ читаемъ мы слова одного полководца перебѣжчику, котораго изъявленіе вѣрности онъ принималъ: «чей бы ты ни былъ, будешь ты нашъ». (Serv. ad Virg. Aen. II. 148).

Меня мать родила повелѣвать, а не сражаться. Такъ гово-

ритъ Сципіонъ у Ливія, какъ упоминаетъ Вильгельмъ Мальмесбургскій, Reг. Angl. lib. II. cap. 162.

Скажи мнѣ, когда мы читаемъ не разъ въ Римской исторіи, написанной Титомъ Ливіемъ, что очень часто въ этомъ городѣ отъ моровой язвы гибли тысячи людей и не разъ случалось, что въ тѣ воинственныя времена едва оставалось столько жителей, чтобы возможно было набрать войско, то въ означенное время вовсе не молились въ Февралѣ твоему богу? Или поклоненіе ему въ этомъ случаѣ не приносило никакой пользы? Или въ это время не праздновались Луперкаліи? Не скажешь ты, что въ то время этихъ священнодѣйствій не было, когда мы знаемъ, что они еще до Ромула принесены въ Италію Евандромъ. А по какому случаю установлены Луперкаліи (на сколько важно истолкованіе самихъ суевѣрій) Ливій говоритъ во второй декадѣ, утверждая, что они введены не противъ распространенія заразительныхъ болѣзней, а по случаю происшедшаго въ то время безплодія женщинъ. (Изъ посланія Папы Гелассія противъ Андромаха въ Баронія Annal. Eccles. къ 496 году, num. 35.)

По Ливію уполномоченные о мирѣ назывались Кадуцеаторами. (Serv. ad Virg. Aen. 18. 241).

Ливій, говоря о слиткахъ, употребляетъ выраженіе: тяжелое серебро (argentum grave) Serv. ad Virg. Aen. VI. 852).

На верху Цирцеева мыса находился городъ, который назывался и Circaeum и Circaei; Ливій упоминаетъ о немъ и подъ тѣмъ, и подъ другимъ названіемъ (Serv. ad Virg. Aen. VII. 10.)

Т. Ливій такъ былъ несраведливъ въ Саллюстію, что даже фразу: Res secundae mire vitiis obtentui (счастливыя обстоятельства удивительно какъ содѣйствуютъ къ развитію пороковъ) ставитъ ему въ упрекъ, какъ переведенную и притомъ испорченную въ переводѣ. И такъ поступаетъ Ливій не изъ любви къ Ѳукидиду и не потому, чтобы онъ его предпочиталъ, а хвалитъ кого не боится и думаетъ легче стать выше Саллюстія, если прежде побѣдитъ его Ѳукидидомъ. (Seneca, Controvers. XXIV).

Т. Ливій относительно ораторовъ, которые гоняются за словами старинными и грубыми, и темнотою хотятъ придать важность своему слогу, приводитъ прекрасныя слова Мильтіада которыя значатъ въ переводѣ: ἐπὶ τῷ πλησίον μαινονται (сумашествуютъ сами надъ собою—Seneca, Controvers. XXV.)

Нѣкоторые трудятся надъ этимъ зломъ. И не новый это порокъ, когда я у Тита Ливія нахожу, что былъ одинъ наставникъ, который учениковъ заставлялъ затемнять (obscurare) ихъ выраженія и употреблялъ при это Греческое слово: σκοτισον. Отсюда произошла та прекрасная похвала: тѣмъ лучше, теперь я и самъ не понимаю! Quint. Inst. Orat. VIII 2. 18.

Краткость та была самая безопасная, которую находимъ у Ливія въ письмѣ къ сыну: «надобно читать Демосѳена и Цицерона, и притомъ такъ, чтобы каждый какъ можно больше походилъ на Демосѳена и Цицерона». Quintil. Inst. Orator. X. 1. 39.

Перевелъ *А. Клевановъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ.

а также начало и причины Македонской войны, возъимѣвшей происхожденіе отъ того, что Филиппъ съ неудовольствіемъ видѣлъ уменьшеніе своего царства Римлянами, будучи принуждаемъ вывесть свои войска изъ земли Ѳракійцевъ и изъ другихъ мѣстностей, стр. 1.

Книги сороковой. — Филиппъ велѣлъ отыскивать и приводить къ себѣ въ заложники дѣтей тѣхъ, кого онъ казнилъ. Теоклена, опасаясь за своихъ дѣтей и сестриныхъ, находившихся еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, царскаго произвола, выложивъ на средину мечь и чашу, въ которой былъ ядъ, убѣждала ихъ— смертью избавиться отъ угрожающаго имъ посмѣянія. Убѣдивъ ихъ въ этомъ, она сама съ мужемъ бросилась изъ корабля въ море.—Описываются споры между дѣтьми Филиппа, Македонскаго царя—Персеемъ и Деметріемъ и то какъ, коварствомъ брата, Деметрій за мнимыя преступленія, между прочимъ за умыселъ будто бы на жизнь отца и домогательство престола, въ особенности же за расположеніе къ нему Римлянъ, умерщвленъ ядомъ; а царство Македоніи по смерти Филиппа досталось Персею. — Тутъ же содержится описаніе счастливыхъ дѣйствій многихъ полководцевъ противъ Цельтиберовъ въ Испаніи и Лигуровъ въ Италіи.—Книги Нумы Помпиллія найдены земледѣльцами на полѣ писаря Л. Петиллія подъ Яникуломъ, написанныя по гречески и по латынѣ и запертыя въ каменномъ ларцѣ. Такъ какъ въ нихъ нашлось многое въ вредъ религіознымъ вѣрованіямъ, то преторъ, къ которому они были доставлены, далъ клятву въ сенатѣ, что требованія общественной пользы запрещаютъ беречь и читать эти книги, а потому, вслѣдствіе сенатскаго декрета, они сожжены на площади выборовъ.—Выведено поселеніе въ Аквилею.—Филиппъ, глубоко страдая въ душѣ о смерти сына Деметрія, котораго онъ умертвилъ ядомъ, вслѣдствіе лживыхъ доносовъ другаго сына Персея, помышлялъ о наказаніи послѣдняго, хотѣлъ лучше чѣмъ ему передать царство одному изъ приближенныхъ своихъ Антигону, но пока собирался, постигнутъ смертью, а царство досталось Персею, стр. 67.

Книги сорокъ первой. — Огонь въ храмѣ Весты погасъ. —

Проконсулъ Ти. Семпроній Гракхъ принялъ покорность побѣжденныхъ Цельтиберовъ и, какъ памятникъ своихъ дѣйствій, оставилъ въ Испаніи городъ Гракхурисъ.—Проконсуломъ Постуміемъ Альбиномъ побѣждены Вакцеи и Лузитане; и тотъ и другой торжествовалъ.—Антіохъ, сынъ Антіоха, данный въ заложники Римлянамъ отцомъ, по смерти брата Селевка, наслѣдовавшаго умершему отцу, отпущенъ изъ Рима на царство Сиріи, но былъ, за исключеніемъ набожности, по которой воздвигъ много великолѣпныхъ храмовъ въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ въ Аѳинахъ Юпитера Олимпійскаго, а въ Антіохіи Капитолинскаго—самимъ позорнымъ царемъ.—Составлена цензорами перепись, сочтено гражданъ двѣсти шестьдесятъ три тысячи двѣсти девяносто четыре. К. Воконій Сакса, трибунъ народный, издалъ законъ, лишившій женщинъ права наслѣдовать; въ пользу закона говорилъ М. Катонъ, существуетъ рѣчь его. — Кромѣ того содержитъ описаніе походовъ противъ Лигуровъ, Истровъ, Сардовъ и Цельтиберовъ, совершенныхъ разными вождями, но съ постояннымъ успѣхомъ, и начало войны Македонской, которую замышлялъ Персей, сынъ Филиппа; онъ отправилъ къ Карѳагенянамъ посольство, которое выслушано ими ночью; онъ старался дѣйствовать и на другіе города Греціи, стр. 131.

Книги сорокъ второй. — Цензоръ К. Фульвій Флаккъ снялъ съ крыши храма Юноны Лацинской мраморныя плиты покрыть храмъ, имъ созидаемый. Плиты возвращены по сенатскому декрету. — Евменъ, царь Азіи, жаловался въ сенатѣ на Персея, Македонскаго царя: излагаются его оскорбленія, сдѣланныя народу Римскому. За это объявлена ему война, и консулъ П. Лициній Крассъ, которому она была препоручена, перешелъ въ Македонію, незначительными походами и схватками конницы онъ сражался въ Ѳессаліи съ Персеемъ—съ исходомъ не довольно счастливымъ.— Между Масиниссою и Карѳагенянами возникъ споръ о землѣ, и сенатомъ данъ посредникъ для разбирательства. Отправлены послы просить союзные города и царей, чтобы они оставались вѣрными, причемъ относительно Родосцевъ возникло сомнѣніе. — Цензоры составили перепись, и гражданъ оказалось двѣсти пятьдесятъ семь

тысячь, двѣсти тридцать одинъ.—Кромѣ того содержитъ описаніе счастливыхъ дѣйствій противъ Корсиканцевъ и Лигуровъ, стр. 176.

Книги сорокъ третьей. — Нѣсколько преторовъ подверглись осужденію за жестокое и корыстолюбивое управленіе провинціями. П. Лициній Крассъ проконсулъ покорилъ и жестоко разграбилъ многіе города въ Греціи. Вслѣдствіе этого плѣнные, которые имъ были проданы съ аукціона въ рабство, возвращены въ послѣдствіи по сенатскому декрету.—Начальники флота Римскаго сдѣлали много несправедливостей относительно союзниковъ Римскихъ. Кромѣ того содержитъ описаніе удачныхъ дѣйствій царя Персея во Ѳракіи: онъ побѣдилъ Дардановъ и Иллирикъ, царемъ котораго былъ Гентій. Волненіе, сдѣланное въ Испаніи Олоникомъ, прекратилось съ его казнью. М. Емилій Лепидъ цензорами выбранъ первоприсутствующимъ въ сенатѣ, стр. 250.

Книги сорокъ четвертой. — К. Марцій Филиппъ, по непроходимымъ дебрямъ, проникъ въ Македонію и занялъ весьма многіе города.—Родосцы прислали пословъ въ Римъ съ угрозою—что они будутъ помогать Персею, если народъ Римскій не заключитъ съ нимъ дружественнаго союза; такое предложеніе встрѣчено съ неудовольствіемъ. Когда эта война поручена Л. Емилію Павллу, консулу наступавшаго года, то Павллъ передъ народнымъ собраніемъ помолился, чтобы все дурное, что могло угрожать народу Римскому, обратилось на его домъ, отправился въ Македонію, побѣдилъ Персея и всю Македонію покорилъ власти Римлянъ. Прежде сраженія К. Сульпицій Галлъ, трибунъ военный, предсказалъ войску — не удивляться — если луна въ ближайшую ночь потеряетъ часть свѣта. — Гентій, царь Иллиріевъ началъ войну съ Римлянами, но побѣжденный Аниціемъ преторомъ, онъ покорился и съ женою, дѣтьми и приближенными, отосланъ въ Римъ. Изъ Александріи отъ царствовавшихъ тамъ, Клеопатры и Птолемея, явились послы съ жалобою на непріязненныя дѣйствія, Сирійскаго царя, Антіоха.—Персей приглашалъ на помощь Евмена, Пергамскаго царя, и Гентія Иллирійскаго, но оставленъ ими за то, что не выдалъ тѣхъ денежныхъ суммъ, которыя обѣщалъ, стр. 279.

Книги сорокъ пятой. — Персей взятъ Емиліемъ Павлломъ въ

Самотракѣ. Когда Антіохъ, царь Сиріи, осаждалъ Птолемея и Клеопатру, Египетскихъ царей, и явились къ нему послы сената съ приказаніемъ оставить осаду, онъ, выслушавъ распоряженіе сената, сказалъ посламъ, что подумаетъ—какъ ему поступить. Тутъ одинъ изъ пословъ Попиляй очертилъ царя кругомъ и велѣлъ ему дать отвѣтъ, не выходя изъ него. Такою рѣшительностью заставилъ онъ Антіоха прекратить войну.—Допущены въ сенатъ посольства народовъ и царей съ поздравленіями, за исключеніемъ Родосцевъ, такъ какъ они въ этой войнѣ благопріятствовали сторонѣ, враждебной Римлянамъ.—На другой день, когда въ сенатѣ предложенъ былъ вопросъ—объявить имъ войну, то послы защищали въ сенатѣ дѣло своего отечества и отпущены и не врагами, и не друзьями. Македонія обращена въ форму провинціи.—Емилій Павллъ получилъ почести тріумфа, несмотря на противудѣйствіе воиновъ по случаю незначительной добычи и на противорѣчіе Сер. Сульпиція Гальбы: передъ колесницею веденъ былъ Персей съ тремя сыновьями. Для тріумфатора радость торжества была отравлена смертью двухъ сыновъ, изъ коихъ одинъ умеръ передъ самимъ тріумфомъ, а другой вслѣдъ за нимъ.—Перепись составлена цензорами, и гражданъ сочтено триста двѣнадцать тысячъ восемьсотъ пять.—Прузіасъ, царь Виѳиніи, явился въ Римъ поздравить сенатъ съ побѣдою, одержанною въ Македоніи и Никомеда сына рекомендовалъ сенату.—Царь, льстивый въ высшей степени, называлъ себя отпущенникомъ народа Римскаго, стр. 340.

Книгъ утраченныхъ, сорокъ шестой—сто сороковой содержаніе, стр. 399.

Отрывки изъ утраченныхъ книгъ Тита Ливія, сохранившіеся у разныхъ писателей, стр. 457.

